

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

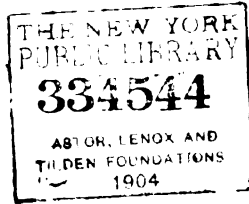
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1864.

Дозволено цензурою, Санктпетербургъ. 25 августа, 1864 года.

С. П. П. П. П.

ВЪ ТИПОГРАФИИ
РЮДИНА И КОМПАНИИ
1864

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮДИНА И КОМПАНИИ.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МРЪ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

«Легкіе и бѣглые очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

У.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такіа слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайнею осмотрительностью. А еще гораздо лучше было бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но, въ сожалѣнію, это почти невозможно. Умъ, чувство, истиннѣе, талантъ, гений, темпераментъ, характеръ и разныя другія выраженія, относящіяся къ вселенческой жизни животныхъ организмовъ, — все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заслоняютъ собою живые факты, и никто не знаетъ навѣрное, что именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произноситъ эти слова, и при этомъ всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, совершенно затоненъ разными непонятными словами, которыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знаковыхъ словахъ заключается очень опредѣленный смыслъ. Вамъ ежеминутно случается слышать, что собака любитъ хозяина по истиннѣе, конна преслѣдуетъ мышь по истиннѣе, ласточка вьсть гнѣздо

по инстинкту, пчела устроиваетъ восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ — когда собака любитъ хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему собака любитъ хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ же не понять. Вы знаете Петра? — Нѣтъ не знаю. — Да это тотъ, что женатъ на Авдотьѣ: — Да я и Авдотью не знаю. — Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ. — А! Ну, теперь знаю и Петра, и Авдотью. Давно бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда рассуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣстнаго Петра объясняемъ неизвѣстною Авдотьею, а потомъ, когда прислушаемся, во время объяснительнаго разговора, къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. На сколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть полезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть рассуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я же, съ своей стороны, перейду къ изображенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ той дѣятельности животныхъ, которую мы такъ превосходно объяснили словомъ: инстинктъ. Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ съ своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышъ, при первой возможности, выживаетъ, т. е. просто выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братцевъ и сестрицъ. Подобная исторія повторяется каждый годъ, и порода кукушекъ постоянно процвѣтаетъ, благодаря своей дегадливости и безцеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ея породѣ мгновенно, то это предположеніе повалитъ всю теорію медленнаго развитія, потому что одинъ скачокъ, какъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность находится въ радикальной и непроницаемой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ существующихъ явленій. Поэтому необходимо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ своему теперешнему положенію. Причины дѣйствительно найдены и путь развитія можетъ быть указать съ при-

близительною вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились бы въ птенцовъ, въ то время, какъ младшія находились бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это было бы очень неудобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлетѣть отъ яицъ, которыя постоянно нуждаются въ ея теплотѣ; такимъ образомъ, всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть на отца, а, кажется, самцы во всемъ мирѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также владѣтъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо, и сама заботится о своемъ потомствѣ, не смотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и, вслѣдствіе этого обстоятельства, кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ беспомощномъ состояніи. Стало быть, подвидываніе яицъ въ чужія гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а, напротивъ, именно по любви къ дѣтямъ, и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устраиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или, — что все равно, — та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкою въ это время года; стало быть, ей предстоитъ альтернатива, или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ, та естественная, или инстинктивная, или какъ вамъ угодно, заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить заведывающую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совер-

шенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будетъ счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высиженныхъ самою матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными птенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ птенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расмодятся сильнѣе ихъ. Въроятно, эти подкидыши, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ получаютъ во наслѣдство отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой эта догадливость будетъ особенно развита, сообразитъ, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего же не распорядиться такимъ же образомъ и со всеми остальными; сообразитъ она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ птенцами разныхъ возрастовъ и съ недосиженными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе, по всей вѣроятности, явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающею, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому, мы можемъ сказать навѣрное, что чрезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ, типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ быть, инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ, и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ пріютомъ молодой кукушки. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое, по видимому, намекаетъ на возможность такихъ воспоминаній. «Аналогія, говоритъ онъ, побуждаетъ насъ заключить, что птенцы, высиженные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями, наслѣдуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ я вижу

возможность намека, но такъ какъ этотъ намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкннхъ воспоминаній. Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ, со стороны какого нибудь животнаго, рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли, и вполнѣ достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно, подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ быть, это сравненіе животнаго съ шарманкою въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ быть даже, это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ, половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ, влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое слово, каждое мышленіе ежеминутно стремятся къ этой неизбежной развязкѣ, а въ то же время, самая развязка, быть можетъ, даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человѣкъ, очевидно, изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда никто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизвѣстному ей импульсу. Можетъ быть, жизнь кукушки представляетъ намъ такія же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти нешарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое — къ другой?— это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный, и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣвственная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возможенъ ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ бы разомъ на всѣ отдѣльные случаи этого вопроса? Можетъ быть, одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ, или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, сбиваетъ себѣ гнѣздо

тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка, или нѣтъ? Что побуждаетъ ее къ этому дѣйствию? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо; то есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, усѣсться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и сметливость. Или же, она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленною цѣлью, т. е., поступаетъ такъ же сознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготовляющая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя, безъ всякой опредѣленной цѣли, трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Если бы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американскою, также свивала бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для ея будущихъ дѣтей. Это значитъ, что шарманка, смотря по обстоятельствамъ, играетъ то «*la donna e mobile*,» то «*Marlborough s'en va-t-en guette*;» и сама оцѣниваетъ обстоятельства, и выбираетъ именно ту пьесу, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатизирующая шарманка въ значительной степени похожа, на примѣръ, на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ поправиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такою благовоспитанною шарманкою, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать съ плеча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или, что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово инстинктъ очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣло не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ. — Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по

поводу кукушкиныхъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнить ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? — Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна ли вообще кукушка, или какая нибудь другая, близкая къ ней, птица накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна,» то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность причяго прогресса, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся въ теченіи тысячелѣтій, посредствомъ естественнаго выбора, — но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся въ теченіи дней и мѣсяцевъ, посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, — словомъ тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ, и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ и въ жизни. Если же мы отвѣтимъ: «неспособна,» то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ, напримѣръ, слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику, безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла въ теченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ, и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда же вы, пользуясь этою первобытною невинностью птицъ, пострѣляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ придется подкрадываться, и употреблять различныя хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица напугана, и вы, вѣроятно, не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго; а между тѣмъ, что значить «напугана»? Значить, составила себѣ понятіе объ опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значить — присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я, послѣ этого, рѣшительно не знаю, что такое прогрессъ. Но, если кукушка можетъ приобрѣтать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если же такая передача опы-

та изъ поколѣнія въ поколѣнїе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія. Тоже самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другаго животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отправленіяхъ животныхъ будутъ въ высшей степени сбивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ обычаевъ кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ, мнѣ представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, кладетъ ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она кладетъ свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь если бы кукушка подкинула ихъ, напримѣръ, къ курицѣ, то врядъ ли это было бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка, при всемъ своемъ добродушіи, никакъ не могла бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или, наконецъ, кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя по мельче и по слабѣе, и которыхъ, слѣдовательно, подкинутый птенецъ можетъ со временемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и если бы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась бы для насъ въ значительной степени. Я не рѣчаюсь за то, что эти вопросы вполне удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они, по видимому, предполагаютъ въ кукушиѣ очень обширное развитіе мыслительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, вліяніе старшихъ птицъ, а главное—постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самыя полезныя инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самыя изумительныя результаты. Грей и нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсѣмъ утратила свою материнскую нѣж-

ность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой специальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія — если только мы не примемъ самого подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви — этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, и въ настоящее время ограничиваются только книгою Дарвина, да учебникомъ г. Григорьева, то и я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки. Можетъ быть, и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навелъ меня поступки этой птицы, давнымъ давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно, не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была бы смѣшна и глупа до послѣдней степени; а для того, чтобы показать подобнымъ мнѣ профанамъ, какавъ бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы, по своей крайней неразвитости, считаемъ совершенно простыми и незаслуживающими нашего просвѣщеннаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (*Rhea americana*), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію, и общими силами устрояютъ на земаѣ нѣсколько гнѣздъ; за тѣмъ, каждая изъ участвующихъ самокъ владеть въ первое гнѣздо по нѣсколькѣ яицъ, и, когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживание поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня, такимъ же образомъ наполняется второе гнѣздо, за тѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носни. По видимому, этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роютъ свои яйца, гдѣ

случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ штукъ двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истребленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпать своими яйцами равнины южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка, и слѣдовательно, никому не передастъ по наслѣдству свои беспорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ этомъ новомъ поколѣніи повторится та же самая исторія. Такимъ образомъ, число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать, до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса, подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья. Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яички въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужеродныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ цвѣточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса *Tachytes nigra* особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только что развивается, и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь, и устрояютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отправляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побѣждаетъ большею частію посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу, и, пользуясь первою минутою ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитою желѣзкою. Ядъ

осы дѣйствуетъ на раненное насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить, или вообще дѣлать какое бы то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побѣжденное насѣкомое въ свое гнѣздо, и продолжаетъ совершать такіе же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яички, и за тѣмъ перестаетъ заботиться о ихъ дальнѣйшей участи. Изъ яичекъ выходятъ личинки—маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за встребленіе съѣстныхъ припасовъ; съѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженные насѣкомыя живы, и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они, вѣроятно, чувствуютъ, какъ личинка вѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ, для продовольствія ея потомства, личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побѣждаетъ послѣ упорной и опасной борьбы. Оса *Tachytes nigra* обыкновенно поступаетъ точно также, но, если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яички; и ея личинки побѣждаютъ то, что было назначено для потомства законной хозяйки. *Tachytes nigra* находится, стало быть, въ переходномъ состояніи, и балансируетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ ось чужеродные инстинкты окончательно установились, и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Одни, напримѣръ, хризиды или золотыя осы тайкомъ кладутъ свои яички въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ, ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ, и кладутъ яички прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ ѣдятъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непрошенные гости не заберутся слишкомъ глубоко, и не положить конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ, третья, напримѣръ *Hemiteles* и *Chrysolampus*, очень маленькіи насѣкомыя, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеродную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живаго насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы *Bracon* наѣдается жиромъ гу-

сеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкою *Hemiteles*; точно также личинка *Aphidius* ѣсть живую тлю, и сама съѣдается за живо личинкою *Chrysolampus*. При этомъ надо замѣтить, что *Hemiteles* и *Chrysolampus* никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насекомыя очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъ-этажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ—гусеница или тля; второй—личинка *Bracon* или *Aphidius*; и третій—личинка *Hemiteles* или *Chrysolampus*. Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ читателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія. Если бы Карамзину случилось иногда совершать въ природѣ трехъ-этажныя зданія вышеописанной конструкции, то, по всей вѣроятности, волненіе его было бы менѣе сладостно, и, можетъ быть, ему удалось бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ, и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ, человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природою такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные обнять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюдений, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той идиллической нелѣпости, которая не нашла бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезною природою» Карамзина. «Предъидущія замѣчанія, говоритъ онъ, даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ последнее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человѣка, или просто для разнообразія.» (Русскій переводъ стр. 161). Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. *Bracon* вноситъ драматическое «разнообразіе» въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а *Hemiteles* «прельщаетъ глазъ человека» поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философскимъ соображеніямъ. Хризиды и другія осы,

воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подирадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки, и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо остро, твердо помнитъ наружность и обычай чужелдннхъ породъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, расправляется съ ними очень вѣруто. Вслѣдствіе этого происходитъ часто самыя драматическія столкнове- нія между двумя чуждолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна тру- дится для своихъ дѣтей, а другая также для своихъ дѣтей рѣшает- ся на воровство, сопряженное съ опасностью жизни. «Золотая оса *Hedychrum regium*, говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ «Зоологи- ческихъ письмахъ», кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (*Osmia tugaria*). Эти гнѣзда устроиваются на ста- рыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница на- полняетъ ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, соб- ранная пчелою для ея собственной личинки, съѣдается заблаговре- менно чужелдными личинками золотой осы, если только послѣдней удастся подкинуть свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса вымот- рѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстие ячейки, чтобы положить въ нее свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела прыгнѣла домой съ грузомъ цвѣточной пыли, броси- лась на своего врага съ особеннымъ жужжаніемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей пе- реды, въ ту же минуту свернулась въ клубокъ. Пчела напрасно да- талась нанести ей рану своимъ твердымъ панциремъ, и когда ее уса- дила въ этомъ отношеніи остались безплодными, тогда она, наконецъ, отпустила у нея всѣ четыре дрёма у самого горла и потокомъ бро- сила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ безпокойствомъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала, безъ сомнѣнія, что, отку- сивъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но расчетъ этотъ былъ на вѣрнѣе. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лежа- щая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ помозгла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко» (*Zoologische Briefe*. I-er Band. S. 554 и 555). Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость да-

рагтера, умѣніе свертываться въ клубокъ и чужедный инстинктъ— все это идетъ одно къ одному, и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущею необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ, и упрочены непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужедной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какииъ нибудь другимъ насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность обираемыхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуетъ стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужедныхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ съ тѣми сложными проявленіями умственной дѣятельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчелъ и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріею естественнаго выбора такъ же удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ, и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшение или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшение проявлялось и упрочивалось. Вся разница между исторіею глаза и исторіею какаго нибудь другаго, болѣе простаго органа, заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что, слѣдовательно, на его формировавіе по-

тратилось больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній. То же самое можно сказать и объ инстинктахъ; чѣмъ проще инстинктъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинктъ, тѣмъ дольше ему надо было выработываться. Но, какъ бы ни былъ усложненъ какойнибудь инстинктъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ скачковъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни значить вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значить отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорятъ, что первый муравей произошелъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимаютъ навсегда всякую надежду узнать что бы то ни было о томъ, какимъ образомъ муравей возникалъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческій умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но, если бы мы стали требовать отъ этой теоріи, чтобы она теперь, тотчасъ же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она, кромѣ того, подтвердила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, осязательными фактами, то такія требованія обнаружили бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когданибудь жареные рябчики сами собою свалятся въ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, принуждена ограничиваться совершенно общими и чисто гипотетическими объясненіями, не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а, напротивъ, потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому, что для прошедшихъ временъ не существуетъ совсѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такія-то и такія-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда бываетъ возможно; а оты-

тельству математиковъ, говорить Дарвинъ, пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой, съ крайнимъ сбереженіемъ драгоценнаго воска, онѣ могутъ вмѣстить наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпою пчелъ, трудящихся въ темнотѣ. (Русскій переводъ, Стр. 181). Теорія естественнаго всякой попытки объяснить и понять вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришла отрѣзать въ чашеобразномъ совершенствѣ? Противники всякихъ рациональныхъ оцінокъ немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ всушьственъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелою, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ челязя и рассуждать съ ними бесполезно. Но мы посмотримъ теперь, какія условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что, по самой сущности дѣла, теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ различнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства», то подобное требованіе трудно будетъ назвать вполне законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ можно будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антикварію представить намъ въ подлинникъ супъ или соусъ, приготовленный поваромъ Лукулла или, пожалуй, Сарданапала. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но, по всей вѣроятности, неисполнимо. Люди во время оно шли себѣ платье изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ изъ звѣриныхъ шкуръ, и пользовались жилами животныхъ вмѣсто нитокъ, а рыбьими костями вмѣсто иглокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ та-

кого сорта, не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Если бы даже и народился такой художникъ, то прожилъ бы онъ, по всей вѣроятности, недолго, потому что сильная конкуренція бѣлые лужавыхъ товарищей подорвала бы его торговлю и уморила бы его голодною смертию. Породы недоучившихся или отсталыхъ пчелъ постоянно должны были испытывать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли бы въ наше время ископаемаго портнаго. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несомнѣнно удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изящная и правильная архитектура ячеекъ приноситъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну, вотъ, слава Богу! договорились мы, наконецъ, до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теории обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ ли пчела стала бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *премещать глазъ человека* красивою формою шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слова *рано или поздно* потому, что мы, при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній, даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта. Что инстинктъ долженъ быть полезенъ—это ясно; но чѣмъ именно полезенъ—это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ, въ вопросѣ о стремительномъ инстинктѣ пчелъ намъ нѣтъ надобности отгадывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Извѣстно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодого поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Извѣстно также, что пчелы выделяютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выработать одинъ фунтъ воска улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухаго сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣсто сухаго сахара, ѣдятъ обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключенный въ цвѣтахъ, то имъ, для выделенія одного фунта воска, надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ цвѣточнаго сиропа или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выделеніемъ этого вещества, выходя того, чтобы вылетать изъ улья за добычею, должны, въ теченіи

многихъ дней, сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало быть, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно, стало быть, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подѣ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говорить Дарвинъ, то есть имъ необходимо было отыскать для своихъ ячеекъ такую форму, при которой наименьшее количество воска вмѣщало бы въ себя наибольшее количество меда. Вѣроятно, пчелы, въ теченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ, польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и, слѣдовательно, отысканъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подѣ влияніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству. Кромѣ того, теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такія пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы, по настоящему, даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣе совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старые коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ кокопамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое *Melipona domestica*, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою. «Она строитъ, говоритъ Дарвинъ, почти правильныя восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и, кромѣ того, нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣднія ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и случены въ неправильную массу.» (Стр. 182.) Между шмелемъ и мелпичною, съ одной стороны, и

между мелипоною и пчелою, съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипона ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Не смотря на то, читатель, конечно, согласится, что простые инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелипоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполне развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтентоты или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ, образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но если бы какія нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва ли бы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари — для антрополога, однако, они ничѣмъ не защищены противъ уничтоженія, и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ, очевидно, нисколько не могло бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

МУРАВЬИ.

I.

Все рабочее населеніе ульевъ и муравейниковъ состоитъ изъ бесплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодовитыя самки совсѣмъ не работаютъ, а без-

плодныя самки, напротивъ того, трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодovitыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и спеціальной ловкостью. Спрашивается, какимъ же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ?—Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства, и, слѣдовательно, никому не можетъ передавать по наслѣдству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостью, имѣетъ, конечно, преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все таки умретъ безъ потомства, хотя бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя бы онъ былъ гениемъ первой величины. На породу муравьевъ это долготѣіе и эта гениальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравьи слѣдующаго поколѣнія родятся не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повидимому, тутъ представляется для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разбобщены между собою, то есть, не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ, только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравьи. Если же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что, здѣсь, повидимому, живой фактъ возмущается противъ теоріи, и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельность. Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты бесполыхъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраже-

нѣмъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако, онъ не отчаялся въ успѣхѣ, и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей; это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство; стало быть, у рабочаго муравья будутъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ бесплодны, подобно нашему рабочему, а другіе будутъ плодовиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодовитые и бесплодные, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей,—то произойдетъ очень простая исторія. Бесплодные самки умрутъ безъ потомства, плодовитыя — народятъ ручу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та же простая исторія: бесплодные умрутъ, плодовитыя обзаведутся семействами. То же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока бесплодные самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ бесплодные самки будутъ ставиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ, на примѣръ, что самка *A* родитъ постоянно бесплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* бесплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наследственной. Другая самка *B* родитъ и бесплодныхъ и плодовитыхъ, а третья *C* исключительно плодовитыхъ. Ясно, что у *C* окажется болѣе многочисленное потомство, чѣмъ у *B*. Число дѣтей будетъ, пожалуй, одинаково у обѣихъ, но число ввучать будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу *C*, если только обѣ самки, и *B*, и *C*, передадутъ свои личныя особенности всему своему плодовитому потомству. Но, при одинаковыхъ условіяхъ, быстро размножающаяся порода должна непремѣнно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ, самки, подобныя своей прародительницѣ *B*, то есть имѣющія способность рождать иногда бесплодныхъ, уничтожатся, и, вслѣдствіе этого, бесплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими нибудь искусственными средствами. Все

это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодовые и бесплодные братья и сестры будутъ расходиться въ разныя стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первые очерки мифическимъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставаться на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями, и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокаго колотали или убивали; если приходилось заготавливать запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше пищи, сохраняли ее лучше, и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было нянчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать вездѣ, гдѣ составляется общество, и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество, и кто трудится — люди или муравьи — это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи бесплодныхъ самокъ произошла существенная перемѣна *).

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ бесплодіе часто соединяется съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны, говоритъ Дарвинъ, въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужескаго пола: волю извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе дивныя, чѣмъ коровы и быки тѣхъ же породъ». (Стр. 191).

*) Легко можетъ быть, что бесплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья, и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впоследствии, а теперь я предлагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельеознѣ выставить противоположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной исторіи.

Извѣстно также, что осклопеніе человѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица, и во всемъ складѣ характера. Если же бесплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліаніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумѣется, надо ожидать, что развитіе между бесплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиною. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженной дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному занятію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У бесплодныхъ муравьевъ половые органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало быть, есть основаніе думать, что мозгъ бесплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что, вслѣдствіе этого, бесплодное насекомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство бесплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія cadaго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ, или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и бесплодными субъектами. Эти муравейники, конечно, ведутъ между собою такую же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія обществъ вели между собою отдѣльные муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то есть, выражающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованію,—во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ гибели такъ же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины гибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насекомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣнны добывать себѣ пищу. Третій размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такіе своды и крыши, которые могли бы устоять противъ дѣйствія водныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохаго воспитанія личинокъ, или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный советъ Джона Стюарта Милля. Въ то же время, рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами, существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающія другихъ. Спрашивается, на чемъ же основано различіе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большею массою сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянія муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинками,—и, наконецъ, чтобы они, во всякое время, могли встрѣтить и отразить нападеніе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много бесплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается, и, вслѣдствіе этого, общество, рано или поздно, погибаетъ естественною или насильственною смертію. Если въ муравейникѣ совсѣмъ нѣтъ бесплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствіе этого, сосѣдніе муравейники приобрѣтаютъ перевѣсъ, и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ, естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперни-

ковъ поддерживаютъ у себя должное равновѣсіе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то есть, между количествомъ бесплодныхъ и количествомъ плодовыхъ жителей. Но отъ чего же зависитъ поддержаніе этого должнаго равновѣсія?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложеніи плодовыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ бесплодныхъ дѣтей, то, конечно, причина этого явленія заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, подобно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то есть, у одной самки развито сильнѣе, у другой—слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другіе не выгодны. Какое это свойство, и какія въ немъ могутъ быть колебанія,—этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ, напримѣръ, почему у одной четы супруговъ рождаются постоянно мальчики, у другой—дѣвочки, а у третьей—и дѣвочки, и мальчики. Однако, не остроумно было бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было бы произносить по этому поводу бессмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ, и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей, или въ обстоятельствахъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ черезъ это уничтожаетъ вредныя, и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодовыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и, вслѣдствіе этого, плодовые самки будутъ постоянно рождавать плодовыхъ и бесплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ же образомъ, естественный выборъ постоянно благоприятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самые умные, самые дѣятельные и самые ловкіе работники. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенною долговѣчною, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самцовъ и самокъ, которыя сообщаютъ бесплодному потомству умъ, дѣятельность, и ловкость.

И такъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которыя составляютъ причину этихъ свойствъ, то есть, на

родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодовитое население муравейника или улья. Такимъ образомъ, развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбежными. «Моя вѣра, говоритъ Дарвинъ, въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было бы поепенно образовать породу, въ которой воли имѣли бы постоянно необыкновенно длинныя рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, не смотря на то, что ни одинъ волъ не могъ бы передать своихъ признаковъ породѣ». Такъ, полагаю я, было я съ общественными насѣкомыми; легкое видовизмѣненіе въ строеніи, въ инстинктѣ, сопряженное съ бесплодіемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ общины, было для нея выгодно; слѣдственно, плодовитыя самцы и самки той же общины благоденствовали и передавали своему плодовитому потомству расположеніе къ произведенію бесплодныхъ членовъ, видовизмѣненныхъ особымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодовитыми и бесплодными самками одного вида то разительное развитіе, которое представляютъ многія *общественныя* насѣкомыя. Я подчеркнул слово *общественныя*, потому что въ немъ заключается весь смыслъ этого явленія, и единственный ключъ къ его пониманію. Если бы нормальное бесплодіе, и связанное съ этимъ бесплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одинокую жизнь, то подобное явленіе оказалось бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и, слѣдовательно, теорія естественнаго выбора остается неприкосновенною и непобѣдимую.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора. «Во многихъ видахъ муравья, говоритъ Дарвинъ, безиолныя

особы разнятся, не только отъ плодовиныхъ самокъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты, сверхъ того, обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, но такъ же рѣзко разграничены, какъ любые виды одного рода, или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ у *Eciton* есть бесполое рабоче и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; *Cryptoerus* рабоче лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго *Myrmecocystus* рабоче одной касты, никогда не оставляютъ гнѣздо; ихъ кормятъ рабоче другой касты, и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выдѣляющее родъ меду, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержиимаго *) нашими европейскими муравьями.» (Стр. 192). Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго выбора, и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательною гибкостью и измѣнчивостью. Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто.— Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида *Eciton*. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У *Eciton* еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста бесплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовиныхъ сестеръ. Въ это время, въ муравейникѣ *A*, обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣсколькихъ бесплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного поврѣще, а характеръ немного позадорнѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникамъ *B*, и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ *B* окончателно разоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи, и поѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ, и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишеній, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ бывшее время вели ихъ предки. Та же жестокая участь постигаетъ общества *C*, *D*, и *E*. Муравейникъ *A* торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ око-

*) Ухитрился же г. переводчикъ навизать три причастія и три придаточныя предложенія одно на другое: 1) „выдѣляющее“... 2) „замѣняющаго“... и 3) „ содержиимаго“!.....

люди, и постоянно обжирается трупами и вуолками побѣжденных враговъ. Но, въ одинъ прекрасный день, онъ сталкивается съ муравейникомъ *F*, и, въ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергическій отпоръ, какого ему до той минуты не случалось испытывать нигдѣ; оказывается, что самки муравейника *F* также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которые уже успѣли показать свою удалъ муравейникамъ *G*, *H* и *K*. Такимъ образомъ, муравейники *A* и *F* остаются нераззоренными, и, въ случаѣ войны, отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжится только до тѣхъ поръ, пока въ одно изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубатости *). Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшить вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить, и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно, до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушить стеченіе какихъ нибудь неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Муравейники *A* и *F* разрастаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для увеличивавшагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества *B*, *C*, *D*, *E*, *G*, *H* и *K*, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ *A* и *F*. Эти потомки всѣ зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ нибудь муравейникѣ *Z* обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда *Z* истребляетъ всѣ колоніи *A* и *F*, вмѣстѣ съ обѣими метрополіями, и, разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени, та же самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника *Z*. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и, такимъ образомъ, общій уровень муравьиного могущества постоянно возвышается, потому что все, что стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои, или вѣрнѣе, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, но у героинь

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель, конечно, понимаетъ, что выраженія: „зубастый“ и „зубастость“ употребляются, для большей краткости, вмѣсто словъ: „одаренный сильными челюстями“, и „сильное развитіе челюстей“.

есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ, и пользуясь плодами ихъ побѣдъ, благодарствуютъ, и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастою воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, если въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣние, и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ *M* есть бесплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соотвѣтствующимъ тѣлосложеніемъ; въ муравейникѣ *N*, напротивъ того, *все* бесплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ *O* есть и воины, и работники. Ясно, что послѣдній муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; *N*, по всей вѣроятности, будетъ завоеванъ и разоренъ, а *M* ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что не кому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько бесплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостояніе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ, продолжая дѣйствовать по прежнему, тѣмъ же самымъ способомъ устроитъ такъ, что изъ числа бесплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложеніемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но, если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долголѣтнѣе другикъ будутъ омаживаться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и воины сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленія также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту, и при данныхъ условіяхъ мѣстности. Такимъ путемъ преизошли—нитъ на головѣ у *Cryptoerus*, в медоточивое брюхо у *Myrmeocorystus*.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организациі рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ ли они волюнті отъ тѣлосложенія родителей, или же тутъ дѣйствуютъ какія нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ, сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ, и наконецъ для плодовыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ нисколько не отличаются отъ личинокъ плодовыхъ самокъ. — Существуетъ ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ бесплоднымъ или плодовитымъ насѣкомымъ, этого мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ — все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или матокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того, извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочейю. «Если на бѣду, говоритъ Карлъ Фохтъ, старая матка останется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодыя матки начнутъ выходить изъ укулоковъ, то она ихъ умертвить безъ милосердія, и рабочія не будутъ сопротивляться этому поступку. Но, такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна властвовать.

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицею; но пчеловоды всегда всегда называютъ *Königin* царицею.

яйца, то общество разсѣвается послѣ ея смерти; или же рабочіе формируютъ себѣ новую царпцу, то есть, переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку, и кормятъ ее царскою пищею; при такихъ условіяхъ ея половыя части развиваются, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи». (Zoologische Briefe. I-er B. S. 684). Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но за то, случается довольно часто, что плодовая самка муравья работаетъ сама надъ построеніемъ ячеекъ, и это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовыхъ и бесплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ. «Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ, говоритъ Фохтъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда, и совокупляются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устраиваютъ въ землѣ галерею, и присоединяютъ къ ней комнатки, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму, и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ, какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается, съ этого времени, исключительно кладкою яицъ, и соблюдаетъ при этомъ ту же очередь; то есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія, и наконецъ женскія». (Zool. Br. I-er B. S. 686. 687). Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ взрослога насѣкомаго. Но рѣшить, что именно вложено самкою въ яйцо, и что дано впоследствии воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естественныхъ опытныхъ. Дарвинъ по видимому, расположенъ

думать, что вліяніе матери очень значительно, то есть, что почти всё свойства и особенности будущаго насѣкомаго заключены въ яичкѣ, и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи бесплодныхъ насѣкомыхъ, постоянно напираетъ на половую систему ихъ родителей, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Не противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я, въ этомъ случаѣ, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ. — Половые части личинки, по словамъ Карла Фохта, «находятся въ совершенно зачаточномъ положеніи, и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготовляющихъ семя, или яички, но эти органы чрезвычайно малы, и съ трудомъ могутъ быть отисланы» (Zool. Вг. 1-er B. S. 551). «Во время нукольнаго періода, говоритъ онъ далѣе, формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что большая часть насѣкомыхъ способны къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона» (S. 552). «Червоядные личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д., говоритъ Дарвинъ, гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя насѣкомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» (Стр. 347.) «Въ силу такихъ особыхъ приспособленій, говоритъ онъ далѣе, сходство между личинками или дѣтельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затеняется.» (Стр. 348). Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ *личинки дѣтельными зародышемъ* насѣкомаго, то есть, *зародышемъ*, ведущимъ свою самостоятельную жизнь, и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ, такъ: «опыты Жюзефа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условій на *зародыши* производятъ уродливости, и между уродливостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. *У личинки половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи*—стало быть, разовьются ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми—это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка кладетъ яичко. *Половыя части насѣкомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки*, въ то

время, когда личинка находится уже въ состояніи куколки; стало быть, для того, чтобы эти части выработались, необходимо известное количество жидкаго вещества, а это жидкое вещество, разумеется, добывается личинкою изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прожорлива именно потому, что ей надо накопить материалы для будущихъ видоизмѣненій. Но, если личинку будутъ кормить супло, то она, конечно, ничего не накопитъ, и половымъ частямъ не изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одинокую жизнь, личинка всегда ѣсть столько, сколько сама пожелаетъ, а у общественныхъ животныхъ личинку держатъ въ заперти, и ее кормятъ взрослыми насекомыми, руководствуясь при этомъ своими особенными соображеніями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему безплодіе проявляется постоянно только у общественныхъ насекомыхъ. Если личинка есть длительнаго зародыша, и если алліе естественныхъ условий производятъ въ зародышѣ уподливаніи или уклоненія, то, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвести въ тѣлосложеніи будущаго насекомого самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какиимъ образомъ пчелы формируютъ себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы, вѣроятно, не найдете слишкомъ смѣльнымъ мое предположеніе, что безплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто искусственное, выработанное складомъ ихъ общественной жизни, и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старшія насекомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Послѣдователи Мальтуса желаютъ, чтобы въ человѣческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени безплодны, и это обстоятельство доказываетъ, что общественная жизнь, дойдя до известной степени развитія, обыкновенно сталкивается съ роковымъ вопросомъ: куда дѣвать избытокъ населенія?—Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что нашии возможности постоянно убивать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы. Муравьятъ и пчеламъ это извѣстно, потому что у нихъ нѣтъ ни паровыхъ машинъ, ни химическаго анализа, ни рациональной агрономіи, а главное, нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Ньютонъ, Лавуазье или Дарвинъ. Люди могли бы рѣшить вопросъ иначе, но мало ли что они могли бы сдѣлать. *Si vieillasse savant, si jeunesse revivait.*

У

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не стѣсняются моимъ предположеніемъ насчетъ искусственнаго происхожденія безплодія. Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителями и воспитателями; стало быть, отъ кого бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодаго поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря по тому, вредно или полезно это тѣлосложеніе для даннаго общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.—Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльных животныхъ, или же, напротивъ того, нѣкоторые животные своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя переживаетъ ихъ порода?—Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ, отъ него возникаетъ въ насъ ужъ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь высшихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется, и никакъ не хочетъ вѣрить, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производится исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодovitыхъ самокъ, то видоизмѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самихъ муравьевъ. Если же, напротивъ того, безплодіе и касты, составляють, въ большой или въ меньшей степени, результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ, или другими словами, *муравьи сами дѣлають свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ композиціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ повернуть развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодovitую самку или воина, простаго рабо-

чаго или дойную корову (*Mugmecosystus*), то, разумѣется, все будущее благосостояніе муравейника во всякую данную минуту зависить цѣликомъ отъ его взрослого населенія. Въ такомъ случаѣ, умъ и опытность рабочаго муравья не умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Все, что онъ получалъ отъ природы, все, что онъ приобрѣлъ воспитаніемъ, все, что ему передали старшіе муравьи, все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни, все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью, и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вмѣстѣ присоединяется къ общему капиталу, и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общества и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я заангажировался, и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочетъ напомнить мнѣ, что я все-таки говорю о муравьяхъ, а не о людяхъ, но я самъ твердо помню это обстоятельство, и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго, (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы, вѣроятно, думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности, и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами—своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей, конечно,—животное маленькое и невзрачное. Немовно какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и отправленія. А между тѣмъ, вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство, и прочтите слѣдующій простой рассказъ Карла Фохта, человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться. «Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ Фохтъ, сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи объѣдали у него вишни съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на вершокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, взбравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ, и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они вальтали опять на верхъ, и съ вѣтокъ свалились на землю.

Дерево скоро освободилось отъ своихъ посѣтителей. Но, черезъ нѣсколько времени муравьи полезли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли, и съ величайшею осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другаго, такъ что мало по малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшею старательностью. Потомъ, когда составила полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полною безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» (Zool. Br. I-er. V. S. 555). Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предложить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневые деревья, имѣютъ наслѣдственную привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшились объяснять все наслѣдственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ неприятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтять, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, каждому муравью приходится таскать съ собою миллиарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струсимъ: ну, и пускай таскаютъ миллиарды инстинктовъ! Инстинктъ есть вѣчто певѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительною. Если же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствія подобными соображеніями, то онъ непремѣнно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходятъ въ массу, и потомъ приводятся въ исполненіе соединенными усиліями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно же предположить, чтобы всѣмъ му-

равьямъ, наткнувшись на табачную трясину, въ одну минуту пришла въ голову одна и таже мысль, и, чтобы всё они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали бы за комками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенія: или какой нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку, въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненіе; или же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни, и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знаніемъ или новою идеею, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было бы очень несправедливо называть невольнымъ и бессознательнымъ. Но, если мы только допустимъ, что муравей можетъ что нибудь придумать, и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ недѣльныхъ предвзятыхъ идей о машинальности тѣхъ сложныхъ и вполне цѣлесообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненія породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденія, посмотримъ на нѣкоторые явленія общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленій, и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитіе составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленіи то, что въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго *Myrmecocystus* живутъ въ особенныхъ ячейкахъ толстобрюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Специально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организациі обыкновеннаго

Myrmecosystus. Какъ и по старой привычкѣ проявился первый зародокъ того видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще привычки и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора, и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но, мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуютъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліяніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ «*дьявольскій зародокъ*», одарена чрезвычайною гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіеся воспитаніемъ молодаго помета, какъ вакантѣйшики дѣломъ всей своей жизни, навѣрное до нумеральнаго совершенства свое умѣнье пользоваться этою гибкостью. Они, навѣрное, умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности, или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуетъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями, которыми непременно должны были накопиться у нихъ въ теченіе тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такою на-пряженною внимательностью, какою не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ *Myrmecosystus* проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе нусили въ ходъ всѣ свои знанія, и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту полезную особенность. Естественный выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписывать ему одному весь получившійся результатъ было бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что, въ этомъ случаѣ, естественный выборъ не могъ отличиться особенною строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ толстобрюхихъ рабочихъ, выделяющихъ сладкій сокъ, и однако же эти муравьи живутъ очень благополучно, и пользуются сокомъ тлей или травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными коровами муравьевъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силою человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать

тоже самое сужденіе, когда увидимъ, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этотъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Карла Фохта и Дарвина. «У настоящихъ тлей, говоритъ Карль Фохтъ, находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями, и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо глядятъ и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями.» (Zool. Vr. 1-er B. S. 568. 569). На страницѣ 685 той же книги, отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ, говоритъ Фохтъ, рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всё ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья, и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Большая часть муравьиныхъ породъ строятъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растений, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.» А вотъ личное наблюденіе другаго натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я удалилъ, говоритъ Дарвинъ, всѣхъ муравьевъ отъ группы изъ дюжины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускалъ къ нимъ муравьевъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлять свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. За тѣмъ я принялся трогать и щекотать ихъ волоскомъ, по возможности тѣмъ же способомъ, какъ щекочутъ ихъ муравьи

своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которою онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ попалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко, и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали такъ же, доказывая тѣмъ, что это — дѣйствіе инстинтивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ, вѣроятно, полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля, вѣроятно, выдѣляетъ сокъ инстинктивно, не для одного блага муравьевъ». (Стр. 171). Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что, именно вслѣдствіе этого, самыя молодыя тли, по наследственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ, напримѣръ, щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ. Если мы сравнимъ обычайныя породы *Myrmecocystus* съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покорившихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насекомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извлекли изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силою собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо рациональнѣе, чѣмъ какіе нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скотъ — у первыхъ лошади, у вторыхъ — сѣверные олени, зимуютъ подъ открытымъ небомъ и кормятся чѣмъ богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось такъ же послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальные отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное, опыты и соображенія отдѣльныхъ личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ, и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому нибудь изъ муравьевъ надо же было *открыть* тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потомъ это *открытие* должно было распространиться и обобщиться.

Прогрессъ совершился вполнѣ сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тлѣ и о ея селѣ. Отчего бы не сказать въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мужика вложено самую природою понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ? —

УИ.

У *Eciton* и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осужденныя на безплодіе природою или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: одни становятся воинственными амазонками, а другія заботливыми и трудолюбивыми козлышками. Если бы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то есть, если бы появилось слишкомъ много работниковъ, или слишкомъ много воиновъ, то благосостояніе общества пострадало бы отъ такой переклѣпки, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала бы угрожать опасность со стороны вѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ домашнія работы и воспитаніе дѣтей пришли бы въ упадокъ. Если бы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло бы эмоционально погубить общество или породу. Вѣроятно, очень многіе муравейники или даже цѣлые виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Но натуралистамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено, и которыя, не смотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежатъ чисто-искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ степеняхъ развитія. У кроваваго муравья (*Formica sanguinea*), порабащающаго черныхъ, господа работаютъ вѣстѣ съ рабами; напротивъ того у рыжеватаго (*Formica rufescens*) захватывающаго бурыхъ, господа ровно ничего не дѣлаютъ, и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями

Истра Губара, Слита, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Бесплодные самки рыжеватого муравья умѣютъ только вести войну, разворять чужіе муравейники и захватывать рабовъ. «Бесплодные субьекты кроваваго и рыжеватого муравья, говоритъ Карль Фохтъ, встрѣчающихся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящія военные походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и похищаютъ оттуда куколки рабочихъ. Большею частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на сосѣдній муравейникъ, и когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между тѣмъ, какъ отдѣльные отряды обходятъ крылья неприятеля, и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненые и неспособные къ борьбѣ, подъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенные куколки развиваются впоследствии въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и войны (такъ называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» (Zool. Vr. I-er B. S. 686). Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабовладѣльческихъ учрежденій тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и за тѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлаетъ это Дарвинъ — этого я не знаю. Можетъ быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, неимѣющія прямого отношенія къ его теоріи; а можетъ быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое, слѣдовательно, не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ бы то ни было, я считаю не

лишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ, и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенные куколки развились, и ново-рожденные муравьи начали работать; — прекрасно, но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ, какъ тѣ же хозяева имѣли обыкновение убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды соотечественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своею работою могутъ принести больше пользы, чѣмъ своею смертію. Потомъ еще кому нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнниковъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми, до того времени, по необходимости и съ крайнею неохотою занимались сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали всѣ свои помышленія войнѣ и грабежу, и наконецъ, избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ. Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодною или удобствомъ; и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдаль, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватого муравья съ исторіею многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ — сначала война, потомъ рабство, и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство социальныхъ законовъ, которые, подобно всѣмъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безпристрастно, и не допускаютъ никакихъ исключеній. Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурными рабами доказываютъ намъ, кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки, не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это обстоятельство:

рабы всё бесплодны, и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть, ни отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей, куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ специальныхъ инстинктовъ, которые потребуются отъ нея въ рабовладѣльческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насекомое, и принимается за работу; это, конечно, наследственный инстинктъ, усиленный воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ — развѣ это наследственный инстинктъ, и развѣ онъ могъ быть привитъ къ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормятъ только личинокъ. При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой, бурные рабы рыжеватого муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселье. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ и, слѣдовательно, тутъ также не можетъ быть рѣчи о наследственности. Какимъ же образомъ эти особенные обычай сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурныхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладѣльцы сами принялись за воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ, и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своими собственными требованіями. Потомъ взрослые и вышколенные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старые рабы были связаны, какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу, вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другаго муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... — Все, отвѣчалъ спокойно Базаровъ. Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладѣльческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ, тотчасъ послѣ ихъ появленія, вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человекъ. Впослѣдствіи, это нове-

введеніе также не могло появиться вдругъ, потому что всякій недѣльный обычай вводится только нечувствительно, такъ, что къ нему присматриваются и привыкаютъ постепенно. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незаметно измѣняло что нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще меньше была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, помѣняли эти привычки, и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны. Мудреное, очень мудреное животное этотъ муравей! Личный умъ, индивидуальная изобрѣтательность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, смѣна поколѣній, ведущая за собой смѣну обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и уклонами, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными усиліями ума въ прогрессъ собственной породы — все это мы находимъ у муравья, и все это вмѣстѣ несомнѣнно обезпечиваетъ за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на которыя наводитъ насъ весь этотъ дивный, и, между тѣмъ, чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьянаго жителя-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель, быть можетъ, убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно существуетъ въ мірѣ животныхъ и растений.

P. S. Въ послѣдней статьѣ я представляю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбриологическихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

Д. Шкаренъ.

ВНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XV

Пэрамоунтъ Крементъ.

Лэди Мэклеодъ занимала въ Пэрамоунтъ Крементъ, въ Челтенгамъ небольшую квартиру, состоящую изъ хорошенькой гостиной, изъ спальни, выходящей окнами на конюшенный дворъ, и изъ третьей комнаты, которая, будь сэръ Арчибальдъ живъ, называлась бы уборной, а теперь служила столовой. Близость конюшеннаго двора не придавала особенной прелести помещению; но за то она была причиною дешевизны квартиры, а лэди Мэклеодъ была не та женщина, чтобы пренебрегать подобными соображеніями. Какъ ни ограниченны были ея средства, они все же давали ей возможность жить съ большимъ комфортомъ; но она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя считают своею обязанностью оставить что нибудь по своей смерти, а лэди Мэклеодъ не пренебрегала сознательно ни одной обязанностью. И такъ, она урѣзывала себя во всемъ, вдыхала благоуханія конюшенъ и ругалась съ извощиками для того только, чтобы завѣнчать тысячу другую фунтовъ какой нибудь лэди Мидлѳіанъ, которая, быть можетъ, и спасибомъ не помянула бы ее за эти деньги.

Если бы Алиса согласилась жить съ нею, то обязанность, что нибудь оставить по своей смерти перешла бы въ другую

обязанность, — пристроить племянницу. Но Алиса ушла от нея а потому и деньги справедливѣе было копить не для нея, а для лэди Мидлотіанъ. Впрочемъ экономическія соображенія откладывались въ сторону каждый разъ, какъ Алиса пріѣзжала въ Чельтенгамъ. Лэди Мэклеодъ была старушка добрая и хлѣбосольная, жаль только что она была такая несносная, жаль что она была такъ сурова съ извозчиками, такъ расположена подозрѣвать поголовно торговцевъ, слугъ и вообще людей низкаго званія, жаль что она такъ строго осуждала многихъ и изъ своего сословія за то, что они въ будни играютъ въ карты, а по воскресеньямъ не ходятъ въ церковь; но пуще всего жаль, что, относясь такъ недовѣрчиво къ бѣднымъ, она была такъ снисходительна къ порокамъ графовъ и графскихъ сыновъ.

По зрѣломъ обсужденіи вопроса, Алиса сочла за лучшее письменно извѣстить лэди Мэклеодъ о томъ, что у нея вышло съ мистеромъ Греемъ. Строгое порицаніе неизбѣжно должно было изобразиться на лицѣ лэди Мэклеодъ при полученіи этого извѣстія, какъ бы она ни получила его; изустно или письменно. Но, въ послѣднемъ случаѣ, первая горечь упрека должна была смягчиться прежде, чѣмъ Алиса успѣетъ пріѣхать. Тѣмъ не менѣе Алиса дрожала, подѣзжая къ № 3 Пэрамоунтъ Кремента. Тетка встрѣтила ее, по обыкновенію, на самомъ порогѣ гостиной, и Алиса, съ перваго же взгляда увидѣла, что если лице это могло выражать еще болѣе горечи; чѣмъ въ настоящую минуту, то первобытная горечь была, должно быть, очень горька.

— Алиса! проговорила она, обнимая и цѣлуя племянницу, что я узнаю про тебя, Алиса!

— Да, тетушка я знаю, что это очень дурно, отвѣчала Алиса, пытааясь обратить все дѣло въ шутку. Молодые дѣвушки дѣлаютъ тяжкій грѣхъ, когда поступаютъ очертя голову. Но если разъ такой грѣхъ случился; имъ болѣе ничего не остается, какъ раскаяться.

— Раскаяться! повторила лэди Мэклеодъ. Да, я надѣюсь что ты раскаешься. Бѣдный мистеръ Грей! Что онъ долженъ быть обо всемъ этомъ подумать?

— Я могу только надѣяться, тетя, что онъ въ скоромъ времени и вовсе броситъ объ этомъ думать.

— Ну это, милая, пустяки. Онъ, конечно, не бросить объ этомъ думать, и ты, конечно, выдешь за него за мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, тетя?

— Конечно. Помилуй, Алиса, вѣдь дѣло это ужъ было рѣшено оффиціальнымъ порядкомъ лэди;—Мидлотіанъ были извѣстны всѣ подробности дѣла, и мнѣ тоже. Развѣ ты не дала ему слова? Я, право, не понимаю, что ты дѣлаешь. Я просто въ толкъ не могу взять, какъ это ты отступишься отъ того, что уже было порѣшено. Когда мужчина такъ поступаетъ, его исключаютъ изъ общества. Но, право, такой поступокъ со стороны женщины кажется мнѣ еще позорище.

— Въ такомъ случаѣ пускай меня исключаютъ изъ общества; затрудненіе только въ томъ, что я къ обществу-то и не принадлежала никогда.

— И подумай, Алиса, какой грѣхъ ты берешь на душу!

— Тетушка! Когда вы говорите объ обществѣ и о лэди Мидлотіанъ, я молчу, отчасти, быть можетъ, потому, что мнѣ ни до той, ни до другого дѣла нѣтъ. Но когда вы начинаете толковать мнѣ о грѣхѣ и о моей совѣсти, то я думаю, что лучшею судьбою въ этомъ дѣлѣ, я сама. Именно моя совѣсть и боязнь грѣха и побудили меня сдѣлать то, что я сдѣлала.

— Ты, должна Алиса, руководствоваться совѣтами старшихъ.

— Нѣтъ, въ такомъ дѣлѣ, старшіе мнѣ не указчики. Я не повѣрю, чтобы было честнымъ поступкомъ сдѣлаться женою человѣка, не имѣя увѣренности, что онъ будетъ со мною счастливъ.

— Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было принимать его предложеніе?

— Я ошибалась. Я не стану себя оправдывать и вы можете бранить меня, тетушка, сколько угодно. Но, что касается того, выходить ли мнѣ или не выходить за него замужъ теперь, ужъ предоставьте мнѣ самой рѣшить этотъ вопросъ.

— Жаль, что ты обо всемъ этомъ раньше не подумала.

— Жаль, очень жаль. Я сама себя сдѣлала непоправимое зло; я это знаю и готова нести послѣдствія своей вины. Въ тоже время я знаю, что нанесла ему обиду и глубоко сожалею объ этомъ. Единственное мое оправданіе въ томъ, что я могла нанести ему еще большую обиду.

Все это было сказано при первой же встрѣчѣ между тетужкой и племянницей, и благо имъ, что оно такъ случилось. Всегда лучше, стоя подъ душою, сразу дернуть за веревку.

— Ну, милая, сказала ей сѣятельство, ты, конечно, не прочь будешь пойдти къ себѣ въ комнату и раздѣться. Когда ты сойдешь въ гостиную, Мери подастъ тебѣ чаю.

Бѣря миновалась. До обѣда время прошло въ разговорахъ о постороннихъ предметахъ и, хотя въ теченіе вечера лэди Мэклеодъ и упомянула разикъ о «бѣдномъ мистерѣ Греѣ», но далѣе этого разговоръ не пошелъ. Алиса выказала большое участіе къ недугамъ своей тетужки, и съ большимъ, противъ обыкновеннаго, вниманіемъ выслушивала длинный перечень всѣхъ грѣховныхъ дѣлъ, творившихся въ Чельтенгамѣ, избѣгая перечить религиознымъ воззрѣніямъ лэди Мэклеодъ. За тѣмъ разговоръ перешелъ къ тетужкѣ Гринау, въ которой лэди Мэклеодъ питала сильнѣйшее нерасположеніе, какъ и вообще ко всѣмъ родственникамъ Алисы съ отцовской стороны. Наконецъ Алиса вывзвалась почитать вслухъ, и прочитала тетужкѣ длинный рядъ страницъ, изъ ужасающей книги проклятій, одной изъ тѣхъ книгъ, которыя появляются отъ времени до времени въ печати, для того только, чтобы возвѣстить намъ, что всѣ мы обречены генинѣ огненной. Лэди Мэклеодъ любила, чтобы ей объ этомъ возвѣщали и, такъ какъ бѣдная старушка сама не могла читать при свѣчкахъ, то она осталась очень довольна настоящимъ вечеромъ. На слѣдующій день не было помину о мистерѣ Греѣ, и Алиса начинала надѣяться, что постояннымъ чтеніемъ книги проклятій, ей удастся смягчить тетужкино сердце. Но, на пятый день, лэди Мэклеодъ возобновила атаку.—Желаетъ ли Джонъ Греѣ, чтобы обязательство оставалось въ прежней своей силѣ?—таковъ былъ категорическій вопросъ, предложенный ею. Тщетно старалась Алиса обойти его; лэди Мэклеодъ настаивала на своемъ правѣ ее допрашивать, и Алиса вынуждена была сознаться, что, на сколько ей извѣстно, онъ этого желаетъ.

По истеченіи десяти дней, десяти ужасныхъ дней, посвященныхъ назидательнымъ разговорамъ о бракѣ и чтенію книги проклятій, на имя самой лэди Мэклеодъ пришло письмо отъ мистера Грея. Мистеръ Греѣ свидѣтельствовалъ свое почтеніе

лэди Мэклеодъ. Полагая, что почтенной лэди не безызвѣстна его помолвка съ миссъ Вавзоръ, онъ испрашивалъ ея разрѣшеніе посѣтить послѣднюю въ Чельтенгамъ, и въ то же время выражалъ надежду, что лэди Мэклеодъ не откажетъ ему въ удовольствіи лично съ ней познакомиться. Лэди Мэклеодъ ни слова не сказала Алисъ о полученномъ ею письмѣ, и когда послѣ завтрака почтенная старушка поплелась къ себѣ, Алисъ и въ голову не пришло, что въ тишинѣ этой спальни, выходящей окнами на конюшню, она строчить отвѣтъ мистеру Грею, заключающій въ себѣ увѣреніе, что ему очень рады будутъ въ Пэрамоунтъ Крементъ.

Въ день ожидаемаго пріѣзда мистера Грея, лэди Мэклеодъ въ видимомъ волненіи сидѣла за чайнымъ столомъ. Алиса сдѣлала ей нѣсколько незначущихъ вопросовъ, но ея смущеніе было такъ очевидно, что Алиса не могла не замѣтить его. Лэди Мэклеодъ откладывала объясненіе до окончанія завтрака. Когда горничная приняла чашки, и, поправивъ уголья въ каминѣ, удалилась, лэди Мэклеодъ приступила къ этому объясненію. Вынувъ письмо мистера Грея изъ кармана, и положивъ его на маленькій столикъ передъ собою, она заговорила:

— А я жду сегодня гостя, Алиса.

Алиса тотчасъ же угадала, кто былъ этотъ гость, но она мастерски сумѣла скрыть свою проникательность.

— Гостя, тетушка! проговорила она.

— Да, гостя. Мнѣ бы давно слѣдовало предупредить тебя, но мнѣ казалось... Я думала, что лучше не говорить объ этомъ заранѣе. Гость этотъ — мистеръ Грей.

— Вотъ какъ, тетушка! Это онъ къ вамъ пріѣдетъ повидаться?

— Конечно, главная цѣль его — видѣться съ тобою, но, въ то же время, онъ изъявилъ желаніе познакомиться со мной, и желаніе это, при существующихъ обстоятельствахъ, весьма естественно. Понятно, Алиса, что онъ хочетъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ твоими родственниками.

— Охъ, кабы мои родственники не мѣшались въ это дѣло! отвѣчала Алиса; — право было бы лучше.

— И принесла съ собою его письмо, и ты можешь прочитать его, если хочешь. Оно очень мило написано, и что до

меня касается, мнѣ и въ голову не приходитъ отказать ему. Но, вотъ въ чемъ теперь затрудненіе: какъ мы его примемъ? Слѣдуетъ ли мнѣ пригласить его къ обѣду? Что касается до ночлега, то, полагаю, онъ и самъ пойметъ, что я не могу предложить его, такъ какъ я не живу своимъ хозяйствомъ.

— О, да, тетушка, будьте увѣрены, что онъ пойметъ это.

— Но пригласить ли мнѣ его къ обѣду? Мнѣ было бы весьма пріятно угостить его хорошенько, хотя, какъ тебѣ извѣстно, средства мои очень не велики. Но я, право, не знаю, какъ это уладить; какъ-то вы встрѣтитесь съ нимъ?

— Будьте спокойны, тетушка; мы не подеремся.

— Это-то я знаю, но если ты не можешь быть дружественна въ обращеніи съ нимъ...

— За обращеніе свое не ручаюсь, тетушка; но могу васъ завѣрить въ одномъ: что въ душѣ я всегда буду дружественно къ нему относиться. Я всегда буду считать его лучшимъ своимъ другомъ, хотя, быть можетъ, пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ мнѣ позволено будетъ выказать ему это чувство.

— Все это, можетъ быть, и очень хорошо, Алиса, но ему, вѣроятно, не того хочется. Теперь, какъ я пораздумала, мнѣ начинаетъ казаться, что лучше ужъ не приглашать его къ обѣду.

— Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, такъ будетъ лучше, тетушка.

— За обѣдомъ всего неприятнѣе натянутыя отношенія между присутствующими; къ тому же и слуги могутъ замѣтить. Нѣтъ, не идетъ его приглашать къ обѣду.

— Мнѣ и самой такъ кажется, замѣтила Алиса, спѣшившая окончить этотъ разговоръ.

— Только бы онъ не приписалъ это недостатку радушія съ моей стороны. Я бы всей душою рада была принять его какъ можно лучше, потому что, Алиса, я все-таки смотрю на него, какъ на твоего нареченнаго мужа. А когда въ Чельтенгамъ пріѣзжаетъ кто нибудь изъ моихъ родственниковъ, я всегда приглашаю его къ обѣду и нарочно нанимаю по этому случаю сосѣдскаго лакея.

— Никто, такъ мало не обращаетъ вниманія на эти пустыя приличія, какъ мистеръ Грей.

— Тѣмъ болѣе причинъ для меня обращать на нихъ вниманіе. Но, мнѣ кажется, будетъ удобнѣе пригласить его вечеромъ.

— Гораздо удобнѣе, тетушка.

— Онъ долженъ пріѣхать передъ обѣдомъ. Полагаю, что онъ захочетъ видѣться съ тобою наединѣ, а потому я уйду къ себѣ въ комнату. Но, если ты желаешь, я приму его первая и пришлю сказать тебѣ съ горничной, чтобы ты сошла внизъ.

Какъ ни тягостенъ былъ этотъ разговоръ для Алисы, все же по окончаніи его она въ душѣ поблагодарила тетку. Во всѣхъ распоряженіяхъ леди Мэклеодъ видѣлось желаніе сдѣлать свиданіе съ мистеромъ Греемъ, по возможности, менѣе тягостнымъ для Алисы, и дѣйствительно, окончательное рѣшеніе, ея сіятельствомъ, вопроса объ обѣдѣ и о приемѣ гостя было самое удовлетворительное.

Въ три часа доложили о пріѣздѣ мистера Грея, и леди Мэклеодъ приняла его одна въ своей гостиной. Она приготовилась надавать ему кучу добрыхъ совѣтовъ, вдохнуть въ него, такъ сказать, мужество. Но въ мистерѣ Греѣ она нашла человѣка, которому ей нечего было совѣтовать. Во все время этого совѣщанія говорилъ онъ, а она только слушала. Съ перваго же взгляда онъ внушилъ ей какое-то благоговѣніе. И странное дѣло! послѣ этого перваго свиданія леди Мэклеодъ возымѣла о немъ болѣе высокое мнѣніе, чѣмъ когда либо, но въ то же время она меньше прежняго удивлялась, что Алиса могла отказать ему. Совѣщаніе было непродолжительное; черезъ четверть часа послѣ его пріѣзда горничная вошла въ комнату Алисы и позвала ее въ гостиную.

Мистеръ Грей встрѣтилъ Алису посреди комнаты; той величественности, которая такъ смирила леди Мэклеодъ, не было теперь на лицѣ его и слѣда. Онъ улыбнулся ей такую ласковою улыбкою, какъ будто она пришла сказать ему, что готова назначить день ихъ свадьбы.

«Однако, онъ, какъ видно, не очень-то огорченъ», подумала она про себя.

— Вы не сердитесь на меня, что я осмѣлился послѣдовать за вами даже сюда? заговорилъ онъ.

— Конечно, не сержусь, мистеръ Грей.—Если кто изъ насъ вправѣ сердиться, то ужъ, конечно, вы, а не я.

— Въ такомъ случаѣ о гнѣвѣ между нами не будетъ и помину. Какъ бы вы ни поступили, я не стану сердиться. Я прїѣхалъ сюда по совѣту вашего отца.

— Такъ вы съ нимъ видѣлись?

— Да, я видѣлся съ нимъ. Я прїѣхалъ въ Лондонъ въ день вашего отъѣзда.

— Какъ мнѣ тяжело думать, что я была для васъ причиною столькихъ безпокойствъ.

— Вы причините мнѣ несравненно большее безпокойство, если... Но не за тѣмъ я прїѣхалъ сюда, чтобы говорить вамъ объ этомъ. Кажется, по общепринятому правилу, мнѣ бы и вовсе не слѣдовало прїѣзжать къ вамъ; но я не слишкомъ-то придерживаюсь этихъ общепринятыхъ правилъ.

— Нарушила-то всѣ правила я.

— Когда дѣвушка объявляетъ мужчинѣ, что не желаетъ болѣе его видѣть...

— О, мистеръ Грей! Я этого вамъ не говорила.

— Не говорили? Мнѣ утѣнительно слышать отъ васъ это увѣреніе. Но вы поймете, что я хотѣлъ сказать. Когда женщина отказываетъ мужчинѣ, обязанность мужчины не навязываться болѣе. Но я не могу такъ легко перестать любить, а любя, я не могу не стараться взять съ бою свое счастье. Мнѣ кажется, что я, по крайней мѣрѣ, имѣю право знать, какъ вамъ живется пока... пока вы, Алиса, не пережвѣняли свое имя на другое, не мое.

— Я намѣрена сохранить свое собственное, проговорила она тихо, почти шепотомъ.

— И вы мнѣ не откажете въ этомъ правѣ?

— Я не могу помѣшать вамъ. Какъ бы вы не поступали, сама я такъ много виновата передъ вами, что не могу обвинять васъ.

— Между вами не можетъ быть и рѣчи о виновности. Пускай въ нашихъ разговорахъ и въ нашей перепискѣ...

— О, мистеръ Грей! Не требуйте, чтобы я вамъ писала!

— Выслушайте меня. Если только наша переписка не пре-

спрятать, жужжалъ въ мой не будетъ и поминку о мнѣ или настоящихъ обидахъ.

— Но я нанесла вамъ обиду, великую обиду.

— Полноте, Алиса; я не хочу и слышать объ этомъ. Когда я просилъ вашей руки, я зналъ, что ирѣшу драгоцѣннѣйшаго дара, какой только могъ достаться смертному, и умѣлъ высоко цѣнить ваше обѣщаніе отдать мнѣ ее. Теперь, когда вы берете свое обѣщаніе назадъ, я знаю, что вы все та же, какъ и прежде, и по добротѣ своей болѣе заботитесь о моемъ счастьи, чѣмъ о своемъ собственномъ.

— О, да, мистеръ Грей, это правда, суцая правда!

— А зная это, какъ могу я считать себя обиженнымъ. Я могу думать, что вы судите ошибочно, подъ вліяніемъ обманчивыхъ впечатлѣній; это такъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ любить васъ по прежнему. Я думаю, что съумѣлъ бы васъ осчастливить, если бы вы были моей женой; но я положительно увѣренъ, что все мое счастье зависить отъ того, чтобы вы стали ею.

Она взглянула ему въ лицо; выраженіе его было спокойно въ своей мужественной красѣ. Когда ея двоюродный братъ находился подъ вліяніемъ сильнаго чувства, волненіе его тотчасъ же отражалось въ его глазахъ. Но мистеръ Грей говорилъ о счастьи цѣлой своей жизни, говорилъ, сознавая, что ему въ эту самую минуту грозитъ роковой ударъ, а между тѣмъ голосъ его ни разу не дрогнулъ; лицо его оставалось такъ же безстрастно, какъ, если бы онъ приказывалъ своему садовнику переставить торшакъ съ розаномъ.

— Я надѣюсь, мистеръ Грей, и вѣрю, что вы найдете свое счастье въ другомъ.

— Ну, въ этомъ намъ съ вами никогда не согласиться, Алиса. Теперь мнѣ остается объяснить вамъ цѣль настоящаго моего прѣзда. Если бы я продолжалъ писать вамъ противъ вашего желанія, это походило бы на преслѣдованіе. Но если бы я высталъ пассивнымъ послѣ того, что вы мнѣ сказали, можно бы было подумать, что я принялъ ваше рѣшеніе за послѣднее слово. А этому не бывать. Я прѣехалъ просто за тѣмъ, чтобы оказать вамъ, что я по прежнему вашъ женихъ. Если вы позволите, я повидаюсь съ вами въ январѣ,

по прїѣздѣ вашемъ въ Лондонъ. Думаю, что вы не откажете мнѣ.

— Нѣтъ, отвѣчала она,—я не могу отказать вамъ въ свиданіи.

— Въ такомъ случаѣ я такъ и сдѣлаю, и не буду докучать вамъ ни письмами, ни присутствіемъ своимъ въ настоящую минуту. Передайте вашей тетушкѣ, что я исполнилъ то, что было цѣлью моей поѣздки, и крѣпко поблагодарите ее отъ меня.

И, уходя, онъ пожалъ ей руку, но не тѣмъ пожатіемъ, какъ Джоржъ Вавазоръ. Когда лэди Мэклеодъ возвратилась въ гостиную, она узнала, что вопросъ о приглашеніи къ чаю уладился самъ собою.

ГЛАВА XVI.

ЗНАТНАЯ РОДНЯ АЛИСЫ ВАВАЗОРЪ.

Борго Фицджеральдъ былъ юноша, родившійся въ пурпурѣ англійской аристократіи. Половина всѣхъ герцоговъ королевства и цѣлыхъ три графини доводились ему сродни. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ увидѣлъ себя обладателемъ такого состоянія, которое совершенно избавляло его отъ необходимости жить своимъ трудомъ; и, хотя онъ съ тѣхъ поръ давнымъ давно успѣлъ промотать все что у него было, но никто еще не отваживался подступить къ нему съ такимъ забавнымъ предложеніемъ. Въ настоящую минуту ему было тридцать лѣтъ отъ роду и всѣ знали, что въ послѣдніе годы онъ жилъ, перебиваясь съ копейки на копейку, и даже хуже того. Но это не мѣшало ему вращаться въ тѣхъ же кругахъ, пить и ѣсть сладко, развѣзывать на собственныхъ лошадяхъ, держать лакея и грума. Одни приписывали это щедротамъ герцоговъ, другіе говорили, что платятъ за него графини; между тѣмъ какъ третьи были того мнѣнія, что самые щедрые милостивцы у него жиды. Какъ бы то ни было, онъ и не думалъ измѣнять свой прежній образъ жизни, отважно должалъ тор-

говцамъ и пренебрегалъ всѣми правилами, регулирующими жизнь другихъ людей.

Года за полтора до того времени, къ которому относится нашъ рассказъ, на долю этого молодого человѣка чуть было не выпала выгодная операція и онъ едва не сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ цѣлой Англiи. Существовала въ то время богатая невѣста, въ рукахъ которой сосредоточились наслѣдства нѣсколькихъ древнихъ родовъ. Эти-то богатства едва не достались Борго вмѣстѣ съ рукою лэди Гленкоры Мэкельюски, сердцемъ которой, если вѣрить молвѣ, онъ успѣлъ завладѣть. Но нашлись вельможныя головы, которыя ужаснулись готовившагося событія и, раскинувъ обща умомъ-разумомъ, такъ обработали дѣло, что лэди Гленкора образумилась. Гордо повачивалась ея величавая головка и тревожно билось молодое, страстное сердце, пока они держали свои рѣчи; но въ концѣ концовъ она все же выслушала ихъ и образумилась. Въ послѣдній разъ увидѣлась она съ Борго и объявила ему, что помолвлена за Плантагенета Паллизера, племянника и наслѣдника герцога Омнiума.

Фицджеральдъ перенесъ свою неудачу, какъ и подобаетъ мужчинѣ; никто не слыхалъ отъ него жалобъ, никто не видалъ, чтобы онъ измѣнился въ лицѣ при имени лэди Гленкоры. Она вышла за мужъ за мистера Паллизера и въ день ея свадьбы онъ безпечно стоялъ у двери своего клуба, слушая свадебный трезвонъ и съ неподражаемымъ хладнокровiемъ сдѣлалъ нѣсколько праздныхъ замѣчанiй по поводу совершавшагося событія. У него изъ подъ рукъ выскользнула блестящая партiя. Къ тому же, полно объ однихъ ли деньгахъ жалѣлъ онъ въ эту минуту? Была у него замужняя сестра, въ домѣ которой онъ познакомился съ лэди Гленкорою; ей-то онъ высказался однажды:—Теперь уже кончено, я никогда больше не женюсь,—и пошелъ жить своею прежнею, безпутною жизнью. То былъ одинъ изъ тѣхъ безбородыхъ юношей, съ темными кудрями и голубыми глазами, краше которыхъ земля не родить людей. Прекрасенъ былъ Борго Фицджеральдъ и, каковы бы ни были его недостатки, онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что не чванился своей красотой. Но человѣкъ онъ былъ привыкшій къ разнузданной, безцѣльной жизни, не подозревав-

ний и существованія другихъ интересовъ, кромѣ удовольствія сладко поѣсть и сладко попить.

Личность эта преимущественно важна для насъ потому, что та самая лэди Гленнора, которая любила его и, выйдя бы за него за мужъ, если бы въ дѣло не вмѣшались многоумныя головы, приходилась Алисѣ Вавазоръ двоюродною сестрою. Она принадлежала къ той знати, съ которой Алиса по матери состояла въ родствѣ, но отъ которой она постоянно держалась подале, предпочитая оставаться въ томъ кругѣ, къ которому принадлежалъ ея отецъ. Впрочемъ съ лэди Гленнорою она одно время стояла на короткой, почти дружественной ногѣ. Случилось это въ то время, когда вѣтреная наследница съ бѣлокурными, развѣвающимися кудрями сильно помпшилась о томъ, чтобы отдать себя и свои богатства въ распоряженіе Борго Фицджеральда. Въ прежнія времена Борго имѣлъ денежные дѣла съ Джоржемъ Вавазоромъ, зналъ его коротко, очень коротко и узналъ такимъ образомъ о родствѣ, существовавшемъ между кузиною его пріятеля и лэди Гленнорою. Въ эти тяжелые дни гоненій, воздвигнутыхъ многоумными головами на любящую чету, лэди Гленнора навѣстила свою кувину и рассказала ей свою повѣсть. Вслѣдъ за тѣмъ Алисѣ было предложенъ вопросъ: боится ли она хоть смолько никому графинь и маркизь со всей ихъ знатностью и богатствомъ? — Алиса отвѣчала, что нисколько ихъ не боится. — Въ такомъ случаѣ, позволить ли Алиса лэди Гленнорѣ назначить Борго свиданье въ ея гостиной, одно только свиданье, во время котораго они могли бы сговориться о побѣгѣ? — Но этого долга Алиса не могла оказать своей новооткрытой кувинѣ. Она объяснила ей, что удерживаетъ ее не опасеніе прогнѣвать многоумныхъ вельможъ, но собственное сознаніе, женственное чувство приличія въ подобныхъ дѣлахъ.

— Почему бы мнѣ не выйдти за него за мужъ? проговорила лэди Гленнора со свергающими глазами. Видѣ онъ мнѣ ранный.

Алиса объявила, что ничего не имѣетъ противъ этого брака. Она увѣщавала кувину не измѣнять своей любви, если только любовь ея сама по себѣ была искренна. Но она выставила ей на видъ, что она, Алиса, будучи сама еще дѣвужкой не мо-

жетъ оказать едва знакомой кузинѣ ту услугу, которой та отъ нея требовала.

— Если вы мнѣ не поможете, то я пропала! воскликнула лэди Гленгора, и, опустившись на полъ, у ногъ Алисы, припала кудрявой головкой къ колѣнямъ кузины. Скажите, чѣмъ мнѣ васъ подкупить? продолжала она. Слушайте: послѣ него я буду любить васъ больше всѣхъ на свѣтѣ. — Алиса поцѣловала эту красивую головку и созналась, что это дѣйствительно было бы для нея высокою наградою; но въ тоже время объявила, что ничѣмъ не дастъ подкупить себя въ подобномъ дѣлѣ. Тогда лэди Гленгора обидѣлась, назвала ее безжалостной и напомнила ей, что и сама она можетъ извѣдать горе и нуждаться въ утѣшеніи. Алиса умолчала про свою собственную повѣсть, про то, какъ она любила своего двоюроднаго брата и принуждена была расстаться съ нимъ; но съ помощью ласковыхъ увѣщаній ей удалось успокоить голубоокою, кудрявую красавицу. Она продолжала ѣздить къ ней ежедневно во все время, пока многоумныя головы строили свой козни, и въ эту горестную пору ея жизни Алиса была ея утѣшительницей.

Но многоумныя головы, какъ мы уже знаемъ, одержали побѣду, и лэди Гленгора Мэджельюски превратилась, съ соблюденіемъ всевозможныхъ формальностей, въ лэди Гленкору Палли-зеръ, вмѣсто того, чтобы помимо всякихъ формальностей сдѣлаться женою бѣднаго Борто. При этомъ она написала Алисѣ коротенькую записку, въ которой проглядывалъ отъѣнокъ грусти. Въ этомъ письмѣ говорилось, что она уступила совѣтамъ людей, находившихъ, что ей не слѣдуетъ любить, такъ какъ она думала любить, и распростилась съ своєю мечтою. Выразилась увѣренность, что кузина Алиса сохранитъ ея тайну. Далѣе говорилось, что она готовится сдѣлаться женою прекраснѣйшаго въ цѣломъ мірѣ человѣка, счастье котораго будетъ для нея единственною задачею всей ея жизни. О любви къ этому новому властелину не говорилось ни слова. Свадьба должна была состояться немедленно. Письмо заключалось приглашеніемъ Алисѣ примкнуть къ рюю подругъ, которыя будутъ провожать невѣсту подъ вѣнецъ.

Алиса отъ души пожелала ей всякаго благополучія, по крайней мѣрѣ, такъ выразилась она въ своемъ отвѣтѣ, но отъ че-

сти провожать ее подъ вѣнецъ отказалась. Она не желала подвергаться осматриванію съ головы до ногъ со стороны всѣхъ лэди Джулій и лэди Дженъ, знакомыхъ и перезнакомыхъ между собою, но совершенно чужихъ для нея. И такъ, она послала кузинѣ небольшое колечко, прося ее сохранить его въ числѣ богатыхъ свадебныхъ подарковъ, обильная дань которыхъ со всѣхъ сторонъ должна была сноситься къ ея ногамъ.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени Алиса совершенно потеряла изъ виду лэди Гленкору. Тотчасъ же послѣ свадьбы новобрачные уѣхали справлять медовый мѣсяцъ на берега одного изъ очаровательныхъ озеръ Италіи. Въ Англію они возвратились не ранѣе рождества, которое отпировали на славу въ великолѣпномъ замкѣ герцога, дяди мистера Паллизера. Пиршества продолжались вплоть до того времени, когда мистеру Паллизеру насталь срокъ явиться къ своему посту въ парламентъ. Прошелъ и лондонскій сезонъ, а Алиса по прежнему не получала никакихъ извѣстій о своей кузинѣ. Впрочемъ, обстоятельство это мало ее заботило. Случай свелъ ее на время съ этимъ милымъ ребенкомъ, но она чувствовала, что короткость эта между ними не можетъ быть продолжительна. Думая о новобрачной, она не могла не припоминать того бурнаго любовнаго эпизода, которымъ ознаменовалось ея дѣвичество. Ей казалось страннымъ, что подруга ея на одной и той же недѣлѣ могла изливаться передъ нею въ выраженіяхъ самой страстной любви къ одному человѣку и, вслѣдъ за тѣмъ, объявить ей, что она невѣста другого. Многое, впрочемъ, напоминало ей въ этомъ ея собственную повѣсть, съ тою только разницею, что у нея промежутокъ времени былъ больше.

Въ одно прекрасное утро, дня три спустя послѣ посѣщенія мистера Грея, Алиса получила два письма, почеркъ которыхъ былъ ей совершенно незнакомъ. Лэди Мэклеодъ успѣла предупредить ее, не безъ нѣкотораго замѣшательства, потому что лэди Мэклеодъ таки побаивалась племянницы, что знатные родственники ея, извѣстившись о поступкѣ ея съ мистеромъ Греемъ, высказали по этому поводу свое крайнее прискорбіе и даже почти гнѣвъ. Предупредивъ ее объ этомъ, лэди Мэклеодъ была ровно на столько откровенна, на сколько у нея хватало духу; но она могла бы сказать еще болѣе, не по-

грѣшая противъ истины. Дѣло въ томъ, что лэди Мидлотіанъ прямо выразилась, что подобный поступокъ позорить всю семью, а маркиза Ольдъ-Рика попросила, чтобы ей на милость сказали, чего хочетъ эта дѣвчонка?

Оба письма пришли въ то время, когда лэди Мэклеодъ не было въ комнатѣ, и я сильно подозреваю, что одно изъ нихъ было написано по ея наущенію. Но, если это дѣйствительно было такъ, то она успѣшила скрыться, чтобы не быть свидѣтельницею немедленнаго дѣйствія выстрѣла, направленнаго ея же рукою. Другое письмо, въ которомъ ужъ конечно лэди Мэклеодъ была неповинна, было отъ лэди Гленкоры. Мы доставимъ читателю возможность заглянуть въ оба эти посланія; но начнемъ съ письма графини:

«Кэстль-Рики. Окт. 186..

Любезная миссъ Вавазоръ!

Я не имѣю удовольствія знать васъ лично, хотя и много слышалась о васъ отъ нашей общей доброй знакомой и родственницы, лэди Мэклеодъ, у которой вы, какъ я слышала, гостите въ настоящую минуту. Ваша бабушка, со стороны вашей матери, лэди Флора Мэклеодъ и мать моя, графиня Лейтъ, были сводными сестрами; и хотя нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся съ тѣхъ поръ, не позволяли намъ съ вами видѣться такъ часто, какъ было бы желательно, но я не забывала связывающія насъ кровныя узы и не переставала питать къ вамъ родственное участіе».

(Съ тѣхъ поръ! Съ какихъ же это поръ? подумала Алиса.— Она ни разу меня въ глаза не видала; что же она толкуетъ о томъ, что мы не видались такъ часто, какъ было бы желательно?)

«Мнѣ было весьма пріятно узнать, что вы помолвлены за достойнѣйшаго джентльмена, мистера Грея изъ Недеркотса въ Кэмбриджшейрѣ. Когда я впервые услышала объ этомъ, я сочла своимъ долгомъ навести кое-какія справки, и душевно порадовалась, когда оказалось, что выборъ вашъ дѣлаетъ вамъ честь. (Если читатель понялъ характеръ Алисы такъ, какъ я старался изобразить его, онъ легко догадается, какъ ее взорвало при этихъ словахъ.) Я узнала, что мистеръ Грей, джентль-

мень въ полномъ смыслѣ слова, ведетъ безукоризненный образъ жизни, обладаетъ весьма достаточными средствами, словомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ условія, обеспечивающія семейное счастье той женщины, которая будетъ его женою. Все это было источникомъ живѣйшаго удовольствія какъ для меня, такъ и для маркизы Ольдь-Рики, состоящей съ вами почти въ такомъ же близкомъ родствѣ, какъ и я, и принимающей, могу васъ увѣрить, самое теплое участіе въ вашемъ благополучіи. Въ настоящую минуту я гощу въ ея замкѣ, и во всемъ, что я говорю, она вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе.

«Вы поймете послѣ этого, какимъ ужаснымъ ударомъ было для насъ узнать черезъ леди Мэклеодъ, что вы объявили мистеру Грею о перемѣнѣ вашего намѣренія. Милая миссъ Вавазоръ! неужели это правда? Есть вещи, въ которыхъ молодая дѣвушка, разъ уже рѣшившись, не имѣетъ права измѣнить свое намѣреніе; и безъ сомнѣнія, къ числу такихъ вещей принадлежитъ слово, данное ею мужчиной. По закону, онъ не можетъ принудить васъ сдѣлаться его женою, но онъ имѣетъ на васъ безспорное право передъ Богомъ и передъ людьми. Подумали ли вы, что онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, меблировалъ свой домъ по случаю предстоявшей ему женитьбы и въ угожденіе, быть можетъ, вашимъ же собственнымъ желаніямъ? (Подозрѣваю, что леди Мэклеодъ проговорила графинѣ о работахъ, производившихся въ саду.) Приняли ли вы въ соображеніе то обстоятельство, что онъ, какъ водится, извѣстилъ о своей женитьбѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ? Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, привести какія нибудь причины въ оправданіе своего отказа? Я думаю, что нѣтъ. А между тѣмъ ни на что не слѣдуетъ рѣшаться безъ основательныхъ причинъ, а тѣмъ болѣе на такой шагъ, отъ котораго зависить ваше счастье и даже, можно сказать, репутація. Надѣюсь, что вы пораздумаете обо всемъ этомъ прежде, чѣмъ пойдете далѣе по этому пути, на которомъ губите свое счастье и счастье другаго, быть можетъ весьма достойнаго человѣка.

До меня дошли слухи, что нѣсколько дѣтъ тому назадъ, когда вы были еще много моложе, вы имѣли неосторожность привязаться къ человѣку, не обладающему ни однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ свойствъ, которыя говорятъ въ пользу мистера

Греш. Какъ и мнѣ, такъ и маркизъ, вполнѣ раздѣляющей мой взглядъ на это дѣло, было бы весьма прискорбно узнать, что причина вашего отказа мистеру Грею лежитъ въ возобновленіи той связи. Могу васъ увѣрить, милая миссъ Вавазоръ, что это было бы большое несчастье, чтобъ не выразиться еще сильнѣе.

Мнѣ намекнули, что нѣсколько словъ съ моей стороны, какъ представительницы родственниковъ вашей покойной матушки, были бы не лишни, тѣмъ болѣе, что, высказывая мои собственные чувства, въ настоящемъ случаѣ, я въ то же время высказываю и чувства леди Ольды-Рики. Итакъ, я умоляю васъ, дорогая миссъ Вавазоръ, не забывать ваши обязанности передъ Богомъ и передъ людьми, и сдержать слово, данное вами же самими. Партія эта, во всѣхъ отношеніяхъ приличная, и ея желаютъ всѣ ваши родственники и друзья. Согласившись на нее, вы всегда найдете искренняго друга

въ Маргаритѣ Мидлотіанъ .

Я того мнѣнія, что леди Мэклеодъ жестоко ошибалась, разсчитывая на дѣйствіе этого письма. Пора бы ей было лучше знать Алису; но собственное ея благоговѣніе передъ знатными родственниками было до того велико, что она все еще никакъ не могла понять отсутствіе того же чувства въ племянницѣ. Алиса прочитала письмо не торопясь, снова вложила его въ конвертъ и спокойно откинулась въ креслѣ, уставившись глазами на чайникъ, стоявшій передъ нею на столѣ. Но у нея еще было въ запасѣ другое письмо, которое нѣсколько развлекло ее и помѣшало предаваться слишкомъ сильному негодованію на графиню.

Письмо леди Гленгоры было слѣдующаго содержанія:

«Милая кузина!

Я только что возвратилась изъ Шотландіи, гдѣ до меня дошли слухи о вашихъ маленькихъ непріятностяхъ. Были и у меня когда-то маленькія непріятности, и вы были такъ добры до меня въ то время! Не пріѣдете ли вы къ намъ на недѣль-

ну, другую? Мы пробудемъ здѣсь до рождества. Я предупредила мужа, что мы съ вами не только кузины, но и большіе друзья, и что онъ долженъ встрѣтить васъ какъ можно радушнѣе. Человѣкъ онъ очень смиренный, весь ушелъ въ свою политику, но думаю, что онъ вамъ понравится. Такъ прїѣзжайте же, пожалуйста! Сюда ожидаютъ много гостей, такъ что вамъ скучно не будетъ. Назначьте только день и мы вышлемъ вамъ экипажъ на станцію желѣзной дороги, а можетъ быть, мнѣ и самой удастся выѣхать къ вамъ на встрѣчу.

Преданная вамъ

Гленкора Паллизеръ.

PS. Знаю напередъ, какое у васъ найдется возраженіе: вы спросите, отчего же не была она у меня въ Лондонѣ? Кажется, дорога въ улицу Королевы Анны была ей хорошо извѣстна. Милая Алиса! не судите такъ. Увѣряю васъ, въ Лондонѣ у меня было столько дѣла, что голова у меня совсѣмъ закружилась. Но, хотя бы я и была виновата, простите меня великодушно. Мистеръ Паллизеръ поручаетъ мнѣ передать вамъ его привѣтъ, какъ кузинѣ, и повторить еще разъ, чтобы вы непременно прїѣзжали».

Письмо это, безспорно, было лучше перваго, но, прочитавъ его, Алиса пришла къ твердому рѣшенію не принимать приглашенія. Во-первыхъ, одинъ уже намекъ на ея маленькія неприятности показался ей оскорбительнымъ; во вторыхъ, она находила, что отказъ ея мистеру Грею вовсе еще не можетъ служить ей поводомъ ѣхать къ великолѣпной кузинѣ. Ужь не приглашали ли ее съ тѣмъ, чтобы лично свести ее съ лэди Мидлотіанъ и поставить ее въ упоръ передъ цѣлой батареей нападокъ графини?

Часовъ около одиннадцати въ комнату вошла лэди Мэклеодъ. Съ полчаса Алиса хранила молчаніе, и лэди Мэклеодъ, съ своей стороны только поглядывала вопросительно то на Алису, то на письмо, лежавшее возлѣ рабочаго ящика племянницы. Наконецъ Алиса первая заговорила.

— Тетушка, начала она, я получила сегодня письмо отъ вашей прїятельницы, лэди Мидлотіанъ.

— Она моя родственница, Алиса, и твоя тоже.

— Ну, отъ вашей родственницы что ли. Но значительнѣе то обстоятельство, что она ваша пріятельница, ваша, а ужъ конечно, не моя. Что же касается до ея родства со мною, то оно не даетъ ей ни малѣйшаго права мѣшаться въ мои дѣла.

— Помилуй, Алиса, такая знатная особа...

— До знатности ея, тетушка, мнѣ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Я не намѣрена преклоняться передъ нею. Вотъ ея письмо, можете прочитать его, если желаете, а потомъ я его сожгу. Отвѣчать ей, само собою разумѣется, я не стану.

— Но что же мнѣ сказать ей, Алиса?

— Отъ меня, тетушка, ничего; отъ себя — все, что вамъ угодно.

Снова прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи.

— Еще получила я другое письмо отъ лэди Гленкору, что вышла замужъ за мистера Паллизера. Я познакомилась съ ней въ Лондонѣ прошлую весною.

— Что жъ? И это письмо показалось тебѣ оскорбительнымъ?

— Нѣтъ, въ немъ не было ничего оскорбительнаго. Она зоветъ меня въ замокъ своего мужа, Мэтчинъ-Прейори, только я не поѣду.

Но Алиса передумала и поѣхала; вотъ какъ это случилось. Она написала лэди Гленкорѣ и откровенно объяснила, что не можетъ принять ея приглашеніе потому, что можетъ встрѣтиться у нея въ домѣ съ лэди Мидлотіанъ, а лэди Мидлотіанъ позволила себѣ непрошенное вмѣшательство въ ея дѣла, и она не желаетъ съ нею знакомиться. На это съ первой же почтой пришелъ отвѣтъ лэди Гленкору, въ которомъ она говорила, что у нея и въ мысляхъ не было такого предательскаго поступка въ отношеніи Алисы; что въ Мэтчинъ-Прейори не будетъ ни лэди Мидлотіанъ, ни кого другаго изъ ея клики, и что въ такой-то день сама лэди Гленвора выѣдетъ на встрѣчу къ Алисѣ на станцію желѣзной дороги. Продумавъ два дня по полученіи этого письма, Алиса рѣшилась и приняла приглашеніе.

ГЛАВА XVII.

ДАНЬ ИЗЪ ОЙШИННА.

Когда Кэтъ Вавазоръ писала Алисъ о своемъ намѣреніи пробыть съ тетушкой Гринау долѣе условеннаго срока, ей не совсѣмъ ловко было оправдать свой поступокъ послѣ тѣхъ намѣшекъ, которыми она еще такъ недавно осыпала вдовицу. Но видно мистрисъ Гринау, при всей своей суетности и пустотѣ, обладала еще другими качествами, которыя Кэтъ проглядѣла въ ней при первомъ знакомствѣ. Она была умна, щедра и обходительна. Управивая Кэтъ остаться съ нею она умѣла такъ поставить вопросъ, какъ будто Кэтъ сдѣлаетъ ей одолженіе.—*Какая мнѣ радость, что у меня есть деньги,* проговорила она съ небывалымъ дотола отъѣнкомъ искренняго чувства.—*Другаго-то у меня ничего нѣтъ. Я бездомная скиталица. Почему бы мнѣ и не остаться въ Норфолькѣ, гдѣ у меня нѣсколько человѣкъ добрыхъ знакомыхъ? Впрочемъ, если ты предпочитаешь другое мѣсто, я готова и туда ѣхать. Кэтъ не совсѣмъ вѣрила въ искренность этого послѣдняго увѣренія, и сильно подозрѣвала свою тетушку въ желаніе присосѣдиться къ своимъ приморскимъ обожателямъ. Но, какъ бы то ни было, она согласилась, и онѣ поселились въ уютной квартирѣ въ Норвичѣ.*

По смерти мистера Гринау прошло теперь уже полгода, но вдова его дѣлала видъ, что перенутала число и отодвигала это печальное событіе нѣсколько далѣе.—*Какъ подумаю, проговорила она въ день ихъ переѣзда въ Норвичъ, вынимая изъ чемодана миньютюръ супруга, какъ подумаю, что всего еще девять мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ со мною!*

— Вы хотите сказать только шесть мѣсяцевъ, тетушка, но обдуманно вѣшпалась Кэтъ.

— Только девять мѣсяцевъ, повторила мистрисъ Гринау, дѣлая видъ, что не слышала замѣчанія племянницы.

Съ этихъ поръ Кэтъ зареклась поправлять тетушкины ошибки въ этомъ родѣ.

Она обѣщалась прогостить у тетки еще мѣсяць, а мистрисъ Гринау съ своей стороны поклялась, что до истеченія этого мѣсяца мистеръ Чизсакеръ сдѣлаетъ формальное предложеніе Кэтъ. Тщетно протестовала Кэтъ противъ навязываемаго ей поклонника и грозила подать ему карету.

— Толкуй себѣ, милая, отвѣчала ей обыкновенно тетушка Гринау. Рано или поздно, надо же дѣвушкамъ пристроиться; ты и сама это знаешь. А въ Ойлимидѣ ты будешь поживать себѣ барыней.

Мистеръ Чизсакеръ безспорно выказывалъ большую внимательность. Онъ хлопоталъ о наймѣ квартиры, прислалъ изъ Ойлимида сливокъ и куръ, и на другой же день по приѣздѣ дамъ успѣшилъ явиться къ нимъ съ визитомъ. Но все это вниманіе преимущественно относилось не къ племянницѣ, а къ тетушкѣ. — По миѣ, мистеръ Чизсакеръ куда лучше капитана, миссъ, высказалась однажды Жанета. Тотъ, пожалуй, изъ себя и покрасивѣе будетъ, да что толку въ красотѣ, коли въ карманѣ ничего нѣтъ? Терпѣть не могу эту голь, да и барыня тоже. Изъ этого явствуетъ, что Жанета не относила мистера Чизсакера къ свитѣ поклонниковъ миссъ Вавазоръ.

Капитанъ Бельфильдъ тоже обрѣтался въ Норвичѣ, куда онъ былъ назначенъ обучать волонтеровъ. Должно полагать, что онъ обладалъ таки кое-какими свѣденіями по этой части и, повывраженію его друга, мистера Чизсакера, ему предстояло хоть разъ въ жизни заработать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ. Капитанъ и мистеръ Чизсакеръ успѣли покончить всѣ распри, какія у нихъ были въ Ярмутѣ, и снова сдѣлались тѣснѣйшими союзниками. По всѣмъ вѣроятіямъ между ними состоялась извѣстнаго рода сдѣлка, потому что капитанъ, благодаря щедрости своего друга, былъ снова при деньгахъ, и о старыхъ счетахъ не было и помину. Сверхъ того, мистеръ Чизсакеръ обѣщался, что, въ случаѣ если дѣла пойдутъ хорошо, въ Ойлимидѣ за всю зиму не будетъ недостатка въ гостепріимствѣ. На это капитанъ Бельфильдъ кивнулъ головою и объявилъ, чтобы мистеръ Чизсакеръ не беспокоился; все пойдетъ хорошо.

— Думаю, что вамъ не часто придется видѣться съ капитаномъ Бельфильдомъ, обратился мистеръ Чизсакеръ къ мис-

трисъ Гринау, явившись къ ней съ визитомъ на другое утро, послѣ ея водворенія въ Норвичъ. Онъ предпринялъ эту дальнюю поѣздку въ городъ съ нарочною цѣлью освѣдомиться о ея здорovьи, да кстати понавѣдаться и на рынокъ.

— Должно полагать, что не часто, отвѣчала вдова. Онъ говорилъ мнѣ, что долженъ быть на службѣ отъ десяти до двѣнадцати часовъ въ сутки. Бѣдняжка!

— Для него это чертовски выгодная должность, и онъ еще долженъ сказать мнѣ спасибо, потому что безъ меня ему бы ея не видѣть. Но онъ просилъ меня передать вамъ, чтобы вы не сердились, если онъ не тотчасъ же явится къ вамъ съ визитомъ.

— О, нѣтъ, конечно я не буду сердиться, зная въ чемъ дѣло.

— Дѣло въ томъ, видите ли, что не поработай онъ теперь, плохо ему будетъ. У него нѣтъ ни одного шиллинга за душой?

— Неужто?

— Таки ни одного шиллинга, мистрисъ Гринау; и въ добавокъ онъ въ долгу, какъ въ шелку. Малый-то онъ, если хотите, и хорошій, только одна бѣда, что ему ни въ чемъ довѣрять нельзя. — И послѣ нѣсколькихъ распросовъ, въ которыхъ выражалась почти нѣжная заботливость, мистеръ Чизсакеръ распростился, чуть было совсѣмъ не позабывъ освѣдомиться о миссъ Вавазоръ.

Но передъ уходомъ изъ дому онъ перекинулся двумя тремя словами съ Жанетою.

— Скажи-ка, Жанни, былъ онъ у васъ?

— И глазъ не показывалъ, сэръ, съ той поры, какъ мы здѣсь. Мнѣ даже это немножко странно показалось.

Мистеръ Чизсакеръ сунулъ горничной полкроны и удалился. Жанета, должно полагать, забыла, что, не далѣе какъ наканунѣ вечеромъ, капитанъ Бельфильдъ урвался отъ своихъ служебныхъ обязанностей, чтобы заѣхать къ мистрисъ Гринау.

Десяти-двѣнадцати часовые труды капитана, по видимому, не постоянно отнимали у него одни и тѣ же часы, потому что во всякое время дня его можно было встрѣтить слоняющимся по городу; особенно же часто видали его въ окрестностяхъ вдовушкиной квартиры. Въ Норвичѣ бываетъ два базарныхъ

дня въ недѣлю, и должно полагать, что самый разгаръ его служебныхъ занятій какъ разъ совпадалъ съ этими днями, потому что тогда его и видомъ не видать было возлѣ квартиры мистрисъ Гринау. А такъ какъ мистеръ Чизсакеръ прїѣзжалъ въ городъ только къ базарнымъ днямъ, то имъ и не приходилось встрѣчаться. Въ каждый прїѣздъ свой мистеръ Чизсакеръ подѣзжалъ къ дому мистрисъ Гринау и оставлялъ у входа корзину, наполненную роскошными гостинцами съ его скотнаго двора. Тщетно протестовала мистрисъ Гринау противъ этихъ даровъ, тщетно грозилась, что будетъ отсылать ихъ обратно. Дары продолжали являться, и мистрисъ Гринау становилась въ тупикъ, какъ ей съ ними поступать. Самъ мистеръ Чизсакеръ не заходилъ въ домъ; онъ обыкновенно завозилъ корзину и отправлялся далѣе по своимъ дѣламъ; и только покончивъ ихъ, возвращался провѣдать нашихъ дамъ. Уѣзжая домой, онъ никогда не забывалъ спросить свою корзину у Жанеты и, пользуясь этимъ случаемъ, вступалъ съ нею въ тайные переговоры, и наводилъ справки о капитанѣ.

— Ну, что мнѣ дѣлать съ этимъ? воскликнула мистрисъ Гринау, когда Кэтъ, войдя однимъ прекраснымъ утромъ въ гостиную, снова нашла на столѣ небольшую корзину, прикрытую чистою салфеткою. — Шутка ли? Жанета едва дотащила ее!

— Подлинно, что едва дотащила, сударыня; а ужъ у меня ли, кажется, нѣтъ силы въ рукахъ.

— Какъ же мнѣ быть, Кэтъ? Онъ такой добрякъ!

— И ужъ такъ съ ума сходить по васъ обѣихъ, вмѣшалась Жанета.

— Конечно, мнѣ не хотѣлось бы обижать его по многимъ причинамъ, продолжала тетушка, бросая на племянницу многозначительный взглядъ.

— Не знаю, какія у васъ могутъ быть причины, тетушка, но я на вашемъ мѣстѣ оставила бы корзину не тронутою до его возвращенія.

— Да отчего бы тебѣ самой не переговорить съ нимъ, Кэтъ, и не объяснить ему, что такъ не годится дѣлать? Ну, на

это разъ, такъ и быть, прими подарокъ, только возьми съ него слово, что это будетъ послѣдній.

— Этого, тетушка, я не могу сдѣлать; подарки эти не мнѣ берутся.

— И тебѣ не стыдно, Кэтъ?

— Полноте, тетушка, что пустяки говорить? Хоть бы Жанеты посовѣстились.

— А мнѣ такъ кажется, сударыня, что онъ вамъ обѣимъ возить; право, такъ. А ужъ правду сказать, такихъ сливокъ и яицъ въ цѣломъ Норвичѣ не купите за деньги.

— Что бы такое могло быть въ этой корзинкѣ? проговорила мистрисъ Гринау, приподнимая край салфетки. Какъ бы вы думали? Индѣйка!

— Вотъ тебѣ на! воскликнула Жанета, индѣйка! Да на рынкѣ вы ее дешевле десяти шиллинговъ и шести пенсовъ и въ жизнь не купите.

— Нѣтъ ужъ, сдѣлайте одолженіе, увольте меня отъ объясненія съ нимъ по этому поводу, проговорила Кэтъ.

— Право не понимаю, почему бы не все равно было кому объясниться, тебѣ или мнѣ, замѣтила мистрисъ Гринау.

— А вотъ что, сударыня, сказала Жанета; я поспрошаю у него, кому онъ привезъ индѣйку; мнѣ-то онъ скажетъ.

— Пожалуйста, не дѣлай такихъ глупостей, Жанета, отвѣчала Кэтъ. Что тутъ спрашивать, тетушка. Конечно подарокъ предназначается вамъ. Кто же станеть возить сливки и индѣекъ какойнибудь... Да это смысла не имѣеть.

— Не вижу почему бы и сливки, и индѣйка не предназначались для тебя. Да ужъ коли хочешь знать, онъ самъ мнѣ разъ въ этомъ сознался.

— Въ такомъ случаѣ, я выставлю эту корзину на подъѣздѣ нашего дома, пускай его тамъ ее и найдетъ. И Кэтъ, взяла было корзину, чтобы унести ее.

— Не трогай ее Кэтъ, проговорила мистрисъ Гринау, съ нѣкоторою торжественностью и съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ. Я сама переговорю съ мистеромъ Чизакеромъ.

— И надѣюсь, что вы при этомъ не упомянете моего имени. Удивляюсь, какъ можно было забрать себѣ въ голову та-

эту важность? Деловыхъ десять словъ не сказали со мною во все время нашего знакомства.

— За то онъ много говорилъ со мною, отвѣчала мистрисъ Гринау.

— Это-то я знаю, замѣтила Кэтъ.

— И говорилъ, душка моя, о тебѣ.

— Спросла, что ли, онъ ѣдитъ сюда съ такими большущими цвѣтами въ петлицѣ? сказала Жанета.

— Ужь конечно не спросла, подтвердила мистрисъ Гринау.

— Знаете ли, голушка, начала Кэтъ, я думаю написать дѣдушкѣ, чтобы онъ ждалъ меня на дняхъ домой.

— Что-о? воскликнула мистрисъ Гринау. Поднимать такую тревогу изъ-за мистера Чизасера? Полно, Кэтъ, я не ожидала отъ тебя такой глупости.

На этотъ разъ рѣшено было, что мистрисъ Гринау сама переговоритъ съ мистеромъ Чизасеромъ и постарается остановить порывы его щедрости. Въ четыре часа, обычный часъ его посѣщеній, мистрисъ Гринау одна застѣдала въ гостиной передъ столомъ, на которомъ были разставлены всѣ деревенскіе гостинцы, составлявшіе вмѣстѣ съ иждѣйкой довольно порядочный друвъ.

— А я заѣхалъ къ вамъ узнать, какъ вы поживаете, проговорилъ мистеръ Чизасеръ, входя въ комнату.

— Какъ видите, мы не подвергаемся опасности умереть съ голоду, отвѣчала мистрисъ Гринау, указывая на разставленные передъ ней лакомые кусочки.

— Не возмните на маломъ гостинцѣ, отвѣчалъ мистеръ Чизасеръ. Моя старуха пристала, чтобы я непременно свезъ это вамъ.

— Но ваша старуха черезъ-чуръ уже роскошничаетъ, возразила мистрисъ Гринау. Она совсѣмъ переконфузила насъ съ Кэтъ.

Въ расчеты мистера Чизасера вовсе не входило, чтобы имъ Кэтъ упоминалось при настоящемъ разговорѣ. — Дорогая мистрисъ Гринау, поспѣшилъ онъ перебить ее, право тутъ не изъ чего конфузиться. Помилуйте, все это такія бездѣлицы, самыя, такъ сказать, воздушныя гостинцы, и говорить-то о нихъ не стоитъ.

— За то они насъ съ Кэтъ заставляютъ очень и очень задумываться. Знаете ли, что у насъ съ нею сегодня былъ длинный споръ о томъ, слѣдуетъ ли отослать ихъ обратно въ Ойлимидъ?

— Отослать обратно, мистрисъ Гринау?

— Да. Какъ же иначе поступать женщинамъ въ подобномъ случаѣ? Когда джентльмены становятся черезъ-чуръ уже щедры, ихъ надо немножко осадить.

— А вы находите, мистрисъ Гринау, что я черезъ-чуръ уже щедръ? Но, помилуйте, что за важность какая нибудь индюшка, когда человѣкъ готовъ отдать все, что онъ имѣетъ?

— Ну, мистеръ Чизакеръ, у васъ слишкомъ много всякаго добра, чтобы имъ такъ легко поступиться. Но объ этомъ мы не станемъ говорить теперь.

— А когда же?

— Если вы дѣйствительно имѣете что сказать, то совѣтую вамъ обратиться къ самой Кэтъ.

— Мистрисъ Гринау, вы не такъ меня поняли, увѣряю васъ, что я не объ этомъ думалъ.

Но въ эту самую минуту мистрисъ Гринау услышала, или сдѣлала видъ, что услышала шаги Жанеты въ сосѣдней комнатѣ, и подойдя къ двери, кликнула горничную. Жанета не откликнулась на ея зовъ, но тутъ она позвонила въ колокольчикъ и объявила вошедшей Жанетѣ: — убери эту провизию, Жанета; мистеръ Чизакеръ обѣщался, что больше возить подарковъ не будетъ.

— Но я и не думалъ обѣщаться, возразилъ мистеръ Чизакеръ.

— Я знаю, вы не захотите огорчить насъ съ Кэтъ. А теперь, Жанета, скажи миссъ Вавазоръ, что я готова идти съ ней гулять.

Мистеръ Чизакеръ понялъ, что на этотъ разъ ему не удастся довести свое объясненіе до конца. До отхода поѣзда, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать домой, оставалось уже немного времени, и онъ поспѣшилъ раскланяться. Изъ дома мистрисъ Гринау онъ вышелъ въ сопровожденіи прислуживающаго ему мальчика, который несъ за нимъ корвину, салфетку и жестяной молочникъ.

ГЛАВА XVIII.

ЧТО-ТО ВУДЕТЬ?

Слѣдующій день былъ воскресенье, и всѣ живущіе въ одномъ домѣ съ мистрисъ Гринау знали, что въ этотъ день нечего ожидать мистера Чизсакера. Мистрисъ Гринау позаботилась довести до его свѣденія, что терпѣть не можетъ воскресныхъ посѣтителей; она боялась, чтобы онъ не вздумалъ слишкомъ ревностно посвящать ей этотъ досужій день. Утромъ тетушка съ племянницей были въ соборѣ, въ три часа онѣ пообѣдали. Къ обѣду была приглашена Чорли Ферстерсъ, все семейство которой переехало изъ Ярмутъ на мѣсто своего постоянного жительства въ Норвичъ. Чтобы молодой дѣвушкѣ не было скучно, добрѣйшая мистрисъ Гринау пригласила и капитана Бельфильда. Обѣдъ оказался превкуснымъ. Капитанъ рѣзалъ индѣйку, и при этомъ отъ души похвалявалъ мистера Чизсакера. Когда дѣло дошло до сельдерея, присланнаго тоже съ фермы, капитанъ отпустилъ нѣсколько ловкихъ шутокъ на счетъ этого благословеннаго Ойлимида, въ которомъ все находилось въ такомъ изобиліи.

— Въ жизнь свою я не встрѣчала болѣе щедраго человѣка, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Это суцая правда, и я предлагаю выпить за его здоровье, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ. Бѣдняжка Чизи! Экая жалость, что онъ до сихъ поръ не обзавелся женою.

— Я не знаю человѣка болѣе способнаго составить счастье женщины, сказала мистрисъ Гринау.

— Еще бы, вмѣшалась миссъ Ферстерсъ. Мнѣ говорили, что у него тамъ, на фермѣ, все чудо какъ устроено.

— Особенно хорошъ у него сѣнной сарай и прудъ, гдѣ купаютъ лошадей, проговорилъ капитанъ Бельфильдъ, и вслѣдъ за тѣмъ они выпили за здоровье отсутствующаго пріятеля.

Въ началѣ было рѣшено, что дамы отправятся послѣ обѣда въ церковь, при чемъ принималось въ расчетъ, что, быть можетъ, и капитанъ Бельфильдъ вызовется ѣхать съ ними. Но когда пришло время ѣхать, Кэтъ и Чорли были уже готовы, а мистрисъ Гринау и не думала еще одѣваться: она осталась дома, — съ тою единственною цѣлью, какъ она объявила впоследствии племянницѣ, чтобы не сдѣлать виду, что она выдвигаетъ капитана изъ дома. — А то представь себѣ, милая, продолговала она пояснить, если бы я не задержала его здѣсь, то ему, бѣдняжкѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ плестись въ отвратительныя казармы.

И такъ, капитану Бельфильду было дозволено пріютиться въ гостиной мистрисъ Гринау. Впрочемъ, когда молодые дѣвушки возвратились изъ церкви, его уже не было, вдовушка сидѣла одна и мечтала, какъ она объявила имъ, о невозвратномъ прошломъ, — да! невозвратномъ. Но будетъ, я же хочу наводить васъ, мой милочки, на грустныя мысли.

За тѣмъ имъ подали чай, и сливки мистера Чизсавера были выпиты съ большимъ аппетитомъ.

Между тѣмъ капитанъ Бельфильдъ сумѣлъ воспользоваться случаемъ, такъ счастливо выпавшемъ на его долю. Въ первые четыре часа по уходѣ дѣвицъ онъ сидѣлъ почти молча, потягивая вино изъ стоявшаго передъ нимъ стакана, который онъ уже успѣлъ опорожнить два раза. — Боюсь, что вино вамъ не понравится, замѣтила мистрисъ Гринау; но если бы вы знали, какъ трудно достать хорошее вино въ этикъ меблированныхъ квартирахъ.

— Сказать вамъ правду, мистрисъ Гринау, я совсѣмъ обвинѣн и не думалъ въ настоящую минуту, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ. А впрочемъ, вино, кажется, не дурное. За тѣмъ настала новая пауза.

— Скажите, началъ капитанъ, вамъ не скучно жить на меблированной квартирѣ?

— Не знаю, что вы, капитанъ Бельфильдъ, подразумеваете подъ словомъ скучно, но, само собою разумѣется, что женщину въ моемъ положеніи не слишкомъ-то весело живется. Еще и году нѣтъ, какъ я потеряла все, чѣмъ жизнь была для

меля дорота, и я подчас удивляюсь, какъ еще горе въ концѣ не сломило меня.

— Отчаянье большой грѣхъ, мистрисъ Гринъ.

— То же самое говоритъ мнѣ и милая моя Катъ, и я, право, стараюсь, на сколько хватаетъ моихъ силъ, не поддаваться этому нувству.— Тутъ нѣсколько слезинокъ тѣло сстатилась по щекамъ мистрисъ Гринау, при чемъ можно было убѣдиться по крайней мѣрѣ въ неискренности того блондинаго цвѣта лица, который придавалъ не мало блеска ея красотѣ. Она поспѣшила приложить платокъ къ глазамъ и, слабо улыбаясь, обратилась къ капитану: я право не желала угодить васъ подобною сценою, капитанъ Бельфильдъ.

— Дорого бы я далъ, мистрисъ Гринау, за позволеніе осушить эти слезы.

— Одно время можетъ осушить ихъ, капитанъ Бельфильдъ,— болѣе никто.

— Но развѣ времени не могутъ пособить въ этомъ отношеніи любовь и дружба?

— Дружба, да. Чѣмъ была бы наша жизнь, если бы она не улаждалась дружбой?

— Но, во сколько разъ лучше самой дружбы жаркое пламя любви? Съ этими словами капитанъ Бельфильдъ съ умысломъ всталъ и придвинулъ свой стулъ поближе къ вдовушкѣ. Но вдовушка, точно также умышленно, пересѣла на противоположный конецъ дивана. Капитанъ на этотъ разъ остался на своемъ мѣстѣ и даже виду не показалъ, что принимаетъ это движеніе съ ея стороны за бѣгство отъ него.

— Во сколько разъ лучше жаркое пламя любви? повторилъ онъ свой вопросъ, глядя ей прямо въ лице. Онъ было надѣялся, что на этомъ мѣстѣ разговора дѣло дойдетъ до пожалтія руки.

— Жаркое пламя любви, капитанъ Бельфильдъ, если вы только испытали его на своемъ вѣку...

— Испыталъ-ли я его на своемъ вѣку! Но развѣ я не испытываю его теперь, мистрисъ Гринау? Я не могу болѣе скрывать свои чувства. Я никогда не умѣлъ совладать съ своими чувствами, когда они были затронуты за живое.

— А часто это случалось, капитанъ Бельфильдъ?

— Да, въ различныхъ обстоятельствахъ моей жизни; на-
примѣръ, на полѣ сраженія...

— Вотъ какъ! Я и не знала, что вы бывали въ дѣлѣ!

— Не знали, что я бывалъ въ дѣлѣ! А что-же, шутки, что ли, я шутилъ на равнинахъ Зузуландіи, когда съ горстью удалцовъ я удерживалъ въ продолженіи семи недѣль пять сотъ кафровъ; цѣлыхъ семь недѣль спалъ подъ открытымъ небомъ, не зная, что такое подушка!

— Цѣлыхъ семь недѣль, говорите вы? спросила мистрисъ Гринау.

— Да-съ. Или, быть можетъ, я шутки шутилъ въ Эссияквебо, на раскаленномъ побережьи Гвіяны, когда все лѣсное населеніе дикихъ африканцевъ поднялось и грозило стереть колонію съ лица земли? А чей же мечъ, какъ не мой, способствовалъ взятію корабля съ цѣлымъ грузомъ невольниковъ при устьѣ рѣки Китчингамо?

— Ей Богу, въ первый разъ слышу, проговорила мистрисъ Гринау.

— Га! вижу, въ чемъ дѣло. Этотъ Чизаверъ—во многихъ отношеніяхъ отличный малый, но ему тошнѣе смерти отдать справедливость о человѣкѣ за его спиною. Это онъ умалилъ мои достоинства въ вашихъ глазахъ. А кто же, какъ не я первый, взобрался на Инкерманскія выси? Въ минутномъ увлеченіи капитану Бельфильду казалось, что семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, и вратъ понемножку не стоитъ.

— Но когда вы заговорили о чувствахъ, мнѣ казалось, что вы подразумѣваете болѣе нѣжныя чувства.

— Такъ, такъ, вы были совершенно правы. Я самъ не знаю, какъ это я отклонился въ сторону и повелъ рѣчь о такихъ вещахъ, про которыя, вообще, не говорится. Дѣло въ томъ, что досадно мнѣ стало на злой язычекъ, увѣрившій васъ, будто я не бывалъ въ дѣлѣ. Нѣтъ, мистрисъ Гринау! Я служилъ ея величеству вѣрой и правдой въ четырехъ частяхъ свѣта. А теперъ я готовъ служить вамъ, если вы только позволите, до гробовой доски.—И съ этими словами онъ однимъ движеніемъ очутился возлѣ дивана и опустился передъ нею на колѣна.

— Но я не нуждаюсь ни въ чьихъ услугахъ, капитанъ Бельфильдъ. Прошу васъ, встаньте: горничная можетъ войти.

— Какое мнѣ дѣло до горничной. Я останусь въ этомъ положеніи, пока вы мнѣ не дадите отвѣта, пока я не услышу отъ васъ хоть одного слова, которое позволило бы мнѣ надѣяться.—Тутъ онъ сдѣлалъ попытку овладѣть ея рукою, но она заложила руки за спину и покачала головою. Арабелла! продолжалъ онъ, неужели вы мнѣ не скажете и словечка?

— Не скажу ни полслова, капитанъ Бельфильдъ, пока вы не встанете. И прошу васъ не называть меня Арабеллой. Я вдова Самюэля Гринау, человѣка пользовавшагося глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ, и мнѣ не прилично выслушивать такія рѣчи.

— Но я хочу, чтобы вы сдѣлались моею женою, и тогда...

— Тогда было бы другое дѣло. Только врядъ ли вамъ этого дожидаться. Вставайте же, Капитанъ Бельфильдъ, не то я столкну васъ съ дороги и позову горничную. Что за плутовская поза для мужчины? На колѣняхъ можно стоять только во время молитвы, которой вы по настоящему и должны бы были посвятить этотъ часъ. Встаньте же, говорятъ вамъ; теперь ровно половина седьмого, я велѣла Жанетѣ придти ко мнѣ объ эту пару.

Въ голосѣ вдовы была такая повелительная интонація, что онъ не посмѣлъ ослушаться и медленно поднялся съ пола.—Ахъ вы неловкій! Всѣ стулья подвигали съ мѣста, проговорила она; живо привела въ порядокъ всю мебель и дернула за звонокъ. Когда вошла Жанета, она приказала ей приготовить чай къ приходу молодыхъ дѣвушекъ и спросила у капитана Бельфильда, нужно ли и для него приготовить чашку? Онъ объявилъ, что это не нужно, и распростился съ нею въ присутствіи Жанеты. Она, какъ ни въ чемъ не бывало, протянула ему руку и даже выразила надежду снова увидѣть его въ скоромъ времени.

— А красивый онъ мужчина, этотъ капитанъ, проговорила Жанета, между тѣмъ какъ герой, отличившійся при устьяхъ Китчингамо спускался съ лѣстницы.

— Въ твои годы еще рано думать о красетѣ мужчинъ, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Да я о ней и не думаю, возразила Жанета. Не знаю, какъ тамъ другія, а у меня ничего такого и въ мысляхъ нѣтъ. Только отчего жъ и не похвалить мужчину, коли онъ точно красавецъ.

— Я подозреваю, что капитанъ Бельфильдъ зарасположилъ тебя поцѣлуемъ и парой перчатокъ.

— Ну, по части перчатокъ и всякихъ подарковъ, мистёръ Чизакеръ потороватѣе его будетъ; это-то мы всѣ знаемъ, не такъ ли, сударыня? А что касается поцѣлуевъ, то я съ этимъ добромъ никому не позволяю подвѣживать къ себѣ. Каждый свертокъ знай свой шестокъ. Вотъ если капитанъ обзаведется женою, нукай съ ней и цѣлуется.

Въ слѣдующій вторникъ утромъ явился по обыкновенію мистёръ Чизакеръ, но на этотъ разъ безъ корзины. Онъ привезъ только букетъ цвѣтовъ и велѣлъ сказать, что заѣдетъ въ половинѣ четвертаго и надѣется видѣть мистрисъ Гринау по важному дѣлу.

— Это онъ, Кэтъ, объ тебѣ хочетъ переговорить, замѣтила мистрисъ Гринау.

— Ну, нѣтъ, я тутъ въ сторонѣ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что онъ не со мною хочетъ видѣться.

— Онъ желаетъ переговорить со мною. Теперь, какъ видно, ужъ мода такая у джентльменовъ—свататься черезъ третью лице. Конечно, если онъ скажетъ, что вибудь такое, я отомлю его къ тебѣ..

— Къ чему же? Скажите ему прямо, что я не хочу за него идти. Но онъ столько же думаетъ обо мнѣ, сколько и...

— Сколько и обо мнѣ, хотѣла ты сказать?

— Нѣтъ тетунка, я этого вовсе не хотѣла сказать.

— Ну, тамъ увидимъ. Если у него дѣйствительно есть какія либудь нажвренія, то ты конечно властна поступить, какъ знаешь; только, право, мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать и худшій выборъ.

— Но если я вовсе не хочу дѣлать никакого выбора?

— Дѣлай, какъ знаешь; я могу только сказать тебѣ свое мнѣніе.

Ровно въ половину четвертаго явился мистёръ Чизакеръ. Провожая его въ гостиную, Жанета успѣла сообщить ему, что

капитанъ Бельфордъ заѣхалъ въ воскресенье послѣ обѣда, но что миссъ Ферстеръ и миссъ Вавасоръ все время, пока онъ былъ, оставались въ комнатѣ. Мистеръ Чизакеръ былъ въ новомъ платьѣ и лѣвая рука его была обтянута въ перчатку, изъ чего Жанета заключила, что онъ прѣвзаетъ по какому нибудь важному дѣлу. Скрипя своими новыми сапогами, онъ вошелъ въ гостиную, гдѣ мистрисъ Гринау дождалась его одна.

— Благодарю васъ за цѣты, заговорила она. Съ вашей стороны было очень мило привезти такой подарокъ, который ничто не мѣшало намъ принять.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ, я не вижу, почему бы вамъ нельзя было принять точно такъ же какой нибудь кувшинчикъ сливокъ. Ну да я надѣюсь, что вы скоро перестанете церемониться.

На это вдова ничего не отвѣчала, но, приглашая мистера Чизакера садиться, бросила на него очень ласковый взглядъ.

Онъ сѣлъ, но предварительно бережно поставилъ шляпу и трость въ уголокъ, потомъ снялъ перчатку, что ему стоило не малаго труда, потому что рука у него вспотѣла. Онъ видимо готовился къ чему-то необычайному.

— Ну, какъ идутъ дѣла въ Ойлидѣ? спросила мистрисъ Гринау, видя, что гость ея нуждался въ посторонней помощи, чтобы начать разговоръ.

— Понемногу, мистрисъ Гринау, понемногу. Всѣ мои дѣла устроятся отлично, если только сегодня мнѣ удастся одно дѣльцо.

— Отъ души желаю вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ.

— Что касается денежныхъ предпріятій, мистрисъ Гринау, — я не могу пожаловаться на недостатокъ успѣха. Имѣніице мое чистенькое, незаложенное и въ одномъ бивѣ. Хлѣба у меня еще съ прошлаго года лежитъ намоченный, а этики немногіе могутъ похвастаться между нашимъ братомъ земледѣльцемъ. Ну да это правда, много ли между нами такихъ, которые не платили бы ренты? а потому мнѣ можетъ и не приходится хвастать.

— Я знаю, мистеръ Чизакеръ, что провидѣніе взыскало васъ своими щедротами во всемъ, касающемся земныхъ благъ.

— Ну, да я и самъ не сидѣлъ сложа руки. Сколько мнѣ извѣстно, полагаясь на одно провидѣніе, далеко не уѣдешь. Я самъ работаю съ ранняго утра до поздней ночи, и у меня до послѣдней копѣйки высчитано, сколько можетъ мнѣ дать барыша трудъ каждаго работника, словно и взаправду мнѣ безъ этого угрожала бы голодная смерть.

— Я всегда была того мнѣнія, мистеръ Чизакеръ, что вы знаете толкъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

— И еще какъ знаю! Когда время выдается, я не прочь и подурачиться, какъ вы могли видѣть въ Ярмутѣ. Я держу трехъ, четырехъ охотничьихъ собакъ, какъ и подобаетъ сельскому джентльмену, и подчасъ охочусь на своей землѣ. Но трудъ для меня прежде всего. Есть люди, которые вѣкъ свой бьютъ баклуши, какъ напримѣръ, капитанъ Бельфильдъ. И чѣмъ же это кончается? Они не выходятъ изъ долговъ.

— Но онъ сражался за отечество, мистеръ Чизакеръ.

— Онъ сражался! Да онъ, какъ я вижу, насказалъ вамъ, по старой привычкѣ, разныхъ басенъ. Онъ десять лѣтъ былъ въ Вестъ-Индіи, и ни съ кѣмъ не сражался кромѣ москитосовъ.

— Но онъ былъ въ Крыму. Подъ Инкерманомъ, напримѣръ.

— Онъ былъ въ Крыму! Вотъ какъ! Только не мѣшало бы вамъ разузнать стороною, прежде чѣмъ повѣрить ему на-слово. Но... о чемъ бишь я говорилъ, мистрисъ Гринау? Да! Вы вѣдь видѣли мой домикъ въ Ойлимидѣ?

— Домикъ у васъ восхитительный. Не достаетъ вамъ только хозяйки.

— Именно такъ, не достаетъ только хозяйки. Но знаете ли, одну только женщину въ мірѣ я желалъ бы видѣть хозяйкою моего дома. Арабелла Гринау! согласны ли вы быть этой женщиной? И съ этими словами онъ всталъ и остановился передъ нею, приложивъ правую руку къ сердцу.

— Я, мистеръ Чизакеръ! воскликнула она.

— Да, вы. Кому же и быть, какъ не вамъ? Съ той минуты, какъ я увидѣлъ васъ, другія женщины для меня не существовали. Съ перваго же дня нашего знакомства съ вами я позналъ, что все мое счастье въ вашихъ рукахъ.

— О, мистеръ Чизсакеръ! Я думала, что вы имѣете виды на другую.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вы жестоко ошибались. Я глубоко уважаю миссъ Вавазоръ, но...

— Мистеръ Чизсакеръ, я, право, не знаю, что сказать вамъ.

— Не знаете, что сказать мнѣ? Скажите, что вы будете моею, скажите, что вы берете меня, берете Ойлимидъ. Скажите, что вы возьмете ту красивую коляску, въ которой я еще нынче утромъ присматривался. Вообразите себѣ, настоящая игрушка, въ нее впрягаютъ пару маленькихъ пони, и дама сама можетъ ею править. Точь въ точь такая колясочка у супруги лорда намѣстника. И такъ, мистрисъ Гринау, скажите, что вы все это берете.

— Ахъ, мистеръ Чизсакеръ, вы не схоронили, какъ я, любовь и гордость своей молодости всего только годъ тому назадъ.

— Но вѣдь вы схоронили его, ну, и царство ему небесное. Вѣдь горюя съ утра до ночи, вы его не воротите. Мнѣ и самому душевно жаль его, право! Бѣдный Гринау. Но больше я ничѣмъ не могу почтить его память.

— За то я могу, мистеръ Чизсакеръ. Я могу оплакивать его въ тишинѣ моей комнаты.

— Нѣтъ, нѣтъ, что пользы сокрушаться по пустякамъ, и меня сокрушать. Объ этомъ-то вы и не подумали?—И въ голосъ мистера Чизсакера слышался упрекъ.

— То, объ чемъ вы просите, мистеръ Чизсакеръ, невозможно.

— Почему же невозможно? Полноте, мистрисъ Гринау; мы съ вами, какъ нельзя лучше, понимаемъ другъ друга; и такъ, моя желанная... съ этими словами онъ придвинулся къ ней, какъ бы желая взять ее за талью. Но въ эту минуту раздался звонокъ, и Жанета пришла доложить своей госпожѣ, что капитанъ Бельфильдъ желаетъ видѣть ее по особенно важному дѣлу.

— Конечно просить капитана Бельфильда, отвѣчала мистрисъ Гринау.

— Чортъ бы его побралъ, этого капитана, протворилъ мистеръ Чизсакеръ.

ГЛАВА XIX.

АЛИСА ВЫСЛУШИВАЕТЪ ЛЕКЦІЮ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБРАЩАТЬСЯ КЪ СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНѢ.

Прежде чѣмъ насталъ день отъѣзда Алисы въ Мэтчингъ-Прейори, она успѣла двадцать разъ раскаяться въ принятомъ ею намѣреніи. Она такъ привыкла чуждаться своихъ знатныхъ родственникововъ, — чему не мало способствовали внушенія Лэди Мэклеодъ; направленные къ совершенно противоположной цѣли, — что встрѣча съ ними пугала ее. Что касается лэди Гленкоры, то она одно время испытывала къ ней ту мимолетную привязанность, которая порождается какимъ нибудь случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и потомъ проходитъ, вмѣстѣ съ породившими ее обстоятельствами, не оставляя по себѣ особенно глубокаго слѣда. И потомъ, какъ знать, найдетъ ли она въ этой лэди Гленкорѣ, окруженной всею роскошью и блескомъ ея званія, ту лэди Гленкору, которая пріѣзжала къ ней въ улицу королевы Анны? Другихъ знакомыхъ въ этомъ кругу у нея не было, и она боялась, что будетъ стоять тамъ одиноко, чувствуя притомъ, что ея самолюбіе оскорбляется на каждомъ шагѣ. Лэди Мэклеодъ съ самаго начала одобрила ея намѣреніе ѣхать, въ надеждѣ, что этотъ шагъ будетъ способствовать ея примиренію съ мистеромъ Греемъ. Къ тому же шагъ этотъ самъ по себѣ уже заслуживалъ одобренія. Лэди Гленкора не иначе, какъ завтра могла сдѣлаться герцогинею, а такъ какъ она безспорно приходилась близкою родственницею Алисѣ, то ясно, что Алиса непременно должна была принять ея приглашеніе. Надо отдать справедливость лэди Мэклеодъ, она была совершенно безкорыстна въ своемъ благоговѣннѣи передъ знатностью рода. Ея роль въ жизни была уже кончена, и врядъ

ли она могла надѣяться дожить до того дня, когда ей позволено будетъ назваться родственницею Герцогини Омнiумъ. Но она любила Алису и желала ей всего лучшаго.

Что касается дальнѣйшей переписки между лэди Мэклеодъ и лэди Мидлотiанъ, то она оставалась тайною для Алисы. На убѣжденiи тетки отвѣтить на письмо графини, она отвѣчала положительнымъ отказомъ; наконецъ, выведенная изъ терпѣнiя, она объявила, что если лэди Мэклеодъ еще будетъ приставать къ ней съ этимъ, что она напишетъ лэди Мидлотiанъ, что находитъ вмѣшательство ея въ высшей степени нахальнымъ.

— Старѣюсь я, Алиса, крѣпко старѣюсь, жалобно проговорила старая лэди, и вижу, что мнѣ лучше не вмѣшиваться въ это дѣло. Если я и говорила что до сихъ поръ, то говорила, тебѣ же добра желая.—Тутъ Алиса встала, поцѣловала тетку, и постаралась объяснить ей, что за ея вмѣшательство она и не думаетъ сердиться, и будетъ благодарна ей, что бы она ни сказала и ни сдѣлала, но что ее возмущаетъ навязчивость со стороны людей, которыхъ она въ глаза не видала, и которые считаютъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея дѣла только на основанiи своей знатности.

— Ну, и потому тоже, что они тебѣ не чужие, замѣтила лэди Мэклеодъ, въ видѣ оправданiя.

Въ половинѣ ноября Алиса распростилась съ Чельтенгамомъ. Путь ея въ Мэтчингъ-Прейори лежалъ черезъ Лондонъ, гдѣ она предполагала провести сутки. Отецъ встрѣтилъ ее на станци желѣзной дороги и, провожая ее домой, пробормоталъ что-то о невозможности обѣдать въ этотъ день дома; за то на слѣдующее утро онъ милостиво общался отзавтракать съ нею.

— А я радъ, что ты ѣдешь туда, Алиса, сказалъ онъ дорогой.

— Это почему, папа?

— Почему? Да потому, что это тебѣ будетъ очень полезно. Ты знаешь, я никогда не распространялся съ тобою о родствѣ твоей матери. Мнѣ оно седьмая вода на кисель, и я знаю, что самое имя Вавазоръ имъ не извѣстно, хотя нашъ родъ и подревнѣе ихняго будетъ.

— Вотъ почему я и не вижу, что заставляетъ васъ особенно одобрять мой поступокъ. Меня меньше удивило бы, если бы вы его положительно не одобрили, и въ такомъ случаѣ я конечно осталась бы.

— Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ непремѣнно слѣдуетъ ѣхать. Знатность и богатство безспорно большія преимущества, иначе, за чѣмъ же бы всѣ добивались ихъ?

— Но у меня ни того, ни другаго не прибавится отъ того, что я побываю въ Мэтчингъ-Прейори.

— За то на твою долю достанется нѣкоторая часть выгодъ, сопряженныхъ съ ними. Взятая въ общей сложности, англійская аристократія не такое сословіе, знакомствомъ котораго можно бы было пренебрегать. Самъ я не слишкомъ-то гонялся за этимъ знакомствомъ, хотя я и могу сказать, что породнился съ ними черезъ женитьбу. Но обстоятельство это было мнѣ скорѣе помѣхою къ дальнѣйшему сближенію. А между тѣмъ, вѣрь мнѣ, и люди, такъ же, какъ растенія, должны развиваться, обращаясь преимущественно къ солнечной сторонѣ. Каждый долженъ стараться упрочить себѣ по возможности наилучшее положеніе въ свѣтѣ, и если бы мнѣ предоставили выбирать между знакомствомъ булочника и знакомствомъ пера, я безъ сомнѣнія выбралъ бы пера. Кромѣ, развѣ, того случая, если бы какія нибудь особенно важныя соображенія заставили меня предпочесть булочника. Это еще не означаетъ по моему паразитства и не обязываетъ тебя превращаться въ проживалку. Это то же самое естественное стремленіе, которое заставляетъ деревья расти по направленію къ свѣту.

Алиса съ улыбкой на лицѣ выслушала этотъ урокъ житейской мудрости, преподанный ей отцемъ, но оставила его безъ возраженія. Вообще ей не часто случалось получать отъ него совѣты, даже въ той отрывочной формѣ, въ какой онъ высказался теперь. — Дѣлать нечего, папа, постараюсь расти по направленію къ свѣту, проговорила она, выходя изъ экипажа. Мистеръ Вавазоръ, не заходя домой, отправился въ клубъ.

На столѣ у себя Алиса нашла записку отъ кузена Джоржа слѣдующаго содержанія: «Я узналъ, что вы ѣдете завтра къ Паллизерамъ въ Мэтчингъ Прейори, писалъ онъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ вы уѣдете, а потому

не позволите ли вы мнѣ явиться къ вамъ сегодня вечеромъ, положимъ въ девять часовъ? Д. В. » Отказаться отъ этого свиданія не было никакой возможности, и она отъ души досадовала на это обстоятельство. Ее занималъ вопросъ, отъ кого узналъ Джоржъ о ея поѣздкѣ и о томъ, что она именно въ этотъ день будетъ въ Лондонѣ? Съ какою цѣлью слѣдить онъ за всѣми ея поступками? Покончивъ къ девяти часамъ всѣ свои сборы въ дорогу, она сѣла дожидаться его въ гостиной.

— Я радъ, что вы ѣдете въ Мэтчингъ—Прейори, было его первое слово, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Какъ вы узнали, что я ѣду? спросила она.

— Мнѣ сказалъ одинъ пріятель, Борго Фицджеральдъ, если ужъ вамъ непременно нужно знать.

— Мистеръ Фицджеральдъ? воскликнула Алиса въ изумленіи. Онъ-то отъ кого могъ узнать?

— Ну этого я не сумѣю вамъ сказать, Алиса, полагаю, во всякомъ случаѣ, что не отъ самой лэди Гленкору.

— Это было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ.

— Конечно. Если не ошибаюсь, она дружна съ его сестрою; не мудрено, что извѣстіе дошло до него этимъ путемъ.

— Не отъ него ли вы тоже узнали и день моего отъѣзда? Онъ, по видимому, имѣлъ очень точныя свѣденія.

— Нѣтъ, объ этомъ-то я разузнала черезъ Кэтъ. Что? какъ видно Кэтъ неправа была, что отвѣчала мнѣ? Ей конечно было строжайше запрещено сообщать о вашихъ намѣреніяхъ и поступкахъ такой ничтожной личности, какъ вашъ покорнѣйшій слуга. Но не сердитесь на Кэтъ. Она ни слова не говорила мнѣ о вашемъ намѣреніи ѣхать въ Мэтчингъ—Прейори, пока изъ моего вопроса не догадалась, что оно уже мнѣ извѣстно. Признаюсь, я не понимаю, изъ за чего тутъ секретничать.

Алиса чувствовала, что краснѣеть. Предостереженіе, о которомъ говорилъ Джоржъ, дѣйствительно было сдѣлано ею кузинѣ, которая, не смотря на просьбы Алисы, въ письмахъ своихъ все-таки проговаривалась порою о братѣ. Но даже и теперь Алиса не подозрѣвала двойственности въ поведеніи кузины и всю вину сваливала на собственную свою неосторожность.

— Не понимаю, продолжалъ Джоржъ, не глядя на нее. Не

далѣе, какъ намереніи, мы были самыми близкими друзьями. Помните ли вы балконъ въ Базелѣ? А теперь мы стали вдругъ точно чужіе, или даже хуже, чѣмъ чужіе, я какъ будто нахожусь подъ какою-то опалой. Если я чѣмъ нибудь оскорбилъ васъ, Алиса, то такъ и скажите прямо, какъ это слѣдуетъ женщицѣ съ вашимъ энергическимъ характеромъ.

— Вы меня ничѣмъ не оскорбили, отвѣчала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ за что же я нахожусь подъ опалой? За что вы намереніи объявили мнѣ, чтобы я не смѣлъ поздравлять васъ съ избавленіемъ отъ грозившаго вамъ ига? Я смѣло говорю, что если бы вы пришли къ этому рѣшенію, когда еще мы съ вами были въ Швейцаріи, вы позволили бы мнѣ, какъ другу, какъ брату, войти съ вами въ разсужденіе объ этомъ предметѣ.

— Не думаю, Джорджъ.

— А я такъ убѣжденъ въ этомъ. И на какомъ это основаніи сестрѣ Кэтъ было запрещено сообщать мнѣ о вашей поѣздкѣ къ Паллизерамъ? Я знаю, что ей было запрещено, хотя она ни слова мнѣ объ этомъ не говорила.

Алиса сидѣла молча, не зная, какъ отвѣчать на взводимое на нее обвиненіе и питая, быть можетъ, смутную надежду, что ей удастся отмолчаться. Но отъ Вавазора не такъ-то легко было отдѣлаться. — Если у васъ дѣйствительно были какія нибудь причины, Алиса, то я, кажется, имѣю право спросить о нихъ.

Еще нѣсколько минутъ она просидѣла молча, обдумывая свой отвѣтъ. Онъ съ своей стороны не говорилъ ни слова и не спускалъ съ нея глазъ. Когда она взглянула на него, — широкій шрамъ и яркіе, почти злобно горѣвшіе, глаза одни выдавались на этомъ лицѣ. Она поняла, что разговоръ завязывается серьезный. — Я думаю, что вы имѣли это право, проговорила она наконецъ

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ воспользоваться имъ.

— Я думаю, что вы имѣете это право, но нахожу, что съ вашей стороны не великодушно имъ пользоваться.

— Этого я что-то въ толкъ не возьму. Но, Боже мой, Алиса, неужели вы не видите, что я не могу долѣе оставаться въ

этой неизвестности? Если я чѣмъ-нибудь оскорбилъ васъ, то я, быть можетъ, могу загладить свою вину покаяніемъ.

— Вы меня ничѣмъ не оскорбили.

— Или, быть можетъ, дѣйствительно существуетъ какая-нибудь причина, по которой вамъ нельзя оставаться въ Лондонѣ на той дружеской ногѣ, на которой мы съ вами стояли въ Швейцаріи? Но въ такомъ случаѣ объясните мнѣ эту причину, и я, быть можетъ, признаю ее основательной. Но свѣдѣ еще моимъ оставаться въ сомнѣніи, когда мнѣ прямо говорятъ, что я имѣю право требовать разъясненія загадки.

— Хорошо, Джоржъ, я буду говорить съ вами откровенно, хотя, какъ вы сами поймете, мнѣ это будетъ не легко. — Она снова остановилась и всплнула ему въ лице, не скалитесь ли вы надъ нею? Но все тотъ же шрамъ, все тѣ же глаза глядѣли на нее съ этого лица и ни тѣми состраданія не могла она уловить на нихъ.

— Ваша сестра, Джоржъ, воображала, что моя размова съ мистеромъ Греемъ поведетъ къ возобновенію нашихъ прежнихъ отношеній съ вами. Вы знаете ея завѣтную мечту и увидите, что я была вынуждена просить ее обходить этотъ предметъ молчаніемъ. Нужно ли объяснять вамъ остальное?

— И такъ я несю наказаніе за ея грѣхи? проговорилъ онъ. И драма на его лицѣ какъ не бывало, и глаза снова заиспрились прежнею веселостію.

— Я ни слова не говорила, Джоржъ, о чьихъ бы то ни было грѣхахъ; я просто считала нужнымъ держаться на сторожѣ.

— Такъ, проговорилъ онъ, помолчавъ, — вы честная женщина, Адица; честнѣйшая изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною. И уйму Кэтъ, а намъ теперь ничто не мѣшаетъ быть снова друзьями, не такъ ли? И онъ протянулъ ей черезъ столъ свою руку.

— Да, отвѣчала она, — конечно, если бы только желаете этого. Но въ голосѣ ея слышалось желаніе скрыть отъ него свою радость.

— Само собою разумѣется, я этого желаю всѣмъ сердцемъ, отвѣчалъ онъ. Тогда она протянула ему свою руку.

— Вы мнѣ позволяете теперь говорить о вашей новопріобрѣтенной свободѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала она — не говорите объ этомъ. Жен-

щияѣ не безъ страданій обходится такой поступокъ, какъ мой. Довольно того, что мысль о немъ преслѣдуетъ меня и днемъ, и ночью; не вынуждайте меня еще говорить о немъ.

— По крайней мѣрѣ вы разрѣшите мнѣ коснуться другаго предмета, именно вашей побѣдки въ Мэтчингъ? Въ голосѣ его звучала такая игривая струна, что она поддалась ея обаянiю и весело отвѣчала ему:—не знаю, что вы можете сказать объ этомъ предметѣ.

— Очень многое. Я радъ, что вы туда ѣдете. Смотрите, постарайтесь заключить тѣсную дружбу съ мистеромъ Паллизеромъ.

— Съ мистеромъ Паллизеромъ?

— Да, съ нимъ самимъ. Для этого вы должны прочитать нѣсколько сочиненiй, трактующихъ о финансахъ. Если хотите, я вамъ пришлю ихъ.

— Полноте дурачиться, Джоржъ.

— Я вовсе не дурачусь. Относительно книгъ я конечно пошутилъ: у васъ и времени нѣтъ ихъ прочитать. Но что касается мистера Паллизера,—я говорю, отложивъ всякiя шутки въ сторону. Онъ навѣрное будетъ при первой же перемѣнѣ министерства канцлеромъ казначейства.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но съ какой стати мнѣ заключать дружественный союзъ съ канцлеромъ казначейства? Я не нуждаюсь въ государственной казнѣ.

— Но я-то въ ней нуждаюсь, дитя мое. Понимаете ли, что я хочу сказать?

— Ничего не понимаю.

— Я надѣюсь при слѣдующихъ выборахъ попасть въ парламентъ.

— Я тоже надѣюсь за васъ и отъ души желаю вамъ успѣха.

— Если же я попаду, то конечно мой планъ дѣйствiй будетъ состоять въ поддерживанiи министерства, т. е. новаго министерства, потому что въ составѣ кабинета предвидятся перемѣны.

— Надѣюсь, что новые министры будутъ стоять за правое дѣло.

— О, это не подлежитъ никакому сомнѣнiю, Алиса.

— Какъ бы хорошо было, если бы всѣхъ ихъ замѣнили новыми людьми!

— Ну, это-то не такъ легко дѣлается. Мечтать объ этомъ, отчего не мечтать; но такихъ людей, какихъ вы желали бы видѣть, людей, вышедшихъ изъ народа, и въ то же время способныхъ занять высшія государственныя должности, не существуетъ въ дѣйствительности. Любовь къ животнымъ не дѣлаетъ человѣка способнымъ управлять четвервой лошадей хотя онъ и старается чтобы упряжь не причиняла лошадямъ ни малѣйшей боли. Такъ точно одно желаніе ввести хорошій порядокъ управленія не дѣлаетъ человѣка способнымъ дѣйствительно хорошо управлять.

— Неужели никогда не будетъ такихъ людей, которое соединили бы въ себѣ всѣ нужныя условія?

— Этого я не скажу. Откроюсь вамъ по секрету, что самъ я стремлюсь къ тому, чтобы сдѣлаться однимъ изъ нихъ. Но ребенокъ, прежде чѣмъ научится ходить, долженъ ползать. Человѣкъ, желающій, подобно мнѣ, сдѣлаться со временемъ политическимъ дѣятелемъ, долженъ умѣть пользоваться каждою случайностью. Для меня вовсе не бездѣлица, если мистеръ Паллизеръ сдѣлается другомъ человѣка, мнѣ дорогаго и близкаго, въ особенности же если человѣкъ этотъ носитъ одно со мною имя.

— Боюсь, Джорджъ, что я окажусь вамъ плохою помощницей въ составленіи подобныхъ связей.

— Говорятъ, что его водить за носъ жена и что она очень умная женщина. Но я прежде всего хотѣлъ сказать, Алиса, что рассчитываю въ моей политической карьерѣ на ваше сочувствіе и содѣйствіе.

— За сочувствіе я вамъ ручаюсь. Что же касается содѣйствія, то я боюсь, что оно мало принесетъ вамъ пользы.

— Въ этомъ вы ошибаетесь, Алиса, особенно если вы займете то положеніе въ обществѣ, которое, я убѣжденъ, рано или поздно будетъ вашимъ. Неужели вы думаете, что женщины въ настоящее время не имѣютъ вліянія на ходъ политическихъ событій. Да онѣ управляютъ ими столько же, сколько и мужчины.—Въ отвѣтъ на это Алиса покачала головою, но въ душѣ она чувствовала себя польщенной.

Джорджъ простился съ нею, не сказавъ болѣе ни слова о ея прошедшихъ или будущихъ планахъ касательно замуж-

ства; жаюсь спать, она подумала, что все-таки хорошо, что это объясненіе состоялось.

ГЛАВА XXX.

ДЕНДИ И КОКЕТКА.

Около трех часов пополудни Алиса благополучно прибыла на станцію мэтчингской дороги. Какъ только остановился поѣздъ, она почувствовала, что теперь ей уже нечего болѣе заботиться о своей особѣ. Къ отворенному окну вагона подошелъ лакей въ ливреѣ и почтительно освѣдомился, не она ли миссъ Вавазоръ? Вслѣдъ за тѣмъ у нея подхватили всѣ ея чемоданчики, и она вышла изъ вагона, сопровождаемая начальникомъ станціи съ одной стороны, лакеемъ съ другой и сторожемъ желѣзной дороги сзади. Она не замедлила почувствовать, что часть аристократическаго блеска отразилась и на ней потому только, что она пріѣхала временной гостьей въ Мэтчингъ-Прейори. У подъѣзда станціи стоялъ омнибусъ, отъѣзжавшій въ маленькій городокъ Мэтчингъ и предназначенный для обыкновенныхъ смертныхъ, немѣвшихъ счастья Алисы расти по направленію къ свѣту. Тутъ же стояла легкая, красивая телѣжка и наконецъ небольшой, низенькій шарабанъ, запряженный парюю великолѣпныхъ маленькихъ лошадокъ; въ этомъ шарабанѣ, вся окутанная въ мѣхъ, сидѣла лэди Гленкора.

— Милая Алиса, заговорила она, какъ я рада, что вы пріѣхали! Мы вотъ какъ распорядимся, милочка: ваша горничная поѣдетъ съ вашими вещами вотъ въ этой фурѣ—это она красивую телѣжку называла фурой—ей будетъ въ ней очень удобно, а вы садитесь ко мнѣ. Очень вы озябли?

— О нѣтъ, нисколько.

— А между тѣмъ ужасно холодно. Вы сидѣли все время въ душномъ вагонѣ, но здѣсь, ручаюсь вамъ, порядкомъ назябнетесь.

— Ахъ, лэди Гленкора, мнѣ право жаль, что вы изъ за

меня поѣхали въ такую стужу, проговорила Алиса, занимая возлѣ нея мѣсто въ шарабанѣ.

— Что завздорь! Чего тутъ жалѣть! Да я, Богъ знаетъ какъ, ждала этой встрѣчи съ вами наединѣ съ самаго того дня, какъ вы написали мнѣ, что прїѣдете. Если бы все утро шелъ снѣгъ, я и то прїѣхала бы. Когда мы прїѣзжаемъ въ Мэтчингъ-Прейори, я катаюсь каждыи день, если только домъ не слишкомъ набитъ гостями и я могу улизнуть. Закутайтесь потаще; тутъ множество дѣтковъ и всякой всячины. Хотите править? Я вамъ уступлю возжи.

Но отъ этого удовольствїя Алиса отказалась, поблагодаривъ за предложенїе, какъ умѣла.

— А я такъ страшная охотница править. Мистеръ Паллизеръ того мнѣнія, что дамамъ не годится ѣздить на охоту, и такъ какъ онъ самъ не охотится, то мнѣ, само собой разумѣется, неловко было бы перещеголять его. Я ѣзжу верхомъ, но его я никогда не видала въ сѣдлѣ. Порой мнѣ, кажется, что я охотно взялась бы править четверкой лошадей, только развѣ немножко страшно бы было.

— Съ виду это было бы очень страшно, замѣтила Алиса.

— Да, не правда ли? Но, какъ и многое другое, болѣе съ виду, чѣмъ въ дѣйствительности. А, не правда ли, красивая у меня пара лошадокъ? Ихъ зовутъ Дэнди и Кокетва; самъ герцогъ подарилъ мнѣ ихъ и назвалъ этими именами. Вы никогда не видали герцога?

— Нѣтъ, никогда, отвѣчала Алиса.

— Сюда-то онъ прїѣдетъ только къ рождеству, но въ Лондонѣ я васъ непременно представлю ему. Онъ добрейшїй старикъ, и я пользуюсь его особеннымъ расположенїемъ, хотя мы обыкновенно десяти словъ не скажемъ другъ другу при встрѣчѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не разговариваютъ; я же напротивъ, какъ вы сами вскорѣ увидите, люблю поболтать. Мнѣ кажется, что эти вкусы передаются изъ рода въ родъ; всѣ Паллизеры неболтливы. Это впрочемъ еще не значитъ, чтобы они не были рѣчисты; мистеръ Паллизеръ неумоимо ораторствуетъ въ парламентѣ, и про него говорятъ, что онъ одинъ изъ немногихъ государственныхъ людей, обла-

дающихъ достаточно здоровыми легкими, чтобы, не переводя духъ, прочитатъ финансовый отчетъ.

Алиса замѣтила, что сама она почти все время молчала и въ сожалѣнію, должна была сознаться, что не знаетъ, о чемъ говорить. Если бы разговоръ продолжалъ вращаться на достоинствахъ Дэнди и Кокетки, то она еще ухитрилась бы какъ нибудь придти въ восторгъ отъ лошадей; но не могла же она пуститься въ разсужденія по поводу молчаливости, общей всѣмъ Паллизерамъ, и неутомимыхъ въ служеніи отечеству легкихъ того представителя этого имени, который былъ супругомъ ея пріятельницы. И такъ, она ограничилась вопросомъ: далеко ли до Мэтчинга.

— А вамъ ужъ наскучило со мною ѣхать? сказала лэди Гленкора.

— Я вовсе не потому спросила, отвѣчала Алиса; прогулка эта мнѣ очень нравится; но мнѣ страннымъ показалось, что мэтчингская станція такъ далеко отстоитъ отъ Мэтчинг-Прейори.

— Ахъ да, это всѣхъ сбиваетъ съ толку; но дѣло въ томъ, что станція эта по настоящему должна бы называться станціей мэтчингской дороги; она въ восьми миляхъ отъ города.

— А въ Мэтчингѣ есть и городъ?

— Да, такъ себѣ, крошечный городишка. Когда-то онъ пользовался правомъ избирать себѣ представителей и принадлежалъ герцогу; на время били о реформѣ гнилыхъ мѣстечекъ у него отняли эти права. Герцогу было предложено на выборъ, сохранить или Мэтчингъ, или Сильвербриджъ; вы знаете, мистеръ Паллизеръ засѣдаетъ въ парламентѣ депутатомъ отъ Сильвербриджа. Герцогъ, или вѣрнѣе его отецъ, избралъ Сильвербриджа, такъ какъ онъ въ то время собирался строить большой замокъ въ Борестпейрѣ, близъ Сильвербриджа. Этого жители Мэтчинга никакъ не могли ему простить, такъ какъ самъ онъ, во время преній о реформѣ, былъ представителемъ ихъ города. Потомъ отецъ герцога умеръ, а онъ совсѣмъ почти пересталъ пріѣзжать сюда. А мнѣ здѣсь гораздо болѣе нравится, чѣмъ въ Гедерумъ-Кэстлѣ. Конечно той пышности нѣтъ, но я ненавижу пышность; вѣдь и вы ее тоже ненавидите.

— Я еще не имѣла случая ознакомиться съ ней такъ, какъ вы.

— Ну, послушайте, ужъ это съ вашей стороны недобросовѣстно; во мнѣ-то ужъ, кажется, нѣтъ и тѣни пышности.

— Да, но вы жили въ томъ кругу, гдѣ ея много.

— А вы сами не захотѣли вступить въ этотъ кругъ. Вольно жъ вамъ было отталкивать отъ себя всю вашу родню, и лэди Мидлотіанъ по преимуществу? Проказница вы этакая! Если бы вы знали, какъ я разозлилась, когда узнала, что вы считаете меня предательницей. Вамъ ли было не знать, что я всего менѣе способна на такое дѣло?

— Я и не говорила, что вы затѣваете предательство, но я думала...

— Не вывертывайтесь, Алиса, я знаю, что вы думали. Вы думали, что лэди Мидлотіанъ дѣлаетъ изъ меня орудіе, посредствомъ котораго приберетъ васъ къ рукамъ и будетъ ѣсть васъ поѣдомъ, пока не вгонитъ въ объятія мистера Грея; вотъ что вы думали. Не знаю, заслужила ли я особенно хорошее мнѣніе съ вашей стороны, но знаю, что положительно не давала вамъ права такъ дурно обо мнѣ думать.

— За чѣмъ вы говорите о дурномъ мнѣніи? Я просто была поставлена въ необходимость оберегать себя.

— Никто не посмѣетъ васъ тронуть, я беру васъ подъ свое покровительство. Имя мистера Грея не будетъ произноситься въ вашемъ присутствіи, съ тою только оговоркою, что я надѣюсь узнать отъ васъ всю эту исторію. Да, расскажите мнѣ какъ нибудь про этого опаснаго кузена, о которомъ мнѣ говорили столько ужасовъ въ Шотландіи. Впрочемъ, я и прежде о немъ слышала. Эти послѣднія слова лэди Гленбора проговорила тихо и медленно, измѣнившимся голосомъ, какъ будто они вызвали у нея тяжелое воспоминаніе. Вѣдь слышала она о Джоржѣ Вавазорѣ отъ Борго Фицджеральда.

Алиса затруднялась продолжать разговоръ. Не могла же она говорить о самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ въ открытомъ экипажѣ, гдѣ каждое ея слово могъ слышать лакей, сидѣвшій за ея спиною; да и самая первая встрѣча съ кузиною, которую она знала очень мало, не благопріятствовала откровенности. Итакъ, она молчала.

— А вотъ и паркъ начинается; проговорила лэди Гленкора, указывая на старый сломленный дубъ, стоявшій на широкомъ газонѣ, окаймлявшемъ дорогу. — Это мэтчингскій дубъ, подъ которымъ Ричардъ Львиное Сердце, или Эдуардъ Третій, не припомню кто изъ нихъ, былъ встрѣченъ сэромъ Гай-де-Паллизеромъ, по возвращеніи съ войны; или съ хоты, или съ чего-то такого. То есть это король возвращался съ войны, или съ чего другаго въ этомъ родѣ, а сэръ Гай напоилъ и накормилъ его съ дороги. Джефри Паллизеръ, двоюродный братъ моего мужа, говоритъ, что покойный сэръ Гай въ добрый часъ откупорилъ свою фляжку съ водкой. Король тутъ же подарилъ ему всѣ земли, принадлежащія къ Мэтчингу; только на этихъ земляхъ стоялъ монастырь съ кучею монаховъ, и я не совсемъ понимаю, какъ это было устроено. Знаю только, что одинъ изъ младшихъ въ родѣ Паллизеровъ обыкновенно бывалъ аббатомъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. Въ то же время король подарилъ ему и Лятльбери, въ семи миляхъ отсюда. Джефри Паллизеръ говоритъ, что красную цѣну далъ король за какой-нибудь глотокъ изъ фляжки. Джефри Паллизеръ гоститъ теперь у насъ; надѣюсь, онъ понравится вамъ. Если я останусь бездѣтной, и мистеръ Паллизеръ не женится во второй разъ, Джефри сдѣлается его наследникомъ. И тутъ снова голосъ ея понизился, и вся интонація измѣнилась.

— Полагаю, что и большая часть древнихъ родовъ приобрѣла свои помѣстья тѣмъ же путемъ.

— Или грабежемъ. Многіе между ними были отъявленными разбойниками и, по всѣмъ вѣроятіямъ, сэръ Гай не отставалъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ. Съ тѣхъ поръ ктонибудь изъ Паллизеровъ непременно носилъ имя Плантагенета. Моего мужа тоже зовутъ Плантагенетомъ. Герцога зовутъ Джоржемъ Плантагенетомъ, и король былъ его крестнымъ отцемъ. Моею крестною матерью была, если не ошибаюсь, королева, но мнѣ отъ этого мало прибыли. Вообще не понимаю, къ чему служить крестные отцы и матери; и если бы у меня родился ребенокъ... Ахъ, Алиса! какъ ужасно быть бездѣтной; когда такъ многое отъ этого зависитъ.

— Но вы еще такъ недавно замужемъ.

— Да, это такъ. А между тѣмъ я по глазамъ его вижу,

каково у него на душѣ] когда онъ разспрашиваетъ меня. Я убѣждена, что онъ не рѣшится оскорбить меня ни однимъ словомъ, хотя бы и собственное его положеніе отъ этого зависѣло. А вотъ и городокъ Мэтчингъ, я нарочно сдѣлала объѣздъ, чтобы вамъ его показать. Когда мы минуемъ вонъ тѣ ворота, мы увидимъ церковь: она стоитъ посреди парка и очень красива; но куда красивѣе развалины аббатства, которыя на ходятся возлѣ самаго дома. Я такъ люблю бродить по нимъ въ лунныя ночи! И тогда вы мнѣ почему-то всегда приходите на мысль. И знаете ли, почему? Когда нибудь я скажу вамъ, а теперь... Куда же вы, миссъ Кокетка?

Проѣзжая паркомъ, лэди Гленнора указала Алисѣ церковь и вслѣдъ за тѣмъ развалины аббатства. Въ двухъ стахъ ярдахъ отъ воротъ аббатства стоялъ и самый домъ Паллизеровъ. То было красивое, большое строеніе, но не болѣе, какъ домъ; его нельзя было назвать ни дворцомъ, ни замкомъ. Между этимъ домомъ и старымъ аббатствомъ зеленѣлъ лугъ, который заходилъ и за ограду монастыря и замѣнялъ полъ въ часовнѣ и въ трапезнѣ.

Когда экипажъ остановился у подъѣзда, какой-то джентльменъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— А вотъ и мистеръ Паллизеръ, замѣтила лэди Гленнора;— это служить вамъ доказательствомъ, что вы у насъ почетная гостя, потому что онъ заваленъ работой и; будьте увѣрены, никого другаго не вышелъ бы встрѣчать. Плантагенетъ, вотъ я и привезла тебѣ миссъ Вавазоръ. Алиса, рекомендую вамъ моего мужа.

Мистеръ Паллизеръ протянулъ руку и помогъ имъ выйти изъ экипажа.

— Надѣюсь, что вы не слишкомъ озябли, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.— Нынѣшній годъ зима настала такъ внезапно.

И онъ ничего болѣе не сказалъ ей до самаго обѣда. Мистеръ Паллизеръ былъ высокій, худощавый мужчина. На видъ ему казалось не болѣе тридцати лѣтъ; съ перваго же взгляда въ немъ нельзя было не признать джентльмена, но вообще наружность его не представляла ничего замѣчательнаго. У него было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя вы двадцать разъ можете

увидѣть и позабыть. А между тѣмъ, разбирая черты этого лица по-одиночѣ, вы убѣждались, что въ нихъ много хорошаго; форма лба изобличала умъ, въ очертаніи губъ высказывался энергичный характеръ. Наконецъ, глаза его, хотя ихъ и нельзя было назвать блестящими, всегда свѣтились какою нибудь мыслью. Но контуръ лица, чрезвычайно тонкій, не имѣлъ никакого значенія, тѣмъ болѣе, что мистеръ Паллизеръ не носилъ даже бороды, которая могла бы придать ему сколько нибудь рельефности. Но мистеръ Паллизеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые рассчитываютъ на свою наружность для упроченія за собою виднаго положенія въ свѣтѣ. Не въ томъ состояла завѣтная мечта его честолюбія, чтобы на него глядѣли, а въ томъ, чтобы про него читали въ газетахъ. Объ немъ поговаривали, что онъ будетъ канцлеромъ казначейства, но никому и въ голову не приходило намекнуть, что недостатокъ замѣчательности въ его наружности помѣшаетъ ему занять эту должность.

— Что гости еще въ разбродѣ? спросила у него жена.

— Мужчины еще не возвращались съ охоты, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется; а дамы, если не ошибаюсь, катаются. Впрочемъ я никого не видалъ съ самой той поры, какъ ты уѣхала.

— Я такъ и знала. Ему, Алиса, вѣчно недосугъ видѣться съ кѣмъ бы то ни было. Однако, милая, пойдемъ на верхъ. Я распорядилась, чтобы намъ подали чай въ мою уборную, такъ какъ я думаю, что вы не захотите прямо съ дороги отправиться въ гостиную. Я думаю, вы умираете съ голоду. Если вы не хотите переодѣваться двадцать разъ, то можете просидѣть на верху у камина до самаго обѣда.

И она побѣжала на верхъ, куда за ней послѣдовала и Алиса.

— Вотъ моя уборная, а вотъ, на-искосокъ, и ваша комната. Окна у васъ прямо выходятъ въ паркъ. Но пойдите ко мнѣ, я покажу вамъ изъ своего окна развалины аббатства.

Алиса послѣдовала за лэди Гленкорою черезъ корридоръ и очутилась въ комнатѣ, которую та называла своей уборной. Нельзя было вообразить ничего роскошнѣе этого маленькаго убѣжища: оно было заставлено самыми красивыми столиками, самыми покойными креслами; на этажеркахъ красовались са-

мыя прихотливыя бездѣлки изъ стариннаго фарфора. Всюду глазъ встрѣчалъ самыя веселыя цвѣта; потолокъ былъ разрисованъ нимфами, на дверяхъ виднѣлись купидоны.

— Не правда ли, здѣсь очень мило? спросила лэди Гленгора, живо обернувшись къ Алисѣ. Я называю эту комнату своей уборной для того только, чтобы отдѣлаться отъ непрощенныхъ посѣтителей; но мыло и щетки припрятаны у меня въ другой маленькой комнаткѣ, а платья... ну, платья-то мои вездѣ, кажется, валяются, только здѣсь нѣтъ ни одного. Не правда ли, здѣсь мило?

— Очень мило.

— Эту комнату отдѣлывалъ самъ герцогъ; у него много вкуса въ этихъ вещахъ. Мистеръ Паллизеръ, тотъ совсѣмъ другое дѣло; въ его глазахъ уборная—неболѣе какъ уборная, спальня, просто спальня. Для него красота послѣднее дѣло, даже въ женѣ, иначе онъ не женился бы на мнѣ.

— Вы не сказали бы этого, если бы въ самомъ дѣлѣ такъ думали.

— Право не знаю. Порою, глядя на себя, когда мнѣ случается быть самой собою, безъ всѣхъ этихъ прикрасъ и крикливо-вляній, я готова подумать, что безобразнѣе меня молодой женщины не бывало подъ луною. А лѣтъ черезъ десять я буду бозобразнѣйшей въ мнѣ старухой. Повѣрите ли, волосы мои уже теперь начинаютъ сѣдѣть, а мнѣ еще нѣтъ двадцати одного года. Посмотрите!—и она приподняла прядь своихъ кудрей надъ самымъ ухомъ.—Впрочемъ, мнѣ остается одно утѣшеніе, что онъ не обращаетъ вниманія на красоту. Сколько вамъ лѣтъ?

— Мнѣ за двадцать за пять, отвѣчала Алиса.

— Какой вздоръ! Въ такомъ случаѣ я жалѣю, что спросила у васъ.

— Вотъ это ужъ подлинно вздоръ. Съ какой стати стану я стыдиться своихъ лѣтъ?

— Не знаю, право, только другіе стыдятся. А я никакъ не воображала, чтобы вы были такъ стары. Мнѣ двадцать пять лѣтъ кажется ужъ Богъ знаетъ какую старостью. Конечно, если бы вы были замужемъ, еще это было бы ничего; только вы врядъ ли выйдете замужъ.

— А можетъ быть, когда нибудь и выйду.

— Конечно выйдете. Какъ вы тамъ ни бейтесь, а должны будете уступить. Они васъ пересидятъ. Вашъ отецъ на васъ раскричится, лэди Мэклеодъ будетъ читать вамъ нравоученія, лэди Мидлотіанъ накинется на васъ, какъ бѣшеная кошка.

— Я ни капли не боюсь лэди Мидлотіанъ.

— Не говорите, милочка; я знаю, что это такое, когда на васъ накинутся со всѣхъ сторонъ. Мы съ негодованіемъ говоримъ о французахъ, которые выдаютъ замужъ своихъ дочерей, все равно какъ продали бы поле или домъ; а сами будто мы не то же самое дѣлаемъ? Когда всѣ они примутся пилить васъ, не на шутку, что тутъ прикажете дѣлать? Какая же дѣвушка устоитъ противъ этого?

— Думаю, что я съумѣю устоять.

— Да, вы конечно старше, и потому, вы не такъ связаны своимъ положеніемъ. Но что же это? Я совѣмъ не хотѣла объ этомъ говорить, по крайней мѣрѣ теперь. Мнѣ пора, милочка, идти внизъ. У насъ гоститъ герцогиня Сентъ Бонгэй, и если я не буду съ ней любезничать, мистеръ Паллизеръ разсердится. Герцогъ будетъ предсѣдателемъ новаго кабинета, либо онъ теперь предсѣдательствуетъ въ старомъ. Какъ я ни стараюсь запомнить всѣ эти вещи, никакъ не могу, да и какое мнѣ дѣло, что тамъ у нихъ творится. Это впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы мистеръ Паллизеръ сдѣлался канцлеромъ казначейства... Такъ какъ же? предпочитаете ли вы остаться здѣсь, или сойти внизъ, или отправиться въ вашу комнату? Въ послѣднемъ случаѣ я найду за вами передъ обѣдомъ. Мы садимся за столъ въ восемь часовъ.

Алиса предпочла отправиться къ себѣ въ комнату. Оставшись одна, она стала раздумывать о своемъ настоящемъ положеніи. Что было дѣлать ей въ обществѣ герцогини Сентъ-Бонгэй и мистера Джефри Паллизера, который, быть можетъ, тоже доживетъ до герцогскаго титула? Что касается мистера Паллизера, то, дѣло ясное, онъ не станетъ изъ за нея измѣнять своимъ привычкамъ. О, если бы она могла возвратиться въ улицу королевы Анны или даже подъ кровъ докучливой лэди Мэклеодъ! И очень пужно ей было пріѣзжать въ этотъ аристократическій домъ? Правда, лэди Гленнора была съ ней

отъ ласкова, но самая эта ласковость приводила ее въ смущеніе. Къ кому же она понимала, что лэди Гленкора не можетъ посвящать ей исключительно все свое время, когда на ней лежитъ обязанность «любезничать», какъ она выражалась, съ политическими союзниками ея мужа.

Тутъ мысли ея обратились къ самой лэди Гленкорѣ. Что за причудливое, загадочное созданье была эта женщина съ круглыми голубыми глазами и кудрявыми волосами, казавшаяся почтася ребенкомъ, а минуто спустя старухой? Какія странныя и страшныя вещи она говорила, сама того не подозревая! Съ какой стати при первомъ же свиданіи съ кузиной она намекнула на то, какимъ образомъ была выдана замужъ. — Ей никогда, никому не слѣдовало бы говорить объ этомъ, рѣшила про себя Алиса. Если она чувствуетъ себя несчастною въ замужествѣ, тѣмъ болѣе причинъ молчать. — И Алиса торжественно обѣщала самой себѣ, что никакой отецъ, никакая матушна, никакая лэди Мидлотіанъ не заставитъ ее выйти замужъ противъ ея воли. Но лэди Гленкора привела въ свое оправданіе причины, которыя отчасти имѣли дѣйствительное значеніе, она была молода и связана по рукамъ и по ногамъ своимъ богатствомъ.

Алисѣ казалось, что въ эти полтора часа она узнала повѣсть своей кузины и ея мужа. Лэди Гленкора показала ей, какъ безучастенъ онъ къ ея удовольствіямъ и какъ тщетно старается она заставитьъ себя сочувствовать его интересамъ. Въ довершеніе всего она была пока бездѣтна, а отъ этого, какъ сама она выразилась, «зависѣло такъ много».

Два часа, остававшіеся до обѣда, показались Алисѣ цѣлою вѣчностью; наконецъ вошла ея горничная.

— Ну, какъ у васъ тамъ идутъ дѣла съ новыми знакомыми, Джэнъ, спросила Алиса.

— Ничего, миссъ,—это мнѣ только сначала страшно показалось: они всѣ такіе вѣжливые, мы славно напильсь чаю въ комнатѣ экономки. Насъ будетъ человекъ пять или шесть горничныхъ, миссъ; и цѣлый-то божій день намъ нечего дѣлать, развѣ только шить отъ скуки, сидя у камина.

За нѣсколько минутъ до восьми часовъ, лэди Гленкора постучалась въ дверь къ Алисѣ и, взявъ ее подъ руку, повела

въ гостиную. Она была великолѣпно одѣта; платье ея пышнымъ шлейфомъ разстилалось по землѣ, а локоны были такъ взбиты, что въ нихъ не проглядывало ни одного сѣдаго волоска. Но, при всей этой роскоши убора, она казалась почти ребенкомъ.

— Пойдите, проговорила она, идя по лѣстницѣ. Я скажу Джеффи, чтобы онъ былъ вашимъ кавалеромъ во время обѣда. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, которые гостятъ у насъ въ эту минуту, онъ самый веселый и остроумный. Правда, онъ ко всему относится съ какимъ-то пренебреженіемъ, но это не помѣшаетъ ему быть приятнымъ собесѣдникомъ, не такъ ли, милая? Вѣдь къ вамъ онъ не станетъ относиться съ пренебреженіемъ.

— А можетъ быть и станетъ.

— Нѣтъ онъ этого не сдѣлаетъ. Менѣе, чѣмъ кто либо, онъ способенъ забыть должное уваженіе передъ женщиной. Вотъ мы и въ гостиной; здѣсь никого еще нѣтъ; я такъ и наговорила придти первой. Приличія требуютъ, чтобы хозяйка первая являлась въ свою гостиную. Я постоянно стараюсь не отступать отъ приличій. И сколько мнѣ съ этимъ хлопотъ! А еще толкуютъ о людяхъ, зарабатывающихъ хлѣбъ свой въ потѣ лица. Я ли не въ потѣ лица его зарабатываю? А какъ смѣшно было бы перенестись куда нибудь въ Азію и ѣсть руками цыпленка, сидя въ палаткѣ, а у входа палатки былъ бы разведенъ огонь, для острастки тигровъ и львовъ! Представьте себѣ, вы сидите по одну сторону ростра, а тигры и львы по другую и скалятъ на васъ изъ за пламени зубы.—И леди Гленнора скорчила, какъ умѣла, львиную физиономію и оскалила передъ зеркаломъ зубы,

— Ну, если бы они не страшнѣе этого скалили зубы, то я не испугалась бы, замѣтила Алиса.

— Могу вообразить. А вотъ и гости мои, баста гримасничать. Герцогиня, не хотите ли придвинуться поближе къ камину. Ну что, какъ вы, согрѣлись? Это моя кухня, миссъ Вавазоръ.

Герцогиня свысока кивнула головою и вслѣдъ за тѣмъ объявила, что согрѣлась, какъ нельзя лучше.— Не знаю, какъ вы дѣлаете, только лѣстницы у васъ чудо какъ удобны. Представьте же себѣ, въ Лонгрэйстонѣ, чего, чего мы не дѣлали:

проводили по всему дому трубы съ горячей водою, ну словомъ принимали всевозможныя мѣры, и все же вы шагу не можете ступить въ корридорахъ, чтобы васъ такъ и не обдало сквознымъ вѣтромъ. — Герцогиня говорила съ особеннымъ удареніемъ на каждомъ словѣ и порой до того выцѣживала одинъ какой нибудь слогъ, что голосъ ея переходилъ въ какой-то свистъ. Такъ выговорила она слово «трубы», и у Алисы долго не могли выйдти изъ головы Лонгрэйстонскія трубы съ горячей водою. — Я сейчасъ говорила лэди Гленкоръ, миссъ Паллизеръ, что въ жизнь свою не встрѣчала болѣе теплаго дома, какъ въ Мэтчингъ и, какъ ни прискорбно мнѣ сказать, болѣе холоднаго, чѣмъ въ Лонгрэйстонѣ. — И удареніе, сдѣланное на словѣ Лонгрэйстонъ, исторгло бы слезы у самой требовательной публики въ любомъ театрѣ. Герцогиня была женщина лѣтъ сорока, красивая, стройная, свѣжая, но, къ сожалѣнію, набитая дура. Рѣчь ея была обращена къ одной миссъ Паллизеръ, хотя въ комнатѣ было двѣ дѣвицы этого имени: онѣ приходились двоюродными сестрами Плантагенету Паллизеру, и я долженъ сказать о нихъ, что, каковы бы ни были ихъ другія свойства, онѣ ни подъ какимъ видомъ не могли назваться дурами.

— Ничего нѣтъ легче, какъ нагрѣть небольшой домъ, какъ этотъ, отвѣчала та сестра Паллизеръ, которая имѣла несчастье получить при крещеніи имя Ифигеніи Теодаты, и которую близкіе называли уменьшительнымъ именемъ Ифи; и ничего не можетъ быть труднѣе, какъ нагрѣть большой домъ, въ родѣ Лонгрэйстонскаго. — Другую миссъ Паллизеръ звали Ефиміей.

— Могу только завѣрить васъ, герцогиня, что у насъ не проведено трубъ, замѣтила лэди Гленкора, и Алисъ показалось, что слово «трубы» она выговорила со свистомъ, слегка передразнивая выговоръ герцогини. Видимо, кузинѣ Алисы, какъ ни старалась она оставаться въ границахъ приличія, это не всегда удавалось.

Вскорѣ и мужчины стали собираться одинъ за другимъ. Мистеръ Паллизеръ подошелъ къ Алисъ и сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, видимо съ цѣлью показать ей, что считаетъ ее, если не близкой родственницей, то и не совсѣмъ

чужою.—Моя жена такъ радовалась вашему прїѣзду; мы стараемся, чтобы вы у насъ не соскучились.—Алиса, начинавшая уже чувствовать себя покинутою всѣми, была ему благодарна за эти немногія слова, и тутъ же рѣшила про себя, что постарается полюбить мистера Паллизера.

Джефри Паллизеръ явился въ комнату однимъ изъ послѣднихъ. Леди Гленгора тотчасъ же, какъ увидѣла его, встала и поспѣшила къ нему на встрѣчу.— Вы должны сегодня вести къ обѣду мою кухню, миссъ Вавазоръ, сказала она ему; и еще... хотите вы мнѣ сдѣлать одолженіе?

— Конечно, да; кто жъ устоитъ противъ такой просьбы?

— Въ такомъ случаѣ постарайтесь, чтобы ей было по себѣ.— И съ этими словами она представила ихъ другъ другу, и Джефри Паллизеръ проболталъ съ Алисою вплоть до обѣда.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ БРАТСТВАХЪ.

Ingegnatè, se puoi, d'esser palese.

Dante.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный, то свѣтлое и хорошее время, какъ послѣ долгой ночи зашли наконецъ на европейскомъ горизонтѣ лучи итальянскаго *risorgimento*... Какъ все хорошее на блѣдомъ свѣтѣ, время это прошло весьма скоро. Такіе восторженные, художественно-полные моменты, каковъ былъ въ Италіи 1860-й годъ — праздники въ жизни народовъ; а народамъ долго праздновать нельзя и некогда.... — Такъ или иначе, время это прошло, и объ этомъ нечего долго распространяться.

Вы всѣ, слѣдившіе за итальянскими событіями съ тѣмъ дилетантскимъ сочувствіемъ, съ которыми взрослые люди слѣдятъ за хорошою драмою или смотрятъ на историческія судьбы чуждыхъ имъ народовъ — вы, говорю я, отвернулись отъ Италіи, только что наступилъ для нея иной періодъ, довольно однообразный и скучный, безъ пороховаго дыму и торжественныхъ демонстрацій. Успокойся: — я вовсе не думаю журить тебя.

Конечно, люди неохотно расстаются съ тѣмъ, что хотя на минуту вдохновило ихъ, увлекло. Слѣды пиршества и послѣдніе его остаткѣ обыкновенно переживаютъ праздничное настроеніе гостей.... Такъ и въ Италіи. Воодушевленіе 1860-го года прошло... Остались воодушевляющія надписи на заборахъ, знамена и флаги въ астеріяхъ,

подвалахъ, кофейныхъ. Когда-то полные силы и значенія, комитеты продолжали собираться, горячо спорить о чемъ-то. Въ парламентѣ поднимались полные современнаго значенія вопросы...

Немного надо было времени, чтобы убѣдиться въ пустотѣ, въ необходимости всей этой игры, гдѣ призраки подставлялись на мѣсто живыхъ людей и событій. Да и сами игроки не могли долго выдержать... На глазахъ же у меня былъ непогрѣшимый барометръ: я видѣлъ равнодушіе, съ которымъ встрѣчали и провожали все это тѣ, которые такъ недавно еще забывали собственную нищету во имя одной, общей всѣмъ имъ, живой народной идеи.

Не вездѣ однакожь жажда дѣятельности прошла вмѣстѣ съ вдохновеніемъ. Ассоціація — былъ любимый мотивъ всего этого броженія. Оно и понятно въ Италіи, гдѣ ассоціаціи сдѣлали все, что было славнаго въ исторіи Италіи.

Ассоціаціи были вездѣ и всюду. О нихъ писались статьи въ журналахъ и читались всѣми; переводили Грудона и раскупали на расхватъ. Составлялись ассоціаціи для постройки желѣзныхъ дорогъ и для игры въ рулетку; для упражненія въ реторикѣ и для дѣланья долговъ съ патриотическою цѣлью; для изданія общепользныхъ журналовъ и для сооруженія памятника Кавуру... Гарибальди предложилъ ассоціацію для освобожденія Венеціи и Рима; другіе предложили свою для избіенія сельскаго народонаселенія Калабрій и Базиликаты... Не удивительно, что мало кто обратилъ вниманіе на нѣсколько сотъ городскихъ пролетаріевъ, составившихъ свою ассоціацію для обезпеченія другъ другу куска хлѣба насущнаго, на случай болѣзни или недостатка въ работѣ... Журналы всѣхъ партій похвалили ихъ какъ-то вскользь, и вскользь-же обругала ихъ клерикальная *Armia*.

А между тѣмъ тутъ надо искать разрѣшенія великой исторической задачи не только для одной Италіи, но и для всей Европы. Итальянскія ремесленные братства появились въ видѣ ассоціаціи для взаимнаго вспомошествованія. Я ничего не имѣю противъ принципа взаимнаго вспомошествованія и не понимаю, что можно разумно возразить противъ него. Избавить людей отъ опасности голодной смерти и отъ филантропіи, о которой особенно заботился покойный Кавуръ, дѣло хорошее во всѣхъ отношеніяхъ. Теряла при этомъ только королевская лотерея, потому что изъ большинства работниковъ, покупавшихъ себѣ еженедѣльно въ нее билетъ, мало нашлось такихъ, ко-

которые не рѣшились бы вместе въ массу новаго братства требовать ея двадцать сантимовъ (т. е. около 5-ти к. с.) въ недѣлю, такъ какъ за эту незначительную плату они приобрѣтали навѣрное то, чего могли ожидать отъ игры только подъ большимъ сомнѣнiемъ. А для работника обезпеченiе ему 1 франка и 40 сант. ежедневно, на все время могущей постигнуть его болѣзни, едва ли не больше значуть, чѣмъ капиталъ въ нѣсколько сотъ франковъ, который все же не даетъ ему возможности подняться на серьезно обезпечивающее его предпрiятiе... Можетъ быть отъ того, что братство взаимнаго вспомошествованiя вступало какъ-бы въ конкуренцію съ королевской лотереей — въ официальныхъ кружкахъ его приняла не благоприятно.

Была, правда, и другая причина. Итальянскiе теоретическiе демократы не могли обойти свою милостью подобнаго рода ассоциацию и въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Свенѣ, ихъ влiянiе на развитiе ремесленныхъ братствъ оказалось самое вредное. Засѣданiя ассоциаций обратились въ какiе-то учено-отвлеченные демагогическiе диспуты о предметахъ, по большей части лишенныхъ всякаго интереса для работниковъ. Эти послѣднiе, не видѣвшiе большой выгоды для себя отъ подобныхъ упражненiй въ краснорѣчiи, остыли мало по малу и къ самому предпрiятiю. Управляющiй дѣлами ассоциаций, комитетъ получилъ отъ этого возможность распорядиться самовластно и повелъ дѣла такимъ образомъ, что касса скоро опустѣла, не смотря на то, что при устроенинъ съ самаго начала контролъ не было никакой возможности, кому-бы то ни было, употребить въ свою пользу общественныя деньги. Дефицитъ произошелъ не отъ безчестности комитета, а только отъ плохаго пониманiя ими работничьихъ нуждъ. Тоже, или почти тоже, повторилось во многихъ другихъ городахъ...

Въ такомъ своемъ простѣйшемъ видѣ, т. е., имѣя исключительно въ виду взаимное вспомошествованiе, итальянскiя ремесленныя братства могли бы существовать очень долго, развиваться въ извѣстныхъ предѣлахъ, не внося собою ничего новаго въ народную жизнь, а слѣдовательно и не представляя особеннаго интереса для физиологiи общества... Я говорю: могли; но на дѣлѣ оказалось, что они вышли на болѣе широкую и видную дорогу...

Имѣя въ виду цѣль исключительно общественную, они должны были чуждаться политическихъ вопросовъ, на сколько это было воз-

можно, подъ опасеніемъ притять къ какой либо изъ существующихъ здѣсь партій и стать, какъ онѣ, исключительными. Въ какой бы партіи ни пристрасти онѣ—это бы навѣрное послужило помехою къ дальнѣйшему ихъ развитію, потому что рабочицые сословіе вовсе не представляетъ здѣсь политической партіи, а, какъ вездѣ, дѣлится въ этомъ отношеніи на разряды, сочувствующіе то одному, то другому изъ политическихъ корпораций. Общество же должно было стать общимъ для всѣхъ дѣломъ.

Задача довольно трудная—оставалась одна скользкая и узкая дорожка между двухъ пропастей. Впасть-ли въ политиканство, или же въ непростительный индеферентизмъ, полное равнодушіе къ судьбамъ Италіи—и то, и другое было одинаково скверно... Недоброжелатели рабочиныхъ братствъ пеняли это очень хорошо, и подталкивали его довольно усердно то въ ту, то въ другую сторону; то требовали они, чтобы правительство запретило совсѣмъ обществу заниматься на своихъ засѣданіяхъ политическими вопросами; то, совершенно напротивъ, они требовали отъ представителей этихъ ассоціацій, собравшихся въ Парижѣ на общемъ конгрессѣ, чтобы они высказали свой политическій символъ... Вотъ почему только тѣ изъ ремесленныхъ ассоціацій и всплыли наверхъ, которые прямо имѣли постоянно въ виду передъ собою чисто практическую сторону своего существованія. И это обстоятельство помогло имъ окрѣпнуть. Что было плохо понято въ теоріи, на то указала ясно самая жизнь.

Я забылъ тебѣ сказать, что, благодаря федеративному духу итальянцевъ, пережившему въ нихъ унитарный переворотъ, ремесленное братство явилось съ самаго начала вовсе не централизованнымъ. Каждый городъ имѣлъ свое общество и притомъ совершенно независимое отъ каждаго другаго. Каждое управляется своимъ особеннымъ комитетомъ, выбираемымъ по большинству голосовъ между его членами, и каждое посылаетъ отъ себя депутатовъ на конгрессъ, собирающійся два раза въ годъ въ одномъ изъ итальянскихъ городовъ, для того, чтобы составить уставъ для всѣхъ подобнаго рода братствъ. Въ этомъ и все ихъ единство. Прибавь впрочемъ еще другое, чисто внѣшнее по видимому: имя Гарибальди, котораго каждое общество совершенно свободно выбрало своимъ почетнымъ предсѣдателемъ или патрономъ...

Я не стану распространяться дальше о ихъ внутреннемъ устройствѣ, потому что оно дѣло вовсе не конченное и измѣняется по

нѣтъ расширенія самой программы братствъ. Теперь уже это не то, чѣмъ было при самомъ началѣ своемъ.

Въ то время, какъ появились въ Италіи ремесленные братства, политическіе вопросы носились въ воздухѣ. Два человѣка не могли поговорить между собою полчаса, не затронувъ ихъ весьма серьезно и страстно. Какимъ образомъ ремесленные братства не обратились тотчасъ же въ политическія, — а между тѣмъ удержались на чисто экономической сторонѣ вопроса, — это можно объяснить величайшею способностію итальянцевъ къ общественной жизни и той «человѣчностію», съ которой они не по французски, не бочкомъ подошли къ своему дѣлу, а прямо, искренно и честно. Одно это заставляетъ твердо вѣрить въ будущность этого народа.

Не малая доля тутъ принадлежитъ чисто личному участию одного человѣка, котораго имя — одно изъ самыхъ популярныхъ въ Италіи — ты едва слышалъ, можетъ быть, въ своей сѣверной Пальмирѣ, «которой подобной, судырь ты мой, нѣтъ на свѣтѣ»: такъ, кажется, отзывается о ней капитанъ Копейкинъ...

Я говорю о Джузеппе, или какъ его тутъ называютъ Пеппе-Дальфон; это флорентійскій булочникъ, вполне достойный стать на ряду съ лучшими современными людьми Италіи. Какъ вообще современные итальянскіе герои, Дальфон личность до крайности оригинальная и самобытная. Онъ не похожъ ни на братьевъ Бандиера, ни на Гарибальди, ни на кого другаго — онъ самъ по себѣ.

Дальфонъ для флорентійскаго илебса то, чѣмъ былъ для римскаго — Чачерованкю, и даже больше. Трудно разсказать, какимъ образомъ приобрѣлъ онъ это колоссальное вліяніе, потому что приобрѣталось оно не громкими подвигами, а тѣмъ, что всего труднѣе, — тою постоянною вѣрностію самому себѣ, подъ которую нельзя поддѣлаться. Все въ этомъ человѣкѣ привлекаетъ къ нему, внушаетъ самое полное и безграничное довѣріе, начиная съ самой наружности... Я узналъ его уже пятидесятилѣтнимъ старикомъ... Впрочемъ слово старикъ вовсе не идетъ къ этой геркулесовской фигурѣ, сохранившей и до сихъ поръ такую желѣзную силу мышцъ, которой многіе могутъ позавидовать... Волосы его и борода совсѣмъ сѣдые, но глаза смотрятъ свѣтло и горятъ, какъ у юноши. Разсказать гармонію чертъ лица нельзя, а потому скажу только, что иностранные скульпторы и живописцы, которыми, какъ тебѣ извѣстно, полна Флоренція, *останав-*

мѣняются на улицѣ, встрѣчая Дальюи, какъ тѣ любители лошадей, о которыхъ рассказываетъ Гоголь въ своемъ «Невскомъ Проспектѣ».

Дальюи игралъ значительную роль во всѣхъ тосканскихъ переворотахъ отъ 48 года и до сихъ поръ. Рассказывать его исторію не стану. Довольно того, что онъ былъ барометромъ, по которому измѣрялось политическое настроеніе массы флорентійскаго народонаселенія. Постоянно и упорно отказываясь отъ какой-бы то ни было официальной власти или вообще отъ слишкомъ важныхъ ролей, онъ тѣмъ не менѣе представлялъ собою во всякое время флорентійскій народъ, потому что онъ нравственно заключалъ въ себѣ все, чѣмъ живетъ народъ этотъ и никогда не могъ бы, даже если бъ захотѣлъ, порвать этого нравственного единства съ нимъ... По общественному положенію и по образу жизни, онъ скорѣе буржуа—мелкій *possidente*—какъ здѣсь говорятъ. Но въ Италиі, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, буржуазія еще не сословіе, по крайней мѣрѣ ни въ одеждѣ, ни въ образѣ жизни нѣтъ еще рѣзко опредѣленной границы между самымъ бѣднымъ работникомъ и достаточнымъ фабрикантомъ... Коротенькій сюртучекъ безъ талии и сѣрая поярковая шляпа тѣмъ только и разнятся отъ одежды *fachino*, таскающаго мѣшки съ мукою изъ его лавки, что онѣ чище и не изорваны...

Тридцать лѣтъ тому назадъ, сидя прикащикомъ въ булочной своего отца, онъ, не зная грамотѣ, слылъ за отчаянную голову, сидѣлъ въ тюрьмѣ по болонскимъ дѣламъ и прельщалъ свою живую античную красотой красавицъ рабочняго квартала города... Потомъ онъ, въ свою очередь, сталъ *padrone* и, не пользуясь еще никакимъ политическимъ вліяніемъ, судилъ и ридилъ домашнія ссоры между собою ремесленниковъ, пятающихъ и здѣсь, какъ вездѣ, слишкомъ сильное благоговѣніе къ преторамъ и трибуналамъ...

Въ 1859 и 60-мъ г. Дальюи былъ не только предсѣдателемъ, но и живымъ центромъ—дѣйствительною душою тѣхъ ассоціацій, которыми освобождена южная Италія...

Когда въ Августѣ 1860 г. Риказоли, по распоряженію кавуровской и лафариньянской партіи, объявилъ военнооплѣнными бригаду тосканскихъ волонтеровъ, думавшую подъ предводительствомъ Никотеры сдѣлать вылазку въ Римскихъ владѣніяхъ, и когда, вслѣдствіе этого, Никотера, умѣвшій въ весьма короткое время привязать къ себѣ сво-

ихъ гражданъ—солдатъ, объявилъ что онъ оставляетъ начальство надъ ними, не видя другаго средства избавить ихъ самихъ отъ преслѣдованій—сильное волненіе распространилось между волонтерами. Они хотѣли вернуться къ домамъ, па что временное правительство Тосканы предоставляло имъ не только право, но и средства... Минута была критическая:—на вооруженіе этой бригады были истрачены всѣ деньги, собранныя патриотическими комитетами. Возвращеніе волонтеровъ, которыхъ, не смотря на все ихъ страстное желаніе, не допустили даже до врага, имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своимъ упадокъ воодушевленія во всей Тосканѣ, недовѣріе всѣхъ къ комитетамъ, понапрасну истратившимъ народныя деньги, недовѣріе къ тѣмъ наконецъ, которые продались бомбардировать награжденную на дрянномъ пароходѣ лучшую итальянскую молодежь, за то только, что ей казалось недостаточно доблестнымъ идти въ Сицилію, гдѣ Меладцо было уже взято гарибальдійцами...

Въ это время явился Дальфи. Не извѣстно, почему всѣ ожидали отъ него разрѣшенія всей этой путаницы. И онъ разрѣшилъ ее. Онъ говорилъ, какъ будто прямо отъ него все зависело... Глаза его искрились, онъ былъ раздраженъ въ обѣ стороны... Онъ обѣщаль... И не только всѣ повѣрили его обѣщаніямъ, но все обѣщанное имъ было сдержано до послѣдней подробности, хотя исполненіе, повторяю, ни на волосъ не зависело отъ него...

Ремесленные братства застали его уже въ полномъ блескѣ его политическаго значенія.

Само собою разумѣется, что онъ сталъ какъ-бы естественнымъ средоточіемъ этого новаго рода ассоціацій. До сихъ поръ дѣло это еще не успѣло развиться во всю свою ширь, но мое твердое убѣжденіе, что Дальфи только теперь и сталъ на настоящую свою дорогу. Можетъ быть, ему на ней не суждено добиться лично для себя и для своей репутаціи тѣхъ блестящихъ результатовъ, какихъ достигъ онъ на политическомъ поприщѣ. Онъ самъ едва ли много думаетъ объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ теперь у него подъ ногами твердая почва, и то, что посѣетъ онъ на ней, принесетъ обильную жатву, которую пожнетъ если не самъ онъ, то маленькой его *Dolphino*, которому онъ далъ имя Вильгельмъ-Тель, и который съ любимымъ своимъ котомъ на рукахъ засѣдаетъ уже на высокомъ стулѣ при демократическихъ пирушкахъ въ домѣ своего отца....

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

И Дальше, какъ и у большинства современныхъ итальянскихъ дѣателей, нѣтъ законченной теоріи, определенной доктрины. Точно также нѣтъ ея и у итальянскихъ ремесленныхъ братствъ. И тутъ вовсе не идетъ рѣчь о приведеніи въ исполненіе чего нибудь, въ чемъ бы всѣ были болѣе или менѣе согласны заранѣе... Понятно, что у всѣхъ есть точныя соприкосновенія, безъ этого бы никакого дѣла цѣльма было бы имъ дѣлать вмѣстѣ. Но главное, что есть у нихъ и чего не достаетъ многимъ ассоціациямъ въ той-же самой Италіи, — это живая общность интересовъ и сознаніе этой общности.

Развитію этого сознанія много помогли послѣднія политическія событія въ Италіи, какъ они ни были призрачны въ существѣ своемъ. Они возбудили народныя силы, такъ долго дремавшія, и тѣмъ оказали великую услугу ремесленнымъ братствамъ. Я уже сказалъ, что эти послѣднія не имѣютъ органической связи съ политическимъ движеніемъ, но, благодаря ему, они устроились и приобрѣли прочное общественное положеніе. Чтобы лучше выяснитъ этотъ фактъ, я долженъ буду коснуться политической стороны итальянской жизни.

Изъ всѣхъ гучихъ вопросовъ, волновавшихъ Италію въ послѣдніе годы, единство ея было главнымъ стремленіемъ всего полуострова.

Что такое это единство и какой историческій, т. е. общечеловѣческій смыслъ имѣетъ только что исполнившійся переворотъ, имѣвшій это единство и знаменемъ, и лозунгомъ, и конечною своею цѣлью...

Нельзя не сознаться, что это національное единство только теперь, т. е. съ 1848 года стало такъ дорого итальянцамъ. Оно идетъ прямо противъ самыхъ блестящихъ изъ итальянскихъ традицій и даже нѣсколько противорѣчитъ, по видимому, послѣднимъ даннѣмъ общественной науки.

Я не стану распространяться о томъ, что каждый изъ дѣателей итальянскаго возрожденія — отъ Кавура и кончая послѣднимъ изъ гарибальдійскихъ стрѣлковъ, геройски умеравшихъ на баррикадахъ св. Маріи Капуанской съ врикомъ: *viva l'Italia ma!*.. что каждый изъ нихъ, говорю я, понималъ, по всей вѣроятности, что

кабудь свое подъ этими звуками: Единство Италіи. Намъ интересенъ не этотъ смыслъ, измѣнявшійся до безконечности, а именно та сторона дѣла, которая всего меньше зависитъ отъ какихъ бы то ни было личностей, благодаря которой унитарная мысль стала сама по себѣ силою и такою силою, что заставила сложиться передъ собою всѣ другія, по видимому, несравненно болѣе ея современныя, разумныя и практическія политическія теоріи и доктрины...

Признаюсь, я довольно долго былъ склоненъ видѣть во всемъ этомъ не больше, какъ предлогъ, какъ знамя, преднамѣренно принятое Италією въ угоду дипломатіи, а подъ которыми въ сущности скрывались иныя стремленія...

«Неужели вы думаете», говорили мнѣ практическіе люди, не итальянцы: «что мысль итальянскаго единства могла бы имѣть такой успѣхъ въ самомъ народѣ, если бы Австрія не упорствовала смотрѣть на Италію, какъ на колонію, заботясь исключительно о томъ, чтобы извлечь изъ нея по возможности болѣе выгодъ для самой метрополи, т. е. Вѣны...»

И мнѣ казалось, что большая доля правды была въ этомъ взглядѣ. А между тѣмъ смотрѣть на человѣческія дѣла исключительно съ точки зрѣнія выгоды, — значило бы предполагать въ людяхъ гораздо больше послѣдовательности, чѣмъ въ нихъ дѣйствительно есть ея... Я видѣлъ совершенно безкорыстные подвиги людей и народовъ, да и вы видѣли ихъ не дальше, какъ на Невскомъ проспектѣ. Такъ напримѣръ, весьма расчетливый господинъ несетя на лихою рысакъ. Ему ничего не стоитъ ѣхать тише; а онъ несетя во весь опоръ подъ опасеніемъ раздавить какого нибудь бѣдняка съ я нымъ ущербомъ для своего кармана... Вся Франція съ восторгомъ и энтузіазмомъ отправляетъ войска въ Сирію спасать невинныхъ ей тамошнихъ христіанъ, въ Римъ поддерживать папу, въ котораго сама не вѣрять, въ Мексику — бить мексиканцевъ, до которыхъ ей нѣтъ никакого дѣла... Какая же во всемъ этомъ корысть? Какой расчетъ или выгода во всемъ этомъ... Я понимаю, т. е. признаю за фактъ, существующій международныя ненависти, въ особенности въ Италіи, гдѣ народъ страстный, по преимуществу безъ рефлексіи... Такъ ужъ не смотрѣть ли на итальянское *risorgimento*, какъ на дѣло чисто международной вражды между итальянцами и нѣмцами? Навѣр?

ное и въ этомъ взглядѣ есть своя, и весьма значительная, доля правды...

Но все это вовсе еще не характеризуетъ итальянское дѣло. Основаніемъ всякаго народнаго дѣла, всякой государственной или общественной системы было конечно другое непосредственное, нерелективированное чувство. Мы все еще не знаемъ: жертвуетъ ли Италія всѣми сторонами органическаго, общечеловѣческаго своего быта исключительному положенію угнетенной народности, въ которомъ она находится?

Если такъ, то что можемъ дать мы ей, кромѣ того дилетантскаго отчасти сочувствія, которое возбуждаетъ въ насъ каждое страданіе чужаго намъ, совершенно посторонняго лица, или народа. Вѣдь мы сами, благодаря Господу Богу, не находимся въ подобныхъ ей обстоятельствахъ...

Или самая народная жизнь, благодаря именно этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, не жертвуя въ сущности ничѣмъ, — выработала себѣ иную самобытную дорогу и продолжаетъ идти впередъ къ общечеловѣческимъ цѣлямъ, но не тѣмъ рутиннымъ путемъ, который выработала исторія другихъ европейскихъ народовъ, нетерпѣвшихъ того усложненнаго гнета, который суждено было выпести ей? Если справедливо это послѣднее положеніе—въ чемъ я совершенно убѣжденъ въ настоящую минуту — то итальянское *risorgimento* не оцѣненный фактъ для физиолога, представляя ему совершенно новую сторону общественной жизни, въ которой не могли не опредѣлиться весьма ярко и рѣзко, съ новой совершенно точки зрѣнія, тысячи коренныхъ условій общечеловѣческаго быта и условій, которыя не выяснились, не заявили себя въ жизни другихъ народовъ, шедшихъ совершенно инымъ и одностороннимъ путемъ историческаго развитія.

Но убѣдиться въ томъ, что оно именно такъ, я не могу безъ нѣкотораго отступленія отъ главнаго предмета моего письма. Однакожъ я рѣшаюсь на это, такъ какъ этимъ отступленіемъ только и выяснится мой взглядъ на итальянскія ремесленныя братства, и тогда будетъ понятно, почему я придаю имъ такое широкое и общее значеніе...

Но прежде всего надо, какъ можно рѣзче, и опредѣленнѣе, поставить самый вопросъ. Онъ сводится весь къ *праву національностей*. выработанному въ лѣтописяхъ Италіи до общечеловѣческаго права.

На сколько искренно провозглашено было это національное право, —

намъ до этого нѣтъ дѣла. Гораздо интереснѣе знать, представляетъ ли оно не больше, какъ дипломатическую фикцію, случайный принципъ, временное отступленіе отъ теоріи европейскаго равновѣсія, или что иное?

Извѣстно, что всякое радикальное измѣненіе въ мѣрѣ международной юриспруденціи не только не остается безъ весьма существенныхъ послѣдствій въ мѣрѣ государственномъ или гражданскомъ, но что, напротивъ того, оно само является только, какъ послѣдствіе новаго шага впередъ, сдѣланнаго народами на поприщѣ внутренняго устройства своего быта, т. е. на поприщѣ чисто государственномъ или гражданскомъ.

Признаніе принципа національности не въ теоріи, а въ самой жизни, должно необходимо предполагать новый шагъ впередъ, или по крайней мѣрѣ новое видоизмѣненіе въ самомъ внутреннемъ устройствѣ быта, если не всѣхъ народовъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ будетъ признанъ... Но дѣло въ томъ, что самый принципъ національностей является до крайности туманнымъ, неразработаннымъ и неопредѣленнымъ. Ни одна національность не представляетъ въ настоящее время тѣсно единой и компактной массы — переходъ отъ итальянцевъ, напримѣръ, къ французамъ, или къ нѣмцамъ даже вовсе не такъ крутъ и обрывистъ, чтобы сразу можно было рѣшить: кому — Германіи или Франціи, Италиіи или кому бы то ни было другому, должна принадлежать такая-то провинція. Въ опроверженіе этого же принципа приводятъ еще и Швейцарію, которая только и можетъ существовать во имя принципа равновѣсія, и которая между тѣмъ такъ довольна своей судьбой, что не перемѣнитъ добровольно свое устройство ни на какое другое... Все это трудности, надъ которыми конечно слѣдуетъ призадуматься и которыя даже положительно неразрѣшны съ точки зрѣнія прежнихъ понятій о равновѣсіи...

А признаніе европейскаго равновѣсія считаютъ громаднѣе движеніемъ впередъ, сдѣланнымъ на поприщѣ развитія общественности. Оно такимъ и было въ дѣйствительности, но потому, что въ немъ принципъ, плодъ человѣческой мысли, былъ признакъ всеміи и противопоставленъ матеріальной силѣ. Государства общимъ согласіемъ глади предѣль честолюбію и жадности завоевателей; гарантировали политическую личность противу другой, сильнѣйшей ея, открывая

такимъ образомъ возможность каждому государству отказаться отъ исключительной централизаціи, необходимой для развитія въ немъ возможно большей военной силы, но препятствовавшей развитію всѣхъ другихъ сторонъ общественности. Но это желаніе такъ и осталось однимъ желаніемъ. Политическія личности — отдѣльными государства, которыми такимъ образомъ гарантировалась ихъ независимость въ составѣ своемъ все еще представляли слишкомъ много случайнаго. Теорія стратегическихъ границъ является, какъ необходимый выводъ принципа равновѣсія. Признавая существованіе Швейцаріи, наприимѣръ, необходимымъ для европейскаго равновѣсія, державы должны гарантировать ей обладаніе тесинскимъ кантономъ, который навѣрное вздушалъ бы отпасть отъ нея, если бы Швейцарія задумала завести у себя французское гражданское устройство. Система европейскаго равновѣсія не имѣетъ въ себѣ ровно ничего, чтобы гарантировало ее самое противъ подобныхъ случайностей, при которыхъ необходимо будетъ прибѣгнуть все къ той же матеріальной силѣ.

Самая Италия до сихъ поръ вовсе не представляла стройнаго органическаго цѣлаго. Она стремится стать такою. Исторія ея за послѣднее время (т. е. съ начала тридцатыхъ годовъ) становится похожою на исторію Франціи, но взятую на выворотъ. Едва Франція, упорно централизованная при всѣхъ Людовикахъ, начиная съ XI-го, и даже въ самое время революціи, начинаетъ поговаривать хоть и стороною о федерализмѣ, — федеральная искони Италия начинаетъ стремиться къ единству. Чиро-Менотти первый произнесъ это слово послѣ Наполеона I-го, и всѣ насторожили уши. Но Менотти не успѣлъ выясниться.

За тѣмъ преиміи его являются вполне фанатичными централизаціи, больше всѣхъ французскихъ султановъ — отъ Карла Великаго, и до Наполеона послѣдняго включительно. — Если единство Италии въ глазахъ итальянцевъ меньшее зло, которое они готовы принять на мѣсто большаго — т. е. австрійскаго ига, то почему-же унитарныя рѣчи Наполеона и самая субъ-альпийская республика были здѣсь такъ мало популярны? — Въ устахъ Наполеона слово это дѣйствительно звучало пораженіемъ всякихъ тедесковъ... А меньше чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ идея эта находить себѣ защитниковъ во всѣхъ концахъ Италии.

Еще одно обстоятельство, котораго не слѣдуетъ упускать изъ ви-

ду, — самая ненависть къ австрійцамъ далеко не была въ Италиі такимъ универсальнымъ и осязательнымъ фактомъ до появленія «Молодой Италиі». Карбонары мирились съ Австрією или интриговали въ пользу конституціонной Франціи т. е. они сами не ясно сознавали, къ чему стремились. Только съ появленіемъ «Молодой Италиі» эти стремленія переходятъ въ ясное и живое пониманіе какъ внутреннихъ, такъ и вѣшнихъ враговъ Италиі. «Перейдите за Альпы, и мы снова братья»: эти прекрасныя слова встрѣтили общій отголосокъ какъ въ Неаполѣ, такъ и во Флоренціи, и теперь сдѣлалось ясно, кого надо ненавидѣть и кого любить. Въ этомъ великая заслуга «Молодой Италиі». Съ глубокою вѣрою въ свой народъ, она показала ту свѣтлую блестящую роль, которую могла играть Италиі въ современномъ мірѣ. Она указала тотъ идеалъ, къ которому упорно стремились федеральныя республики времени возрожденія и осуществить который помѣшала имъ враждебная сила сѣверныхъ варваровъ.

Идеалъ гражданской Италиі никогда не жилъ и ничѣмъ не заявилъ себя въ конкретной дѣйствительности. Онъ несвоевременно явился на свѣтъ во время реакціи древнему міру, котораго онъ былъ законный сынъ и наследникъ. Возмутившіеся варвары, въ рукахъ которыхъ на этотъ разъ была сила, задушили было младенца... Молодая Италиі съумѣла возстановить его по тѣмъ слѣдамъ, которые онъ оставилъ по себѣ во множествѣ художественныхъ произведеній. Она угадала его въ прерванномъ рядѣ полуразрушенныхъ памятниковъ прошедшаго. Въ разрѣшеніи этой мудреной загадки ея колоссальный успѣхъ.

Итальянецъ, федералистъ по природѣ, по развитію. Его личность, какъ и каждый клочекъ его земли, имѣеть свою рѣзкую физиономію, которая не хочетъ, не можетъ стереться, ни во имя ничего на свѣтѣ. Пока феодально-католическая и нео-протестантская безличность давали свой строй обществу, итальянцы считали себя неспособными къ ней, не видя за предѣлами выработанныхъ въ Италиі формъ ничего возможнаго. — Одни впадали въ полный индивидуализмъ, признавая чѣмъ-то неизбѣжнымъ, фатальнымъ, самою исторією оправданнымъ, паразитизмъ своего существованія. Другіе истыли обществу за то, что считали себя не для него созданнымъ. И это было и въ частной, и въ политической жизни ихъ. — Свято хранимая многими память о давно перенесенныхъ ими обидахъ,

давала имъ силы на злобу, на месть. Но единства и въ ненависти этой не было....

Единство явилось тогда, когда «Молодая Италия» указала имъ, что народъ имѣеть свое призваніе, свой идеалъ общественности, задавленный, отстраненный на время варварами, покончившими римскій міръ — но способный возродиться. И этого было довольно. Во имя лучшаго будущаго, во имя стремленія каждого клочка своей земли, каждой своей отдѣльной личности, не утрачивая собственную индивидуальность, жить въ обществѣ — Италия почувствовала свое единство...

«Централизация во имя личности и федерализма!» — Это покажется пожалуй вопиющей нелѣпностью, наборомъ противурѣчащихъ одно другому словъ....

Но во-первыхъ — мы еще и не говорили о централизаци, а только о единствѣ стремленій, настроенія всеобщей мысли, которое необходимо должно заявить себя фактомъ, но можетъ сбойдтись при нѣкоторыхъ условіяхъ и безъ централизаци... Во-вторыхъ — и да будетъ это сказано разъ навсегда — жизнь идетъ сцѣпленіемъ всевозможнаго рода противорѣчій... Нѣтъ сомнѣній, что при нѣкоторыхъ условіяхъ, внутреннее единство можетъ заявить себя и безъ централизаци. Но въ Италиі именно этихъ-то нѣкоторыхъ условій и не было....

То, что человѣкъ способенъ вполне понять и вмѣстить въ себя — того нѣтъ надобности говорить ему — онъ самъ найдетъ его, отроеетъ изъ бездны подробностей, мелочей и побочныхъ, которыми все существенное бываетъ обыкновенно опутано въ будничной дѣятельности. А вся громадная заслуга «Молодой Италиі» заключается именно въ томъ, что она изъ осколковъ итальянской жизни возродила, такъ сказать, идеалъ народный. Другіе поняли и приняли этотъ идеалъ, на сколько онъ былъ нуженъ имъ, доступенъ, по плечу имъ... Большинство, увлеченное святою вѣрою великаго слова, только почувствовало свое призваніе, но у него не хватило духу заглянуть ему, такъ сказать въ лицо — узнать, въ чемъ оно и что оно? — Но и этого было совершенно достаточно для того, чтобы раздуть въ грозное пламя истинно народной вражды ту злобу, которая давно кипѣла въ сердцахъ несобесилѣвшихъ окончательно подъ развращающимъ гнетомъ общественнаго замиранія. Говоря другими

словами: хватило силъ на борьбу со старымъ, но на постройку новаго ихъ не оказывалось...

Если бы Италия, какъ Илья Муромецъ, просидѣла бы сиднемъ триста лѣтъ, то, можетъ быть, она и встала бы, какъ богатырь, сильная и могучая — врагъ побѣждалъ бы отъ одного ея взгляда, и новая жизнь — эта Дантовская *vita nuova* — явилась бы, какъ Минерва во всѣхъ регалияхъ и зацвѣла бы на славу. Но такія превращенія возможны только въ сказкахъ. Въ дѣйствительности же, кто заснетъ на 300 лѣтъ, тотъ не сохранится, а проснется изнеможенный и полусгнившій отъ застоя... Италия въ это время замирала, но не коченѣла, не спала. Народились въ ней поколѣнія болѣе или менѣе паразитныя. Они не видѣли даже средствъ бороться противъ врага иными средствами, какъ тѣ, которыя самъ онъ давалъ имъ.

— Вотъ при какой обстановкѣ появляются здѣсь ремесленные братства...

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Теперь я могу поближе подойти къ самому предмету, а потому я прямо приступаю къ главному вопросу: что дѣйствительно новаго вносятъ съ собою эти братства въ исторію развитія итальянской общественности?

На это можно отвѣтить однимъ изъ пунктовъ самой ихъ программы, тѣмъ именно, въ которомъ говорится, что работники составили между собою ассоціаціи для того, чтобы достигнуть своего нравственнаго и физическаго благосостоянія, и что ассоціація рѣшается вступить въ состязаніе съ капиталомъ. Но состязаніе это ей самой является не въ смыслѣ уличной драки, не насиліемъ она будетъ дѣйствовать для достиженія своей цѣли, а чисто внутреннимъ путемъ, путемъ, который бы можно было назвать экономическимъ, если бы рутинна политическая экономія не извратила это слово въ общемъ сознаніи нашего поколѣнія.

Удастся, или нѣтъ? — Это вопросъ посторонній, который здѣсь необходимо обойти по весьма простымъ и понятнымъ причинамъ. Но не въ этомъ одномъ весь интересъ самаго дѣла...

Теперь все это еще только въ будущемъ. Какъ фактъ, существуютъ только подобныя ассоціаціи и именно въ указанномъ мною смыслѣ. А это не шутка...

Но внимемъ прежде въ самый вопросъ, такъ рѣзко поставленный здѣсь, отчасти, можетъ быть, и безъ ихъ собственнаго вѣдома, итальянскими ремесленными братствами, вопросъ между трудомъ и капиталомъ. Политическая экономія, пользовавшаяся до сихъ поръ монополією въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, только запутала ихъ своею неудачною *quasi*-научною, и болѣе мифическою терминологією... Подъ словомъ капиталъ она понимаетъ то благодѣтельное и неопредѣленное вмѣстѣ съ тѣмъ божество, которому поклоняется вмѣстѣ съ нею вся буржуазная плутократія. Въ ней капиталъ все, и все капиталъ, она трудъ смѣшиваетъ съ нимъ до извѣстной степени.

Итальянскіе работники, смотрять иначе. Для нихъ капиталъ вѣчто весьма опредѣленное.

Объясняется этотъ практическій взглядъ такимъ образомъ.

Производительностію вообще называютъ тотъ многосложный процессъ, посредствомъ котораго лице или общество обращаетъ къ годный для своего потребленія продуктъ вещество или матеріалъ, составляющій природное богатство его. Активная роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ труду. Вещество является, какъ матеріалъ его. Прибавь е къ этому орудіе, посредствомъ котораго трудъ обращаетъ свой матеріалъ въ продуктъ общественной (или личной) производительности. Вотъ три главные элемента производительности, внѣ которыхъ не можетъ быть никакой другой. Если бы вся общественная жизнь ограничивалась однимъ этимъ процессомъ, то самое понятіе о капиталѣ никогда не могло бы зародиться...

По при специальномъ раздробленіи труда, — т. е. когда каждый производитъ не всѣ нужные ему продукты, а только одинъ разрядъ ихъ — является другой процессъ: обмѣнъ, или торговля — непроеводительный самъ по себѣ, т. е. не увеличивающій массу общественныхъ богатствъ, а только перемѣщающій ихъ сообразно требованіямъ даннаго момента. Назначеніе торговли состоитъ въ отстраненіи тѣхъ условій пространства и времени, которыя въ дѣйствительности служатъ препятствіемъ сближенію между собою, предназначенныхъ для обмѣна, продуктовъ.

При обмѣнѣ разнородныхъ продуктовъ является необходимость въ отвлеченной и абсолютной единицѣ стоимостей, которая бы служила мѣрою всѣхъ возможныхъ стоимостей. И, какъ вещественная форма для этого отвлеченія, являются деньги.

Съ одной стороны, деньги, слѣдовательно, имѣютъ только чисто условную стоимость. Съ другой, онѣ являются, какъ новый продуктъ, имѣющій то преимущество передъ всеми остальными продуктами, что стоимость его утверждена и признана цѣлымъ обществомъ, и что относительно ея теряются всѣ другія стоимости...

Теперь возьмемъ слѣдующій простой случай. Два работника А и В, попомимъ, заработали каждый по 50 р. сер. Отложивъ себѣ, сколько нужно на жизнь въ теченіе, положимъ, одного мѣсяца, А на оставшія у него деньги покупаетъ себѣ матеріалъ, изъ котораго, протрудившись надъ нимъ цѣлый мѣсяцъ, онъ извлекаетъ известный продуктъ, продажу котораго выручить себѣ средства на дальнѣйшее существованіе...

Б поступилъ иначе. Онъ купилъ на свои деньги матеріалъ не собственнаго своего ремесла, а какого нибудь другаго, изъ котораго самъ онъ не сумѣетъ сдѣлать никакого полезнаго продукта. Стоимость этого продукта опредѣляется, какъ извѣстно, при современныхъ условіяхъ, съ одной стороны, спросомъ на него (*demande*), съ другой—предложеніемъ его (*offre*) на существующихъ рынкахъ. Б, являясь на него ненормальнымъ запросчикомъ, разрушаетъ тѣ отношенія, въ которыхъ были между собою запросъ и предложеніе въ тотъ моментъ, когда онъ покупалъ извѣстный матеріалъ. Число запросчиковъ увеличилось—поднялась, слѣдовательно, и цѣна на этотъ продуктъ. Б, воспользовавшись этимъ ея повышеніемъ, перепродаетъ его нормальнымъ потребителямъ. Повторивъ въ теченіе мѣсяца нѣсколько разъ подобную спекуляцію, къ концу его онъ оказывается богаче, чѣмъ А.

Конечно, со стороны отдѣльныхъ лицъ для подобнаго рода спекуляцій требуется очень часто больше, можетъ быть, всякихъ умственныхъ качествъ, чѣмъ на производство опредѣленной работы; но во все не въ этомъ дѣло. Богатство общества, которому принадлежитъ взятый мною здѣсь спекуляторъ, не увеличилось ни на волосъ. Кто же заплатилъ ему то, что онъ приобрѣлъ такимъ образомъ?

Очевидно, прежде всего работникъ, перекупившій у него матеріалъ.

Дальше: цѣна на продуктъ, выдѣлываемый изъ этого матеріала, необходимо тоже повысилась. Слѣдовательно, Б взялъ отчасти дань и со всѣхъ потребителей на этотъ продуктъ. Ясно, что, взятая въ большихъ размѣрахъ, подобная спекуляція должна дать весьма вредные результаты для цѣлаго общества.

Но пока насъ еще можетъ интересовать другая сторона всего этого... Деньги въ описанномъ выше случаѣ представляютъ для самого Б какой-то суррогатъ труда, т. е. даютъ ему возможность богатѣть, не производя для общества ничего, или даже дѣйствуя въ ущербъ ему. Остановимся нѣсколько минутъ надъ этимъ. Политико-экономы признаютъ и благословляютъ подобнаго рода сдѣлки, опредѣляютъ ихъ въ своихъ доктринахъ подъ рубрикою «производительности капиталовъ». Оно бы и хорошо; но только эта производительность, которой я представилъ здѣсь одинъ изъ простѣйшихъ видовъ, едва ли не главная причина нищеты, пауперизма и всякихъ общественныхъ золъ.

Что дало возможность Б извлечь для себя выгоду изъ подобнаго оборота? Очевидно, деньги. Если бы у него въ рукахъ былъ натурою продуктъ его производительности, то онъ не могъ бы сдѣлать этого. Покупая матеріалъ труда другаго производителя, онъ бы отнималъ тѣмъ самымъ у него возможность пріобрѣсти впредь его собственный продуктъ, такъ что именно та часть его, которую онъ обмѣниваетъ на этотъ матеріалъ, потеряла-бы всякую цѣну, за нимѣніемъ на себя потребителя. Съ деньгами этого случиться не можетъ, потому что онъ продуктъ привилегированный, цѣна на который менѣе всѣхъ другихъ стоимостей зависитъ отъ равновѣсія между запросомъ и предложеніемъ. Поколебать ее гораздо труднѣе, чѣмъ всякую другую стоимость... Способность приносить доходъ, не требуя труда, принадлежитъ только деньгамъ. Въ этомъ слишкомъ легко убѣдиться изъ самой дѣйствительности...

Всякій продуктъ—матеріалъ труда, или орудіе его, могутъ продаваться, отдаваться въ наемъ или на поддержаніе, только деньги даются въ ростъ, на $\%_0$... И это вовсе не пустая разница словъ... Тотъ, кто отдалъ мнѣ въ наемъ свою землю, беретъ съ меня плату не за право пользоваться ею, а беретъ стоимость матеріала, изъ котораго я дѣлаю годный для общественнаго потребленія продуктъ. Предполагая, что подобный наемъ совершенъ нормальнымъ порядкомъ,

мы должны смотрѣть на него, какъ на дань, которую общество платитъ землевладѣльцамъ, а вопросъ о томъ, законна или незаконна подобная дань — подлежитъ вѣденію юриспруденціи. Съ точки зрѣнія общественной физиологіи противъ этого ничего нельзя возразить, потому что плата за наемъ (нормальная) соответствуетъ дѣйствительной стоимости нанимаемой земли, участвующей въ производствѣ общественнаго богатства, какъ пассивное начало — какъ матеріалъ труда. Но что даетъ мнѣ существеннаго тотъ, кто даетъ мнѣ за извѣстные проценты, какую-бы то ни было, сумму денегъ? и что выражаютъ собою эти проценты, эта дань, которую я ему плачу за это?

Опъ далъ мнѣ «возможность» приобрѣсти матеріалъ для моего труда. Очень хорошо, но посмотримъ дальше. Я приобрѣлъ на эту сумму данный матеріалъ и сдѣлалъ изъ него требуемый продуктъ. Но тогда стоимость этого продукта (которая во внѣшности только формулируется равновѣсіемъ между запросомъ и предложениемъ, и въ сущности состоитъ изъ стоимости матеріала съ прибавкою стоимости приложеннаго къ нему труда) для самого производителя представляетъ не только сумму стоимостей труда и матеріала, а еще тѣ проценты, которые онъ долженъ заплатить за взятые въ займы деньги. Вотъ эту-то прибавку стоимости онъ долженъ вычесть изъ вырученной отъ продажи своего продукта суммы. Это новая дань, которую работникъ платитъ уже не за матеріалъ труда, (п. ч. за него онъ заплатилъ само по себѣ), а за возможность, за право работать. Въ большей части случаевъ, конечно, производитель заставить потребителей заплатить эту надбавку стоимостей. Но положеніе и этимъ вовсе не улучшается. Дань, взимаемая работодателемъ, все же выплатится на счетъ труда и во всякомъ случаѣ въ ущербъ общественной производительности, потому что продуктъ такимъ образомъ цѣнится дороже, чѣмъ онъ стоитъ. Давшій въ займы деньги не прибавилъ ничего къ стоимости продукта, но за это *ничего* онъ беретъ барышъ.

Но давая возможность производить тому, кто не имѣлъ ея, онъ увеличиваетъ массу общественныхъ богатствъ: Это сутяжническая уловка, которою экономисты дабно уже отводятъ глаза и вниманіе всѣхъ отъ этого интереснаго предмета.

Посмотримъ поближе.

Что выражаютъ собою тѣ деньги, которыя даются въ ростъ?

Капиталъ, отвѣтитъ мнѣ каждый смышленный человѣкъ. Тутъ-то мы и разберемъ этого новаго Юпитера экономического Олимпа, посмотримъ, что въ самомъ дѣлѣ за божественный нектаръ течетъ въ его доктринерскихъ жилахъ...

Отдавая другому свои деньги, обладатель ихъ лишаетъ себя прежде всего возможности производить. Производить только трудъ—слѣдовательно онъ лишаетъ себя возможности трудиться. Не трудясь, онъ можетъ жить, только поглощая продуктъ чужой производительности. Такъ за это онъ заставляетъ себя платить? Очевидно, что нибудь не такъ...

Вернемся на минуту къ моимъ алгебраическимъ героямъ, авось отъ нихъ узнаемъ что-нибудь объ этомъ интересномъ дѣлѣ...

Мой работникъ Б, очевидно, неохотникъ до труда, иначе онъ не пустился бы на спекуляцію, которую хоть и одобряютъ экономисты, но за которую все же косятся сильно на него его прежніе собраты. Онъ не заставитъ себя платить за то, чтобы жить сложа руки... Да, но отдавая другому деньги, онъ отниметъ у себя возможность продолжать впредь подобныя спекуляціи, оказавшіяся очень выгодными для него. А отказаться отъ нихъ онъ не намѣренъ даромъ. Имъ онъ разжился—онъ сталъ *капиталистъ*...

Что означаетъ это слово?

Б не на всѣ тѣ 50 р. с., съ которыми я его пустилъ въ свѣтъ, можетъ получать доходъ, а только на ту ихъ часть, которая остается у него свободною, т. е. которую онъ не обязанъ обмѣнять на извѣстный рядъ продуктовъ, подъ опасеніемъ участи, постигшей семейство Уголино въ Пизанской башнѣ. Говоря другими словами: только избытокъ его производительности надъ тѣмъ, что онъ поглощаетъ, составляетъ его *капиталъ*. Это уже объясняетъ намъ отчасти, почему онъ имѣетъ возможность жить, не трудясь въ теченіи извѣстнаго времени. «Вовсе не деньги даютъ ему эту возможность, скажетъ по этому случаю экономистъ: очень естественно, что онъ не отдастъ даромъ никому этотъ избытокъ».

Да. Но вообразите себѣ, что Б сапожникъ и въ одинъ годъ онъ надѣлалъ столько сапоговъ, что можетъ обмѣняться на другіе нужные ему продукты въ количествѣ, превышающемъ въ десять разъ сумму поглощаемого имъ ежегодно капитала. Деньги, говорите вы, ничего не

значуть: онѣ продуктъ, какъ и всякій другой. Онѣ повѣрили вамъ и не обмѣняли свой капиталъ на деньги. Всѣ случайности, положимъ, сложились въ его пользу. Сапоги не дешебѣютъ ни мало (что уже очень трудно предположить при такомъ изобиліи на нихъ производства). Онѣ прожили десять лѣтъ, обмѣнивая свой запасъ на необходимые для него продукты. Но по окончаніи этихъ десяти лѣтъ у него не осталось ничего. Онѣ съѣлъ свой капиталъ. Тогда Боже его сохрани пуститься съ своими сапогами на спекуляцію, подобную разсказанной выше. Если ему удастся поднять цѣну на какой-либо другой продуктъ, то онѣ ровно столько-же потеряетъ на своемъ собственномъ товарѣ. А если онѣ кому-либо далъ въ займы пару своихъ сапоговъ, тотъ навѣрное не возвратитъ двѣ пары по истеченіи какого угодно срока. Никакой избытокъ продуктовъ не даетъ процента. Это ясно, какъ день, и можетъ казаться сбивчивымъ потому только, что какъ деньги представляютъ все, такъ и все съ своей стороны представляетъ деньги.

Итальянскіе работники, по поводу которыхъ я вступаю въ эти длинныя разсужденія и изслѣдованія, обошли вопросъ чисто юридическій: какимъ образомъ избытокъ производительности концентрируется все больше въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Или правильнѣе — они не подошли къ нему еще, какъ я уже сказалъ выше. А потому я и не коснусь его здѣсь. Главное было показать, что капиталъ, въ томъ значеніи, которое она ему придаютъ, представляетъ нѣчто не только враждебное труду и рабочему сословію, но и цѣлому обществу.

Сказаннаго, можетъ быть, было-бы довольно для того, чтобы снова возвратиться къ дѣятельности ремесленныхъ братствъ — дѣятельности пока еще ребяческой, робко подходящей ко всѣмъ этимъ томительнымъ вопросамъ. Но я коснулся условій слишкомъ существенныхъ, слишкомъ основныхъ для всякаго общественнаго быта и не считаю себя вправѣ оставить ихъ не объяснившись.

Я не думаю проповѣдывать крестоваго похода противъ денежной системы — необходимость ея доказывается достаточно исконнымъ ея существованіемъ повсюду. Я также не думаю говорить о частныхъ злоупотребленіяхъ — онѣ неисчислимы. Но указать тѣ противорѣчія, которыя присущи ей, безъ которыхъ она немислима при современномъ экономическомъ порядкѣ, я считаю необходимымъ.

Деньги, рассматриваемыя, какъ продуктъ, не удовлетворяютъ своему назначенію, онѣ незлы, губительны, несправедливы... Онѣ опора и основаніе экономической рутинѣ и общественной бѣдности.

«Но чѣмъ же виноваты деньги? — Развѣ при простомъ обмѣнѣ продукта на продукты-же»... говоритъ мой противникъ, воображающій, что лучше и могущественнѣе денегъ нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Что было бы при отсутствіи денегъ — это намъ очень трудно вообразить себѣ, но едва ли бы было что-нибудь хуже. Бѣда въ томъ, что деньги представляютъ, вмѣсто отвлеченной мѣры стоимостей, самобытный продуктъ, имѣющій надъ всякимъ другимъ то преимущество, что онъ по преимуществу удобообмѣняемъ на всѣ возможные продукты, что онъ стоитъ совершенно изолированно отъ всѣхъ другихъ продуктовъ, что цѣнность его опредѣлена и обусловлена общественнымъ признаніемъ, что она относительно постоянна; главное же, что онѣ производительны въ рукахъ того, у кого онѣ свободны, т. е. у кого ихъ столько, что за покупкою необходимаго у него остаются еще деньги; а между тѣмъ онѣ непродизводительны, даже не продуктъ, а чистое отвлеченіе въ рукахъ того, кто обязался купить на всю обладаемую имъ сумму извѣстный рядъ продуктовъ...

Вотъ противъ этого-то зла вступаютъ въ борьбу итальянскія ремесленныя братства. А какъ онѣ берутся за дѣло? объ этомъ я поговорю въ четвертомъ письмѣ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Не особенно трудно догадаться, что итальянскіе работники въ пониманіи экономического вопроса — борьбы между трудомъ и капиталомъ — руководствуются не глубокимъ и основательнымъ изученіемъ вопроса, а тѣмъ, что обыкновенно называютъ инстинктомъ массы, тѣмъ синтетическимъ пониманіемъ предмета, вѣрности котораго очень много удивлялись всѣ идеологи, ниспускавшіеся до изученія народа... Это синтетическое пониманіе, въ самомъ дѣлѣ, многихъ можетъ поражать своею вѣрностью дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе оно все-таки далеко отъ научнаго пониманія... Въ самомъ дѣлѣ откуда пізошло на народы это вдохновеніе, въ силу котораго они

схватываютъ истину помимо весьма тяжелаго, но единственно извѣстнаго къ ней пути — науки, анализа?

Народъ гораздо больше всякихъ идеалоговъ бываетъ вѣренъ дѣйствительности, потому что онъ слишкомъ неразрывными узами связанъ съ нею и ему не легко оторваться отъ нея. Но именно благодаря этому-то, онъ всегда видитъ только одну, самую близкую ему сторону ея. Для того, чтобы схватить ее всю, во всей ея цѣлости, необходимо до извѣстной степени отдалиться отъ нея...

Вся обыденная жизнь работника убѣждаетъ его (если только онъ обладаетъ способностью выработать себѣ хоть какое-нибудь убѣжденіе изъ тысячи фактовъ и случайностей, сказывающихся ему весьма ощутительно и шероховато), что надъ нимъ стоитъ сильный и могучій врагъ въ лицѣ каждаго, кто, по видимому, благодѣтельствуетъ его, поощряетъ его производительность. — Въ Италиі это всего болѣе ощутительно. — Здѣсь нѣтъ денежной аристократіи, которая бы сорвала деньгами и патронировала-бы работниковъ. Здѣсь нѣтъ англичанъ, какъ солидныхъ антрепренеровъ фабричной промышленности, нѣтъ даже французской буржуазіи, мелкой, расчетливой, но имѣющей въ своихъ рукахъ средства выплачивать работнику хоть бы только то, чего оттягать у него невозможно. — Въ Италиі нѣтъ ничего подобнаго. Буржуазіи здѣсь явленіе до крайности паразитное, оторванное отъ всякой почвы, — и это я говорю безъ метафоры: — поземельная собственность здѣсь вовсе не въ рукахъ буржуазіи, у нея нѣтъ никакого основанія, никакого фонда. Она пробавляется фикціями, и торговля — вся внутренняя торговля безъ малѣйшаго исключенія — дошла здѣсь до самаго современнаго развитія: — она обратилась въ азартную игру, въ ажіотажъ, мажлерство, куртажничество. — Товаръ забирается въ долгъ у работника и вовсе не потому, чтобы негодянтъ внушалъ ему хоть малѣйшее довѣріе, а потому только, что работникъ самъ не имѣетъ ни средства, ни возможности открыть большой магазинъ для сбыта своихъ продуктовъ въ лучшей части города. Въ маленькую-же его лавченку не заглянетъ ни одинъ форестьеръ — единственный потребитель въ Италиі, для котораго существуетъ здѣсь торговля... Если вы сомнѣваетесь въ истинѣ извѣстнаго выраженія Наполеона I: — «торговля организованный дневной разбой» — то загляните въ любую итальянскую лавку, хотя бы устроенную на самый цивилизованный ладъ съ *прификсомъ* и *ин-*

миш-спокеомъ. Я не говорю уже, что съ тобою поступаютъ, здѣсь, какъ съ попавшимся военно-плѣннымъ. Но весь товаръ, разставленный по лакированнымъ полкамъ и за зеркальными стеклами, самыя полки и стекла — все забрано у работниковъ безъ копѣйки денегъ; въ уплату пошли векселя, которыя никто не размѣняетъ на биржѣ за пол-цѣны. Что дѣлать работнику—представить ко взысканію?—Но тогда лавка негоціанта распродана съ аукціоннаго торгу—долги его заплачены по пяти копѣекъ за рубль.

Достаточно было, чтобы подвозъ форестьеровъ прекратился на одинъ только часъ—что дѣйствительно случилось въ 1860—и девять десятыхъ изъ тузовъ здѣшней торговли—банкроты, нищія; за каждымъ изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, сотни работниковъ пошли по-міру...

Но что же дѣлать, скажете вы: иностранцы единственные потребители здѣсь. Ихъ нѣтъ, — понятно, что производительность падаетъ. Оно такъ, но не совсѣмъ.

Негоціантъ, забирающій товаръ за бумажку, которой нѣтъ никакого хода, успѣлъ убѣдиться изъ политической экономіи, что онъ лице необходимое для благосостоянія общественнаго, что онъ двигаетъ впередъ цивилизацию всей Европы, не только роднаго края... За это онъ самъ себя присуждаетъ весьма порядочное годовое жалованье... Продуктъ, который самъ онъ приобрѣлъ за рубль отъ работника, онъ стремится продать его за пять, а если продать его за три, онъ въ убыткѣ, потому что самъ издержался на поддержку наружными средствами своего кредита. Работникъ неохотно продать частному лицу свой продуктъ за ту же цѣну, за которую отдаетъ его негоціанту, хотя бы частный покупатель платилъ за него наличными деньгами. Это очень понятно: негоціантъ забираетъ гуртомъ, кромѣ того, онъ покровительствуетъ работника и за свое покровительство требуетъ нѣкоторой подчиненности. Работникъ тогда только убѣждается, что этому брюхатому господину, съ толстой золотой цѣпочкой и громкимъ голосомъ, не изъ чего было покровительствовать ему, когда уже онъ получалъ пять копѣекъ вмѣсто обѣщаннаго рубля.—Негоціантъ объясняетъ ему эту неприятную случайность громкими фразами, политическими событіями, финансовымъ и торговымъ кризисомъ... Все это справедливо. Но отчего самый торговый кризисъ?

Работнику ясно одно:—нѣтъ денегъ, деньги вздорожали. Деньги

такой же продуктъ, какъ и другіе: много ихъ—они дешевы, мало—они дороги.

Работнику въ голову не приходитъ, что для него нуженъ вовсе не новый продуктъ и что, какъ продуктъ, деньги для него вовсе не существуютъ: для него онѣ отвлеченіе, представляющее ему данный рядъ нужныхъ ему продуитовъ. Онъ не подумаетъ о томъ, что если бы антрепренеръ забралъ въ свои руки всякій другой изъ существующихъ продуктовъ, то самъ антрепренеръ раззорился бы прежде всѣхъ, если бы деньги представляли такой же продуктъ, какъ другіе, и ничего больше;—что банкиръ или ростовщикъ спекулируетъ на деньги вовсе не какъ на продуктъ, а что онъ спекулируетъ на ихъ изолированность отъ всѣхъ другихъ продуктовъ.

Работникъ понимаетъ одно: ему нужны деньги. Ломбардъ съ каждымъ мѣсяцемъ почти уменьшаетъ ссудную сумму. Ростовщикъ, къ которому онъ необходимо долженъ обратиться, раззоряетъ его тяжестію процентовъ. Какъ пособить горю?

Общество взаимнаго вспомошествованія обезпечиваетъ его отъ голодной смерти тогда только, когда ему грозитъ опасность умереть, другимъ образомъ—когда онъ боленъ. Но онъ здоровъ, а ему не на что пріобрѣсти себѣ здоровой пищи. Онъ устроиваетъ своего рода *providenza*, которая дѣйствительно для него благодѣтельное провидѣніе: онъ уже не будетъ платить своей данн капиталисту съ каждаго фунта рису, муки, которую онъ потребляетъ. Благодаря этому, онъ съ меньшими издержками можетъ быть ситъ. Но и это благо дѣло оказывается каплею меду, почти незамѣтно пропадающею въ бочкѣ дегтю, съ которою можно сравнить его жизнь. Ему мало быть сытымъ, ему нужно работать: безъ этого никакая *providenza* не спасетъ его отъ голоду; но заработанныхъ имъ денегъ не хватаетъ на покупку орудія, матеріаловъ.

И вотъ одною народною инициативою прибавляется къ программѣ братствъ еще третій пунктъ:

«Общество при первой возможности устроитъ при себѣ заведеніе кредита для своихъ членовъ.»

Пока эта возможность еще не открылась. Разумѣется, работникамъ и не идутъ дальше въ обсужденіи этого пункта. Будетъ время об-

судить его тогда уже, когда будутъ деньги на новое учрежденіе. За тѣмъ остается постоянная возможность улучшать его по мѣрѣ того, какъ прайтически обнаружатся недостатки, которые необходимо вкредутся въ его организацію...

Пророчествовать въ этомъ дѣлѣ нельзя. Предвидѣть всѣ многообразныя случайности, которыя будутъ имѣть вліяніе на дальнѣйшіе развитіе заведенія кредита при итальянскихъ ремесленныхъ братствахъ, невозможно. Но стоитъ ли оно на вѣрной дорогѣ къ успѣху? т. е. предполагая, что это новое или предполагаемое учрежденіе разовьется нормальными путями, то будетъ ли достигнута цѣль, которую братства эти имѣютъ въ виду?

Какъ палліативная мѣра, такое учрежденіе будетъ, очевидно, полезно вдвойнѣ. Съ одной стороны работнику представится возможность имѣть деньги за меньшіе проценты, чѣмъ въ настоящее время. На сколько облегчится этимъ его судьба? судить трудно теперь; пока еще не извѣстно, какого рода будетъ самое кредитное учрежденіе: приметъ ли оно за норму уставъ существующихъ коммерческихъ банковъ или ломбардовъ, или же наконецъ приметъ оно себѣ за основаніе чисто личный кредитъ, довѣріе, внушаемое тою или другою личностью? Этого не знаемъ пока еще не только мы съ тобою, но и никто его не знаетъ. Такъ и оставимъ его на время въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что есть другая сторона во всемъ этомъ, несравненно меньше зависящая отъ случайностей, вытекающая изъ самой сущности дѣла и о которой считаю не лишнимъ поговорить здѣсь, потому что она объяснитъ намъ отчасти: куда идутъ итальянскія ремесленныя братства.

Изъ всего числа членовъ общества въ настоящее время весьма значительное большинство имѣетъ постоянную надобность въ кредитѣ. А программа будущаго кредитнаго заведенія должна быть одобрена этимъ большинствомъ. Даже больше, она будетъ составлена этимъ большинствомъ, такъ какъ коммиссія, которой специально будетъ поручено ея составленіе, выберется по большинству голосовъ изъ самихъ же членовъ общества... Очень вѣроятно, что на первое время большинство это взглянетъ на вопросъ весьма узко, что оно увидитъ въ новомъ заведеніи кредита только одну его чисто палліативную сторону; т. е. даваемую посредствомъ его возможность брать въ займы деньги за меньшіе проценты противъ прежняго. Ненуждаю-

щеся въ займахъ меньшинство не упустить, конечно, поставить ему на видъ, что часть платимыхъ процентовъ, какъ входящая въ составъ общественнаго капитала, возвращается самому должнику.

Я обѣщаль не останавливаться надъ тѣми случайностями, которыя могутъ отклонить временно предполагаемое кредитное учрежденіе отъ его нормальнаго, т. е. неизбѣжнаго развитія. Но это раздвоеніе интересовъ самого общества въ дѣлѣ кредитнаго учрежденія вовсе не случайное и отстранить его не такъ легко, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а между тѣмъ существовать долго съ подобнымъ дуализмомъ въ самомъ себѣ общество не можетъ.

Пользованіе кредитомъ отъ общества должно составлять преимущество, привилегію самихъ членовъ братства надъ непринадлежащими къ нему работниками. Слѣдовательно, общество должно выдавать деньги за меньшіе проценты, чѣмъ любое изъ кредитныхъ учреждений, существующее для всѣхъ. Отчуждая такимъ образомъ часть своего капитала, въ пользу хотя-бы своихъ же собственныхъ членовъ, по за возможно меньшіе проценты, изъ которыхъ кромѣ того нужно вычесть еще издержки на поддержаніе самого кредитнаго заведенія, общество теряетъ уже часть тѣхъ выгодъ, которыя-бы оно могло другими путями извлечь изъ своего капитала — т. е. каждый членъ общества теряетъ на столько, на сколько онъ солидаренъ съ самимъ обществомъ. Кромѣ того проценты, вносимые каждымъ работникомъ за взятую имъ въ кредитъ изъ общества сумму, необходимо должны быть меньше, чѣмъ то, что работникъ этотъ выиграетъ, обративъ взятый капиталъ въ матеріалъ своей производительности. А такъ какъ выигрышъ этотъ весьма различный, смотря по цѣху или мастерству (чему въ итальянскихъ ремесленныхъ братствахъ соответствуетъ коммуна), то или процентъ съ капитала долженъ быть разсчитанъ сообразно доходамъ съ самаго невыгоднаго ремесла, либо же онъ тоже долженъ быть различный для каждой коммуны, либо наконецъ онъ будетъ разсчитанъ сообразно среднему заработку, который примется обществомъ какъ-бы за норму заработковъ.

Это послѣднее—самое вѣроятное, но съ тѣмъ вмѣстѣ и самое худшее, изъ трехъ возможныхъ рѣшеній, изъ которыхъ впрочемъ ни одно не удовлетворительно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни распорядилось общество въ этомъ

случаѣ; но и само оно, и всѣ тѣ изъ его членовъ, которые воспользовались въ меньшей степени или вовсе не воспользовались лично для себя кредитнымъ учрежденіемъ, потеряютъ при этомъ больше, нежели могутъ выиграть воспользовавшіеся имъ, и мало по малу дойдутъ до того, что каждый изъ членовъ ремесленнаго братства будетъ либо вынужденъ, либо добровольно (т. е. безъ крайней необходимости) станеть занимать деньги изъ общественной кассы. Это не только возможно, но необходимо должно случиться, потому что только при этомъ одномъ условіи, при которомъ каждый будетъ въ одной и той же степени заимодавцемъ и должникомъ, можетъ установиться равновѣсіе, безъ котораго ремесленное братство обратится либо въ эксплуатацію бѣднѣйшихъ изъ своихъ членовъ богатѣйшими, либо обратно, либо наконецъ и въ то, и въ другое вмѣстѣ. А оно не можетъ сдѣлать этого, не измѣнивъ одному изъ коренныхъ своихъ принциповъ, не можетъ кромѣ того и по чисто-матеріальнымъ еще причинамъ...

Сколько времени понадобится на то, чтобы общество вернулось къ этому единственно возможному для него состоянію внутренняго равновѣсія?— это загадка. Какими путями дойдетъ оно до него?— въ этомъ весь драматизмъ современной исторіи. Но что при этомъ равновѣсіи само кредитное учрежденіе станеть ненужною нелѣпостью—это очевидно. Каждый, на сколько онъ заимодавецъ, выигрываетъ то, что проигрываетъ, какъ должникъ. А заимодавецъ и должникъ платятъ за существованіе кредитнаго учрежденія, непринсящаго имъ никакой пользы, и кромѣ того теряютъ, отклоня часть общественнаго капитала на ненужную игру. Кредитное учрежденіе либо упадетъ совершенно, убѣдивъ работниковъ, что имъ нужно искать другихъ выходовъ изъ своего положенія,—либо же преобразуется само и очень радикально. Деньги, которыя оно могло-бы выдавать работникамъ безъ залога или подъ залогъ, за какіе-бы то ни было проценты, оно можетъ выдавать имъ въ видѣ ссуды за ихъ же собственные продукты, изъ которыхъ такимъ образомъ устроятся при обществѣ складочныя магазины по всѣмъ отраслямъ работничьяго производства, и такіе магазины могутъ очень легко представлять всѣ удобства существующихъ теперь частныхъ лавокъ и купеческихъ домовъ. По продажѣ продуктовъ работникамъ будутъ доданы слѣдующія имъ деньги за вычетомъ изъ вырученной продажей суммы про-

центовъ, необходимыхъ на поддержаніе подобнаго учрежденія. Такимъ образомъ только могутъ быть достигнуты всѣ тѣ выгоды, которыхъ можно ожидать въ настоящее время отъ какого-бы то ни было кредитнаго заведенія и безъ малѣйшихъ изъ тѣхъ существенныхъ неудобствъ, о которыхъ только что говорено. Даже самые проценты, слѣдуемые на поддержаніе этихъ складочныхъ магазиновъ, въ сущности выплачивались не работниками, а монополистами... Чѣмъ болѣе разовьется подобное предпріятіе, тѣмъ все меньше и меньше представится возможность существовать паразитнымъ классамъ общества, тѣмъ болѣе и болѣе производительность будетъ входить въ свои нормальныя условія, и цѣна каждаго продукта, устанавливаемая въ дѣйствительности равновѣсіемъ между спросомъ и предложеніемъ на существующихъ рынкахъ, будетъ болѣе и болѣе выраженіемъ дѣйствительной стоимости продуктовъ; все это вмѣстѣ приведетъ къ тому, что дѣйствительное значеніе труда возвысится на столько, на сколько должна упасть эксплуатация паразитными классами рабочихъ силъ. Изъ суммы этихъ трехъ стоимостей, которыя составляютъ цѣну продукта, состоитъ, какъ извѣстно, дѣйствительная стоимость каждаго предмета. Конечно, она не абсолютно, а только относительно поставлена, какъ стоимость денегъ въ настоящее время... Такъ должно быть и такъ будетъ въ Италіи, благодаря дѣятельности здѣшнихъ ремесленныхъ братствъ. Какая бы судьба ни ожидала ихъ въ будущемъ, но развитіе ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И дѣйствительно, они развиваются быстро, даже тогда, когда идутъ къ своей цѣли ошупью. А что было бы, если бъ они дѣйствовали сознательно, освѣщаемые съ одной стороны наукой, а съ другой подкрѣпляемые матеріальной силой. Но и теперь, съ голыми руками и во мракѣ, они устрояютъ свое положеніе гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Голодная смерть не стучится въ двери тѣхъ, кто работаетъ общими силами съ братствомъ; даже является избытокъ тамъ, гдѣ бѣдность была какъ будто врожденнымъ наказаніемъ, и такимъ образомъ экономическая реформа дѣлается господствующимъ направленіемъ итальянской жизни. Предъ этой реформой блѣднѣютъ всѣ воинственные крики, парламентскія комедіи, политическая суета суетствій и дипломатическая болтовня. Я въ одномъ глубоко убѣжденъ, что тотъ народъ, кото-

рый разрѣшить вопросъ труда на самыхъ рациональныхъ основаніяхъ, — будетъ ли то Италія, или Россія; — поворотить цивилизацію въ другую сторону и пойдетъ впередъ образованнаго міра. Не даромъ изъ-за этого вопроса Америка проливаетъ рѣки крови и ставитъ уничтоженіе привиллегій, монополя и рабства выше самой жизни. Рано или поздно, а придется всѣмъ окончить тѣмъ же. Такова неотразимая логика фактовъ.

А. Брандт.

О СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКѢ ВЪ РОССІИ

I.

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ положительныхъ и точныхъ наукъ: — такъ опредѣляется XIX столѣтіе всѣми мыслящими людьми. И дѣйствительно, ни одинъ изъ предшествовавшихъ ему вѣковъ не отличался такимъ множествомъ открытій въ области естествознанія, математики, механики и другихъ наукъ, какъ наше время. Не случайное ли это явленіе? Нисколько: кромѣ того, что оно есть продуктъ всей прошедшей жизни человѣчества, но и умозрительное философское направленіе предшествовавшихъ вѣковъ, своею несостоятельностью и неточностью своихъ выводовъ доказало, во-первыхъ, что спасеніе человѣчества и его прогрессъ вовсе не въ отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, а въ открытіяхъ, математическихъ, физическихъ и химическихъ; и во-вторыхъ, что умозрительныя науки, вмѣсто того, чтобы строить à priori гипотезы, должны прежде изслѣдовать законы индивидуумовъ и народной жизни, а потомъ ужъ, на основаніи этихъ данныхъ, приходить къ тому или другому заключенію. Да и неудивительно, что человѣчество пришло къ такимъ результатамъ: большая часть абстрактныхъ и абсолютныхъ теорій не выдерживали строгой критики; однѣ смѣнялись другими, одна уничтожала другую; такъ что умозрительныя науки наконецъ не знали, на чемъ остановиться. Такое колеблющееся положеніе ихъ и заставило человѣчество отыскивать болѣе положительную почву, и началами умозрительныхъ

наукъ явились тѣ неизмѣнные законы, которые управляютъ организмомъ человѣка, его нравственною и общественною жизнью.

Подобно всѣмъ другимъ умозрительнымъ наукамъ, и правовѣденіе стояло, еще въ первой четверти настоящаго вѣка, на чисто метафизической точкѣ зрѣнія: всѣ теории права опирались на абстрактныхъ началахъ; поэтому, не имѣя твердаго и положительнаго основанія, онѣ колебались, и каждая остроумная новая мысль уничтожала предшествовавшее положеніе, внося въ науку одно только пустословіе и заблужденіе. Последнее же имѣло огромное вліяніе на юридическій бытъ европейскихъ народовъ: оно внесло ложныя начала во всѣ его отрасли, ложныя воззрѣнія на то—что полезно и что вредно человечеству; что свойственно и несвойственно его природѣ. Стоитъ только вспомнить при этомъ весь вредъ, принесенный Европѣ ученіемъ Канта и Фасрбаха, чтобы убѣдиться въ справедливости моихъ словъ *). Такая положительная вредность и шаткость юридической науки вызвала мыслителей обратиться на иной путь—нежели тотъ, какой избрали нѣмецкіе философы: прежде построенія теории изслѣдовать законы человѣческаго организма и общественной жизни.

Путь этотъ былъ самый вѣрный: юридическая наука открыла въ индивидуальной и общественной жизни людей такіе вѣчно-неизмѣнные законы, какъ и въ остальной природѣ. Еще знаменитый Спиноза, à priori, безъ тѣхъ матеріаловъ, которые впоследствии представлены наукѣ статистикою, сказалъ: «люди потому только воображаютъ, будто они свободны, что сознаютъ свои поступки, не зная впрочемъ причинъ, вызвавшихъ эти поступки. Ребенокъ думаетъ, что произвольно желаетъ молока; злой мальчикъ—что онъ свободно желаетъ мщенія; трусъ—что онъ самъ рѣшается на бѣгство; пьяный—что онъ говоритъ по рѣшенію свободной воли. Дети, глупецъ, болтунъ и множество людей этого рода воображаютъ, что они говорятъ по свободной волѣ, между тѣмъ какъ они просто не въ состояніи принудить себя не болтать». **)

Что великій философъ облекъ въ такую крайнюю формулу, то во многомъ подтвердила современная статистика. Бетле въ сочиненіи своемъ: «de l'influence du libre arbitre de l'homme sur les

*) До настоящаго времени уголовные кодексы Европы не могутъ освободиться отъ ихъ жестокихъ теорій.

**) Ученіе это въ новѣйшее время оправдывается также теоріею Сѣченова „о рефлексамъ головного мозга“.

faits sociaux» (О влияніи свободной воли человека на социальные факты), съ поразительною логикою, выводитъ изъ статистическихъ данныхъ слѣдующія положенія: «что существуетъ неизмѣнный законъ не только въ количественномъ отношеніи брачующихся лицъ, производительности народныхъ силъ, смертности, рожденій, но и преступленій и наказаній. Равномѣрность замѣчается не только въ самоубійствахъ и въ самоувѣчьяхъ, для избѣжанія конскрипціи, но и въ суммахъ, проигрываемыхъ въ публичныхъ домахъ Парижа, и даже въ числѣ неточно и неправильно адресованныхъ по почтѣ писемъ, которыя поэтому не были доставлены. Однимъ словомъ, все совершается такъ, какъ будто разнообразныя роды явленій подлежали чисто *физическимъ* причинамъ». Но прийдя къ такимъ результатамъ, Кетле однакожъ не отвергаетъ, подобно Спинозѣ, свободу воли. «Должно ли, говоритъ онъ, безусловно отрицать человеческую свободу воли при такой правильности явленій?.. Не думаю. Мнѣ только кажется, что эта свобода во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ заключена въ очень *тѣсныя* границы, и въ общественныхъ явленіяхъ она играетъ роль только случайной причины. Поэтому, отрѣшившись отъ отдѣльныхъ личностей и рассматривая только предметы въ общемъ и цѣломъ, мы видимъ, что влиянія *случайныхъ причинъ нейтрализуются* и такъ взаимно уравниваются, что господствующими остаются только истинныя причины, въ силу которыхъ существуетъ и держится общество. Возможность основанія нравственной статистики и извлеченія изъ нея полезныхъ слѣдствій вполне зависитъ отъ того основнаго положенія: *что свободная воля человека исчезаетъ и остается безъ видимою дѣйствія, какъ скоро наблюденіе распространяется на большое число личностей.* Тогда только можно узнать постоянныя и неизмѣнчивыя причины, которыя управляютъ обществомъ; чтобы произвести полезныя реформы, нужно прежде всего подумать объ измѣненіи этихъ причинъ».

Эго мнѣніе Кетле раздѣляетъ въ своей сравнительной статистикѣ и Кольбъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что юридическая наука становится наконецъ на реальную почву, и матеріаломъ ея служить статистика. Мы съ точностію не можемъ сказать — кто первый началъ употреблять эти приемы; кто первый сталъ вникать въ смыслъ, по видимому мертвыхъ, цифръ; но мы знаемъ только то, что эти приемы взяты изъ политической экономіи и что въ настоящее время судебная статистика принимаетъ видъ положи-

тельной науки. Но для того, чтобы наука эта вышла изъ тѣснаго круга народности, въ которомъ она вертится въ настоящее время, и сдѣлалась бы формулою жизни всего рода человѣческаго, для этого ей необходимы многія условія, разрѣшеніе которыхъ едва ли возможно не только въ настоящемъ вѣкѣ, но и чрезъ нѣсколько столѣтій. Причиною тому—различіе не только въ степени развитости народовъ, но и въ ихъ социальномъ, юридическомъ и политическомъ бытѣ. Вотъ почему для судебной статистики могутъ, въ настоящее время, представлять данныя только Европа и Америка. Но и тутъ встрѣчается безчисленное множество препятствій вълѣдствіе различія религиозныхъ, юридическихъ и политическихъ тенденцій, внесенныхъ въ положительныя законодательства націй, обитающихъ въ этихъ двухъ частяхъ свѣта. Отъ этого-же различія законодательствъ европейскихъ и американскихъ происходитъ не только то, что въ статистическихъ таблицахъ различныхъ государствъ замѣчается различная номенклатура однимъ и тѣмъ же юридическимъ явленіямъ; но и самая ихъ жизнь видоизмѣняется отъ разнообразія общественныхъ формъ. Соціальная экономія, въ настоящее время, пришла къ тому убѣжденію, что юридическій бытъ народа имѣетъ огромное вліяніе на экономическій его бытъ, а послѣдній вліяетъ на всю его нравственную жизнь. Слѣдовательно я полагаю, что вообще едва ли возможно будетъ когда нибудь формулировать въ одинъ законъ жизнь всѣхъ народовъ въ совокупности. Статистическіе же выводы по отдѣльнымъ народностямъ и сравненіе статистическихъ данныхъ однихъ народовъ съ другими могутъ принести ту пользу, что по этимъ сравненіемъ можно придти къ заключенію: что есть общаго и что особеннаго въ жизни народовъ; что можетъ быть подведено подъ общую формулу и что нѣтъ; какое вліяніе имѣютъ различныя общественныя учрежденія и формы на матеріальный и нравственный бытъ народовъ; какія изъ нихъ хуже, какія лучше; какія законодательныя мѣры полезны и какія вредны. Къ такимъ выводамъ и пришли Кетле и Кольбъ въ сравнительной своей статистикѣ. Эти причины и побудили лицъ, интересующихся въ успѣхъ наукъ и развитіи ихъ началъ къ мысли: организовать международный статистическій конгрессъ. Мысль эта появилась еще въ 1851 г., съ цѣлью: 1) обсудить, какія статистическія данныя и въ какомъ объемѣ необходимы, для современныхъ потребностей науки и администраціи; 2) установить общій методъ разработки и практическаго примѣненія этихъ данныхъ. Но эти мысли получили

осуществленіе только въ 1853 году, въ Брюсселѣ, гдѣ собрался первый конгрессъ. За тѣмъ организовались еще конгрессы: въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, Лондонѣ *) наконецъ въ прошломъ 1863 году въ Берлинѣ. На послѣднемъ конгрессѣ со стороны Россіи были: гг. Семеповъ, фон-Бушенъ, Щепяицъ, Вешняковъ и Гейкинъ. Конгрессъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, кромѣ другихъ научныхъ, разсмотрѣнныхъ имъ, предметовъ, преимущественно занялся разрѣшеніемъ вопроса — относительно приданія болѣе положительной формы самому конгрессу. Еще на лондонскомъ конгрессѣ знаменитый Кетле предложилъ: устроить, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, въ Брюсселѣ нѣчто въ родѣ международнаго архива, съ цѣлью изданія своднаго статистическаго сборника всѣхъ европейскихъ государствъ. 23 статистическихъ учрежденія (въ томъ числѣ и центральный статистическій комитетъ Россіи) приняли эту мысль; но она осталась безъ исполненія. Въ виду облегченія этого дѣла, требующаго, кромѣ огромной переписки, сосредоточенія, для общей пользы, въ одномъ мѣстѣ всевозможныхъ статистическихъ матеріаловъ, — Кетле возобновилъ свое предложеніе въ прошломъ году берлинскому съѣзду. При чемъ онъ проектировалъ: обсудить возможность и пользу учрежденія постоянного центрального международнаго бюро, въ которое бы, во всякое время, можно было обращаться за необходимыми справками, которое специально занималось бы сношеніями съ статистическими учрежденіями и специалистами, и издавало бы международный статистическій сборникъ. Приготовительная комиссія берлинскаго конгресса, подъ вліяніемъ нынѣшняго политическаго настроенія Пруссіи **), переработала этотъ первоначальный проектъ Кетле по своему. Вслѣдствіе этого возникъ проектъ огромнаго международнаго статистическаго общества и, въ такомъ видѣ, онъ поступилъ на обсужденіе перваго отдѣленія конгресса, въ которомъ заседали большинство *официальныхъ* делегатовъ и директоровъ статистическихъ учреждений, въ томъ числѣ и авторъ первоначальнаго проекта — Кетле. Послѣ жаркихъ и продолжительныхъ преній, отдѣленіе отвергло проектъ въ цѣломъ; но, придерживаясь первоначальной, общепользующей и практической мысли, опредѣлило воз-

*) Конгрессъ этотъ между прочимъ предложилъ Европейскимъ государствамъ ввести единообразныя судебнo-статистическія таблицы.

**) Государственный министр Пруссіи былъ председателемъ конгресса.

обновить предложение Кетле на будущемъ конгрессѣ, который рѣшено открыть въ С. Петербургѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ избираа международная коммиссія для приготовления къ слѣдующему съѣзду новаго проекта. Коммиссія эта составлена: изъ Фишерса (Белгія), Фарра (Англія), Легоа (Франція), Семенова (Россія), Фиккера (Австрія), Энгеля (Пруссія). Проектъ коммиссіи, прежде внесенія его на конгрессъ, будетъ сообщенъ всѣмъ *официальнымъ* представителямъ статистики, непосредственно заинтересованнымъ въ дѣлѣ *). Мы же съ своей стороны полагаемъ, что распубликованіе его въ Европѣ, и въ особенности въ Россіи, гдѣ предполагаетъ собраться ближайшій конгрессъ, можетъ принести дѣлу несомнѣнную пользу, давая въ этомъ важномъ случаѣ возможность высказаться не только официальнымъ любителямъ статистики, но и всѣмъ лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Но это—второстепенная вещь: насъ же радуегъ то, что международный статистическій конгрессъ не есть болѣе утопія, а осуществленіе его, съ каждымъ годомъ, идегъ все ближе и ближе къ концу. Слѣдовательно и Россія должна принимать въ этомъ дѣлѣ самое живое и дѣятельное участіе; а потому для будущаго конгресса мы должны приготовить матеріалы свои съ большею обработанностію, съ большимъ вниманіемъ, такъ чтобы и нашъ матеріалъ могъ войти въ общій составъ сравнительныхъ статистическихъ таблицъ Европы. Задача эта трудна и многосложна, и требуетъ самаго энергическаго участія нашей литературы; съ другой стороны желательно бы было, чтобы и тѣ учрежденія, которыя собираютъ у насъ статистическія данныя, дѣлали это съ большею точностью, въ особенности по предметамъ судебной статистики.

II.

Итакъ, статистика хотя и возникла только въ настоящемъ вѣкѣ, но плоды ея огромны: она успѣла уже уяснить не только пользу или вредъ той или другой законодательной мѣры, причины того или другаго общественнаго зла; но и тѣ законы, по которымъ совер-

*) См. Отчетъ Русскаго географическаго общества за 1863 годъ.

шаются извѣстные событія. Казалось бы страннымъ, къ чему и для чего, напримѣръ, собирать данныя относительно количества совершенныхъ преступленій и судебныхъ рѣшеній; но опытъ убѣдилъ человѣчество, что эти цифры, если можно такъ выразиться, суть итоги прожитой народомъ жизни, -- итоги, въ которыхъ всецѣльно выражаются его экономическія, юридическія и нравственныя потребности. Кроме этого, числовое отношеніе преступленій къ общей суммѣ народонаселенія обнаруживаетъ, что при однихъ и тѣхъ же общественныхъ и социальныхъ условіяхъ, существуетъ какой-то одинъ неизмѣнный законъ; самыя даже колебанія этихъ цифръ доказываютъ измѣненіе строя цѣлой народной жизни. Такимъ образомъ каждый мыслитель въ судебной статистикѣ можетъ найти богатѣйшій матеріалъ для своей наблюдательности и для изученія общества. Къ величайшему сожалѣнію, у насъ, въ Россіи, судебная статистика сдѣлалась общественнымъ достояніемъ только съ 1859 года, когда, въ журналѣ Министерства Юстиціи, стали печататься всеподданнѣйшіе отчеты этого министерства, начиная съ 1858 года.

Но и такое, еще недавнее, возникновеніе нашей судебной статистики принесло ужь несомнѣнную пользу: она указала многія явленія, о которыхъ мы прежде и не думали. Мало того, что она опредѣлила характеръ каждой мѣстности, но и указала ихъ потребности, развитіе, нужды; показала, гдѣ и въ какой мѣрѣ должны быть произведены реформы; уяснила, что нужно сдѣлать для блага народа... Такъ, въ отчетѣ министра юстиціи за 1862 годъ *)), предъ глазами нашими является показаніе, что въ теченіи 1862 года въ судебныхъ палатахъ было дѣлъ:

въ уголовныхъ . . .	70,039
» гражданскихъ . . .	104,499

Не указываютъ ли эти цифры на необходимость скорѣйшей реформы судопроизводства? 70,000 уголовныхъ дѣлъ, и сколько въ нихъ практическихъ лицъ?.. **) Между тѣмъ погрѣшимость палатъ доказывается тѣмъ, что свыше 24% рѣшеній, поступающихъ оттуда въ сенатъ, — отменяется; а свыше 14% —измѣняется.***) Фактъ этотъ можно бы счи-

*) См. журналъ М. Юстиціи за январь и февраль.

**) Безъ переноса въ сенатъ рѣшено ими дѣлъ на 30,925,994 р. 83 к.

***) Въ 1862 г. изъ 2,247 рѣшій палатъ, 557 отменены, а 319 измѣнены.

тать случайнымъ, если бы мы не имѣли въ виду, что изъ числа 182 дѣлъ коммерческихъ судовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи въ 1862 г. у правительствующаго сената, по 146 дѣламъ рѣшенія судовъ вполне признаны правильными, по 12 — дополнены или измѣнены, а по остальнымъ 24 дѣламъ рѣшенія коммерческихъ судовъ перевершены или отвергнуты сенатомъ. Такимъ образомъ отмѣнено въ коммерческихъ судахъ только 12⁰/₀, а въ с. петербургскомъ коммерческомъ судѣ состоялось рѣшеній, подлежащихъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ 220, и изъ нихъ обжаловано только 37, то есть, едва $\frac{1}{7}$ часть. Не доказываютъ ли эти факты, что коммерческіе суды, имѣя лучшія формы судопроизводства и судоустройства, чѣмъ палаты, на столько непогрѣшимѣ послѣднихъ, на сколько 12: 24.

Въ первыхъ степеняхъ суда въ 1862 г. было:

	поступило	разрѣшено
уголовныхъ дѣлъ	216,668.	163,445.
гражданскихъ	155,732.	72,300. *)

Окончательно, безъ переноса, рѣшено на 12,455,667 р. 36 к. Такимъ образомъ мы видимъ, что первая двѣ инстанціи окончательно рѣшили дѣлъ, безъ переноса, на 43,381,661 руб.; а коммерческіе суды—на 29,752,599 р., итого, въ первыхъ и вторыхъ инстанціяхъ рѣшено окончательно дѣлъ на 73,134,260 руб. Основываясь на этой цифрѣ, мы было хотѣли сдѣлать приблизительное исчисленіе: сколько имѣютъ тяжущіеся въ судахъ расходовъ, казенныхъ и частныхъ; но, въ величайшему сожалѣнію, въ отчетѣ министерства не показано въ отдѣльности количество *окончательно* рѣшенныхъ дѣлъ въ палатахъ и въ первыхъ степеняхъ. Однако же съ одной стороны, имѣя въ виду, что 38⁰/₀ рѣшеній палатъ признаются сенатомъ неправильными, и зная, что первая двѣ степени (кромѣ коммерческихъ судовъ) рѣшаютъ окончательно дѣлъ на 43,391,661 руб., — мы приходимъ къ тому заключенію, что первыми двумя степенями ежегодно рѣшается неправильно дѣлъ на 16,155,031 руб. А по уголовнымъ дѣламъ выходитъ, что изъ трехъ дѣлъ одно рѣшается неправильно. Съ другой стороны, какъ практику мнѣ положительно извѣстно, что самый дешевый способъ веденія процесса обходится тяжущимся въ 10⁰/₀; слѣдовательно, по вышеприведеннымъ даннымъ, тяжущіеся

*) Въ этомъ числѣ опекунскихъ было 53,000.

употребляютъ для однихъ окончательно рѣшенныхъ дѣлъ первыми двумя степенями, 7,313,426 р., т. е., почти въ полтора раза болѣе, нежели получаетъ, по бюджету, все министерство юстиціи (оно получало, въ 1862 году, 5,502,896 руб. 2 коп.). Десятипроцентное исчисленіе наше очень умѣренно: мы допускаемъ тотъ случай, что тяжущійся во время теченія процесса не имѣлъ никакихъ издержекъ и что ему приходится уплатить только сумму взысканія, то и тутъ онъ теряетъ болѣе 10%: 1) если наличныхъ денегъ нѣтъ къ уплатѣ, то, занявъ ихъ, онъ, теряетъ 10%; 2) если у него продаютъ по взысканію имущество, то потеря его равняется 10%; 3) если у него есть деньги, то онъ теряетъ тотъ процентъ, какой этотъ капиталъ могъ бы ему принести.

Изъ этого видно, что неизбежный расходъ тяжущихся по окончательно рѣшеннымъ дѣламъ не менѣ той цѣфры, которую мы привели. Если же принять эти цѣфры и сообразить ихъ съ цѣнностью всего промышленнаго производства Россіи, то мы получимъ слѣдующіе результаты: по *Тенгоборскому*, все промышленное производство простирается у насъ на 550 милліоновъ *); а *по статистическимъ таблицамъ* за 1856 г., та же промышленность, за исключеніемъ ремесленной, простирается на 224,332,362 руб. Но придержимся Тенгоборскому, такъ какъ послѣдняя цифра далеко уменьшена и мы получимъ: что окончательно рѣшенія судовъ первыхъ двухъ инстанцій обнимаютъ почти $\frac{1}{7}$ часть всего промышленнаго производства Россіи; что 2,93% этого производства теряется по неправильнымъ рѣшеніямъ этихъ судовъ; а 1,3% употребляется на издержки по этой потерѣ. А сколько еще тяжущіеся расходуютъ на дѣла, идущія по апелляціи въ сенатъ? Между тѣмъ, какъ выше объяснено мною, рѣшенія палатъ далеко несовершенны. Рѣшенія уѣздныхъ судовъ носятъ почти тотъ же характеръ: изъ числа 52,425 дѣлъ, поступившихъ во вторыя степени въ 1862 г., отмѣнены 12,520; а 16,342 измѣнены и пополнены. Жаль, что въ отчетѣ министерства не показано количество тѣхъ дѣлъ, которыя, при разсмотрѣніи въ сенатѣ рѣшены согласно основаніямъ уѣздныхъ судовъ; иныя эти данныя, можно бы было судить о томъ, кто непогрѣшимѣе въ своихъ рѣшеніяхъ—палаты или уѣздные суды. Но такъ какъ этого матеріала нѣтъ, то намъ остается сказать, что, сравнительно,

*) См. Кольба руководство къ сравнительной статистикѣ, 1862. т. 1. стр. 281.

рѣшенія первыхъ степеней непогрѣшимѣе рѣшеній вторыхъ инстанцій. Хотя изъ отчета министерства видно, что болѣе половины дѣлъ первыхъ подвергаются измѣненію палатами; но за то рѣшенія вторыхъ подвергаются измѣненію сенатомъ въ количествѣ 38%, и по большей части, какъ извѣстно изъ практики, въ подобныхъ случаяхъ, рѣшенія сената подходятъ, по началамъ своимъ, къ рѣшеніямъ первыхъ степеней. Вслѣдствіе этого, собственно говоря первыя степени едва ли погрѣшаютъ въ своихъ рѣшеніяхъ на 12% — цифра почтенная, но довольно еще сносная. За то первыя степени суда грѣшатъ медленностью дѣлопроизводства. Впрочемъ это — хроническая болѣзнь стараго порядка нашего суда, съ его тяжелыми формами и сроками, такъ что никакія палліативныя мѣры, употребляемыя постоянно министерствомъ, не могутъ помочь горю. Отчетъ министерства по этому предмету говоритъ слѣдующее: «изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній видно, что продолжительное производство нѣкоторыхъ дѣлъ зависитъ отъ свойства ихъ: такъ производство опекунскихъ, конкурсныхъ, межевыхъ и слѣдственныхъ дѣлъ замедляется часто по причинамъ, отъ судебныхъ мѣстъ независящимъ. Сверхъ того изъ отчетности судовъ первыхъ степеней видно, что дѣла нерѣдко весьма продолжительное время останавливаются въ производствѣ по недоставленію полиціями затребованныхъ отъ нихъ свѣдѣній. Въ случаѣ усмотрѣнной медленности, министерство немедленно принимаетъ мѣры къ понужденію подвѣдомственныхъ ему судебныхъ мѣстъ и неоднократно входило въ сношенія съ другими министерствами и главными управленіями, прося ихъ содѣйствія къ скорѣйшему движенію судебныхъ дѣлъ, останавливающихся за судебными мѣстами».

Изъ таблицы движенія дѣлъ въ первыхъ инстанціяхъ, съ 1858—1862 г., можно видѣть, что постоянно нерѣшенныхъ дѣлъ остается въ процессахъ уголовныхъ отъ 43,000—49,000; въ гражданскихъ же процессахъ замѣчается слѣдующее теченіе дѣлъ:

	Производилось.	Нерѣшенныхъ.
Въ 1858 году	99,199	38,136
» 1859 »	98,026	38,479
» 1860 »	151,525	79,314
» 1861 »	154,520	82,576
» 1862 »	155,732	83,432

Изъ этого усматривается, что когда было въ первыхъ степеняхъ 99 тыс. дѣлъ, тогда почти $\frac{1}{3}$ дѣлъ оставалась нерѣшенными; когда же въ судѣ почти удвоились дѣла, тогда хотя нерѣшенными осталось почти такое количество дѣлъ, сколько прежде было въ производствѣ въ судахъ; но за то суды стали рѣшать свѣше, нежели на 10 тыс. дѣлъ болѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Такъ въ 1858 году рѣшено было 61,063 дѣла; а въ 1862 г. 72,300. Слѣдовательно особенной медленности въ 1862 году незамѣтно нѣ теченіи дѣлъ въ первыхъ степеняхъ; но общій застой дѣлъ, замѣтный съ 1858 — 1862 годъ, убѣждаетъ только, что никакія палліативныя мѣры не помогаютъ дѣлу, а необходима наискорѣйшая, коренная реформа юстиціи на болѣе разумныхъ началахъ, изложенныхъ въ основныхъ положеніяхъ судебной реформы въ Россіи.

Дѣятельность судебныхъ слѣдователей имѣла слѣдующій характеръ: въ 1862 г., въ 44 губерніяхъ, въ которыхъ числится 444 уѣзда, слѣдователей было 873,

	Производилось.	Окончено.	Не окончено.
слѣдствій	117,814	85,299	32,515

По дѣламъ, бывшимъ въ 1862 г. у судебныхъ слѣдователей и слѣдственныхъ комиссій, числилось лицъ, надѣ проступками и преступленіями которыхъ производились слѣдствія, всего 124,581. Изъ нихъ содержалось подѣ арестомъ 25,910 муж. и 3,074 женщинъ; всего 28,984. Последняя цифра такъ почтенна, и дѣятельность слѣдователей была такъ неудовлетворительна, что министерство юстиціи вынужденнымъ нашлось въ началѣ 1863 г. объявить слѣдователямъ «установленныя закономъ правила о мѣрахъ для пресѣченія обвиняемымъ способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда». Эта министерская мѣра вѣроятно вразумила судебныхъ слѣдователей, т. е., сдѣлала ихъ вдругъ и опытниѣе гуманиѣе, что доказывается тѣмъ, что въ 1863 году числится лицъ, (надѣ проступками и преступленіями которыхъ производится слѣдствіе), 66,960; а арестованными считаются только 3,395 человекъ. Среднимъ числомъ по 44 губерніямъ приходится на одного судебного слѣдователя 132 порученныхъ ему слѣдствій. Но мы спрашиваемъ: возможно-ли добросовѣстно произвести одному слѣдователю столько дѣлъ при тѣхъ сложныхъ формахъ, какими облеченъ у насъ уголовный процессъ?.. Едва ли. Но при этомъ не забывайте, что

число 132—цифра средняя; а многіе слѣдователи производили еще большее количество дѣлъ. Поэтому можно себя вообразить, какъ хромаетъ наше уголовное правосудіе. Но я нисколько не виню судебныхъ слѣдователей: дѣла нужно окончить, а то можно лишиться мѣста... Съ увеличеніемъ же числа дѣлъ, нужно бы поприбавить и число слѣдователей; а у насъ дѣла растутъ, количество же слѣдователей не измѣняется. Такъ мы замѣчаемъ, что съ 192,818 уголовныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ въ первыхъ степеняхъ, цифра эта достигаетъ въ первый же годъ существованія судебныхъ слѣдователей до 207,6,673; а въ 1863 г. цифра повышается на 216,668. Дѣла же эти должны были пройти чрезъ руки судебныхъ слѣдователей: тутъ конечно ничего не пришлось дѣлать болѣе, какъ только вести процессы на скорую руку, лишь бы спустить ихъ въ судъ и зачесть ихъ у себя оконченными.

Но кромѣ этихъ явленій отчетъ министерства представляетъ еще слѣдующія черты нашей судебной дѣятельности:

Въ 1862 г., наибольшая правильность рѣшеній является въ палатахъ:

Уголовныхъ—губерній: вологодской, вятской, петербургской, кievской, курской, орловской, пермской, самарской и херсонской.

Гражданскихъ—губерній: владимірской, могилевской, пензенской, погтавской, петербургской, саратовской, тульской и черниговской.

Въ первыхъ степеняхъ суда въ губеріяхъ: вятской, гродненской, курляндской, лифляндской, орловской, с. петербургской и черниговской.

Изъ этого мы видимъ, что въ однихъ губерніяхъ всѣ присутственныя мѣста правильно рѣшаютъ дѣла; въ другихъ—только два присутственныхъ мѣста; въ третьихъ—одно.

Но почему, вопросъ, въ петербургской губерніи, не смотря на большее, сравнительно напримѣръ съ вологодскою губерніею, количество поступающихъ процессовъ въ ея присутственныя мѣста, дѣла правильнѣе рѣшаются, нежели въ послѣдней? Почему въ вятской губерніи уголовная палата и первая степень суда правильнѣе рѣшаютъ дѣла, чѣмъ въ гражданской ея палатѣ?.. и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы простой: если мы замѣчаемъ, что, сравнительно, количество дѣлъ въ двухъ мѣстностяхъ, А и Б,—одинаковое, и что количество дѣлъ, рѣшенныхъ въ мѣстности А, не только превосходитъ количество рѣшенныхъ дѣлъ въ мѣстности Б, но что самыя рѣшенія правильнѣе,—то

мы должны сказать, что составъ суда въ мѣстности А лучше, чѣмъ въ Б. Вотъ почему мы находимъ, что подробное объислѣдованіе причинъ такой разности въ отправленіи правосудія, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, можетъ познакомить исслѣдователя съ степенью развитости судей; чрезъ что получится возможность, уничтожая причину, искоренить и происходящее отъ того зло.

Числительность уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ представляетъ намъ также не мало интереса: въ этомъ отношеніи мы бросимъ взглядъ только на первыя инстанціи.

Въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ этихъ судахъ производилось слѣдующее количество:

	Уголовныхъ дѣлъ.			Гражданскихъ дѣлъ.		
	Производим.	Рѣшено.	Осталось.	Производим.	Рѣшено.	Осталось.
1858 г.	181,945.	137,950.	43,995.	99,199.	61,063	38,136.
1859 »	187,432.	141,313.	46,119.	98,026.	59,547	38,479.
1860 »	192,818.	145,728.	47,090.	151,525.	72,211	79,314.
1861 »	207,673.	161,457.	46,216.	154,520.	71,944	82,576.
1862 »	216,668.	167,145.	49,523.	155,732.	72,300	83,432.

Если бы у насъ имѣлись подъ рукою судебнo-статистическія свѣденія по крайней мѣрѣ за 15 л. до 1858 г., то мы вывели бы пропорцію ежегоднаго возрастанія дѣлъ въ существующемъ, въ настоящее время, порядкѣ суда и расправы. Но не имѣя этихъ данныхъ, мы не можемъ вывести этого закона, потому что представляемыя здѣсь цифры относятся только къ періоду отъ 1858—1862, т. е., ко времени, когда у насъ совершились важныя социальныя и финансовыя реформы, которыя, имѣя вліяніе на весь строй нашей народной жизни, не могли также не вліять на ходъ самаго теченія нашихъ судебныхъ дѣлъ. Поэтому представленная мною таблица важна въ другомъ отношеніи: требуется объислѣдовать причину сильнаго возвышенія съ 1858 года по 1862 уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ — первыхъ: на 97,723; вторыхъ: на 56,533.

Увеличеніе дѣлъ уголовныхъ съ 1858 года мы приписываемъ отчасти совершившемуся у насъ экономическому перевороту въ государствѣ, отчасти же введенію въ судахъ судебныхъ слѣдователей.

И дѣйствительно, мы находимъ, что всѣхъ подсудимыхъ въ 1860 году было 393,020; а въ 1862 г. цифра подсудимыхъ достигаетъ ужь 456,251... Такое огромное увеличеніе подсудимыхъ въ два года нельзя считать нормальнымъ. Если бы въ каждые два года подсудимыхъ увеличивалось въ такой прогрессіи, то, много—много чрезъ десять лѣтъ, все народонаселеніе имперіи обратилось бы въ подсудимыхъ. А потому нужно доискаться причинъ этого ненормальнаго теченія уголовного правосудія. Ихъ не трудно отыскать, если мы примемъ въ соображеніе, что прежде многіе уголовные процессы получали окончаніе въ полиціяхъ и земскихъ судахъ, гдѣ нерѣдко дѣла сдавались въ архивъ, а подсудимые освобождались.

Съ учрежденіемъ же судебныхъ слѣдователей это зло прекратилось, и каждое дѣло, производящееся у нихъ, поступаетъ непремѣнно въ судъ. Въ силу этого—ужь одинъ этотъ порядокъ долженъ былъ увеличить число дѣлъ въ первыхъ инстанціяхъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ и количество самихъ подсудимыхъ. Но тутъ примѣшалась и крестьянская эманципация, которая имѣла огромное вліяніе на увеличеніе числа уголовныхъ дѣлъ. Многіе помѣщики, при самомъ возникновеніи вопроса о крестьянахъ, стали освобождать дворовыхъ людей и даже осѣдлыхъ крестьянъ на волю; но при этомъ не озаботились обезпечить ихъ быта. *) Отсюда явилась цѣлая масса пролетаріевъ, непривычныхъ ни къ серьезному труду, ни къ самостоятельной, внѣ сельскаго общества, дѣятельности: такъ что, на первыхъ порахъ, нужда побудила ихъ къ проступкамъ и преступленіямъ. Съ выходомъ же манифеста отъ 19 февр. 1861 г., многіе изъ крестьянъ не поняли смысла своей новой свободы и чрезъ это впади въ преступленія. Эта же свобода дала также возможность многимъ лѣнливымъ и неблагонадежнымъ крестьянамъ выйти изъ волостей и отправиться въ города, гдѣ они предавались разврату и пороку, за что и попадались вскорѣ въ руки блюстителей правосудія. Но этого, быть можетъ, и не было бы, если бы чрезъ крестьянскую и финансовую нашу реформу не вздорожали въ городахъ всѣ жизненные потребности; если бы финансовый кризисъ въ государствѣ, и исчезновеніе капиталовъ, также постоянныя банкротства,—не сдѣлали заработокъ дѣломъ невѣрнымъ. Фабрики и заводы наши упали, частный кредитъ исчезъ, многія мастерскія закрылись, сбывать товаровъ

*) Интересно бы собрать свѣдѣнія, сколько крестьянъ вынуждено на волю безъ земли, въ періодъ обсужденія вопроса о крестьянахъ.

плохой, помѣшкки и купцы сидятъ безъ оборотныхъ капиталовъ; словомъ, во всемъ п вездѣ застой. А при такомъ положеніи вещей, первый страдалецъ — работникъ: онъ остается безъ труда и безъ куска хлѣба. Отсюда и рождаются проступки и преступленія: одна только горькая нужда вызываетъ человѣка на отвратительные пороки и побуждаетъ его къ преступленію. Что дѣйствительно таково общественное наше положеніе, то этому свидѣтельствомъ то обстоятельство, что гражданскихъ дѣлъ въ 1862 г., противъ дѣлъ 1858 года, возросло на 56,533. Почему же это такъ, спросите вы? Большое количество гражданскихъ дѣлъ должно бы, кажется, свидѣтельствовать движеніе, жизнь и дѣятельность въ обществѣ?.. Не советѣмъ такъ: гражданскіе искн, при нормальномъ управленіи государственнаго организма, появляются всегда въ известномъ небольшомъ процентѣ, въ сравненіи съ промышленными его продуктами. Если же является такая большая цифра гражданскихъ дѣлъ, какъ въ 1862 году, то это доказываетъ, что въ государственномъ организмѣ совершились ненормальныя отправления. И въ самомъ дѣлѣ, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, каждый помѣщикъ, купецъ и промышленникъ зналъ сроки своимъ долговымъ обязательствамъ, соблюдалъ въ точности свои договоры; но когда платежи прекратились, то прежніе исправные кредиторы и контрагенты сдѣлались неисправными. Такое положеніе вещей вызвало протесты векселей, заемныхъ обязательствъ и контрактовъ; вызвало такіе искн и тяжбы, которые при обыкновенномъ теченіи дѣлъ никогда бы не возникли; наконецъ вызвало банкротства съ неизбежными ихъ конкурсными управленіями и администраціями. Иначе и нельзя понимать такое большое увеличеніе гражданскихъ процессовъ, потому что, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ въ обществѣ, дѣла напротивъ того должны были уменьшаться: такъ какъ каждый, не имѣя особенной, чрезвычайной, надобности въ начатіи иска, могъ ожидать вскорѣ долженствующей совершиться судебной реформы. Поэтому ужь одно то обстоятельство, что общество, не ожидая этой реформы, рѣшилось прибѣгнуть къ дорогому и тяжелому настоящему судопроизводству, доказываетъ всю чрезвычайность нашего финансоваго положенія. Эта ненормальность нашего общественнаго строя доказывается еще тѣмъ, что одной торговой несостоятельности въ 1862 г., въ однихъ коммерческихъ судахъ, свыше, нежели на 30 мил., и что цѣнность явленныхъ и совершенныхъ актовъ въ

1862 г. превышает вредствовавший годъ на 18,435,584 р. 75 в. Последнее обстоятельство въ особенноти важно: извѣстно, что тѣмъ нормальнѣе государственный организмъ, тѣмъ прочнѣе недвижимая собственность и тѣмъ медленнѣе переходъ его изъ однихъ рукъ въ другія; слѣдовательно, только сильныя потрясенія государственнаго организма могли вызвать такой большой сбытъ недвижимой собственности, какъ въ 1862 г. И дѣйствительно, гдѣ потрясеніе было сильнѣе, тамъ замѣчаются и крупнѣйшія цѣны. Такъ — первое потрясеніе всегда отражается въ столицахъ: вотъ почему въ Москвѣ и Петербургѣ совершено и явлено актовъ на 131,867,604 р. 68 в. За тѣмъ слѣдуютъ остзейскія губерніи, Малороссія, Новороссійскій край и западныя губерніи: ковенская, подольская и волынская.

Такимъ образомъ мы объяснили причину увеличенія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Но къ сожалѣнію, мы, не по своей волѣ, приняли методъ, обратный тому, который мы рѣшились употреблять при объясненіяхъ явленій общественной жизни: изъ статистическихъ данныхъ мы должны были прійти изъ вышеприведеннымъ выводамъ; а мы сдѣлали это обратно. Впнью этому то, что въ отчетѣ министерства не показано ни отношеніе числа подсудимыхъ къ сословіямъ, ни свойство гражданскихъ дѣлъ, ни даже раздѣленіе актовъ по родамъ имуществъ; *) а безъ этихъ данныхъ нельзя прійти къ непогрѣшимымъ выводамъ.

III.

Количество подсудимыхъ, число лицъ потерпевшихся наказаніямъ, свойство проступковъ и преступленій, и взаимное ихъ отношеніе, — представляютъ для исследователя также не меньшій интересъ, чѣмъ другіе предметы судебной статистики.

Число подсудимыхъ въ 1862 г., сравнительно съ прежними двумя годами, увеличилось въ слѣдующемъ размѣрѣ.

*) Судя по таблицѣ сбора 4% и $\frac{1}{2}$ % мы вывели цѣны слѣдующимъ образомъ: перешло недвижимыхъ имуществъ въ другое владѣніе на 234,308,352 р. денежныхъ обязательствъ явлено на 33,152,800 р; перешли въ другія руки по наслѣдству, по дарственнымъ и раздѣльнымъ недвижимымъ имуществамъ на 26,251,904 р.

	1860 г.			1861 г.			1862 г.		
	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.
Всего въ теченія года									
было	346496	46524	393020	384700	48794	433494	404821	51430	456251
Изъ нихъ									
убыло	267337	38004	296459	39003	30603	395462	398176	42359	350565
осталось къ слѣдующему году	79109	8520	87629	82241	9791	98032	96645	9041	105586

Изъ этой таблицы открывается, что число подсудимыхъ съ 1860 года возросло до огромной цѣфры, а именно: съ 393,020 до 456,251; разность составляетъ 63,231, то есть, слишкомъ 16%, въ теченіи двухъ лѣтъ. Такая прогрессія совершенно ненормальна, и мы приписываемъ ее тѣмъ же причинамъ, какія вызвали увеличеніе дѣлъ уголовныхъ; слѣдовательно, послѣднія имѣютъ тѣсное соотношеніе съ увеличеніемъ числа подсудимыхъ. Огромная же *убыль* подсудимыхъ объясняется особенною дѣятельностью нашихъ судовъ въ виду судебной реформы: вслѣдствіе чего преимущественно рѣшались, въ первыхъ степеняхъ, дѣла уголовныя—отчего уменьшалось значительно и число подсудимыхъ. Это ясно доказывается тѣмъ, что изъ числа 105,686 подсудимыхъ, оставшихся къ 1863 г., подъ стражею находятся только 9,761 мужчинъ и 1,159 женщинъ.

Эти подсудимыя содержатся:

менѣе одного года	7,733
болѣе года	1,965
болѣе 2 лѣтъ	593
болѣе 3 лѣтъ	361
болѣе 4 лѣтъ	268
Итого	10,920

Изъ этого слѣдуетъ, что еще до 1860 года порѣшены всѣ старыя дѣла и что большинство нынѣ содержащихся преступниковъ относится къ періоду отъ 1860 года; а за прежніе годы всѣхъ подсудимыхъ въ имперіи всего 629 человѣкъ.

Изъ числа 456,251 бывшихъ подсудимыхъ въ 1862 г. было:

на свободѣ	346,715 муж.	43,820 женщинъ.
подъ стражей	58,106 муж.	7,610 женщинъ.

Слѣдовательно, изъ подсудимыхъ на 8 мужчинъ приходилось по 1 женщинѣ; а въ числѣ 6 человекъ] подсудимыхъ 1 находится подъ стражей.

Имѣя въ виду при этомъ, что по 10 народной переписи *) податныхъ числится въ Европейской Россіи:

29,367,422 мужескаго пола.
29,963,330 женскаго пола.

А потому мы должны считать, что женщинъ въ имперіи болѣе, нежели мужчинъ; на этомъ основаніи мы должны сказать, по количеству подсудимыхъ, что женщины совершаютъ менѣе преступленій, чѣмъ мужчины. Но обратно, судя по цифрамъ о количествѣ содержащихся подъ стражей мужчинъ и женщинъ и находя, что изъ числа подсудимыхъ мужчинъ 16% содержатся подъ стражей, а изъ числа женщинъ 17%; поэтому слѣдовало бы заключить, что общая преступность воли болѣе развита у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; но за то, въ частности, женщины, рѣшаясь на преступленіе, совершаютъ только преступленія серьезныя. Большая разность, въ числѣ подсудимыхъ женщинъ противъ мужчинъ, происходитъ отчасти и отъ общественнаго положенія тѣхъ и другихъ: мужчина несетъ у насъ всѣ тягости общественныя, и кромѣ того содержаніе семьи на полной его обязанности; слѣдовательно ужь одна эта экономическая особенность вызываетъ со стороны мужчинъ большее количество нарушеній, преслѣдуемыхъ общественною властью. Сверхъ этого есть преступленія, которыя болѣе спеціальны мужчинамъ, нежели женщинамъ, какъ напримѣръ: сопротивленіе распоряженіямъ правительства, оскорбленіе присутственныхъ мѣстъ, взломъ тюремъ, преступленія и проступки по службѣ. Наконецъ, есть такія преступленія, которыя требуютъ большую физическую силу, какъ напримѣръ: порубка лѣсовъ, грабежъ, личное оскорбленіе и т. д. Эти-то причины, собственно говоря, и увеличиваютъ число преступности мужчинъ; но не потому, чтобы первые были безправственнѣе вторыхъ въ общемъ строѣ всей народной жизни.

*) См. статистическія таблицы Россійской Имперіи, выпускъ 2, 1863 г., стр. 187.

Въ свойствѣ же преступленій мы находимъ такую послѣдовательность:

Самое большое количество проступковъ является въ нарушеніи уставовъ о казенныхъ лѣсахъ: по предмету этому осуждено мужчинъ—21,900, женщинъ—305. Причина этихъ нарушеній лежитъ въ томъ, что въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что лѣсъ, какъ даръ божій, который не сѣется и не разрабатывается человѣкомъ, есть достояніе общее. Съ другой стороны, не смотря на сильное преслѣдованіе закономъ этого рода нарушеній, они все-таки не прекращаются, а ежегодно возрастаютъ, что показываетъ крайнюю нужду народа въ лѣсномъ матеріалѣ, какъ въ одной изъ главныхъ потребностей народнаго хозяйства *). Эти причины и должны вызвать со стороны лѣснаго вѣдомства правильный сбытъ лѣсовъ на мѣстные надобности: единственная рациональная мѣра, которая можетъ если не совершенно уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить порубку лѣсовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ превратить преслѣдованіе и наказаніе такой значительной массы людей.

За порубкою казенныхъ лѣсовъ слѣдуетъ воровство—кража: осужденныхъ по этому предмету было въ 1862 г. мужчинъ — 21,350, женщинъ—3,292. Этотъ родъ преступленій вызывается обыкновенно экономическимъ бытомъ народа, такъ что чѣмъ менѣе въ немъ пролетаріевъ, тѣмъ меньше и число воровъ. Кромѣ этого паспортная система, господствующая у насъ, развиваетъ не только этотъ родъ преступленій, но еще и другія: это доказывается тѣмъ, что за нарушеніе паспортнаго устава у насъ наказано въ 1862 г. мужчинъ 5,668, женщинъ—1,092; цифры эти занимаютъ третье мѣсто по преступленіямъ, а относительно женщинъ второе **). Выдача женщинамъ паспортовъ зависитъ или отъ ихъ родителей и опекуновъ, или отъ мужей; вотъ почему женщина, при деспотизмѣ послѣднихъ, избѣгая тяжелой домашней жизни, вынуждена нарушать уставъ паспортный. Безпаспортную же рѣдко кто рѣшается взять въ услуженіе: отчего и рождаются развратъ и гибель женщины. По этимъ основаніямъ мы находимъ между нарушеніемъ паспортнаго устава и всѣми вообще преступленіями самую тѣсную и большую связь. Это-то

*) Замѣчательно, что и во Франціи встрѣчается то же самое явленіе (см. Маттермайера).

**) Относительно женщинъ первое мѣсто занимаетъ воровство-кража, а второе—нарушеніе паспортнаго устава.

и убѣждаетъ насъ, что предполагаемая реформа паспортнаго устава и карательныхъ мѣръ за его нарушение — есть настоящая и крайняя потребность нашей общественной жизни.

По предмету отступленій отъ вѣры и постановленій церкви замѣтно слѣдующее явленіе: въ отношеніи мужчинъ проступки эти занимаютъ въ ряду преступленій одинадцатое мѣсто; а у женщинъ — шестое. Въ общезитіи кажется, что женщины болѣе благочестивы, болѣе религіозны, болѣе тверды въ своихъ вѣрованіяхъ, чѣмъ мужчины; а между тѣмъ по статистическимъ даннымъ въ цѣломъ строѣ народной жизни выходитъ совершенно противное. Правда, по этому предмету вы найдете, что въ 1862 г. мужчинъ наказано 694, а женщинъ 439; но нужно обратить вниманіе на то, что по предмету религіи кругъ дѣятельности мужчинъ обширнѣе дѣятельности женщинъ; поэтому хотя наказуемость женщинъ меньшая, но въ сравненіи съ общимъ числомъ ихъ наказуемости она дастъ болѣе значительный процентъ, нежели проступки этого рода мужчинъ.

Изъ общаго числа приговоренныхъ къ наказаніямъ въ 1862 году было:

Неграмотныхъ	67,903.
Умѣющихъ читать и писать	14,473.
Получившихъ образованіе.	1,073.

По этимъ цифрамъ казалось бы, что неграмотные, по невѣжеству и грубости, болѣе совершаютъ преступленій, чѣмъ грамотные и образованные люди. Но дѣло выходитъ не такъ, если мы основательнѣе вникнемъ въ этотъ предметъ.

Изъ статистическихъ таблицъ 1856 года *) открывается: болѣе одного процента учащихся на 100 жителей обоаго пола считается въ 10 губерніяхъ; отъ 1% до $\frac{1}{2}$ % или 1 учащійся на жителей отъ 100 до 200 въ 21 губерніи; ниже $\frac{1}{2}$ % или менѣе 1 учащагося на 200 жителей въ 18 губерніяхъ.

Поэтому, если бы мы приняли, по таблицамъ 1856 г., учащихся 1% на 100 жителей по цѣлой имперіи, то согласно этому исчисленію,

*) См. Кольба руковод. къ сравнит. статистикѣ; переводъ Корсакова. 1832 г. стр. 257. т. I.

считая общее число грамотныхъ противъ учащихся въ 5 разъ, на 100 жителей мы получили бы 5% грамотныхъ. Но съ 1856 года дѣло грамотности подвинулось у насъ довольно быстро впередъ, посредствомъ воскресныхъ и сельскихъ школъ; а потому мы, наводя, что въ 1862 г. число грамотныхъ удвоилось противу 1856 г., насколько не преувеличимъ, если будемъ въ 1862 г. считать свыше 7% грамотныхъ на 100 жителей.

Основанія наши слѣдующія: *) училищъ высшихъ, среднихъ и пародныхъ, въ Россіи, въ 1862 г., **) числилось 31,285; учащихся въ нихъ было 860,471. Считая число грамотныхъ противъ учащихся въ 5 разъ, мы получили грамотныхъ въ Россіи въ 1862 г., — 4,302,355. Населеніе въ Европейской Россіи 59,028,387 мужскаго и женскаго пола; и изъ нихъ такимъ образомъ:

Неграмотныхъ.	55,028,397.
Грамотныхъ.	4,302,355.

Отношеніе къ этимъ цифрамъ наказуемости въ 1862 г. слѣдующее:

Неграмотныхъ.	0,1%
Грамотныхъ и получившихъ образованіе.	0,4%

Такимъ образомъ преступность грамотныхъ и образованныхъ относится къ преступности неграмотныхъ, какъ $\frac{4}{10}$: въ $\frac{1}{10}$, или другими словами: какъ 4 къ 1. Во Франціи, по мнѣнію Миттермайера, ³⁾ существуетъ другое явленіе: тамъ неграмотные совершаютъ болѣе преступленій, чѣмъ грамотные. Но взглядъ этотъ ошибоченъ: для этого вывода Миттермайеръ принялъ то основаніе, что во Франціи, въ 1858 г., (изъ числа 5,375 обвиняемыхъ) 2,365 были совершенно безграмотны, а 2,081 едва умѣли читать и писать. Но приемъ такого вывода невѣренъ: отношеніе преступниковъ грамотныхъ и неграмотныхъ должно браться по общему количеству тѣхъ и другихъ

*) См. Академическій мѣсяцесловъ за 1861 г. ст. 105—107.

**) Въ 1856 году было училищъ 8,227, а учащихся 450,032. См. сравн. статистику Кольба, т. 1., стр. 237.

**) См. практическіе выводы уголовной статистики Миттермайера. Юридическій Вѣстникъ за 1863 г. Т. 3., стр. 88.

въ государствѣ. Придерживаясь этого правила, и во Франціи выходить большій процентъ преступниковъ на грамотныхъ.

Прочитавъ этотъ выводъ, противники грамотности (какъ напр. Даль и компанія) обрадуются и станутъ доказывать положительный вредъ ученія; но мы, признавая, какъ фактъ, большую степень преступности между грамотными, однакоже приходимъ совершенно къ другимъ заключеніямъ. Вѣря въ полезность и необходимость грамотности, какъ въ первый шагъ къ умственному прогрессу народа, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не считаемъ ее крайнею цѣлью общественной жизни: улучшеніе матеріальнаго, экономическаго быта народа, гражданская его полноправность: — вотъ главная задача социальныхъ наукъ. Съ улучшеніемъ же экономическихъ потребностей общества, съ полноправностію и довольствомъ народа приходитъ само собою развитость и образованность, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и преступления. Если экономическій бытъ народа не улучшенъ и если въ него вносятся грамотность и образованность, какъ искусственныя продукты, то преступления и проступки увеличиваются, по той простой причинѣ, что грамотные люди, какъ болѣе развитые, умѣютъ глубже чувствовать и сознавать свое положеніе: отъ того, не находя отзвѣта своимъ стремленіямъ въ окружающей общественной сферѣ, по неполной развитости своей, они впадаютъ въ порокъ и преступленіе. Человѣкъ образованный въ подобномъ случаѣ мирится съ своею участію; человѣкъ полуобразованный падаетъ нравственно подъ ударами обстоятельствъ.

Слѣдовательно, тутъ нельзя винить грамотность, а тѣхъ, которые видятъ въ ней крайнюю общественную цѣль... При подобномъ социальномъ положеніи не ищите добрыхъ плодовъ отъ грамотности: еще тягостнѣе становится положеніе человѣка среди нужды и неудовлетворяющей его среды; а полуобразованность представляетъ ему мало путей къ выходу изъ этого положенія. Не находя въ самомъ себѣ отвѣтовъ на многіе вопросы, терзающіе его умъ, видя въ превратномъ видѣ многіе предметы, полуобразованный человѣкъ терзается въ своихъ понятіяхъ, и паденіе въ подобномъ случаѣ есть вещь послѣдовательная въ его нравственной жизни. Поэтому матеріальное благосостояніе и гражданская полноправность должны идти рука объ руку съ народнымъ образованіемъ, и только при ихъ, если не полной, то возможной гармоніи можно ожидать улучшенія общественной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенія числа преступленій и проступковъ.

Справедливость моихъ словъ доказывается слѣдующею сравнительною по сословіямъ таблицей лицъ, приговоренныхъ у насъ въ 1862 году къ наказаніямъ:

П Р И Г О В О Р Е Н О

	къ сылку.			Къ другимъ на-казаніямъ.	Всего.
	На ка-торгу.	На по-селеніе.	На под-вореніе.		
Дворянъ:					
Потомственныхъ.	14	46	100	637	797
Личныхъ.	9	23	105	524	661
Городскихъ обывателей. . .	119	426	539	9,410	10,485
Крестьянъ.	720	152	2,203	61,057	65,509
Духовнаго званія.	22	10	18	165	215
Прочихъ сословій и инород- цевъ.	193	912	808	3,869	5,782
	1,068	2,946	3,773	75,662	83,449

Наказуемость, а слѣдовательно и преступность—по отношенію къ общему количеству народонаселенія и по отношенію къ сословности—равняется слѣдующимъ выводамъ *):

Преступность дворянъ: потомственныхъ и личныхъ. . .	0,16%
— Духовенства.	0,03%
— Горожанъ.	0,23%
— Крестьянъ.	0,01%
— Остальныхъ сословій и инородцевъ. . .	0,04%

По этимъ выводамъ наказуемость, а слѣдовательно и преступность, по сословіямъ является въ слѣдующей послѣдовательности: горожане, дворяне и чиновники, инородцы и другія сословія, духовенство и крестьяне...

Первое мѣсто, по преступности, у насъ занимаютъ такимъ образомъ горожане: — явленіе противоположное мнѣнію Миттермайера о Франціи. Въ послѣдней Миттермайеръ, въ статьѣ своей «о практическихъ выводахъ уголовной статистики,» находитъ, что сельскіе

*) Здѣсь мы брали отношенія преступниковъ къ количеству народонаселенія въ Россіи, исчисленнаго по свѣдѣніямъ Ц. Статистич. Комитета. (См. Ср. статистику Кольба, ст. 170, т. I.)

жители болѣе преступны, чѣмъ горожане. Это опъ основывается на томъ, что, въ 1858 г., 3,074 человекъ преступниковъ жили въ сельскихъ общинахъ, а 1,994 — въ городахъ. Но соображеніе это невѣрно: если бы Миттермайеръ взялъ отношеніе сельскихъ преступниковъ къ общему числу народонаселенія общинъ, и это же самое сдѣлалъ относительно горожанъ, то онъ пришелъ бы вовсе къ другимъ заключеніямъ и не утверждалъ бы, что статистика опровергаетъ общепринятое мнѣніе объ относительно большей преступности жителей городовъ въ сравненіи съ крестьянами. Да и неудивительно, что преступниковъ является болѣе между городскими, нежели между сельскими обывателями. Самъ Миттермайеръ находитъ, «что въ Англійи число преступленій въ продолженіи года измѣняется, смотря по тому, бываютъ ли жизненные припасы дороже или дешевле; предлагается ли высокое или низкое вознагражденіе за трудъ. Такимъ образомъ объясняется, что въ тѣ годы, когда жизненные припасы дешевы и когда нѣтъ излишка въ рабочихъ рукахъ, кражи и сбманы бываютъ рѣже, тогда какъ другіе проступки, какъ, напримѣръ, нанесеніе ранъ и побоевъ, сопротивленіе общественнымъ властямъ — совершаются чаще.» Миттермайеръ указываетъ также на то, что въ 1859 г. изъ таблицъ Манчестера видно, что въ этомъ городѣ изъ числа повражъ — 489 относятся къ дѣятельности публичныхъ женщинъ и 108 изъ нихъ совершены въ непотребныхъ дозахъ. Такимъ образомъ ясно, что большая, нежели въ сельскихъ общинахъ, развращенность жителей городовъ, большая дороговизна жизненныхъ продуктовъ, болѣе соблазнъ и многія другія причины вліяютъ и на отношеніе преступности горожанъ къ преступности крестьянъ. Это же явленіе и объясняетъ причину большого числа преступниковъ между грамотными, нежели между неграмотными: горожане населеніе болѣе образованное, чѣмъ сельское, и процентъ преступности первыхъ болѣе процента вторыхъ; а потому мы должны сказать, что преступность болѣе развита между грамотными, нежели между неграмотными. Последнее оправдывается и тѣмъ, что у насъ крестьяне (сословіе менѣе образованное, чѣмъ дворянство и духовенство) по преступности занимаютъ послѣднее мѣсто. Послѣ горожанъ самая большая преступность является у насъ между дворянами и чиповниками: причина та, что эти два класса занимаютъ у насъ большую часть общественныхъ и гражданскихъ должностей; поэтому

преступленія противъ должностей и службы, можно сказать, суть особенная специальность этихъ сословій.

Духовенство занимаетъ у насъ четвертое, а крестьяне пятое мѣсто по преступности. Причина тому очевидная: и духовенство, и крестьяне въ настоящее время болѣе или менѣе обезпечены въ матеріальномъ своемъ бытѣ, и въ сельскихъ обществахъ нѣтъ тѣхъ причинъ, которыя увеличиваютъ преступность горожанъ и дворянства; съ возможнымъ же устраненіемъ этихъ причинъ, мы не сомнѣваемся, что и преступность этихъ сословій уменьшится. Первое условіе здѣсь—улучшеніе экономическаго быта этихъ сословій, обезпеченіе ихъ труда, а слѣдовательно и производительности; уменьшеніе бродяжничества и непотребства, ассоціація рабочихъ, гражданская полноправность этихъ классовъ на широкихъ юридическихъ, политическихъ и экономическихъ началахъ. Эти только условія, по нашему мнѣнію, могутъ уменьшить преступность сословій—городскаго и дворянскаго; всѣ же нынѣ мѣры не послужатъ ни къ чему: корень преступности данного общества гнѣздится во всемъ его составѣ, во всей его внутренней и вѣшной организаціи.

По отношенію къ возрасту мы встрѣчаемъ слѣдующія явленія нашей юридической жизни: изъ числа 83,449, обвиненныхъ въ 1862 г. по суду и приговоренныхъ къ наказаніямъ, было :

		Мужчинъ.	Женщинъ.
Малолѣтнихъ	(отъ 10 до 17 лѣтъ) . .	779	199
Совершеннолѣтнихъ	(» 17 » 21 ») . .	6,173	1,492
Въ возрастѣ	(» 21 » 35 ») . .	30,420	4,743
»	(» 35 » 70 ») . .	36,029	3,325
»	(свыше » 70 лѣтъ) . .	268	23

Изъ цифръ этихъ видно, что преступность падаетъ у насъ въ слѣдующей послѣдовательности по возрасту: 1) отъ 35—70 лѣтъ; 2) отъ 21—35; 3) отъ 17—21; 4) 10—17; 5) свыше 70 лѣтъ. Такимъ образомъ періодъ полнаго развитія человѣка есть у насъ періодъ наибольшей преступности. Кромѣ этого, относительно возраста, являются слѣдующія характеристическія черты: въ малолѣтнихъ преступность больше у мужчинъ, нежели у женщинъ, какъ 779:199; преобладающее преступленіе въ этомъ возрастѣ—воровство кража, которое составляетъ болѣе 50% общей суммы преступности. Это дока-

зываетъ, что участь малолѣтнихъ и воспитаніе ихъ плохо обезпечиваются обществомъ, такъ что корюки являются въ нихъ, вслѣдствіе крайней нужды и неимѣнія пасущаго хлѣба. Остальные же возрасты носятъ въ себѣ общій характеръ: порубка лѣсовъ и воровство кража—составляютъ ихъ главный отличительный признакъ. Старческій же возрастъ (свыше 70 лѣтъ) имѣетъ еще ту отличительную черту, что слишкомъ ¹/₂ часть преступленій относится къ отступленію отъ вѣры и постановленій церкви, или другими словами, въ старческомъ возрастѣ у насъ является большая склонность къ расколу, нежели въ другихъ возрастахъ.

Сравнивая эти данныя съ тѣми, которыя представляетъ судебная статистика Англій за время отъ 29 сент. 1862 по 29 сент. 1863 года, *) мы приходимъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: .

Совершено въ Англій преступленій	52,211
Арестованныхъ лицъ	30,410
Подсудимыхъ было: мужчинъ	109,441
» » женщинъ	33,709
Итого	144,519
Приговоровъ произнесено	15,799
Изъ нихъ къ смертной казни	29
Къ постоянной каторгѣ	20

Цифры эти въ высшей степени неутѣшительны: они доказываютъ, что въ какой мѣрѣ хорошая организація суда вліяетъ на смягченіе уголовныхъ наказаній или на наказуемость, на столько матеріальное обезпеченіе народнаго быта обуславливаетъ преступность въ государствѣ.

По переписки 1851 г. жителей	
въ Англій числилось—мужчинъ	13,369,442
— » » женщинъ	14,074,314
Итого	27,443,756

Принимая во вниманіе, что по Кольбу **) съ 1841 по 1851 годъ, приращеніе жителей въ Англій было ежегодно 0,32%, мы

*) См. С.-Петербургскія вѣдомости № 175, за 1864 г.

**) См. сравнит. статистику Кольба, т. I., стр. 2.

должны считать, что въ Англіи народонаселеніе должно бы было увеличиться къ 1862 году до 80 милліоновъ, но не имѣя вѣрныхъ данныхъ по этому предмету и принимая во вниманіе, съ одной стороны постоянную эмиграцію въ Англію, съ другой—что и въ Россіи со времени послѣдней переписи народонаселеніе увеличилось, — мы должны прійти къ заключенію, что народонаселеніе въ Англіи и въ Россіи близво подходят другъ къ другу. А потому, основываясь на этомъ, намъ остается только рассмотреть: каковы отношенія между собою въ этихъ государствахъ преступности и наказуемости.

Россія въ 1862 г., въ обыкновенныхъ судахъ, приговорила къ каторгѣ 1,068 *) человекъ; Англія 29 человекъ лишила жизни, а 20 заживо похоронила въ тюремныхъ стѣнахъ. При сравненіи этихъ цифръ, мы приходимъ въ заключенію, что Россія имѣетъ преимущество предъ Англіею по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что по обыкновеннымъ уголовнымъ преступленіямъ въ ней нѣтъ смертной казни. Но за то несовершенство ея уголовныхъ приговоровъ относится къ англійскимъ, какъ 1068 : 49...

Съ другой стороны, по видимому, преступность въ Англіи превосходитъ преступность въ Россіи на столько, на сколько относится: 144,519 : 83,449, т. е., почти вдвое. Большая преступность въ Англіи, чѣмъ въ Россіи, обнаруживается еще изъ того, что лицъ, подозрѣваемыхъ въ 1862 г. въ преступленіи, у первой было : 126,139; у второй—55,106. Это обстоятельство съ одной стороны объясняется тѣмъ, что русскій народъ болѣе обезпеченъ въ своемъ насущномъ, чѣмъ англичане, а съ другой тѣмъ, что у насъ, изъ боязни заводить дѣло съ судомъ и съ полиціей, многія преступленія скрываются... Англія въ умственномъ, промышленномъ, торговомъ и фабричномъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо выше русскаго народа; хорошая судебная организація Англіи также способствуетъ ея благу. Но мы одного не оправдываемъ: что въ Англіи въ числѣ 126,139 заподозрѣнныхъ лицъ считается 16,941 **) чел. дѣтей, имѣющихъ мѣся

*) Изъ нихъ: въ рудникахъ, безсрочно . . .	69
на опредѣленное время . . .	358
въ крѣпостяхъ . . .	228
въ заводахъ . . .	413
Итого . . .	1068

**) По переписи 1851 г. въ Англіи числилось семействъ 4,812,388. Поэтому, если будемъ считать, что въ 10 лѣтъ число семействъ увеличилось, то ихъ должно считать въ 1862 г. 8 милліоновъ; следовательно 2% семействъ всего народонаселенія не имѣютъ чѣмъ прокормить своихъ дѣтей.

16 л. Въ Россіи же въ этомъ возрастѣ обвинено дѣтей только 978 ч. Откуда можетъ родиться подобное явленіе, какъ не изъ того, что почти 16 тыс. семействъ въ Англіи не имѣютъ средства и возможности ни проворовать, ни воспитать своихъ дѣтей?.. Если бы у нихъ былъ вѣрный кусокъ хлѣба, они озаботились бы о томъ, чтобы дѣти ихъ не были ворами и мошенниками: да и сами дѣти не имѣли бы надобности прибѣгать къ воровству, для прожорвленія себя.

IV.

Итакъ, мы сдѣлали нѣсколько выводовъ изъ тѣхъ скучныхъ данныхъ, какія намъ представляетъ наша отечественная статистика. Мы чувствуемъ и сознаемъ всю неточность пѣноторыхъ изъ нашихъ положеній: что зависѣло отъ недостаточности матеріала, который имѣется въ отчетѣ министерства за 1862 годъ. Излишне было бы здѣсь вновь повторять о пользѣ судебной статистики; но, оставшись на положеніи, что безъ нея помыслить никакія общественныя реформы, такъ какъ въ ней выражаются продукты всѣхъ социальныхъ, политическихъ и юридическихъ учрежденій народа, — мы находимъ необходимымъ: 1) разработку судебной статистики до нашей судебной реформы; 2) разработку ея, послѣ этой реформы.

Намъ необходимы статистическія данныя за прошедшее время, по вѣрнѣй мѣрѣ за 10 лѣтъ до крестьянской реформы. Изъ этихъ данныхъ можно будетъ вывести законы возрастанія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, по отношенію къ народонаселенію; пропорцію преступности и наказуемости по отношенію къ сословіямъ, возрасту и полу; состояніе кредита въ различные годы; успѣхъ той или другой мѣры; несостоятельность или полезность исправительныхъ мѣръ. Но для этого намъ необходимо подробное обозначеніе:

1) *По дѣламъ уголовнымъ:* а). Числа подсудимыхъ (по сословію, возрасту и полу), числа рѣшенныхъ дѣлъ (по инстанціямъ); и сколько изъ подсудимыхъ оправдано, сколько обвинено и какое число наказанныхъ по сословіямъ, возрастамъ, полу, по родамъ и видамъ преступленій. При чемъ не будетъ излишне обозначить: сколько совершено дѣтоубійствъ въ законномъ бракѣ и отъ незаконнаго сожитія и въ какомъ возрастѣ. Сколько было подкидышей и число

смертности отъ подобныхъ случаевъ. И наконецъ количество убійствъ и преступленій, по которымъ виновные не открыты. б). Число со-державшихся подъ стражею и сколько изъ нихъ умирало ежегодно до окончанія суда. в). Сколько изъ наказанныхъ вновь были судимы за преступленія. г). Сколько бѣжало изъ тюремъ и во время пересылки подсудимыхъ; сколько осужденныхъ ушло съ этапа во время пересылки; сколько ушло преступниковъ изъ Сибири. д). Сколько изъ наказанныхъ умерло въ каторгѣ, въ ссылкѣ — въ тюрьмахъ, въ арестантскихъ ротахъ и исправительныхъ домахъ, не выждавъ установленнаго срока наказанія. е). Сколько возстановлено дѣлъ, по которымъ подсудимые получили наказаніе, но потомъ, по вновь представившимся обстоятельствамъ, оправданы. ж). Сколько преступленій совершено въ непотребныхъ домахъ. з). Сколько забираемо было полиціею бродягъ и лицъ подозрительныхъ; сколько изъ нихъ предано суду и сколько осуждено.

По дѣламъ гражданскимъ. а). Сколько и на какую сумму поступило исковъ и какого рода. б). Сколько было истцовъ и отвѣтчиковъ, и къ какимъ сословіямъ они принадлежали. в). Сколько было конкурсныхъ дѣлъ. г). Сколько и на какую сумму содержалось въ должговыхъ отдѣленіяхъ и какое время; кака была смертность между этими лицами, и кака сумма внесена была истцами на ихъ содержаніе. д). На какую сумму совершалось обязательствъ явочныхъ и крѣпостныхъ. е). Сколько векселей и заемныхъ писемъ протестовывалось и на какую сумму. ж). Сколько было конкурсныхъ дѣлъ и на какую сумму. з). Сколько исковыхъ, переносныхъ и публикаціонныхъ денегъ поступило въ каждую судебную инстанцію; сколько при-суждено къ возврату и сколько осталось въ казнѣ. і). Въ какомъ количествѣ правительствующій сенатъ утверждалъ рѣшенія первыхъ степеней суда, при отиѣнѣ рѣшеній вторыхъ степеней.

Статистическія данныя по этой программѣ за прошедшее время намъ необходимы ужь потому, что если мы не будемъ знать нашего прошедшаго во всей подробности, то намъ нельзя будетъ прійти ни къ какому заключенію о томъ: какое вліяніе будетъ имѣть наша новая судебная реформа на нашъ общественный бытъ, и улучшится ли онъ или ухудшится. Поэтому и разработка статистическихъ данныхъ съ такою полнотою, какъ указано мною выше, и при нашей судебной реформѣ, составляетъ также крайнюю народную потребность. Но при формѣ суда присяжныхъ слѣдуетъ указать: сколько было под-

судимыхъ, сколько изъ нихъ обвинены предъ присяжными и сколько изъ нихъ оправданы; сколько приговоровъ присяжныхъ принято судами, сколько отвергнуто. Кромя этого полезно бы было собрать самыя подробныя свѣденія въ волостныхъ и будущихъ мировыхъ судахъ о количествѣ, качествѣ и цѣнности гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣденію; о количествѣ штрафовъ, налагаемыхъ ими, и о количествѣ лицъ оштрафованныхъ.

Было бы также полезно собрать свѣденія въ консисторіяхъ и духовныхъ учрежденіяхъ другихъ исповѣданій—о дѣлахъ и тяжбахъ, производящихся въ нихъ по предметамъ вѣры и браковъ.

Имѣя сравнительныя таблицы по всѣмъ исчисленнымъ мною предметамъ, можно будетъ изобразить полную картину нашей юридической и общественной жизни; можно будетъ открыть законы того или другаго общественнаго явленія. Въ настоящее же время мы находимся во мракѣ, и приходимъ къ общимъ выводамъ по частнымъ явленіямъ: отчего мы нерѣдко впадаемъ въ заблужденіе относительно той или другой законодательной мѣры, относительно того или другаго общественнаго явленія. Поэтому опубликованіе подробныхъ судебно-статистическихъ данныхъ за прошлое время составитъ важный шагъ къ дальнѣйшему развитію отечественной статистики и самаго права. Независимо отъ этого, изданіе въ свѣтъ подробнаго статистическаго матеріала важно еще въ томъ отношеніи, что юридическая литература можетъ тогда принять живое участіе въ распредѣленіи и классификаціи юридическихъ предметовъ въ такомъ видѣ, чтобы они могли войти въ общія европейскія таблицы. Составленіе же таблицъ и разгруппировка предметовъ, по одной программѣ, какъ ее составитъ международная статистическая коммиссія, представитъ возможность, впоследствии времени, съ одной стороны дать оцѣнку различнымъ общественнымъ формамъ; съ другой—вывести законы общечеловѣческихъ юридическихъ явленій. Основываясь на этомъ, намъ остается только въ заключеніе пожелать, чтобы тѣ учрежденія, въ рукахъ которыхъ находится возможность собранія юридико-статистическаго матеріала, и самый матеріалъ,—не отказали бы наукѣ въ своемъ содѣйствіи и въ скорѣйшемъ исполненіи требованій времени.

М. Флигелъ.

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

Mémoires de Madame Roland. Paris 1864. — Études sur Madame Roland et son temps, par C. A. Dauban. Paris 1864.)

9 ноября 1793 г., въ четыре съ половиною часа вечера, на парижскій эшафотъ всходила тридцатидевятилѣтняя женщина съ красивымъ жергическимъ лицомъ, съ удивительною улыбкой, съ глазами, въ которыхъ ярко свѣтилась страстная, благородная натура. Черезъ нѣсколько минутъ ея уже не было на свѣтѣ: гильотина сдѣлала свое дѣло. Эта женщина была госпожа Роланъ.

Каждому, знакомому хотя отчасти съ исторіею французской революціи, извѣстно имя этой женщины, вся жизнь которой была борьбой за ея страстные убѣжденія и любовь къ свободѣ, и которая пала жертвою этихъ чувствъ и несчастныхъ историческихъ обстоятельствъ. Имя г-жи Роланъ тѣсно связано съ именами всѣхъ жирондистовъ, она стояла во главѣ ихъ, руководила многими ихъ дѣйствіями и пала, когда правленіе ея благородныхъ друзей смѣнилось кровавымъ триумвиратомъ Дантона, Марата и Робеспьера.

Недавно появились подлинныя мемуары этой замѣчательной женщины, выставлющіе въ яркомъ свѣтѣ личность ея. На основаніи этихъ мемуаровъ, мы прослѣдимъ жизнь Роланъ, поучительную во многихъ отношеніяхъ и вызывающую въ душѣ историка чувство глубокаго удивленія и уваженія... Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы предполагаемъ въ нашихъ читателяхъ знакомство съ главными событіями французской революціи и потому будемъ упоминать о нихъ только для того, чтобы не прерывать связи разсказа.

Частная жизнь г-жи Роланъ не богата приключеніями и шла довольно однообразно и безцвѣтно до тѣхъ поръ, пока она не вышла на

политическую дорогу. Но эту частную жизнь нельзя пройти молчаливѣ потому что и въ ней страстная, могучая натура будущей жирондистки проявлялась при каждомъ удобномъ случаѣ, и многіе факты изъ этой жизни важны для изученія ея характера.

Марія-Жанна Флиповъ родилась въ Парижѣ 18 марта 1754 г. Отецъ ея былъ небогатый граверъ и въ то же время занимался торговлею спекуляціями, — обстоятельство, бывшее впоследствии причиною его раззоренія. Дѣвочка росла подъ присмотромъ доброй матери и въ самомъ раннемъ возрастѣ обнаруживала глубокую любознательность и политическія наклонности; книги и цвѣты составляли ея любимое занятіе. Сила ея характера также выказалась въ дѣтствѣ.

«Я была—писатьъ она—очень упряма; другими словами, исполняла приказанія и совѣты только тогда, когда сама сознавала справедливость ихъ; если же я видѣла въ нихъ только желаніе повелѣвать мною или простую прихоть, то всегда сопротивлялась. Моя мать, ловкая и благо-разумная жевашина, отлично понимала, что для убѣжденія меня въ чемъ бы то ни было, надо было дѣйствовать или на мой разумъ, или на мое чувство; оттого-то я никогда не сопротивлялась ей. Но отецъ мой, человекъ довольно крутой, требовалъ беспрекословнаго повиновенія, и потому рѣдко оставался удовлетвореннымъ; иногда онъ прибѣгалъ къ деспотическимъ наказаніямъ, и въ это время его кроткая дочь становилась львомъ. Два или три раза онъ принимался стѣчь меня; но я укусила его за ляжку, на которую онъ положилъ меня и не допустила до наказанія». — Замѣтимъ здѣсь кстати, что чувство гордости и собственного достоинства не оставляло ее во всю жизнь. Черезъ 32 года послѣ только что приведеннаго случая, она писала изъ своей тюрьмы: «Во всѣхъ страданіяхъ, перенесенныхъ мною, самое живое впечатлѣніе боли всегда сопровождалось честолюбивымъ желаніемъ побороть своими силами несправедливость, постигнутою мною и преодолѣть мое несчастье или добрымъ дѣломъ въ отношеніи къ другимъ, или усиленіемъ моего собственного мужества. Такимъ образомъ, несчастье можетъ преслѣдовать меня, но не въ силахъ подавить; тираны могутъ гнать меня, но унижить меня имъ не удастся никогда!»

Жизнь дѣвочки проходила въ непрерывномъ чтеніи; но такъ какъ вокругъ нея не было хорошихъ совѣтниковъ, то она читала безъ разбора, тутъ были: и житія святыхъ, и библія, и римскіе классики, и «Комическій Романъ» Скаррона, и собраніе каламбуровъ, и мемуары

дѣвицы Монпасье, и т. д. и т. д. «Страсть учиться—пишетъ она— была такъ сильна во мнѣ, что разъ, откопавъ гдѣ-то трактатъ о геральдическомъ искусствѣ, я принялась изучать его.» Самое большое вліяніе произвели на нее сочиненія Плутарха; «съ этого времени—говоритъ она—начинаются мои впечатлѣнія и тѣ идеи, которыя, помимо моего вѣдома и желанія, сдѣлали меня страстной поклонницей свободы».

Но въ это же самое время овладѣвало ею религиозное направленіе.

«Моя жизнь, дѣлавшаяся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уединенною, казалась мнѣ еще слишкомъ свѣтскою для того, чтобы я могла приготовиться къ первому причащенію; это великое дѣло занимало всѣ мои мысли. Богослуженіе начинало мнѣ сильно нравиться, торжественность его начинала поражать меня; я съ жадностью читала объясненіе церковныхъ обрядовъ; я проникалась ихъ мистическимъ значеніемъ; я каждый день перечитывала житія святыхъ, я вздыхала о тѣхъ временахъ, когда бѣшенство язычества доставляло христіанамъ мученической вѣнецъ. Я стала серьезно думать о перемѣнѣ образа жизни и наконецъ составила рѣшительный планъ... Дѣятельное воображеніе мое поселило въ моей головѣ возвышенныя или романтическія мысли о монастырѣ, его уединеніи и тишинѣ...»

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей и впечатлѣній Жанна упросила своихъ родителей отдать ее на годъ въ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ католическихъ монастырей. Нечего удивляться такому настроенію въ дѣвочкѣ, по видимому одаренной здоровымъ и прямымъ разумомъ; вотъ что она писала черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого: «надо сознаться, что католическая религія очень способна поработать воображеніе, которое она поражаетъ величіемъ и ужасомъ, занимая въ то же время чувства таинственными обрядами». «Философія—продолжала она—не уничтожила дѣйствія нѣкоторыхъ предметовъ на мои чувства... Я до сихъ поръ еще могу присутствовать не безъ интереса при совершеніи мессы, когда она совершается съ торжественною важною. Я забываю шарлатанство католическихъ аббатовъ и многія нелѣпности ихъ; я вижу передъ собою только собраніе слабыхъ людей, умоляющихъ о помощи высшее существо; бѣдствія человѣчества, утѣшительная надежда на лучшее будущее занимаютъ мои мысли... если богослуженіе еще сопровождается музыкой, я точно перевожусь въ другой міръ и выхожу лучшею изъ мѣста, въ которое многіе другіе сходятся безъ всякихъ размышленій... Дюжнныя люди думаютъ мало, вѣрятъ на слово и дѣйствуютъ по истинкѣ».

ту, вслѣдствіе чего между полученными предписаніями и путемъ, по которому онѣ слѣдуютъ, господствуетъ постоянное противорѣчіе. Не такъ поступаютъ натуры сильныя; имъ нужна гармонія, ихъ поведеніе — вѣрное изображеніе ихъ *отры*. Въ дѣтствѣ я должна была принять ту вѣру, которую мнѣ дали; но и послѣ этого всѣ мои дѣйствія были строгими послѣдствіями ея. Я удивлялась легкости тѣхъ, которые, заявляя свою вѣру, дѣйствовали вопреки ей; точно такъ же, какъ теперь приводитъ меня въ негодованіе низость людей, которые хотятъ имѣть отечество и въ то же самое время придаютъ своей жизни какую нибудь цѣну, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы рискнуть ею за это отечество...»

Жанна пребыла въ монастырѣ всего одинъ годъ, но тайное желаніе посвятить себя монастырской жизни еще довольно долго оставалось въ ней; чтенія мистическихъ средневѣковыхъ сочиненій поддерживали эту страсть. Но разсудокъ мало по малу вступалъ въ свои права.

«Первое, что заставило меня не совсѣмъ благосклонно взглянуть на католическую религію, была мысль о проклятіи аббатами всѣхъ, не исповѣдающихъ ихъ религію. Когда, наученная исторіею, я хорошо поняла ходъ вѣковъ, судьбы государствъ, общественныя добродѣтели, заблужденія многихъ націй, — мнѣ показалась ужасною мысль объ осужденіи на вѣчныя муки безчисленнаго множества людей, брошенныхъ на землю среди столькихъ опасностей и въ тьму невѣжества, которое было уже для нихъ источникомъ столькихъ страданій. Я сказала себѣ: ясно, что я ошиблась въ этомъ пунктѣ; не ошиблась ли я и въ другихъ; обсудимъ. Съ той минуты, какъ католикъ дѣлаетъ такое разсужденіе, церковь можетъ считать его потеряннымъ для нея.»

Съ тѣхъ поръ, какъ въ душу молодой дѣвушки закралось первое сомнѣніе въ непогрѣшимости католическаго культа, пылливый умъ ея началъ дѣятельно работать; критическія сочиненія, прозведенія философовъ, моралистовъ, метафизиковъ сдѣлались любимымъ предметомъ ея чтенія. Въ то же самое время эти писатели знакомили ее съ міромъ, съ людьми и разбивали въ ней многія изъ прежнихъ иллюзій. Особенное вліяніе произвелъ на нее Гельвецій. «Онъ — писала она въ тюрьмы, когда вспоминала о своей молодости — огорчилъ меня; онъ уничтожилъ воспитательнѣйшія грезы мои; онъ указывалъ мнѣ всюду отвратительное своекорыстіе; но за то сколько мудрости въ его словахъ. Я убѣждала себя, что Гельвецій изобразилъ людей такими, какими они сдѣлались вслѣдствіе испорченности общества; я пришла къ тому заклю-

чешю, что проникнуться этимъ писателемъ слѣдовало для того, чтобы не попадаться въ просакъ въ сношеніяхъ съ людьми; но я ни за что не хотѣла принять его принципы для узанія человека въ собственнѣе смыслѣ этого слова и для оцѣнки самой себя; я бы считала себя униженной, если бы приняла ихъ для этого; я чувствовала себя способною къ тому благородству, котораго онъ не признаетъ въ людяхъ. Съ какимъ восхищеніемъ я противопоставляла сужденіямъ этого писателя великіе факты исторіи и доблести прославленныхъ ею героевъ. Я не читала ни одного разсказа о какомъ нибудь славномъ подвигѣ безъ того, чтобы не сказать себѣ: вотъ такъ бы и я поступила. Я пристращалась къ республикамъ, въ которыхъ встрѣчала самое большое число добродѣтелей, возбуждавшихъ мое удивленіе, и людей достойныхъ моего уваженія; я находила, что стою не ниже первыхъ, съ негодованіемъ отталкивала мысль соединиться съ человекомъ, не стоящимъ вторыхъ, и со вздохами спрашивала себя, почему я не родилась среди ихъ.»

Въ эту пору привелось ей познакомиться съ версальскимъ дворомъ, представлявшимъ въ то время, какъ извѣстно, образецъ самой глубокой испорченности и человѣческаго униженія. Понятно, какъ этотъ дворъ поѣдѣствовалъ на душу молодой дѣвушки, о настроеніи которой въ то время читатели могутъ судить по только что приведенному отрывку изъ ея мемуаровъ. Во время пребыванія въ версальскомъ дворцѣ мать спросила Жанну, довольна ли она поѣздкой?— Да, отвѣчала Жанна— лишь бы мы скорѣе уѣхали; еще нѣсколько дней, и я начну такъ сильно ненавидѣть людей, которыхъ вижу здѣсь, что не буду знать, что дѣлать съ своею ненавистью.—Что же дѣлаютъ тебѣ эти люди? спросила мать.— Они заставляютъ меня, отвѣчала дѣвушка, чувствовать несправедливость и каждую минуту смотрѣть на разныя мерзости.

Общество, въ которомъ она вращалась по неволѣ, это общество, уже окончательно сгнившее и стоявшее накануне революціи, все болѣе и болѣе развивало въ молодой Жаннѣ отвращеніе къ старому порядку и стремленіе къ новому; гнѣніе еще усиливало ихъ. Несомнѣнно — читаемъ мы въ ея мемуарахъ — что наше общественное положеніе имѣетъ большое вліяніе на нашъ характеръ и нравія; но помимо этого, въ воспитаніи, которое я получила, въ идеяхъ, которыя я приобрѣла вслѣдствіе чтенія и съ помощью свѣта, все какъ будто нарочно соединилось для того, чтобы поселить въ моей душѣ энтузіазмъ къ свободѣ, заставляя меня быть

свидѣтельницей смѣшнаго или чувствовать несправедливость множества привилегій и общественныхъ событій. Въ тѣхъ книгахъ, которыя составляли предметъ моего чтенія, я пристрастилась къ защитникамъ равенства; я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ, я была Гракхамъ въ Римѣ; я удалялась съ народомъ на авентинскую гору и подавала голосъ въ пользу трибуновъ... Когда мнѣ случалось быть свидѣтельницей разныхъ нарядныхъ, официальныхъ церемоній, тогда я съ глубокимъ прискорбiемъ ставила эту азіатскую роскошь, это вакхальное великолѣпіе на ряду съ нищетою и униженіемъ ступѣвшаго народа. Распушенность двора въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, презрѣніе къ нравственности, овладѣвшее всеми классами общества, распутные поступки, составлявшіе предметъ всѣхъ частныхъ бесѣдъ,— все это вызывало во мнѣ негодованіе и удивленіе. Въ то время я еще нигдѣ не видѣла зародышей революціи, и потому спрашивала себя, какимъ родомъ могъ продолжаться этотъ порядокъ вещей. Я знаю изъ исторіи, что всѣ государства, доходившія до такой степени испорченности, наконецъ распатывались и падали, и въ то же время слышала, какъ французы пѣли пѣсни и смѣялись надъ своими собственными бѣдствіями; неудивительно поэтому, что я не обвиняла англичанъ за то, что они смотрѣли на своихъ сосѣдей, какъ на дѣтей. Я привязалась къ англичанамъ; сочиненіе Делольма близко познакомило меня съ ихъ конституціей; я старалась узнать англійскихъ писателей и изучала англійскую литературу.»—Въ 1776 г., т. е. за семнадцать лѣтъ до революціи, когда г-жѣ Роланъ было всего 22 года, она писала еще вотъ что: «Если нынѣшняя система управленія останется и съѣстные припасы, такъ же, какъ и арендная плата будутъ по прежнему дороги и народъ будетъ продолжать страдать,—то послѣдствіемъ этого будетъ или сильный кризисъ, который можетъ ниспровергнуть старый порядокъ и дать намъ новую форму правленія, или летаргическій сонъ, похожій на смерть.»

По смерти ея матери, въ 1775 г.,—матери, которую она любила такъ горячо, какъ только могутъ любить такіа страстныя и энергическія натуры,—окончилась спокойная и безмятежная жизнь Жанны. Отецъ ея началъ вести самую безпорядочную жизнь, разстроилъ все состояніе своей дочери, не разъ заставляя ее испытывать самыя тяжелыя непріятности. Въ это время все утѣшеніе ея заключалось въ книгахъ; къ этому же времени относится знакомство ея съ произведеніями Жанъ-Жака Руссо.

Въ 1755 г. она въ первый разъ увидѣла Ролана де-ла-Платьеръ, своего будущаго мужа, а въ 1780 г. вышла за него замужъ. Судя по словамъ Жанны, постоянно относящейся въ своихъ мемуарахъ къ мужу съ величайшимъ уваженіемъ, онъ былъ человекъ весьма образованный, умный и дѣятельный; изъ исторіи же намъ извѣстно, что все достоинство его состояло въ истинномъ благородствѣ души, но что умственнымъ развитіемъ онъ не щеголялъ;—всѣ бумаги, которыя онъ подписывалъ, всѣ распоряженія, которыя онъ дѣлалъ—все это было дѣломъ его жены;—она была его руководительницею и душою кружка, собиравшагося въ домѣ Ролана и бывшаго средоточіемъ Жировды. Между тѣмъ, въ своихъ мемуарахъ г-жа Роланъ постоянно отодвигаетъ себя на второй планъ и выставляетъ главнымъ дѣтелемъ своего мужа; не разъ повторяетъ она, что все призваніе женщины состоятъ въ томъ, чтобы быть добродѣтельной женою и матерью. Что заставляло ее высказывать такіа мысля,—ее, вся жизнь которой была служеніемъ общественному дѣлу,—мы рѣшительно не понимаемъ...

Первый годъ замужества она провела въ Парижѣ, куда Роланъ, служившій въ управленіи мануфактурными заведеніями, былъ призванъ для составленія новаго положенія о нихъ. Съ этого времени уже начинается политическое поприще будущей жирондистки; она сближается съ людьми, игравшими впоследствии, въ исторіи революціи, немаловажную роль. После годичнаго пребыванія въ Парижѣ они перѣехали въ Амьенъ, а оттуда въ 1784 г., Роланъ перешелъ на службу въ Ліонъ. Здѣсь мы будемъ продолжать нашъ разговоръ большею частью словами самой г-жи Роланъ; для насъ важно не историческое изложене фактовъ того времени, по большей части уже извѣстныхъ, но то, какую роль играла въ нихъ эта замѣчательная женщина и характеръ ея политической дѣятельности; а это лучше всего будетъ видно изъ ея собственныхъ словъ. Впрочемъ, просимъ читателя не забывать того, что мы недавно сказали о ея непонятной скромности въ отношеніи къ собственнымъ заслугамъ и дѣятельности, и принимать все, рассказываемое ею о мужѣ, на счетъ ея самой.

«Среди кризисовъ, неизбежныхъ въ революціонное время, когда принципы, предрасудки, страсти ставятъ неодолимыя преграды между людьми, которые до тѣхъ поръ какъ будто подходили другъ къ другу,—Роланъ былъ опредѣленъ на службу въ ліонскій муниципалитетъ. Его образъ жизни, семейныя связи и частныя отношенія, по видимому, должны были привязывать его къ аристократіи; его характеръ и репута-

ція дѣлали его привлекательнымъ для партіи народной. Едва его назначили, какъ у него появились враги, тѣмъ болѣе рьяные, что онъ, движимый чувствомъ несокрушимой справедливости, громко и безопасно обличилъ всѣ злоупотребленія, размножившіяся въ управленіи городскими финансами. Число его враговъ увеличилось еще по другой причинѣ: начавшаяся въ 1789 г. революція охватила меня и мужа своимъ огнемъ; будучи друзьями человечества, поклонниками свободы, мы думали, что этотъ переворотъ преобразуетъ родъ человѣческій, разрушить позорную нищету несчастнаго класса, такъ часто вызывавшаго наше глубокое сожалѣніе, — и поэтому встрѣтили его съ надеждой. Нашъ образъ мыслей возстановилъ противъ насъ въ Ліонѣ многихъ людей, которые, привыкнувъ къ коммерческимъ расчетамъ, не понимали, что можно вызывать и принимать съ рукоплесканиями перемены, полезныя только для другихъ. Вслѣдствіе злоупотребленій въ управленіи финансами, на Ліонѣ оказалось долгу сорокъ милліоновъ. Надо было просить у правительства помощи, потому что фабрики пострадали въ первый годъ революціи и двадцать тысячъ работниковъ оставались безъ хлѣба въ продолженіе зимы; было рѣшено отправить въ Учредительное Собраніе экстраординарнаго депутата для объясненія положенія дѣлъ, и этимъ депутатомъ былъ Роланъ. Мы пріѣхали въ Парижъ въ 1791 г. Я уже пять лѣтъ не видала этого города; я слѣдила за ходомъ революціи, за работами Учредительнаго Собранія, я изучала характеръ и дарованія ея вліятельнѣйшихъ членовъ съ трудно-вообразимымъ интересомъ, — интересомъ, который можно понять только тому, кто знаетъ мою натуру и дѣятельность. Пріѣхавъ въ Парижъ, я стала усердно посѣщать засѣданія собранія; я увидѣла могущественнаго Мирабо, удивительнаго Казалеса, смѣлаго Мори, хитраго Ламетта, холоднаго Барнава...

«Бриссо нѣсколько разъ бывалъ у насъ... Его простыя манеры, откровенность, совершенно естественная небрежность показались мнѣ вполне гармонирующими съ суровостью его принципомъ... Чѣмъ больше я узнавала его, тѣмъ больше уважала; невозможно представить себѣ болѣе полное соединеніе безкорыстія и ревностнаго служенія общественному дѣлу и болѣе сильное самозабвеніе въ стремленіи къ добру... Бриссо познакомилъ насъ съ Петіономъ и другими членами Учредительнаго Собранія; было рѣшено, что они будутъ сходиться у насъ четыре раза въ недѣлю по вечерамъ.

«Это рѣшеніе какъ нельзя больше пришлось мнѣ по сердцу; оно

давало мнѣ возможность слѣдить за вещами, для меня крайне интересными; оно удовлетворяло моей склонности къ знакомству съ политическимъ образомъ мыслей и къ изученію людей...

«Больше всего поражалъ и странно огорчалъ меня въ этихъ собраніяхъ тотъ родъ болтовни и легкости, съ помощью котораго люди съ здравымъ смысломъ проводятъ вмѣстѣ три, четыре часа, не приходя ни къ какому рѣшенію. Отдѣльно вы можете услышать тутъ поддержку отличныхъ принциповъ, заявленіе хорошихъ идей, уясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ; но въ массѣ постоянно замѣтно отсутствіе принятаго плана, прочнаго результата и опредѣленнаго пункта, къ которому эти люди условились бы идти тѣмъ или другимъ путемъ. Нетерпѣніе мое не разъ доходило до того, что я надавала бы пощечинъ этимъ мудрецамъ, которыхъ съ каждымъ днемъ все больше и больше уважала за честность ихъ души и чистоту намѣреній; я видѣла, что они отлично разсуждаютъ, что всѣ они философы и на словахъ мудрые политики, но что ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ управлять людьми, а слѣдовательно и неспособенъ имѣть вліяніе въ общественномъ собраніи; обыкновенно они совершенно понапрасну тратили свой умъ и научныя познанія.

«Впрочемъ, въ этомъ кружкѣ было составлено нѣсколько хорошихъ декретовъ, которые потомъ были утверждены Учредительнымъ Собраніемъ; скоро коалиція меньшинства аристократіи окончательно ослабила лѣвую сторону. Осталось весьма небольшое число людей, продолжавшихъ смѣло и несокрушимо бороться за принципы, и наконецъ кружокъ этихъ людей ограничился только тремя—Бюзо, Петіономъ и Робеспьеромъ. Робеспьеръ казался мнѣ въ то время честнымъ человѣкомъ; за его принципы я прощала ему грубые обороты рѣчи и скучную фразеологию. Но я замѣтила, что въ собраніяхъ, происходившихъ въ нашемъ домѣ, онъ всегда былъ какъ-то сосредоточенъ; онъ выслушивалъ всѣ мнѣнія, рѣдко высказывалъ свое и на другой день, какъ мнѣ говорили, провозглашалъ съ трибуны мысли, высказанныя наканунѣ его друзьями... Друзья нѣсколько разъ мягко упрекали его въ этомъ; онъ отбѣлывался уловками, и ему прощали эту хитрость, какъ хитрость всепожирющаго честолюбія, которое въ самомъ дѣлѣ мучило его... Въ то время я была убѣждена, что Робеспьеръ страстно любилъ народъ и охотно приписывала его поведеніе излишеству горячаго рвенія; тотъ родъ молчаливости, характеризующій Робеспьера, который служить показателемъ или боязни быть узаннымъ людьми, или недовѣрчи-

востн челоѣтка, не находящаго въ самомъ себѣ ничего, способнаго внушать ему вѣру въ добродѣтель другихъ людей,—огорчалъ меня, но я принимала его за скромность... Никогда улыбка довѣрія не появлялась на губахъ Робеспьера; за то вы всегда могли встрѣтить на нихъ горькій смѣхъ зависти, желающей, чтобы ее приняли за презрѣніе. Его ораторское дарованіе было ниже посредственнаго; тривіальный голось, неуѣзные выражаться, неправильное произношеніе — все это дѣлало его рѣчи чрезвычайно скучными. Но онъ защищалъ принципы съ жаромъ и упорствомъ; а это было большою храбростію въ то время, когда число защитниковъ народа уменьшилось въ сильной степени *).

«Когда Людовика XVI схватили послѣ его бѣгства въ Варенъ, Робеспьеръ очень обрадовался; по его мнѣнію, это событіе предотвращало всѣ несчастія. Другихъ же оно огорчило; они находили, что возвращеніе Людовика снова вносило раздоръ въ управленіи государствомъ, что интриги должны были снова начаться, что раздраженіе народа стихнетъ отъ удовольствія видѣть главнаго виновника бѣдствій арестованнымъ, и повтому народъ перестанетъ помогать своимъ друзьямъ...

«Якобинцы предложили обратиться въ Учредительное Собраніе съ просьбой назначить судъ надъ королемъ, а покамѣстъ объявить, что Людовикъ лишился довѣрія парижскаго населенія... Для сочиненія прошенія были выбраны комиссары, и въ томъ числѣ Лакло и Бриссо.»

Въ это время напряженіе и волненіе г-жи Роланъ дошло до крайней степени; она всею душою отдалась великимъ сценамъ, разыгрывавшимся передъ ея глазами.

«Теперь — читаемъ мы въ другомъ письмѣ — мы переживаемъ десять лѣтъ въ двадцать четыре часа; событія и привязанности сѣшиваются между собою и сѣиваются одно другимъ съ страшною быстротою; никогда еще умы не были заняты такими великими интересами; всѣ стараются стать въ уровень съ ними, общественное мнѣніе выясняется и образуется среди грозы и подготавливаетъ царство справедливости.»

Письмо это заключается слѣдующими словами: «Наконецъ я увидѣ-

*) Просимъ читателя не забывать, что эти строки г-жа Роланъ писала уже въ тюрьмѣ, когда правленіе Жиронды кончилось и началась система самаго свирѣпаго кровопролитія, возбуждавшая отвращеніе во всѣхъ истинныхъ друзьяхъ свободы, а слѣдовательно и въ г-дѣ Роланъ. Повятно, что въ это время она уже не могла говорить безъ раздраженія о Робеспьерѣ.

ла, что заря новой жизни занялась въ моей землѣ. Она не потухнетъ больше; послѣднія событія обратятъ ее въ день. Свѣтъ разсудка ссѣдился съ истиннымъ чувствомъ для поддержанія этого яснаго дня... Я умру, когда природа пожелаетъ этого; но послѣднее дыханіе мое будетъ дыханіемъ радости и надежды за будущія поколѣнія.»

Историческое значеніе жирондистовъ слишкомъ извѣстно, чтобы распространяться о немъ. Что было особенно замѣчательно въ этой фанатизированной партіи—это роль женщинъ, которыхъ мы видимъ здѣсь на первомъ планѣ. Мишле объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что эта партія дѣйствовала болѣе подъ вліяніемъ страстнаго увлеченія, чѣмъ холоднаго разсудка. Въ убѣжденіяхъ и въ поступкахъ жирондистовъ смѣшивалась поэзія съ политикой, мистицизмъ съ философіей и стоическая твердость, отличавшая дѣятелей этой эпохи, съ слабостію сентиментальныхъ мечтателей. Г-жа Роланъ была цѣльнымъ выраженіемъ этой партіи. Она ненавидѣла тиранію жестокаго триумвира, съ ужасомъ смотрѣла на страшные подвиги гильотины, ея поэтической душѣ была противна революціонная драма съ ея бурными перемѣнами и катаклизмами, но въ то же время она создавала идеалы самой мечтательной будущности для Франціи, и въ каждомъ отступленіи отъ своего любимаго идеала находила или интригу честолюбца, или измѣну продажнаго узурпатора. Ей казалось, что колесо быстро смѣнявшихся событій можно остановить на всемъ ходу и среди самаго разгара страстей и происшествій перейти къ мирному рѣшенію громаднаго вопроса, волновавшаго тогдашнюю Францію. Поэтому въ характерѣ этой благородной личности многое остается неразгаданнымъ. Ея profession de foi всего лучше высказалось въ словахъ, которыя она писала не за долго до самой казни.

«Спокойная и удовлетворенная сознаниемъ исполненія моего долга, я смотрю на будущность свѣтлыми глазами. Мои серьезныя наклонности, моя любовь къ знаніямъ держали меня въ одинаково далекомъ разстояніи отъ безпутной жизни и интригъ. Преданная свободѣ, цѣну которой я узнала вслѣдствіе размышленія, я съ восторгомъ привѣтствовала паденіе стараго порядка; я была убѣждена, что этотъ переворотъ устранить злоупотребленія, о которыхъ я такъ часто скорбѣла, когда думала о судьбѣ несчастной Франціи. Я съ жадностью слѣдила за событіями, я горячо разсуждала о нихъ; но никогда не переступала границъ, назначенныхъ мнѣ моею поломъ. (Послѣ этого въ исповѣди г-жи Ро-

ланъ слѣдуютъ строки, въ которыхъ она приписываетъ все свои дѣянія своему мужу).

«Я знаю, что во время революціи часто забываются законъ и справедливость; доказательство тому—мое заточеніе. Своею участіемъ я обязана только той враждѣ и насильственной ненависти, которыя развиваются во время великихъ волненій и обыкновенно обрушиваются на тѣхъ, кто стоитъ не на заднемъ планѣ, или извѣстенъ, какъ человѣкъ съ нѣкоторымъ характеромъ. Съ моимъ мужествомъ мнѣ было бы легко избавиться отъ приговора, который я предвидѣла; но я нашла, что поступлю лучше, если подчинюсь этому приговору; я нашла, что тиранія слѣдовало предоставить гнусное дѣло принесенія въ жертву женщины, все преступленіе которой заключалось въ нѣкоторыхъ дарованіяхъ, которыми она никогда не хвасталась, въ ревностномъ стремленіи къ благу человѣчества, въ мужествѣ, съ которымъ она признавала своихъ друзей несчастными и, рискуя собственной жизнью, хотѣла остаться справедливой. Души, сколько нибудь великія, умѣютъ забывать о самихъ себѣ; онѣ чувствуютъ, что принадлежать всему роду человѣческому и видятъ себя только въ будущемъ. Я принадлежу Ролану, добродѣтельному и гонимому; я была въ сношеніяхъ съ людьми, которые ушли въ изгнаніе или погибли вслѣдствіе ослѣпленія и ненависти завистливой посредственности. Необходимо, чтобы я въ свою очередь погибла, потому что принципъ тираніи требуетъ, чтобы она приносила въ жертву того, кого сильно угнетала, и уничтожала даже свидѣтелей своихъ подвиговъ. Вотъ почему вы должны казнить меня, и я жду этой казни. Когда невинность идетъ на эшафотъ, куда ведутъ ее заблужденія и подлость, тогда она приходитъ къ славѣ. Дай богъ, чтобы я была послѣднею жертвою бѣшенства партій!... Истина! отечество! дружба! дорогіе предметы, чувства, драгоценныя для моего сердца, примите мою послѣднюю жертву! Жизнь моя была посвящена вамъ; вы же сдѣлаете мою смерть сладостною и славною.—Праведное небо! освѣти этотъ несчастный народъ, для котораго я желала свободы!... Свобода! Она создана для гордыхъ душъ, презирающихъ смерть и умѣющихъ во время давить ее. Она не для тѣхъ слабыхъ людей, которые всгупаютъ въ сдѣлки съ преступленіемъ, прикрывая названіемъ благоумія свой эгоизмъ и свою подлость. Она не для тѣхъ развращенныхъ людей, которыя выходятъ изъ грязи, распутства и нищеты она для мудраго народа, который любитъ человѣчество, поступаетъ справедливо, призираетъ своихъ льстецовъ, знаетъ своихъ истинныхъ друзей

и уважаетъ истину. До тѣхъ поръ, пока вы, о мои сограждане, не сдѣлаетесь такимъ народомъ, вы напрасно будете толковать о *свободѣ*, вы будете пользоваться только *волею*, и каждый изъ васъ въ свою очередь падеть ея жертвой; вы будете требовать хлѣба, вамъ будутъ давать трупы, и вы кончите тѣмъ, что превратитесь въ рабовъ?..»

Мы оставили разсказъ нашъ на томъ времени, когда готовился судъ надъ королемъ. Ожиданія г-жи Роланъ и ея кружка на первый разъ не осуществились. Народъ, собравшійся на марсовомъ полѣ съ цѣлю провозгласить Людовика XVI низложеннымъ, былъ разогнанъ силою оружія; всѣ члены собранія, принадлежавшіе къ партіи якобинцевъ и кордельеровъ, вышли изъ него. Роланъ утѣхалъ съ женой въ деревню. Они вернулись въ Парижъ 15 декабря 1791 г., а въ началѣ 1792 его назначили членомъ комитета корреспонденціи якобинцевъ, — общества, бывшаго въ то время центромъ революціоннаго движенія и гдѣ тогда господствовала партія Бриссо.

Вліяніемъ Бриссо Роланъ былъ призванъ въ министерство и получилъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Г-жа Роланъ объясняетъ причину этого выбора. «Положеніе дѣлъ — говорить она — и волненіе умовъ беспокоили дворъ. Министры сдѣлались скоро предметомъ общей ненависти, и дѣйствительно ихъ образъ дѣйствій только подрывалъ конституцію, которой король присягнулъ противъ желанія и которую не хотѣлъ сохранять. Частыя перемѣны въ системѣ министерства приводили въ безпокойство дворъ; онъ мучился и не зналъ, на комъ остановить свой выборъ. Вокругъ него громко говорили, что если бы Людовикъ XVI дѣйствовалъ искренно, онъ выбралъ своими агентами людей, гражданское чувство которыхъ не было подвержено сомнѣнію. Дворъ рѣшился исполнить этотъ совѣтъ изъ слабости или страха и съ надеждою привлечь на свою сторону новыхъ министровъ, или съ рѣшимостью, въ случаѣ неудачи, снова удалить ихъ. Какъ бы то ни было, а онъ выказалъ готовность составить министерство изъ тѣхъ людей, которыхъ они называли патриотами.»

Такимъ образомъ Роланъ, искренній приверженецъ демократической партіи, сдѣлался министромъ. Онъ принялъ должность съ намѣреніемъ сдѣлать хорошее дѣло и, какъ человекъ недалековидный, вѣрилъ въ чистосердечіе короля. Г-жа Роланъ лучше понимала Людовика XVI; — обращаясь снова къ ея мемуарамъ.

«Людовикъ XVI выказывалъ при своихъ новыхъ министрахъ самое

наивное простодушіе; этотъ человѣкъ не былъ именно такимъ, какимъ старались выставить его для того, чтобы узнать его: это не былъ ни отупѣвшій потомокъ Людовика XV, ни честный, добрый и чувствительный человѣкъ, котораго прославляли его друзья. Природа сдѣлала изъ него дюжинное существо, которое было бы у мѣста въ какомъ нибудь темномъ положеніи; тогдашнее придворное воспитаніе развратило его, а посредственность погубила въ то трудное время, когда онъ могъ спастись только съ помощью гениа или добродѣтели... Людовикъ XVI имѣлъ отличную память и былъ очень дѣятелен: онъ никогда не оставался безъ дѣла и часто читалъ. Но въ Людовикѣ XVI, лишенномъ величія души, смѣлости ума и силы характера, образъ мыслей сѣузился и чувства извратились іезуитскими предразсудками. Людовикъ XVI боялся всего и сомнѣвался во всемъ. Еслибъ онъ родился двумя столѣтіями раньше и имѣлъ разумную жену, онъ прожилъ бы также безслѣдно, какъ многіе изъ его предковъ. Вступивъ на престолъ среди распущеннаго двора Людовика XV и разстройства финансовъ, окруженный испорченными людьми, онъ былъ увлеченъ вѣтренною женщиною, которая къ австрійской гордости присоединяла самоадѣянность молодости и величія, упоеніе чувственности и полную безпечность, Людовикъ XVI, слишкомъ слабый для того чтобы править государствомъ, стремившійся къ разрушенію, ускорилъ паденіе безчисленнымъ множествомъ промаховъ... Всегда колебавшійся между боязнью раздражить своихъ подданныхъ и желаніемъ сдерживать ихъ и совершенно неспособный управлять ими, онъ созвалъ генеральные штаты вмѣсто того, чтобы уменьшить издержки и установить порядокъ въ своемъ дворѣ; онъ самъ создалъ зачатки нововведеній и предложилъ средства для приведенія ихъ въ исполненіе, а потомъ захотѣлъ подавить ихъ. Ему оставалось только добровольно пожертвовать одною частью своей власти, для того чтобы удержать за собою въ другой возможность снова захватить ее всю въ свои руки; не умѣвъ этого сдѣлать, онъ сталъ прибѣгать только къ жалкимъ интригамъ... Его уклончивость и двуличность вызвала сначала недовѣріе, а потомъ общее негодованіе. . Когда онъ выбралъ себѣ министровъ изъ патріотовъ, то старался только о томъ, чтобы пріобрѣсть ихъ довѣріе, и такъ хорошо успѣвъ въ этомъ, что Роланъ и Клавьеръ, очарованные образомъ мыслей короля, только грезили, что о лучшемъ порядкѣ вещей и утѣшали себя надеждою, что резолюція кончена.—Боже мой!—говорила я имъ:—каждый разъ, какъ вы отправляетесь въ совѣтъ съ чувствомъ такого довѣрія къ ко-

ролю, мнѣ кажется, что вы готовитесь сдѣлать какую нибудь глупость. Увѣряю васъ — отвѣчалъ мнѣ Клавьеръ—король очень хорошо понимаетъ, что его собственный интересъ требуетъ сохраненія только что установленныхъ законовъ.—Что до меня касается—замѣчалъ Роланъ—то я думаю, что если онъ не самый честный человѣкъ, то самый большой хитрецъ въ цѣломъ государствѣ; такъ притвориться невозможно. А я возражала, что не могу вѣрить, въ человѣка, поведение котораго въ послѣднее время доказало отсутствіе въ немъ дарованій и добродѣтели. Доказательствомъ справедливости моего замѣчанія я привела бѣгство Людовика XVI въ Вареннъ.»

Предсказаніе жирондистки сбылось самымъ блистательнымъ образомъ. Поведеніе короля было по прежнему образцомъ двуличности и малодушія. Энергическая и благородная жевщина выходила изъ себя. «Я чувствовала въ душѣ волненіе, которое трудно передать словами; обольщенная революціей, убѣжденная, что слѣдовало, во что бы то ни стало, подвинуть впередъ конституцію, проникнутая желаніемъ видѣть благосостояніе моей родины, я томилась въ какой-то нравственной лихорадкѣ, не дававшей мнѣ покоя. Увертки короля доказывали его фальшивость. Роланъ убѣдился въ этомъ; честному человѣку и министру оставалось только одно—выйти въ отставку, въ случаѣ если бы король продолжалъ упорно отказываться отъ принятія мѣръ, необходимыхъ для спасенія государства».

Не даромъ г-жа Роланъ написала слова, которые мы привели выше: «дворъ рѣшился выбрать новыхъ министровъ изъ патріотовъ, съ надеждою привлечь ихъ на свою сторону или съ рѣшимостью, въ случаѣ неудачи, снова удалить ихъ». Привлечь не удалось, оставалось второе.

Однажды вечеромъ одинъ изъ этихъ министровъ, Серванъ, пришелъ къ г-жѣ Роланъ и съ радостнымъ лицомъ сказалъ ей:—Поздравьте меня, я выгнанъ. —Мнѣ очень досадно — отвѣчала она—что вы первые удостоились этой чести; но я надѣюсь, что ее скоро доставятъ и моему мужу.—И дѣйствительно, Ролана также скоро прогнали въ числѣ прочихъ; «польза и слава—говорила его жена—послѣдовали за нимъ въ уединеніе; я не гордилась его вступленіемъ въ министерство, но гордилась его выходомъ изъ него».

Послѣ низверженія Людовика мы снова видимъ Ролана министромъ. Отсылаемъ читателя къ любой исторіи французской революціи; тамъ онъ найдетъ подробное изложеніе всѣхъ событій того времени; мы же переходимъ къ борьбѣ Жиронды съ враждебной партіей, рѣшившей участь нашей героини.

Между тѣмъ, какъ Роланъ или, вѣрнѣе, жена его,—потому что, опять повторяемъ, она была душою жирондистовъ и имя ея было извѣстно всей Франціи,—и такъ, между тѣмъ какъ Роланъ ревностно и честно служилъ республикѣ не подавая въ то же время руки своимъ врагамъ демагогамъ, народъ тоже позорилъ его, въ клубакъ имя его предавалось поруганію. Сильная зависть жадно слѣдила за нимъ и за его женою, потому что всѣ знали, какую огромную роль играла эта женщина. Въ то время въ Парижѣ издавалась газета «*Réve Duchesne*». Это былъ органъ, щеголавшій самымъ непримиримымъ тономъ и не отступавшій ни передъ какой клеветой. Изъ этой журнальной клоаки на голову благороднѣйшей женщины, жены Ролана, сыпались самыя гнусныя обвиненія. Ролана обвиняли въ воровствѣ и корыстолюбіи, жену его—въ куртизанствѣ. Конвенція не довольствовалась тѣмъ, что клеветала на ненавистныхъ ей жирондистовъ и выставляла изъ измѣнниками отечеству; она еще хотѣла сдѣлать ихъ смѣшными, возбудить противъ нихъ народъ, приучить его ругаться надъ людьми, любившими его искренно. Большая часть этихъ нападокъ приходилась на долю г-жи Роланъ, и въ этомъ нельзя не видѣть доказательства значенія, которое ей придавали французы. Для того, чтобы читатели могли судить, до какой гнусности доходили эти клеветники, мы выписываемъ одно мѣсто изъ «*Réve Duchesne*»:

«Мы уничтожили феодальную власть, а позволяемъ существовать гораздо болѣе ненавистной власти. Нѣжная половина добродѣтельнаго Ролана водить въ настоящее время Францію на помочахъ, какъ въ бывшее время Помпадуръ и дю-Барри. Бриссо—главный конюхъ этой новой королевы, Лувэ—ея камергеръ, Бюзон—главный канцлеръ, Фоше—духовникъ, Барбару, котораго Марать называетъ шпиономъ—капитанъ ея гвардіи, Верньо—церемоніймейстеръ, Гюаде—оберъ-шенкь. Таковъ новый дворъ, заправляющій теперь всѣми дѣлами въ конвентѣ и департаментахъ.

«Засѣданіе этого двора происходитъ каждый вечеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Антуаннета подготовляла съ австрійскимъ комитетомъ новую варфоломеевскую ночь. Какъ эта бывшая королева, нынѣшняя госпожа Кокко (такое прозвище давали г-жѣ Роланъ), лежитъ на кушеткѣ, окруженная этими *beaux-esprits* и толкуеть о войнѣ, о политикѣ и о народномъ продовольствіи. Въ этомъ-то притонѣ фабрикуются всѣ объявленія,—и т. д.»

Но не только оскорбленія сыпались на Ролана и его жену; угрозы

ихъ враговъ доходили до того, что жизнь ихъ была нѣсколько разъ въ опасности. Вотъ что говоритъ одинъ изъ современниковъ о положеніи г-жи Роланъ въ эту пору: «Съ каждымъ днемъ появлялась передъ нею новая опасность; каждая ночь была, казалось, послѣднею ночью въ ея жизни толпа убійцъ готовилась прійти къ ней вечеромъ и зарѣзать ее съ шумомъ; самыя зловѣщія извѣстія доходили къ ней со всѣхъ сторонъ; ее умоляли не ночевать въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но все, что отзывалось уныніемъ и малодушіемъ, такъ противорѣчливо ея характеру, что она едва согласилась послѣдовать этому совѣту. Разъ, продолжаетъ тотъ-же очевидецъ,—я былъ свидѣтелемъ случая, доказывающаго твердость духа этой женщины. Въ десять часовъ вечера ее увѣдомили, что вооруженные люди весьма подозрительнаго вида бродятъ вокругъ ея дома, что по всей вѣроятности они скоро войдутъ въ ея комнаты, что ей слѣдовало бы непремѣнно скорѣе уйти, переодевшись, для того, чтобы никто не узналъ ее. Всѣ присутствующіе были того же мнѣнія; тогда она увидѣла невозможность сопротивляться и надѣла крестьянское платье. Присутствующіе нашли, что головной уборъ ея не довольно похожъ на крестьянскій и предложили замѣнить его другимъ; это предложеніе не понравилось ей и въ порывѣ сильной досады она сбросила съ себя уборъ и всю остальную одежду и вскричала: «я стыжусь роли, которую меня заставляютъ играть; я не хочу ни переодеваться, ни уходить. Если меня хотятъ убить, то пусть убиваютъ въ моемъ домѣ. Я должна подать примѣръ твердости, и подамъ его». Эти слова были произнесены съ такою живостью и твердостью, что никто и не подумалъ возражать ей. Съ этой минуты до отставки Ролана его жена ни на минуту не оставляла своего дома».

Между тѣмъ время кровавой развязки приближалось. Въ Парижѣ главную роль игралъ триумvirатъ изъ Дантона, Марата и Робеспьера. Якобинцы становились все сильнѣе и сильнѣе, жирондисты все ближе и ближе подходили къ безднѣ погибели. 22-го января Роланъ подалъ въ отставку, хотя еще за нѣсколько дней до того говорилъ: «Я останусь на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока меня не выгонять или не принесутъ въ жертву, и тогда потребую чтобы меня судили.» Въ длинной запискѣ, написанной тономъ негодованья, онъ объяснялъ причины своего выхода изъ министерства; онъ вышелъ совершенно обезкураженный, преслѣдуемый самою сильною ненавистью и не желая ничего, кромѣ тишины и уединенья.

Но ни ему, ни женѣ его не было суждено мирно оканчить жизнь.

Враждебная имъ партія такъ усилилась, такую черную тѣнь бросила на жирондистовъ, что они потеряли и расположеніе народа и отчасти вѣру въ свои собственныя силы... Ихъ стали ненавидѣть. Изъ всѣхъ этихъ людей самую большую долю ненависти и преслѣдованья несли на себѣ Роланъ и его жена. Марать продолжалъ называть домъ Ролана будуаромъ госпожи Роланъ, въ которомъ составлялись заговоры для разрушенія республики; Роланъ требовалъ суда, ему отвѣчали разными уловками и постоянно отсрочивали этотъ судъ. Положеніе супруговъ становилось невыносимо. Между тѣмъ народъ, мучимый голодомъ и нищетою, взбунтовался и 24 февраля бросился грабить парижскія лавки. Въ Якобинскомъ клубѣ во всемъ этомъ обвинили Ролана; Колло д'Эрбуа прибавилъ, что Роланъ скрылъ въ Англіи 12 милліоновъ. Обвиненія слѣдовали за обвиненіями, а между тѣмъ къ суду все-таки не приступали.. Борьба началась на смерть.

Мы проходимъ мимо всѣхъ этихъ кровавыхъ сценъ, интригъ, тенныхъ дѣйствій, въ которыхъ сущность дѣла уже давно была отодвинута на второй планъ, и останавливаемся на первомъ арестѣ госпожи Роланъ. Онъ совершился 1-го іюня. Ее повезли въ каретѣ, окруженной военнымъ конвоемъ; народъ, обманутый своими возмутителями, толпами слѣдовалъ за ея экипажемъ; и нѣкоторыя женщины кричали: «на гильотину!» — Не хотите ли поднять шторы? спросилъ ее одинъ изъ комиссаровъ, сидѣвшихъ вѣстѣ съ нею въ каретѣ. — Нѣтъ, господа — отвѣчала она — невинность, какъ бы сильно ни угнетали ее, никогда не смотритъ такъ, какъ преступникъ; я не боюсь ни чьихъ взглядовъ. — У васъ больше характера, чѣмъ у многихъ мужчинъ — замѣтилъ комиссаръ — вы спокойно ожидаете правосудія. — Правосудіе! — вскрикнула госпожа Роланъ: — еслибъ оно было, я не была бы теперь въ вашихъ рукахъ; но пусть неправедный судъ повлечетъ меня на эшафотъ, — и взойду на него такъ же твердо и спокойно, какъ отправляюсь теперь въ тюрьму. Я глубоко сожалею о моемъ отечествѣ; я сожалею о томъ, что считала его созрѣвшимъ для свободы и счастья; но я понимаю цѣлу жизни; я всегда боялась только преступленія, я презираю несправедливость и смерть. Изъ тюрьмы г-жа Роланъ послала въ Национальный Конвентъ энергическое письмо, заключавшееся слѣдующими словами. «Вся мое преступленіе состоитъ въ томъ, что я раздѣляла строгость принциповъ моего мужа, энергію его мужества и его горячую любовь къ свободѣ, то я признаю себя виновною и ожидаю своего наказанія. Промансите вашъ судъ, законодатели! Фривція, свобода, судьба республ.

ки и ваша собственная, требуютъ непременно правосудія, которое находится въ вашихъ рукахъ».

Она писала также къ министру внутреннихъ дѣлъ, къ министру юстиціи, къ другимъ лицамъ, но всѣ ея настоянія оставались безъ отвѣта. Изъ первой тюрьмы ее перевели въ другую, и наконецъ въ самую страшную—въ Conciergerie. Слѣды духа не оставляли ее, и она бодро ждала рѣшенія своей участи. Только по временамъ овладѣвало ею уныніе. «Бѣдствія моего отечества—писала она изъ тюрьмы—заставляютъ меня страдать; потеря моихъ друзей подрываетъ мое мужество; невольная печаль овладѣваетъ моими чувствами, подавляетъ мое воображеніе и сушитъ сердце. Франція теперь ничто иное, какъ широкая сцена рѣзни, кровавая арена, на которой собственныя дѣти Франціи терзаютъ другъ друга.»

На другой день послѣ ея пріѣзда въ Conciergerie, ее потребовали къ допросу; черезъ два дня былъ другой допросъ. Но это была одна пустая формальность. Судьба несчастной женщины уже заранее была рѣшена.

9-го ноября въ 4¹/₂ часа вечера, изъ тюрьмы вышла телѣга, въ ней сидѣла госпожа Роланъ и директоръ фабрики ассигнацій Ламаркъ. Телѣга направилась къ тому мѣсту, на которомъ возвышалась гильотина. Огромная толпа садовала за осужденными. Она указывала на нихъ пальцами и неистово кричала: «На гильотину! на гильотину!»

Ламаркъ совершенно упалъ духомъ; жирондистка сжалась надъ нимъ и начала ободрять его. Вотъ что говоритъ объ этомъ путешествіи одна изъ очевидцевъ его:

«Совершенно непредвидѣнное обстоятельство, конечно отнюдь независящее отъ моей воли, было причиною того, что я встрѣтилъ эту обыкновенную женщину на ея пути къ эшафоту. Она стояла, непоколебимо спокойная, въ своей телѣгѣ; на ней было бѣлое платье съ букетами розоваго цвѣта. Никакого унынія не было замѣтно на ея лицѣ. Глаза ея сверкали живымъ огнемъ, лицо блестѣло свѣжестью, очаровательная улыбка скользила на губахъ; но въ то же время она была серьезна и не шутила со смертью. Подлѣ нея сидѣлъ несчастный Ламаркъ; онъ былъ такъ удрученъ страхомъ, что голова его по видимому готова была упасть при каждомъ толчкѣ телѣги. Герония ободряла этого несчастнаго, который уже не былъ похожъ на человѣка. По временамъ она до того овладѣвала собою, что находила слова, полныя умной веселости и вызывала ими улыбку у своего убитаго страхомъ».

товарища. Не знаю, что случилось со мной въ эту минуту, но весь этот шуртень, палачъ и его прислужники точно исчезли передъ моими глазами; все мое вниманіе сосредоточилось на жертвѣ и глядя на нее, я не понималъ, что она идетъ на смерть.»

Телѣга остановилась. Палачу было приказано казнить сначала господина Роланъ; но она сказала Дамарку: «Ступайте первый; у васъ не хватитъ силъ видѣть мою смерть.» Палачъ не рѣшался исполнить даннаго приказанія.—Неужели—спросила она съ улыбкой—вы можете отказывать женщинѣ въ послѣдней просьбѣ?

И просьба ея была исполнена. Пришла и ея очередь. Въ ту минуту, какъ ее привязывали къ роковой доскѣ, глаза ея упали на колоссальную статую свободы, воздвигнутую на этомъ мѣстѣ.—«Свобода!—воскликнула она—какъ тебя обманула!...»

Это были ея послѣднія слова. Черезъ минуту все было кончено...

Предѣлы небольшой журнальной статьи позволяли намъ очертить—и то бѣгло—личность госпожи Роланъ только со стороны ея политической дѣятельности. Но и частная жизнь ея можетъ быть предметомъ самаго любопытнаго изученія; и въ частныхъ отношеніяхъ ея проглядываетъ каждую минуту энергическая натура, отличительной чертой которой надо признать страстность. Пусть каждый, кому хочется близко ознакомиться съ этой женщиной, прочтетъ ея мемуары,—и онъ останется съ изумленіемъ и уваженіемъ передъ многими фактами, отмѣтившими трагическую судьбу какъ великой исторической эпохи, такъ и выдвинутой ею на сцену личности г-жи Роланъ.

Завячимъ эту краткую характеристику стихами, написанными на одномъ изъ ея портретовъ:

*J'étois républicaine et j'ai vécu sans crime,
O mes concitoyens, ne plaignez point mon sort;
J'étonnai les tyrans dont je fus la victime:
La femme de Caton devoit braver la mort.*

ВЪ ГОСТЯХЪ У БАБУШКИ.

(ПОВѢСТЬ.)

I.

Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда моя мать собралась ѣхать въ Петербургъ, чтобы пристроить своего сына въ корпусъ; кромѣ того у нея были и другія дѣла. Оставлять меня одну, безъ надлежащаго присмотра, матери не хотѣлось. Вотъ почему и рѣшилась она отвезти меня къ моей бабушкѣ, черноозерской помѣщицѣ и аристократкѣ, Настасьѣ Даниловнѣ Бѣлугиной.

Настасья Даниловна изволила милостиво согласиться помѣститъ меня въ своемъ домѣ. Она мало знала меня; еще меньше чувствовала ко мнѣ родственнаго расположенія и привала у себя потому только, что любила всегда и вездѣ оказывать милости, а подчасъ прихвастнуть и попрекнуть ими. Впрочемъ это ужъ общая черта всего русскаго барства.

Настасья Даниловна Бѣлугина была единственною дочерью гвардіи капитана и кавалера разныхъ орденовъ, Даниила Петровича Грусецкаго. По разсказамъ, дошедшимъ до меня въ разное время, Грусецкій былъ истый сынъ восемнадцатаго столѣтія, только съ своимъ собственнымъ замахомъ. Будучи настоящимъ

русскимъ аристократомъ, онъ тѣмъ не менѣе отъ души ненавидѣлъ всю свою братью, и изо всѣхъ силъ старался гадить разнымъ князькамъ и графамъ. Въ особенности же онъ не терпѣлъ вѣмцевъ-аристократовъ, называя ихъ попросту го-лоштанными прихлебателями.

Воспитаніе свое онъ получилъ въ Парижѣ, лично зная Вольтера, и былъ принятъ въ его кругѣ, какъ свой; за всѣмъ тѣмъ Грусейкій былъ самодуръ и деспотъ, какихъ видало рѣдко даже любезное наше отечество.

Въ домѣ его никогда не видно было ни одного церковника; даже дѣтей крестили въ отдаленной приходской церкви, тайкомъ отъ него. Также ни одного скомороха, ни одной приживалки не было у него на глазахъ. За то цѣлый этажъ его дома находился подъ чистѣйшимъ гаремомъ, со всѣми гаремными прелестями и ужасами. Надо отдать справедливость капитану гвардіи временъ Екатерины, Данилу Петровичу Грусейкому въ томъ, что онъ былъ знатокъ красоты, и не малый любитель разнообразія въ своихъ эротическихъ наслажденіяхъ. Жилъ онъ открыто; давалъ непрерывно балы и враздники; только дамы, говорятъ, рѣдко посѣщали ихъ, даже изъ самыхъ неустрашимыхъ, не смотря на то, что Данило Петровичъ былъ давно женатъ. Вообще всѣ женщины мало-мальски ведурныя собой, всѣ отъ него пряталась, всѣ отъ него бѣжали. Недавно, еще мнѣ удавалось слышать рассказы стариковъ о томъ, какъ мужья и отцы заирали отъ его ястребиныхъ взоровъ своихъ женъ и дочерей; какъ братья и женьки не разъ собирались толпами для того, чтобы извести ихъ лютаго раздучника.

Жена Грусейкаго представляла собой вполне тотъ переходный типъ рускиихъ боярынь, который сложился подъ вліяніемъ реформы Петра. Она одѣвалась и носила вудру, какъ природная французская маркиза, и вмѣстѣ съ тѣмъ сама представляла для мужа различныя нарядки и шинючки, довольно порядочно въяснялась по нѣмецки, и не слова не могла не писать по русски; пѣла прощастъ французскихъ романсовъ, далеко не скромнаго содержания, а по средамъ и пятницамъ отнюдь не позволяла тѣтъ какое-либо милое слово своей домашней. Че-

ляди. Въ довершеніе всего, она дралась съ горничными, какъ настоящая, провинціальная русская барыня.

Изъ этого всерастлѣвающаго гнѣзда и вышла на свѣтъ Настасья Даниловна. Отецъ хотѣлъ непременно дать ей французское воспитаніе. Для этого изъ Женевы былъ выписанъ юный педагогъ, monsieur Сюрло, который, кромѣ французскаго языка, получилъ еще приказаніе учить шестнадцатилѣтнюю Настю астрономіи, физикѣ и химіи. Эти науки преподавались при отцѣ; безъ него же ловкой французикъ, чтобъ незамѣтно подобраться къ сердцу молодой и пылкой Настеньки, читалъ съ нею разныя книжки любовнаго содержанія. Настасья Даниловна скоро вошла во вкусъ такого воспитанія, и потому молодой и прекрасный Сюрло скоро сдѣлался для нея необходимостью. Съ нимъ мечтала она у развалинъ старой сельской церкви (мѣсто ея тайныхъ свиданій), восторженно бросаясь ему на грудь и замирая въ сладостномъ поцѣлуѣ; съ отцомъ пила она наливки и шампанское на его домашнихъ спектакляхъ и, наконецъ, по примѣру матери, ругалась и нерѣдко дралась съ несчастными горничными, пока еще совершая это безъ особеннаго наслажденія. Отецъ конечно зналъ о романѣ дочери и долго смотрѣлъ на него сквозь пальцы, но когда Настѣ вздумалось подарить своему возлюбленному Жаку кое-что изъ своихъ дорогихъ брилліантовъ, Данило Петровичъ, немедля ни минуты, выгнать Жака изъ дому, а дочь отдать за сорокалѣтняго богача Бѣлугина, первостатейнаго болвана, когда либо существовавшаго на свѣтѣ.

Девятнадцати лѣтъ Настасья Даниловна называлась уже М-ше Бѣлугиной. Горевала она не долго; съ перваго же дня забравъ мужа въ свои руки, она тотчасъ отправилась съ нимъ въ Петербургъ, — *пожуровать*. Свезла она, куда слѣдуетъ, цѣлую груду рекомендательныхъ писемъ, которыми, въ утѣшеніе за ненавистный бракъ, щедро наградила ее батюшка, и, съ помощью ихъ, опредѣлила своего идіота на службу. Благодаря значительному богатству, мѣсто дали ему доходное и видное, такъ что Настасья Даниловна, надѣленная отъ природы нѣкоторымъ умомъ и красотой, очень скоро стала считаться одной изъ первыхъ львицъ своего времени. Отношенія ея къ супругу отличивались тѣмъ, что

она доставляла ему чины и отличія. Такъ напр. получивъ камеръ-юнкера, Бѣлугинъ захотѣлъ имѣть камергера. Настасья Даниловна взяла съ него довольно значительный кушъ, и золотой ключъ не замедлилъ украсить ея мужа. Болѣе близкихъ отношеній между ними не существовало.

Проживъ такимъ образомъ въ Петербургѣ болѣе двадцати лѣтъ, Настасья Даниловна переѣхала сама и перевезла своего камергера въ провинцію, очень хорошо понимая, что для столицы она уже слишкомъ стара. Между тѣмъ умерла ея мать и съ нею окончилось блаженство Давиды Петровны. Очаровательныя француженки и прочія иноплеменницы принялись такъ дѣятельно обкрадывать совершенно отупѣвшаго старика, что огромныя его имѣнія скоро поступили въ продажу съ аукціоннаго торга. Настасья Даниловна, разумѣется, не выпустила ихъ изъ рукъ, немедленно отдавъ своему идиоту повелѣніе скупать все до нитки... Отцу она отвела, какой-то старый флигель съ садикомъ и двумя рябыми служанками. Обождатель Вольтера не вынесъ такой скромной идилліи, и вскорѣ умеръ на рукахъ этихъ, далеко не пышныхъ, красавицъ. Имѣнія жены, еще за живо, было отданы его двумъ сыновьямъ, служившимъ гдѣ-то на югѣ, въ кавалеріи.

По приѣздѣ въ Черноозерскую губернію, Бѣлугинъ, строго выполняя всѣ приказанія жены, рѣшительно не зналъ что ему дѣлать. Настасья Даниловна и тутъ нашлась, и тутъ выручила. Она прежде всего принялась кормить, словно на убой, всю мѣстную знать. Результатъ вышелъ хорошей... На первыхъ же выборахъ камергеръ Бѣлугинъ былъ торжественно и единодушно провозглашенъ предводителемъ дворянства цѣлой губерніи. Онъ успѣлъ просидѣть на этомъ мѣстѣ два трехлѣтія и за тѣмъ немедленно переселился «въ лучшую жизнь». Огромный, каррарскаго мрамора, памятникъ былъ ему наградою за такое, единственное въ его жизни, умное дѣло.

Вскорѣ, откуда-то попала къ ней двухлѣтняя дѣвочка съ поэтическимъ именемъ «Полина». Эта дѣвочка была ею усыновлена и назначена полной и единственной наслѣдницей ея имѣній. Что это была за привязанность, никто хорошенько и понять не могъ. Правда, многіе находили, что носъ бабушки будто бы весьма схожъ съ носомъ Полины, почему увѣ-

рали, будто бы Полина плодъ тайной любви, которой предавалась генеральша уже въ очень и очень почтенномъ возрастѣ. Они утверждали, будто бы Полина была нарочно припрятана до поры до времени въ одну далекую деревеньку, во избѣжаніе разныхъ пересудовъ. Но впрочемъ такъ утверждали люди злые, всегда болѣе или менѣе склонные къ преувеличенію, въ особенности по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются разными благами міра сего. Напротивъ, люди добрые съ неутомимой энергіей защищали чистую, по ихъ словамъ, безукоризненную репутацію Настасьи Даниловны, доказывая что двадцати-трехлѣтняя Полина—племянница, а никакъ не дочь ея, и облагодѣтельствована ею единственно по рѣдкой мягкости и добротѣ ея любящаго сердца, и т. д.

Итакъ, взявъ къ себѣ Полину, Настасья Даниловна переехала изъ города въ одно изъ своихъ ближайшихъ помѣстій, и зажила себѣ помѣщицей - барыней въ полномъ смыслѣ этого слова. .. Въ ее-то деревню и приготовлялись везти меня.

Разставаясь съ своими для того, чтобы отправиться въ неизвѣстный еще мнѣ домъ бабушки, я, разумѣется, плакала, хотя въ сущности мнѣ ровно никого не было жалко. Мнѣ, напротивъ, сильно хотѣлось переменны мѣста, новыхъ, еще неизвѣданныхъ, ощущеній. Расплакалась же я отъ однихъ только прощальныхъ церемоній, которыми меня доняли.

Подали коляску. Тутъ я перестала плакать, — меня уже начинала занимать новость моего положенія. Съ важностью усѣлась я въ коляску и прегордо взглянула на маленькихъ братьевъ, какъ мнѣ показалось, завистливо поглядывавшихъ на меня. И странное дѣло! Хоть бы скольконибудь я ихъ пожалѣла! Такъ мало была я привязана къ своему родному дому!

II.

Послѣ пятичасовой ѣзды, по мерзѣйшей большой дорогѣ, стали показываться красныя крыши бабушкиной усадьбы.

Помню, какъ задрожала я, когда мы подѣхали къ околицѣ, отъ какого-то, вдругъ раздавагося, дикаго вопля. Мать тоже не могла остаться спокойной, и съ тревогой завертѣлась въ коляскѣ, приказавъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе.

— Семень Гаврилычъ свирѣпствуютъ-съ! проговорилъ тотъ, въ полъ-оборота повернувшись къ намъ, и за тѣмъ погналъ лошадей такъ, какъ будто самъ удиралъ отъ таинственнаго Семена Гаврилыча.

Я взглянула на мать; она отверпулась и, назвавъ кучера дуракомъ и грубияномъ, успѣшила обратить мое вниманіе на какую-то восьми-угольную пеструю башню въ японскомъ вкусѣ; но и тутъ картина была не утѣшительная. Два маленькихъ, тощихъ и оборванныхъ, мальчугана, крехтя и надрываясь, катили къ ней большую зеленую бочку. Увидавъ насъ, они остановились, машинально сняли шапки, за тѣмъ поплевали на свои крошечныя, худыя ладони, и снова покатали тяжелую бочку.

Когда обогнули мы огромный, на-глухо заросшій травкою, прудъ, надъ которымъ въ бездѣйствіи стояла водяная мельница, передъ нами развернулся цѣлый рядъ громадныхъ оранжерей. До самого дома было еще далеко; нужно было проѣхать густую сосновую рощу, за которой скрывалось жилище бабушки. Мать стала экзаменовать меня во французскомъ языкѣ; сказала, что меня встрѣтятъ три кузины и еще одна молодая дѣвушка, дочь *M-me Viard*, — гувернантка. Долго и много толковала она мнѣ о необходимости покоряться старшимъ. Изъ всей ея, внятно произнесенной, рѣчи я отчетливо запомнила только одно, а именно, что бабушка любить дѣвочекъ смирныхъ. Будь я дома, меня бы это озадачло сильно, но тутъ мнѣ просто было некогда и я, пропустивъ мимо ушей всѣ наставленія безпокоившейся матери, слѣдила лишь, за окружавшей меня, чудной картиной.

Имѣніе бабушки было первое по красотѣ мѣстоположенія и изяществу строеній, первое не только въ уѣздѣ, но и въ цѣлой губерніи... Роща, по которой мы ѣхали, разрѣдилась: передъ нами открылся домъ бабушки, и вотъ пошли мелькать террасы, балконы, вазы, бронзовые львы, — все это мѣшалось и тонуло въ разнообразной зелени дикаго винограда, плюща и

шастурцій. Мы въѣхали въ садъ, разбитый на подобіе англійскаго сквера; этотъ скверъ шелъ по одну сторону дома и служилъ за-одно и дворомъ, и манежемъ, въ большіе же праздники, даже мѣстомъ свиданія генеральши съ ея крестьянами. Здѣсь приносились ея превосходительству поздравленія всякій разъ, непременно съ хлѣбомъ и солью... Громадное бѣлое зданіе, выстроенное во вкусъ второй половины прошедшаго столѣтія, шло полукругомъ. Сотни маркизъ съ пунцовыми фестонами глядѣли мнѣ прямо въ глаза; мнѣ показалось, что они глядѣтъ еще не совсѣмъ сурово. «Которое-то изъ этихъ оконъ будетъ моимъ?» невольно подумала я... Зданіе дѣлилось на три равныя части двумя подъѣздами; одинъ изъ нихъ устланъ былъ цвѣтами и деревьями; къ нему-то именно мы и подъѣхали.

Какъ только остановилась наша хорошенькая четверка, мать крѣпко обняла меня, перекрестила, сама перекрестилась и быстро вышла изъ коляски... Какое-то непонятно-тоскливое чувство снало мое сердце; я готова была уже расплакаться, да взглядъ матери остановилъ меня. Слезы застыли, и я въ первый разъ ощутила чувство страха...

Толпа лакеевъ, всевозможныхъ лицъ и возрастовъ, во фракахъ и перчаткахъ, высыпала къ намъ на встрѣчу и разомъ бросилась вынимать меня изъ коляски. Дворецкій бабушки, Петръ Емельяничъ, въ бѣломъ жилетѣ и таковомъ же галстужѣ, встрѣтилъ мать на крыльцѣ, почтительно докладывая, что «генеральша здоровы, но въ настоящее время изволятъ почивать»... Это нѣсколько ободрило мать... За тѣмъ дворецкій повелъ насъ по великолѣпной круглой лѣстницѣ изъ рѣзанаго дуба.

На восьмиднихъ ступенькахъ лѣстницы, до насъ сталъ долетать веселый, но какъ будто сдержанный, смѣхъ. Остановившись предъ дверью изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, мать стала поправляться, а я же утѣригла, заглянула въ одно изъ красивыхъ стеклышекъ, которыя я видѣла въ первый разъ въ жизни, заглянула, да такъ и замерла отъ изумленія.

За дверью происходила слѣдующая сцена... Въ огромномъ залѣ съ хорами, люстрами и зеркалами стояла, къ намъ спиной; прелестная блондинка. Напротивъ нее помѣщался не-

обыкновенно красивый офицеръ, и они занимались совершенно непопятнымъ для меня препровожденіемъ времени... Красивенькая женская фигурка щипала его за усы, а вонялъ ловилъ губами ея пальчики и цѣловалъ ихъ. Признаюсь, подобное зрѣлище было мнѣ въ диковинку, и я почувствовала почему-то неловкость... Мать взялась за ручку двери, предварительно кашлянувъ раза два; мы вошли. Офицеръ стоялъ уже на противоположной сторонѣ залы, а блондинка пресерьезно разбирала ноты.

Начались привѣтствія, поцѣлуи. Офицеръ оказался моимъ дядюшкой, а хорошенькая блондинка родной племянницей моей матери, слѣдовательно одна изъ моихъ кузинъ.

— Какъ вы не во время пріѣхали!... замѣтилъ офицеръ моей матери. — Тетка спитъ теперь... остальные всѣ въ саду, добавилъ онъ, обращаясь преимущественно ко мнѣ.

Кузина Варя (такъ звали блондинку) самымъ любезнымъ тономъ вызвалась проводить меня въ садъ; но очевидно, это была только попытка удалить меня. Войдя со мной на террасу, Варя остановилась и, махнувъ куда-то вдаль своей хорошенькой ручкой, сказала по французски.

— Ступай туда, — въ садъ!.. Тамъ ты найдешь всѣхъ своихъ кузинъ: Полину, Мери и Анюту. Ступай!.. Тамъ тебѣ будетъ весело!.. договорила она, улыбнувшись и за тѣмъ, повернувшись назадъ, исчезла.

Я осталась одна въ громадномъ, старинномъ саду бабушки. Садъ былъ разбитъ неправильно; пропасть извилистыхъ дорожекъ лежала передо мною, я пошла, куда глаза глядятъ. Побродивъ между клумбами цвѣтвъ, я стала думать о Варѣ. Естественно, что сцена, на которую я такъ неожиданно наткнулась, служила не малой канвой для моихъ размышлений. «Они, должно быть, женихъ и невѣста», рѣшила я, и рѣшила такъ на томъ основаніи, что, не задолго до моего отъѣзда, обвѣнчались у насъ лакея Ваську и горничную Стешу; а обвѣнчались ихъ именно потому только, что лакею Васькѣ вздумалось разъ поцѣловать Стешу. Вспомнила я, какъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ бѣжалъ Стешу и какъ мать грозилась отдать его въ солдаты. Съ однимъ я не могла сладить: Стеша переносила побои мужа съ удивительной стойкостью:

она была такая толстая, здоровая; Варя же такая хорошенккая, тоненькая, блѣдная. Я понимала, что бить ее, какъ Стешу, будетъ невозможно. «Какъ же онъ будетъ бить ее?» неотвязно вертѣлось въ моей головѣ... «Вѣрно, какънибудь особенно... А бить будетъ непременно!...» окончательно рѣшила я и пошла далѣе.

Еще нѣсколько разъ покружила я по ближайшимъ дорожкамъ и очутилась на площадкѣ, въ концѣ которой находился небольшой гротъ. Я намѣревалась уже войти въ него, какъ неожиданная новая встрѣча заставила меня остановиться. Изъ грота выходилъ господинъ въ бѣломъ пальто подъ руку съ другой, незнакомой мнѣ дѣвушкой. Эта дѣвушка была такъ хороша, что я невольно залюбовалась ею. Господинъ-же, на руку котораго она опиралась, представлялъ самый разительный контрастъ съ нею. Съ перваго взгляда я даже ужаснулась его безобразной фигуры. Дѣтина вершковъ одиннадцати росту, здоровый, плотный, съ крупными чертами лица, съ длинными русыми волосами и чуть-чуть пробивающейся бородкой, весь въ угряхъ, такъ и смотрѣлъ удалымъ русскимъ парнемъ, умницей, но страшнѣйшимъ гулякой и кутилой. Походка его была самоувѣренна и тверда. Также не мало изумило меня общее выраженье его лица. Въ немъ такъ засѣло какое-то полупрезрѣнне ко всему на свѣтѣ, что даже на спутницу свою онъ смотрѣлъ насмѣшливымъ взоромъ. Студенческая фуражка сидѣла на немъ особенно гордо, словно она ему съ бою досталась.

Отъ грота, кромѣ большой липовой аллеи, была еще другая, маленькая, тѣнистая. Она простиралась въ длину шаговъ на двадцать; въ нее-то и повернули они. Я стала на углу двухъ аллей и слышала ихъ каждое слово. Они меня совершенно не замѣтили и говорили между собой вполне неприужденно.

— Такъ ты, Мери, придешь сегодня ко мнѣ? говорилъ студентъ.

— Приду, лаконически отвѣчала та.

— Чортъ знаетъ, что дѣлается со мной!... я, кажется, не доживу до вечера!

— Только помните уговоръ, М-сиг Коневъ!... А то, вля-
нись вамъ, въ первый и послѣдній...

— Ахъ, да; слышала я это!.. знаю!. Приходи только, ра-
ди бога!

— Приду!.. Приду!.. Тебѣ я ѣсть сегодня не хочется. Вотъ
диво-то!.. произнесла Мери и захохотала.

— И ѣсть не хочется, махнувъ рукой, отвѣчала онъ.

— А работы ты скоро кончишь? спросила Мери.

— Вотъ что вздумала!.. я буду тянуть ихъ до поздней
осени. Нѣтъ! теперь уже ея превосходительство пусть по-
дождетъ: меня силой отсюда не выживешь.

— Ну, а денегъ-то ты много забрала?

— Половину.

— И спустила? смѣясь, спросила Мери.

— Разумѣется; что-же я на нихъ глядѣть что-ли буду?

— А Агашѣ даль-ли хоть скольконибудь?

— Не только скольконибудь: предлагала даже выкупить
ее; отказалась.

— Почему?

— Скоро, говорятъ, всѣ будемъ вольные; нужно еще ей
деньги платить. Двадцать рублей взяла, а больше не хочетъ.

— Она замѣчательная дѣвушка!.. въ раздумьи проговари-
ла Мери.

— Да!.. со смысломъ дѣвочка!.. Ну и хорошенькая тоже,
весело отвѣчалъ Коневъ.

— По твоему, вѣдь это первое качество!.. Ты у меня эс-
тетикъ не послѣдній.

— Что-же дѣлать? грѣшный человекъ, не могу переносить
безобразія въ женщинахъ. Уважаю каждую,—и красивую, и не
красивую; схожусь съ удовольствіемъ, если она не глупа, но
хоть скольконибудь развита; даже въ состояннн подружиться
съ некрасивой женщиной, но полюбить—никогда.

— Такъ что, потеряя я свою красоту, ты меня разлю-
бишь?.. Полно, Коля, ты клеветещь на себя.

— Ничуть! увѣрю тебя. Если бы ты подурнѣла немно-
го, я бы этого, можетъ быть, и не замѣтилъ; но обратись ты,
какимънибудь чудомъ, въ полнѣйшаго урода,—я за себя не
отвѣчаю.

— Мерси. Вотъ это мило!.. Какъ же мы-то любимъ перѣд-
ко уродовъ, а не красивыхъ сплошь и рядомъ.

— Приѣдешь чего служишь первая ты? не такъ-ли?

— Пожалуй и такъ, отвѣчала Мери, нѣжно взглянувъ на
него.

— А ужъ Аллахъ вѣдаетъ, какъ вы это ухитряетесь,
шутливо произнесъ онъ, какъ видно очень довольный ея взгля-
домъ; но сейчасъ-же и прибавилъ серьезно: стойте выше
насъ,—вотъ отчего.

— Въ этомъ отношеніи — непремѣнно.

— Сегодня ждуть какую-то гостью или родственницу съ
дочерью... Мнѣ болтала объ этомъ что-то по утру Полина,
проговорила Мери, помолчавъ немного.

— Съ взрослой дочерью?..спросилъ Коневъ.

— Четырнадцать лѣтъ; учится еще... Ее оставятъ здѣсь на
нѣсколько мѣсяцевъ.

— Что же она, бѣдная дѣвочка что-ли?.. Изъ милости вѣр-
но беретъ ее ваша генеральша?

— Я не знаю.. Вѣроятно, чтобъ Анютѣ не было скучно....

— Кто же будетъ заниматься съ этой пріѣзжей?.. ужъ
вѣрно ты?

— А развѣ насъ мало?.. Я, ты; Александръ тоже ни-
чего не дѣлаетъ.

— Только безнадежно страдаетъ по тебѣ, со снѣгомъ за-
мѣтилъ Коневъ... Это вѣдь ангельская душа! готовъ надъ
каждой козявкой плакать, а обираетъ крестьянъ вмѣстѣ съ
батюшкой такъ же исправно, какъ и вся ихъ братья. За-
дамъ я имъ жару обѣимъ, дай только мнѣ принять ишѣнье
въ свои руки.

— Ну! вошелъ опять въ свою колею!.. сѣлъ на любимого
конька!.. улыбаясь, говорила Мери... Достанется теперь всѣмъ,
не исключая и пріѣзжей; а напрасно!.. говорятъ, она славная
дѣвочка; такая живая, бойкая.

— Ты говоришь живая.. Ну теперь понятно, за чѣмъ бе-
рутъ ее: чтобъ присмирѣла!

Я задрожала при этихъ словахъ всѣмъ тѣломъ... Господи!..
куда это завезли меня?.. могла только прошептать я.

Наконецъ я не выдержала, выскочила изъ-за куста и бро-

силась къ Мери и Колеву. Увидавъ меня, онъ въ ту же минуту оставилъ ея руку, а она просто отшатнулась отъ меня... Я совсѣмъ растерялась. Мнѣ было горько и стыдно. Въ эту минуту я плакала уже не потому, что боялась бабушкѣ; нѣтъ: мнѣ была невыносима мысль, что оба они съ перваго же разу сочтутъ меня за дѣвочку неблагородию... Тутъ только мнѣ стало ясно, какъ нечестно поступала я, подслушивая такъ долго чужой разговоръ.

Они съ удивленіемъ поглядывали на меня. Тяжело вздохнувъ раза два, я овладѣла собой, на сколько могла, и принялась имъ объяснять, что я именно та самая дѣвочка, которую ждали сегодня, и что Варя послала меня въ садъ отыскивать моихъ кузинъ.

— О чемъ-же вы плачете, скажите на милость?—съ своей насмѣшливой улыбкой спрашивалъ Колеву. Вы вѣрно слышали нашъ послѣдній разговоръ о васъ?

— Я слышала... и... не одинъ... послѣдній; я.. слышала.. что.. вы и прежде... говорили.. только.. я.. не.. вино..вата, задыхаясь отъ слезъ проговорила я.

— Ну перестанете-же плакать, и скажите лучше, какъ васъ зовутъ? заговорилъ онъ опять.

— Надѣй, всхлипывая и утирая слезы, отвѣчала я.

— Что-же? такъ и прикажете называть васъ? — извольте. Теперь потрудитесь объяснить, который вамъ годъ?

— Четырнадцать.

— И въ четырнадцать лѣтъ, вы плачете о томъ, что подслушали случайно чужой разговоръ? Bravo! Я вижу, вамъ не шутя можно протянуть руку. Ну-съ? хотите быть нашимъ другомъ? Отвѣчайте скорѣе. А то невесело же, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на васъ, какъ вы рыдаете. Глядите: М-Пе Мери тоже готова сію минуту разрыдаться виѣстъ съ вами, этого я ужъ, конечно, не прощу вамъ, что, вѣроятно, и не удивитъ васъ если вы успѣли только понять что либо изъ нашего разговора... Скажите, поняли вы чтонибудь?..

— Перестань, Коля!.. ты все смѣешься: дай ей успокоиться, тихо замѣтила ему Мери.

— Нѣтъ, я не все поняла. Я никогда не слыхивала подобнаго разговора, отвѣчала я.

Коневъ покотился со смѣху...

— Ха! ха! ха!.. Вы не слыхивали, такъ я вамъ растолкую его, когда познакоимся покороче.

Я взглянула на него еще разъ. Какъ симпатична показалась мнѣ вся его некрасивая фигура! Въ открытомъ лицѣ его было столько подвижности, столько прямоты, что я чуть было не бросилась ему на шею. Но за то я сдѣлала это съ Мери.

— Ну! въ Аркадію переѣхали! замѣтилъ онъ, — а потому позвольте мнѣ отретироваться. Прощайте-съ! пойду отыскивать вашихъ родственниковъ.

— А вы кто же? обратилась я къ Мери послѣ того, какъ онъ ушелъ.

— Я?... я дочь М-ше Biard, здѣшней гувернантки... Впрочемъ называйте меня просто Мери.

— А этотъ Коневъ, кто онъ такой?

Она чуть-чуть покраснѣла.

— Онъ студентъ, товарищъ Александра Аркадьича; они въ одномъ университетѣ учатся... Александръ же Аркадьичъ, вѣроятно, придется вамъ какимъ нибудь родственникомъ.

— Да, я теперь припоминаю... Мери, простите ли вы мнѣ когда нибудь мою ...мое...

— Э, полноте, Надя!.. перестаньте!..

— Клянусь вамъ, я никому не скажу!

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ, успокойтесь только, и забудьте, пожалуйста, все. А! вотъ и остальные идутъ; надо вамъ и съ ними познакомиться.

III.

Дѣйствительно, въ концѣ аллеи показалась довольно большая группа гуляющихъ. Впереди всѣхъ выступалъ Коневъ, подъ руку съ двумя остальными кузинами; рядомъ съ ними шелъ

еще какой-то студентъ въ сѣренькомъ пальто и большой соломенной шляпѣ. Двѣ или три молоденькія горничныя, съ корзинами и зонтиками барышень, держались нѣсколько поодаль.

— Сродственниковъ веду, M-elle Nadine: извольте пригостовляться къ представленью!— кричалъ издали Коневъ.

Господинъ въ сѣромъ пальто первый подошелъ ко мнѣ и, снимая шляпу, крѣпко пожалъ мои пальцы.

— Мое почтеніе, милая сестрица!.. сказалъ онъ пріятнымъ баритономъ; я двоюродной братъ вашъ, Александръ Аркадьичъ Волжскій... Надѣюсь, помните?

— Нѣтъ, не помню... Да мнѣ кажется, что я васъ вижу въ первый разъ.

— А мнѣ кажется, что вы сильно похорошѣли, не смотря на то даже, что ваши глазки заплаканы.. Развѣ тетка встала? загадочно спросилъ онъ Мери.

— Нѣтъ; все это надѣлала вѣтренница Варя; пустила дѣвочку совершенно одну: ей стало скучно, — вотъ она и расплакалась..

— Уважительная причина, особенно для здѣшняго мѣста, замѣтилъ онъ.

Эти слова, произнесенныя сквозь зубы, снова напомнили мнѣ конецъ разговора Конева и Мери; и я почувствовала, какъ меня обдало холоднымъ ужасомъ... Да что же это за мѣсто?.. промелькнуло въ головѣ моей. На видъ все такъ богато, красиво, и кухни одна другой лучше?.. Но размышлять было некогда... Полина и Анюта, обступивъ меня, осаждали вопросами самаго разнообразнаго свойства: «сколько у меня братьевъ? ѣздятъ-ли къ намъ гости? и, если ѣздятъ, то бываетъ-ли весело? играю-ли я на фортепьянахъ? позволяютъ-ли мнѣ гулять?» У меня даже голова закружилась отъ подобнаго вздора. Полина была нѣсколько старше Вари и Мери и нисколько не хуже первой лицомъ, съ тою лишь разницей, что Варя была блондинка, а Полина — чистѣйшая брюнетка. Одно только поражало въ ней неприятно, это какая-то удивительная вертлявость; и это тѣмъ сильнѣе шокировало глазъ каждаго, что было какой-то неграціозной смѣсью съ желаньемъ казаться полной, положительной хозяйкой въ домѣ. Другая кузина—Анюта, родная сестра Вари, была мохъ лѣтъ,

худая и блѣдная дѣвочка, «пришибленная», по выраженію Конева.

— Пора, пора, однакожь, собираться въ гостиную, господа затораторила Полина.—Мамаша скоро встанетъ.

Мери и Анюта пошли къ террасѣ, взглядомъ приглашая и меня сдѣлать тоже; но Александръ надулся.

— Погоди, Полина, куда ты спѣшишь? Дай хоть подышать немного.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. пора идти!.. точно не знаешь, что мамаша не любитъ, когда она выходитъ и не всѣ въ сборѣ...

— Доводъ прясный, Полина Александровна! ядовито отвѣчалъ Коневъ. Вы такъ блистательно умѣете поддерживать власть Настасьи Даниловны, что я первый готовъ повиноваться вамъ. Позвольте предложить вамъ руку, добавилъ онъ уже своимъ обычнымъ насмѣшливымъ тономъ.

Полина старалась показать, что она нисколько не обижена, и по этому съ самымъ безпечнымъ, разсѣяннымъ видомъ подала ему руку и пошла съ нимъ впередъ. Александръ взялъ меня подъ руку.

Я не знаю, что чувствовалъ въ это время Александръ, но думаю, что ему было не весело. Онъ шелъ молча и понуривъ голову; широкія поля его шляпы мѣшали мнѣ взглянуть на его лицо, да и глядѣлъ-то онъ какъ-то въ сторону, словно избѣгая моихъ взглядовъ.

На встрѣчу намъ съ террасы спускалась моя мать. Полина поздоровалась съ ней и сказала, указывая пальцемъ на Конева: онъ самъ вамъ отрекомендуется, та соизвѣе, если вы незнакомы.

— Студентъ черномозерскаго университета, Николай Васильичъ Коневъ-съ, проговорилъ онъ, почтительно раскланиваясь передъ ней.. Въслѣдствіе тихаго, ужививаго нрава, нахожусь уже третій мѣсяць въ жилищѣ вашей тетупшки; а за прѣмѣрное трудолюбіе и успѣхи во вѣранныхъ мнѣ работахъ даже имѣю снастье: пользоваться милостивымъ вниманіемъ ея превосходительства. Съ вашей-же доверью, продолжалъ онъ на мало не смущаясь сконфуженнымъ видомъ моей матери, имѣлъ уже удовольствіе познакомиться и снѣю васъ умѣ-

рить, что такого кипучаго организма еще не видалъ въ ихъ возрастѣ.

— Что!?. она успѣла уже нашалить!.. съ самой искренней тревогой спросила мать и даже поблѣднѣла замѣтно.

— О, нѣтъ!.. не извольте пугаться, сударыня. Нашалить ваша дочь не успѣла, а заявить себя нѣкоторымъ образомъ—да.

— Что-же она сдѣлала?

— Подружилась со мной, сударыня.

— Да вы вѣрно приласкали ее?

— Ошибаетесь, сударыня, — я не умѣю ласкать, напротивъ, я все смѣялся и бранился, чѣмъ, кажется, и заслужилъ расположеніе вашей дочери. А это признакъ, по моему, хорошій.

Между тѣмъ на террасѣ, среди померанцовыхъ и другихъ деревьевъ, собралось довольно большое общество. Кромѣ знакомыхъ уже читателю Вари съ дядей (я такъ и буду звать его дядей), не вдалекѣ отъ Мери помѣщалась стройная и красивая дама; она казалась старшей сестрой Мери; на самомъ же дѣлѣ это была ея мать—*M-me Biard*. Въ сторонѣ отъ нее помѣщались два священника, поминутно обращавшіе глаза на дверь, изъ которой должна была появиться бабушка. Мать подвела меня сперва къ священникамъ, и, когда они оба, какъ водится, благословили меня, я была представлена *M-me Biard*. Она замѣтила мнѣ самымъ чистымъ парижскимъ акцентомъ, что мнѣ стоитъ только немного поху-дѣть, и мое личико будетъ очень пикантное.

Коневъ заговорилъ съ матерью о хозяйствѣ и, на этотъ разъ, кажется серьезно. Александръ подсѣлъ къ Мери, и говорилъ ей что-то необыкновенно горячо и развязно. Мери только хмурила брови и пожимала плечами. *M-me Biard* съ большимъ вниманіемъ слѣдила за всѣми ея движеніями. Я и Аня молча оглядывали другъ друга. Голубенькіе глазки Вари все скользили по блестящему мундиру дяди; смотрѣть на него самого она не рѣшалась.

Скоро въ гостиной послышалась суета; лакеи и горничныя засновали и заматались изъ угла въ уголь; за тѣмъ на террасу вбѣжали два казачка и, распахнувъ настежь обѣ половинки дверей, вытянулись у нихъ въ струнку. Показалось руч-

ное кресло, двигавшееся сзади личною во фракъ, напоминаше мнѣ изображенія дикобразовъ. Рядомъ съ кресломъ шла Полина; въ рукахъ у нея было нѣсколько пунцовыхъ подушечекъ. Въ креслѣ сидѣло крошечное, сморщенное, до-нельзя высохшее существо; кружевный чепчикъ накрывалъ это существо сверху, и за тѣмъ ничего нельзя было больше разсмотрѣть: потому что все остальное скрывалось въ кучѣ подушекъ.

Я обратила глаза къ матери. Она, поблѣднѣвъ замѣтно, стала тихими, неслышными шагами подводить меня къ подушкамъ.

— Покажи ее!.. покажи!.. зазвучалъ какой-то хриплый шопотъ, и пара хищныхъ, мутныхъ глазъ пронизали меня насквозь.

Я подходила робко, удерживая дыханье.

— Смирная!.. смирная!.. произнесъ тотъ же голосъ, и тотчасъ же на одну изъ штофныхъ подушекъ выползло что-то въ родѣ подобія женской руки. Мать сказала громко, чтобъ я приложилась къ этой рукѣ, и сама принялась жарко цѣловать ее. У меня слезы подступали къ горлу при видѣ униженья матери, которому она подвергалась ради меня. Я попробовала поискать глазами Конева, но онъ ушелъ еще раньше внутрь дома.

— Ну, поживи, поживи у меня!.. шалить не будешь?.. проговорила бабушка по прежнему тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грозно, что я въ эту минуту забыла, шалила-ла я когда нибудь. Да ты не бойся меня, старуху: я добрая, очень добрая. Спроси вонъ у нихъ.

Никто однако не собрался съ духомъ отвѣчать.

— Что-же вы никто не ободрите ребенка? продолжала она, обводя свинцовымъ взоромъ все общество. Аль я вамъ лиходѣйка какая, въ самомъ дѣлѣ?..

— Помилуйте, ma tante, пролепетала мать, — вы такъ ее обласкали; ей и въ голову прийдти ничего не можетъ...

— То-то-же!.. а то долго-ли запугать ребенка. Ну что, хорошо-ли здѣсь у меня?.. познакомилась-ли со всѣми?..

— Со всѣми, шатап, подхватила Полина.

— Поди, садись на мѣсто!.. А ты не бойся, обратилась она къ матери. Не съѣдятъ; все свои, родные...

— Что вы, ma tante!.. да я и не думаю.

Одному Богу извѣстно, сколько бы еще времени длилась эта мучительная сцена; но вошелъ Петръ Емельянычъ и громоко проиизнесъ.

— Кушать подано, ваше превосходительство!

Все засуетилось, задвигалось; всѣ точно ожили. Дядя и Александръ покатали кресло бабушки. Коневъ вошелъ и подалъ руку матери; Мери взяла мою; M-me Biard поднялась и пошла съ Варей и Анютой. Священнослужители замыкали шествіе. Когда стали усаживаться, бабушка замѣтила священниковъ и попросила ихъ подойти и благословить ее. Тѣ съ немалой долей почтительности исполнили требуемое. Коневъ сѣлъ рядомъ съ матерью; я подлѣ него съ Мери.

— Что ваши работы?.. спросила его бабушка.

— Я хочу пріостановить ихъ на время, спокойно отвѣчалъ Коневъ, глотая ложку супа.

— Отчего?

— Отъ того, что во-первыхъ жара смертная, и я не могу работать въ такое время, а во-вторыхъ управляющій затрудняется людьми; «хлѣбъ, говорить, высыпется,—руки нужны».

— Вы говорили съ нимъ?

— Говорилъ, а сегодня и опять поговорю.

— Что же вы на это время въ городъ поѣдете?.. съ многозначительной усмѣшкой вмѣшался мой иззящный дядюшка.

— Поѣду, если останется время отъ кабинетной работы. «Много, модъ, взять?» говорили его сѣрые глаза, смотря ему прямо въ лицо.

За десертомъ Петръ Емельянычъ подалъ мнѣ, отъ имени бабушки, маленькій, серебряный подносикъ съ «фруктами»: всѣ образились ко мнѣ, какъ-бы поздравляя съ такой неожиданной милостью. Въ эту минуту я была готова сквозь землю провалиться: надо было вставать и идти благодарить, чего мнѣ смертельно не хотѣлось; я и слышалась, и робѣла. Коневъ замѣтилъ это.

— Вы вѣрно хотите пройти, поблагодарить бабушку, поз-

вольте, я отодвину вамъ стулъ, сказалъ онъ, и обычная улыбка заиграла на его губахъ.

— Благодарю по французски, шепнула Мери...

— *Toute indigne de vos graces...* начала было я, но вдругъ остановилась и покраснѣла; мнѣ стало стыдно своего униженія... *Merci pour les beaux fruits*, достаточно бойко закончила я.

Но бабушка соблаговолила почему-то услышать только первые слова. Оставшись ими очень довольна, она тутъ же приказала Полинѣ выйдти изъ-за стола и принести ей шкатулку. За тѣмъ она достала оттуда два золотыхъ и подала ихъ мнѣ.

— На!.. возьми!.. и помни, что бабушка умѣетъ награждать покорныхъ дѣвочекъ.

О, какъ хотѣлось мнѣ въ эту минуту не брать этихъ двухъ золотыхъ, а бросить ихъ обратно въ сухую, сморщенную фигуру бабушки; но на меня во всѣ глаза смотрѣла мать; она видѣла, что происходитъ во мнѣ, и умоляющій взглядъ пощадить ее взялъ свое... Я взяла деньги, даже принудила себя еще разъ приложиться къ рукѣ бабушки, и за тѣмъ уже отправилась къ своему мѣсту; Коневъ подарилъ меня очень, очень серьезнымъ взглядомъ; Мери же, отыскавъ подъ столомъ мою руку, крѣпко пожала ее. Всѣ остальные физиономіи выражали какую-то пошлую приторность.

Обѣдъ кончился. Бабушка, сверхъ всякаго ожиданія, встала довольно бодро и, подойдя къ двери балкона, съ котораго видѣлась церковь и какая-то итальянская часовня, положила три поклона.

Я только-что хотѣла спросить Мери, что это значитъ, намъ надъ моимъ ухомъ раздался шопотъ Конева:

— Ея превосходительство благодаритъ за обѣдъ вашего дѣдушку.

— Какого дѣдушку?

— Да что гнѣтъ въ этой часовнѣ-то. Полюбуйтесь съ какимъ благоговѣніемъ смотреть на нее ваша матушка; умная женщина генеральша: людей умѣетъ морочить.

Я побоялась продолжать разговоръ съ нимъ, замѣтивъ, что на меня смотритъ матушка.

Чась спустя, у подъезда заржали лошади. Мать прошла мимо меня попрощаться съ бабушкой. Черезъ нѣсколько минутъ она подошла ко мнѣ, и за тѣмъ началась одна изъ тѣхъ сценъ, которыя на долго врѣзываются въ память. Въ короткихъ словахъ мать поручала меня Александру и Мери... За тѣмъ она протянула руку Коневу, желая этимъ, вѣроятно, и его просить быть моимъ защитникомъ при случаѣ.

— Она такая горячая, нервная! говорила мать всѣмъ имъ троимъ. Не давайте, ради Бога, ей сходиться съ Полиной: они непременно будутъ ссориться.

— Не дадимъ, будьте покойны.

— А главное, чтобъ она рѣже попадалась на глаза тетушкѣ. А то она такая горячая, — не выдержитъ, надѣлаетъ глупостей... я ужъ ее характеръ знаю.

Александръ и Мери въ одинъ голосъ поспѣшили успокоить разстроенную мать, обѣщавъ не допустить и до этого.

Наконецъ, она обняла меня въ послѣдній разъ и передала Мери. Коневъ, вѣроятно, для того, чтобы избавиться отъ продолженія тяжелой сцены, взялъ руку матери и почти насильно вывелъ ее изъ сада. Я плакала. Въ эту минуту мнѣ стало вдругъ ужасно жаль всего, что оставалось тамъ, за мной, дома; стало жаль и братьевъ, и мою бѣдную мать... Мысль, что я остаюсь въ домѣ бабушки, которую я уже ненавидѣла отъ всей души, не давала мнѣ покоя. Долго бы еще, вѣроятно, проплакала я, если бы меня не стала уговаривать Мери. Взглянувъ на ея, въ высшей степени симпатичное, лицо, я бросилась къ ней на шею и въ тепло, любящемъ поцѣлуѣ забылась совершенно.

Вечеромъ, за чайнымъ столомъ, бабушка обратилась къ Мери:

— Мери! Nadine будетъ жить съ тобой; болѣе ей негдѣ помѣститься. Варя съ Анютой, а Полина не захочетъ, да у ней и мѣста не найдется.

— Что жъ такое? Я очень рада, весело прервала ее Мери.

— До того, что ты рада или не рада—мнѣ дѣла никакого нѣтъ. Ребенка надо же куда нибудь дѣвать: одного бросать нельзя.

— Да я вѣдь ничего не говорю; мнѣ очень пріятно остаться и заниматься будетъ ловчѣе...

Тотчасъ-же послѣ того, всѣ окна и двери были заперты, и бабушка, благословивъ всѣхъ поочередно, отправилась въ свою спальню. Всѣ стали молча расходиться. Никто изъ кухни не смѣлъ уже выходить на воздухъ, хотя всего былъ десятый часъ... И такъ, лучшая часть лѣтняго дня, пропала для нихъ даромъ.

Коневъ подошелъ пожать мнѣ руку.

— Смотри же, я жду!.. тихо сказалъ онъ Мери, почти-тельно раскланиваясь съ ней.

— Непремѣнно, какъ только улягутся, отвѣчала та, дѣлая церемонный реверансъ.

Черезъ минуту мы были уже въ своей комнатѣ. Мнѣ была приготовлена небольшая, хорошенькая кроватка съ тончайшимъ бѣльемъ; возлѣ нея стоялъ небольшой орѣховый комодъ и на немъ маленькая серебряная кружка съ водой. Все дышало полнѣйшимъ комфортомъ. Комнатъ у насъ было двѣ. Моя постель стояла въ одной; Мери расположилась въ другой. Но въ этотъ первый вечеръ она взяла меня къ себѣ и долго, долго проговорила со мной. Говорила она о бабушкѣ, о Варѣ и дядѣ; сказала, что Варя до безумія любитъ дядю и боится его, а онъ хочетъ жениться на ней. Потомъ стала говорить о Полинь, и жалѣла, что ее испортила бабушка. Наконецъ передала мнѣ, что знала о себѣ, о своихъ отношеніяхъ къ матери и заключила все это тѣмъ, что она рада мнѣ, искренно полюбила меня, будетъ много и съ удовольствіемъ заниматься со мной.

Въ домѣ, между тѣмъ, почти совершенно затихло: всѣ улеглись. Я тоже отправилась на свою кроватку, но заснуть не могла. Впечатлѣнія этого дня были такъ разнообразны, что я долго не могла привести свои мысли въ порядокъ. Одно становилось для меня достаточно ясно: подъ кровлей дома, гдѣ жила я, находилось два міра: старый, уже заживо разлагавшійся, и молодой, только что загоравшійся свѣжимъ румянцемъ первыхъ дней молодости.

Мысли мои были прерваны Мери; она стояла предо мной.

На головѣ ея былъ большой, бѣлый платокъ; на плечи наки- нута мантилья...

— Надя, ты спишь?

— Нѣтъ, Мери... Ты... ты... куда идешь?

— Какъ куда! Развѣ ты забыла, или не слыжала, — я обѣ- щала придти къ Колѣ — и иду...

Я молчала.

— Ты, кажется, удивляешься, Надя, что я не ушла тай- комъ... Но отъ кого же скрываться-то мнѣ? отъ тебя, что ли?.. но вѣдь ты уже знаешь все, да если бы не знала, такъ я не стала бы прятаться отъ тебя. Я бы и отъ нихъ не скры- валась, да они не стоятъ этого! докончила она и проворно вышла изъ комнаты.

Я упала на постель и зарылась въ подушки. Я уже отъ всей души любила Мери и почему-то сильно боялась за нее.

Часа черезъ два Мери вернулась. Она прошла мимо, даже не взглянувъ въ мою сторону. Видно было, что ей не до меня въ эту минуту. Я слышала, какъ она, не раздѣваясь, бро- силась въ постель и, должно быть, сейчасъ же заснула...

Луна, освѣщавшая мою комнату въ началѣ ночи, давно исчезла.

Красавица зорька въ небѣ загоралась!

IV.

Коневъ и Александръ были камералисты; Александръ го- товился быть помѣщикомъ, Коневъ его управляющимъ. Случилось же это такимъ образомъ:

Отецъ Александра, а имѣ дядюшка, Аркадій Александровичъ Волжскій, былъ первымъ богачемъ въ своей губернии и жалъ, какъ маленький царекъ на собственныхъ заводахъ, въ десяти верстахъ отъ губернскаго города П — и. Заводы же у него были всякіе: и чугунные, и желѣзные, и конные, и винокуренные; даже ему почему-то захотѣлось имѣть шоко-

ладные, и онъ завѣлъ; заводъ, говорятъ, вышелеъ отличный, лишь одна бѣда оказавшея — некуда было сбывать производство. Нашлись нѣкоторые добродушные люди, изъ записныхъ поклонниковъ дѣдушкинаго ума, которые предлагали ему по-пробовать пустить свой товаръ на юго-востокъ казакамъ, и на югъ — башкирамъ и калмыкамъ; но всякому просвѣщенному читателю, вѣроятно, не безызвѣстно, что эти народы до такой степени цивилизаціи еще не досрели и, не смотря на осязательную близость дѣдушкиной фабрикаціи, продолжаютъ еще до сихъ поръ упиваться одни — кирпичнымъ чаемъ, другіе — кумысомъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ заводовъ и фабрикъ, Аркадій Александровичъ Волжскій владѣлъ громаднѣйшимъ наслѣдіемъ своихъ славныхъ предковъ, а именно: двумя богатѣйшими имѣніями по Волгѣ, необозримыми поемными лугами по той же рѣкѣ и наконецъ значительными рыбными тонями въ Каспійскомъ морѣ. Резиденція его — чугуно-плавильный заводъ — могла пристыдить любой изъ нашихъ промышленныхъ уѣздныхъ городовъ. И дѣйствительно, чего только не было въ прелестной резиденціи моего дѣдушки. Благотворительныхъ заведеній — Тьма; увеселительныхъ учрежденій — бездна; а различныхъ торговъ, промысловъ — и говорить нечего. Къ благотворительнымъ заведеніямъ Аркадій Александровичъ причислялъ во-первыхъ частную гимназію, устроенную на собственный счетъ; во-вторыхъ больницы: мужскую и женскую, и въ-третьихъ полуразваливающую избу, на которой была прибита черная доска съ надписью: «домъ трудолюбія». Въ эту избу обрано было все старое, беззубое, изувѣченное человечество изъ дѣдушкиной дворни; обязанность находившихся въ «домѣ трудолюбія» сегогодня въ вязаньи чулковъ и носковъ, также въ шлепкахъ естой и тенетъ для его охоты. Къ увеселительнымъ заведеніямъ онъ причислялъ: 1) царню; 2) собственный домашній театръ съ нѣкимъ подобіемъ музыкальной консерваторіи. Къ промысламъ его должно непремѣнно причислить и рисовальную школу, угрозинную дѣдушкой по общанію, послѣ какой-то тяжелой болѣзни. Поэтому-то въ новоосозданной школѣ, мѣстные таланты уравнивались преимущественно въ живописи духовно-пазидательнаго жанра. Правда,

что побывавшій въ ней разъ, проѣздомъ, какой-то протопъ ужаснулся твореніямъ доморошонныхъ художниковъ, но, пообѣдавъ какъ никогда, соблаговолѣлъ разсудить весьма основательно, что здѣсь не Италія, — лучшихъ мастеровъ и взять не откуда, такъ и не сталъ перечить благочестивому «болярину Аркадію». Но самой капитальной рѣдкостью дѣдушкиной резиденціи была безспорно, основанная имъ, собственная дворовая гимназія. Эта замѣчательная гимназія положительно изумляла баснословнымъ обиліемъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ. Изъ нея выпускались юноши съ самыми разношерстными познаніями, а именно: домашніе доктора, конюхи, садовники, столяры, кузнецы, шорники и наконецъ небольшого роста казачки, предназначавшіеся постоянно торчать на глазахъ самого барина, обыкновенно самые красивенькіе мальчики. Однихъ только поваровъ и не доставляла мѣстная гимназія; и это потому только, что дѣдушка, будучи рѣдкимъ гастрономомъ, проѣвшимъ половину своего имѣнія (онъ проѣлъ бы и остальную, да сыновья подросли), былъ истый геній по этой части, и поэтому никакъ не рѣшался доверять крѣпостнымъ своимъ педагогамъ образованіе индивидуумовъ, столь близкихъ его желудку: всѣ его повара обучались чуть ли не за границею.

Въ этой-то дворовой гимназіи и получилъ первоначальное образованіе Николай Васильичъ Коневъ. Какъ онъ попалъ туда — я расскажу сейчасъ.

Давно еще, въ лѣта своей юности, Аркадій Александровичъ, кончивъ блистательно курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, былъ назначенъ въ одну изъ близъ лежащихъ къ Оренбургу станицъ на важное и запутанное слѣдствіе противъ какого-то казака-раскольника. Какъ онъ производилъ это слѣдствіе и чѣмъ оно кончилось — никто не знаетъ. За то достоверно знаютъ и отлично помнятъ, что воротился онъ съ него не одинъ. Въ его коляскѣ, рядомъ съ нимъ, прибылъ высокій, необыкновенно гибкій, стройный молодой казачекъ, который, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ имѣнье, былъ сданъ на руки старухъ-нянѣкъ. Самъ-же Аркадій Александровичъ продолжалъ свой путь въ Петербургъ, слеталъ туда и обратно въ двѣ съ половиной недѣли и, вымоливъ

тамъ у отца позволенье выйдти въ отставку, возвратился въ свое имѣнiе. Прямо изъ коляски, онъ бросился въ комнату молодаго казака; но не былъ имъ впущенъ... Въ двѣ съ половиной недѣли этотъ загадочный юноша успѣлъ околдовать рѣшительно самыя смѣлыя умы, распустивъ длинную русую косу и перемѣнивъ голубой казацкiй чепанъ на черное женское платье...

Нѣсколько мѣсяцевъ возился дядюшка съ своей безпокойной плѣнницей, то преданной и любящей его до безконечности, то суровой и грозной до неистовства. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что она мало по малу сохнетъ отъ тоски по родицѣ, что ничто не можетъ развеселить и успокоить ее. Потерявъ всякое терпѣнiе, измученный долгимъ ухаживаньемъ, онъ свезъ, наконецъ, ее въ городъ П—ь, и беременную, обезумѣвшую отъ душевныхъ терзанiй сдалъ на руки какому-то мѣщанину Коневу, умоляя его беречь ее и лелѣять.

Мѣщанинъ, получивши нѣсколько сотъ рублей, конечно, сберегъ ее по своему... Она умерла черезъ два мѣсяца, оставивъ только что рожденнаго сына... Коневъ донесъ обо всемъ моему дядюшкѣ. Тотъ очень опечалился, но счумѣлъ для сына сдѣлать только то, что заставилъ, за порядочную сумму, сговорчиваго мѣщанина назвать ребенка своимъ. Самъ-же Аркадiй Александровичъ сталъ считаться по бумагамъ восприемникомъ малютки.

На нѣсколько лѣтъ дѣло было улажено. Занятый безпрестаннымъ потрафеньемъ на свою капризную, рѣдкѣ властолюбивую, супругу, онъ не успѣвалъ заботиться о своемъ родномъ дѣтищѣ и считалъ лишь только непремѣннымъ долгомъ снабжать деньгами мѣщанина Конева, къ несказанному его удовольствию.

Ребенокъ, названный при крещенiи Николаемъ, между тѣмъ все росъ, да росъ, какъ растутъ вообще наши мѣщанскiя дѣти. Съ утра до ночи находился онъ на улицѣ, съ наслажденiемъ купался въ лужахъ, грязя игралъ, въ бабки, дразнилъ языкомъ проходившихъ бѣдныхъ чиновниковъ и до нельзя любилъ вспрыгивать на запятки. Когда же Николашкѣ (какъ называлъ его нарѣченный родитель) исполнилось десять лѣтъ, онъ, провѣдавъ гдѣ-то, что

имѣть такого сильнаго покровителя, твердо рѣшился не терпѣть болѣе колотушекъ отца. Въ первый же разъ, когда ничего не подозрѣвавшій папенька вздумалъ оттаскать его за волосы за какой-то, разбитый имъ, полуштофъ водки, взбѣшеннѣйшій мальчикъ схватилъ сапожную колодку и такъ огрѣвъ ею своего приставнаго родителя, что тотъ только по прошествіи трехъ часовъ могъ придти въ себя. А прійдя въ себя, онъ въ ту же минуту побѣжалъ на базаръ, безъ всякой рады нанялъ тамъ, стоявшаго со старымъ чугуномъ, дядюшкинаго мужика, подвѣхалъ на подводѣ къ своему дому, связалъ съ помощью мужика ребенка и именно въ такомъ видѣ торжественно представилъ его дядюшкѣ.

Тотъ затрясся отъ страха и волненія... Заплативъ громадную сумму побитому мѣщанину, онъ умолялъ его только не дѣлать шуму и поскорѣй убираться изъ его дома, чтобы не узнала этого барыня. Маленькаго же бойца положено было опредѣлять на правахъ барскаго крестника въ мѣстную дворовую гимназію.

Ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Онъ хорошо зналъ русскій языкъ и почитывая кой-какія книги, находившіяся въ незавидной библіотекѣ его батюшки, успѣлъ пріохотить себя къ горькому плоду ученія. И вотъ, онъ крѣпко задумалъ, какъ бы достать побольше такихъ книгъ. Съ этой цѣлью, онъ сталъ пилить своего глуповатаго, мало сообразительнаго родителя, пилилъ и днемъ, и ночью, и наконецъ настоялъ таки на своемъ...

Аркадій Александровичъ рѣшился наконецъ отдать его вмѣстѣ съ законнымъ сыномъ своимъ Сашей въ П-скую гимназію и помѣстилъ ихъ у кого-то на квартирѣ... Бѣдвенскій Саша заболѣлъ въ первый же годъ своего пребыванія въ гимназій, и поэтому долженъ былъ остаться на второй годъ въ первомъ классѣ. Коневъ перегналъ его; учился онъ отлично; все не могли нахвалиться имъ... Только за одно не взлюбило его начальство, это за его бойкій, насмѣшливый языкъ. Онъ смѣялся рѣшительно надъ всѣми и, не имѣя онъ такого защитника, его бы непременно выключили, въ видахъ сохраненія благонравія между его товарищами. Дома онъ продолжалъ властвовать по прежнему. Такъ прошло

семь лѣтъ, изъ мальчика Николаши образовался сильный, смѣлый, уже достаточно развившійся, юноша.

Окончивъ курсъ въ гимназіи, Коневъ объявилъ Аркадію Александровичу, что хочетъ поступить въ университетъ: тотъ согласился, сказавъ ему при прощаньи, что онъ ввѣритъ ему управленіе всѣми своими имѣніями, если только онъ хорошо окончитъ курсъ. Пріѣхавъ въ Черноозерскъ, Коневъ поступилъ на камеральное отдѣленіе. Хорошо понимая, что всѣ заводы дѣдушки ни больше, ни меньше, какъ барская прихоть, онъ преимущественно ударилъ на агрономію. Натура кстати была у него подходящая къ сельскому дѣлу: онъ любилъ деревню, любилъ ея просторъ, свѣжесть, а главное независимое положеніе въ ней. Ну и еще была причина, по которой Коневъ готовъ былъ съ большой охотой взять на себя хозяйство. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ освобожденія крестьянъ и хотѣлъ устроить хозяйство уже на новыхъ началахъ.

Черезъ годъ послѣ поступленія въ университетъ, Коневъ нашелъ кой-какія средства къ существованію, а найдя ихъ, тотчасъ же отказался отъ какихъ бы то ни было вспоможеній со стороны родителя: ему хотѣлось забыть, что онъ сынъ Волжскаго. Около этого же времени въ аудиторіяхъ началъ появляться и Александръ, отпущенный отцемъ послѣ долгихъ колебаній и слезъ. Онъ скоро сблизился съ Коневымъ, а сблизившись сталъ чуть-чуть не боготворить его. Первымъ же своимъ долгомъ онъ счелъ рассказать о немъ бабушкѣ, и, подъ сурдиной, повѣрить ей тайну рожденія Конева; за тѣмъ вызвался представить его; бабушка согласилась,—Коневъ былъ тоже не прочь отъ этого...

Настасья Даниловна приняла некрасиваго студента довольно ласково и пригласила его приходить къ ней обѣдать по воскресеньямъ. А чтобъ положеніе его не было щекотливо, дала ему работу въ видѣ осушки какого-то давно заброшеннаго болота.

Работа была велика и трудна, но въ то же время выгодна. Коневъ согласился, выговорилъ себѣ кромѣ значительной платы, еще и постоянную квартиру въ домѣ бабушки.

Такимъ образомъ вошелъ онъ въ наше семейство, на правахъ совершенно посторонняго человѣка. Объ этомъ онъ

старался особенно сильно; въ особенности это замѣчалось въ его обращеніи съ Александромъ, съ которымъ онъ уже вскорѣ былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ. Главной причиной ихъ разрыва была Мери.

V.

Я водворилась у Мери. Веселая и счастливая, она помогала мнѣ устроиваться. Нечего и говорить, что я полюбила Мери съ перваго же дня. Да и какъ было не полюбить такую живую, безконечно любящую натуру...

И какимъ образомъ этотъ рѣдкій цвѣтокъ могъ такъ роскошно распуститься въ гнилой и смрадной атмосферѣ бабушкинаго дома? М-me Viard не слишкомъ любила дочь свою, и обращалась съ нею до того небрежно, что Мери приходилось даже самой заботиться о своемъ образованьи. Мать учила ее вмѣстѣ съ другими, т. е. ей позволялось сидѣть въ классной и слушать, что объясняла она Полинѣ, Вѣрѣ и Анютѣ; она могла учиться и нѣтъ: М-me Viard было мало дѣла до этого. Естественно, что при этомъ для Мери терялось очень многое; она не могла попросить объясненія того, чего не понимала. Вслѣдствіе этого, Мери грозила опасность лишиться и послѣднихъ крохъ образованія: она поняла это, невольно ужаснулась и дала себѣ слово, во что бы то ни стало, добиться не только того, въ чемъ отказывала ей мать, но и гораздо большаго.

Полину и другихъ сестеръ ходилъ учить старый сельскій священникъ; Мери поймала его разъ въ темномъ корридорѣ и, бросившись цѣловать его костлявыя руки, умоляла его, ради Бога, заняться и съ ней... Старикъ съ умиленьемъ благословилъ ее и въ полгода выучилъ русской грамотѣ и ариметикѣ. Теперь Мери была богата: она знала четыре языка; нужно было подумать, какъ бы употребить это богатство въ дѣло.

Александръ иногда приходилъ въ бібліотеку бабушки, биб-

біотеку довольно богатую, и взявъ изъ нее все, что было ему нужно, уходя съ снова, унося съ собою ключъ. Мери, за подѣлуей своей ручки, купила у него этотъ ключъ и, тайкомъ отъ всѣхъ, въ два года прочла чуть-ли не всю бібліотеку. Кромѣ бездны иностранныхъ сочиненій, и классическихъ, и не классическихъ, ученыхъ и пустыхъ,—бібліотека заключала въ себѣ почти всю русскую литературу; начиная съ Сумарокова и Хераскова и кончая Пушкинымъ и Гоголемъ. Когда же она услышала Некрасова, котораго прекрасно читалъ Коневъ, она сильно задумалась и съ этой минуты только что не почевала въ бібліотекѣ, куда Коневъ сталъ приносить ей груды русскихъ журналовъ и книгъ научнаго содержания.

M-me Biard сначала не обращала на это вниманія и только сатирически улыбалась при видѣ усиленныхъ занятій дочери, но потомъ, замѣтивъ ея дружбу къ Коневу, рѣшилась виѣшаться.

— Чего вы надѣетесь достигъ вашими книгами? спросила она однажды у Мери.

— Того, чего вы не могли достигъ безъ нихъ, — не задумываясь, отвѣчала та.

— Чего же это не достаетъ мнѣ, по вашему?.. Позвольте узнать?..

— Извините меня, маман!.. мнѣ некогда... Я занимаюсь.

— Вы забываетесь, Мери... Я ваша мать и должна, я думаю, спросить, къ чему вы себя готовите?..

Молчаніе.

— Mademoiselle!.. c'est le vous, que je m'adresse...

— Маман!.. вѣдь для васъ все равно къ чему-бы я себя не готовила, такъ изъ чего-же вы себя беспокоите?

— Если вы не перестанете говорить мнѣ дерзости, такъ M-me Бѣлугина завтра-же прикажетъ вамъ выбратъя отсюда и запретъ бібліотеку.

— Вы говорите это серьезно, маман?

— Да!.. когда же я говорю съ вами иначе?

— Извините меня: я буду почтительнѣе, произнесла Мери, но головы все-таки не подвняла.

— Я знаю, кто вселяетъ въ васъ эти идеи,—все этотъ Коневъ, который просиживаетъ съ вами здѣсь цѣлые дни и ко-

тому вы вѣрите, какъ богу... А того и не видите, и не замѣчаете, что онъ имѣетъ на васъ весьма нечестные виды...

— Мaman!.. я бы отвѣчала вамъ иначе, но я дала слово быть почтительной и потому позвольте мнѣ удалиться, проговорила Мери, по видимому, совершенно спокойно, но съ страшной бурей въ душѣ.

— On dirai que vous etes une gaine!.. прошипѣла ей вслѣдъ М-me Biard, помимо воли любуясь величественныиъ уходомъ молодой дѣвушки. Въ эти минуты она и ненавидѣла ее, и вмѣстѣ завидовала ей.

Итакъ, Мери начала сильно заниматься; Коневъ едва успѣвалъ приносить ей книги. Съ нѣкотораго времени она пристрастилась къ естествознанію и физиологія не выходила у нее изъ рукъ. Занятія эти конечно удивляли весь домъ. Сама генеральша Бѣлугина никакъ не могла понять, какъ это можно дѣвушкѣ заниматься естественными науками и видѣла въ этомъ рѣшительный развратъ молодежи. Узнавъ, чему учить физиологія, генеральша пришла въ ужасъ и строго запретила говорить въ своемъ присутствіи *объ естественности*, какъ она выражалась, но, помимо ея, дѣло шло своимъ порядкомъ, и Мери украдкой продолжала работать надъ своимъ образованіемъ. Вліяніе Конева въ этомъ отношеніи было такъ велико, что Мери успѣла незамѣтно сблизиться и полюбить своего наставника.

Между тѣмъ, я повемногу приглядѣлась къ своей новой жизни.

Хотя дома я и была знакома съ тѣмъ, что называется рабствомъ, но то, что я увидала здѣсь, превышало всѣ мои понятія о немъ. Вся дворня бабушки, за исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ, взысканныхъ милостями Настасьи Даниловны, глядѣла до-вельзя сумрачно и угрюмо; большая часть прислуги ходила на цыпочкахъ, едва позволяя себѣ дышать, и нерѣдко въ темныхъ корридорахъ слышались глухія, сдержанныя рыданья... Улыбки появлялись только во время бабушкинаго сна, вмѣстѣ съ которой засыпали и всѣ, пользовавшіеся ея милостями. Это бывало, какъ уже и знаетъ читатель, передъ обѣдомъ... Въ это время домъ начиналъ оживать, лица свѣтлѣли, затѣвались игры, порой даже слышалась пѣсня, только

пѣсня какая-то сдвѣнная... Только исключительно во время бабушкина сна каждый приходилъ въ себя, смотрѣлъ человѣкомъ...

VI.

Было воскресенье.

Какъ и всегда, бабушка, въ сопровожденіи всѣхъ домочадцевъ, отправилась къ обѣднѣ. Мери, отговариваясь нездоровьемъ, выпросилась остаться дома. Ей, какъ женщинѣ не православнаго вѣроисповѣданія (она была католичка), по временамъ дозволялись такія вольности. М-ше Biard должна была всегда находиться въ церкви при трехъ своихъ питомкахъ. Обо мнѣ какимъ-то чудомъ забыли и, къ несказанному моему восторгу, я осталась дома. Мери еще наканунѣ уговаривалась съ Коневымъ провести это утро вмѣстѣ, въ ея комнатѣ.

День былъ чудный; солнце такъ и заливало всю комнату Мери. Она велѣла спустить маркизы и начала, въ ожиданіи Конева, ходить по комнатѣ.

Лишь только коляска бабушки отъѣхала отъ крыльца, явился Коневъ, сіяющій, радостный. Мери выбѣжала къ нему на встрѣчу въ мою комнату и, не говоря ни слова, бросилась ему на шею. Онъ приподнялъ ее и внесъ въ ту комнату, въ которой сидѣла я.

Поздоровавшись со мной тоже необыкновенно весело, Коневъ объявилъ Мери, что она сегодня такъ прелестна, что онъ боятся ее съѣсть и за тѣмъ, усадивъ ее на диванъ, самъ сѣлъ съ ней рядомъ.

— Ну, скажи же мнѣ, что ты хотѣлъ спросить у меня вчера? спросила Мери скороговоркой.

— Ну, этого дѣла не объяснишь скоро... Послѣ кофе—извѣдъ, а теперь нѣтъ.

— Отчего?

— Да хоть отъ того, что мой вопросъ можетъ легко тебѣ не понравиться.

— Вотъ еще что вздумалъ... Да какъ же ты смѣешь говорить мнѣ такія вещи, которыя будутъ мнѣ неприятны?

— Дай кофе напитокъ, душа моя... А тамъ увидимъ...

— Ну, началъ вывертываться... Такъ оставайся же, когда такъ. Я сама пойду за кофе и, вырвавшись изъ рукъ Конева, Мери убѣжала.

Коневъ вскочилъ съ дивана и зашагалъ по комнатѣ.

— Надя! скажите мнѣ, какъ по вашему: стою я Мери или нѣтъ?.. Вы всегда говорите правду,—неожиданно спросилъ онъ меня.

Я была поставлена въ довольно затруднительное положеніе.

— Стойте, потому что лучше васъ здѣсь нѣтъ никого, проговорила я, не глядя въ его сторону.

— Это въ родѣ того, что на безрыбьи и ракъ рыба?... Такъ, что ли, Надя?.. спросилъ онъ засмѣявшись, какъ-то особенно зло, и замолчалъ.

Вошла Мери и сейчасъ же замѣтила по лицу Конева, что былъ какой-то неприятный для него разговоръ.

— Что съ тобой? вскричала она тревожно.

— Давайте пить кофе, а то скоро они вернутся, и мы опять не успѣемъ поговорить, сказалъ Коневъ, закуривая сигару.

— Скоро-ли мы заживемъ съ тобой, Коля, такъ, какъ сегодня?.. Каждый день сходитья; все бы у насъ вмѣстѣ было... говорила Мери нѣсколько грустнымъ тономъ.

Коневъ прояснился.

— Какъ получу мѣсто; черезъ годъ—много полтора.

— А старикъ, вѣдь, еще не знаетъ, что ты намѣренъ поселиться у него не одинъ.

— Нѣтъ, я писалъ ему на дняхъ, онъ согласится.. помещенья развѣ у него нѣтъ?.. такой дворецъ отведетъ — престель.

— Ну, а Александръ?

— Что жъ Александръ?.. Будетъ дѣтей нашихъ крестить: вотъ его роль.

Мери расхохоталась.

— Такъ ты рѣшительно не признаешь его привязанности ко мнѣ? весело спросила она.

— А неужто — да?.. Онъ рюмить передъ каждой женщиной.

— Ну, о чемъ же ты хотѣлъ говорить со мной?

— А вотъ о чемъ... Съ нѣкотораго времени тебя стали окружать какіе-то оборванные ребятишки... Скажи, пожалуйста, о чемъ ты съ ними бесѣдуешь?

— А тебѣ что за дѣло?

— Никакого дѣла нѣтъ; просто такъ себѣ любопытствую.

— Я учу ихъ читать. . Нада мнѣ помогаетъ...

Коневъ разразился самымъ неудержимымъ хохотомъ. Мери разсердилась.

— Чему ты смѣешься?.. Терпѣть не могу, когда ты глумишься надъ вещами, которымъ самъ сочувствуешь и въ пользѣ которыхъ убѣжденъ.

— Славная ты женщина, Мери, а все-таки тебѣ ничего не сдѣлать!.. Голодныхъ дѣтей многому не научишь.. Да еслибъ и научила, то къ чему послужитъ грамотность нищему, у котораго вся мозговая дѣятельность уходитъ на заботы о насущномъ кускѣ хлѣба, у котораго нѣтъ ни книгъ, ни возможности заняться ими. Ну выучится онъ счету, а считать-то что будетъ? При счастливыхъ обстоятельствахъ онъ до извѣстной степени можетъ даже развиться, но что онъ будетъ дѣлать съ своимъ развитіемъ? Вѣдь ходу-то ему не дадутъ и, не смотря на умственное развитіе, заставятъ его тянуть прежнюю, глупую лямку. Счастливіе ли будетъ онъ тогда?

— Удивляюсь я тебѣ, Коля!.. горячо перебила она: ты самъ изъ числа тѣхъ людей, которые обязаны всѣмъ образованію. И что было бы, еслибъ, каждый сталъ разсуждать по твоему? Вѣдь пришлось бы всѣмъ опустить руки и смотрѣть тупыми глазами на общее невѣжество. Я увѣрена, что найдутся и такіе молодые люди, которые будутъ очень рады, подъ этимъ предлогомъ, ничего не дѣлать для своего

образованія: «мы, дескать, голодны, намъ не до книгъ!» и предадутся бездѣльничавью.

— Да, найдутся, и я знаю такихъ, но это нисколько не опровергаетъ справедливости моего мнѣнія. Мало ли самыхъ полезнѣйшихъ истинъ, изъ которыхъ люди сдѣлали для себя ужаснѣйшее зло. Филантропія, напримѣръ, во всякомъ частномъ случаѣ, какъ временная мѣра облегченія бѣдняка, — хорошее дѣло, а если приложить ее къ цѣлому обществу, какъ постоянный принципъ, она никуда не годится. Пока чело-вѣкъ не найдетъ въ самомъ себѣ столько силъ и средствъ, чтобъ общественный порядокъ давалъ ему возможность, независимо ни отъ кого, быть сытымъ и одѣтымъ, до тѣхъ поръ вся ваша благотворительность есть не болѣе, какъ пріятное препровожденіе времени. Я не говорю объ отдѣльныхъ случаяхъ: ты можешь выучить двухъ, трехъ мальчиковъ грамотѣ, можешь образовать изъ нихъ даже замѣчательныхъ музыкантовъ или живописцевъ, но это будутъ все-таки отдѣльные случаи, на которыхъ не строятся общественныя реформы.

— Но почему же, Коля, между богатыми людьми, между нашими купцами и барамы такъ мало людей образованных? Кажется, матеріальное обезпеченіе даетъ имъ полную возможность учиться и развиваться. А много ли между ними развитыхъ людей?

— Ты берешь другую крайность. Эти, по видимому, богатые люди, въ сущности такіе же нищіе, какъ и мужики, съ тѣмъ только различіемъ, что одѣты въ блестящія лохмотья. Только трудъ даетъ право на богатство, которое не есть нищенски-роскошная обстановка; а увѣренность въ спокойномъ довольствѣ и досугъ для умственного усовершенствованія чело-вѣка. Такихъ богачей у насъ немного....

Мери хотѣла возражать, но Коневъ заговорилъ опять.

— Когда придетъ время, они сами будутъ просить грамоты.

— Жаль же мнѣ крестьянъ Волжскаго, которыми ты скоро управлять будешь: значить ты тамъ такъ и не устроишь школы?

— И не устрою.

— А когда крестьяне будутъ просить?

— А!.. это дѣло другое!.. Когда я улучшу ихъ быть на столько, что они сознаютъ необходимость грамоты, т. е. дальнѣйшаго улучшенія, тогда я съ радостью исполню ихъ просьбу.

— А до тѣхъ поръ?

— Стану платить имъ честно и добросовѣстно за труды, вотъ и все.

Мери замолчала.

Всѣ мы такъ задумались, что и не замѣтили, какъ наши вернулись отъ обѣдни и очнулись только тогда, когда къ намъ въ комнату влетѣла Полина.

— Вотъ она!.. вотъ она, наша горячка-королева!—завизжала Полина — принимаетъ у себя простыхъ студентов!.. ахъ вы счастливецъ!.. продолжала она, уже обращаясь къ Коневу, — да, знаете ли, что есть люди, которые бы умерли отъ такого счастья?

— Еслибъ они умерли, значить оно не для нихъ, спокойно отвѣчалъ тотъ.

Такой ясный, логичный отвѣтъ, видимо, озадачилъ Полину, но она всегда старалась пропускать мимо ушей большую часть сказаннаго Коневымъ: въ этомъ состояла ее единственная защита.

— Ну что же вы дѣлаете здѣсь?.. бранитесь?.. я уже все знаю... вѣдь такъ! Мери?..

— Такъ! а что всѣ пришли отъ обѣдни?

— Еще бы!.. сейчасъ завтракать подадутъ!.. идемте въ гостиную.. Полно вамъ мечтать... пора кушать!

— Вотъ что хорошо, то хорошо, Полина Александровна.

— Скажите, о чемъ вы говорили съ Мери, когда я вошла? Мнѣ хочется знать! Не скажете — я не шутя разсержусь!

— Не сердитесь, Полина Александровна: для меня это очень невыгодно. Я уже лучше расскажу вамъ... Мы говорили о васъ, о блаженствѣ находится подъ вашей державой.

— Кто же находится подъ моей державой?

— Пока всѣ мы, и двѣ тысячи вашихъ вѣрноподанныхъ.

— *Meschant que vous etes!*.. Пойдемте завтракать!

Коневъ съ любезнѣйшей улыбкой предложилъ ей руку. Она

съ гримасой отказалась и убѣжала впередь... Коневъ съ насмѣшкой посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— А что, Мери, полюбить она когда нибудь?

— Не хочешь ли попробовать?.. Головой ручаюсь, что черезъ мѣсяць она будетъ твоей рабой, если того пожелаешь.

— Гм!.. нехотно!

• Мери улыбнулась и протянула ему руку... Они пошли вмѣстѣ.

VII.

За завтракомъ бабушка разбранила меня всласть за то, что я не была въ церкви, и объявила, что прощаетъ потому только, что черезъ два дня Александровъ день, слѣдственно будетъ опять обѣдня и я уже не отбоарюсь.

— Я имянинникъ что-ли буду, тетушка?.. спросилъ съ какою-то горечью Александръ.

— Господь съ тобой, батюшка!.. Что у тебя въ головѣ-то!.. разумѣется имянинникъ.

— Что же, и праздновать прикажете?

— Рисуется... рисуется... шепнулъ Коневъ Мери.

— Ты съ ума сошелъ, племянникъ!.. Да какъ же не праздновать?

— Миѣ бы этотъ годъ не хотѣлось, тетушка.

— Вздоръ!.. позволь узнать, почему это?.. Денегъ нѣтъ у тебя, что-ли?.. вздоръ, батюшка!.. Сегодня Петръ Емельянычъ ѣдетъ въ городъ; изволь сейчасъ же послѣ завтрака садиться и писать приглашенія твоему кружку. Я хочу, чтобъ танцовали въ этотъ день!

— Тетушка!.. избавьте!.. ради бога, избавьте! не на шутку испугавшись, вскричалъ Александръ.

— Пустяки!.. пустяки!.. неуждо говорила бабушка... Я сказала, что танцы будутъ, ну и будутъ!

— Это смѣшно и глупо, Александръ!.. вмѣшалась Полина. Если ты хнычешь, богъ знаетъ, отчего, такъ и другіе должны лишаться удовольствій.

Александръ только какъ-то кисло посмотрѣлъ на обѣихъ.

Три дня прошли для меня, какъ мигъ.

Нѣсколько экипажей было послано за гостями; залу убирали деревьями; все готовилось къ пышному торжеству.

Самъ же виновникъ этого торжества, Александръ, всѣ три дня пропадалъ гдѣ-то, не показываясь никому... Только разъ вечеромъ, наканунѣ своихъ именинъ, онъ попался мнѣ на лѣстницѣ. Лицо его было въ слезахъ, и весь онъ былъ страшно взволнованъ. Madame Viard провожала его сверху глазами; она была тоже какъ-то озабочена.

На другой день я увидала его въ церкви. Онъ стоялъ за колоной, блѣдный, грустный. Какая-то, совсѣмъ несвойственная ему, рѣшимость горѣла въ его глазахъ.

Мери, стоявшая рядомъ со мной, съ безпокойствомъ посматривала на него. Кажется, она предчувствовала что-то. Обѣдня была длинная съ молебнами и проч. Коневъ былъ тоже въ церкви. Кузины, по обыкновенію, стояли чинно и, гдѣ требовалось, граціозно опускались на колѣни, уходя почти съ головами въ бѣлыхъ облакахъ своихъ воздушныхъ платьевъ.

Бабушка смотрѣла торжественно, но милостиво... М-me Viard едва замѣтно волновалась.

— А сегодня, что нибудь да случится, мелькнуло у меня въ головѣ. Недаромъ всѣ они какъ-то странно посматриваютъ, а М-me Viard такъ даже о своихъ бунляхъ забыла.

● Обѣдня кончилась. Народъ повалилъ изъ церкви. Бабушка, сядя въ карету, имѣла привычку раздавать милостыню. Бѣдняги кучей кидались на горсть пятаковъ, брошенныхъ имъ рукой Петра Емельяныча; эта сцена несказанно нравилась многимъ. Александръ уѣхалъ вмѣстѣ съ бабушкой и

Полиной. М-me Viard, ни на кого не глядя, погнала свое стадо черезъ садъ.

Къ обѣду прикатило человекъ пять студентовъ, товарищѣ Александра, и прибыло нѣсколько аристократическихъ семействъ съ барышнями. Обѣдъ былъ великолѣпный. Серебра и хрусталя—цѣлая биржа; а о кушаньяхъ такъ и толковать нечего.

Послѣ обѣда предполагалось одѣться въ русскія платья и устроить гулянье въ саду или катанье на пруду; разумѣется, вечеромъ при освѣщеніи.

Барышни визжали отъ восторга; студенты рѣшились благодушествовать, на сколько силъ хватить. Коневъ весь день пилъ шампанское и зельтерскую воду; первое-то, по всей вѣроятности, и имѣло вліяніе на благотворное расположеніе его духа. Онъ собирался даже тоже облечься въ красную русскую рубашку и, насадивъ въ лодку барышень, выкупать ихъ гдѣ помельче. «Ничего! теперь тепло, разсуждалъ онъ: — слѣдовательно не захворають, тѣмъ болѣе не умрутъ... А поупать немного ихъ слѣдуетъ; визжать перестануть.»

Бѣдный имяннинникъ, по приказанью бабушки, улыбался, шутилъ, всѣми силами стараясь исполнить это, какъ можно добросовѣстнѣе. Но... но блѣдность лица и воспаленные глаза куда какъ плохо гармонировали съ заказнымъ кривляньемъ.

А Мери все поглядывала, да поглядывала на него, ни на минуту не отпуская меня отъ себя. Часу въ пятомъ ей сдѣлалось даже дурно.

— Пойдемъ, Надя, въ садъ, сказала она мнѣ удушливымъ шопотомъ. Я едва стою на ногахъ... боже мой! чѣмъ же кончится все это?..

— Да что, Мери, что кончится? спрашивала я, и сама, Богъ знаетъ почему-то, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Въ глухой аллеѣ она остановилась.

— Кто-то идетъ, Надя... Пойдемъ скорѣе назадъ.

Но было уже поздно. Изъ лабиринта бѣлыхъ акацій показался Александръ. Что-то въ родѣ непріязни выразилось на лицѣ Мери.

М-me Мери!.. М-me Мери!.. взывалъ онъ, не рѣшаясь подойти ближе.

— Что вамъ, Александръ Аркадьичъ?.. спросила она, по возможности, спокойно.

— Пойдемте къ пруду!.. я хочу говорить съ вами!

— Пожалуй... только это далеко.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!.. тамъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣтимъ никого.

Я начала отставать.

— Надя!.. крикнула она мнѣ.

Мы пришли къ пруду. Александръ опустился на скамейку: ноги, очевидно, не поддерживали его болѣе. Мери остановилась передъ нимъ, и стала чертить зонтикомъ по песку. Онъ, кажется, и того не замѣчалъ даже, что онъ сидитъ, а она стоитъ передъ нимъ гордая, холодная...

— Что же вы хотѣли говорить со мной? спросила наконецъ она, и уголокъ ея губъ задергался. Александръ опомнился и, взглянувъ въ мою сторону, заговорилъ по англійски. Изъ короткихъ и отрывочныхъ отвѣтовъ ея, я успѣла понять немногое. «Вы знаете меня... что я разъ сказала... это насиліе...» попеременно произносила она. Но Александръ на этотъ разъ положительно вышелъ изъ себя. Мягкіе, шелковистые его волосы цѣлыми прядями падали на помертвѣлый лобъ; кроткіе, сѣрые глаза глядѣли дико... голосъ на каждомъ словѣ обрывался; поспившія губы дрожали. Наконецъ онъ началъ рыдать.

Долго стояла Мери съ скрещенными на груди руками, потомъ она незамѣтно перенесла свой взглядъ на молодого студента и долго не отнимала этого взгляда. Кажется, она раздумывала о томъ, на сколько было въ Александрѣ истиннаго, душевнаго горя. Потомъ она подошла къ Александру, взяла изъ рукъ его соломенную шляпу, зачерпнула въ нее воды и начала пить и успокаивать разстроеннаго юношу. Онъ повновался ей какъ ребенокъ.

— Мери!.. я говорилъ уже съ вашей матерью, глухимъ шопотомъ произнесъ онъ... Простите ли вы меня?..

— Ничего... останьтесь здѣсь... отдохните... Надя! пойдемъ!

Вечеромъ Александръ съ распухшими отъ слезъ глазами

танцовалъ и улыбался по прежнему. Катаясь въ лодкѣ съ двумя барышнями-аристократками, онъ клялся имъ всѣми богами, что вотъ сейчасъ же, сію минуту, готовъ броситься въ воду и утонуть, если онѣ того пожелаютъ. Коневъ по прежнему пилъ шампанское въ перемежку съ зельтерской водой. У Мери запылились губы.

Черезъ нѣсколько дней M-me Biard вовсе неожиданно вошла къ намъ и, бросивъ на мои колѣни какую-то французскую книгу, приказала читать ее и въ то же время наблюдать, чтобъ никто не вошелъ и не подслушалъ.

— Нужно для Мери, объяснила она, замѣтивъ, что я широко открываю глаза.

Этого было достаточно.

Я усѣлась у самого порога и развернула данную мнѣ книгу; это была исторія династіи Меровинговъ. Но, разумѣется, исторія этой, хоть и весьма почтенной, династіи далеко не такъ интересовала меня какъ то, что будетъ говориться у Мери.

Войдя къ дочери, M-me Biard, какъ видно, долго не рѣшалась приступить къ объясненію; голоса Мери тоже не было слышно. Мои глаза уже начали пробѣгать страницы, какъ послышался рѣзкій контральто M-me Biard.

— Мери!.. знаете ли, что вы счастливица?

Мери не отвѣчала.

— Что же вы молчите?.. а?.. Вы думаете, я не знаю и не вижу, какъ Александръ готовъ сдѣлаться вашей комнатной собачкой.

— Матап!.. теперь я знаю, зачѣмъ пришли вы... но, ради Бога, оставьте ваши мечты: я никогда не буду женой Александра.

— Отъ чего?

— Отъ того, что.

— Отъ того, что любите *этого* Конева?

— Матап!..

— Не пугайтесь, пожалуйста!.. Для меня это давно не новость. Скажу вамъ болѣе, вашъ выборъ дѣлаетъ вамъ честь. Коневъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше этого добраго мальчика, и потому-то я никогда не мѣшала всѣмъ вашимъ

отдаленнымъ прогулкамъ и тому подобному... Но я могла допускать это, когда видѣла впереди лишь одну законную развязку любви вашей!..

— Что же вы видите теперь?..

— Какъ вы наивны, дитя мое!.. При всей вашей учености, удивительно наивны!.. Вы спрашиваете, что я вижу? Я вижу страстную любовь къ вамъ Александра и не думаю, чтобъ онъ согласился поселить у себя человѣка, который будетъ вашимъ мужемъ... Или, можетъ быть, по вашему, это должно доставлять ему удовольствіе?

— Маман! Вы придаете слишкомъ огромное значеніе привязанности Александра, если полагаете, что онъ рѣшится противиться желанію отца имѣть Конева своимъ управляющимъ.

— Во-первыхъ, позвольте мнѣ знать лучше вашего степень его привязанности, а во-вторыхъ, нужно вамъ замѣтить, что вы далеко не знаете вашего Конева, если думаете, что онъ способенъ жить съ человѣкомъ, который влюбленъ въ васъ.

— Онъ не считаетъ его влюбленнымъ и говорилъ мнѣ это не разъ. Онъ лучше насъ съ вами знаетъ его... Александръ просто не можетъ жить, чтобъ передъ кѣмъ нибудь не вздыхать.

— Не вздыхать!.. а!.. не вздыхать, вскочивъ со стула, продолжала она. *Mon dieu tout puissant!*.. Да отчего же это «вздыхать» пало именно на васъ..

— А я почему знаю это? съ явной досадой отвѣчала Мери. «Да наконецъ, продолжала она нѣсколько спокойнѣе, развѣ Коневъ не найдетъ себѣ другаго мѣста?»

— Такого, разумѣется, не найдетъ?

— Я люблю Конева и буду жить съ нимъ, какъ придется... Не печальтесь, онъ не заставитъ меня умереть съ голоду!

— Ну да!.. т. е. вы впряжете его, какъ ломовую лошадь?

— Маман! Прошу васъ не касаться этого вопроса. Я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Ну, положимъ, вы правы... Что же дальше?.. Чего вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобъ вы пока, на время, забыли вашего Конева, а вышли бы за Александра и, узнавъ хорошенько его характеръ, привычки, словомъ...

— Словомъ взяла бы его въ руки? Не такъ ли, татап?

— Сдѣлайте мплость, не смѣйтесь надъ вещами, которыхъ вы не понимаете. Не вы, такъ другая, не все ли равно?..

— Планъ вашъ, хоть куда, татап!.. Не трудитесь договаривать, я его знаю... Вы предлагаете мнѣ выйдти за человека, котораго я чуть-чуть не презираю и, забравъ его въ руки, сойдтись съ другимъ и жить на счетъ мужа; это по вашему, по парижскому обычаю? Оставьте меня!.. Не легко же въ самомъ дѣлѣ слышать подобныя вещи отъ кого либо, а ужъ тѣмъ болѣе отъ родной матери...

— Погодите! Я еще должна сообщить одну новость.

— Какую еще?

— Проститесь съ вашими деревенскими идиалліями: прогулками, катаньемъ и т. п. Черезъ двѣ недѣли М-ше Бѣлугина переѣзжаетъ въ городъ.

— За чѣмъ? отчего такъ рано? Прежде этого не было.

— Спросите у нее.

— Вы все сказали, татап?

— Погодите еще гнать меня, Мери!.. вамъ необходимо будетъ выслушать еще одинъ совѣтъ.

— Говорите скорѣй, по крайней мѣрѣ!

— Старайтесь нынѣшнюю зиму выйдти замужъ, если не за этого добраго мальчика, такъ за когонибудь другаго!.. Вамъ не трудно будетъ сдѣлать это... М-ше Бѣлугина намѣрена жить открыто... а съ вашей красотой...

— Прекрасно, татап!.. прекрасно!.. Ради Бога, только оставьте меня!.. Прошу васъ!..

— Извольте!.. Я все сказала!.. Развѣ еще осталось прибавить вамъ, что вы никогда не будете женой Колева!

— Уйдете ли вы?.. Надя!.. поди сюда!.. крикнула она совершенно неожиданно.

Я, какъ угорѣлая, бросилась въ комнату, наскочивъ на М-ше Biard, выходящую изъ дверей. Я вбѣжала и ужаснулась: на бѣдной Мери лица не было; она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ въ страшномъ волненіи.

— Слышала? спросила она меня, и спорсила такъ, что мнѣ показалось, будто вся тоска, вся желчь, накипѣвшая въ

продолженіи этого разговора, вылилась въ этомъ короткомъ словѣ.

— Да, Мери, слышала!

— А!.. какъ тебѣ покажутся уроки матери?

— Мери!.. душечка моя!.. Не раздражай себя по-напрасну! успокойся немного!

Но Мери, вмѣсто отвѣта, опустила на кресло и зарыдала. Я растерялась окончательно, и нашла только, вставъ передъ ней на колѣни, и припавъ къ ея рукамъ, цѣловать ихъ до истомы.

— Мери! ангелъ мой!.. рѣшилась пролететь я... Перестань плакать!.. поговори съ нимъ!.. Онъ лучше знаетъ; онъ успокоилъ бы тебя!

— Что я скажу ему? Что я люблю его до безумія, и, не смотря на нашу общую нищету, непременно хочу быть его женой, хочу запречь его, какъ ломовую лошадь, по славному выраженію моей матушки, или еще лучше — предложу ему ея же составленной планъ моей жизни!.. Да у меня и языкъ-то не повернется высказать ему его, не только что... и она зарыдала еще громче.

Я пробовала всѣми силами успокоить, утѣшить ее; но выбившись изъ силъ, бросила одну, и пустилась отыскивать Конева. На какой-то лѣстницѣ я поймала Александра и, привыкнувъ не слишкомъ-то церемониться съ нимъ, просто на просто приказала ему, во чтобы то ни стало, отыскать Конева, и черезъ четверть часа представить его ко мнѣ въ садовую красную бесѣдку. Ошеломленный моимъ взволнованнымъ видомъ, Александръ тотчасъ же побѣжалъ исполнять то, что ему было приказано.

Я возвратилась къ Мери, и, безъ всякихъ разсужденій, нагнувъ ей на голову бѣлую кисейную альмавиву и, схвативъ ее за руку, потащила въ садъ. Черезъ нѣсколько мгновеній явился Коневъ тоже блѣдный, испуганный. Видно Александръ успѣлъ передать ему вполнѣ состояніе моего духа.

— Что такое случилось, Надя?.. Мери, что съ тобой?

Я передала ему Мери, и выбѣжала изъ бесѣдки.

Въ эту ночь я ночевала одна; Мери не было въ своей комнатѣ.

VIII.

Бабушка дѣйствительно переѣзжала въ городъ.

Въ послѣдній день передъ нашимъ отъѣздомъ въ обычный часъ, когда улеглась бабушка, и весь домъ, по обыкновенію, началъ оживать,—все наше общество, желая въ послѣдній разъ насладиться удовольствіемъ деревенской жизни, отправилось въ садъ. Вѣра съ дядей направились къ пруду, какъ мѣсту наиболѣе глухому и уединенному; Полина съ Анютой забрались въ оранжерею; мы въ четверомъ безъ цѣли бродили по лабиринту дорожекъ. Мери съ Александромъ шла впереди; я и Коневъ немного отстали отъ нихъ.

Александръ, всегда прежде молчавшій въ присутствіи Конева, въ этотъ день былъ необыкновенно разговорчивъ. Онъ съ какой-то, вовсе не свойственной ему, энергіей рассказывалъ, какъ ждетъ не дожидая ихъ обоихъ отецъ; какъ онъ каждому изъ нихъ готовитъ уже помѣщеніе и даже слегка трунилъ надъ нимъ, какъ отецъ побаивается готовившихся реформъ.

— Пора, пора облегчить нашего старика!.. продолжалъ Александръ.—Онъ усталъ: пора ему отдохнуть... Да чортъ возьми! намъ и самимъ наконецъ жить хочется! довершилъ онъ уже съ развязной улыбкой.

Никто не отвѣчалъ. Всѣмъ было невыносимо ломанье Александра; Мери глядѣла въ землю, Коневъ злился.

Подъ конецъ стало совершенно не въ моготу переносить всѣ ораторствованія Александра; Коневъ рѣшился, во что-бы то ни стало, прекратить ихъ.

— Волжскій! замолчите пожалуйста!.. намъ слѣдуетъ еще переговорить съ вами; а то вы тутъ шиваете какія-то розовыя лохмотья.

— О чемъ переговорить? спросилъ Александръ, быстро поблѣднѣвъ.

— Да что вы перетрусились? не бойтесь; не сейчасъ: приготовиться еще успѣете.

Мери молча взглянула на обѣихъ. Она какъ будто просила ихъ пощадить ее, и не дѣлать свидѣтельницей всей этой исторіи.

Коневъ и Александръ тотчасъ же замолчали.

— А все этому дураку нужно положить въ ротъ дѣло, а то онъ заѣстъ насъ своей добродѣтелью. Такъ бы и раздавилъ его!!.

Я посмотрѣла на Конева не совсѣмъ пріязненно. Меня кольнула послѣдняя фраза въ самое сердце.

— За что-же бы вы раздавили его?

— А за то, что глупъ непомерно.

— Отъ того глупъ, что осмѣлился полюбить Мери?

— Отъ того, что не убирается.

— Куда же онъ уберется?

— А куда хочеть! Маршрутъ ему что-ли писать? Ему женщина сказала, что не любить, такъ что-же онъ у нее на глазахъ торчитъ, хнычетъ и, какъ нищій, старается разжалобить ее. Къ концу года, вѣдь знаю, онъ будетъ точно такъ-же хныкать передъ другою и по прежнему протягивать руку за подачкой.

— Вы сами, кажется, не защитникъ вѣрности?

— Вѣрности!.. да какой вѣрности? Я брошу женщину, но все-таки она всегда съ любовью вспомнитъ меня. Я огорчу ее, но все-таки дамъ ей нѣсколько минутъ счастья, нѣсколько минутъ наслажденья. А вѣдь онъ съ своимъ хныканьемъ способенъ довести до отчаянія какую угодно женщину. Вѣдь Мери не спитъ теперь по его милости. Она убивается, что сгубить его! А чортъ-ли сгубить ихъ, когда они уже въ утробѣ матери всѣ перегублены!..

На этотъ разъ Коневъ ошибался. Мери не спала по ночамъ во все не потому, чтобъ огорчалась за Александра. Вътъ! главная причина ея горя лежала въ самомъ же Конева. Мери понимала, что въ словахъ M-me Biard объ ихъ будущемъ было много справедливаго. Она поняла, что, вый-

дя замужъ за Конева, она можетъ стѣснить его не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Коневъ могъ въ послѣдствіи разлюбить ее и полюбить другую. И вотъ она рѣшилась пока не выходить за него замужъ, и жить съ нимъ «какъ придется». Мнѣніемъ толпы она пренебрегала; она была въ десять разъ нравственнѣе всѣхъ, связывающихъ себя различными обѣщаніями, для того чтобы потомъ, въ силу этихъ обѣщаній, ломать какъ свое свободное чувство, такъ и свободное чувство другаго.

Пройдя еще нѣсколько дорожекъ, Мери, отговариваясь головной болью, ушла домой. Александръ и Коневъ тревожно посмотрѣли ей вслѣдъ. Я, разумѣется, отправилась за ней но на подорогѣ она прогнала меня обратно.

— Ты и то все сидишь со мной... Побѣгай немного; или вотъ что, ступай къ нимъ! какъ хочешь, будь тожко на воздухѣ.

Понять было не трудно. Она думаетъ помѣшать ихъ объясненію, она думаетъ отсрочить развязку.

Прибѣжавъ назадъ, я застала обоихъ уже разговаривающими. Они вопросительно оглядѣли меня.

— Мери приказала мнѣ возвратиться, смущенно пролепетала я.

— Оставайтесь, если прислали, сказалъ Александръ.

Однако я все-таки уклонилась отъ личнаго присутствія въ бесѣдкѣ и отыскала себѣ довольно удобный постъ возлѣ нея.

— Скажите, вы съ ума сошли, Волжскій, говорилъ Коневъ, что за разговоръ вамъ вздумалось вести сегодня? неужели вы не понимаете, что послѣ всего, что вы надѣлали, намъ нельзя будетъ ѣхать вмѣстѣ домой.

— Я не буду жить дома.

— Какъ?!

— Я уѣду.

Коневъ взбѣсился.

— Да что вы, подрядились что ли сиротой-то прикидываться, кислой жертвой какой-то! Это уже чортъ знаетъ что такое. Человѣку мила мысль бѣжать изъ родного, изъ своего собственнаго дома.

— Онъ кажется, и вамъ отчасти родня, робко замѣтилъ Александръ.

— Послушайте! если вы осмѣлитесь еще когданибудь напомнить мнѣ объ этомъ, я васъ... (онъ не окончилъ этой фразы). Вы—*баринъ*; я— батракъ, а потому не смѣйте отнынѣ никогда навязываться мнѣ въ родственники! Да! если я вамъ наговорилъ много, можете вызывать меня на дуэль! прибавилъ онъ уже весело.

— Коневъ! Коневъ! вы неблагородный человѣкъ! отвѣчалъ Александръ, совсѣмъ потерявшись.

— Ну не совсѣмъ, Александръ Аркадьичъ... спокойно замѣтилъ Коневъ. Выгнать-то васъ изъ дому я все-таки не выгоню! Лучше самъ не поѣду къ вамъ.

— Поймите хоть разъ въ жизни, что хочу сказать я.

— Извольте! постараюсь.

— Я хочу сказать, что сознаю вполне, что вы принесете тамъ во сто разъ больше пользы, чѣмъ я. Особенно въ настоящее время, когда готовится такой страшный, ужасный, переворотъ. Я тамъ потеряюсь одинъ.

— Ну это-то я знаю и безъ вашего сознанья.

— Вѣдь на имѣньяхъ-то долговъ такая бездна, что съ молотка продать мало! А фабрики: и желѣзная, и шоколадная, того и гляди, всѣ опишутся...

— Однако послушайте, Волжскій,—скажу вамъ возможно кратче: — я не хочу быть вашимъ управляющимъ, и потому понапрасну со мной не толкуйте: между нами все кончено.

— Я прошу у васъ позволенія говорить откровенно.

— Сколько хотите, говорите.

— Я хочу сказать, что вы не въ правѣ отказываться отъ того благосостоянія, которое предлагаютъ вамъ, потому что оно связано съ удобствами жизни другаго существа. Молчите, молчите, Коневъ! противъ этого вы не можете и не должны спорить... мы должны забыть свои счеты и помнить только о ней... Отъ принятія вами выгодныхъ предложеній отца зависить спокойствіе Мери.

— Я все-таки скажу, что вамъ хочется быть благодѣтелемъ Мери и обязать ее чѣмънибудь.

— Я скажу. вамъ, во что бы то ни стало, хочется говорить мнѣ дерзости, окончательно потерявшись вскричалъ Александръ. Но, я буду удерживать себя до послѣдней возможности! не вводите меня въ отчаяніе, Коневъ. Вы сами же говорите, что я одинъ виноватъ, слѣдственно я одинъ и долженъ заплатить. А пріятна или непріятна мнѣ эта плата, вамъ до этого дѣла нѣтъ.

— Вы сознаетесь, что виноваты? живо спросилъ Коневъ.

— Сознаюсь; извольте.

— Такъ потрудитесь объяснить это Мери; если она согласится, такъ и я согласенъ.

— Дайте мнѣ честное слово, что вы не будете говорить съ Мери объ этомъ раньше меня?

— Извольте, даю!

Александръ вышелъ изъ бесѣдки; я вошла въ нее.

— Вотъ-то бѣсиль меня все время! обращаясь ко мнѣ, промолвилъ Коневъ. Этакого плаксиваго, безтолковаго мальчугана въ первый разъ въ жизни встрѣчаю. Опъ думаетъ, что Мери согласится! Какъ же!. дождайся! Очень ей пріятно, что онъ будетъ постоянно у нее на глазахъ торчать и хныкать!

Послѣ обѣда, битыхъ два часа Мери провела на-единѣ съ Александромъ. Выбѣжалъ онъ отъ нее, какъ изъ бани. Мери была спокойна. Она не согласилась.

Вечеромъ, я не слыхала, что она говорила съ Коневымъ.

Только поздно ночью когда всѣ улеглись, мимо меня промелькнула чья-то стройная фигура...

Зари я не могла дождаться,—уснула.

IX.

Въ городѣ, какъ и предсказывала М-me Biard, бабушка зашла открыто. Съ перваго же дня налетѣла къ намъ такая стая посѣтителей и посѣтельницавицъ, что у меня съ не-

привычки голова пеняла кругомъ. И все это безпрерывно шевелилось, болтало безъ умолку, волновалось. Меня заму-чили одними представленіями. Каждому и каждой приходилось въ сотый разъ объяснять одно и то же, а именно, что «моя мать уѣхала въ Петербургъ и оставила меня гостить у бабушки».

Коневъ, покончивъ работы въ деревнѣ, переѣхалъ тоже въ городъ. Начались лекціи въ университетѣ, онъ работалъ усидчиво. Утромъ онъ не могъ видѣться съ Мері; передъ обѣдомъ тоже; оставаясь слѣдовательно вечеръ, но въ семи часамъ въ домъ бабушки наѣзжали гости. Коневъ ни съ чѣмъ уходилъ домой: Мері скучала; онъ злился и даже жудѣлъ отъ этого... Такъ продолжалось до рождества. Около этого времени у насъ случилось важное событіе въ домѣ. Варя была публично объявлена невѣстою дяди; по поводу чего у насъ разъ десять обѣдалъ черноозерскій архіерей. Такое скорое рѣшеніе влюбленныхъ произошло потому, что разнесся слухъ, будто къ новому году будетъ обнародованъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, и бабушка чрезвычайно трусила этого. Естественно, что въ такую критическую минуту, дя-дюшка мой Валерьянъ Андреечъ Грусецкій, какъ адъютантъ жандармскаго генерала, могъ быть капитальной защитой осады ея превосходительства. Я думаю что бабушка не задумалась бы даже отдать ему не только Варю, но и Пашку, еслибъ только онъ догадался.

Наступалъ великій для Россіи 1861 годъ. Въ этотъ годъ, по откровенному признанію одного священника, на однихъ колебнахъ было выручено втрое больше всего годового дохода.»

Я уже сказала, что объявленіе воли ждалось въ Черноозерскѣ, да чуть ли и не повсемѣстно, къ первому января этого года. Какъ теперь, передъ моиими глазами встаетъ этотъ день въ домѣ генеральни Бѣлугиной. Сама она еще за недѣлю объявила, что кто только осмѣлится поздравить ее съ новымъ годомъ, тотъ получитъ отъ нея оплеуду. Въ офиціантскую былъ отданъ приказъ не принимать рѣшительно ни-

кого. Обѣдъ прошелъ молча, какъ похоронный. Голова бабушки тряслась, какъ у фарфоровыхъ куколъ. Въ пятомъ часу съ ней сдѣлалась лихорадка; самъ дядя на дежурной жандармской лошади скакалъ за докторомъ. Боялись, что ку-чера и лакеи откажутся заложить экипажъ.

Въ восьмомъ часу, мы, по обыкновенію, сошлись всѣ въ столовую, но увидѣли тамъ только одинъ пустой столъ. Проходившій мимо буфетчикъ, едва удерживая улыбку, объяснилъ намъ, что генеральша не приказала сегодня «быть чаю». Полина въ продолженіе цѣлаго дня не съѣла ни одной конфетки. Въ лицахъ Варя и Анюты не было видно ни кровинки; обѣ онѣ глядѣли, какъ статуи. Онѣ, кажется, были серьезно убѣждены, что ихъ убьютъ непременно. М-me Biard похаживала и рассказывала многочисленные кровавые эпизоды парижскихъ революцій. Ее до крайности забавляла трусость всей noblesse russe.

Въ одиннадцать часовъ вечера, Полина была послана внизъ, въ холостую квартиру Александра, просить его идти ночевать въ спальню бабушки; почему для этого былъ выбранъ онъ, а не дядюшка — пусть пойметъ читатель. Молодая дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ, сошла внизъ и притащила съ собой обезумѣвшаго Александра.

Въ одной изъ боковыхъ, отдаленныхъ маленькихъ гостиныхъ, до самаго разсвѣта, сидѣла я и Мери; по комнатѣ шагалъ Коневъ и хохоталъ во все горло.

Манифеста не воспослѣдовало.

На другое же утро Настасья Давиловна вставала уже прежней генеральшей Бѣлугиной. Она успокоилась совершенно, рѣшивъ, что никакого манифеста и не будетъ, и тотчасъ же отдала, по старому, грозное приказанье въ минуту запречь коляску и, забравъ съ собой Полину, до вечера объѣздила всѣ монастыри и соборы, при чемъ заказала до дюжины богатѣйшихъ ризъ. По возвращеніи же домой, она повала насъ всѣхъ и сдѣлала каждому по дорожному подарку.

Черезъ два дня въ нашемъ домѣ опять раздавалась музыка, пѣніе, танцы.

Герой мой тоже разглядилъ свое чело: онъ могъ по нѣскольку часовъ въ день проводить на-единѣ съ Мери.

X.

Недѣли двѣ спустя я была разбужена страшнѣйшей суматохой въ нашей комнатѣ.

Дѣло объяснилось скоро.

М-me Viard вошла къ намъ часу въ третьемъ и, не найдя Мери въ постели, подняла оглушительный крикъ. Половина дома сбѣжалась на этотъ крикъ. М-me Viard буквально бѣсновалась; она металась во всѣ стороны, визжала, кричала, рвала на себѣ волосы — словомъ, находилась въ полнѣйшемъ сумасшествіи. Я поняла, что дѣло плохо, и рѣшилась, во что бы то ни стало, спасти Мери. Терять нельзя было ни минуты, иначе весь домъ могъ узнать, гдѣ Мери. Задыхаясь, вскочила я съ постели. Одна изъ дѣвушекъ накинула мнѣ что-то на плечи и я, какъ была, въ одной спальной рубашкѣ, босикомъ, бросилась черезъ дѣвчью прямо на черную лѣстницу. Въ полминуты я пробѣжала два этажа, сырой, холодный корридоръ, и очутилась передъ дверью квартиры Конева. Я чуть не упала, очутившись передъ этой дверью. У порога дремала наша горничная Дупя. Я перескочила черезъ нее. На меня нашла какая-то восторженность, — мнѣ одной хотѣлось спасти Мери.

Въ передней горѣлъ салный огарокъ; дверь во внутреннія комнаты была заперта.

Едва переводя дыханіе, я подкралась къ запертой двери: ключъ, вѣроятно, былъ вынутъ; замочная скважина пропускала слабый свѣтъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я прильнула къ ней глазомъ. На длинномъ, турецкомъ диванѣ сидѣлъ Коневъ. Онъ былъ одѣтъ, какъ и всегда, только голубой, студенческой воротникъ его сюртука былъ растегнутъ. На рукахъ его въ широкомъ, бѣломъ пеньюарѣ лежала Мери. Ея ноги упирались въ придвинутое кресло; распущенные волосы

густо падали по плечамъ дѣвушки; одна рука ея обвивала шею Конева; другою она играла какой-то цѣпью у себя на груди, глазъ ея я не видала. Свѣчка стояла на полу; она была съ абажуромъ; въ комнатѣ былъ полумракъ; у меня въ глазахъ помутилось...

Собравши всѣ свои силы, я отчаянно крикнула:

— Мери спасайся!.. тебя ищутъ!.. и, какъ стрѣла, полетѣла по корридору на парадную лѣстницу. Прибѣжала къ себѣ, бросилась въ постель и лихорадочно стала смотрѣть на дверь.

М-ше Viard тотчасъ-же вошла въ мою комнату. Вслѣдъ за ней вбѣжала испуганная Мери.

— Гдѣ вы были? нагнулась на нее мать. Гдѣ Дунька?

— Вы спрашиваете, гдѣ я и Дуня были, — спросите объ этомъ у нее; она вамъ скажетъ, съ волненіемъ отвѣчала Мери.

— За чѣмъ встаете вы ночью? куда вы шатаетесь?

— Дуня! скажи шатаю, за чѣмъ я вставала съ постели.

Мери нарочно тянула допросъ; она не въ состояніи была ничего придумать и вызывала на находчивость свою горничную; положеніе той, естественно, было гораздо нормальнѣе: она наплась очень скоро.

— У Дашки были-съ, отвѣчала она бойко.

— У какой Дашки?

— Извѣстно у какой-съ, у нашей.

Дашей звали маленькую швею, которая въ это время была сильно больна. Мери часто ее навѣщала.

У М-ше Viard и руки опустились; она только странно сверкнула глазами, и за тѣмъ сказала дочери:

— Ложитесь скорѣй! Вы переполошили весь домъ. Дай богъ, чтобы М-ше Вѣаугина ничего не знала. Завтра, въ одиннадцать часовъ, я переговорю съ вами. Слышите! добавила она, выходя изъ комнаты.

Черезъ четверть часа все утихло, — всѣ улеглись. Я стала нѣсколько приходить въ себя и почувствовала, что ноги мои почти оледѣли. Къ моей кровати чуть слышно кричалась Мери.

— Надя! Надя! звала она.

— Что, Мери? спросила я.

— Надя! ангель мой! Какъ ты любишь меня! добавила она и, не дожидаясь отвѣта, заплакала.

Я подвинулась и дала ей мѣсто; она опустилась ко мнѣ на постель и судорожно обняла меня. Мы обѣ дрожали. Я укутывала ее въ свое небольшое одѣяльце и прижималась къ ней все ближе и ближе.

— Надя! заговорила снова Мери. О чемъ она будетъ говорить завтра?

— Вѣрно...

— Да, вѣрно... Послушай... ты должна какъ нибудь... дать знать ему объ этомъ...

— Хорошо, я послѣ чаю попрошу.

— Ну, да! попроси... дѣлай, какъ знаешь; только чтобы онъ сказалъ тебѣ, что и какъ говорить мнѣ ей.

Богѣ я ничего не слыхала; сонъ одолѣлъ меня, — я уснула. Когда, утромъ, я открыла глаза, всталъ меня уже не было Мери. Мимо моей кровати взадъ и впередъ сновали горничныя со стлавками и лоханями; въ комнатѣ пахло уксусомъ и травами. Мери лежала въ сильнѣйшей горячкѣ.

Ко мнѣ подошла M-me Viard и со слезами на глазахъ начала ласкать меня. Не знаю, почему мнѣ эти слезы показались поддѣльными.

— Пустите меня къ Мери! ради Бога, пустите! обливаясь слезами, молила я. Я слышу ея голосъ! Милая, добрая M-me Viard, пустите меня!

— Она бредитъ, дитя мое. Чѣмъ это только кончится? O, mon dieu! mon dieu! Въ комнату Мери она все-таки меня не пустила.

Проглотивъ кое-какъ чашку чаю, я побѣжала въ комнату, куда приносились газеты и журналы, надѣясь тамъ всего скорѣе найти Конева. Я не ошиблась, — онъ былъ уже тамъ; при моемъ появленіи онъ привсталъ.

— Надя! Вы поступили прегадно, — вы убили Мери! сказалъ онъ холоднымъ тономъ.

— Я такъ много вынесла за эту ночь, что подобный пріемъ ошеломилъ меня.

— И что за восторженное геройство нашло на васъ, про-

должалъ Коневъ; вы закричали, какъ будто кто насъ рѣзать собирался.

— Николай Васильичъ! M-me Biard объявила Мери, что будетъ говорить съ ней. Мери же просила меня передать вамъ объ этомъ.

— Ну, теперь не поговорить... развѣ послѣ, съ грустной прошею произнесъ онъ.

На другой, на третій, и на четвертый день отрывочныя фразы: «Мери при смерти», «Мери безъ всякой надежды», «Мери умретъ», такъ и летали по всему дому.

Конева нельзя было узнать... Онъ или сидѣлъ, какъ деревянный, или ловилъ въ корридорѣ всѣхъ горничныхъ и спрашивалъ про Мери; отвѣты онъ получалъ всегда одни и тѣ же: «безъ памяти-съ.» Къ довершенію нашего несчастія ни я, ни Коневъ не могли пробраться въ комнату Мери: M-me Biard и днемъ, и ночью стерегла входъ.

Наконецъ, недѣлю спустя, Мери очнулась. Мы всѣ ожили, а радости Конева и описать невозможно. Онъ уже и не скрывалъ этой радости, сбросилъ съ себя на время свою язвительную маску, былъ милъ и до-нельзя любезенъ съ нами. M-me Biard на десять минутъ впустила его въ комнату Мери, онъ успѣлъ передать ей нѣсколько словъ, и послѣ того задумалъ нѣчто серьезное...

Черезъ нѣсколько дней, онъ въ новомъ вид-мундирѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ входилъ въ великолѣпную залу бабушки. На встрѣчу къ нему изъ гостиной выскочила Полина.

— A monsieur Коневъ! вы еще живы, а я уже собиралась шить себѣ два траура.

— Неужели я такъ счастливъ, Полина Александровна? спрашивалъ онъ, раскланиваясь наипочтительнѣйшимъ образомъ.

— La nouvelle est jolie! Вы перестали колотиться! Да вы и хорошенькій въ добавокъ; жаль только, что не всѣ могутъ видѣть растъ.

— По милу хорошъ Полина Александровна, но не въ этомъ толкъ. Гдѣ ваша maman?

— А вамъ нужно говорить съ нею? о чемъ?

— Я вамъ послѣ скажу. Будьте только такъ очаровательно добры, доставьте мнѣ случай поговорить съ нею; за это я обѣщаюсь не сердиться на васъ ровно двѣ недѣли.

— Вы опять? ну, да Богъ съ вами! вы сегодня мнѣ правитесь что-то. Такъ и быть, пойдете.

Бабушка въ это время только что возвратилась отъ губернатора, который не получалъ изъ Петербурга ничего и похожаго на объявленіе воли; и потому бабушка была очень довольна.

Конецъ очень осторожно приступилъ къ дѣлу; онъ объявилъ ей, что хочетъ жениться на Мери, и потому просить генеральшу помочь ему въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ не въ ладахъ съ *M-me Biard*. Бабушка сперва пришла въ немалое изумленіе отъ такой оригинальной просьбы Конецва, но подумавъ, милостиво согласилась помочь ему, и тотчасъ же отправила посла къ *M-me Biard* съ приглашеніемъ немедленно пожаловать по чрезвычайно важному дѣлу. Француженка явилась. Съ разу отгадавъ, по торжественному выраженію лица бабушки и насмѣшливой улыбкѣ Конецва, въ чемъ дѣло, она посинѣла отъ досады. Но ей было не учиться владѣть собой. Слегка отвѣтивъ на поклонъ Конецва, она спокойно произнесла.

— *Que desire, madame?*

— Г-нъ Конецъ дѣлаетъ предложеніе вашей дочери, коротко и сухо отвѣчала бабушка. Вашей Мери — двадцать лѣтъ: пора замужъ. Г-нъ Конецъ во всѣхъ отношеніяхъ ей ровня; слѣдовательно, вы, какъ мать, должны порадоваться этому, и какъ христіанка благословить союзъ ихъ. Теперь ваша очередь говорить? заключила она, обращаясь къ Конецву, и торжественно откинулась на спинку дивана.

Конецъ привсталъ.

— Привязанность моя къ вашей дочери вамъ давно известна, заговорилъ онъ. Въ маѣ я кончу курсъ, и тотчасъ же найду себѣ мѣсто, если не у Волжскихъ, такъ другое; мнѣ уже обѣщали. Во всякомъ случаѣ вы можете быть совер-

иненно покойни на счетъ матеріальнаго благосостоянія въ дочери.

Ястребинные глазки бабушки такъ и блуждали по всей фигурѣ М-me Viard: положеніе было непривлекательное.

— Милостивой государь! Дочь моя находится еще на краю гроба, и ваша дерзость просить ея руки въ такое время можетъ только удивить меня, произнесла она наконецъ и встала съ явнымъ намѣреніемъ сейчасъ же уйти; но Коневъ такъ многозначительно взглянулъ на нее, что она сію же минуту опять опустилась.

— Именно эта-то болѣзнь и вынуждаетъ меня беспокоить васъ равьше, чѣмъ бы желалъ я. Согласитесь, что на мою долю выпала слишкомъ пассивная роль. Я даже не могъ видѣть ее во все время болѣзни. На правахъ жениха М-ше Мери, я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что мнѣ будетъ позволено быть свидѣтелемъ ея выздоровленія.

— Какъ же! ждите! съ злостью произнесла М-me Viard, и скорыми шагами вышла изъ комнаты.

Бабушка долго не могла придти въ себя отъ этой дерзости М-me Viard, и приказала, во чтобы то ни стало, допустить Конева къ Мери.

Мери не вынесла этого свиданія съ нимъ. Когда онъ вошелъ, она было приводилась и хотѣла протянуть ему руку; но тотчасъ же опять упала на подушки. Съ ней сдѣлаось дурно. Коневъ задрожалъ и вышелъ въ мою комнату: у него показались слезы.

На другой день они видѣлись опять, и Мери начала быстро поправляться.

М-me Viard скоро опомнилась, и стала усиленно ухаживать за генеральшей, чтобы привлечь ее на свою сторону.

Она начала съ того, что на другое же утро, послѣ описанной нами сцены, какъ шальная, вбѣжала въ кабинетъ бабушки, бросилась къ ея ногамъ, и призналась въ томъ, какъ хотѣла отдать Мери за Александра, но страшилась справедливаго гнѣва бабушки; сказала также, что Коневъ дрянной человекъ и никогда не сдумаетъ оцѣнить ея любимую дочь. Въ доказательство этого предположенія она рассказала, какъ

Коневъ цѣлое лѣто волочился за горячими ея превосходства.

Все это въ сильнѣйшей степени ошеломило бабушку. Немедленно поднявъ рыдающую М-me Biard, она заключила ее въ свои объятія, и торжественно предложила ей сію же минуту выгнать Конева изъ дому.

Француженка тотчасъ же сообразила, что хватила уже слишкомъ далеко и можетъ испортить все дѣло. Еще слабую Мери могло окончательно убить такое неспѣшное удаление Конева, а это уже не входило въ ея расчеты. И вотъ она начала умолять генеральшу, не дѣлать никакой огласки; даже объявить его на время женихомъ Мери, потому что, какъ объяснила она, бѣдное дитя все еще любитъ.

Итакъ эти двѣ почтенныя личности положили прежде всего дожидаться выздоровленія Мери.

Въ промежутокъ этихъ вечеровъ не случилось ничего особеннаго.

Александръ ходилъ блѣдный до крайности. Съ окончательной развязкой дѣла т. е. съ того времени, когда Мери объявлена невѣстой Конева, онъ совсѣмъ потерялся; по цѣлымъ днямъ проводилъ у какого нибудь окна, и улыбался всѣмъ проходящимъ. На вечерахъ онъ нускался въ фатство, переходилъ отъ одной барыни къ другой и увѣрялъ, что бросаетъ всѣ занятія и уѣзжаетъ въ Швейцарію.

Я не отходила отъ Мери. Коневъ днемъ сидѣлъ у нее, а по ночамъ приготовлялся къ экзаменамъ.

Городъ по прежнему веселился. Разнымъ празднествамъ конца не было. «На послѣдяхъ веселятся наши бары», съ улыбкой говаривалъ Коневъ.

Такъ прошла вся зима вплоть до масляницы. Мери выздоровѣла. М-me Biard не предпринимала еще похода для того, чтобы разстроить свадьбу Мери съ ненавистнымъ ей Коневымъ. Видѣла ли она невозможность этого, или выжидала только удобнаго случая, не знаю.

Съ коротенькими, чуть-чуть завитыми волосами, показалась Мери на вечерахъ бабушки, и затмила положительно всѣхъ своей идеальной красотой. Послѣ болѣзни она стала еще лучше. И молодежь, и старцы, и холостяки, и отцы семействъ,

всѣ были у ногъ ея. Коневъ только улыбался и, потирая руки, насмѣшливо глядѣлъ въ глаза каждому.

Въ послѣдній день масляницы у насъ готовился блестящій балъ. Великолѣпно убранная зала вся была обставлена цвѣтами и деревьями; громадныя люстры слѣпили безчисленнымъ количествомъ огней.

Быль восьмой часъ вечера; прїѣздъ же начпнулся въ девять. Вдругъ послышался робкій звонокъ.

— Кто бы это такъ рано? произнесла бабушка.

— Кто нибудь изъ маленькихъ, процѣдилъ сквозь губы мой жандармъ-дядюшка.

Онъ не ошибся; прїѣзжій былъ дѣйствительно изъ маленькихъ. Пудовая партъера заколыхалась, и изъ-за нея выяснилась крошечная фигурка, въ засаленомъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ шесть пуговиць; правой рукой онъ придерживалъ толстѣйшую сумку, до невозможности набитую какими-то тетрадами, одинакаго вида и формата.

Завидѣвъ этого невзрачнаго посѣтителя, бабушка было взглянула на дядю; пальцы ея запрыгали.

Тотъ поднялся на встрѣчу таннственному посѣтителю и, узнавъ въ немъ становаго, немного пошатнулся.

Становой, и безъ того сильно трусившій, при видѣ произведеннаго имъ смущеная, опѣшилъ еще болѣе.

— По волѣ... государя... императора, попробовалъ заговорить онъ.

— Что?

— По волѣ... государя. Дешей изъ Санкт-Петербурга...

Получивъ приказанье отъ г. исправника, счелъ своей обязанностію явиться сперва къ ея превосходительству.

— Да говори же каналья! заревѣлъ мой изящный дядюшка, подступая къ бѣдному становому вовсе не изящно.

— Полученъ-съ высочайшій манифестъ, сказалъ наконецъ становой и, поспѣшивъ вынуть изъ сумки одну изъ тетрадокъ, передалъ ее Грусецкому.

— Тетушка! тетущка! подходя съ ней къ генеральшѣ говорилъ жандармъ. Но было уже поздно. Бабушка и Полина, охвативъ другъ друга руками, за-мертво упали на свой пунцовый диванъ.

Становой стоялъ по срединѣ комваты и безмысленно озирался во всѣ стороны.

Картина была невеселая.

— Прикажете объявить-съ? рѣшился наконецъ произнести становой.

Дядю какъ будто кто обухомъ треснулъ.

— А, завтра, завтра намъ дадутъ ѣсть?

— Помилуйте-съ... я-съ... прикажу-съ...

— Прикажу-съ! Повторилъ мой дядя, стиснувъ зубы и еле удерживаясь, чтобъ не раздавить маленькаго чиновничка. Что жъ вы стоите? Убирайтесь вонъ!

Становой раскланялся и, выбравшись въ переднюю, обратился къ лакеямъ.

— Къ балу видно собрались братцы?

— Къ балу, Евсевій Иванычъ.

— То-то теперь будетъ имъ балъ.

— Неужто взаправду, Евсевій Иванычъ, дождались?

— Дождались, братцы, дождались!

ХІ.

Услыхавъ о полученіи манифеста, Александръ, какъ сумасшедшій, бросился въ комнату, въ которой сидѣли Коневъ и Мери, и принялся тормошить перваго.

— Коневъ! Коневъ! воля объявлена! закричалъ онъ.

— Не можетъ быть! когда?

— Чего не можетъ быть! манифестъ принесенъ!

Мери выбѣжала въ гостиную и тотчасъ же вернулась.

— Бабушка безъ языка, объявила она.

— Чортъ! Ничего понять не могу! да гдѣ манифестъ-то? Покажите мнѣ его, Бога ради! вскричалъ Коневъ и, вскочивъ съ дивана, онъ хотѣлъ было броситься во гостиную, но Александръ ухватилъ его за плечо.

— Коневъ! Коневъ! прошу васъ, именемъ отца. Скажите, что дѣлать?

— Ну что вамъ надо отъ меня? Неужели и вы трусите? Помпосердитесь, Волжскій! Вѣдь этому кури будутъ смѣяться! Что вамъ надо?..

— Какъ что надо! Къ отцу ѣхать надо,—вотъ что!

— Да кто-же вамъ мѣшаетъ, — побѣжайте хоть сейчасъ.

— А вы? развѣ мы не можемъ ѣхать вмѣстѣ?

Коневъ расхохотался.

— Вы съ ума сошли, Волжскій! Точно вы не знаете, что у меня черезъ мѣсяцъ экзамены!

— А! коли такъ, пропадай все! и отецъ!.. я имѣю!.. ѣду за границу!

— И съ богомъ,—чего же лучше! А я, какъ только сдамъ экзаменъ, отправлюсь къ вашему батюшкѣ. Мы вамъ вышлемъ денегъ, и дѣло пойдетъ, какъ нельзя лучше.

Коневъ отправился въ залу и, взявъ манифестъ изъ рукъ дяди, началъ читать его, не обращая рѣшительно никакого вниманія на окружающихъ. Полина скоро очнулась и лихорадочно стала срывать съ себя всѣ эти блонды и кружева; успокоившись немного, она, при помощи М-ше Biard, уложила, все еще не очнувшуюся, старуху въ постель. Дядя поскакалъ верхомъ за докторомъ.

Варя и Анюта всю ночь не скидали бальныхъ платьевъ...

Слѣдующее утро я только что успѣла открыть глаза, какъ къ намъ вошла М-ше Biard съ чрезвычайно страннымъ выраженьемъ лица.

— М-ше Бѣлугина переѣзжаетъ въ монастырь, объявила она, садясь на стулъ. Ее только что отсобоновили.

Мери и я приподнялись на своихъ постеляхъ...

— А Полина?

— Она ѣдетъ съ ней-же.

— Кто же приметъ домъ наконецъ? Что за сумазбродство? не вытерпѣла, чтобъ не вскричать, Мери.

— М-ше Бѣлугиной осталось нѣсколько дней жизни. Полина же не можетъ не проводить ее. Ну вотъ-съ, радуйтесь! добавила она ядовито; исполнилось то, чего вы желали! Веселитесь, теперь наступаетъ ваша пора!

Мери промолчала.

— Ахъ, да! скажите, пожалуйста, что это вашъ женихъ дѣлаетъ? съ усмѣшкой спросила М-me Biard.

— Что? съ беспокойствомъ спросила Мери.

— Да я слышала, что онъ объясняетъ людямъ что-то не очень хорошее. И я бы вамъ посоветовала остановить его. М-me Бѣлухина передала мнѣ и М-еиз Грусецкому весь домъ; а мы не намѣрены терпѣть никакихъ безпорядковъ.

— Да вы ждете! Этого быть не можетъ! Коля вѣрно просто читаетъ и объясняетъ имъ манифестъ.

М-me Biard хохотала, но Мери не слышала этого смѣха; она прислушивалась къ какому-то шуму, я тоже начала прислушиваться.

Изъ этой смѣси голосовъ яснѣе всѣхъ выдѣлялись звуки, исходившіе, какъ мнѣ показалось, изъ богатырской гостиной моего дядюшки.

Блѣдная, какъ смерть, едва держась, не на совсѣмъ еще окрѣпшихъ, послѣ тяжелой болѣзни, ногахъ, Мери принялась поспѣшно одѣваться. Накнувъ на себя темный бурнусъ и накрывъ голову платкомъ, она сбѣжала внизъ. М-me Biard и я последовали за ней.

Внизу между тѣмъ, происходила дикая сцена.

Дѣло началось изъ за пустяковъ. Коневъ по просьбѣ двухъ, трехъ лакеевъ прочелъ имъ, полученный накануне манифестъ; тѣ сообщили другимъ; явились новые слушатели, онъ удовлетворилъ и ихъ. Такъ онъ долженъ былъ прочесть разъ до пяти. Наконецъ увидавъ, что толпа все прибываетъ и прибываетъ, онъ послалъ за Александромъ. Написавъ на лоскуткѣ бумаги въ чемъ дѣло, онъ потребовалъ его присутствія, какъ свидѣтеля; но тотъ, высунувъ въ корридоръ свою голову и замѣтивъ, что тамъ стоитъ вся необъятная бабушкина дворня, струсилъ самымъ непозволительнымъ образомъ и приказалъ сказать Коневу, что онъ боленъ и явиться не въ силахъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, Коневъ плюнулъ, выругалъ Александра, и за тѣмъ принялся читать манифестъ такъ же спокойно, какъ и прежде, дѣлая только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ необходимыя поясненія. Въ ту минуту ворвался къ нему блестящій дядюшка, и ни съ того, ни съ сего съ сжатыми кулаками бросился на Конева.

— Ахъ, ты мальчишка! лакей! Сходки вздумалъ устроить. Я вотъ-те...

Послѣдняя фраза не была окончена. Коневъ со всего размаху далъ оплеуху Грусецкому. Тотъ, какъ снопъ, грянулся на полъ.

— Жандармовъ сюда! заревѣлъ онъ.

Никто не двинулся съ мѣста. Коневъ улыбнулся.

Грусецкій замѣтилъ эту улыбку.

— А! бунтъ! хорошо! Всѣ вы будете въ кандалахъ, кричалъ онъ. Всѣ полатитесь!

Толпа глухо заволновалась.

Въ эту минуту вбѣжала Мери. Она слышала послѣднія слова Грусецкаго и, пронзительно вскрикнувъ, упала на руки Конева.

— Я увезу тебя!.. сейчасъ же увезу!.. шепталъ тотъ, позабывъ въ эту минуту рѣшительно обо всемъ. Онъ видѣлъ лишь только ея слезы, ея отчаяніе, и хлопоталъ о томъ только, чтобъ успокоить ее.

Онъ взялъ похолодѣвшую Мери на руки и внесъ ее въ комнаты. М-me Viard и Александръ прибѣжали туда же. Всѣ начали хлопотать около Мери. Спустя немного, въ дверяхъ показалась Полина. Съ распухшими глазами, непричесанная, полуодѣтая, но гордая, неприступная, она остановилась въ дверяхъ и твердо произнесла, обращаясь къ сопровождавшему ее дворецкому.

— Сію же минуту запречь экипажъ, собрать всѣ вещи господина Конева и отправить его въ первую же попавшуюся гостиницу, адресъ которой привезти мнѣ.

— Это случится не раньше, чѣмъ очнется моя невѣста, холодно проговорилъ въ отвѣтъ ей Коневъ.

— Заложить мнѣ карету! Я ѣду къ губернатору! произнесла Полина, и, величественно повернувшись, вышла въ сопровожденіи Грусецкаго.

Нѣсколько мгновений Коневъ думалъ; раза два мелькомъ взглянулъ на Мери и за тѣмъ, какъ бы остановившись на какой-то мысли, порѣшавъ чѣмъ-то, вышелъ изъ дому.

Между тѣмъ бабушка была уже въ параличѣ. Грусецкій безъ церемоніи объявилъ ей, что у нея въ домѣ бунтъ: она

не выдержала. Коневъ былъ арестованъ въ ближайшей гостиницѣ, гдѣ остановился на время.

Въ вечеру у Мери снова открылась горячка.

Черезъ недѣлю, дома генеральши Бѣлугиной нельзя было узнать. Въ залѣ, не успѣвшей еще разоблачиться отъ роскошныхъ декораций, приготовлявшихся къ пышному празднеству, на богато-убранномъ катафалкѣ покоилась бабушка. Полина плакала; Варя и Аня—тоже; Грусецкій и М-те Viard при постороннихъ театрално рыдали; втихомолку же радовались. Александръ ухаживалъ за больной Мери; я была неотлучно тоже при ней.

Въ это время прѣехала за мной мать; она была принята до крайности холодно и потому поспѣшила увезти меня поскорѣй въ деревню. Я была безъ чувствъ оторвана отъ постели вторично умиравшей Мери.

Черезъ недѣлю мать со всѣмъ семействомъ переѣхала въ нашу петербургскую деревушку.

Мѣсяца черезъ четыре я получила слѣдующее письмо:

Милая Надя!

«Тебѣ, вѣроятно, будетъ пріятно узнать кое-что о насъ. Начну съ тѣхъ, кого ты болѣе любила. Мери послѣ твоего отъѣзда начала поправляться, чему мы всѣ конечно обрадовались. На второй же день пасхи, она куда-то пропала. М-те Viard это ужасно разсердило. Она рвала на себѣ волосы, кричала, плакала, бранилась, но ничего не помогло. Мери исчезла, захвативъ съ собой всѣ нужныя ей бумаги. Какъ ужь она не побоялась открыть шкатулку М-те Viard, я не понимаю. Мнѣ кажется, я бы умерла на мѣстѣ отъ страха.

«Мнѣ было сильно жаль Мери: ты знаешь, она вѣдь всегда заступалась за меня. Мы думаемъ, что ей помогъ убѣжать Коневъ, который нѣсколько раньше былъ освобожденъ изъ-подъ-ареста. Вѣроятно они живутъ теперь вмѣстѣ.

«М-те Viard согласилась жить съ нами. Она хотѣла было сначала уѣхать; но дядя велѣлъ Варѣ умолять и просить ее до тѣхъ поръ, пока она не согласится. Варя плакала, упрашивала, стояла передъ ней на колѣняхъ, и только тогда уже

М-me Biard сама заплакала, объяла насъ всѣхъ и объявила, что она не разстанется съ нами ни за что на свѣтѣ.

«Дядя былъ очень веселъ въ этотъ вечеръ, шутилъ, смѣялся съ Варей, отдалъ ей цѣлый ящикъ брилліантовъ. Помнишь тѣхъ, которые носила Полина.

«Скажу тебѣ по секрету, милая Надя, что Варя со времени своего замужества стала какая-то странная! Мнѣ подчасъ дѣлается ужасно жалко ее. Она все о чемъ-то задумывается, что-то соображаетъ и, когда дяди Валерьяна не бываетъ дома, ходитъ въ нашу старую часовеньку и все плачетъ, все плачетъ. М-me Biard увѣряетъ всѣхъ, будто это отъ того, что ее слишкомъ рано выдали замужъ. Какъ ты думаешь, правда это? Напиши мнѣ объ этомъ; меня это ужасно интересуетъ.

Любящая тебя кузина
Анюта.

«P.S. Я позабыла сказать тебѣ, что подѣлываетъ Александръ. Онъ уѣхалъ къ отцу и остался тамъ; у нихъ въ деревнѣ былъ бунтъ какой-то. Больше я ничего о немъ не знаю».

Малосовъ.

БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

У.

ЗАГОРОДНЫЯ ПРОГУЛКИ БЪСА.

«Ложь есть—и отецъ жи...»

Пріѣзжій генералъ былъ очень доволенъ своей квартирой.

— Я полагаю, спрашивалъ его Ясинскій, — вы довольны своей квартирой?

— О, совершенно! со всѣми удобствами квартира... отвѣтствовалъ Доломанъ.

— Довольны-ли вы своимъ помѣщеніемъ? — спрашивалъ Г—въ.

— Вполнѣ доволенъ, Николай Степанычъ! — отвѣтствовалъ Доломанъ съ выраженіемъ душевной умиленности.

Дьяконовъ забавлялъ его своими разсказами и безкорыстной угодливостью. М-ше Дьяконова въ глазахъ Доломана явилась женщиной съ восточными страстями и восточнымъ типомъ: черноглазая, неказистая смуглянка прожгла генеральское сердце пламенными, дивными взорами, огненными порывами отвѣчала на генеральскіе подходы и проч. Къ великому блаженству Доломана, еще и гувернантка Дьяконовыхъ пала ницъ передъ превосходительными комплиментами, а дѣвушка была миленькая, наивненькая, свѣженькая.

— Алексѣй Иванычъ! проси, чего хочешь,—я такъ доволенъ тобой, что отказу тебѣ ни въ чемъ не будетъ! говорилъ Доломанъ, лѣниво развалившись на диванѣ.

— Полноте, князь,—намъ отъ васъ ничего не нужно,—мы васъ, однихъ *васъ* любимъ... отозвалась М-ше Дьяконова.

— О! много чести!.. Я чувствую себя у васъ, какъ дома, какъ въ родномъ семействѣ... Здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ, па меня востокомъ моимъ пахнуло... да, востокомъ!..

— Видите, что не па востокѣ только можно пользоваться жизнью,—и у насъ на сѣверѣ люди живутъ, наслаждаются, кейфомъ пользуются....

— О, да, ваши морозы не охладили знойныхъ страстей... Но все же я хотѣлъ-бы что нибудь сдѣлать для васъ... Чего ты хочешь, Алексѣй Иванычъ... говори!

— Вотъ дуракъ: догадался-бы долги заплатить... подумалъ Дьяконовъ, но не сказалъ этого.

— Мѣсто какое не хочешь-ли получить? говори смѣло — вице-губернаторомъ сдѣлаю!

— Ради бога, князь, не говорите объ этомъ. Мы желаемъ одного только, чтобы вы побыли подольше съ нами,—больше ничего.

— Да, ваше сіятельство,—больше ничего.

— И чего намъ желать? мы всѣмъ довольны...

— Чортъ ее возьми! подумалъ Дьяконовъ, — хорошо довольны, какъ кругомъ въ долгу...

— Мужу обѣщано мѣсто мирового посредника...

— Ну, теперь дѣло заговорила... подумалъ Дьяконовъ—и крикнулъ отъ удовольствія.

— Мирового посредника? О, онъ получить это мѣсто, будьте увѣрены, получить...

— Да, хороши надежды—чуть въ шею не выгнали... подумалъ Дьяконовъ.

— Я переговорю со всѣми, отъ кого это зависить: съ губернаторомъ, съ предводителемъ... со всѣми... и мое желаніе исполнять. Въ какой уѣздъ вы желали-бы....

— Въ рябиновскій, ваше сіятельство, въ рябиновскій! послѣнно отвѣчалъ Дьяконовъ.

— Мой мужъ, право, кажется созданъ для этой должности: онъ такъ умѣетъ убѣдить мужиковъ, такъ понятно, ясно все растолкуетъ имъ, что я иногда удивляюсь, откуда что берется... Убѣдить, въ чемъ угодно....

— Это ужъ мое дѣло, ваше сіятельство, — я умѣю уладить. Быть посредникомъ — для меня самая лучшая, самая подходящая дѣятельность. У меня всѣ грамоты будутъ по обоюдному согласію составлены. Я улажу...

— Уладить, непременно уладить!

— Ну, чего-же лучше! что и требуется...

— Вамъ, конечно, не случалось, ваше сіятельство, имѣть дѣло съ мужичьемъ, — вы не знаете, какъ трудно ладить съ ними, какой талантъ особый для этого нуженъ. Вотъ недавно...

Но М-ше Дьяконова успѣшила прервать своего почтеннаго со-
жителя:

— Не угодно-ли вамъ кофе, князь?..

— Благодарю васъ, не хлопчите...

— Какіе-жъ тутъ хлопоты; велите, моя милая, подать кофе князю...

Это приказаніе относилось къ гувернанткѣ, которая, не сводя глазъ съ Доломана, сидѣла, прижавшись въ уголокъ. Доломанъ тоже нрѣдка самодовольно поглядывалъ на эту дѣвочку, но далеко не съ той нѣжностью, какъ на хозяйку, въ которой видѣлъ восточный типъ и восточную страстность.

— Добрая дѣвочка у васъ гувернантка! сказалъ онъ.

— Не сла-жу. Она флегма, вяла, хладнокровна, какъ рыба, сѣверная натура. А злюшка-то какая... суко отвѣчала М-ше Дьяконова,

— Неужели?

— Да, злопамятна и капризна, какъ чортъ. Знаете, князь, кого дѣти не любятъ, тотъ человѣкъ нехорошій. Ее дѣти терпѣть не могутъ...

— Представьте, — она на меня по мѣсяцу дуется за какое нибудь шуточное замѣчаніе, заговорилъ Дьяконовъ, знаешь Катя, — у нея характеръ совершенно противоположный съ твоимъ; ты женщина, радон, страстная, вакханка...

— Черкешенка, грузинка! отозвался Доломанъ.

— А между тѣмъ добра и уступчива. Эта-же наоборотъ...

Въ это время доложили, что къ князю прѣхалъ Ясинскій.

Тоцій чиновникъ съ кошачьей головой вошелъ въ комнату и, не сгибая спины, раскланялся съ присутствующими.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Что васъ не видать, князь? здоровы ли вы?

— Благодарю васъ. Такъ, въ семейномъ кругу, съ моими добрыми хозяевами, засидѣлся.

— А я къ вамъ сейчасъ съ пожара.

— Пожаръ былъ?

— Да. Наша полиція дѣйствовала прекрасно, но вѣтеръ былъ такой неблагоприятный, что два дома сгорѣли. Инструменты плохи.

— Плохи?

— Да. Теперь у насъ идутъ толки о преобразованіи пожарной части. Составлена комиссія, которой поручено обдумать проектъ новаго устройства пожарной части. Я полагалъ бы, что прежде всего надо инструменты новые завести...

— Новые?

— Да. Я полагаю, что какъ бы эта часть ни была хорошо устроена, безъ пожарныхъ трубъ ничего сдѣлать нельзя...

— Ничего?

— Я такъ полагаю...

Наконецъ почтенному Доломану сдѣлалось стыдно не выразить до сихъ поръ ничего собственнаго. Онъ нѣкоторое время переминался, наконецъ выразилъ такое мнѣніе:

— Хорошо бы въ пожарныхъ случаяхъ, ваше превосходительство, чтобы остановить теченіе пламени, просто ломать три-четыре сосѣдніе дома съ обѣихъ сторонъ, — тутъ ни пожарныхъ трубъ, ничего не нужно, а между тѣмъ огонь будетъ остановленъ, такъ сказать, безъ пищи оставленъ...

Ясинскій промолчалъ.

— А что, ваше превосходительство, мировые посредники уже назначены? вспомнилъ вдругъ Доломанъ.

— Нѣтъ, окончательно еще не назначены. Я полагалъ бы, что это дѣло надо предоставить предводителямъ, потому что они всего болѣе знакомы съ здѣшнимъ дворянствомъ.

— Я, ваше превосходительство, хочу... Позвольте мнѣ предложить своего кандидата.

Ясинскій кивнулъ головой, какъ генераль въ шарманкѣ.

— Онъ, ваше превосходительство, созданъ для этого мѣста. Уладить — это его дѣло... Доломанъ припоминалъ выраженія Дьяконова: онъ умѣетъ... это его дѣятельность... онъ тутъ... — Доломанъ запутался вовсе, но потомъ вдругъ спохватился: у него, ваше превосходительство, всѣ грамоты по согласію будутъ... Отличный мировой посредникъ! Я надѣюсь, вы не откажете, ваше превосходительство...

— Я полагаю, ваша рекомендація... Позвольте узнать, кто этотъ кандидатъ?..

— Развѣ я его не назвалъ?.. Дьяконовъ, ваше превосходительство, — онъ, мой хозяинъ, превосходный человекъ. Я у него нашелъ себѣ совершенное спокойствіе, — живу, какъ дома. Отличный человекъ. Жена его, ваше превосходительство, чистый, кровный азіатскій типъ. Все семейство прекрасное...

Доломанъ даже запыхался, разомъ наговоривши столько.

— Я полагаю, заговорилъ Ясинскій, что ваше желаніе должно быть уважено. Предводитель тоже, вѣроятно, не откажетъ вамъ. Вы не говорили объ этомъ Николаю Степанычу?

— Нѣтъ еще. Но я скажу ему: надѣюсь, что онъ не откажетъ. Я сегодня же увижусь съ нимъ.

Князь, дѣйствительно, въ тотъ же день видѣлся и съ Г—вымъ, и съ другими лицами; всѣхъ просилъ за Дьяконова.

А выборъ мировыхъ посредниковъ былъ дѣломъ не маловажнымъ въ нашемъ городѣ: шуму, толковъ было не мало.

— Мировыхъ посредниковъ намъ надо — людей съ современнымъ взглядомъ на вещи, не крючкотворцевъ какихъ нибудь, — людей гуманнѣе, образованнѣе: имъ будетъ принадлежать *мисіонерская* сближенія двухъ враждебныхъ сторонъ. Надо свѣжихъ людей, говорилъ Колобродинъ, глубокомысленно склоняя сѣдую голову и опираясь на костыль.

— Непремѣнно, поддерживалъ его Левкинъ, хмурия брови и воображая себя на митингѣ московской заварки; это переворотъ, который долженъ поставить совѣмъ въ иныя отношенія крестьянство и дворянство, — сблизить, примирить, связать ихъ узами не насилія, а единоклюбія и взаимнаго одолженія. Какое же важное значеніе должны имѣть посредники! одно названіе чего стоитъ!

— Дьяконовъ тутъ едва ли годится... прочіе всѣ, но онъ...

— Главное-съ, дѣльныхъ людей тутъ надо; я думаю, заговорилъ Г—въ, — дѣльность, энергія тутъ прежде всего. Дьяконовъ знаетъ дѣло, человѣкъ практическій, не шельганъ какой нибудь. Энергія у него много. А въ то же время и мысли весьма современныя: вотъ онъ надѣется всѣ грамоты по обоюдному соглашенію составить. И сдѣлаетъ, потому что съ энергіей человѣкъ.

— А намъ это и нужно: взаимное согласіе, спокойствіе, тишино на... поддержалъ Ласточкинъ.

— Князь Доломанъ настаиваетъ, чтобы Дьяконовъ получалъ этѣмѣсто, вмѣшался Ясинскій; я съ своей стороны ничего не имѣю противъ Алексѣя Иваныча.

— Ну, это дѣло другое...

Много въ пользу Дьяконова подѣйствовало его рѣшительное убѣжденіе, что въ его участкѣ всѣ грамоты будутъ составлены и введены въ дѣйствіе по взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, въ чемъ удостовѣряла и М-ше Дьяконова, удостовѣрялъ и князь Доломанъ; двое поручителей—дѣло не шуточное.

И вотъ Дьяконовъ — мировой посредникъ, съ цѣпью на шеѣ, и вотъ у насъ новый герой, которымъ мы должны нѣкоторое время ещѣально заняться.

Большія надежды возлагались на этого посредника, и не тщетно: идетъ у него дѣло, какъ по маслу.

Вотъ ѣдетъ онъ на парочкѣ въ деревню самого Г—ва, пне-нуемую Останково, везетъ онъ въ карманѣ уставную грамоту, полученную изъ собственныхъ рукъ его превосходительства, Николая Степаныча, думаетъ онъ крѣпкую думу: «швидко обрѣзалъ генералъ мужиковъ, швидко обрѣзалъ, отъ двадцати-то десятинъ да на семь, да девяти-рублевый оброкъ вмѣсто восьми-рублеваго, а вѣдь какъ расписалъ-то: «желая, дескать, устроить бытъ крестьянъ со всевозможными для нихъ льготами, съ пожертвованіемъ собственного интереса, прибавляю имъ по десятинѣ лишней, сверхъ опредѣленнаго надѣла...» Это, говоритъ, меньшіе братья наши... гуманность... и все такое... Да, вотъ что-то запоетъ эта «меньшая братія?... Еще сдѣлай ему непремѣнно, чтобы крестьяне подписали грамоту, чтобы утверждена была по обоюдному согласію... Проказникъ! . Вотъ тутъ, что хочешь, то и дѣлай, хоть изъ кожи полѣзай... Бѣда!..»

Стоитъ деревенька Останково въ сторонѣ отъ большой дороги, на маленькой рѣчкѣ; покривились избенки, по не богъ знаетъ ужъ

какъ плохи—хуже бываютъ. Только вотъ улица очень грязна: дожди все были, такъ нагрязнило, намочило—боронить совсѣмъ несподручно, развело землю—кисель киселемъ. Глухая деревушка Останово, а словечко «воля» и здѣсь прозвучало,—прозвучало и развело толки, да разговоры на эту тему. Вотъ выдался воскресный день, собрались мужики и толкуютъ о новомъ устройствѣ своей жизни.

— Я и говорю, нельзя ли, молъ, батюшка, дугъ-отъ отвести? безъ дуга что мы дѣлать будемъ, лошаденки не прокормишь...

— Не прокормишь, извѣстное дѣло...

— То ужъ не прокормишь, и говорить нечего...

— Нельзя безъ дуга, никакъ нельзя...

— Сорокъ лѣтъ мы имъ владѣли...

— Ну, стойте, ребята, не перебивайте, дайте ему досказать... Говори, Макся, говори, что онъ-отъ...

— Нельзя ли, говорю, отвести? мы-ста благодарить будемъ. — Нельзя, говорить,—по положенью, говорить, вамъ пять десятинъ на душу надо отрѣзать,—я вамъ по семи отвожу, больше не могу. Я опять ему это объясняю, что, молъ, ты возьми отъ деревни-то землю за себя, да дугъ-отъ намъ отдай, а лишка намъ не надо,—мы по положенью хотимъ...

Говоря это, Макся, дородный мужикъ, съ широкой свѣтлорусой бородой, обращался не столько къ толпѣ, сколько къ сѣдому старика, сидѣвшему на взѣздѣ и угрюмо потупившемуся въземлю.

— Ну?

— Нѣтъ, куда тебѣ...

— Хм... не отдаетъ... значить, намъ полюбовно съ нимъ не помаднть... сказалъ старикъ.

— Вѣстимо, не согласится...

— Надо, значить, черезъ печальство дѣйствовать... даромъ что онъ енералъ, а дѣло такое выходитъ неладное...

— Неладно, совсѣмъ неладно...

— Какіе ужъ тутъ лады,—обидно...

— Ты бы, братикъ, такъ и сказалъ, что съ нашей стороны согласья не будетъ...

— Нешто я не сказалъ? не согласится, говорю, наши, потому нельзя, несподручно... «Поразмыслите, говорить, чтобы отъ этого вамъ худа не вышло,—бѣды на себя не навличте. Чуръ, говорить, на меня не пѣняйте...»

— Грозилъ, слышь: онъ, вѣдь, енарагъ, — съ нимъ, братъ, не пути...

— Пожалуй, ребятушки, чтобы не упекъ.

— Упрячь туда, куда Мамаръ телятъ не гонялъ.

— Чего добраго, у него и въ Питерѣ рука. Вотъ, Миволка, лакейченно, связывалъ: было у него дѣло, крестьяне тоже не покорствовали, до Питера доходило...

— Опасно, ребятушки...

Старикъ все молчалъ, а тутъ вскинулся:

— Опасно, опасно! передразнилъ онъ, — чорта опасно, — то когда было-то, при царѣ Горохѣ, что-ль? до воли, я чай? Бунтовать мы нешто хотимъ? На то намъ и воля дана: хотимъ, согласимся, а коли обиждаютъ насъ — и согласья не даемъ. Не даемъ — и вся не долга. Чего опасаться-то?

— И то, вѣдь, ребятушки, время другое, — воля намъ предоставлена...

— Это знамое дѣло, что воля дана, — обижать насъ не могутъ...

— Что и говорить — несогласны да и шабашъ, потому согласиться нельзя, невыгодно...

— Нельзя, жить совѣмъ нельзя, — ужъ какое это житье будетъ...

— Такъ, значить, и скажемъ — согласья не будетъ... Пусть намъ земли хорошей нарѣжутъ, какой прежь сего владѣли... И толковать пусто нечего... заключилъ старикъ, и направился къ своей избѣ. Изба у него была большая, красивая; у избы стояла крѣпкая телѣга. Молодая баба доила корову у самага въѣзда — сытую и гладкую корову; овцы блеяли въ нижнемъ отдѣленіи избы и просовывали головы въ отверстіе воротъ.

Вслѣдъ за старикомъ разошлась и вся толпа...

Послышался колокольчикъ. Мужикъ, котораго называли Макся, остановился и сталъ прислушиваться.

Это катить нашъ мировой посредникъ Дьяконовъ.

Черезъ полчаса вся деревня зашевелилась. Вѣсть, что *мировой посредственникъ* съ уставной грамотой приѣхалъ, разнеслась изъ дома въ домъ. А бабъ и ребятъ сильно занимало, что у посредственника золотая цѣпь на шеѣ и золотые очки на носу.

Собрали полный сельскій сходъ въ избѣ, которая оказалась благоприличіе и пристойнѣе, чтобы принять господина съ золотой цѣпью на шеѣ.

— Вотъ , ребята, началъ Дьяконовъ, — баринъ вашъ грамоту уставную прислалъ: надо ее вамъ подписать, да утвердить и въ дѣйствіе ввести. Баринъ вашъ добра желаетъ, и противъ положенія по двѣ десятины лишка даетъ, — по положенью тотъ же девяти-рублевый оброкъ назначенъ за пять десятинъ, а онъ вамъ по семи назначилъ. Значить, дѣло такое, что и разсуждать нечего: надо Бога благодарить, да руки прикладывать... Вотъ вамъ статьи Положенія, а вотъ и грамота... читайте!..

Приказаніе относилось къ письмоводителю съ краснымъ носомъ, который (т. е. письмоводитель, а не носъ) прокашлялся, крикнулъ и прочиталъ — сперва статьи Положенія, относящіяся къ дѣлу, потомъ грамоту.

Мужики упорно молчали. Махся вовсе потупился въ землю, а, знакомый намъ, съдой старикъ бороду поглаживалъ.

— Ну, что же, подписывать надо, ребята?.. сказалъ Дьяконовъ. Крестьяне все таки упорно молчали, изрѣдка только иной крикнетъ.

Дьяконова коробить начнало, онъ нахмурился, притуманился.

— Желаете, что ли, подписывать?

Еще молчаніе — тяжелое, неловкое. Старикъ вскинулъ глазами на мужиковъ и заговорилъ первый:

— Что же молчите, ребята? забыли, что мы толковали промежь себя?.. Нѣтъ, ужъ, ваше благородіе, подписывать мы не можемъ. Ваша воля, а не можемъ. Противъ Положенія мы ничего не говоримъ, да землю-то не ту намъ баринъ отводитъ. Мы объ этомъ и самому барину сказывали. Въ Положеніи-то сказано то же, что намъ воля предоставлена: хотимъ, подписываемъ, хотимъ — нѣтъ. А насиловать не велѣно...

— Несподручно больно... невыгодно...

— Подписывать мы не будемъ.

— Намъ такой грамоты не надо...

Словомъ, одинъ рѣшительный! голосъ, прервавшій молчаніе, вызвалъ полный, общій, дружный протестъ.

— Что? вы не подписываете?! закричалъ Дьяконовъ: — это все эта съдая борода васъ мутить?! Хорошо! Какъ тебя?

— Осипъ Ивановъ Корчагинъ...

— Держите двери!.. Постой, голубчикъ, я тебя выучу мужиковъ бунтовать!.. Смотрите же, ребята, будутъ васъ спрашивать о Кор-

чагинъ— всю правду говорите, ничего не утаивайте, чтобы себѣ бѣды не нажить...

Мужики сильно струхнули, готовы были и отступить, — грамоту подписать, да Корчагинъ не трусилъ: «не бойсь, ребятушки, худаго ничего мы не сдѣлали,—зачего намъ и бояться!..»

Въ этой же самой избѣ Дьяконовъ составилъ донесеніе такого содержанія: временно-обязанный крестьянинъ помѣщика Г—ва, деревни Останкова Осипъ Ивановъ Корчагинъ *позволяетъ себѣ толковать въ превратномъ смыслѣ положеніе о крестьянахъ, внушаетъ крестьянамъ, что будетъ другой манифестъ, разстриваетъ добровольныя соглашенія въ имѣніяхъ Г—ва, Верещагина, Половинкиной, въ коихъ слишкомъ тысяча душъ,—легко можетъ произвести бунтъ.*

Тяжелое впечатлѣніе произвело на деревеньку Останково появленіе земской полиціи, получившей распоряженіе—арестовать крестьянина Корчагина...

Домочадцы старика перепугались и завывли на всѣ голоса: «кормилецъ ты нашъ, на кого ты насъ оставляешь?.. что съ тобой будетъ-то, голубчикъ ты нашъ?..»

Мужики затылки чесали, переминались и бродили, какъ ошпаренные: одинъ видъ земской полиціи внушалъ имъ должныя чувства, а мысль о судѣ просто приводилъ въ торчала.

Только Корчагинъ былъ бодръ: старику за шестьдесятъ перевалило, жизнь была прожита,—и прожита не легко, не спустя рукава, кровь уходилась и успокоилась давно, разучилась тревожиться, волноваться... «Что вы напугались-то? ну, чего пугаться? ну — разберуть, посудятъ,—смертоубійства никакого не произошло, поволочать,— и отпустить... Суда не миновать—знакомое дѣло. И раньше того ждать надо было...»

Началось слѣдствіе. Судебный слѣдователь переспросилъ подъ присягой всю волость, многое множество мужиковъ: всѣ показанія были согласны, отчетливы, но отнюдь не подтверждали донесенія нашего героя.

Корчагинъ положительно не сознавался ни въ какихъ толкованіяхъ на счетъ новой воли, и увѣщаніе священника не подѣйствовало, а только удивило старика. Мужики говорили, что не слышали отъ него ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ посредникъ, а грамоты не подписывали по разнымъ причинамъ: одни находили надѣлъ не под-

ходящимъ, другіе пережидали, когда подпишутъ сосѣди, третьи выражали мысль, что вперёдъ ожидаютъ царской милости о прибавкѣ земли сверхъ надѣла, опредѣленнаго положеніемъ. Многіе Корчагина и въ глаза не знали, а подстрекательствъ и побужденій къ несогласію съ помѣщиками отъ него никто не слыхалъ.

— Что за чортъ! — толковалъ слѣдователь, обращаясь къ своему письмоводителю: или мужики мошенники преестествопные, или Дьяконовъ заврался...

— Плутъ—народъ, Александръ Ивановичъ,—это вѣрно-съ... говорилъ письмоводитель.

— Но однако, хоть-бы одинъ проговорился, спутался... Вѣдь вотъ они не скрываютъ же, что ждуть кое-что: какая-то деревня, помните, созналась-же въ ожиданіи увеличенія надѣла. Только вліяніе Корчагина отвергаютъ. Иныя деревни его вовсе и не знаютъ, а посредникъ пишетъ, что въ этихъ деревняхъ Корчагинъ полюбивша соглашенія разстроилъ. Неужели мужики притворяются?

— Плутъ—народъ, бываетъ-съ...

— Бываетъ, да не то...

— Вѣдь г. посредникъ говорятъ-съ, что имъ положительно извѣстно...

— Ну, коли ему положительно извѣстно, такъ и спросимъ его, — пусть на факты укажетъ, отъ кого слышалъ о толкованіяхъ Корчагина, какъ узналъ о нихъ и въ чемъ именно замѣтилъ опасное вліяніе его на мужиковъ, угрожающее бунтомъ.... Какой тутъ бунтъ: мужики смиреншеньки, какъ бараны... Пусть покажетъ факты, тогда, можетъ быть, и доберемся...

Такъ и поступилъ слѣдователь. Дьяконовъ, получивъ запросъ, обругавъ слѣдователя дуракомъ и свиньей и принялся сочинять отвѣтъ. Послѣ многихъ размышленій нашъ герой сочинилъ бумагу съ такимъ содержаніемъ: кому именно внушалъ Корчагинъ превратныя понятія о Положеніи, я не знаю, но вліяніе, явно нарушающее спокойствіе и поделяющее въ крестьянахъ превратное понятіе о Положеніи со стороны Корчагина, доказывается поведеніемъ Корчагина на сходѣ, гдѣ онъ первый прервалъ молчаніе и сказалъ, что грамота невыгодна; а также это вліяніе доказывается двумя фактами: 1) крестьянинъ деревни Иваново на сельскомъ сходѣ выразился, что не надо подписываться въ крѣпостные (т. е. подъ уставной грамотой) и жить съ помѣщиками въ мирѣ; 2) крестьяне г-жи

Дьяконовой не подписали грамоты, выразивъ боязнь опять попасть въ крѣпостные, *чтобы не было озадково*.

«Чортъ знаетъ, что онъ пишетъ! ворчалъ слѣдователь: то знаетъ положительно и подлинныя слова Корчагина приводить въ бумагѣ, а тутъ говорить, что не знаетъ, кому ихъ и говорилъ-то Корчагинъ. Обвиняетъ Корчагина, и рассказываетъ факты о другихъ мужикахъ: какъ-же это относится къ Корчагину, что крестьяне г-жи Дьяконовой боятся озадково. Да и боязнь эта всеобщая, отъ Корчагина — старика нисколько не зависящая! Ссылается на слова старика на сходѣ: да вѣдь онъ на вопросъ отвѣчалъ, и полное право имѣлъ выражать свое согласіе или несогласіе, имѣлъ право даже убѣждать крестьянъ, еслибы это понадобилось, въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, какъ членъ схода!»

Такъ разсуждалъ слѣдователь и спѣшилъ покончить дѣло, изъ котораго ясно, какъ дважды два четыре, можно было видѣть: старикъ Корчагинъ ни въ какихъ провинностяхъ, взведенныхъ на него Дьяконовымъ, ничѣмъ не уличенъ, а на сельскомъ сходѣ говорилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ было описано нами, то есть совершенно согласно съ правами, дарованными бывшимъ крѣпостнымъ положеніемъ 19 февраля; крестьяне разныхъ деревень, указанныхъ Дьяконовымъ, не подписывали грамотъ большею частью потому, что находили ихъ невыгодными для себя и желали въ нихъ нѣкоторыхъ перемѣнъ относительно надѣла землею; иные же выражали боязнь, что подписаться подъ грамотой значить снова подписаться въ крѣпостные, или надежду, что надѣлъ, назначенный положеніемъ, будетъ со временемъ увеличенъ. Они вовсе не скрывали ни своей боязни, ни своихъ надеждъ, но единогласно отвергли всякое вліяніе со стороны Корчагина, а многіе даже вовсе не знали его; никакихъ признаковъ бунта, предвозвѣщаемаго Дьяконовымъ, не оказалось...

Дѣло поступило въ рябиновскій уѣздный судъ, Корчагинъ попалъ въ острогъ, а крестьяне деревни Останково совѣмъ упали духомъ...

Между тѣмъ утвержденіе уставныхъ грамотъ въ участкѣ Дьяконова быстро двинулось впередъ, и ни у кого изъ посредниковъ не было столько грамотъ, подписанныхъ обѣими сторонами, какъ у нашего героя. Алексѣй Иванычъ, разъѣзжая по деревнямъ, умѣлъ провѣсти впечатлѣніе разсказомъ о судьбѣ Корчагина.

Молва о мытарствахъ, которымъ подвергся старикъ Корчагинъ,

полетѣла далеко и усиливала впечатлѣніе, которымъ Дьяконовъ умѣлъ воспользоваться.

Заѣхалъ нашъ герой и въ Останково, сельскій сходъ собралъ, снова грамоту предложилъ.

— Слышали вы, братцы, гдѣ вашъ Корчагинъ обрѣтается?

— Какъ не слышать, батюшка...

— Мы уже жалѣли старика...

— А что его жалѣть? чортъ ли его совалъ посреднику перечить, съ бариномъ въ ссору соваться. По дѣломъ. То ли ему еще будетъ.

— Помилуй Господи...

— А вамъ жалѣть нечего. Худая трава изъ поля вонъ. Сиушать васъ не будетъ,—для васъ еще лучше. Вотъ я опять вамъ грамоту привезъ. Подписывайте-ка, да въ дѣйствіе ее пустимъ. Ну, благослови Господи!—Помялись, помялись мужики, да и подписали грамоту. Подписали, такъ ровно гора съ плечъ упала: до того времени и подписывать-то не хотѣлось, и страшно-то становилось,—все дѣдушка Корчагинъ мерещился, острогъ, слѣдователь, судъ.

— Будемъ жить какъ нибудь, съ голодухи не померемъ... трактовалъ знакомый намъ Макся.

— Знаю, не померемъ. Оно обидно,—ой, какъ обидно,—да ничего не подѣлаешь.

● — Плетью обуха не перешибешь.

— Знать, ужъ такова наша планида. Другимъ, такъ не то выпадаетъ, братцы: съ дуру счастье валить. Вонъ на Дудвино баринъ самъ наѣхалъ,—такой, сказываютъ, ручной—просто голыми руками бери. Чего хочешь — того просишь. И живетъ-то у Семена Прохорова въ избѣ съ мужиками за панябрата, никакой гордости, братцы не имѣть, такой простой да ласковой, что днемъ съ огнемъ поискать. Земли даетъ, сколько хошь, гдѣ хошь, оброки что ни на есть самые подходящіе назначилъ,—всягива вольготности для крестьянъ дѣлаетъ. Вотъ ужъ, коли не врутъ, добрѣющая душа...

— Поди-ка — ты! эка диковина, ребята.

— И впрямь диковина.

Съ этого времени разговоръ обитателей Останкова становится для насъ особенно интересенъ: намъ сдается, что диковинный баринъ — изъ одержимыхъ бѣсомъ. Онъ до чрезвычайности занимаетъ насъ, влечетъ къ себѣ неудержимою силою. Послушаемъ, что еще скажутъ мужики.

— Изъ молодыхъ?

— Какое тебѣ! Борода, слышь, густая и съ просѣдкою. И чудной такой: красную рубаху вдѣнетъ, плисовые штаны и поддевка кучерская, ровно и не баринъ. И говорить таково чудно: по мужицкому што-ли наровить толковать, — только не такъ, какъ бабе-то говорить...

— Прокурать.

— Ужь такой прокурать, коли не врутъ, что на—поди!..

Изъ одержимыхъ, изъ одержимыхъ, нѣтъ сомнѣнія! Скорѣй къ нему, въ Дудкино, скорѣй!.. А Останково? неужели его такъ-таки и бросимъ?—Вотъ его обитатели другой разговоръ завели: скоро-ли Корчагина отпустить? спрашиваютъ они другъ друга и тяжело вздыхаютъ,—что-то съ нимъ, горемышнымъ, сдѣлаютъ? Хошь-бы домой-то скорѣе, отпустили!»

Дудкино мало отличается отъ Останкова: рѣчка, лѣсокъ, кривобогія избенки...

Въ одной избенкѣ, въ лѣтней половинѣ ея, или *горницѣ*, какъ называютъ мужики, на лавкѣ, за простымъ бѣлымъ столомъ, подложивъ подъ себя подушки, сидитъ почтенный господинъ въ славянофильскомъ костюмѣ. Онъ уже далеко не первой молодости; на затылкѣ свѣтится лысинка; большая, широкая русая борода придаетъ ему много красоты; руки его бѣлы и нѣжны; костюмъ щеголеватъ и сшитъ очень ловко, точно для маскарада. Предъ нимъ большой почтовой листъ, на которомъ начато письмо въ Москву—корреспонденція для одной московской газеты.

Въ окошко дуетъ осенній вѣтеръ. На улицѣ раздаются бляеніе овецъ и крики ребятишекъ, которые дразнятъ другъ друга: «Сизая ворона!»—«богомазъ!»—«Баба!»—«Сидитъ баба на кочкѣ, оскалила зубочки!»

Славянофилъ прислушался и продолжалъ писать: «около меня крики ребятишекъ этого грядущаго поколѣнія, которое должно возрасти на волѣ, свободнымъ отъ всякаго гнета, и показать во всемъ величіи, со всею грандіозностью, мощь и силу русской природы. Сколько мѣткости, въ тѣхъ прозвищахъ, которыми угощаютъ мальчишки другъ друга, сколько поэзіи въ этомъ лепетѣ, возрастающаго поколѣнія, — и непремѣнная въ бытѣ русскаго люда «пѣсенность», если такъ можно выразиться, неудержимымъ потокомъ прорывается даже тутъ, среди уличнаго ребячьяго крика: одинъ мальчикъ называетъ

другого «бабой» и распѣваетъ: «сидитъ баба на кочкѣ, оскалила зубочки»... Я много говорилъ съ этими ребятишками, но—увы! они не вѣрили моей красной рубашкѣ, моей поддевкѣ, моей бородѣ, они знали, что передъ ними «баринъ» — и разговаривали недовѣрчиво, робко, не высказывались, не хотѣли передать мнѣ ни своихъ сказокъ, ни своихъ загадокъ и прибаутокъ. Подслушалъ я, что они прозвали меня «жидконогимъ», и хозяинъ мой, угрюмый, солидный мужикъ, съ которымъ я впрочемъ сблизился, далъ своему сынишкѣ тренку за такое прозвище... Да, между нами и народомъ, нашимъ добрымъ, умнымъ народомъ, лежитъ пропасть, черезъ которую еще не перекинуть мостъ. И когда онъ будетъ перекинутъ?.. Много ли насъ трудящихся надъ постройкой этого моста? Горсть, небольшая горсть, тогда какъ тутъ нужны напряженные усилія тысячи, двухъ тысячъ, больше—десяти тысячъ людей. Я познакомлю васъ съ семействомъ, въ которомъ я поселился и съ котораго началъ мое сближеніе съ народомъ. Сближеніе съ народомъ! великое слово! честь тому, кто первый вымолвилъ это слово!.. Но я удаляюсь отъ предмета моей рѣчи. Въ этомъ семействѣ два хозяина: Семень Прохоровъ—старшой, мужикъ угрюмый, неговорливый, съ острой головой и густыми бровями,—онъ, по видимому, неповоротливъ и лѣнивъ, но работаетъ, какъ волъ: я видѣлъ его за работой—и удивился; мы съ нимъ долго были на церемоніяхъ, его угрюмая натура не поддавалась долго, и много усилій надо было употребить, чтобы вызвать его къ сближенію; мнѣ кажется, что онъ сталъ разговорчивѣе со мной только съ того времени, какъ узналъ, что я по грамотѣ отдаю имъ всю землю, которою они владѣли, хотя земля у нихъ слѣшкомъ много. Жена его — небольшая, умная, юла-баба, съ сильнымъ впливіемъ въ семьѣ,—ее зовутъ Агафья, — она все видитъ, все прикидываетъ и все на усь мотаетъ. Второй хозяинъ—меньшакъ Федоръ, здоровякъ съ пудовыми кулаками, съ мудрыми, большой балагуръ, хотя, кажется, простоватъ; — ему лѣтъ 20 съ небольшимъ, а онъ ужъ года три женатъ и скромнень, наивнень, какъ дѣвушка. Жена его прелестная бабенка, Дуня, съ такими нѣжными, тонкими чертами лица, что хоть бы барынь природной, — здоровая, веселая, и съ мужемъ, какъ голубка съ голубемъ. Надо вамъ сказать, что Дудвино—глухой край, и обитатели его совершенные невѣжды относительно всего остальнаго бѣлаго свѣта, кромѣ околodka, особенно молодыя бабы, которыя не бывають нигдѣ дальше церкви. Здѣсь да-

же вино мало въ ходу; у моихъ хозяевъ оно бываетъ только два раза въ годъ—въ какіе-то праздники, Федоръ его и въ ротъ небиралъ. У Семена сынишка—мальчуганъ бойкій, долгоносый и великій охотникъ до сахару: чаекъ здѣсь попиваютъ попраздникамъ. Съ Федоромъ я хожу на охоту, слушаю его балагурство и вообще сблизился окончательно»...

— «На сей разъ будетъ!» — воскликнулъ славянофилъ, бросая перо и тяжело вздыхая: «даже усталъ, разомъ отмахалъ круглый почтовый листъ! Пошибъ (на языкѣ бусурманской Европы эскизъ) выйдетъ недурень.... Надо вотъ названіе придумать».... Онъ пробѣжалъ на-скоро все написанное, и вдругъ, ослѣненный блестящей мыслью, сдѣлалъ заголовокъ: «*Опытъ сближенія съ народомъ* (Письмо къ И. С. А).» Потомъ ему сильно захотѣлось видѣть свою подпись подъ эскизомъ, но эскизъ былъ не конченъ и фамилію подписывать не приходилось, а потому нашъ славянофилъ сталъ разводить на особомъ листѣ на всѣ манеры: Хмѣлевъ, Хмѣлевъ, и разъп ятьдесять—Хмѣлевъ. Начало эскиза, написанное г. Хмѣлевымъ и читателю извѣстное, содержало въ себѣ факты не лживые: дѣйствительно, онъ поселился въ мирной, довольной, зажиточной крестьянской семьѣ, въ которой царствовала тишь да гладь, мужики не пьянствовали и не били бабъ, въ печи часто щи съ говядиной варились, по праздникамъ кипѣлъ пузатый самоваръ; дѣйствительно, хозяинъ его, угрюмый Семень, оттащала свего сынишка за прозвище «жидконогий», данное барину ребятишками; дѣйствительно, самъ Хмѣлевъ сильно хлопоталъ о сближеніи съ народомъ и даже старался говорить народнымъ языкомъ. Сближеніе это состояло въ томъ, что Хмѣлевъ заводилъ солидный разговоръ съ Семеномъ, заходя къ нему въ избу, или выслушивалъ бывальщины Федора, бродя съ ружьемъ, или шутилъ съ бабами.

— Какъ нонѣ сборъ будетъ, все ведро да ведро стоять, — хоша бы маненько дождичкомъ землицу смочило... говорилъ онъ, обращаясь къ Семену.

— Не мѣшало бы дождичка-то .. отвѣчалъ этотъ.

— Вотъ, бабоньги, богу молитесь, чтобы дождичка послалъ...

— Что мы за богомольи, — отвѣчала старшая хозяйка, — молиться, такъ молиться всѣмъ...

— Мужикамъ-то некогда, вамъ слободнѣе.

— Да, какъ не свободнѣо, — вотъ жала дѣнь-то денской, всѣ рученьки измозолила... заговорила и молодуха.

— Эка вѣженка, — ничего, пройдетъ...

— Она у меня вѣдь барыня, батюшка, — вмѣшался Федоръ, ласково глядя на жену: ручки-то бережетъ, — надо вотъ ей перчаточки завести, какъ ты-то носишь, такія.

— Смѣйся, зубоскаль этакой, я вотъ тебя!... Молодья хлопнула мужа по спинѣ и засмѣялась; тотъ схватилъ ее за руки.

— Ну, перестаньте вы, неугомонные! — заговорилъ Семень.

— Дай имъ потѣшиться-то, не мѣшай.

— Что за баловство, — страмота эдакая, — лягутъ спать, такъ натѣшатся. Безстыдники эдакіе!... сердился Семень.

— Экой ты какой монахъ! — подшучивалъ Хмѣлевъ.

— И впрямь — монахъ, — самъ-отъ вѣкъ изжилъ, все въ землю смотрѣлъ и другимъ побаловаться не даетъ, — прямой монахъ, — не будетъ тебѣ и имени другаго, какъ монахъ! — шутила жена.

Бабы додрязнили таки мужика до того, что онъ, разсвирѣпѣвъ со всѣмъ, одной зуботычину далъ, другую за двери вышвырнулъ: дивились, что случилось съ мужикомъ, никогда онъ такъ жены не избивалъ, никогда такъ не ругался, какъ въ этотъ разъ.

Съ этого дня въ избѣ каждый день ругань продолжалась; всему причиной былъ «монахъ». Характеръ Семена вовсе переѣнился: онъ сталъ раздражителенъ, придиричивъ, золъ и еще ужаснѣе смотрѣлъ изъ подлобья; Агафья, баба упрямая — уступить не хотѣла, чуть случай представился, и пошелъ «монахъ» на сцену, и расходился Семень.

— Что, Федоръ, на охотку не сходишь ли? говорить Хмѣлевъ.

— Для чего не сходить... отвѣчаетъ Федоръ.

— Выпьемъ водочки, перекусимъ, да и поидемъ.

— Выпей, батюшка.

— А ты?

— Мы не привычны къ этому, хмѣльнымъ не зашибаемся.

— Напрасно; много не надо, а рюмочку можно и должно, — вино веселитъ сердце человѣка, и въ писаніи такъ сказано. На-ка, хлебни!

— Ни-ни. Почто начипать...

— Полно, баба ты, что ли, — пей на добро... настаивалъ Хмѣлевъ.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, для меня вышей. Рабочему человѣку нельзя безъ вина, только мѣру надо знать. Пей, да бывальщину разскажи, а я сблаться стану. Пей же!

— Что въ самомъ дѣлѣ за диковинка, испробуемъ...

— Ты разомъ, однимъ глоткомъ...

Федоръ хлебнулъ и померещился:

— Ухъ, какъ обожгло, знатно!..

— Еще хвати: первая-то рюмка коломъ, а вторая сожоломъ.

— Не много ли будетъ для первинки-то?.. сказала Федоръ, но выпилъ еще. Онъ весь покраснѣлся, глаза закрились. Двѣ чарки видимо зашумѣли въ головѣ: онъ дѣлалъ уморительныя гримасы, обходился съ Хмѣлевымъ за панибрата и смѣшилъ барина до слезъ... Бывальщины его на этотъ разъ были особенно забавны, хотя языкъ расквашика заплетался.

Хмѣлевъ хохоталъ до-сыта.

Двѣ недѣли прожилъ онъ въ Дудкинѣ, стараясь сблизиться съ народомъ—и до сихъ поръ скучалъ мало, хотя со дня на день ему видимо надоѣдали разговоры съ Семеномъ, и бывальщины Федора. Съ этого времени интересъ сближенія поддерживался удовольствіемъ подпить Федора, которому видимо понравилось зелено-вино и позабавиться его пьяными баласами. Хмѣлевъ не замѣчалъ раздора, поселявшагося въ семьѣ, а между тѣмъ раздоръ возросталъ и отношенія между членами семьи значительно измѣнились.

Надоѣли и новые интересы, а очеркъ былъ не конченъ и срокъ, заданный для сближенія съ народомъ, не миновался. Разъ, около полудня, когда вся семья была на работѣ, кромѣ обряжухи—Дуни, Хмѣлеву стало нестерпимо скучно, хотя онъ и не хотѣлъ въ этомъ сознаться самъ себѣ. Принялся было онъ за продолженіе очерка: «складъ русской семьи, его обычаи...» пѣтъ, ничего не лѣзетъ изъ головы, чортъ его знаетъ, какой онъ тамъ этотъ складъ... Вотъ Дуня самоваръ принесла и поставила на столъ: отъ скуки нашъ славянофилъ запоемъ дулъ чай.

— Дуня, иди-ка сюда, попей чайку со мной, что-то скучно...

— Чего вамъ скучать-то, вы बारे...

— Эка ты, Дуня, скучно, вотъ одинъ одишешенекъ вѣкъ изживаю, какъ былипочка въ чистомъ полѣ, шатаюсь...

— Для чего хозяйку не возьмете?

— Все не правятся ниѣ барышни-то наши. Кабы вотъ такая полюбила, вакъ ты, ну ничего бы.

— Гдѣ ужъ намъ, бабамъ деревенскимъ, съ барышнямъ равняться. У насъ и лице-то все отъ солнышка сгорѣло.

— Садись-ка сюда, дай хоть рядкомъ съ тобой посидѣть,— вѣдь ты раскрасавица...

Хмѣлевъ усадилъ ее подлѣ себя.

— Эка славная баба! Не Ѳедора бы тебѣ любить... Можно тебя поцѣловать?

— Полноте, баринъ, что за поцѣлуи, непривычны мы къ этому. Наши дѣвки съ парнями все щипкомъ, да рывкомъ.

— Ну, такъ и я тебя щипкомъ, говорилъ Хмѣлевъ, трепля ее по щекѣ и цѣлуя.

Дунѣ все казалось, что баринъ шутитъ, но тутъ она вспыхнула и убѣжала.

Хмѣлева не шутя разобрало. Явился новый интересъ въ сближеніи съ народомъ. Охота кончилась, а порціи вина, отпускаемыя Ѳедору, увеличались, да этотъ и самъ завелъ штофигъ. Семень скоро замѣтилъ, что мепышакъ сталъ винцомъ зашибаться.

— Смотри ты, Ѳедюха, брось, а не то я тебѣ ребра переломаяю...

— Поди ты къ лекарю, монахъ!

— Поругайся еще. берегись, пока зубы цѣлы.

— Самъ берегись.

— Ахъ, ты пьяница, подлая твоя рожа!

— Ну, проваливай, проваливай, я заразъ барину пожалуюсь.

Семень призатихъ: барина сердить не хотѣлось,—добрь больно и землю всю по грамотѣ отдаетъ—не то, что въ Останновѣ. Дѣлать нечего, приходилось отваливать, да срывать злость на женѣ, или на сынишкѣ. Жена не уступала—и за себя, и за сына умѣла постоять. И затѣвалась кутерьма.

Хмѣлевъ только и дожидался, когда всѣ на работу уйдуть, останется одна обряжуха. Задумчива и грустна стала Дуня: барскія ласки, барскія сладкія рѣчи, барскіе нѣжные поцѣлуи такъ и мерещились ей,—совсѣмъ не то, что грубая и жесткая ласка мужика... Съ нетерпѣніемъ дожидалась и она, когда останется въ избѣ вдвоемъ съ бариномъ...

Такъ тянулось дѣло съ недѣлю, пока Хмѣлевъ опять не соскучился. Больше интересовъ не предвидѣлось; итакъ, надѣливъ крестъ-

янь двойнымъ количествомъ земли, славянофилъ велѣлъ заложить лошадей въ тарантасъ и сталъ собираться. Вся деревня провожала его. Когда тарантасъ исчезъ между кустами, которые тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, крестьяне разошлись по домамъ: добрый былъ баринъ, ласковый, а все безъ него какъ-то лучше, легче живется, все бѣльмомъ на глазахъ торчалъ. Только Дуня долго сидѣла на взѣздѣ и тихонько вытирала передникомъ свои красивые глаза.

Все по старому осталось въ Дудкинѣ: тѣ же покривившіяся избы, та же рѣчка съ каменистымъ дномъ, та же земля у мужиковъ, только въ избѣ Семена Прохорова все вверхъ дномъ перевернулось. Угрюмѣ смотритъ изъ подлобья Семень и люто поглядываетъ на жену, которая все подсмѣивается надъ нимъ, и начинается у мужа съ женой перебранка, переходитъ она и въ потасовку, а подвернись Семену подъ руку сынишка, и ему вихры натереть. Съ утра хлебнуть Ѳедоръ и ходить на-веселѣ, распѣвая: «Хороша наша кампанья, кто не хвалить, тотъ каналья»; къ вечеру онъ ужъ вовсе лыга не вяжетъ—и ничего не распѣваетъ: слава Богу, что во хмѣлю смиренъ, жены не обижаетъ. А Дуня ходитъ, какъ въ воду опущенная, словно сглазилъ ее кто нибудь: все-то ей противно въ избѣ, мерещатся пѣжныя барскія ласки, сладкія барскія рѣчи, крѣпкіе барскіе поцѣлуи...

Но не пора ли и намъ въ городъ, мы что-то слишкомъ зажились въ деревнѣ...

VI.

ЗМѢЙ ГОРЫНЫЧЪ И ЕГО ЕДИНОВѢРСТВО СЪ НАШИМЪ БѢСОМЪ.

— Не торопитесь, господа, все будетъ. Мы вѣдь единовѣрцы: я самъ либераль, самъ за свободу и права человѣчества стою. Я съ Громекой былъ коротко знакомъ. Но къ чему горячиться?! Я и Громека говорилъ, прямо въ глаза, когда онъ эту исторію съ Ржевусскимъ поднялъ: «вы неправы, мой милый, неправы и неправы! Говорю вамъ: «вы горячитесь...»

— Помилуйте, Евгений Николаичъ, какъ же онъ неправъ былъ: Ржевусскій возставалъ противъ гласности, противъ обличенія...

— Позвольте, Иванъ Владимірычъ, вы знали Ржевусскаго?..

— Нѣтъ...

— А я зналъ.

Такой постоянный разговоръ происходилъ между двумя, вновь пріѣхавшими, лицами: юнымъ бюрократомъ Веселкинымъ, чиповникомъ и любимцемъ губернатора, и новымъ полковникомъ, замѣнившимъ знакомаго намъ Дурмана. Полковникъ на первый взглядъ поражалъ необычайной толщиной, которая показалась странной даже у насъ, при обиліи толстыхъ людей. Выраженіе лица имѣлъ онъ добродушное, нѣсколько пылкое, если такъ можно выразиться, потому что большіе «воспаленные» очи его, казалось, хотѣли выскочить изъ впадинъ; голосъ — глухой, но выразительный и громкій; манеру имѣлъ онъ важную, исполненную достоинства; говорилъ красно и вкрадчиво. Вообще казался человѣкомъ съ достоинствомъ, но добродушнымъ, простымъ и милымъ малымъ. Безцвѣтная, маленькая и глупенькая фигурка Дурмана быстро исчезла изъ памяти обывателей, замѣнившись такимъ тучнымъ и презентабельнымъ субъектомъ. Но М-ше Мейеръ получила о новомъ полковникѣ такую вѣсть изъ Петербурга — отъ лица весьма достовѣрнаго и весьма значительнаго: «онъ дескать человѣкъ очень *тонкій*, не смотря на свою *толщину*». Наша сановница, памятуя каламбуръ значительнаго лица, при взглядѣ на новаго полковника, тотчасъ-же дала ему кличку по шерсти: Змѣй Горынычъ. Мы считаемъ удобнымъ сохранить эту кличку за новопрѣзжимъ полковникомъ.

Извѣстно, что страшные тропическіе змѣи обладаютъ особеннымъ свойствомъ — своимъ взоромъ привлекать животныхъ, долженствующихъ сдѣлаться ихъ жертвою. Этимъ свойствомъ обладалъ нашъ Змѣй Горынычъ. Популярность его быстро возростала во всѣхъ кружкахъ; онъ завладѣлъ общимъ довѣріемъ на столько, на сколько это нужно было, чтобы познакомиться основательно съ положеніемъ дѣлъ. Незамѣтнымъ образомъ онъ явился въ роли посредника между партіями, враждующими между собой. Всѣ настоящіе и будущіе, старые и молодые генералы прѣзжали къ Змѣю Горынычу порознь за совѣтами и наставленіями, и каждый возвращался домой совершенно довольнымъ.

Если правду говорить, то въ Змѣй Горынычъ было то великое

преимущество передъ всѣми этими лицами, что онъ былъ всѣхъ ихъ умнѣе.

Лучшимъ другомъ и помощникомъ Змѣя Горыныча сдѣлался генералъ Г—въ: они сошлись и сблизились, они поняли и оцѣнили другъ друга. Змѣй Горынычъ духомъ выгналъ изъ генерала, такъ сказать выкурилъ, —бѣса, сильно приволакивавшагося за Г—вымъ и уже напустившаго на этого достойнаго мужа своего бѣсовскаго тумана. Случайно, занявъ мѣсто весьма видное и почтенное по выборамъ дворянскимъ, Г—въ начиналъ было трунить надъ своими предшественниками, которые, какъ онъ справедливо замѣчалъ, только небо коптели и въ этой должности цѣнили и соблюдали только титулъ: «ваше превосходительство»; онъ начиналъ трунить и надъ разными заведенными изъ поконъ вѣва порядками; вообще обнаруживалъ стремленіе къ отрицанію; онъ покровительственно отзывался о молодежи, о грядущемъ поколѣніи и все намѣревался собрать около себя кружокъ развитой молодежи. Словомъ, бѣсовскія навожденія носились надъ его головой и осѣняли уже его мозги. Вліяніе Змѣя Горыныча вдругъ открыло очи заблуждавшемуся мужу, стоявшему на краю пропасти. Отчасти открытію очей его способствовало враждебное чувство къ Мейерамъ. А какъ такое же чувство скоро возникло къ этимъ прогрессистамъ и въ Змѣѣ Горынычѣ, то сближеніе между подмошникомъ и генераломъ произошло очень скоро. Въ Г—вѣ враждебное чувство возникло сперва просто изъ зависти и тщеславія, что вотъ дескать, куда бы онъ ни сунулся въ губернскомъ мірѣ, всюду ему Мейеръ поперегъ дороги стоитъ, всюду онъ предупрежденъ, перегнанъ и остается на второмъ планѣ. Вздумалъ онъ съ молодежью сблизиться—куда ему за Мейеромъ гнаться; вздумалъ лаберальничать, —слабо и блѣдно выходить въ сравненіи съ Мейеромъ; вздумалъ проектами и преобразованіями заняться, и тутъ столкнулся съ Мейеромъ, который, какъ извѣстно читателю, любилъ то и другое до страсти; на счетъ благотворительности хотѣлъ прогуляться, но въ домѣ Мейера уже состоялась благотворительная община и выросла, какъ грибокъ, передъ носомъ Г—ва. Вездѣ отставалъ генералъ и все пуще злобствовалъ противъ Мейеровъ. Змѣй же Горынычъ преимущественно озлобился противъ М-ше Мейеръ: онъ терпѣть не могъ всякаго умнаго человѣка, который своимъ умомъ ослаблялъ его собственную силу, его значеніе.

Такъ-то и скрѣпился ихъ союзъ.

— Помилуйте, Николай Степанычъ, трактовалъ Змѣй Горынычъ, поспѣтивъ генерала Г—ва утромъ: нашли кому сочувствовать, мальчишкамъ, выскочкамъ!

— Но... заикнулся было Г—въ.

— Да нѣтъ, лучше не говорите, Николай Степанычъ,—это гнѣздо надо искоренить, всё эти коммуны, эти ассоціаціи надо расшевелить. Я за порядокъ голову готовъ положить, и сдѣлаю своё дѣло, сдѣлаю таки, — выкурю эту бѣсовщину проклятую...

— Я думаю...

— Вы не знаете, Николай Степанычъ, что я знаю... Но вы тоже, вѣроятно, слышали, что у М-ше Мейеръ творится? въ домѣ вице-губернатора-то?

Г—ва всего даже передернуло при воспоминаніи о Мейерѣ.

— Да, проворчалъ онъ, — этотъ Мейеръ — просто выскочка, а жена его — совершенный дьяволъ...

— Именно дьяволъ. Кто у ней первый гость — Бѣгуновъ, мальчишка, говорунъ, у котораго голова, чертъ знаетъ, какими ужасами набита: у ней онъ завтракаетъ, у ней онъ обѣдаетъ, у ней вечера просиживаетъ, книги ей таскаетъ, дочку учить, она ему уроки у знакомыхъ доставляетъ, безъ нея онъ на антоніевской нищѣ сидѣлъ бы, почувствовалъ бы, каково одному на чужбинѣ, безъ родныхъ и друзей, маяться. Она его приголубила, — ну, мальчишка и держится, поди, всякихъ глупыхъ фанатерій.

— Онъ, кажется, такой скромный молодой человекъ...

— Николай Степанычъ! въ тихомъ-то омутѣ черти водятся. Я его хорошо знаю. Я съ нимъ нарочно сблизился, — онъ-съ позволяетъ себѣ говорить обо всемъ, не разбирая ни лицъ, ни чиновъ, ни заслугъ, — обо всемъ, и обо всѣхъ разсуждаетъ, да еще какъ! мальчишка лѣтъ двадцати трехъ — и никакой скромности, ни малѣйшаго почтенія къ старшимъ. Это вѣдь не порядокъ. Этими-то занозами порядокъ и нарушается.. Я все досконально провѣдалъ — что онъ, и какъ онъ, и гдѣ онъ бываетъ, и кто у него бываетъ...

— Можетъ быть, такъ, для препровожденія времени...

— Какое тутъ препровожденіе времени, — въ карты-бы сѣли играть — что-ли, или другое что нибудь придумали, — а то просто толкуютъ... нѣтъ! тутъ дѣло нечисто! штуки!.. А то, что еще:

семинаристы да гимназисты къ нему за книгами госяются. Кутейники-то! тоже чтеніемъ занимаются! Я и тамъ понавѣдался: кружки тоже, чтенію, толки, проекты каіе то... Вотъ куда ведутъ, вотъ куда направлены всѣ эти благотворенія, затѣянные М-ше Мейеръ...

Г—ва опять перевернуло.

— Всю эту дурь, продолжалъ Змѣй Горынычъ, изъ молокососовъ палками-бы кадо выколотить, а тутъ, по милости этого дьявола, прости Господи,—вошло въ моду какое-то глупое сочувствіе.

— Я согласенъ съ вами. Миѣ съ перваго раза не понравились эти толки: молодежь, да молодежь, учащаяся молодежь, благотворенія разныя, лекціи, книги, — все это не по старому, не по нашему,

— Не въ порядѣ вещей-съ. У насъ все порядкомъ держится, и мы длжны пуще всего за порядокъ держаться.

— Да, да,—это вѣрно.

— Вѣдь, что выдумали: въ молодомъ поколѣніи наши всѣ надежды,—оно намъ свѣту дастъ, — труженики науки, люди со свѣжими силами, — надо вытянуть эту молодежь въ наше общество, сблизиться съ ней... На кой чортъ все это? Мы-то что-же? Служили, служили, а теперь будемъ у молокососовъ всякихъ заискивать: просвѣтите, дескать, насъ! — на изнанку свѣтъ хотимъ выворотить.... тьфу!..

— Чепуха, отчаянная чепуха!

— А вся-то эта молодежь, какъ я досконально съ ней познакомился,—надо было познакомиться, всѣ уши ей прожужжали,—фантазеры каіе-то пелѣные, мечтатели вздорные. Дай имъ волю — они все вверхъ дномъ поставятъ. Натурально, зазнались, — и глупятъ....

— Просто съ ума походили. Колобродинъ Иванъ Николаичъ на старости и тотъ—что ни слово—на молодежь сворачиваетъ. Откуда этотъ дурацкій либерализмъ въ нашъ-то дворянскій кругъ заѣхалъ!

— Вотъ подите-съ.

— Отвратительно, возмутительно!

— Прежде всего надо, я думаю, за Мейеровъ приняться: тутъ притонъ всего зла.

— Непремѣнно-съ, Николай Степанычъ.

— Я приготовилъ кое-что...

— Угощеніе для Мейера?—прекрасно... Позвольте полюбопытствовать? Я съ своей стороны пособлю, сколько могу...

— Я хотѣлъ васъ просить объ этомъ.

Г—въ былъ очень доволенъ и спѣшилъ подѣлиться радостью съ Ласточкинымъ, какъ съ лучшимъ другомъ своимъ; Ласточкинъ все зналъ и вѣдалъ до мельчайшихъ подробностей еще ранѣе, но выслушалъ его рассказъ отъ начала до конца, какъ совершенную новость. Таково было положеніе дѣлъ года три спустя послѣ перваго появленія бѣса на нашей почвѣ: Змѣй Горынычъ ему бѣдой грозилъ; бѣсъ видѣлъ это, но не спѣшилъ поджимать хвостъ: а впрочемъ кто разберетъ, къ чему клонилъ этотъ проклятый бѣсъ свою лукавую работу.

Шла тайная, подземная работа, но рѣшительнаго разрыва, явнаго, гласнаго еще не послѣдовало. До Мейера доходили слухи объ этой тайной работѣ, прислана была ему даже копія съ одной бумажки, поступившей на него, но онъ, какъ подобаешь истому прогрессисту, геройствовалъ, смѣялся, говорилъ драматическіе монологи въ высокоблагородномъ стилѣ и вообще не хотѣлъ поддаваться внушеніямъ здраваго смысла, ибо бѣсовщина пробрала его до мозга костей. Въ гостиной М-ше Мейеръ собирались всѣ наши тузы, не обнаруживая или стараясь не обнаруживать никакого непріязненнаго чувства другъ къ другу: являлся генералъ Ясинскій со своимъ неизмѣннымъ «я полагаю бы,» являлся Змѣй Горынычъ съ воспаленными взорами и торжественной рѣчью, являлся Тугоуховъ съ унтеръ-офицерской физиономіей, являлся Безпардонный, старый селадонъ, являлся маститый свѣтскій человѣкъ александровскихъ временъ, являлся Г—въ съ разсужденіями, взятыми на прокатъ у Ласточкина, являлся князь Лебедкинъ — сороколѣтній шалунъ; смирившійся подъ вліяніемъ М-ше Мейеръ, являлся пріѣзжій Доломанъ съ готовой глупостью на устахъ. Правда, что взоры Г—ва, встрѣчаясь со взорами Мейера, выражали съ его стороны непреодолимое желаніе — съѣсть врага живьемъ, но рѣшительнаго разрыва долго не происходило. Онъ явился неожиданно, негаданно, и вотъ какимъ образомъ.

Между Ясинскимъ и Г—вымъ приключилась пѣвая размолвка, одна изъ тѣхъ, которыя совершенно характеризуются поговоркой: «милыя бранятся, только тѣшатся». Мейеръ въ порывѣ, не то рыцарскихъ чувствъ, не то прогрессивныхъ тенденцій, отправился къ Г—ву. Сперва разговоръ шелъ мирно, но Г—ва сильно подмывало затѣять крупный разговоръ.

— Да что вы не въ свое дѣло вмѣшиваетесь? — сказалъ онъ.

— Какъ не въ свое? Развѣ вы не можете понять, что я добиваюсь только того, чтобы вы не называли бѣлаго чернымъ, а черного бѣлымъ...

— Кто же это далъ вамъ право учить меня: хочу называю бѣлымъ, хочу называю чернымъ, — никому отчета не дамъ и васъ спрашиваться не намеренъ...

— Такая невѣжественная выходка заставляетъ меня, Николай Степанычъ, удалиться...

— Невѣжественная выходка! Г—въ покраснѣлъ отъ волненія и хватилъ кулакомъ по столу. Я васъ за такую дерзкую выходку...

Но Мейеръ уже былъ въ другой комнатѣ, а на бѣшеный крикъ Г—ва, откуда ни возьмись, выскочила его жена—полная, смуглая барыня съ усиками:

— Другъ мой, успокойся, — тебѣ вредно...

Разрывъ произошелъ окончательный и немедленно отозвался во всемъ обществѣ.

Къ этому же времени относится полное, откровенное обнаруженіе сего Змѣя во всей его красѣ и силѣ. До сихъ поръ онъ казался на столько ручнымъ, что вызывалъ отъ многихъ довѣріе, котораго онъ такъ добивался. Теперь, избравъ себѣ определенное положеніе въ губернской средѣ и достаточно ознакомившись съ губернской тактикой, не считалъ нужнымъ продолжать быть ручнымъ. Юный бюрократъ и фаворитъ Ясинскаго, Веселкинъ первый завелъ рѣчь о томъ, что при появленіи въ комнатѣ Евгенія Николаевича всего лучше молчать содержаніемъ.

Конечно, со стороны Веселкина это было ничто иное, какъ наводненіе того же бѣса, нашего знакома, и скоро ему пришлось проклипать свои тогдашнія «вольности» (какъ выражаются у насъ).

Всѣ эти «вольности» скоро достигли до ушей Змѣя Горыныча, и Веселкинъ сдѣлался предметомъ ненависти полковника вдвойнѣ: какъ человѣкъ, подрывающій кредитъ его въ обществѣ, и какъ фаворитъ губернатора.

По городу разнеслась ужасная для иныхъ, радостная для другихъ вѣсть: Мейеръ причисленъ къ министерству — «по боку, значить», какъ выражаются наши бюрократы.

Въ колокола не звонили, никакого высокаторжественнаго дня не было и никакихъ визитовъ парадныхъ не полагалось, — а въ городѣ

произошло необычайное движеніе: одни радость развозили по знакомымъ, другіе сътованіемъ хотѣли подѣлиться, третьи считали необходимымъ носовѣщать, какъ, что и почему, четвертые торопились поразвѣдать кое-что, неизвѣстное имъ, пятые рѣшились по секрету поразсказать кое-что, частью имъ извѣстное, частью сочиненное на доугѣ. Экипажи разѣзжали, пѣшеходы сновали, встрѣчались, шептались и расходились. «За что? Можетъ-ли быть? Какъ это случилось?» удивлялись люди добродушные и незнакомые съ политикой, люди простые, темные. — «За присутственные мѣста, значить!» — говорили люди, боявшіеся даже вспомнить о постройкѣ присутственныхъ мѣсть. «Съ губернаторомъ не сошелся, — ну, и слетѣлъ!» толковали люди съ административной точкой зрѣнія и пропитанные принципомъ субординаціи.

— «Съ дворянствомъ не поладилъ!» — размышляли люди, видающіе всю суть дѣла въ дворянствѣ и дворянскихъ вопросахъ.

— «Хорошій, добрый человекъ, — такъ злодѣи и подкопались!» рѣшили лица, облагодѣтельствованные Мейеромъ. — «Это штуки Николая Степаныча, да Зиѣя Горыныча!» — смеянули тѣ, которые были хорошо знакомы съ политикой. — «Долиберальничался!» — молвила молодежь, но она еще не знала, не видѣла, до чего другіе долиберальничаютъ, дожелють и на кого падеть всею тяжестью это развлеченіе, это стуканье въ пустыя бочки!

У подъѣзда Мейеровской квартиры стояли ряды экипажей, въ доктъ его не исчезали посѣтители. Мейеръ горячился и, отчаянно злаясь, твердилъ съ выраженіемъ негодованія на лицѣ: «со мною сдѣлали интригу: всю грязь, какую могли выкопать, собрали и вылили мнѣ на голову!»

— Это ужасно! несовременно! — шамкалъ Колобродинъ: мы не допустимъ этого, — нынѣ не тѣ времена, — такія дѣла не могутъ скрываться во мракѣ, — онѣ должны быть обличены, выведены на свѣтъ божій! неужели п тутъ у насъ не хватить *иниціативы* (опъ все еще не могъ справиться съ инициативой)?

— Все общество должно возстать противъ этого... виѣшался князь Лебедкинъ.

— На кого молодежь наша останется...

— Да, это былъ ея единственный пріютъ. Только здѣсь она могла дышать свободно, не опасаясь...

— Анна Петровна, вѣрите-ли, какъ я услышала объ этомъ, — я

чуть не выкинула,—такъ это меня поразило, — хорошо, что мужъ вошелъ, а то со мной богъ знаетъ что могло сдѣлаться,—вѣдь я послѣднее время хожу... говорила М-ше Кингъ, утирая платкомъ свои очи.

— А я совсѣмъ было умерла, поспѣшила не отстать отъ пріятельницы М-ше Моськина: упала безъ чувствъ—такъ сама и рѣшила, что умерла,—насилу очутовалась!

— Бѣдные-то, бѣдные, что скажутъ...

— Ревутъ, ревма—ревутъ! торопливо и вдохновенно зафантазировала М-ше Моськина: я сейчасъ на улицѣ видѣла—идетъ цѣлая толпа—и всѣ ревутъ, голосятъ на весь городъ..-

— Что такое?—Какже, говорятъ, наша благодѣтельница-то уѣдетъ, на кого она насъ покинетъ?.. Просто ужась, у меня слезы такъ въ три ручья и хлынули!

Длинная фигура и фельдфебельская физиономія Тугоухова выражала необычайный азартъ, и проекты отмщенія—одинъ другаго нелѣпе—появлялись изъ устъ сего долговязаго мужа.

— Пошлемъ телеграмму отъ лица всего дворянства, что не можемъ оставаться безъ Ивана Ивановича...

— Да телеграфъ-то не устроенъ, вмѣшался князь Лебедкинъ.

— Ахъ, чортъ возьми—я и забылъ. Ну, депутацію отправимъ, чрезвычайное собраніе устроимъ.

— Да на чрезвычайное-то собраніе надо еще разрѣшеніе просить.

— Нѣтъ, ужъ надо ѣхать, Никита Павлычъ. Этого поправить нельзя. Ѣхать надо. Не клиномъ свѣтъ сошелся,—гдѣнибудь найдемъ благословенный уголокъ безъ Ослищевыхъ и безъ Змѣевъ Горынычей... сказала М-ше Мейеръ.

— Ужасно, ужасно! — Тугоуховъ приходилъ въ отчаяніе и рвалъ на себѣ волосы:—какойнибудь Ослищевъ—да пойдетъ въ ходъ ваше названіе, Анна Петровна—напакостилъ, да еще отъ лица цѣлаго сословія, которое ввѣрило ему... чортъ знаетъ что такое!.. Погоди же онъ: придуть выборы—мы ему покажемъ. Теперь его партія сократится. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ...

Хотя въ монологъ Тугоухова проглядывало его грубое, фельдфебельское тщеславіе, но слова его все-таки приходились по сердцу Мейерамъ, и оба они благодарили его взглядами.

Вдругъ длиновязаго мужа сего осѣнила гениальная мысль: «вотъ

случай, мелькнуло въ его головѣ, — усилить нашу партію, — выдвинуться: брату предводительское мѣсто, мнѣ члена губернскаго присутствія, — я человѣкъ небогатый, — племянникамъ, сыновьямъ — всѣмъ можно будетъ теплымъ мѣстечка устроить... Надо хлопотать!..»

— Какъ хотите, Иванъ Ивановичъ, какъ хотите, Анна Петровна, а мы зададимъ вамъ прощальный обѣдъ, — дворянство не потерпитъ, не приметъ на себя того, что сдѣлано какимъ нибудь Ослищевымъ. Чиновники, купцы пристанутъ. Я буду самъ хлопотать и распоряжаться. Устроимъ обѣдъ, какого не бывало въ нашемъ городѣ, въ современномъ духѣ — съ заявленіями: выскажемъ въ рѣчахъ все то добро, которое щедрою рукою изливали вы, Иванъ Ивановичъ, и вы, Анна Петровна. . И въ газетахъ опишемъ...

— Это ужъ ваше дѣло...

— Это до насъ не касается ..

Такъ скромно отвѣчали униженные и оскорбленные прогрессисты, но въ душѣ онѣ давно ожидали этого, въ душѣ только мыслью о такой манифестаціи и утѣшали себя отъ неожиданнаго, негаданнаго удара.

— Непремѣнно устроимъ. Сейчасъ-же ѣду хлопотать...

Онъ отправился хлопотать, и хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, который впрочемъ цѣлкомъ долженъ быть приписанъ вовсе не Тугоухову, а все тому-же нашему знакомцу бѣсу: это была послѣдняя его шутка, — бѣсъ не хотѣлъ даже отступить передъ врагомъ — и такимъ страшнымъ врагомъ, каковъ былъ Змѣй Горынычъ, безъ шутики, не путивши на послѣдокъ пыли въ глаза.

Какъ ни хлопотали Г—въ и Змѣй Горынычъ — и залы-то дворянскаго собранія не давали, и генерала-то Ясинскаго напугали до разстройства желудка, — ничто не помогло, ничего не удалось вѣтъ подѣлать.

— Чортъ возьми, — скрежеталъ Г—въ, сидя въ кругу пріятелей: овацію! рукоплесканія! триумфъ какой-то! И кому же!..

— Ничего, Николай Степанычъ мы свое взяли, — выкурили эту язву... утѣшалъ его Змѣй Горынычъ.

— Да, какже не ничего! что теперь выборы скажутъ! Конечно, я не искалъ этого мѣста, — мнѣ что: я у себя въ Трочинѣ королемъ жилъ, королемъ и буду жить. Но знаете, послѣ всего этого, бывши разъ удостоенъ, и афронть... это, это... самолюбіе накопецъ....

— Признаться, я не предполагалъ, чтобы здѣшнее дворянство. Все точно бѣлены объѣлася...

Видно было, что и Звѣй Горынычъ смущался приготовляемой въ честь Мейера оваціей.

Обѣдъ состоялся въ клубѣ. Ужь съѣзжались, съѣзжались экиважи, ужъ тащились, тащились пѣшеходы. Дѣйствительно, такого обѣда не бывало у насъ—ни раньше, ни послѣ. Обѣдали скромно, благопристойно и плотно.

Вотъ поднимается длинновязая фигура Тугоухова, вотъ она поднялась — и уже видна всѣмъ присутствующимъ съ одного конца стола до другаго, вотъ открываются его уста, вотъ они отерлись, и среди мертвой тишины раздался спичъ, твердо на-твердо вызубренный ораторомъ: Тугоуховъ говорилъ общія мѣста, не ссылаясь на факты, о сочувствіи общества къ виновнику торжества. Дѣло для почтеннаго оратора было новое, и потому онъ, видимо, оробѣлъ, струсилъ, голосъ его дрожалъ, очи блуждали, но все это очень шло къ содержанію спича и не портило дѣла. Въ городѣ рассказывали о тѣхъ немовѣрныхъ трудахъ, которые *перетерпѣлъ* Тугоуховъ, сочиняя свой спичъ, а въ особенности затверживая его наизусть. Сколько газетъ и книгъ перебралъ онъ, отыскивая описанія торжественныхъ обѣдовъ, чтобы пріискать приличные образцы! Говорили, будто онъ, между прочимъ, напалъ на описаніе обѣда въ «Тысячѣ душъ», да оттуда и попользовался лучшими мѣстами для своего перваго литературнаго произведенія. Говорили, будто онъ перевелъ стопу бумаги и дюжину перьевъ изгрызъ. Говорили, будто онъ накануне обѣда прочиталъ спичъ тысяча триста двадцать три раза, потомъ заставлялъ свою сертру Софію спрашивать его наизусть, какъ урокъ, а ложась спать, положилъ рукопись подъ подушку, памятуя съ дѣтства этотъ приемъ, по увѣренію школьникова, весьма способствующій заучиванію уроковъ. Такъ говорили и рѣшили, что «спичъ, его сочиненіе, зубреніе и произнесеніе» — самое великое и длинное дѣяніе изъ всѣхъ дѣяній этого длиннаго и великаго мужа... Однако, какъ подумаешь, сколько сплетень-то въ нашемъ городѣ; даже таковаго человѣка, Тугоухова, и того не пощадили!

Мейеръ, взволнованный до глубины души, произнесъ рѣчь въ благодарственномъ родѣ. Взявъ въ руки бокалъ, онъ обошелъ присутствующихъ и съ каждымъ облобызался, не разбирая ни чиновъ, ни лѣтъ: въ городѣ опять-таки рѣшили, что это было самымъ прогрес-

смищеніемъ и трогательнѣйшимъ дѣяніемъ сего прогрессивнаго и трогательнаго терон, такъ что послѣ такого дѣянія прогрессу не вѣнчать и назадъ поворотить.

Обѣдъ, дѣйствительно, былъ описанъ со всѣми подробностями и весьма краснорѣчиво только что пріѣхавшимъ юнымъ писателемъ — племянникомъ Тугухова, который пыталъ часа четыре надъ листомъ бумаги, призывая на себя вдохновеніе; но юный литераторъ былъ крайне разобиденъ редакціей Петербургскихъ Вѣдомостей, сильно сократившей его трогательное описаніе и какъ разъ патетическія мѣста, надъ которыми авторъ потѣлъ всего болѣе, — одинъ разъ даже бѣлье пережѣнилъ.

Ослащеву грозили протестаціями.

Сторонники генерала сошлись принять мѣры. Одинъ изъ нихъ, при пособіи Ласточкина, придумалъ весьма оригинальный пассажъ: онъ созвалъ къ себѣ человѣкъ семьдесятъ дворянъ на обѣдъ, а передъ самымъ обѣдомъ, когда уже распространилось благоволеніе вкусныхъ яствъ, вынесъ листъ бумаги и произнесъ такую рѣчь.

«Господа! Трехлѣтняя служба Николая Степаныча показала, какъ вѣрно сдѣланъ былъ нами выборъ. Вамъ извѣстно съ какой неутомимой дѣятельностью, съ какимъ благородствомъ, съ какимъ тактомъ несъ онъ свои трудныя обязанности! Заявимъ же ему нашу искреннюю благодарность на семь листъ! Пусть будетъ этотъ листъ вещественнымъ и слабымъ выраженіемъ того невещественнаго чувства признательности, которое согрѣваетъ нашу грудь!» Гости пришли въ немалое смущеніе. «Что жъ это значить?» шептались они. «Такъ вотъ за чѣмъ насъ собрали на эту кормежку!» «Какъ бы улизнуть чортъ возьми!» «Каковы штуки!»

— И на кой это чортъ?!

— Это выходитъ, повальный обыскъ, одобряется ли поведеніе Николая Степаныча! съострилъ кто-то. Но дѣлать было нечего: составилось письменное одобреніе Г—ва, который могъ этимъ одобреніемъ заткнуть глотку всякому, сомнѣвавшемуся въ чистотѣ и честности его поведенія. На листъ изображалось заявленіе сочувствія и благодарности генералу отъ лица цѣлаго общества: подпись семидесяти лицъ придавала этому смыслъ и силу.

Либералы посмѣялись, посмѣялись надъ «повальнымъ обыскомъ», пошумѣли, пошумѣли, да и призамокнули: значить устали.

Въ заключеніе нашего повѣствованія, опуская изъ виду разныя подробности дальнѣйшей дѣятельности Змѣя изъ борьбы его съ нашимъ знакомцемъ — бѣсомъ, мы должны привести одну, ужь совершенно невѣроятную и потѣшную, легенду. Нѣкоторые весьма значительныя и достовѣрныя лица рассказывали, что, возвращаясь поздно ночью, или вѣрнѣе — рано утромъ изъ клуба, они видѣли необычайную процессію: катилась по нашимъ улицамъ фантастическая колесница; въ эту колесницу былъ впряженъ бѣсъ прогресса, — а на колесницѣ возсѣдалъ, пыхтя и повода воспаленными очами, самъ Змѣй Горынычъ съ преужаснѣйшимъ кнутомъ, — а бѣсъ улепетывалъ въ припрыжку, поджавъ свой хвостъ, опутивъ рога, и бляялъ онъ простымъ овечьимъ бляеніемъ... Колесница прокатилась отъ центра города къ архангельской заставѣ: здѣсь бѣсъ, собравшись съ силами, оборвалъ постромки и помчался со всѣхъ ногъ къ городу Архангельску, а колесница поворотила обратно. Любопытно бы знать, добѣжалъ ли нашъ бѣсъ до города Архангельска, и если добѣжалъ, то какъ тамъ велъ себя, и чѣмъ кончилисъ его архангельскія похождения?

Такъ прекратилось бѣсовское навожденіе въ нашемъ городѣ:

- И нынѣ все тихо и пусто кругомъ;
- Не шепчутся листья съ гремучамъ ключемъ,
- Напрасно пророка о тѣни онъ просить.—
- Его лишь песокъ раскаленный заносить,
- Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
- Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ...

И. Федоровичъ.

ДЕНИСЪ ДЮВАЛЬ.

VIII.

Могу васъ завѣрить, что мнѣнія нашего добраго ректора высказались въ слѣдующее же воскресенье въ самой рѣзкой и опредѣленной формѣ. Съ самаго начала американской войны онъ неусыпно убѣждалъ своихъ прихожанъ оставаться вѣрными своему государю, и отдавалъ подобающую честь кесаревой власти. «Войну, проповѣдывалъ онъ, не слѣдуетъ исключительно разсматривать, какъ несчастье. Подобно болѣзнямъ, она ниспосылается небомъ для нашего же блага. Она учитъ насъ поборности и терпѣнію среди лишеній, она укрѣпляетъ наше мужество и закаляетъ въ вѣрноподданническихъ чувствахъ; она даетъ намъ случай упражняться въ милосердіи, быть великодушными въ побѣдѣ, терпѣливыми и бодрыми среди пораженія. Храбрые, побѣдоносно сражающіеся за свое отечество, оставляютъ наслѣдіе славы своимъ дѣтямъ. Мы, англичане настоящаго времени, пожинаямъ плоды сраженій при Креси, Аженкурѣ и Блэнгеймѣ. Я охотно уступаю французамъ ихъ битву подъ Фонтене, и шотландцамъ ихъ баннокбернское сраженіе. Подобные подвиги мужества доказываютъ возмужалость націй. Когда намъ удастся усмирить американское возстаніе, — а что удастся, въ этомъ я не сомнѣваюсь, —

тогда, я убѣжденъ, мы увидимъ, что наши непокорные сыны не опозорили своего британскаго происхожденія, были терпѣливы и мужественны, сострадательны и великодушны. Что касается только что объявленной войны съ Франціей, войны, имѣющей громадное значеніе для всей Англіи и для обитателей нашего побережья по преимуществу, то я столь же мало сомнѣваюсь въ правотѣ нашего дѣла, какъ и въ томъ, что королева Елизавета имѣла полное право сопротивляться испанской Армадѣ. Въ настоящій часъ намъ угрожаетъ почти такая же опасность, и я молю Ветеринара, чтобы мы съ мѣлою выказать себя столь же мужественными, твердыми и неутомимыми. Приготовимся исполнить лежащій передъ нами долгъ, и исходъ дѣла предоставимъ Тому, кто одинъ можетъ даровать побѣду.

Прежде чѣмъ сойти съ каедры, нашъ добрый ректоръ объявилъ, что намѣренъ въ слѣдующій же базарный день созвать митингъ въ нашей ратушѣ, митингъ, на которомъ дворяне, фермеры и мореплаватели будутъ обсуждать мѣры, необходимыя для защиты нашего берега. Со дня на день слѣдовало ожидать нападенія французовъ. Весь городъ былъ въ сильномъ волненіи; патрули охотниковъ и милиціи занимали побережье; и подозрныя трубы то и дѣло наводились съ рыбацкихъ судовъ на противоположный берегъ.

Въ ратушѣ собрался многочисленный митингъ, и ораторы наравнили другъ передъ другомъ блеснуть своею преданностью королю и отечеству. Тутъ же было приступлено къ подпискѣ, результатъ которой предназначался для приготовленій къ оборонѣ. Рѣшено было между пятью главнѣйшими приморскими городами южнаго берега Англіи выставить на общій счетъ цѣлый полкъ милиціи. Кромѣ того, дворяне и главные negociанты города Уинчельси согласились снарядить отъ себя конный отрядъ волонтеровъ, которые исполняли бы обязанность береговой стражи и поддерживали бы коммуникацію между регулярными войсками, расположенными въ Дуврѣ, Гастингсѣ и Дилѣ. На французскомъ берегу происходили подобныя же воинственныя приготовленія. Между рыбаками обѣихъ націй дѣло пока не доходило до непріязненныхъ дѣйствій, и я, увы! имѣю поводъ думать, что одинъ мой престарѣлый родственникъ

не совсѣмъ порвалъ сношенія съ своими французскими пріятелями.

Какъ бы то ни было, на митингѣ въ ратушѣ дѣдъ мой выступилъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ подписчиковъ и произнесъ длинную рѣчь. Онъ говорилъ отъ своего лица и отъ лица своихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, французскихъ выходцевъ, которые, вотъ уже около столѣтія, пользовались гостепріимствомъ и свободными учрежденіями Великобританіи. Изгнанные изъ родины папистскими преслѣдованіями, они нашли въ Англіи пріютъ. И вотъ, продолжалъ дѣдушка, присиѣло имъ время показать себя вѣрными и благодарными подданными короля Георга. Дѣдушкина рѣчь была принята съ выраженіями живаго одобренія. Старикъ обладалъ здоровыми легкими и большимъ навыкомъ въ ораторскомъ искусствѣ. Онъ умѣлъ, не переводя духъ, растягивать свои періоды до безконечности, и кому, какъ не мнѣ, было знать его неутомимость по этой части, когда мнѣ по цѣлымъ часамъ приходилось выслушивать этотъ завывающій голосъ, давно уже переставшій (да проститъ мнѣ богъ) отзываться въ ожесточенномъ сердцѣ дѣдушкина внука. Когда дѣдушка замолчалъ, настала очередь говорить мистеру Джемсу Уэстону, и онъ съ своей стороны не ударилъ лицомъ въ грязь. (На митингѣ присутствовалъ и *пріятель мой, мистеръ Джо*, и оба брата сидѣли на эстрадѣ, занимаемой судьями и мѣстною аристократіей). Мистеръ Джемсъ началъ съ того, что мистеръ Дюваль говорилъ отъ лица французскихъ протестантовъ, онъ же, мистеръ Уэстонъ, считаетъ своею обязанностью выразить вѣрноподданническія чувства другой корпораціи, именно англичанъ римско-католическаго исповѣданія. Онъ надѣялся, что въ критическую минуту онъ и его единовѣрцы сумѣютъ показать себя такими же добрыми гражданами, какъ и протестанты. Какъ слабое доказательство своего патріотизма онъ вызвался подписаться на сумму вдвое большую противъ той, которую пожертвуетъ *monsieur* Дюваль, хотя, добавилъ онъ, сосѣдъ Дюваль будетъ и побогаче меня. На это дѣдушка закричалъ: о нѣтъ, нѣтъ! — при чемъ все собраніе разразилось хохотомъ.

— Я за своей гинеей не постою, кратко проговорилъ дѣ-

душка, да будетъ же принята и употреблена съ пользою лепта и этого человѣка.

— Гинея! какъ бы не такъ, проревѣлъ мистеръ Уэстонъ. Я жертвую цѣлую сотню гиней.

— А я другую, добавилъ его братъ. Мы покажемъ, что римско-католическое дворянство Англіи не уступаетъ въ вѣрнопоподданническихъ чувствахъ нашимъ протестанскимъ соотечественникомъ.

— Запишите, что мой свекоръ, Петръ Дюваль, жертвуетъ сто гиней, раздался матушкинъ басъ. Запишите на меня двадцать пять гиней и на сына моего, Дениса, другихъ двадцать пять. Мы ѣли англійскую хлѣбъ-соль, и умѣемъ помнить добро, и отъ всего сердца готовы запѣть: Боже храни короля Георга!

Матушкина рѣчь была принята съ восторженными рукоплесканіями. Люди всѣхъ состояній, фермеры, дворяне, лавочники, повалили гурьбою къ подпискѣ. Когда митингъ разошелся, была уже собрана порядочная сумма на вооруженіе и обмундированіе уинчельсійской милиціи. Старый полковникъ Ивэнсъ, дравшійся при Минденѣ и при Фонтене, и молодой мистеръ Барлоу, у котораго оторвало ногу при Брандуайнѣ, вызвались обучать этотъ отрядъ въ ожиданіи, пока его величество соблаговолитъ назначить для начальствованія надъ нимъ своихъ офицеровъ. Вообще, можно сказать, что всѣ присутствующіе, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ поступкахъ, показали себя достойными сынами отечества.—«Пускай-ка французы сунутся къ намъ на берегъ, было общимъ отзывомъ:—у насъ про нихъ въ Рай, въ Уинчельси и въ Гастингсѣ припасена почетная стража, съ которою мы ихъ и встрѣтимъ.»

Что французы непременно сдѣлаютъ высадку на нашъ берегъ, считалось между нами дѣломъ рѣшеннымъ. Миѣніе это еще болѣе подтвердилось, когда вышла королевская прокламація, говорившая о громадныхъ приготовленіяхъ во флотъ и въ армію непріятеля. У насъ все еще поддерживались *кое-какія* сношенія съ Булонью, Кале и Дункирхеномъ; случалось даже, что наши рыбацкіе суда доходили до Остенде. Такимъ образомъ до насъ доходили свѣденія обо всемъ, что дѣлалось въ

этихъ портахъ, о томъ, сколько тамъ собрано войска, сколько королевскихъ и частныхъ судовъ стоятъ на-готовѣ. Я не слишкомъ удивился, встрѣтивъ однажды вечеромъ нашего стариннаго булонскаго сообщника, Бидуа, покуривавшаго трубочку въ кухнѣ моего дѣдушки и потягивавшаго при этомъ водку, за которую, мнѣ доподлинно извѣстно, не былъ заплаченъ динарій, слѣдовавшій Кесарю. Голуби нагорной фермы по прежнему сновали взадъ и впередъ черезъ проливъ. Однажды, зайдя провѣдать фермера Перро, я засталъ monsieur Ламота и еще другаго господина, снаряжавшихъ въ путь одного изъ этихъ голубей, при чемъ товарищъ Ламота угрюмо проговорилъ по-нѣмецки:—За чѣмъ таскается сюда этотъ *Spitzbube?*—*Versteht vielleicht Deutsch*, торопливо пробормоталъ Ламотъ, и, обернувшись ко мнѣ, любезно осклабился и освѣдомился, какъ поживаютъ дѣдушка и матушка.

Этотъ товарищъ monsieur Ламота былъ нѣкто лейтенантъ Моттерло, состоявшій не задолго передъ тѣмъ на нашей службѣ въ Америкѣ въ одномъ изъ гессенскихъ полковъ. Въ настоящее время онъ повадился-таки частенько таскаться въ Уинчельси, гдѣ онъ велерѣчиво разглагольствовалъ о войнѣ и о собственныхъ воинскихъ подвигахъ, какъ на европейскомъ материкѣ, такъ и въ америганскихъ нашихъ владѣнiяхъ. Слыхалъ я, что онъ живетъ гдѣ-то по близости отъ Кэнтербери; я, само собою разумѣется, догадывался, что онъ принадлежитъ къ той же компанiи *форельщиковъ*, къ которой принадлежали Ламотъ, братья Уэстоны, мой старый грѣховодникъ, дѣдъ, и союзникъ его, мистеръ Роджъ изъ Рай. Скоро мнѣ придется рассказать, какъ дорого поплатился monsieur Ламотъ за знакомство съ этимъ нѣмцемъ.

Зная, на какой короткой ногѣ стоитъ баронъ со всѣми джентльменами, участвовавшими въ *форельномъ* промыслѣ, я нисколько не удивился, встрѣтивъ его въ обществѣ капитана нѣмца, хотя одно обстоятельство, случившееся при этомъ и могло бы навести меня на мысль, что господинъ этотъ занимается дѣломъ еще болѣе противузаконнымъ и опаснымъ, чѣмъ контрабанда. Отправившись однажды прогуляться къ нагорной фермѣ... Выболтать, что ли, здѣсь всю правду, сударыня? Ну ужъ такъ и быть, выболтаю; вѣдь отъ этого вреда никому не

будеть, потому что дѣло касается только насъ съ вами. Итакъ, я хотѣлъ вамъ сказать, что часто отправлялся гулять въ этомъ направленіи потому, что одна молодая особа была тоже страстная охотница до голубей и порой заходила на голубятню фермера Перро. Ужь не любилъ ли я эту бѣлую голубку болѣе всѣхъ прочихъ? Не случалось ли мнѣ подчасъ прижимать ее, трепещущую, къ моему сердцу? Ухъ! какъ старая кровь закипѣла при одномъ этомъ воспоминаніи! Я чувствую себя помолодѣвшимъ... сказать ли, милая, на сколько лѣтъ?.. Эти прогулки на голубятню остались самыми свѣтлыми точками въ нашихъ воспоминаніяхъ.

Итакъ, возвращаясь однажды изъ этого дома, оглащавшагося немолчаемымъ воркованьемъ, я встрѣтился съ однимъ старымъ школьнымъ товарищемъ, но имени Томасомъ Мизомомъ, который чрезвычайно гордился своимъ новымъ мундиромъ рядоваго въ милиціи нашего города, не скидалъ его съ плечъ и всюду расхаживалъ съ своимъ ружьемъ за спиною. Когда я встрѣтился съ Томомъ, онъ только что разрядилъ ружье, понавъ въ какую-то птичку. У ногъ его лежалъ одинъ изъ голубей фермера Перро, и именно изъ голубей гонцовъ. Томъ совсѣмъ растерялся въ виду своего собственного подвига, въ особенности, когда подъ крыломъ убитой птицы нашелъ подвязаннымъ небольшою клочекъ бумаги.

Онъ не могъ разобрать содержаніе этой записки, писанной по-нѣмецки и состоявшей всего изъ трехъ строкъ; но въ этомъ отношеніи я былъ счастливѣе Тома. Сначала я было воображалъ, что извѣстіе, попавшее въ наши руки, касается контрабанднаго дѣла, къ которому столько лицъ были прикосновенны между нашими знакомыми. Что же касается Мизома, то онъ посидѣвши удалиться, вовсе не желая подвергнуться подъ руку фермеру, который конечно не поблагодарилъ бы его за убитаго голубя.

Я положилъ бумажку къ себѣ въ карманъ, ни слова не сказавъ Тому о моихъ догадкахъ; но въ головѣ у меня вертѣлась мысль, которую я рѣшился прежде всего сообщить моему дорогому доктору Бернарду. Я отправился въ ректорскій домъ и тамъ прочиталъ ему извѣстіе, которое несъ бѣдный гонецъ, настигнутый пулею Тома. Содержаніе записки, переведенное

анюю доктору, сильно перепоилило и обрадовало жбего доб-
 рию друга. Въ особенности же онъ поквалилъ меня за то,
 что не смсочалъ при Томѣ. — Чуть ли ми не запали на цѣл-
 ный заговоръ, Денни, голубчикъ, оказалъ онъ мнѣ; — дѣло, ка-
 саета, важное. Ничто же ветеромъ переговору о немъ съ
 полковникомъ Ивэнсомъ. Мы отправились на квартиру мисте-
 ра Ивэнса, То былъ тотъ самый старый воинъ, который сра-
 лася еще додъ начальствомъ герцога Кэмберлендскаго. Въ
 настоящее время онъ былъ, подобно самому доктору, мировымъ
 судьей въ нашемъ графствѣ. Я перевелъ полковнику содержа-
 ніе записки, которое было слѣдующее:

(Тутъ слѣдуетъ пропускъ у Пэжжера.)

Мистеръ Ивэнсъ справился съ лежавшимъ передъ нимъ о-
 фиціальнымъ спискомъ войскъ, расположенныхъ въ различныхъ
 пунктахъ между пятью главными портами; оказалось, что свѣ-
 денія, отправленнымъ съ бѣднымъ голубемъ, были вполнѣ вѣр-
 ны. Дентльменъ этотъ предложилъ мнѣ вопросъ: узнаю ли я
 въ запискѣ почеркъ monsieur Ламота? Нѣтъ, врядъ ли то
 была его рука. Тутъ я рассказалъ о нѣмецкомъ капитанѣ, ко-
 торого видалъ въ обществѣ monsieur Ламота. Оказалось, что
 мистеръ Ивэнсъ знаетъ этого Моттерле, (какъ нельзя лучше.
 «Всяи Моттерле замѣшаны въ это дѣло, проговори т мистеръ
 Ивэнсъ, — то мы въ скоромъ времени доберемъ и до дальнѣй-
 шихъ подробностей.» И онъ шепнулъ что-то на ухо доктору
 Бернарду. Меня же онъ осмалъ поквалами за мою осмотри-
 тельность, наказалъ мнѣ никому не говорить ни слова объ
 этомъ дѣлѣ, да и товарищу посоветовать, чтобы онъ держалъ
 языкъ за зубами.

Но Томъ Мизомъ не слишкомъ-то былъ остороженъ; онъ
 проболтался о своемъ приключеніи двумъ, тремъ кумушкамъ,
 и родителямъ своимъ, которые были такъ же, какъ и моп, тор-
 овцы средней руки. Жили они въ уютномъ домикѣ, при ко-
 торомъ находился садъ и удобное помѣщеніе для скота. Въ
 одно прекрасное утро они нашли принадлежащую имъ лошадь
 мертвою въ стойлѣ; нѣсколько дней спустя у нихъ пала корова.
 Странные способы мидеи употреблялись сплошь и рядомъ во
 армена этой местности. Фермеры, торговцы и даже дворянны,
 прогнѣвшій нѣтъ-нибудь *извѣстную ирришо*, жерѣде доро-

го платился за возбужденную имъ неприязнь. Къ сожалѣнью, я не могу ни отрицать, ни смягчать того факта, что мой злополучный старый дѣдъ былъ и оставался участникомъ заговора контрабандистовъ. Правда, тяжелое наказаніе обрушилось на него за его грѣхи, но я не хочу забывать впередъ моего разсказа.

Въ гости къ нашимъ уинчельсійскимъ судьямъ пріѣхалъ однажды капитанъ Пирсонъ, командиръ фрегата *Серамисъ*, стоявшаго въ то время воалѣ Дувра. Я помнилъ этого джентльмена, котораго выдалъ еще въ Лондонѣ, въ домѣ моего добраго покровителя, сэра Питера Дениса. Мистеръ Пирсонъ съ своей стороны помнилъ маленькаго мальчика, подстрѣливаго разбойника, и съ большимъ вниманіемъ выслушалъ разсказъ о голубѣ гонцѣ и о найденницѣхъ на немъ извѣстіяхъ. Оказалось, что и онъ, подобно полковнику Ивэнсу, знакомъ съ мистеромъ Моттерло. — Поступокъ вашъ, молодой человекъ, очень похвальный, проговорилъ капитанъ, — но всѣ извѣстія, приносимыя этими птицами, идутъ черезъ наши же руки.»

Между тѣмъ, сильное волненіе господствовало по всемупротяженію нашего берега и съ часу на часъ ожидали высадки французовъ. Говорили, что французскій флотъ многочисленнѣе нашего флота, стоящаго въ проливѣ; что касается французской арміи, то мы положительно знали, что она превосходитъ нашу. Живо помнятся мнѣ страхъ и безпокойство, господствовавшіе тогда между нами, паническій ужасъ однихъ, хвастливыя выходки другихъ; въ особенности же памятно мнѣ одно воскресеніе, когда церковь наша внезапно опустѣла вслѣдствіе слуха, распространившагося по скамьямъ, будто французы уже высадились на берегъ. Помню, какъ все собраніе устремилось къ выходу, и изъ первыхъ побѣжали тѣ, которые всего больше хвастали, всего громче восклицали: пускай-ка ихъ къ намъ сунутся! Остались дослушивать проповѣдь только мы съ матушкой, да капитанъ Пирсонъ на ректорской скамьѣ; а докторъ Бернардъ, какъ на зло, не захотѣлъ выкинуть изъ своей проповѣди ни единого слова, в я, признаюсь, сидѣлъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Обычное благословеніе онъ произнесъ съ большею противъ обыкновеннаго медленностью и торжественностью, послѣ чего онъ принужденъ

былъ самъ отворить дверцу каюды и спуститься съ лѣстницы одинъ, потому что провожавшій его обыкновенно причетникъ оставилъ свой наложъ и бѣжалъ вмѣстѣ съ остальными прихожанами. Въ этотъ день докторъ Бернардъ увелъ меня обѣдать съ собою въ ректорскомъ домѣ. Что же касается добрѣйшей моей матушки, то она была слишкомъ себѣ на умѣ, чтобы обижаться на ласку за то только, что эту ласку оказывали не ей, а мнѣ. Являясь въ мистрисъ Бернардъ съ своею корзиною модныхъ товаровъ, она держала себя на почтительномъ разстояніи, какъ и подобаетъ торговкѣ.—«Ты же, сынъ мой, говаривала она, —совсѣмъ другое дѣло. Я хочу сдѣлать изъ тебя джентльмена.» И по чести, я, кажется, могу сказать, что старался, на сколько хватало моихъ слабыхъ силъ, исполнить желаніе почтенной старушки.

Само собою разумѣется, что разговоръ за столомъ преимущественно вращался около войны, ожидаемой высадки французовъ и способовъ отразить нападеніе. Многое изъ того, что говорилось, было для меня тогда китайскою грамотою; но здѣсь будетъ у мѣста изложить нѣкоторые факты, которые, собственно для меня, выяснились только впоследствии. Голуби не только доставляли свѣденія французамъ, но и приносили намъ оттуда обратно кое-какія извѣстія. Посредствомъ этихъ и другихъ лазутчиковъ правительству нашему, какъ нельзя лучше, были извѣстны намѣренія и приготовленія непріятеля. Помню я, какъ всюду намекали на какихъ-то таинственныхъ корреспондентовъ, которыхъ его величество имѣло во Франціи, и которые сообщали ему изумительно точныя свѣденія. Мистеръ Моттерло тоже чѣмъ-то орудовалъ по части рекогносцировки. Въ Америкѣ онъ служилъ въ дѣйствующей арміи, потомъ, возвратившись въ Англію, былъ нѣсколько времени вербовщикомъ и еще справлялъ какую-то службу. Съ разрѣшенія своего начальства онъ сообщалъ кое-какія свѣденія непріятелю, а въ обмѣнъ получалъ извѣстія изъ Франціи, которыя и передавалъ англійскому правительству. Почтенный джентльменъ этотъ былъ шпионъ по ремеслу; и хотя ему на роду и не было написано познакомиться съ висѣлицей, тѣмъ не менѣе онъ жестоко поплатился за свое вѣроломство, о чемъ мнѣ еще предстоить рассказать вамъ впоследствии. Что же

касается Ламота, то, по мнению гостей мистера Бернарда, онъ не пускался въ предательство, свитая своимъ приваженіемъ контрабанду, и въ этомъ дѣлѣ имѣлъ своими сообщниками десятки и даже сотни нашихъ согражданъ. Однимъ изъ этихъ сообщниковъ заведомо мнѣ былъ мой благочестивый дѣдушка, двое другихъ жили въ аббатствѣ, и еще многихъ могъ бы я считать между жителями нашего маленькаго городка; такъ, всѣ *фореверини*, созданные мною въ ту ночь, когда хоронили бѣдную *Madame de-Saverly*, принадлежали къ этой партіи.

Передъ уходомъ домой я получилъ дружеское позаніе руки отъ капитана Пирсона; что же касается добраго доктора, то, до одному уже взгляду, брошенному имъ на меня, я угадалъ, что на умѣ у него какое-то особенно хорошее намѣреніе относительно меня. Догадка моя оправдалась въ самомъ скоромъ времени, и какъ разъ въ ту минуту, когда я было началъ предаваться безвыходному отчаянію. Моя дорогая малютка Агнеса пользовалась позволеніемъ этихъ противныхъ Уестоновъ, въ домъ которыхъ она жила, навѣщать мистрисъ Бернардъ; а эта добрейшая старушка никогда не забывала косвеннымъ образомъ довести до моего свѣденія, что моя возлюбленная малютка будетъ у нея въ гостяхъ. То послала она мнѣ сказать, что «ректору понадобилась его книга *Арабскихъ сказокъ*, а потому не принесетъ ли ее Денисъ самъ?» То мистрисъ Бернардъ препровождала мнѣ свою варточку съ надписью: можешь придти къ намъ нынче вечеромъ, если рѣшилъ свою задачу изъ математики, — или же: тебѣ представляется случай взять урокъ французскаго языка; — или что нибудь въ этомъ родѣ, а я уже зналъ, что будетъ моею милою учительницею. Не знаешь ли ты, моя милая, сколько лѣтъ было Джульетѣ, когда начался ея романъ съ молодымъ Камулетомъ? Что до насъ касается, то пора расцвѣтанія нашей молодой страсти относится къ тому времени, когда моя возлюбленная еще не переставала играть въ нуклы, не мало пожилъ я съ тѣхъ поръ на свѣтѣ, но ни разу еще не равстался съ драгоценнымъ талисманомъ невинности, который носилъ тогда въ своемъ сердцѣ; омы-то и помогалъ мнѣ не разъ устоять противъ искушенія.

Ужь не позавѣлся ли мнѣ вамъ во всемъ? Ну, такъ и быть,

знайте, что мы, плутишки, то и дѣло обмѣнивались коротенькими записками, которыя ужъли очень ловко прятать въ такія норки, про которыя никто кромѣ насъ не зналъ. Джульета писала крупными, круглыми буквами, по французски; что же касается отвѣтовъ Ромео, то боюсь, что они грѣшили по части правописанія.

Странныя были у насъ присканы мѣста, въ которыя мы прятали свои письма, чтобы они лежали тамъ *poste restante*. Для этой цѣли служила намъ между прочимъ фарфоровая ваза, стоявшая на этажеркѣ въ гостиной; мы запускали туда руки и рылись между цвѣточными лепестками, пока пальцы наши не окупывали сложенную бумажку, болѣе душистую и драгоценную въ нашихъ глазахъ, чѣмъ всѣ розы и гвоздики въ мірѣ. Былъ у насъ еще великолѣпный почтамтъ, помѣщавшійся въ дулѣ ружья, висѣвшаго надъ каминомъ въ залѣ. Правда, къ этому ружью была прикрѣплена записочка, на которой значилось, что оно заряжено, но мнѣ ли было не знать, какую цѣну придавать этому предостереженію, когда самъ же я помогая Мартину, докторскому слугѣ, чистить это ружье? Наконецъ на кладбищѣ подъ крыломъ лѣваго херувима, на памятникѣ сэра Джостра Баллинга, было у насъ подмѣчено небольшое углубленіе, въ которое мы владѣли клочки бумаги, исписанные условными знаками собственнаго нашего изобрѣтенія. На этихъ-то клочкахъ бумаги говорилось... Ну, да вы и сами догадываетесь, о чемъ на нихъ говорилось. Мы писали на нихъ старую пѣсню, которую не цереставали пѣть молодые сердца отъ начала міра. Мы писали «*ато, атам* и т. д.» нашею ребячьей рукою. Теперь эти руки начинаютъ дрожать, но благодареніе Богу! онѣ могутъ писать тѣ же слова. Знаешь ли, моя голубка? въ послѣднюю мою поѣздку въ Уинчельси я не утерпѣлъ и пошелъ взглянуть на гробницу сэра Джостра и на углубленіе подъ крыломъ херувима; но тамъ я ничего не нашелъ кромѣ плесени и моху. Записки эти часто попадались въ руки мистрисъ Бернардъ, которая ихъ пробѣгала, какъ эта добрейшая старушка сама рассказывала мнѣ впоследствии, но дурнаго она въ нихъ ничего не видѣла, и когда докторъ Бернардъ начиналъ хмурить брови (на что онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ полнѣйшее право) и собирался задать преступни-

камъ головонойку, его жена напоминала ему: то время, когда самъ онъ былъ старшимъ въ Гарроуской школѣ и улучалъ такъ свободныя минуты, чтобы писать посланіе одной молодой сосѣдкѣ, которая между тѣмъ не имѣли ничего общаго съ упражненіями въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Обо всемъ этомъ, какъ я уже упоминалъ, она рассказала мнѣ впоследствии; съ самаго начала нашего знакомства она была моимъ неизмѣннымъ другомъ и покровительницей.

Но эта счастливейшая пора моей жизни (да! счастливейшая, хотя я и теперь очень и очень счастливъ, и благодарю свою судьбу) должна была кончиться внезапнымъ переворотомъ. Съ высшей ступени благополучія, на которую я успѣлъ взобраться, судьба готовила мнѣ неожиданное, жестокое паденіе, послѣ котораго я долго чувствовалъ себя совершенно оглушеннымъ и разбитымъ. Я уже рассказалъ о наказаніи, постигнувшемъ Томаса Мизома за непрошенное вмѣшательство въ дѣло господина Моттерло и за неумѣстную болтовню. Дѣло въ томъ, что тайна мейн-герра была извѣстна двумъ личностямъ: Тому Мизому и Денису Дювалю; и хотя Денисъ и помалчивалъ объ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ вышеописаннаго разговора съ ректоромъ и капитаномъ Пирсономъ, все же до свѣденія Моттерло дошелъ тотъ фактъ, что записка, найденная на убитомъ голубѣ, была прочитана и переведена мною; сообщилъ же ему объ этомъ никто иной, какъ самъ капитанъ Пирсонъ, у котораго съ нѣмцемъ были какія-то частныя дѣла. Когда Моттерло и его сообщникъ узнали объ участіи, которое я, на бѣду свою, принималъ въ открытіи этого дѣла, они разразились противъ меня еще болѣе страшною яростью, чѣмъ противъ Мизома. Баронъ де-Ламотъ, нѣкогда ограничивавшійся нейтралитетомъ и даже оказывавшій мнѣ расположеніе, вспылалъ теперь противъ меня непримиримою ненавистью и смотрѣлъ на меня, какъ на врага, отъ котораго ему надлежало, во что бы то ни стало, избавиться. Изъ всего этого готовился переворотъ, которому суждено было сбросить меня съ блаженной высоты, откуда я взиралъ на мою маленькую красавицу, гулявшую въ саду, у подножія стѣны.

Однажды вечеромъ... какъ живо помнится мнѣ этотъ вечеръ! Дѣло было въ пятницу...

(Тутъ слѣдуетъ пропускъ у самого Тэккерея).

Напившись чаю вмѣстѣ съ моею маленькою красавицею у мистрисъ Бернардъ, я получилъ позволеніе проводить ее до дома мистера Уэстова, въ аббатствѣ, который находился всего въ какихъ нибудь ста ярдахъ отъ ректорскаго дома. Между гостями мистера Бернарда только и рѣчи было въ этотъ вечеръ, что о сраженіяхъ, объ опасностяхъ, о высадкѣ непріятеля и о военныхъ извѣстіяхъ изъ Франціи и Америки; моя милая малютка все время сидѣла молча, поглядывая своими большими глазами то на одного изъ разговаривающихъ, то на другаго, и снова принималась за свое вышиванье. Но вотъ часы пробили девять, обычный часъ, въ который миссъ Агнеса возвращалась къ своему опекуну. Я удостоился чести быть ея провожатымъ и дорого бы далъ, чтобы короткое разстояніе, отдѣлявшее эти два дома, удесятирилось. «Покройной ночи, Агнеса! Прощай, Денисъ; въ воскресенье увидимся.»—Еще на одно короткое мгновеніе затягивается нашъ разговоръ; онъ происходитъ шопотомъ и безъ другихъ свидѣтелей кромѣ звѣздъ; маленькая ручка серьезно замѣшкалась въ моей рукѣ и тихо пожимаетъ ее. Но вотъ на мраморномъ полу внутри дома слышались шаги слугъ, и я спѣшу удалиться. Ужь не знаю, какъ это такъ дѣлалось, только ни утромъ, ни вечеромъ, ни за уроками, ни за играми, не выходила у меня эта милая малютка изъ головы.

— Въ воскресенье увидимся, а сегодня была пятница. Но даже и этотъ промежутокъ времени казался мнѣ невыносимо долгимъ. Оба мы и не подозрѣвали, какая долгая разлука лежитъ передъ нами, сколько приключеній и опасностей переживу я прежде, чѣмъ мнѣ будетъ дано снова позвать эту дорогую ручку.

Калитка захлопнулась за нею, а я пошелъ вдоль церковной ограды домой. Дорогой я вспомнилъ ту счастливую, ту незабвенную ночь моего дѣтства, въ которую мнѣ удалось спасти мою малютку отъ ужасной смерти; вспоминались мнѣ и послѣдующіе годы моей молодой жизни, озаренные любовью къ ней. Въ теченіе многихъ лѣтъ она одна была мнѣ утѣхою и товарищемъ. Дома я не терпѣлъ недостатка ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни даже въ ласкѣ, по крайней мѣрѣ съ матушки-

ной стороны; но жизнь моя проходила одиноко и, только сдѣлавшись своимъ человѣкомъ въ домѣ добраго доктора, узналъ я, что такое дружба и сообщество близкихъ людей. О, какіе торжественные обѣты давалъ я передъ самимъ собою! Какъ я молилъ Бога, чтобы мнѣ показать себя достойнымъ такихъ друзей! Погруженный въ эти мысли, я всеело шелъ домой, какъ вдругъ... вдругъ случилось нѣчто такое, разомъ измѣнившее теченіе всей моей послѣдующей жизни.

Это нѣчто былъ ударъ дубиною по головѣ, отъ котораго я безъ чувствъ повалился на землю. Помню я съ полдюжины человѣческихъ фигуръ, чернѣвшихъ въ переулкѣ, черезъ который лежалъ мой путь; помню я драку, сопровождавшуюся ругательствами, да голосъ, воскликнувшій: — бей его крѣпче, чортъ съ нимъ совсѣмъ!— вслѣдъ за тѣмъ я повалился на землю, столь же безжизненный, какъ и мостовая, на которой я лежалъ. Очнувшись, я почти ничего не могъ видѣть отъ крови, слѣпившей мнѣ глаза; я очутился въ крытомъ фургонѣ въ обществѣ нѣсколькихъ другихъ раненыхъ; на вырвавшійся у меня стонъ чей-то грубый голосъ прорычалъ, чтобы я, зная молчалъ, не то мнѣ еще разъ проломать голову, и приправилъ эту угрозу крѣпкимъ словомъ. Первыми моими ощущеніями, когда я пришелъ въ себя, были недоумѣнія и страшная боль; но вскорѣ я опять лишился чувствъ. Когда же сознаніе снова возвратилось ко мнѣ на половину, то я почувствовалъ, что меня вынимаютъ изъ фургона и несутъ къ носу барки, куда вслѣдъ за мною, кажется, бросили и остальныхъ моихъ несчастныхъ товарищей по фургону. Помню я, что кто-то пришелъ ко мнѣ и обмылъ мою окровавленную голову соленою водою (которая причинила мнѣ жестокую боль). Потомъ тотъ же самый человѣкъ шепнулъ мнѣ на ухо: не бойтесь, я вамъ другъ, — и повязалъ мнѣ голову носовымъ платкомъ. Потомъ наша лодка тронулась по направленію къ бригу, стоявшему недалеко отъ берега. Когда я, шатаясь, взбирался на бригъ, меня чуть не убилъ тотъ самый человѣкъ, который нанесъ мнѣ ударъ; но мой покровитель за меня заступился. Покровителемъ этимъ оказался никто иной, какъ Томъ Гукамъ, семейству котораго я помогъ своими тремя гинеями; онъ положительно въ этомъ случаѣ спасъ мнѣ жизнь, потому что напавшій на меня него-

дѣйствительно въ послѣдствіи, что у него было недоброе противъ меня на умѣ. Меня, да еще нѣсколько человекъ, стонущихъ, избѣженныхъ плѣнниковъ бросили въ трюмъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и нашъ бригъ отправился къ мѣсту своего невѣдомаго для насъ назначенія. Что за мучительную ночь я провѣлъ на немъ! Въ бреду мнѣ представлялось, что я спасаю Агнесу изъ воды, и я громко звалъ ее по имени, какъ мнѣ рассказывалъ въ послѣдствіи Томъ Гукамъ, приходившій съ фонаремъ провѣдать несчастныхъ, валявшихся въ этой конурѣ. Томъ принесъ мнѣ еще воды, и такъ, въ лихорадочномъ, тяжеломъ снѣ прошла эта мучительная ночь.

Путру нашъ бригъ подъѣхалъ къ фрегату, лежавшему въ дрейфѣ около какого-то города. Опираясь на руку Тома Гукама, я кое-какъ перемѣстился на корабль. Случилось такъ, что въ эту самую минуту пришла отъ берега капитанская шлюпка, такъ что капитанъ съ своимъ обществомъ столкнулся лицомъ къ лицу съ нашей жалкою партіей плѣнныхъ, сопровождаемой поимщиками. Вообразите себѣ мое удивленіе и радость, когда я въ капитанѣ узналъ друга моего добраго ректора, капитана Пирсона. Лице мое было повязано, и къ тому же такъ блѣдно и перепачкано кровью, что трудно было его узнать.—«Такъ-то, пріятель, обратился ко мнѣ капитанъ довольно строгимъ голосомъ:—ты хотѣлъ непременно драться; вотъ ты и поплатился за сопротивленіе людямъ, состоящимъ на службѣ его величества.»—«Я и не думалъ сопротивляться, отвѣчалъ я.—Меня ударили сзади, капитанъ Пирсонъ.»

Капитанъ поглядѣлъ на меня свысока, съ выраженіемъ изумленія. И дѣйствительно, трудно было представить себѣ молодого человека съ болѣе подоврительною внѣшностью. Но, поглядѣвъ съ минуту, онъ воскликнулъ:—«Съ нами сила крестная! Да это никакъ молодой Дюваль! Тебя ли я вижу, голубчикъ?»

— Да, сэръ, проговорилъ я, и съ этими словами отъ волненія ли, отъ слабости ли и потери крови, я почувствовалъ, что въ глазахъ у меня мутится и снова упалъ въ обморокъ.

Очнулся я въ каютѣ *Сераниса*, гдѣ на этотъ разъ никого не было, кромѣ меня, да еще другаго больного. Оказалось, что я пробылъ цѣлый день въ бреду, во время котораго я не

переставалъ кричать: Агнеса! Агнеса! и все порывался стрѣлять въ разбойниковъ. Я былъ поручень одному сострадательному фельдшеру, который ходилъ за мною съ такою заботливостью, какой я и не въ правѣ былъ ожидать въ моемъ настоящемъ унижительномъ положеніи. На пятый день я оправился, хотя все еще былъ блѣденъ и чувствовалъ слабость, но слабость эта не помѣшала мнѣ явиться на зовъ капитана въ каюту. Мой пріятель фельдшеръ показалъ мнѣ дорогу.

Капитанъ Пирсонъ сидѣлъ за своимъ столомъ и писалъ. Онъ отослалъ своего секретаря, и когда тотъ ушелъ, ласково пожалъ мнѣ руку и откровенно заговорилъ о странномъ случаѣ, который привелъ меня на его корабль. Капитанъ и одинъ изъ его офицеровъ разузнали, что въ одномъ изъ уинчельсійскихъ кабаковъ можно поддѣлать нѣсколько отличныхъ матросовъ, принадлежавшихъ къ такъ называемой шайкѣ форельщиковъ; офицеръ отправился на поимку и наловилъ съ подложины этихъ молодцовъ, «которымъ, замѣтилъ капитанъ Пирсонъ, гораздо лучше быть полезными слугами его величества на одномъ изъ королевскихъ кораблей, чѣмъ заниматься противузаконнымъ промысломъ на своихъ собственныхъ судахъ. Тебѣ же досталось въ чужомъ пиру похмѣлье. Я узналъ твою повѣсть; мы много говорили о тебѣ съ твоими друзьями въ ректорскомъ домѣ. Не смотря на свою молодость, ты таки ухитрился нажить себѣ враговъ въ родномъ городѣ, и чѣмъ скорѣе ты оттуда выберешься, тѣмъ лучше. Въ первый же вечеръ нашего знакомства съ тобою я общался друзьямъ твоимъ принять тебя въ качествѣ волонтера перваго разряда. Въ свое время ты выдержишь экзамень и будешь занесенъ въ служебные списки мичманомъ. Да погоди уходить! Твоя матушка въ Дилѣ. Ты можешь отправиться къ ней, и она дастъ тебѣ средства обмундироваться. А вотъ и письмо на твое имя. Я писалъ о тебѣ доктору Бернарду, какъ только разъяснилось, кто ты такой.»

Я распростился съ моимъ добрымъ покровителемъ, капитаномъ, и побѣжалъ читать мои письма. Одно изъ нихъ было отъ доктора и мистрисъ Бернардъ. Въ немъ говорилось о томъ, какъ они безпокоились, не зная, куда я дѣвался, пока не пришло письмо отъ капитана Пирсона, извѣщавшее ихъ о моихъ

привлеченіяхъ. Другое письмо было отъ моей доброй матушки и писано ея облычнымъ угловатымъ слогомъ; она увѣдомляла меня, что остановилась въ Дилѣ, въ гостинницѣ Синяго Якоря и желала бы пріѣхать ко мнѣ, но боится, что новые мои товарищи засмѣютъ неотесанную старуху, если она явится на корабль провѣдать своего сына. А потому всего лучше будетъ мнѣ пріѣхать къ ней въ Диль, гдѣ она окопируетъ меня приличнымъ образомъ для офицера, состоящаго на службѣ его величества. Итакъ я отправился въ Диль съ первой отходившей лодкой. Добродушный фельдшеръ, ходившій за мною во время болѣзни и почему-то полюбившій меня, одолжилъ мнѣ чистую рубашку и такъ ловко прикрылъ рану на головѣ, что ея почти не было видно подъ моими черными кудрями. — «*Le pauvre cher enfant! comme il est pale*». Какою нѣжною любовью заискрились глаза моей матушки, когда она увидала меня! Эта добрая душа и слышать не хотѣла, чтобы чья нибудь чужая рука коснулась моихъ волосъ и убрала ихъ на славу, связавъ сзади въ косичку, украшенную чернымъ бантомъ. Потомъ она повела меня къ городскому портному и заказала мнѣ такой гардеробъ, съ которымъ и сыну какого нибудь лорда не зазорно было явиться на корабль. Когда я явился передъ ней въ мичманскомъ мундирѣ, она опустила мнѣ въ карманъ такой тяжелой кошелекъ съ гинееми, что я въ себя не могъ придти отъ изумленія. Сколько помню, я заломилъ шапку на бекрень и очень важно выступалъ, проходя съ нею по набережной. Намъ встрѣтилось нѣсколько человѣкъ изъ ея знакомыхъ, принадлежавшихъ, подобно ей, къ торговому сословію и участвовавшихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ томъ подозрительномъ промышлѣ, на который я столько разъ намекалъ. Но матушка не выказала на этотъ разъ особенной готовности знаться съ ними. «Помни, сынъ мой, что ты теперь джентльменъ, и вся эта мелкая сошка для тебя не товарищи. Я совсѣмъ иное дѣло; я вѣкъ свой останусь простой парикмахершей и лавочницей.» И встрѣчаясь съ своими знакомыми, она кланялась имъ съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства, но и не подумала представить меня кому нибудь изъ нихъ. Мы поужинали вдвоемъ въ гостинницѣ Якоря и разговорились о родномъ городѣ, который лежалъ всего на разстояніи двухъ дней

пути, а между тѣмъ отодвинулся такъ далеко. Матушка ни разу не упомянула про мою дорогую малютку, а я не смѣлъ наводить ее на этотъ разговоръ. Матушка позаботилась приготовить для меня хорошенькую комнатку въ гостинницѣ и спозаранку уложила меня спать на томъ основаніи, что я все еще не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни. Когда я улегся въ постель, она пришла въ мою комнату, стала на колѣни возлѣ меня и на родномъ своемъ нѣмецкомъ нарѣчій обратилась съ мольбою къ Тому, чья рука спасала меня столько разъ отъ всевозможныхъ опасностей; слезы катились по ея морщинистому лицу, когда она просила Его не оставлять меня и впредь своими щедротами и хранить меня на жизненномъ пути, лежавшемъ передо мною. Теперь этотъ путь уже близокъ къ цѣли; я оглядываюсь назадъ на страшныя опасности, которыя мнѣ суждено было миновать, на великія радости, которыми мнѣ дано было насладиться, и сердце мое преисполняется безпредѣльнымъ чувствомъ ужаса и благодарности.

Я написалъ длинное посланіе къ мистрисъ Бернардъ, въ которомъ старался описать мои приключенія въ веселомъ тонѣ; но, коли сказать правду, при одной мысли о домѣ и объ одной милой крошкѣ, оставшейся тамъ, крупная слеза кинулась изъ глазъ моихъ на бумагу. А впрочемъ, я былъ искренно благодаренъ за оказанное мнѣ капитаномъ участіе, не бездѣлица тоже было знать, что теперь я настоящій джентльменъ, и не нынче, такъ завтра, буду офицеромъ во флотѣ его величества. Мундиръ получилъ въ самый короткій срокъ. Мистеръ Левинъ принесъ его на другой же день, и я имѣлъ удовольствіе вырядиться въ полную форму, вслѣдъ за чѣмъ отправился гулять по городу въ шляпѣ на бекрень, со шпагою на поясѣ и съ матушкою подъ руку. Какъ ни доволенъ я былъ самимъ собою, все же, мнѣ кажется, она была еще довольнѣе. Встрѣтивъ кое-кого изъ знакомыхъ торговцевъ съ женами, она гордо кивнула имъ головою и прошла мимо, не говоря ни слова, какъ бы желая дать имъ понять, что ихъ дѣло держаться въ сторонѣ, когда они встрѣчаютъ ее въ такомъ хорошемъ обществѣ. «Умѣй всегда знать себѣ цѣну, сынъ мой, проговорила она.—У себя въ лавкѣ я дѣлаюсь лавочницей и покорнѣйшей слугою моихъ покупателей, но когда гуляю по дѣль-

своей набережной подъ руку, съ тобою, я нахожусь въ обществѣ молодого джентльмена, состоящаго на королевской службѣ. Богъ благословитъ наши труды за послѣднее время, дитя мое, и мы позаботимся, чтобы ты не ударилъ лицомъ въ грязь передъ любимымъ офицеромъ во флотѣ.»

Раслаживая по набережной на другой день моего пребыванія въ Дилѣ, я завидѣлъ... какъ бы вы думали, что? Я завидѣлъ знакомую карету моего милаго доктора Бернарда, ватившую къ намъ по дуврской дорогѣ. Докторъ и жена его съ веселымъ удивленіемъ осмотрѣли мою преобразившуюся особу; когда каретаникъ остановилась у подъѣзда гостиницы, добрый старуха, не думая долго, протянула ко мнѣ объятія и поцѣловала меня. Полагаю, что матушка видѣла эту сцену изъ окна своей комнаты.—«Ты счастливъ, сынъ мой, что имѣешь такихъ друзей, проговорила она съ отгнѣномъ грусти въ голосѣ.—Они для тебя могутъ больше сдѣлать, чѣмъ я. Ну, теперь ты поставленъ на ноги, и я могу спокойно отправиться во свояси. Если ты занеможешь, старуха мать прійдетъ ходить за тобою, а пока оставляю тебѣ свое благословеніе на вѣки нерушимое.» Матушка на отрѣзъ объявила, что намѣрена въ этотъ же день выѣхать изъ Дилы. У нея были добрые знакомые въ Гайдѣ, Фалькестовѣ и Дуврѣ (обстоятельство это слишкомъ хорошо было мнѣ извѣстно), и она рассчитывала заѣхать къ кому нибудь изъ нихъ по дорогѣ. Но передъ отъѣдомъ она съ замѣчательнымъ искусствомъ уложила всѣ мои пожитки въ мой новенькій чемоданъ. Каковы бы ни были ея чувства при разлугѣ, она не выразила ихъ ни слезою, ни вздохомъ, спойнойно валькала въ свою маленькую повозку, стоящую на дворѣ гостиницы, и, не оглядываясь назадъ, пустилась въ свой одинокій путь. Хозяинъ Сняго Якоря съ женою почтительно и привѣтливо пожелали ей добраго пути и обратились ко мнѣ съ предложеніемъ: не зайду ли я въ буфетъ выпить вина или водки? Какъ я уже сказалъ вамъ, я не употреблялъ ни того, ни другаго; но я имѣю поводъ думать, что это добро неставлялось въ гостиницу прямо съ рыболовныхъ судовъ, принадлежавшихъ моей матушкѣ.—«Если бы у меня былъ единственный сынъ, да еще такой красавецъ, замѣтила мистрисъ Боникэсъ (неблагодарностью было бы съ моей стороны

запамятовать имя той, которая сказала мнѣ такой комплиментъ), — если бы у меня былъ единственный сынъ, и я имѣла бы средства, мистрисъ Дюваль, я не отпустила бы его въ море, да еще въ военное время, ужъ ни за что не отпустила бы!» — «Хотя сами вы вина и не употребляете, обратился ко мнѣ содержатель гостинницы, — но все же, можетъ, между вашими товарищами на кораблѣ найдутся охотники до него; такъ милости просимъ ихъ во всякое время въ гостинницу Синяго Якоря.» Не въ первый разъ уже приходилось мнѣ выслушивать намеки на то, что у моей матушки денегъ куры не клюютъ. — «Можетъ быть, оно и такъ, отвѣчалъ я моему хозяину, — только я-то, право, ничего не знаю.» Въ отвѣтъ на это мужъ и жена похвалили меня за осторожность и добавили съ лукавою улыбкой: — «Знаемъ-то мы больше, чѣмъ сказываемъ, мистеръ Дюваль. Слышали вы, можетъ статься, про мистера Уэстона, или про барона Ламота? Мы тоже знаемъ дорогу въ Булонь и въ Ост....» — «Молчи, жена, перебилъ ее тутъ хозяинъ гостинницы. — Видишь, что капитанъ не желаетъ объ этомъ говорить, такъ за чѣмъ же приставать? А вонъ и обѣдъ подаютъ къ доктору въ номеръ, пора вамъ идти къ нему, мистеръ Дюваль.» Онъ былъ правъ, и я поспѣшилъ раздѣлить трапезу моихъ добрыхъ друзей, къ которой у меня былъ припасенъ отличный аппетитъ.

Докторъ не преминулъ извѣстить о своемъ приѣздѣ капитана Пирсона; мы еще сидѣли за столомъ, какъ вдругъ явился капитанъ, прибывшій съ корабля въ собственной своей шляпкѣ, и потребовалъ непременно, чтобы докторъ и мистрисъ Бернардъ пожаловали кушать десертъ у него въ каютѣ на кораблѣ. Такимъ образомъ и мистеръ Денисъ Дюваль удостоился чести быть приглашеннымъ; для меня и для моего новенькаго чемоданчика нашлось мѣсто въ капитанской шляпкѣ, и всѣ мы отправились на фрегатъ. Мой чемоданъ препроводили въ ту каюту, гдѣ мнѣ было отведено помѣщеніе; я просидѣлъ нѣсколько времени за столомъ мистера Пирсона, но тутъ мнѣ подмигнулъ одинъ изъ моихъ собратовъ мичмановъ, и я поспѣшилъ выйдти, чтобы ознакомиться съ моими будущими товарищами, которыхъ было около двѣнадцати на *Сератиса*. Не смотря на то, что я поступилъ простымъ волонтеромъ, я былъ

выше ростомъ и старше многихъ мичмановъ. Само собою разумѣется, моя скромная родословная была имъ извѣстна, и много мнѣ пришлось вынести отъ нихъ грубыхъ шутокъ; но я не слишкомъ-то обижался ими и отстаивалъ себя по методу, принятому мною въ школѣ, посредствомъ своихъ кулаковъ. Я не стану вычислять здѣсь количества подшибенныхъ мною глазъ и расквашенныхъ носовъ, а такъ же не назову всѣхъ тѣхъ увѣчій, которыя доставались на мою долю. Вѣрно только то, что я никогда не помнилъ зла, и, — благодареніе Богу! — никогда еще не наносилъ человѣку такой обиды, послѣ которой былъ бы вынужденъ возненавидѣть его. Были, правда, люди, ненавидѣвшіе меня, но ихъ уже нѣтъ, а я уцѣлѣлъ и сохранилъ, — благодареніе Богу! — чистую совѣсть, а вражда ихъ немного надѣлала мнѣ зла.

Первый лейтенантъ нашего корабля, мистеръ Пэдъжъ, приходился съ родни мистрисъ Бернадъ, и эта добрая дама съ такой хорошей стороны отрекомендовала ему своего покорнѣйшаго и благодарнаго слугу, такъ патетично рассказала ему о моихъ приключеніяхъ, что мистеръ Пэдъжъ принялъ меня подъ свое специальное покровительство и успѣлъ зарасположить ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей. Приключеніе съ разбойникомъ на большой дорогѣ послужило источникомъ безконечныхъ толковъ и шутокъ, изъ которыхъ я выпелъ побѣдителемъ; вѣрный той тактикѣ, которой я придерживался въ школѣ, я рѣшился разомъ упрочить за собою хорошее мнѣніе товарищей и, воспользовавшись первымъ же представившимся случаемъ, вызвалъ на бой самаго отчаяннаго драчуна во всемъ нашемъ мичманскомъ обществѣ. Надо вамъ сказать, что я былъ извѣстенъ между товарищами подъ различными прозвищами, относившимися къ парикмахерскому ремеслу моего дѣдушки. Меня звали «мыльной водой, пудрешкой» и другими, тому подобными именами. Одинъ изъ товарищей вздумалъ какъ-то подразнить меня, и воскликнулъ: «А скажи-ка намъ, мыльная вода, въ какое ты мѣсто попалъ разбойнику?» — Вотъ въ это, отвѣчалъ я, и отвѣсилъ ему по носу такой полновѣсный ударъ лѣвою рукою, что у него, думаю, пскры изъ глазъ посыпались.—За то и онъ минутъ черезъ пять отплатилъ мнѣ точно такимъ же ударомъ. Сорвавъ свое сердце, мы снова стали за-

кадычными друзьями. Но что же это такое? Не далѣе, какъ вчера, дописывая послѣднюю страницу, я положилъ себѣ вѣрокъ не говорить болѣе ни слова о моихъ вулачныхъ подвигахъ? Вотъ то-то и есть, что всѣ мы прытки на обѣщанія, которыя потомъ забываемъ. Думаю, что грѣшенъ въ этомъ не я одинъ.

Передъ отъѣздомъ на берегъ добрые друзья мои пожелали проститься со мною, при чемъ мистрисъ Вернардъ, приложивъ палецъ къ губамъ, вынула изъ кармана и вручила мнѣ небольшой свертокъ бумаги. Мнѣ вообразилось, что это она даетъ мнѣ денегъ, и грустно мнѣ стало, что она могла мнѣ сдѣлать такой подарокъ. Простившись съ нею, я заглянулъ въ свертокъ и нашелъ въ немъ медальонъ съ прядью блестящихъ черныхъ волосъ. Догадываетесь ли вы, чьи это были волосы? Къ медальону была приложена записка, писанная по-французски крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ, въ которой говорилось, что *она* будетъ денно и ночью молиться о своемъ миломъ Дени. И какъ бы вы думали, гдѣ находится теперь этотъ медальонъ? Да все тамъ же, гдѣ онъ находился за всѣ эти сорокъ два года, и гдѣ онъ останется даже и тогда, когда вѣрное сердце, трепещущее подъ нимъ, перестанетъ биться.

Съ вечернимъ выстрѣломъ наши друзья удалились съ фрегата, не думая, не гадая объ участи, ожидавшей столь многихъ изъ нашего экипажа. Еще три недѣли прошло съ этого дня, и насъ постигло то достохвальное поражение, которое занесено въ лѣтописи нашего отечества.

Въ тотъ самый вечеръ, когда капитанъ угощалъ у себя на кораблѣ своихъ уинчельсѣйскихъ друзей, пришло приказаніе плыть ему въ Гуль и поступить подъ начальство командовавшаго тамъ адмирала. Оттуда насъ послали на сѣверъ въ Скарборо. По всему сѣверному берегу господствовало въ то время довольно сильное безпокойство, возбужденное появленіемъ нѣсколькихъ американскихъ частныхъ судовъ, которые предали разграбленію замковъ одного шотландскаго дворянина и наложили контрибуцію на одинъ приморскій городъ въ Комберландѣ. Когда мы прибыли къ мѣсту своего послѣдняго назначенія, изъ Скарборо пришла шлюпка съ письмомъ отъ городскихъ властей, увѣдомлявшемъ насъ о появленіи того же от-

ряда неподалеку отъ этой части берега. Начальникомъ этой пиратской экспедиціи былъ завѣдомо всѣмъ шотландскій мятежникъ, рисковавшій въ сраженіяхъ тою самою жизнію, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, была обречена висѣлицѣ въ предѣлахъ его отечества. Само собою разумѣется, наша молодежь заранѣе хвасталась, что при встрѣчѣ съ нимъ не ударитъ лицомъ въ грязь и поставитъ себѣ въ особенное удовольствіе повѣсить его на мачтѣ его же собственнаго корабля.

Измѣнникъ этотъ былъ никто иной, какъ monsieur Джонъ Поль Джонсъ, сдѣлавшійся впоследствии кавалеромъ ордена *du Merite*, пожалованнаго ему его французскимъ величествомъ; никогда еще мечъ не обнажался болѣе героическимъ измѣнникомъ.

Цѣль нашего назначенія состояла въ томъ, чтобы конвоировать нѣсколько купеческихъ судовъ, отправлявшихся въ Балтійское море; конвой состоялъ изъ нашего фрегата и изъ другаго корабля *Countess of Scarborough*, подъ командою капитана Пирси. И вотъ какимъ стеченіемъ обстоятельствъ, двадцать пять дней спустя послѣ моего поступленія на королевскую службу, я удостоился чести присутствовать при одномъ изъ самыхъ отчаянныхъ и кровопролитныхъ сраженій нашего, да и не одного нашего, времени.

Я не хочу пускаться здѣсь въ описаніе сраженія 23-го сентября, которое кончилось тѣмъ, что нашъ предводитель-герой опустилъ флагъ передъ болѣе сильнымъ неприятелемъ. Сэръ Ричардъ оставилъ свѣту разсказъ о своемъ пораженіи, къ которому я ничего не могъ бы прибавить. Хотя я и былъ участникомъ этого страшнаго боя, въ которомъ нашъ флагъ опустился передъ измѣнникомъ британцемъ и его разноплеменной шайкой, но мнѣ удалось видѣть только нѣсколько эпизодовъ изъ этого роковаго для насъ сраженія. Началось оно съ наступленіемъ ночи. Какъ мнѣ памятенъ гулъ неприятельскихъ пушекъ, пославшихъ свои ядра въ бока нашего корабля въ отвѣтъ на вызовъ нашего капитана! За тѣмъ съ нашей стороны раздался залпъ, первый залпъ, слышанный мною въ сраженіи.

На этомъ мѣстѣ обрывается рассказъ Тэккерен. Издатель его посмертнаго творенія въ "Cognhill Magazine," помѣстилъ въ томъ же журналѣ нѣсколько примѣчаній, составленныхъ частью изъ указаній, найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, частью изъ воспоминаній его друзей, которымъ онъ рассказывалъ планъ задуманнаго романа, частью изъ собственныхъ соображеній издателя. Вотъ тѣ изъ этихъ notes, которыя помогаютъ читателю угадать дальнѣйшую судьбу Дениса Дювала:

Письмо Тэккеренъ къ издателю, въ которомъ онъ набрасываетъ въ чертъ планъ своего творенія.

«Любезный С! Я родился въ 1764 г. въ Уинчельси, гдѣ отецъ мой былъ бакалейщикомъ и церковнымъ причетникомъ. Контрабандный промыселъ былъ сильно развитъ въ этомъ городѣ.

Къ намъ въ домъ часто ходилъ знатный французскій дворянинъ, называвшій себя графомъ Ламотъ, а съ нимъ какой-то нѣмецъ, баронъ фонъ-Лоттерло. Отецъ мой часто возилъ посылки отъ этихъ двухъ джентльменовъ въ Остенде и въ Кале; скажемъ, что и мнѣ довелось побывать разокъ въ Парижѣ, гдѣ я видѣлъ французскую королеву.

Сквайромъ нашего города былъ сквайръ Уэстонъ изъ аббатства; онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, и домъ его считался однимъ изъ первыхъ домовъ въ цѣломъ графствѣ. Онъ былъ старшиною въ нашей церкви и всѣми очень уважался. А между тѣмъ, раскройте *Annual Register* за 1781 г., и вы прочитаете тамъ, что 13 юля шерифы были позваны въ лондонскую башню и тамъ имъ отдали подъ стражу нѣкоего Ламота, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Дѣло въ томъ, что этому альзасскому дворянину по разнымъ причинамъ неудобно было оставаться въ своемъ отечествѣ (гдѣ онъ командовалъ одно время субизскимъ полкомъ), и онъ отправился въ Лондонъ; тутъ подъ предлогомъ отправки ситцевъ въ Остенде и въ Кале, онъ доставлялъ французскимъ министрамъ подробныя свѣденія о движеніяхъ англійскаго войска и флота. Его орудіемъ въ этомъ дѣлѣ былъ нѣкто Лоттерло, брауншвейгскій уроженецъ, служившій одно время вербовщикомъ, потомъ сдѣлавшійся слугою; онъ былъ шпиономъ Франклина и французскаго правительства, и въ то же время выступилъ передъ судьями свидѣтелемъ противъ Ламота, который, благодаря ему, былъ повѣшенъ.

Этотъ Лоттерло, вербовавшій нѣмецкія войска во время американской войны, потомъ во время безпорядковъ, вызванныхъ въ Лондонѣ Гордономъ, сдѣлавшійся слугою, потомъ служившій агентомъ шпиона, далѣе обратившійся въ шпиона за шпиономъ, представляется мнѣ отъявленнымъ мерзавцемъ; особенное отвращеніе внушилъ мнѣ къ нему нѣмецкій акцентъ, съ которымъ онъ произносилъ англійскія слова.

Да ужъ не было ли у него въ мысляхъ жениться на прелестной дѣвушкѣ, которая воспитывалась у мистера Уэстона въ Уинчельси? Э! да тутъ открывается передо мною цѣлая интрига.

Положимъ, что этотъ мерзавецъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Портсмуть за жалованьемъ къ англійскому адмиралу, съ которымъ онъ находился въ сношеніяхъ, попалъ на *Royal George*, какъ разъ въ тотъ самый день, когда корабль этотъ пошелъ ко дну?

Что же касается до Джона и Джозефа Уэстона изъ аббатства, то я съ прискорбіемъ долженъ сказать, что они тоже были порядочные негодяи. Въ 1786 г. они подверглись суду за ограбленіе брестольской почты, но были оправданы за неимѣніемъ доказательствъ. Непосредственно за тѣмъ они были обвинены въ подлогѣ; Джозефъ отверглся, но Джонъ былъ уличенъ. Впрочемъ, и бѣдному Джозефу пришлось отъ этого не легче. Еще до окончанія суда надъ ними они бѣжали изъ ньюгэтской тюрьмы, и Джозефъ выстрѣлилъ въ одного сторожа, пытавшагося схватить его въ Сноу-Гилъ, и ранилъ его. За это онъ былъ подвергнутъ суду, найденъ виновнымъ въ черномъ злодѣяніи (*Black Act*. См. ниже въ примѣчаніяхъ объясненіе этого термина) и повѣшенъ вмѣстѣ съ братомъ.

И представьте себѣ, что я былъ невиннымъ соучастникомъ въ измѣнѣ Ламота, въ мошенничествахъ и разбояхъ Уэстоновъ! Судите же послѣ этого, въ какихъ я страшныхъ бывалъ передрягахъ!

Я женился на молодой дѣвушкѣ, за которую сватался грубое животное Лоттерло, и счастливо прожилъ съ нею до сѣдыхъ волосъ.

Граф Ламоть, баронъ Лоттерло и Устоны являются такими образомъ историческими личностями. Вотъ что говорится о нихъ въ *Annual Register*, на который ссылается вышеприведенное письмо

Января 5-го 1781 г.— Былъ арестованъ за измѣнническіе поступки одинъ джентльменъ, по имени Генрихъ-Францискъ Ламоть, къ которому имени онъ присовокуплялъ титуль—баронъ. Жительство онъ имѣлъ за послѣднее время въ Бандъ-Стритѣ, у мистера Отли, продавца шерстяныхъ матерій.

Поднимаясь на лѣстницу, въ бюро статсъ-секретаря въ Кле-веландъ-Роу, онъ обронилъ нѣкоторыя бумаги, которыя были немедленно узнаны курьеромъ и отнесены имъ къ лорду Гильсборо. Послѣ допроса онъ былъ подвергнутъ строжайшему аресту, какъ государственный преступникъ, въ Тоурѣ. Оказалось, что найденныя на немъ бумаги имѣютъ чрезвычайную важность. Между прочими бумагами тутъ нашлись подробныя росписанія всѣхъ военныхъ кораблей, какіе только имѣлись въ нашихъ докахъ и верфяхъ, и пр. и пр.

Вслѣдствіе открытія вышеупомянутыхъ бумагъ, былъ арестованъ и привезенъ въ Лондонъ Генри Лоттерло эсквайръ, изъ Уикама близъ Портсмута. Посланные застали мистера Лоттерло въ высокихъ сапогахъ, отправляющагося на охоту. Когда они растолковали ему, по какому дѣлу явились, онъ не обнаружилъ и тѣни волненія и безъ малѣйшаго сопротивленія отдалъ имъ свои ключи... Мистеръ Лоттерло родомъ нѣмецъ и только въ недавнее время нанялъ домъ въ Уикамѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Портсмута. Такъ какъ онъ держалъ свору собакъ и слылъ за отличнаго малаго, охотника и погулять, и выпить, то онъ стоялъ на хорошей ногѣ со всѣми со-сѣдними джентльменами.

Юля 14-го 1781 г. Показанія, данныя мистеромъ Лоттерло, оказались до того важными, что судьи съ изумленіемъ внима-ли имъ во все время допроса, тянувагося очень долго. Онъ объявилъ, что въ 1778 г. принялъ, вмѣстѣ съ подсудимымъ, участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлю доставлять французскому двору тайныя свѣденія о нашемъ флотѣ. За это въ началѣ онъ получалъ только по восьми гиней въ мѣсяцъ; но вскорѣ подсудимый хорошо понялъ важность сообщаемыхъ имъ свѣ-

деній и сталъ давать ему ежемѣсячно до пятидесяти гиней, и кромѣ того дѣлалъ крупныя подарки. Въ случаѣ важныхъ сообщеній, онъ ѣздилъ лично на почтовыхъ въ городъ къ monsieur де-Ламоту; въ обыкновенное же время онъ доставлялъ все свѣденія, относившіяся къ принятому имъ обязательству по почтѣ. Онъ призналъ бумаги, найденныя у него въ саду, и объявилъ, что приложенныя къ нимъ печати принадлежать monsieur де-Ламоту и пользуются большою невѣдностью во Франціи. По порученію подсудимаго, онъ ѣздилъ въ Парижъ и имѣлъ аудіенцію у французскаго министра monsieur Сартана. Онъ составилъ планъ взятія эскадры, командуемой Джонстономъ, за что потребовалъ 8000 гиней и треть захваченныхъ судовъ; эту плату предполагалось раздѣлить между подсудимымъ, имъ самимъ и однимъ его пріятелемъ, служившимъ въ одномъ бюро, но французское правительство согласилось уступить только одну восьмую часть эскадры. Условившись дать французамъ возможность захватить начальника эскадры, онъ отправился къ сэру Паллизеру и предложилъ ему планъ, какъ взять французовъ и воспрепятствовать осуществленію того самаго проекта, которымъ самъ же онъ снабдилъ французское правительство.

Судъ продолжался тринадцать часовъ. Присяжные, послѣ кратковременнаго совѣщанія, признали подсудимаго виновнымъ, и приговоръ надъ нимъ былъ немедленно произнесенъ. Подсудимый выслушалъ этотъ страшный приговоръ (его приговорили повѣсить и четвертовать) съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, но въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ свое негодованіе противъ мистера Лоттерло... Во все продолженіе этой тяжелой сцены онъ выказалъ много мужества, твердости и прилежанія духа. Въ то же время обращеніе его было исполнено вѣжливости, снисходительности и чуждо всякой аффектаціи. Врядъ ли онъ могъ бы сохранить столько спокойствія и твердости въ такую критическую минуту, если бы, сознавая себя измѣнникомъ тому государству, которое дало ему пріютъ, онъ въ то же время, вслѣдствіе ложнаго возрѣнія, не оправдывалъ себя мыслью, что онъ жертвуетъ жизнью для своей отчизны.

Monsieur де-Ламотъ имѣетъ около пяти футовъ и десяти дюймовъ росту; ему пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, и онъ обладаетъ

приятной наружностью; все обращеніе его носило на себѣ отпечатокъ порядочности, а во взглядѣ выражалось непоколебимое убѣжденіе. На немъ былъ бѣлый суконный кафтанъ и полотняный жилетъ шитый въ тамбуръ.

Что касается Лоттерло, возбуждавшаго такое отвращеніе въ Денисѣ между прочимъ и нѣмецкимъ акцентомъ, съ которымъ онъ выговаривалъ французскія слова, то онъ, по видимому, отправился въ Уинчельси, гдѣ ему ничего не стоило ласками или угрозами склонить Уэстоновъ на свою сторону и начать съ ихъ поддержкою преслѣдованіе Агнесы. Выведенная изъ терпѣнія этими преслѣдованіями, она бѣжала отъ Уэстоновъ и искала покровительства у доктора Бернарда. Тутъ подоспѣла неожиданная помощь: Де-Виоменили, родственники ея матери, вдругъ убѣдились въ невинности графини. Быть можетъ (мы говоримъ «быть можетъ», основываясь на намекахъ, вырвавшихся у самого Тэккерея, когда онъ развивалъ свою мысль въ кругу близкихъ людей) они провѣдали о кое-какихъ наслѣдствахъ, на которыя Агнеса получала право съ оправданіемъ памяти ея матери. Агнеса, посоветовавшись съ докторомъ Бернардомъ, отправилась къ этимъ родственникамъ, такъ долго забывавшимъ о ея существованіи, а теперь такъ пламенно желавшимъ ее видѣть. Пока Агнеса собиралась во Францію, Денисъ сражался на *Аретузѣ* подъ начальствомъ своего стараго командира, сэра Ричарда Пирсона, того самаго, который начальствовалъ Сераписомъ въ дѣлѣ противъ Джонса, и принужденъ былъ опустить свой флагъ передъ неприятелемъ, потерявъ почти весь свой экипажъ убитыми или ранеными. Денисъ Дюваль былъ раненъ въ самомъ началѣ этого сраженія. Сераписъ и Countess of Scarborough послѣдовали за Павломъ Джонсомъ въ нѣмецкое море и были приведены имъ въ Тексель. Когда англійскій посланникъ въ Гагѣ, сэръ Джозефъ Юркъ обратился къ нидерландскому правительству съ требованіемъ о выдачѣ призовъ, ему отвѣчали отказомъ. Само собою разумѣется, Денисъ раздѣлялъ судьбу Сераписа. Слѣдующая выписка изъ Gentleman's Magazine заставляетъ насъ предполагать, что, вырвавшись изъ одного плѣна, онъ попалъ въ другой.

«Нѣсколько матросовъ пріѣхали на дняхъ изъ Амстердама

на *Летици*, командуемой капитаномъ Марчемъ. Капитанъ частнаго корабля *Кингстона* освободилъ ихъ изъ трюма голландскаго корабля, направлявшагося въ Вестъ-Индію. Капитанъ этотъ, у котораго безъ-вѣсти пропало нѣсколько чело-вѣкъ изъ экипажа, разузналъ объ участи пропавшихъ черезъ какую-то странствующую пѣвицу; онъ имѣлъ мужество спѣ-шиться на бордажъ съ вышеупомянутыи кораблемъ и произ-вести на немъ обыскъ. Такимъ образомъ онъ нашелъ нес-частныхъ, закованныхъ въ цѣпи и брошенныхъ въ трюмъ. Не подоспѣй онъ къ нимъ на помощь, всѣ они были бы про-даны въ вѣчное рабство».

По всѣмъ вѣроятіямъ, и Денисъ Дюваль былъ въ числѣ уз-никовъ, освобожденныхъ капитаномъ Кингстона. Очувшись на свободѣ, Денисъ продолжалъ службу на морѣ и шелъ обычною колею мелочныхъ обязанностей, которою идетъ и всякій другой молодой морякъ. Выросъ онъ въ героя не въ одинъ день. Денисъ былъ современникомъ великихъ, ужасаю-щихъ событій, и принималъ участіе не въ одномъ изъ этихъ событій, которыя съ такою быстротою слѣдовали другъ за другомъ во время войнъ съ Америкой, Франціей и Испа-ніей.

Осенью 1782 г. происходила казнь братьевъ Уэстоновъ, и Денису суждено было сдѣлаться невольною причиною нака-занія, постигнувшаго его давнишняго врага, Джозефа Уэстона, какъ это явствуетъ изъ двухъ примѣчаній, найденныхъ въ бу-магахъ Тэккерея:

1782—3. Джозефъ Уэстонъ, всегда приходившій въ изступ-леніе при видѣ Дениса, стрѣляетъ въ него въ Чипсайхѣ.

Въ законѣ противъ *Чернаго Преступленія* говорится: принима-мая въ сдображеніе, что нѣкоторые злонамѣренные люди со-единились подъ именемъ черныхъ и составили между собою со-юзъ съ цѣлью помогать другъ другу въ воровствѣ, истребленіи дичи, кроликовъ и рыбы.... постановляется, что каждое лице, умысленно и злонамѣренно выстрѣлившее въ другое лице, въ жилѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, будетъ судиться, какъ за уголовное преступленіе, и наказываться смертною казнью, при чемъ привиллегиі, дарованныя духовенству, теряютъ свою силу.

И дѣйствительно, въ памятникахъ того времени мы встрѣчаемъ имя нѣкоего Джозефа Уэстона, который, ранивъ одного человѣка въ Сноу Гилъ, былъ найденъ виновнымъ въ совершеніи чернаго преступленія и повѣшенъ вмѣстѣ съ своими братьями.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ примѣчаніяхъ говорится объ одномъ безкорыстномъ поступкѣ, которымъ отличился Дюваль.

Безпорядки въ Дилъ 1783.

Дилъ. Здѣсь произошла кровавая схватка, вызванная повлеченіемъ отряда легкихъ драгунъ полковника Дугласа. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ шестидесяти человѣкъ, въ глухую полночь вступилъ въ городъ, съ тѣмъ чтобы помочь таможенной стражѣ произвести обыски и схватить запрещенные товары. Но контрабандистовъ трудно застать въ-расплохъ; они подняли тревогу, сомкнулись рядами и вступили въ отчаянный бой.

Старикъ Дюваль, какъ намъ извѣстно, принадлежалъ къ найбѣ форельщиковъ, другими словами къ заговору контрабандистовъ, обнимавшему все побережье. Припоминая все, что было сказано Тэккереемъ о характерѣ этого джентльмена, мы легко можемъ вообразить себѣ всѣ тѣ увертки, слезы и ложныя увѣренія въ своей бѣдности и неприкосновенности къ дѣлу контрабандистовъ, которыми старикъ старался отклонить грозу. Но все это ни къ чему не повело, потому что Денисъ, узнавъ въ чемъ дѣло, открылъ всю истину и повелъ таможенныхъ чиновниковъ къ тѣмъ шкапамъ, въ которыхъ хранилось богатство старика Дюваля, и слѣдовательно наслѣдство его внука. Такимъ образомъ Денисъ лишился всего своего состоянія; но, какъ можно догадаться, ему повезло на службѣ, и онъ ни разу не имѣлъ случая пожалѣть о несправедливо нажитомъ богатствѣ.

Но тяжелыя испытанія ожидали еще Дениса. Онъ попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и много лѣтъ влечилъ печальное существованіе въ одномъ изъ французскихъ арсеналовъ. Наконецъ грянула революція, и Денисъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ освобожденъ, или же, быть можетъ, благодаря своему французскому происхожденію и знанію французскаго языка, нашелъ возможность бѣжать изъ плѣна. Около этого же времени, былъ

можетъ, онъ отправился отыскивать Агнесу, знатные родственники которой должны были находиться въ бѣдѣ. Освободившая его, революція страшною грозою обрушилась на «аристократовъ.»

Вотъ все, что мы знаемъ о походе Дюваля и о судьбѣ Агнесы до дня ея соединенія съ Дювалемъ. Мы не можемъ сказать на-вѣрное, былъ ли онъ орудіемъ ея бѣгства изъ Франціи; или же она еще прежде нашла средства отправиться въ Англію, гдѣ, среди знакомой обстановки, вблизи отъ ректорскаго сада, отъ голубятни фермера Перо, отъ старой стѣны, осѣненной грушевымъ деревомъ, они свидѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки?

СЛЕЗЫ МАТЕРИ.

Два платка я въ слезахъ омочила,
Да и третій еще омочу....

Раскрывайся сырая могила —
Въ землю, люди, я въ землю хочу!
Резкой болью глаза заволокло,

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

На могилу его—бы пойдти,
Да къ землицѣ—бы ухомъ прижаться...
Нѣтъ, могилы его не найдти!
Видно тамъ съ нимъ придется обняться!
Ну, да я ужъ къ нему на пути...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

А придетъ ненаглядный бывало
И обниметь, цѣлующи, мать;
«Время, скажете, родная, настало
Кровь отцевъ нашихъ нынче смывать:
Ты—же силы дала мнѣ не мало!»...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

Скажете: «долго мы были подъ гнетомъ,
Распрячься-же спинна, распрячься!
Ничего, что немного насъ счегомъ!
Ну, родная моя, ободрись!
Намъ въ борьбѣ будетъ небо оплотомъ»...

А въ ухахъ раздается, звеня:
Сына нѣтъ у меня! сына нѣтъ у меня!

Ой, ты вражья проклятая сила,
Гдѣ ты сына зарыла, скажи?...

Раскрывайся, сырая могила,
Видѣть съ горемъ меня уложи!

Пусть земля бы скорѣй меня скрыла,

Чтобъ могла я съ улыбкой сказать:

Сынъ со мною опять! сынъ со мною опять!

В. Щегловъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПАНШУХЪ ГОРОДОВЪ.

(Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европейской Россіи въ 1861—62 г. С. Петербургъ 1863 г., въ двухъ томахъ).

I.

Въ началѣ 1862 года министерству внутреннихъ дѣлъ Высочайше повелѣно принять немедленно мѣры къ улучшенію общественнаго управленія городовъ. Удовлетворительное разрѣшеніе такой обширной задачи требовало короткаго знакомства со всѣми мѣстными особенностями городовъ и точнаго опредѣленія характера мѣстной экономической дѣятельности, потому что хотя многія поселенія, обращенныя въ города съ административной цѣлью, получили городское устройство, но сохранили свой прежній сельскій характеръ, и крестьяне, переименованные въ мѣщанъ, занимаются по старому земледѣліемъ.

Чтобы опредѣлить, въ какой степени каждая мѣстность обладаетъ существенными условіями городского населенія, министерство в. д. потребовало мѣстныхъ соображенія и статистическія данныя. Состав-

леніе ихъ поручено было особымъ комиссіямъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ городскихъ сословій, и для руководства дана была имъ особая программа. Полученныя свѣденія, какъ имѣющія самостоятельный интересъ, министерство нашло полезнымъ напечатать.

Издавая эту экономическую статистику, министерство видитъ въ ней не болѣе, какъ первый опытъ систематическаго обзорѣнія городовъ, и приглашаетъ лицъ, интересующихся этимъ предметомъ и близко знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами, сообщить свои замѣчанія и дать тѣмъ возможность приступить впоследствии къ подобному изданію въ болѣе совершенномъ видѣ.

Предпринимать труды подобнаго огромнаго размѣра можетъ, разумѣется, только правительство, обладающее обширными средствами; частному лицу такая работа совершенно не подь силу. Въ двухъ томахъ «Экономическаго состоянія городскихъ поселеній», имѣющихъ по меньшей мѣрѣ сто печатныхъ листовъ, помѣщено описаніе 595 городовъ и посадовъ, и эта огромная работа окончена въ теченіе одного года. Секретъ такой быстроты объясняется, разумѣется, обиліемъ лицъ, принимавшихъ участіе въ трудѣ. Если мы предположимъ, что каждая комиссія состояла только изъ трехъ членовъ и одного секретаря, то окажется, что работало 2,380 человекъ, не считая тѣхъ, кто трудился въ министерствѣ надъ обработкой и проверкой мѣстныхъ данныхъ и надъ общей редакціей. Когда 2,380 человекъ трудились одинъ годъ, то одному человеку, для совершенія подобнаго труда, потребовалось бы 2,380 лѣтъ; очевидно, что одному человеку и вообще частнымъ лицамъ приниматься за подобныя предпріятія совершенно невозможно.

Первоначальныя побужденія правительствъ при разработкѣ статистическихъ вопросовъ были чисто административныя. Правительствамъ нужно было знать страпу и средства народа, для опредѣленія количества податей, налоговъ и натуральныхъ повинностей. Напримѣръ, когда вводились первыя народныя переписи, то рѣчь шла исключительно о числѣ головъ, которыя могли платить подушный окладъ и о числѣ лицъ, которыхъ можно было взять ежегодно въ армію. При строгой централизационно-административной системѣ статистика и не могла имѣть другой болѣе широкой цѣли. Но и первыя скудныя статистическія данныя наводили уже мыслящихъ людей на вопросы болѣе широкіе. Списки смертности и рожденій представляли столько любопытныхъ данныхъ, что болѣе подробное раз-

слѣдованіе ихъ стало совершенно необходимымъ, даже при самой ограниченной, односторонней правительственной задачѣ. И въ самомъ дѣлѣ, правительство, желавшее, наиримѣрь, знать, сколько у него взрослыхъ подданныхъ, чтобы имѣть возможность рассчитать, какъ велика можетъ быть армія и какой назначить поголовный денежный сборъ, должно было, разумѣется, знать и то, сколько умираетъ людей въ извѣстномъ возрастѣ. Вопросъ о смертности вообще заставилъ обратить вниманіе на смертность по возрастамъ; оказалось, что въ разныхъ возрастахъ умираетъ разное число людей, что смертность и рожденія между мужчинами и женщинами представляютъ тоже разницу; что есть случаи, когда рожденія увеличиваются особенно сильно и т. д. Эти изысканія повели къ изслѣдованію причинъ, усиливающихъ и ослабляющихъ рожденія и смертность и имѣющихъ вліяніе на продолжительность жизни людей. Здѣсь открылось еще болѣе любопытныхъ данныхъ и новыхъ вопросовъ, которые опять повели къ новымъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ статистическія работы производились все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Главное участіе въ этихъ трудахъ принимали вездѣ правительства, потому что статистическія данныя представляли преимущественно интересъ государственный. По мѣрѣ распространенія образованія, правительства стали понимать, что ихъ взглядъ на значеніе статистики слишкомъ одностороненъ. Тогда-то явился вопросъ о народномъ благосостояніи, и статистика уже не ограничивалась простымъ собираніемъ цифръ и голыхъ фактовъ;—она стала изслѣдовать причины ихъ. Если бы мы, оставивъ въ сторонѣ всѣ остальные вопросы, стали смотрѣть на народъ, какъ на источникъ только государственныхъ доходовъ, то даже и при этомъ весьма одностороннемъ взглядѣ отъ статистики потребовались бы отвѣты на весьма разнообразные вопросы. Въ экономическихъ отношеніяхъ первое дѣло: экономическое пользованіе силами и возможное увеличеніе этихъ силъ. Кто хочетъ быть богатымъ и сильнымъ, тотъ долженъ знать, отъ какихъ причинъ зависитъ богатство и сила. Все, что ведетъ къ потерѣ народонаселенія, не можетъ представлять никакихъ выгодъ ни для государства, ни для частныхъ лицъ. Вотъ почему оказалось необходимымъ опредѣлить не только размѣръ смертности по возрастамъ и отношеніе смертности къ числу рожденій, но и разслѣдовать, отчего иногда люди умираютъ, какъ мухи; что способствуетъ сокращенію и продолженію жизни; какое вліяніе обнаруживаетъ на смер-

ность матеріальное благосостояніе и бѣдность, дороговизна и дешевизна жизненныхъ предметовъ, свѣтлыя и здоровыя помѣщенія и иракъ, нечистота, сырость. Въ этомъ видѣ статистика, какъ неизбежное руководящее пособіе, принята всеми образованными правительствами Европы, которыя, не довольствуясь одними голыми фактами, хотѣть знать и причины, вызывающія тѣ или другія общественныя явленія.

II.

При оцѣнкѣ какихъ бы то ни было статистическихъ работъ, а особенно большаго размѣра, необходимо имѣть въ виду тѣ трудности, которыя приходилось встрѣтить статистикамъ въ данномъ историческомъ моментъ. Кому случалось заниматься лично собираніемъ статистическихъ свѣденій и дѣлать изъ нихъ выводы, тотъ знаетъ, каково трудъ стоитъ иногда одинъ какой нибудь итогъ или цифра, и какъ при всемъ желаніи исполнить очевидный пропускъ оказывается совершенно невозможнымъ это сдѣлать. Подобныя трудности встрѣтила и редакція, завѣдывавшая изданіемъ «Экономическаго достоянія городскихъ поселеній». Въ предисловіи она говоритъ, что свѣденія о многихъ мѣстностяхъ оказались весьма неудовлетворительными и неполными, въ особенности относительно ихъ торговаго и промышленнаго значенія. Такъ что многіе пробѣлы приходилось пополнять свѣденіями, имѣвшимися въ министерствѣ ранѣе, а также данными изъ разныхъ изданій, какія только могли найдтись подъ руками. Когда же ни тѣхъ, ни другихъ не было для провѣрки мѣстныхъ свѣденій, то необходимость заставляла оставлять данныя, сообщенныя комиссіями, въ томъ видѣ, какъ онѣ были присланы. Многія свѣденія представляли рѣзкое противорѣчіе съ данными, полученными другимъ путемъ, а иногда обнаруживались и явныя несообразности. Отнести все это исключительно къ неудовлетворительности самаго способа собиранія свѣденій на мѣстахъ будетъ неосновательно, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что личныя качества членовъ мѣстныхъ комиссій имѣли въ этомъ случаѣ значительную долю вліянія. Собираніе статистическихъ свѣденій у насъ дѣло еще на столько новое, что для большинства оно кажется такого рода умозрѣніемъ, безъ котораго можно очень удобно прожить своей вѣкъ. Жили же люди

прежде безъ статистики — промывать и теперь. Такъ рассуждаютъ въ большинствѣ случаевъ даже такъ называемые образованные люди; ну а тѣ, что причисляются къ необразованнымъ, имѣютъ на статистику взглядъ еще болѣе своеобразный, основанный въ большинствѣ случаевъ на практическихъ соображеніяхъ, не всегда однако ошибочныхъ. Понятно, что масса свѣденій, обнимающая экономическую дѣятельность 595 городскихъ поселеній, собиравшаяся подъ вліяніемъ подобныхъ мѣстныхъ соображеній, должна была заключать множество такихъ особенностей, которыя поставили министерскую редакцію въ значительныя затрудненія. Такъ, напримѣръ, въ Бендерахъ изъ 22,015 жителей *обою* пола показано 12,837 домовладѣльцевъ; если допустить, что послѣдняя цифра вѣрна, то очевидно, что во многихъ домахъ не должно быть вовсе жильцовъ. Въ Кобелякахъ подобная же ошибка: на 9,425 жителей *обою* пола — 4,870 домовладѣльцевъ. Редакція полагаетъ, что въ число домовладѣльцевъ включены всѣ члены ихъ семействъ, и на это, разумѣется, есть основаніе, потому что въ числѣ 4,870 мѣстная коммиссія считаетъ 2,375 мужчинъ и 2,495 женщинъ. Какъ бы то ни было, но ошибка несомнѣнна и не можетъ быть поправлена никакими догадками, которыя въ статистическихъ изысканіяхъ не допускаются. Оставалось только указать на несообразность и оставить цифру въ томъ видѣ, какъ ее сообщили съ мѣста. Такъ и поступала редакція. Несообразность цифры бендерской коммиссіи становится еще значительнѣе отъ параллели, приведенной редакціей. По свѣденіямъ областного статистическаго комитета за 1861 г. въ Бендерахъ считалось частныхъ домовъ 1,225; т. е. на 11.612 менѣ противъ цифры коммиссіи. Если вѣрить комитету, то въ каждомъ домѣ живетъ по 18 человекъ, и слѣдовательно постройки для уѣднаго города даже грандіозны; но если вѣрить коммиссіи, то въ домахъ живетъ отъ 1 до 2 человекъ, и грандіозность превращается въ иллюзію. Люди скорые на обсужденіе готовы будутъ тотчасъ же обвинить коммиссію и даже заподозрить ее въ неумѣнны считать. Но такое обвиненіе будетъ, разумѣется, поспѣшно; очень можетъ быть, что права и коммиссія, правъ и комитетъ. Коммиссія могла сдѣлать ошибку въ томъ, что вмѣсто домовладѣльцевъ считала дома, и каждую отдѣльную крышку, какаго бы она ни была качества, принимала за самостоятельный домъ. При такомъ счетѣ всѣ сараи и мазанки могли удостоиться чести считаться въ одномъ спискѣ съ домами. Съ дру-

гой же стороны статистическій комитетъ могъ имѣть совершенно аристократическое міросозерцаніе и дарилъ своимъ вниманіемъ только дома богѣе или менѣе грандіозные, считая жилища бѣдняковъ меньше, чѣмъ нулями. Что подобное объясненіе факта, о которомъ мы говоримъ, возможно, мы сошлемся на Саратовъ. По свѣденіямъ городской полиціи въ немъ показано 6,021 домъ, а по свѣденіямъ городской Думы только 3,855, разница на 2,166 домовъ. Разница эта случилась потому, что Дума считала только тѣ дома, которые оцѣнены не ниже 200 рублей. Хотя, по видимому, вопросъ о числѣ домовъ и не принадлежитъ къ особенно важнымъ; но мы однако полагаемъ, что тамъ, гдѣ дѣло касается разъясненія степени экономического благосостоянія людей, точное опредѣленіе размѣра недвижимой собственности должно стоять на первомъ планѣ. Недостаточно еще знать, что въ такомъ-то городѣ находится столько-то домовъ, нужно знать еще, какъ велика собственность, изображаемая домами. Если подъ домами нужно понимать такія капитальныя зданія, какими владѣютъ въ Петербургѣ гг. Воронинъ, Кокоревъ, Утинъ, то, разумѣется, нужно будетъ согласиться, что жители Кобелякъ не только очень богаты, но что они предаются даже излишней и совершенно неблагоразумной роскоши, потому что въ каждомъ такомъ громадномъ замкѣ живетъ всего по два человѣка, а въ иныхъ даже и по одному. Но если подъ домомъ слѣдуетъ понимать новоузенскія постройки, то очевидно, что богатству кобелякскихъ жителей можно и не завидовать. Скромный Новый Узень, помѣстившійся въ одной изъ печальнѣйшихъ мѣстностей Россіи, въ 60 верстахъ отъ границы Букѣвской орды, отличается замѣчательно печальной наружностью своихъ построекъ, и жалкимъ продовольствіемъ жителей. Изъ 895 домовъ считается въ немъ не болѣе 300 деревянныхъ, остальные 600 сложены изъ сырцоваго кирпича, или просто даже землелитные и крыты соломой. Конечно, такая печальная наружность города должна соответствовать вполнѣ средствамъ жителей. Если бы люди имѣли деньги, то они построили бы деревянные дома; но у нихъ нѣтъ средствъ не только для этого, но даже и для того, чтобы придать своимъ сырцовымъ домамъ болѣе приличную наружность. Новоузенскій домъ кажется издали просто кучей земли; дома эти такъ низки, что безъ всякихъ затрудненій можно входить въ нихъ черезъ окна, ибо встрѣчаемое при этомъ препятствіе не больше того, какое представляется обыкновеннымъ порогомъ. На это могутъ возра-

зять, что Новоузенскъ лежитъ въ совершенно степной мѣстности; что кругомъ, на двѣсти верстъ, нѣтъ ни одного лѣсочка, ни одной рѣчки; что приготовленіе кирпича поэтому совершенно невозможно, а строевой лѣсъ нужно перевозить изъ Покровской Слободы, лежащей подлѣ Саратовымъ т. е. за двѣсти слишкомъ верстъ. Мы нисколько не отвергаемъ полной справедливости этихъ фактовъ; но только замѣчаемъ съ своей стороны, что при достаточныхъ средствахъ петербургскихъ домовладѣльцевъ мраморъ, бронза и другія украшения для ихъ домовъ привозятся даже изъ за-границы, и во всякомъ случаѣ обходятся имъ дороже, чѣмъ могли бы обойтись новоузенцамъ сосновыя или еловыя бревна, которыя не богъ-вѣсть какъ дорого продаются въ Покровской Слободѣ, да и перевозка ихъ тоже не потребуетъ какихъ нибудь немислимыхъ расходовъ съ чумаками, возвращающимися порожнякомъ. Мы не имѣемъ тоже никакихъ поводовъ подозрѣвать въ новоузенцахъ чувашской денежной скрытности; напротивъ, какъ извѣстно, русскій человѣкъ охотнѣе прихвастанетъ небывалымъ богатствомъ, чѣмъ станетъ прикидываться бѣднякомъ. Поэтому мы полагаемъ, что внѣшность Новаго Узеня соответствуетъ вполне денежнымъ средствамъ его жителей и что они скорѣе бѣдны, чѣмъ богаты. Поэтому полагаемъ, что внѣшность города служить первымъ признакомъ, которымъ можно опредѣлить вполне удовлетворительно степень благосостоянія жителей, и что вопросъ о домахъ долженъ играть въ экономическихъ изслѣдованіяхъ довольно важную роль. Недостаточно еще знать, сколько въ городѣ домовъ и домовладѣльцевъ, но какіе у нихъ дома: каменные или деревянные, большіе или малые. Такое изслѣдованіе полезно бы вести до такой степени подробности, чтобы опредѣлить число домовъ трехъ, двухъ, одно-этажныхъ, и сколько оконъ въ рядъ; потому что совсѣмъ не все равно, если тысяча домовъ въ городѣ имѣютъ по семи оконъ на фасадъ, или только по три, или по два. Удовлетворительности статистическихъ выводовъ мѣшало до сихъ поръ то, что среднія числа только хотѣли примѣнять и къ вопросамъ экономическаго характера. Но это великая ошибка; если въ городѣ десять человѣкъ имѣютъ по сту рублей, а сто человѣкъ по рублю, то это вовсе не значитъ, чтобы у каждаго было по десяти рублей, какъ говорить средній выводъ. Поэтому-то, если ужъ невозможно никакъ опредѣлить точными цифрами благосостоятельность и имущество каждаго лица и нельзя обрисовать вѣрно каждый городской

домъ, то тѣмъ не менѣе необходимо опредѣлить минимумы и максимумы т. е. сколько домовъ большаго размѣра и сколько начуть, или назовуть; сколько людей живетъ въ каждомъ большомъ домѣ и сколько въ домѣ маленькомъ. Разуздѣтся, собраніе такихъ подробныхъ свѣдѣній представить много затрудненій; но затрудненія эти вовсе не такъ велики, потому что каждый кварталный надзира- тель знаетъ, вѣроятно, на память всѣ дома своего квартала. Подобные минимумы и максимумы чрезвычайно важны въ статистическихъ свѣдѣ- ніяхъ экономическаго характера. Если бы новоузенская коммиссія уга- чивала, что изъ 900 домовъ только 300 деревянныхъ, а остальные камен- ные, то, разуздѣтся, читатель, незнакомый съ Узенемъ, воображалъ бы въ немъ нѣсколько каменныхъ церквей, какъ это въ другихъ го- родахъ, нѣсколько каменныхъ домовъ, а остальные всѣ деревянными. Не было ли бы правильно такое заключеніе читателя, и за чѣмъ вво- дить, его въ недоразумѣніе? Поэтому недостаточно еще одной общей, огульной цифры, а должны быть и цифры частныя, на столько по- дробныя, чтобы въ умѣ читателя могло явиться ясное представленіе о вопросѣ, его интересующемъ. Такого рода свѣдѣніямъ мы прида- емъ особенную важность для возможности будущихъ сравненій. Мѣ- ры, принятыя для улучшенія быта сельскихъ и городскихъ сословій, такъ важны, что въ ближайшемъ будущемъ нужно ожидать много измѣненій въ жизни нашего престопадаря; поэтому-то возможно вѣр- ная и полная картина настоящаго экономическаго положенія город- скихъ жителей—о которыхъ мы собственно и говоримъ въ настоя- щей статьѣ—была бы крайне необходима для полной оцѣнки въ бу- дущемъ экономическаго роста нашихъ городовъ, и въ этомъ отно- шеніи остается пожалѣть, что мѣстныя коммиссіи недостаточно спе- ціализировали вопросъ.

И въ другихъ случаяхъ свѣдѣнія ихъ не отличаются достаточной полнотой. Напримѣръ, относительно ремесленниковъ почти всѣ ко- миссіи сообщили данныя ниже дѣйствительныхъ, и редація должна была пополнять ихъ свѣдѣніями губернскихъ статистическихъ комите- товъ. Саратовская коммиссія показала, напримѣръ, только 447 ре- месленныхъ заведеній и 1,460 ремесленниковъ, считая въ чис- лѣ ихъ калачниковъ, булочниковъ, портныхъ, сапожниковъ, тка- чей, каменщиковъ, штакатуровъ, столяровъ, каретниковъ, куз- нецовъ, серебряниковъ, часовщиковъ, живописцевъ и маляровъ. По свѣдѣніямъ же губернскаго статистическаго комитета въ Са-

ратовъ, въ 1861 г., было 3033 ремесленника, т. е. на 1572 болѣе. Въ частности по ремесламъ такая же разница. Комиссія называетъ 274 портныхъ и 250 сапожниковъ, а статистическій комитетъ считаетъ въ числѣ первыхъ только 35 человекъ и въ числѣ вторыхъ 40. Въ видахъ ремесла разница тоже: комитетъ, кроме ремесла перечисленныхъ комиссіей, указываетъ еще — пирожниковъ, пряничниковъ, вандитеровъ, мясниковъ, модистовъ, перчаточниковъ, стекольниковъ, фортепьянщиковъ, переплетчиковъ, ламповщиковъ, парикмахеровъ, коноваловъ и многихъ другихъ. Въ Новой-Ладогѣ комиссія показываетъ только 14 ремесленниковъ, и въ томъ числѣ 8 кузнецовъ, 2 столяра и 4 слесаря. Разумѣется, не нужно спеціальнаго знакомства съ городомъ, чтобы сообразить, что тамошніе жители вѣроятно ѣдятъ хлѣбъ и булки, что мѣщане не выписываютъ платье и сапоги изъ Петербурга, и это простое соображеніе подтверждается вполнѣ свѣденіями губерн. статист. комитета, второй считаетъ въ Ладогѣ 86 ремесленниковъ. Въ Шенкурскѣ, по словамъ комиссія, единственное ремесло шортняжное, и имъ занимаются два удѣльныхъ крестьянина; губернский же комитетъ перечисляетъ кромѣ того булочниковъ, сапожниковъ, маляровъ и т. д. Но еще рѣшительнѣе поступали мѣстные комиссіи, когда утверждали, что въ городахъ нѣтъ никакихъ ремеселъ. Такъ Кольская комиссія говоритъ, что въ Колѣ нѣтъ ни ремесленниковъ, ни фабрикъ, а статистическій комитетъ увѣряетъ, что тамъ есть кузнецы, сапожники, есть портной, столяръ, маляръ, трубачистъ. Въ Корочѣ комиссія не показываетъ тоже ремесленниковъ, а статист. комитетъ говоритъ, что ихъ тамъ 275 человекъ. И такое разногласіе встрѣчается во весьма многихъ городахъ. Наконецъ, есть такіе мѣстности, напримеръ Котляковъ, симбирской губ., гдѣ о ремеслахъ не говорятъ ни слова ни комиссія, ни комитетъ.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы комиссія дѣйствовала въ этомъ случаѣ намѣренно, изъ желанія скрыть городскихъ экономическихъ производителей. Если бы это было такъ, то одно и то же обстоятельство не являлось бы повсюду въ одной формѣ; а между тѣмъ мѣстности, удаленныя на тысячи верстъ, дѣйствуютъ согласно, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ нами приѣздовъ, — губерній архангельской, петербургской, саратовской, нурской, волгавской, симбирской. Очевидно, что причина разногласій лежитъ въ неодинаковомъ пониманіи сущности самого вопроса. Это

виднѣ всего на Саратовѣ, гдѣ статистическій комитетъ считаетъ въ числѣ ремесленниковъ 150 извозчиковъ, о которыхъ комиссія совершенно не упоминаетъ. И дѣйствительно, правильно ли считать извозъ ремесломъ? А если это такъ, то что нужно считать промысломъ? У насъ, какъ извѣстно, вопросъ о фабричной и ремесленно-цеховой производительности не отличается безукоризненной ясностью. Границъ между фабричнымъ и ремесленнымъ производствами не установлено, точно также не существуетъ рѣзкаго дѣленія между цеховой и домашней ремесленностью, которой занимаются обыкновенно мѣщане и крестьяне, освобождаемые въ этомъ случаѣ отъ гилдейскаго платежа и записки въ цехъ. Въ этомъ обстоятельствѣ вѣроятно и причина несогласія свѣденій комиссій съ свѣденіями статистическихъ комитетовъ. Комиссія считала вѣроятно только однихъ цеховыхъ мастеровъ и ремесленниковъ, извѣстныхъ полиціи оффиціально, а комитетъ считаетъ всѣхъ людей, занимающихся какимъ бы то ни было ремесломъ, а иногда даже и промысломъ. Если, на примѣръ, считать въ Петербургѣ только однихъ цеховыхъ прачекъ, и потомъ взять цифру всѣхъ женщинъ, занимающихся стиркой бѣлья, какъ ремесломъ, то окажется громадная разниа, потому что на одну цеховую прачку придется не менѣе десяти нецеховыхъ. Говоря о ремесленности Пинеги, комиссія объясняетъ, что ремеслами занимаются тамъ большею частью отставные солдаты и ихъ жены, а также и жены чиновниковъ. Такое объясненіе, разумѣется, важно, потому что оно заставляетъ предполагать, что и въ другихъ городахъ занимаются ремеслами много лицъ, незаписанныхъ въ цехъ, но если пинегская комиссія считала необходимымъ сдѣлать подобную оговорку, то, очевидно, только потому, что безъ нея не считала имѣющимъ оффиціальную силу число приведенныхъ ею ремесленниковъ. Такимъ образомъ разнорѣчіе показаній произошло, разумѣется; только потому, что оффиціальныя лица, составлявшія комиссію, имѣли на свое занятіе оффиціальныи взглядъ и считали дѣйствительно законными только тѣ свѣденія, которыя были извѣстны оффиціальнымъ путемъ. Этотъ взглядъ на занятіе статистикой очень неудобенъ въ томъ отношеніи, что ведетъ къ неудовлетворительнымъ статистическимъ свѣденіямъ.

Вообще мѣстные данныя о промыслахъ и занятіяхъ городскихъ жителей не отличаются удовлетворительной разработкой, а иногда не имѣютъ даже необходимой для ясности дѣла обстоятельности. На примѣръ, въ Ново-Александровскѣ, ковенской губерніи, считается

всѣхъ жителей 5,520. Торговля въ немъ не имѣетъ никакого значенія, такъ что въ городѣ торгуетъ всего 5 купцовъ; ремесленная промышленность, по словамъ комисси, соответственно мѣстной потребности скудна и ограничивается самыми необходимыми въ обществѣ мастерствами. По словамъ же комитета, въ городѣ 51 мастеръ, съ 14 рабочими и 39 учениками, т. е. всего 104 человѣка. Изъ заведеній заводской промышленности находится въ городѣ всего двѣ незначительныя пивоварни (число рабочихъ не показано). Сельскими промыслами жители не занимаются. Чѣмъ же, спрашивается они живутъ, когда не занимаются ни торговлей, ни ремеслами, ни сельскимъ хозяйствомъ, ни заводской или фабричной промышленностью? Что люди должны имѣть какіе нибудь источники существованія, видно изъ того, что въ Ново-Александровскѣ благополучно и здорово проживаетъ 5¹/₂ т. народу, не умирая съ голоду, а между тѣмъ статистика нашла занятія только у 109 человѣкъ; неужели остальные 5,411 человѣкъ сидятъ сложа руки? И такихъ описаній встрѣчается не одно. Въ другихъ мѣстахъ говорится глухо, что жители списываютъ себѣ пропитаніе въ городѣ, но чѣмъ не объяснено. Подобныя уклончивыя объясненія могутъ быть хороши тогда, когда есть какія нибудь причины избѣгать точныхъ выраженій, но въ статистикѣ они неудобны, потому что порождаютъ смутныя представленія, а на практикѣ могутъ вести къ послѣдствіямъ болѣе серьезнымъ. Конечно, собирать данныя объ экономическихъ занятіяхъ жителей и объ ихъ заработкахъ весьма нелегко; потому что промышленный и торговый народъ изъ осторожности обыкновенно сообщаетъ свѣденія ниже дѣйствительныхъ. Но въ приведенныхъ приѣрахъ трудность была не этого рода; тамъ просто не говорится ничего о занятіяхъ городского населенія. Объ этой неточности приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что между самой подробной разработкой экономическо-статистическихъ вопросовъ и между такими отвѣтами, какіе даетъ описаніе Ново-Александровска, есть середина весьма доступная для нашихъ небольшихъ еще статистическихъ средствъ и силъ. Каждый мѣстный старожилъ, купеческаго или промышленнаго сословія, знаетъ очень хорошо, какимъ трудомъ существуетъ городское населеніе. Слѣдовательно, распросомъ нѣсколькихъ мѣщанъ и купцовъ можно опредѣлить вполне точно роды мѣстныхъ занятій; точно также можно узнать и степень ихъ послѣдовательной важности для жителей, и наконецъ размѣры самыхъ большихъ и самыхъ

маленькі зароботковъ въ всякаго рода промысловъ. Мы думаемъ, что для всякаго мѣстнаго достовителя статистическихъ данныхъ не было бы большаго труда собрать свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ. Возьмемъ для примѣра тотъ же самый Ново-Александровскъ, съ его 5,520 жителей. Разумѣется, не все они въ одинаковой степени могутъ быть признаны экономическими производителями, и потому прежде всего слѣдуетъ отдѣлить собственно городскія производительныя сословія отъ лицъ, неучаствующихъ непосредственнымъ физическимъ трудомъ въ мѣстныхъ промыслахъ и производствахъ. Въ числѣ 5,520 человекъ заключается 2,786 мужчинъ и 2,734 женщины. Далѣе — дворянъ об. п. 127, духовныхъ 33, купцовъ 34, мѣщанъ 3,119, служащихъ военныхъ чиновъ 528, бессрочно-отпущенныхъ и отставныхъ съ ихъ женами 122. Какія же изъ этихъ сословій слѣдуетъ считать въ строгомъ смыслѣ городскими производителями? Разумѣется, только мѣщанъ, купцовъ и отставныхъ военныхъ т. е. 3,275 человекъ. Остальные могутъ имѣть только большее или меньшее экономическое значеніе. Эти 3,275 человекъ нужно опять подраздѣлить на отдѣлы. Купцовъ въ этомъ числѣ 34 ч., изъ нихъ 19 мужчинъ и 15 женщинъ. Сколько изъ этихъ лицъ взрослыхъ и способныхъ трудиться лично и сколько малолѣтнихъ? Положимъ, что на половину, т. е. 10 мужчинъ и 8 женщинъ взрослыхъ, и 9 и 7 малолѣтнихъ. Между взрослыми все ли работаютъ лично или нѣтъ, и на сколько женщины помогаютъ мужчинамъ въ ихъ коммерческихъ дѣлахъ? Если женщины ограничиваются исключительно домашними занятіями, то для коммерціи остается только 10 взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ, можетъ быть, трое по болѣзни или по старости не принимаютъ участія въ дѣлахъ. Такимъ образомъ изъ 34 лицъ купеческаго сословія можетъ оказаться дѣйствительныхъ работниковъ только 7 человекъ или 20% общаго числа, а 27 человекъ или 80% частью не имѣютъ никакого экономическаго значенія, а частью самое слабое, воспринятое по предметамъ немногосложнаго домашняго хозяйства. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ разсортировать и мѣщанъ, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, дѣтей отъ взрослыхъ, больныхъ и престарѣлыхъ отъ работниковъ. Въ мѣщанскомъ сословіи женщины отличаются большей активностью, чѣмъ въ купеческомъ быту, и за исключеніемъ больныхъ и старыхъ, ихъ всѣхъ можно считать работницами. Отдѣливъ $\frac{2}{5}$ въ каждомъ полѣ на дѣтей и стариковъ,

можно будетъ принять число действительныхъ работниковъ мужчинъ равнымъ 890, а женщинъ—работницъ—985, всего же, тѣхъ и другихъ, 1,875, или 60%, рабочаго населения и 40% нерабочаго. Между оставшимися солдатами число рабочихъ съмы можно принять безъ большой ошибки равнымъ 50%. Наконецъ между жителями Ново-Александровска есть еще 1,512 человекъ, которыхъ поминось называетъ лицами, непринадлежащими къ вышеозначеннымъ разрядамъ. Если мы допустимъ, что всѣ эти незнакомцы отличающа тѣми же рабочими способностями и качествами, какъ и мѣщане, и примѣнимъ къ нимъ тотъ же расчетъ, то получимъ 907 рабочихъ и 605 нерабочихъ. Такимъ образомъ во всемъ Ново-Александровскѣ окажется действительныхъ производителей 52% или 2,850 человекъ, а 2570 неучаствующихъ прямо въ производствѣ. Конечно, нашъ расчетъ только примѣрный, и мы дѣлаемъ его только для того, чтобы показать, какъ экономическая статистика должна сортировать населенія. Теперь остается только опредѣлить, чѣмъ занимаются эти 2,850 человекъ. По мѣстнымъ свѣденіямъ извѣстно, что 104 добываютъ себѣ средства существованія ремеслами, а 5 торгуютъ въ городѣ, да еще 5 ч. торгуютъ въ другихъ мѣстахъ, итого 114. Извѣстно также, что въ городѣ есть 22 лавки, 2 гостиницы, 1 ресторация, 1 харчевня и 2 постоянныхъ двора. Разумеетсяъ, во всѣ эти заведенія нужны люди; положимъ, въ каждое по два человека, это составитъ 56 человекъ; служащимъ чиновникамъ, кученству и болѣе зажиточнымъ мѣщанамъ нужна, разумеетсяъ, прислуга—предположимъ 300 человекъ. Итого 570 человекъ нашихъ у насъ занятія, за тѣмъ остаются еще 2,280 человекъ, которыхъ намъ разсортировать довольно мудрепо, но мѣстной комиссiи сдѣлать это было бы легче. Изъ описанія видно, что 287 ч. получили паспорта для заработка на сторонѣ, а такъ какъ въ Ново-Александровскѣ считается 747 евреевъ обоего пола, то нужно предполагать, что тамъ до известной степени процвѣтаетъ уличная и базарная торговля, а по случаю уничтоженія откуповъ явилось вѣроятно приличное количество питейныхъ заведеній. Не будетъ вѣроятно большой ошибки, если на всѣ эти разнообразныя занятія мы положимъ 250 человекъ. Теперь у насъ пристроено къ дѣлу уже 1,407 человекъ. Изъ этихъ расчетовъ читатель можетъ увидѣть, что прослѣдить за родомъ занятій жителей какого нибудь города совсѣмъ не такъ трудно, и безъ особеннаго усердія можно узнать, сколько человекъ въ городѣ занимаются подан-

ной работой, сколько извозчиковъ, ремесленниковъ, прислуги въ частныхъ домахъ и публичныхъ заведеніяхъ, сколько торгуетъ въ лавкахъ, на базарахъ, сколько уходитъ для заработковъ на сторону, сколько занято земледѣліемъ и т. д. После такой сортировки людей важный вопросъ составляетъ размѣръ ихъ заработка. Здѣсь мы полагаемъ достаточнымъ ограничиться крайними цифрами т. е. опредѣленіемъ самаго большого и самаго малаго вознагражденія. Не думаемъ, чтобы это могло представлять какія нибудь серьезныя затрудненія, и, разумѣется, не болѣе, какъ въ два дня, одинъ человекъ могъ бы собрать всѣ эти свѣденія. Тогда явились бы довольно полныя данныя для сужденія о степени выгодности каждаго рода занятія и о среднемъ вѣроятномъ благосостояніи жителей на основаніи минимумовъ и максимумовъ. Разумѣется, средній выводъ не сообщилъ бы правильнаго понятія объ экономическомъ бытѣ; но, имѣя крайности, можно бы примириться показатѣлемъ и на немъ, чтобы не заявлять слишкомъ большихъ требованій, исполненіе которыхъ въ настоящее время по многимъ причинамъ еще невозможно. Мы знаемъ, что самое правильное заключеніе можно составить только тогда, когда извѣстно въ точности экономическое положеніе каждаго отдѣльнаго человека; но исполненіе подобной задачи для насъ еще невысказано, и мы бы желали только, чтобы хотя и то, что заключается въ данныхъ, собранныхъ мѣстными комиссіями, получало нѣсколько иную обработку и большее специализированіе. Экономическое состояніе городскихъ населеній было бы еще яснѣе, если бы подробности о мѣстной промышленной благосостоятельности могли бы быть дополнены нѣкоторыми свѣденіями, которыя имѣются уже готовыми въ городскихъ управленіяхъ. Мы говоримъ о недвижимыхъ. Степень исправности народонаселенія въ платежахъ податей, разумѣется, выказываетъ лучше всего его экономическія средства. При указаніи недоимокъ важна, разумѣется, не общая ихъ цифра, а число недоимщиковъ, причины ихъ несостоятельности и размѣръ личной недоимки каждаго.

Съ расширеніемъ круга дѣятельности городскихъ управленій и съ тѣми началами самоуправленія, которыми уже пользуются городскія управленія, не мѣшало бы понять ту пользу, какую можетъ оказать имъ статистика,¹ и, не ожидая особенныхъ распоряженій сверху, принятыя за собраніе и разработку тѣхъ статистическихъ вопросовъ, безъ которыхъ невозможно никакое мало-мальски порядочное управленіе. Мѣстными комиссіями, разумѣется, не имѣли такого взгляда на свои

занятія; они исполнили волю начальства, не затрудняя себя вопросами, нѣтъ-ли между этой волей какого нибудь болѣе тѣснаго отношенія къ благосостоянію ихъ города, чѣмъ одно официальное любопытство. Многие, по старымъ понятіямъ, вѣроятно даже и негодовали на то, что ихъ потревожили для такого страннаго дѣла, какъ собраніе свѣденій о числѣ лавочниковъ, нивощниковъ, бурлаковъ, саженниковъ и т. д., вовсе не подозрѣвая, что всѣ эти данныя прежде всего собираются для нихъ самихъ. Министерство имѣетъ свои цѣли, объемъ его занятій широкъ, и ужь по этому одному оно можетъ не вдаваться въ частности и мелочи, основывая свои распоряженія на общихъ итогахъ и среднихъ выводахъ. Совсѣмъ не то мѣстныя городскія управленія. Средніе выводы для нихъ уже недостаточны, имъ необходимо опредѣлить въ точности всѣ отдѣльныя цѣны, изъ которыхъ составился общій итогъ. Если министерство можетъ удовлетвориться вполне, принимая единицей каждый отдѣльный городъ; то ему совершенно достаточно знать, что въ такомъ-то городѣ столько всѣхъ жителей, у нихъ столько-то домовъ, доходы города составляютъ такую-то сумму, а расходы такую. Но для самого города эти цѣны будутъ слишкомъ крупны: ему необходимо знать тѣ отдѣльныя величины, изъ которыхъ они сложились, и какъ для министерства единицу составляетъ каждый отдѣльный городъ, такъ для города единицей долженъ служить каждый отдѣльный житель. Городу невозможно основывать своихъ домашнихъ распоряженій на общихъ свѣденіяхъ, если бы даже вся его задача заключалась только въ томъ, чтобы собирать и расходовать деньги, то и это дѣло невозможно исполнить порядочно безъ точнаго знанія экономическихъ средствъ каждаго жителя. Поэтому всѣ свѣденія объ имуществѣхъ и доходахъ народонаселенія должны быть собраны и разработаны на мѣстахъ съ особеннымъ тщаніемъ; всѣ экономическія силы должны быть приведены въ точную извѣстность; всѣ городскія доходы и расходы изслѣдованы въ подробности. Намъ могутъ возразить, что всѣ эти свѣденія очень хорошо извѣстны мѣстнымъ Думахъ и полиціямъ; но мы полагаемъ, что если это и справедливо, то такого секретнаго знанія еще недостаточно, ни вообще, ни въ частности. Какая польза отъ того, что городъ знаетъ, что его расходы покрываются вполне доходами, что городское управленіе стоитъ ему, положимъ, 7,000 р., содержаніе городскихъ имуществъ 4,000 р., наружное благоустройство 200 р., военная повинность 100 р., благотвори-

тольные заведенія и швалы 400 р.; что городскія имущества и оброчныя статьи дадутъ доходу 9,000 р., промыслы городскихъ жителей 1,500 р., ковенные налоги 1,000 р. и т. д. Зная все это про себя, городъ едва ли можетъ сообразить, хорошо ли все это или худо, доходы удовлетворительны или нѣтъ, расходы велики или малы. Если, положимъ, городъ достанетъ подобныя же статистическія данныя о другикъ мѣстностяхъ, то онъ и тутъ не будетъ въ состояніи сообразить, хорошо или худо идутъ его дѣла. Допустимъ, что два города съ совершенно одинаковымъ народонаселеніемъ представляютъ такую разницу въ цифрахъ своихъ доходовъ и расходовъ: Одному—городское управленіе стоитъ 7,000, а другому 6,000, военная повинность 100 и 150 р., содержаніе городскихъ имуществъ 4,000 и 4,500; оброчныя статьи дадутъ одному 9,000, а другому 12,000, промыслы городскихъ жителей 1,500 и 1,000 р. Какой выводъ можно сдѣлать изъ этихъ цифръ? Только тотъ, что доходы и расходы, какъ вообще, такъ и въ частности, въ этихъ обоихъ городахъ неодинаковы. Выводъ не особенно важный, потому что изъ него нельзя извлечь никакой практической пользы. И въ самомъ дѣлѣ если въ одномъ мѣстѣ городское управленіе стоитъ 7,000, а въ другомъ только 6,000; значитъ ли это, что въ послѣднемъ городѣ управленіе дешевле. Очень можетъ быть, что при болѣе ограниченныхъ потребностяхъ онъ удовлетворяется менѣе разсчетливо, такъ, что хотя 7,000 и болѣе 6,000, но первое управленіе все-таки дешевле. Относительно городскихъ доходовъ то же самое. По воловому доходу съ оброчныхъ статей и имуществъ не видно еще, удовлетворительны или нѣтъ приносимый ими доходъ, потому что не видна ни капитальная цѣнность каждой статьи, ни процентъ приносимаго ею воловаго дохода, ни размѣръ издержекъ по управленію. Совсѣмъ другое, если всѣ эти свѣденія будутъ представлять такія подробности и частности, которыя дадутъ возможность составить правильное понятіе объ ихъ относительной правильности и необходимости. Въ этомъ случаѣ два города, находящіеся относительно въ одинаковыхъ условіяхъ, будутъ имѣть уже возможность сдѣлать нѣкоторыя сравненія, разумѣется не безъ пользы для своего хозяйства и управленія. Одинъ изъ нихъ, можетъ быть, увидитъ, что управленіе стоитъ ему слишкомъ дорого, что у него есть излишніе расходы въ однихъ случаяхъ, а на другія статьи—напримѣръ на образованіе и на внѣшнее благоустройство—издержки его слишкомъ ограничены; что управленіе городскими иму-

цествами и оборочными статьями далеко не блистательно и т. д. Мы полагаемъ, что если статистическіе выводы могутъ наводить людей на подобныя полезныя сравненія и ведутъ къ практическимъ примѣненіямъ, обнаруживающимъ прямое вліяніе на улучшение быта людей, то они стоятъ того, чтобы нѣсколько человѣкъ въ каждомъ городѣ посвящали себя на подробное разслѣдованіе мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ. Люди, готовые на подобное полезное дѣло, найдутся, разумѣется, вездѣ. Наши провинціи богаты мелодкими силами, которыя по недостатку дѣльныхъ занятій тратятся нерѣдко на пустыни. Пусть всякій, кто можетъ, занимается мѣстной статистикой; польза отъ этого дѣла будетъ велика, потому что мы познаемъ наконецъ съ своимъ экономическимъ бытомъ не изъ общихъ фразъ и газетныхъ разглагольствованій, а по точнымъ даннымъ и несомнѣннымъ выводамъ, основаннымъ на изученіи частныхъ. На эти-то частности и нужно обращать преимущественное вниманіе, не забывая того, что общіе итоги и среднія величины не даютъ никогда основаній для правильныхъ заключеній. Намъ нужны во всемъ минимумы и максимумы только они даютъ вѣрную картину быта и указываютъ на достоинства и недостатки, избытки и лишенія. Вопросы о личныхъ платежахъ мѣстныхъ жителей, о недвижимостяхъ и размѣрахъ недоимокъ каждаго лица, и о причинахъ ихъ, должны быть изслѣдованы съ особенной подробностью. Купеческія банкротства, торговое довѣріе, размѣры оборотовъ, торговыя сдѣлки, принадлежать къ вопросамъ также первой важности; но къ сожалѣнію комиссіи не обратили на нихъ нигдѣ вниманія. Только при описаніи Кіева помѣщено — вѣроятно редакціей — въ выпискѣ слѣдующее любопытное свѣденіе, взятое изъ кіевского телеграфа. «На кіевской ярмаркѣ 1863 г., по показаніямъ самихъ купцовъ, продажа товаровъ на $\frac{3}{4}$ части состоялась въ долгъ и только за $\frac{1}{4}$ были заплачены наличныя деньги. Въ сравненіи съ прошлогодними контрактами товаровъ было привезено меньше на 665,023 р. и продано меньше на 423,300 р. Денежные обороты были незначительны, они ограничились большею частію обмѣномъ старыхъ векселей и заемныхъ писемъ на новые. Только двѣ конторы извѣстнѣйшихъ сахарныхъ заводовъ Браницкихъ и Сангушки пользовались неограниченнымъ кредитомъ, для прочихъ же займы были почти невозможны, даже за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе. Результатъ ярмарки вообще оказался неблагопріятнымъ и убыточнымъ»

для торговцевъ. Главной причиной былъ всеобщій кризисъ, а въ особенности упадокъ частнаго кредита въ краѣ: недостатка въ капиталахъ не ощущалось, но недовѣріе препятствовало имъ пускаться въ обращеніе свои капиталы. Другое обстоятельство, имѣвшее большее вліяніе на дурной ходъ торговли, было то, что помѣщики сахаровары приостановили выплату денежныхъ обязательствъ и уплату долговъ на сумму отъ 3 ¹/₂ до 4 мил. руб., что, въ соединеніи съ неуплаченными долговыми обязательствами прежнихъ лѣтъ, составило цифру въ 12 мил. Этотъ капиталъ, вынутый изъ обращенія, не дозволилъ дѣлать заимодавцамъ обыкновенныхъ во время ярмарки оборотовъ.»

Перечисляя населеніе Ново-Александровска, мы указали на довольно значительную массу людей, которыхъ комиссія называетъ «лицами, непринадлежащими къ вышеозначеннымъ разрядамъ». Это странное выраженіе встрѣчается почти при описаніи каждаго города. Разумѣется, оно бы не могло особенно огорчить читателя, если бы подъ нимъ скрывались какія нибудь незначительныя величины, какъ, напримѣръ, въ Кузнецкѣ, идѣ этихъ незнакомецъ всего 8 человѣкъ. Но совсѣмъ другое, когда такое выраженіе примѣняется къ тысячамъ и даже къ десяткамъ тысячъ. Въ Саратовѣ, напримѣръ, «лицъ, непринадлежащихъ къ вышепоказаннымъ разрядамъ», считается 22,824. Кто бы это могъ быть? Просматривая описаніе населенія города, мы нашли тамъ: дворянъ потомственныхъ, личныхъ и чиновниковъ, духовенство разныхъ исповѣданій, почетныхъ гражданъ потомственныхъ и личныхъ, купцовъ мѣстныхъ и иногородныхъ, мѣщанъ тоже мѣстныхъ и иногородныхъ, цеховыхъ, крестьянъ государственныхъ, волокистовъ, крестьянъ удѣльныхъ и временно-обязанныхъ, бывшихъ дворовыхъ людей, вольноотпущенныхъ, военныхъ чиновъ служащихъ, отставныхъ и безсрочныхъ, солдатскихъ женъ, вдовъ и дѣтей, иностранныхъ подданныхъ, наконецъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ заведеній. Кажется, полнѣе этого перечисленіе быть не можетъ и обнимаетъ оно рѣшительно всѣ сословія, какія только существуютъ въ Россіи, а между тѣмъ оказывается въ одномъ только Саратовѣ болѣе 22 тысячъ людей какого-то особеннаго разряда. Изъ уваженія къ размѣру этой цифры стоило бы сдѣлать какой нибудь, самый незначительный, намекъ на то, что это за такіе люди и какимъ трудомъ они существуютъ. Если подобная неопредѣлительность выраженія не обращала на себя вниманія извѣстныхъ комиссій, и члены ихъ удо-

влетворились тѣмъ, что кромѣ людей извѣстныхъ проживаютъ у нихъ въ городѣ лица, которымъ нѣтъ названія, и не поинтересовались разъяснить этотъ вопросъ, то такой фактъ повсемѣстнаго невниманія къ точности и ясности статистическихъ указаній можетъ повести скептиковъ къ сомнѣнію въ достаточности нашихъ средствъ къ занятіямъ, требующимъ сообразительности. Такое мнѣніе будетъ, разумѣется, несправедливо, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что при официальной разработкѣ статистики выборъ лицъ для этого дѣла можетъ быть нерѣдко ошибоченъ, а самое порученіе, исполняемое по «казенной надобности», можетъ идти не съ той внимательностію, какая необходима въ этомъ дѣлѣ. Поэтому мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы для статистическихъ работъ приглашались люди, чувствующія охоту къ подобнымъ занятіямъ, не справляясь ни объ ихъ официальномъ положеніи, ни о мѣстѣ ихъ служенія, и такимъ-то охотникамъ открывали бы двери разныхъ святилищъ, недоступныхъ для обыкновенныхъ людей, и давали бы имъ всѣ пособія и средства, необходимыя для занятій. Не подлежитъ сомнѣнію, что одинъ такой охотникъ принесетъ разработкѣ статистики въ одинъ годъ больше пользы, чѣмъ десять человекъ, занимающихся по казенной надобности, и выбранныхъ въ комиссіи иногда, можетъ быть, противъ воли.

Что касается до общей редакціи труда, то относительно ея мы сдѣлаемъ только два замѣчанія. Въ описаніе городовъ не вошли Петербургъ, Москва и Одесса, потому что общественное управленіе преобразовано уже въ нихъ на новыхъ началахъ. Эта причина кажется намъ недостаточно сильною, чтобы оправдать пропускъ нашихъ лучшихъ трехъ городовъ. Не сказать о нихъ ни слова, точно будто бы ихъ вовсе не существуетъ на землѣ, то же самое, какъ если бы показывать кому нибудь обширное зданіе и скрыть три самыхъ лучшихъ помѣщенія; или, описывая города Франціи и Англій, умолчать о Парижѣ и Лондонѣ. Столицы государствъ— это умъ и сердце страны; въ столицахъ сосредоточиваются лучшія силы народа; не зная дѣятельности столицы, невозможно судить правильно о дѣятельности всей страны. Точно также нужно пожалѣть, что не включены города остзейскіе. Отъ нихъ правда и не требовались свѣденія, потому что города эти имѣютъ особое устройство. Но именно это-то особое устройство и заставляетъ жалѣть о пропускѣ. Очень можетъ быть, что сравненіе экономическаго положенія

нашихъ городовъ съ положеніемъ городовъ остзейскихъ навело бы наши Думы и городовыя управленія на какія нибудь желанныя для нихъ соображенія. Второе замѣчаніе относится до недостатка общихъ выводовъ и соображеній. Прочитать съдѣны два толстыхъ тома не подѣ силу всякому, а между тѣмъ каждому было бы интересно получить общее понятіе объ экономическомъ положеніи нашихъ городовъ. Но и сплошное чтеніе неможеть многиму, если у кого и достало бы для того времени и охоты. Приведемъ одинъ примѣръ: встрѣчая въ каждомъ городѣ указаніе на «лицъ, непринадлежащихъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ», другой читатель, можетъ быть, и поинтересовался бы узнать, сколько въ Россіи такихъ непонятныхъ людей; но какъ онъ это узнаеть. Неужели дѣлать отиѣтки по каждому городу и потомъ сложить ихъ? Работа черезъ-чуръ большая и не у всякаго достанеть на нее силъ. — Въ русскомъ изданіи Кольба послѣ перечисленія разныхъ сословіи оказано: «лицъ прочихъ разрядовъ» 274,548, тѣ ли это, что и «непринадлежащія къ вышеозначеннымъ разрядамъ», или другія? Если тѣ же самыя, то незначительный размѣръ цифры возбуждаеть, разумѣется, любопытство узнать ее въ большихъ подробностяхъ и въ болѣе специальномъ опредѣленіи. Читатели могутъ интересоваться также вопросы о числѣ фабрикъ, ремесленниковъ, объ общихъ расходахъ городовъ и по другимъ предметамъ, показаннымъ въ частности при описаніи каждого города, но онъ не получитъ ни одного отвѣта на подобные вопросы. Любопытному и терпѣливому человѣку остается только одно — взять свѣты и сводить самому общіе итоги. Трудъ неблагодарный, — но другого выхода нѣтъ.

Редакціи принадлежитъ счастливая мысль напечатать каждую губернію въ видѣ отдѣльнаго выпуска. Такъ думаемъ мы потому, что каждая губернія имѣеть свое отдѣльное оглавленіе и отдѣльную нумерацію страницъ, и хотя описанія, собранныя вмѣстѣ, составляютъ два тома (въ такомъ видѣ мы имѣемъ это изданіе), но вѣроятно можно получить описаніе каждой губерніи особо. Мысль издавать статистическія свѣденія въ такомъ видѣ имѣеть важное практическое значеніе, потому что каждый можетъ купить то, что его интересуетъ, избѣгая такимъ образомъ траты денегъ на все изданіе, когда ему нужны, можетъ быть, только двѣ, три губерніи. Но, можетъ быть, мы ошибаемся въ своемъ заключеніи, и при такомъ порядкѣ механика мѣшались въ виду не столько интересы частныхъ лицъ, сколько со-

увращеніе расходовъ печати, потому что если въ каждый городъ пошлется по одному экземпляру описанія собственно той губерніи, въ которой принадлежитъ городъ, то для этого потребуется только 42 полныхъ экземпляра всего изданія; но если бы каждому городу высылать оба тома вполнѣ, то для этого нужно 595 экземпляровъ. Разница становится еще чувствительнѣе, если обратить вниманіе на то, что разсылка дѣлалась вѣроятно не въ одномъ, а въ двухъ, трехъ или даже болѣе экземплярахъ.

III.

Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторые общіе выводы, отсутствіе которыхъ въ экономическомъ описаніи городовъ уменьшаетъ на половину интересъ этого, вообще чрезвычайно важнаго, изданія.

Русскіе города, по своему происхожденію, представляютъ значительную разницу отъ городовъ западно-европейскихъ

Въ постепенномъ развитіи экономической дѣятельности какого либо народа село и городъ служатъ представителями двухъ разнохарактерныхъ группъ человѣческаго труда. Село есть центръ земледѣльской дѣятельности; оно производитъ предметы самой первой необходимости, создаетъ сырье. Городъ перерабатываетъ ихъ и производитъ предметы для дальнѣйшихъ и высшихъ потребностей общества. Народы, едва перешедшіе къ земледѣльческому быту и неразвитые въ экономическомъ отношеніи, не имѣютъ городовъ. Сельская дѣятельность удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ потребностямъ людей, вообще довольно ограниченнымъ. Каждый селянинъ приготовляетъ себѣ дома все—онъ строитъ и домъ своими домашними средствами, заготовляетъ себѣ самъ и платье, и обувь. Въ земледѣльческомъ быту молодыхъ народовъ существуетъ очень мало предметовъ, для изготовленія которыхъ имѣлись бы особенные производители—специалисты; раздѣленіе труда въ такомъ быту вообще слабо. Городъ, какъ представитель ремесленной и фабричной дѣятельности, является уже тогда, когда земледѣльческій бытъ народа достигаетъ довольно значительной степени развитія. Разумѣется, что города не создавались вообще подъ влияніемъ исключительно экономическихъ интересовъ;

но тѣмъ не менѣе экономическое вліяніе было при этомъ самымъ сильнымъ.

Наиболѣе нормальное развитіе городовъ совершалось въ Англіи. Со времени изобрѣтенія машинъ и по мѣрѣ разширенія мануфактурной и фабричной дѣятельности города въ этой странѣ развивались и строились вновь съ необычайной быстротой и почти на нашей памяти. Фабрика для своего основанія ищетъ обыкновенно такого мѣста, гдѣ можно получить болѣе выгодно предметы сельскихъ произведеній—хлѣбъ, топливо, мясо и т. д. Въ дешевыхъ мѣстностяхъ—дешевле и рабочіе. Поэтому понятно, что фабрикантъ выбираетъ для своего водворенія мѣстности сельскія. Но вотъ фабрика выстроилась. Тотчасъ же она становится центромъ, около котораго группируются и другіе производители. Рабочимъ нужна пища, одежда, обувь; рабочій хочетъ иногда выпить и погулять, и для удовлетворенія всѣхъ этихъ разнообразныхъ потребностей фабричнаго населенія потянутся портные, сапожники, торговцы разными предметами, трактирщики и т. д. Для разныхъ промышленныхъ и торговыхъ сдѣлокъ поселятся нотаріусы и маклера; для водворенія порядка явится полиція, и такимъ образомъ одна фабрика владетъ основаніе будущему городу. Дешевизна производства, представляемая молодой фабричной мѣстностью, привлекаетъ въ нее новыхъ фабрикантовъ, строятся новыя мануфактуры, а съ ними являются новыя тысячи людей разныхъ специальностей, и такимъ образомъ городъ готовъ. Этимъ путемъ многія печальныя и пустынные мѣстности — напримѣръ Ланкаширъ — менѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ покрылись множествомъ новыхъ городовъ, и все городское населеніе Англіи увеличилось въ изумительномъ размѣрѣ. Напримѣръ, Лондонъ, въ которомъ сто лѣтъ тому назадъ считалось 700,000 жителей, имѣетъ теперь почти 3,000,000. Въ 1801 году считалось въ Манчестерѣ 94 тысячи, а теперь больше 400 тысячъ; въ Бредфордѣ, въ 1801 г. считалось 13,000, теперь 104,000. При населеніи въ 21 м. Великобританія имѣетъ 70 городовъ съ населеніемъ болѣе 20,000 въ каждомъ, 16 городовъ съ населеніемъ болѣе 50,000, и 11 городовъ съ населеніемъ 100,000. Въ Англіи и въ Шотландіи считается 815 городовъ, съ 40,556,288 ж., тогда какъ въ селеніяхъ живетъ только 10,403,189 человекъ. Такимъ образомъ въ Англіи на 6 квадратныхъ миль приходится одинъ городъ, и городское населеніе больше сельскаго. Только въ одной Америкѣ росли города

съ подобной быстротой. Напримѣръ, сто лѣтъ тому назадъ въ Нью-Йоркѣ было около 16,000 жителей, а теперь болѣе 800,000; въ Филадельфіи было 40,000, а теперь болѣе 400,000; въ Балтиморѣ было 11,000, а нынче 170,000. Хорошо или худо, что въ Англіи росли города съ такой необычайной быстротой, мы скажемъ въ заключеніи статьи; а теперь констатируемъ только тотъ фактъ, что развитіе мануфактурной и фабричной дѣятельности, вызванное изобрѣтеніемъ машинъ и успѣхами знаній, отвлекло сельское населеніе въ города, и создало изъ Англіи обширную мануфактуру, которая работаетъ на всѣ страны и народы.

Наши города создавались пѣсколько инымъ путемъ. Они являлись не результатомъ экономического развитія, вслѣдствіе увеличившагося матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, а исключительно по стратегическимъ и административнымъ цѣлямъ. Этотъ путь въ одно царствованіе Екатерины II учреждено около 215 городовъ. По Наказу ея въ городахъ «обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ.» Этотъ идеалъ города и до сихъ поръ не получилъ еще у насъ своего осуществленія, потому что въ условіяхъ народнаго экономического быта не доставало многихъ элементовъ, для того необходимыхъ. Такъ какъ большая часть населеній, превращенныхъ такимъ образомъ въ города, занимались прежде почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ, то и съ переименованіемъ въ горожанъ жители не оставляли обыкновенно своихъ прежнихъ сельскихъ занятій, потому что ни ремеслами, ни торговлей, ни художествами и науками упражняться имъ было невозможно. Сельскій характеръ городскихъ населеній замѣтенъ у насъ почти повсемѣстно и почти во всѣхъ условіяхъ городской жизни, начиная съ состава городскихъ населеній. Вотъ сословія, которыя входятъ непремѣнно въ составъ каждаго города: дворяне потомственные и личные, духовенство, почетные граждане, купцы, мѣщане, крестьяне, служащіе военные чины, отставные военные съ ихъ семействами. Процентное отношеніе многихъ изъ этихъ различныхъ сословій не представляетъ большихъ колебаній и почти во всѣхъ городахъ держится около одной величины. Число дворянъ въ уѣздныхъ городахъ бываетъ обыкновенно около 3%, хотя и встрѣчаются города, въ которыхъ число ихъ ниже этой цифры; напримѣръ въ Вольскѣ приходится на 22,000 жителей только 287 дворянъ т. е. $1\frac{1}{4}\%$; во Вольскѣ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ губерни-

енихъ же городахъ отношеніе дворянъ къ общей цифрѣ населенія составляетъ обыкновенно отъ 5 до 10⁰/₁₀. Отношеніе духовенства, исключая тѣхъ городовъ, гдѣ монастыри, бываетъ тоже довольно постоянно. Обыкновенно оно составляетъ около 1⁰/₁₀ всего населенія; но доходить до 2⁰/₁₀, и даже нѣсколько болѣе, какъ напримѣръ въ Архангельскѣ, въ Астрахани. Вольскъ и тутъ составляетъ опять исключеніе: въ немъ духовенства нѣсколько менѣе полупроцента. Процентъ купческаго населенія колеблется гораздо болѣе. Здѣсь нужно отличить губернскіе города отъ уѣздныхъ, и города съ чисто-русскимъ населеніемъ отъ городовъ западныхъ губерній, гдѣ проживаютъ евреи. Разумѣется, читатель думаетъ, что тѣ города, гдѣ на каждомъ шагѣ можно встрѣтить торгующаго еврея, и города губерніи, гдѣ торговля тоже оживлена болѣе, имѣютъ болѣе и купческаго населенія. Но не то говорятъ цифры. Въ губернскихъ городахъ купческое сословіе составляетъ рѣдко 4⁰/₁₀, болѣею частью оно держится около 2⁰/₁₀; тогда какъ въ уѣздныхъ доходитъ иногда до громадной цифры, почти 30⁰/₁₀, какъ, напримѣръ, въ Краснонъ Яру, въ Балашовѣ, въ Дубовкѣ, въ Новоузенскѣ, за тѣмъ, постепенно уменьшаясь, падаетъ до 3⁰/₁₀, напримѣръ въ Колѣ. Вообще въ уѣздныхъ городахъ цифра купческаго населенія чрезвычайно велика, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны приволжскіе города и вообще замосковскія и степныя губерніи. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, напротивъ, купческое населеніе держится около 3, 4, 5 процентовъ. Въ западныхъ же губерніяхъ противъ общепринятаго мнѣнія число лицъ купческаго сословія составляетъ minimum. Напримѣръ, въ Бердичевѣ, самомъ торговомъ городѣ изъ всѣхъ уѣздныхъ, который въ этомъ отношеніи оставляетъ далеко за собой большую часть губернскихъ городовъ, купческое сословіе составляетъ 12⁰/₁₀; въ Вилькомирѣ только 1¹/₄⁰/₁₀, въ Шовляхъ 2⁰/₁₀, въ Новогрудкѣ 1²/₃⁰/₁₀, въ Гомелѣ 3³/₄⁰/₁₀. Такое же колебаніе представляется и въ цифрѣ мѣщанскаго населенія. Въ губернскихъ городахъ, гдѣ наплывъ остальныхъ сословій, особенно дворянства и военныхъ, бываетъ болѣе, мѣщанское населеніе относительно менѣе, чѣмъ въ городахъ уѣздныхъ. Такъ въ Архангельскѣ мѣщане составляютъ только 17⁰/₁₀ общаго числа жителей; въ Астрахани 35⁰/₁₀, въ Саратовѣ 41⁰/₁₀, въ Симферополѣ 48⁰/₁₀, въ Ковно, гдѣ особенно много евреевъ, 68⁰/₁₀. Въ уѣздныхъ городахъ мѣщане составляютъ обыкновенно болѣе 50⁰/₁₀ и очень рѣдко менѣе. Напримѣръ въ Кеми 70⁰/₁₀,

въ Машени 85⁰/₀, въ Моги 65⁰/₀, въ Красномъ Яру 41⁰/₀, въ Черномъ Яру 56⁰/₀, въ Вольскѣ, Кузнецкѣ, Сердобскѣ по 30⁰/₀, въ Дубовкѣ 60⁰/₀, въ Поневожѣ 50⁰/₀. Однимъ словомъ, изъ этихъ цифръ оказывается, что главное населеніе нашихъ городовъ, какъ оно и слѣдуетъ быть, составляютъ мѣщане. Мы говоримъ, «слѣдуетъ быть» въ томъ смыслѣ, какой дала мѣщанскому сословію Екатерина II. Послѣ мѣщанъ, по размѣру населенія, слѣдуютъ крестьяне. Безъ нихъ не обходится у насъ ни одинъ городъ, исключая только некоторыхъ городовъ западныхъ губерній, гдѣ нѣрѣдко не бываетъ крестьянъ вовсе, напримѣръ Шадовъ, Видзы. Вообще въ губернскихъ городахъ оказывается наибольшее число крестьянъ. Въ Архангельскѣ ихъ 10⁰/₀, въ Астрахани 17⁰/₀, въ Саратовѣ 10, въ Костромѣ 18⁰/₀; въ губернскихъ городахъ западныхъ губерній крестьянъ уже гораздо менѣе, и ихъ населеніе имѣетъ болѣе городской характеръ: такъ въ Ковно крестьяне составляютъ 3⁰/₀, въ Гродно 7⁰/₀, въ Могилевѣ 3¹/₂⁰/₀, въ Вильно—нѣтъ вовсе. Также незначительно число крестьянъ въ приволжскихъ городахъ; въ Красномъ Яру ихъ 1¹/₂⁰/₀, въ Черномъ Яру 3⁰/₀, въ Балашовѣ 3⁰/₀, въ Вольскѣ 0,56⁰/₀, въ Кузнецкѣ 0,8⁰/₀, въ Сердобскѣ 1⁰/₀, въ Хвалынскѣ 1¹/₂. Но за то въ Петровскѣ, городѣ, какъ извѣстно, весьма скромномъ, крестьянъ считается 30⁰/₀, въ Царицинѣ 12⁰/₀, въ Дубовкѣ 5⁰/₀. Сѣверные уѣздные города богаче крестьянскимъ населеніемъ, разумѣется потому, что земля крестьянина кормитъ тамъ хуже. На отдаленномъ сѣверѣ въ уѣздные города набирается относительно такое же большое крестьянское населеніе, какъ вообще въ города губернскіе. Такъ въ Кеми, крестьяне составляютъ 14⁰/₀, въ Пинежѣ 16, въ Колаѣ 18; въ с. петербургской губерніи уѣздные города тоже богаты крестьянами: въ Гдовѣ ихъ 22⁰/₀; впрочемъ въ другихъ городахъ значительно менѣе. Солдатъ въ нашихъ городахъ вообще немного, исключая некоторыхъ губернскихъ и портовыхъ городовъ, гдѣ число ихъ доходитъ иногда до 30⁰/₀, напримѣръ въ Архангельскѣ, въ Астрахани ихъ ужъ только 14⁰/₀, въ Саратовѣ 5⁰/₀. Въ уѣздныхъ городахъ число служившихъ и отставныхъ чиновъ незначительно; болѣе замѣтны они въ южныхъ и въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ число ихъ доходитъ довольно часто до 10⁰/₀, но за то въ сѣверныхъ городахъ они составляютъ отъ 2 до 8⁰/₀. Такимъ образомъ въ количественномъ отношеніи городскія сословія можно поставить въ такомъ порядкѣ. Мѣ.

ищане составляютъ вездѣ главное населеніе и число которыхъ колеблется между 36—85⁰/₁₀; потомъ, за ними слѣдуютъ крестьяне, которые составляютъ отъ 0 до 30⁰/₁₀ общаго городского населенія, по среднимъ числомъ около 6—7⁰/₁₀; потомъ военные чины, за тѣмъ идутъ купцы—отъ 1 до 30⁰/₁₀, потомъ дворяне отъ 1 до 10⁰/₁₀ и наконецъ духовенство—отъ $\frac{1}{2}$ до 2⁰/₁₀. Изъ этого общаго правила дѣлаетъ исключеніе Кронштадтъ, отличающійся чрезвычайно своеобразнымъ составомъ населенія. Всѣхъ жителей въ Кронштадтъ 36,430, въ томъ числѣ дворянъ 3⁰/₁₀, духовенства $\frac{1}{3}$ ⁰/₁₀, купцовъ 1 $\frac{1}{2}$ ⁰/₁₀, мѣщанъ 2⁰/₁₀, крестьянъ 3 $\frac{1}{5}$ ⁰/₁₀, военнаго сословія 89⁰/₁₀, наконецъ одинъ процентъ иностранныхъ подданныхъ и лицъ непринадлежащихъ къ поименованнымъ разрядамъ. Перевѣсъ военныхъ сословій понятенъ, потому что Кронштадтъ собственно крѣпость, а городское значеніе его совершенно незначительно, и мѣщанамъ въ немъ существовать нечѣмъ. Это подтверждается тѣмъ, что изъ 5,620 мѣщанъ обоаго пола, приписанныхъ къ городу по ревизіи, въ 1861 году находилось въ Кронштадтѣ только 360 человекъ ($6\frac{2}{5}$ ⁰/₁₀), остальные 5,060 проживали въ другихъ мѣстахъ; а 200 человекъ находятся въ неизвѣстной отлучкѣ *).

Этотъ составъ населенія не опредѣляетъ нисколько характера экономической дѣятельности нашихъ городовъ, потому что мѣщанамъ, хотя бы и слѣдовало упражняться въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ, но въ дѣйствительности они ими не занимаются, точно такъ же, какъ огромный процентъ купческаго сословія въ лѣкаторыхъ городахъ вовсе не доказываетъ сильнаго развитія нашей торговли. Опредѣлить точно число лицъ, занимающихся ремеслами, и размѣръ производства—совершенно невозможно, потому что свѣденія мѣстныхъ комиссій на половину меньше противъ данныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Но если даже предположить, что комитетскія данныя вполне вѣрны, то и въ этомъ случаѣ наша городская ремесленность не представится въ особенно свѣтломъ видѣ. Одинъ изъ городовъ, гдѣ ремесленность развита, по видимому, на-

*) Кстати замѣтимъ объ опечаткахъ въ итогахъ. Мы брали цифры на вѣру не проверяя; но вотъ цифры, опечатки въ которыхъ очевидны. Въ Шлиссельбургѣ показано: жителей мужскаго пола 7,450, женскаго 1,431 и общій итогъ имъ 4,181. Ошибка несомнѣнна, но гдѣ? Сложивъ всѣ частныя цифры населенія, мы получили число 2,634. Такимъ образомъ въ Шлиссельбургѣ три разныхъ цифры населенія:—8,851, 4,181 и 2,634. Которой вѣрить?

ибогѣ — Переяславль, полтавской губерніи — имѣеть, по свѣденіямъ статистическаго комитета, 625 мастеровъ, 352 рабочихъ и 344 ученика, всего 1321 ч. или 13⁰/₀, съ небольшимъ, общаго числа жителей. Саратовъ, въ которомъ считается 3,033 ремесленника, уступаетъ далеко Переяслави, потому что по отношенію ко всему числу жителей ремесленники составляютъ въ немъ только 3⁵/₈⁰/₀. Правда, если не считать 22 т. лицъ, «непринадлежащихъ къ вышепоказаннымъ разрядамъ», проживающихъ въ городѣ большею частію временно, то процентъ возвысился бы до 5; но какое же основаніе не считать ихъ, когда они живутъ въ городѣ? Вообще число ремесленниковъ въ нашихъ городахъ совершенно ничтожно и отъ долей процента — на примѣръ, въ Красномъ Яру, гдѣ на 5,578 жителей приходится 8 ремесленниковъ или 0,14⁰/₀ — доходить въ рѣдкихъ случаяхъ до 5⁰/₀, колеблясь вообще между 1⁰/₀ до 2⁰/₀. Еще меньше число лицъ, занятыхъ торговлей. Тѣ проценты купеческаго населенія, о которыхъ мы говорили выше, относятся только до лицъ купеческаго сословія; но принадлежать къ купеческому сословію еще не значитъ быть купцомъ на дѣлѣ. Такъ въ Новоузенскѣ лицъ купеческаго сословія считается 1,793 или 27⁰/₀ всего населенія, а между тѣмъ купеческихъ капиталовъ было объявлено 148 или 2¹/₆⁰/₀ всего населенія, и изъ нихъ торгуютъ только 19 человекъ, въ томъ числѣ 7 въ уѣздѣ, а въ городѣ лишь 12 человекъ или 0,18⁰/₀. Такимъ образомъ собственно торгующее купечество составляетъ нѣсколько болѣе 1⁰/₀ всѣхъ лицъ купеческаго сословія. Въ Красномъ Яру, гдѣ купеческое сословіе составляетъ 28⁰/₀ всего населенія, лицъ, объявившихъ купеческіе капиталы, только 231 или 4⁰/₀, а торгуютъ въ городѣ не болѣе 30 человекъ т. е. 0,54⁰/₀. Подобное же отношеніе и въ другихъ уѣздныхъ городахъ замосковскихъ и степныхъ губерній, отличающихся большой цифрой купеческаго населенія. Въ этомъ отношеніи унылая Кола представляетъ блистательное исключеніе. Ея два наличные купца хотя и составляютъ только 0,4⁰/₀ всего населенія, но по отношенію къ лицамъ купеческаго сословія — 14 человекъ — два купца изображаютъ 14⁰/₀, слѣдовательно Кола въ этомъ отношеніи богаче многихъ приволжскихъ городовъ. Западныя и южныя губерніи тоже бѣдны дѣйствительно торгующими лицами, и процентъ ихъ въ каждомъ городѣ совершенно ничтожный, такъ что въ городѣ съ населеніемъ въ 5, 6, 7 тысячъ торгующихъ лицъ приходится 8—10, или около 0,15⁰/₀ всего населенія. Такимъ образомъ если собствен-

но городскимъ населеніемъ считать только людей, занимающихся фабричными и ремесленными производствами и лица дѣйствительно торгующихъ, въ такомъ случаѣ процентъ городского населенія окажется едва ли болѣе 2-хъ; а всѣ остальные купцы, мѣщане и крестьяне занимаются обыкновенно промыслами сельскими.

Этотъ выводъ долженъ быть весьма назидателенъ для тѣхъ образованныхъ русскихъ, которыхъ очень огорчаетъ, что въ нашия, не только въ уѣздныхъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, невозможно найти ни такихъ гостинницъ, какъ въ Германіи, ни газоваго освѣщенія, ни мостовой, ни извозчиковъ, ни театровъ, ни книжныхъ лавокъ, ни мастеровъ математическихъ инструментовъ и т. п. Огорчаться всѣмъ этимъ совершенно несправедливо—т. е. хотя и справедливо,—потому что нѣмецкая гостинница въ десять разъ лучше русскаго постоялаго двора и удобства жизни нѣмецкихъ городовъ выше, чѣмъ русскихъ,—но совершенно неблагоприятно, потому что статистическій выводъ представляетъ весьма ослѣдительно тѣ причины, по которымъ все это такъ и должно быть. Если въ городѣ ибѣдетъ только 2% дворянства, 1% духовенства и 2% собственно городскихъ сословій, т. е. всего 5%, а остальные 95% составляютъ лица, по своимъ званіямъ и роду занятій принадлежащія къ сельскимъ сословіямъ, то очевидно, что вся городская жизнь должна имѣть чисто сельскій характеръ, потому что ей даютъ направленіе не 5, а 95% населенія. Село, превратившись въ уѣздный городъ, сохранило свое прежнее ядро населенія; тѣ немногія лица, которыя явились въ городѣ, вызванныя новыми условіями его административнаго значенія, не были въ состояніи измѣнить всѣхъ экономическихъ обстоятельствъ края. Какъ прежде земледѣліе было главнымъ источникомъ существованія людей, такъ оно осталось и потомъ; размѣръ сельско-хозяйственной производительности остался въ прежнихъ предѣлахъ; потребности сельскаго сословія не расширились: какъ прежде ѣлъ, спалъ и одѣвался крестьянинъ, такъ продолжалъ онъ пить, ѣсть, и одѣваться и теперь; перемѣна названія не измѣнила ничего въ бытѣ и средствахъ людей, оставшихся въ существѣ тѣмъ же, чѣмъ они были и прежде. Крестьянинъ хотя и сталъ называться мѣщаниномъ, но онъ остался тѣмъ же крестьяниномъ, и экономическое развитіе народной жизни шло совершенно независимо отъ административной роли, какую пришлось разыгрывать многимъ городамъ. Поэтому почти всѣ наши

уѣздные города сохранили вполнѣ свой прежній сельскій характеръ, а между тѣмъ множество селъ получило такое промышленное и торговое значеніе, какинѣмъ пользуется не всякій даже губернский городъ. Такіе села довольно обыкновенны въ нижегородской и владимірской губерніяхъ. Отъ того, что административныя надобности и экономическія промышленныя интересы существовали обыкновенно независимо одни отъ другихъ, уѣздный городъ могъ сохранить вполнѣ земледѣльческій характеръ, а село усвоить себѣ особенности города. Такимъ образомъ большая часть ремеселъ основалась и развилась весьма значительно въ нашихъ селахъ и вмѣсто того, чтобы городу снабжать деревню сапогами, валенками, шапками, разными предметами домашняго хозяйства—ножами, деревянной и металлической посудой и даже красивыми товарами—всеми этими предметами снабжаетъ село. Посмотрите на базары уѣздныхъ городовъ въ воскресные дни; не говоря про провизію—хлѣбъ, масло, сѣно, овесъ и т. д., которые и должны идти изъ деревень—а сколько еще привозится изъ деревень предметовъ исключительно ремесленныхъ и фабричныхъ: тутъ и колеса, и саи, и тележки, носы, тоноры, горшки и разная посуда и т. д. Все это пролазаетъ деревня и привезла продавать въ городъ. Казань, сдѣлавшая себѣ славу тарантасами, получаетъ ихъ изъ окрестныхъ деревень, гдѣ тысячи народа занимаются специально извѣстнымъ ремесломъ по самой строгой фабричной системѣ: одни кузнецы, другіе колесники, третьи приготавливаютъ хомы, четвертые вузювъ. Почти все стальныя издѣлія Россіи создаются селами, какъ Павлово и Ворсма. Деревянная посуда и ложки приготавлиются крестьянами семеновскаго уѣзда, при чемъ участіе жителей города Семенова не особенно велико, даже большая часть красного товара приготавливается не въ городахъ, а въ селахъ владимірской, ярославской и московской губерній. Ремесленная промышленность, существующая въ нашихъ городахъ, имѣетъ особенный характеръ, болѣе приуроченный къ уточненнымъ потребностямъ тѣхъ немногихъ процентовъ общаго населенія, которые считаютъ себя исключительно городскими жителями. У насъ городъ печетъ булки и вальцы потому, что для деревни еще не наступила пора питаться бѣлыми хлѣбомъ; у насъ городъ шьетъ нѣмецкое платье, чинитъ и поправляетъ часы, приготавливаетъ серебряныя вещи, занимается живописью и малярствомъ, печетъ пряники, аудитъ посуду, дѣлаетъ городскіе экипажи и наборную обрѹю. Во всемъ этомъ нуждаются у

насъ только тѣ 5%, о которыхъ мы говорили, слѣдовательно понят но, что утонченная ремесленность, которая бы уподобила русскій увѣданный городъ какому нибудь городу Англіи или Франціи, у насъ совершенно еще невозможна. Деревня и 95% городского населенія обходятся пока безъ этихъ потребностей, и если они лакомятся въ базарный день калачемъ или расписаннымъ пряникомъ, то смотреть на это, какъ на праздничную потѣху, которую можно позволить себѣ только изрѣдка. Село служитъ основой и силой въ нашей экономической дѣятельности, только имъ живетъ промышленность и торговля. Село создаетъ все то, чѣмъ нагружаются барки и суда, плавающія по нашимъ обширнымъ рѣчнымъ системамъ; село создаетъ то, чѣмъ наполняются корабли, отправляющіеся изъ нашихъ портовъ. Во всемъ этомъ участіе города совершенно ничтожно; городъ самъ не создаетъ и не производитъ ничего, кромѣ мелочныхъ предметовъ очень неразнообразной ремесленности; для ограниченнаго домашняго обихода собственно городскихъ жителей, городъ, какъ самостоятельный экономическій производитель, существовать бы не могъ; онъ самъ живетъ или сельскимъ трудомъ, или трудомъ села, и послѣднее чаще, потому что продукты, производимые селомъ, даютъ занятіе огромному числу городскихъ жителей, создаютъ коммерцію и купцовъ, и даютъ работу сотнямъ тысячъ рукъ, въ видѣ разныхъ судостроителей, приготовителей снастей, бурлаковъ, судорабочихъ, грузчиковъ, извозчиковъ и т. д.

При всемъ экономическомъ значеніи села трудъ его однако недостаточенъ успѣшенъ, результаты не соответствуютъ тратѣ силъ, потребности тоже развиты слабо, потому что недостатокъ средствъ ограничиваетъ желанія, и вотъ городъ по необходимости долженъ искать способовъ существованія въ занятіяхъ вовсе не городского характера. Въ большей части городовъ земледѣліе составляетъ главное дѣло жителей, сельскому хозяйству посвящаютъ себя не только мѣщане, но даже и купцы. Въ Самарѣ, напримѣръ, 19 купцовъ и 13 мѣщанъ нанимаютъ подъ хлѣбопашество казенныя и удѣльныя земли и платятъ оброку до 170,000 руб. въ годъ; въ меньшихъ размѣрахъ занимаются земледѣіемъ еще до 220 мѣщанскихъ семействъ, это значитъ около 800 человекъ. Если купцы обращаются на хлѣбопашество такія огромныя суммы, то, очевидно, только потому, что сельское населеніе производитъ недостаточно земледѣльческихъ продуктовъ и что нѣтъ расчета обращать капиталъ на фабричное или ремесленное дѣло,

потому что число потребителей еще мало. Если бы каждый земледѣлецъ находилъ возможнымъ носить сапоги, ситцевую рубашку, плюсовые штаны и освѣщать свою квартиру сальной свѣчой, вмѣсто лучины, то самарскіе капиталисты, разумѣется, не стали бы пахать землю, а принялись бы за ситцевыя и свѣчныя фабрики. Между тѣмъ этого нѣтъ, а напротивъ во всѣхъ степныхъ и приволжскихъ губерніяхъ купцы арендуютъ земли и занимаются хлѣбнѣшествомъ! Желая дать другое направленіе экономической дѣятельности городскихъ населеній, правительство прежде принимало нерѣдко весьма рѣшительныя мѣры противъ городскихъ жителей, занимающихся земледѣліемъ. Такъ лѣтъ 50 назадъ были переселены въ городъ около 1,600 саратовскихъ мѣщанъ, жившихъ на городской землѣ хуторами. Разумѣется, это переселеніе не измѣнило занятій мѣщанъ, и даже до сихъ поръ земледѣліе составляетъ ихъ главный промыселъ. Изъ саратовскихъ жителей занимаются хлѣбопашествомъ 2,432 семейства, или распахивается земли болѣе 15,000 десятинъ, и одними подсолнечниками засѣвается до 3,000 десятинъ. Въ другихъ городахъ земледѣліе составляетъ главнѣйшій и почти исключительный промыселъ; такъ въ Петровскѣ мѣщане распахиваютъ около 7,000 десятинъ, и многіе имѣютъ собственную землю. Въ Новоузенскѣ, кромѣ незначительнаго числа ремесленниковъ и купцовъ, всѣ остальные жители, какъ купцы, такъ и мѣщане, занимаются хлѣбопашествомъ. Точно также и жители Царева, обращенные въ горожанъ въ 1838 году, не оставили своихъ прежнихъ занятій; но какъ, съ переименованіемъ бывшей Царевки въ городъ Царевъ, было отрѣзано отъ нея значительное количество земли, то жители города, т. е. почти всѣ купцы и мѣщане, стали снимать казенные участки и нанимать земли у государственныхъ крестьянъ и у помѣщиковъ не только по близости города, но и въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ. Исключая немногихъ губерній, 3 — 4, близкихъ къ Москвѣ, гдѣ сельскіе жители заняты фабричными и ремесленными производствами, и гдѣ, поэтому, земледѣліе не для всѣхъ городовъ составляетъ рѣшительную спеціальность, — во всѣхъ остальныхъ народъ живетъ исключительно землей, или же занимается частью рыболовствомъ, лѣсными промыслами, промыслами морскихъ звѣрей и т. п.

Переименованіе селъ въ города обыкновенно не обнаруживало благоприятнаго вліянія на экономическое положеніе жителей, если они занимались прежде земледѣліемъ. Городское населеніе обыкновенно

лишалось своей прежней землей, так что мѣщанамъ нужно было снимать участки на сторонѣ. Если же земля и оставалась у города въ прежнемъ размѣрѣ, какъ, напримѣръ, у Саратова, имѣющаго 81,000 десятинъ, или какъ у Новоузенска, владѣющаго 76,000 дес., то этимъ положеніе мѣщанъ несколько не облегчалось, потому что они не могли пользоваться землей даромъ. Кто имѣлъ средства, тотъ снималъ землю, кто не имѣлъ, долженъ былъ приниматься за какія нибудь другія промыслы и уходить для заработковъ въ другія мѣста. У насъ нѣтъ почти ни одного города, жители котораго добывали бы средства существованія дома, всѣ безъ исключенія. Часть цѣлѣугодно должна уходить, и верѣдно въ мѣстности весьма отдаленныя. До какого размѣра можетъ дойти число уходящихъ лицъ, когда мѣстность не представляетъ благоприятныхъ экономическихъ условій, показываетъ Кронштадтъ, гдѣ изъ 5,620 мѣщанъ остаются дома только около 400. Разумѣется, Кронштадтъ составляетъ исключеніе такого рода, что даже не можетъ служить и максимумомъ при опредѣленіи размѣра отходной промышленности. Однако и изъ описанія другихъ городовъ видно, что добывать средства существованія внѣ дома составляетъ сильно развитое условіе экономическаго быта нашихъ мѣщанъ. Опредѣлить точной цифрой число лицъ, уходящихъ для заработковъ на сторону, довольно трудно, потому что свѣдѣнія по этому предмету не достаточно полны; но судя по тѣмъ даннымъ, какія есть, народу, уходящаго для заработковъ, огромная масса. Въ Суджѣ, курской губерніи, уходить почти каждый изъ жителей (курсивъ въ подлинникѣ), а жителей тамъ 4,400 чел.; въ Шенкурскѣ уходить также половина изъ приписанныхъ городу. Въ другихъ городахъ процентъ отлучающихся хотя и не доходитъ до такого размѣра, но тоже не малъ; въ Колѣ отлучается 34%, въ Кѣми 20%, въ Мезени 15%; въ Впотаевскѣ (астрах. губ.) изъ 2,216 приписанныхъ лицъ уходить половина; въ Балашовѣ 7%, въ Кузнецкѣ 10%, въ Вольскѣ 6%. Въ губерніяхъ степныхъ и хлѣбородныхъ отлучается вообще меньше народу, изъ своего уѣзда или изъ своей губерніи, но и тамъ цифра людей, не имѣющихъ возможности оставаться дома, довольно велика: въ теченіи лѣта проходитъ черезъ Вольскъ болѣе 20,000 рабочихъ, отправляющихся за Волгу для уборки хлѣба. Если принять, что отлучается изъ городовъ только 5%, то на 5,583,000 ч. городского населенія Европейской Россіи это составитъ 279,150 человѣкъ.

Такимъ образомъ особенность нашихъ городовъ заключается въ томъ, что всё они имѣютъ по преимуществу земледѣльческій характеръ, и что довольно значительная часть жителей отлучается для заработковъ на сторону. Что же касается до заводской и фабричной дѣятельности, то она совершенно ничтожна. Только одного рода заводы составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго города—кирпичные, и есть множество городовъ, въ которыхъ кромѣ кирпичныхъ нѣтъ другихъ заводовъ. Въ городахъ хлѣбородной полосы къ кирпичнымъ заводамъ присоединяются непремѣнно мукомольныя мельницы, или обыкновенныя, или крупчатки и крупоруши. Въ нѣкоторыхъ городахъ число мельницъ доходить до изумительнаго размѣра. Вокругъ Саратова непрерывно дѣйствуетъ 20 вѣтряныхъ мельницъ, около Самары болѣе 30. Въ степныхъ губерніяхъ кромѣ того довольно обыкновенны салотопенныя, мыловаренныя и свѣчныя заводы. Наконецъ весьма часты заводы винокуренныя, пиво-и-медоваренныя и кожепенныя. Другіе заводы составляютъ уже исключеніе; а фабрики, особенно большаго размѣра и съ паровыми двигателями, составляютъ совершенно одиночное явленіе, такъ что если въ какомъ нибудь городѣ явится мануфактура, то она создаетъ городу громкую извѣстность во всей Россіи. Такъ прославила Егорьевскъ бумагопрядильня Хлудовыхъ, заведеніе дѣйствительно большое, выдѣлывающее въ годъ пряжи до 108,000 пудовъ, на сумму до 1,728,000 р.

Но не нужно полагать, что фабричная и даже сильная торговая дѣятельность обнаруживаетъ какое нибудь особенное вліяніе на внутреннюю жизнь городского населенія. Напримѣръ, Егорьевскъ, гдѣ кромѣ бумагопрядильни Хлудовыхъ есть еще 6 бумаго-ткацкихъ фабрикъ, 4 салотопенныхъ заводовъ, двѣ пивоварни, 9 заводовъ красильныхъ и небольшое заведеніе накладного серебра для приборовъ къ конской сбруѣ, гдѣ все заводское и фабричное производство превышаетъ 3,000,000 р., а ремесленниковъ болѣе 1,000 человекъ, гдѣ все купеческое сословіе считается въ 1,886 человекъ, при общемъ населеніи города въ 5,000; въ этомъ самомъ Егорьевскѣ тратится на городское благоустройство 150 руб. и на приходское училище 540 руб., т. е. въ первомъ случаѣ $3\frac{1}{2}\%$ всего городского расхода, а во второмъ $12\frac{1}{2}\%$, городское же управленіе стоитъ $65\frac{1}{4}\%$. Въ чемъ заключается городское благоустройство Егорьевска, и какое употребленіе получаютъ означенныя 150 руб., — изъ описанія не видно. Но вотъ и другой городъ, тоже знаменитый по своей фабричной дѣ-

тельности—Серпуховъ. Въ немъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ 31, и въ томъ числѣ 14 ситценабивныхъ. Общее производство фабрикъ и заводовъ простирается свыше 2.600,000 р.; лицъ купеческаго сословія въ городѣ 2,774 или 26%, сельскими промыслами жители почти вовсе не занимаются, и городъ по преимуществу съ городскимъ характеромъ. Въ этомъ Серпуховѣ на благоустройство города тратится 7% общего расхода, на образованіе только 5½%, а на управленіе 67½%. Изъ 36 улицъ и переулковъ города мощено всего 13 улицъ, т. е. одна треть, а освѣщеніе, не смотря на зажиточность населенія, еще не устроено. Сергіевскій посадъ, гдѣ находится 13 фабрикъ и заводовъ, куда собирается ежегодно до 1,000,000 богомольцевъ, гдѣ производится значительная внутренняя торговля, расходуетъ на внутреннее благоустройство 13 рублей или 0,3%, а на образованіе ни копейки. Внутреннее же управленіе стоитъ ему 78%. Коломна, одинъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ имперіи, на пристани котораго выгружается товаровъ до 1.000.000 р. и сплавляется на 8,000,000 р., городъ, въ которомъ находится 32 фабрики и завода, производящихъ на 1,000,000 р., гдѣ купечество составляетъ 25% общего населенія (3,500 куп. на 14,000 ж.); въ этомъ знаменитомъ городѣ на благоустройство тратится едва 4% общего расхода (517 р. на 13,078 р.), улицы освѣщаются всего 30 масляными фонарями; а на образованіе—на одно приходское и на одно женское училище—расходуетъ только 890 руб., или почти 7%, городское же управленіе стоитъ 74%. Нижний Новгородъ, съ его ярмаркой, занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ въ свѣтѣ, гдѣ торговые обороты простираются до 100,000,000 рублей, гдѣ городскіе ежегодные доходы составляютъ около 200,000 рублей, на содержаніе 3-хъ приходскихъ училищъ отпускается по 857 р. 16¼ к. и на наружное благоустройство города 2,819 р., т. е. въ первомъ случаѣ 9 и во второмъ 10% всего годичнаго расхода въ 28,602 р. Вотъ какъ отзывается о благоустройствѣ Нижняго-Новгорода комиссія: «вообще Нижний-Новгородъ—безспорно красивѣйшій изъ приволжскихъ городовъ по своему мѣстоположенію; но съ другой стороны, не смотря на громадныя суммы денегъ, потраченныя на его устройство и украшеніе, онъ не пользуется многими изъ условій благоустроеннаго города; напр. онъ не имѣетъ постоянного сообщенія между обоими берегами Оки, такъ какъ существующій плашкаутный мостъ, содержимый изъ 15-процентнаго ярмарочнаго сбора, открывается

только съ 25 іюня до конца сентября. Изъ 128 городскихъ улицъ и переулковъ вымощена едва только третья часть, а изъ 9 площадей, кромѣ Кремлевскихъ, только три; остальные же огромныя пространства, составляющія всѣ густонаселенныя окраины верхняго города, равно какъ всѣ почти переулки, идущіе отъ большихъ центральныхъ улицъ, и главныя торговыя площади, остаются немощеными. Мостовыя устраиваются подѣ безотчетнымъ распоряженіемъ строительной комиссіи постепенно, по мѣрѣ ассигнованія суммъ. Городская дума отпускаетъ на этотъ предметъ ежегодно по 5,000 руб. Тротуары въ Нижнемъ выстилаются по большей части кирпичемъ, частію же торцами и изрѣдка досками; протяженіе ихъ можно опредѣлить въ 5 верстъ (?)—Уличное освѣщеніе города устроено только въ центральныхъ частяхъ; всѣ же немощеныя улицы и переулки остаются до сихъ поръ неосвѣщенными, хотя въ глухихъ частяхъ города освѣщеніе представляется сравнительно болѣе необходимымъ, чѣмъ въ центральныхъ. Всего устроено 600 спирто-скипидарныхъ фонарей». Городское управленіе имѣетъ 13,733 р., т. е. 48% общаго расхода.

По отношенію къ этимъ блистательнымъ промышленнымъ и торговымъ центрамъ наши скромные города, какъ Кола или Шенкурскъ, стоятъ вовсе не такъ далеко. Въ Шенкурскѣ на наружное благоустройство тратится 1 $\frac{1}{3}$ % общаго городского расхода, или говоря яснѣе, 12 р. изъ 849 р., на образованіе не тратится ни гроша, городское управленіе стоитъ почти 84%. Въ Колѣ наружное благоустройство обходится въ 33 $\frac{1}{4}$ копѣйки или 0,06%; образованіе стоитъ еще дешевле т. е. ровно ничего, городское управленіе 64%. Разумѣется, Кола съумѣла распорядиться весьма выгодно на счетъ благоустройства, а еще выгоднѣе на счетъ образованія; но какъ мы не знаемъ, на сколько шенкурское двѣнадцати-рублевое благоустройство выше копѣчнаго кольскаго и что слѣдуетъ понимать подъ благоустройствомъ, то и не хотимъ спѣшить обвиненіемъ Колы. Сколько намъ извѣстно, внѣшность Колы и Шенкурска не представляютъ большаго различія, а относительно благоденствія жителей Кола стоитъ гораздо выше, потому что, по отзыву комиссіи, шенкурское непрописанное населеніе солдатъ, ихъ женъ и вдовъ служить разсадникомъ нищенства. Примиривъ такимъ образомъ Колу и Шенкурскъ, мы сравнимъ ихъ съ богатымъ Сергіевскимъ посадомъ, лежащимъ на шоссе, въ 60 верстахъ отъ Москвы, извѣстнымъ своей вну-

Вотъ ихъ расходы:	на благоустройство	на образование	на управление.
Кола.	0,06%	0	64%
Шенкурскъ . .	1 1/3%	0	84%
Сергіев. посадъ.	0,3%	0	78%

Богатому Сергіевскому посаду гордиться особенно нечѣмъ, потому что онъ занимаетъ ровно середину между Колой и Шенкурскомъ, и въ умѣнны экономничать своими расходами значительно уступаетъ Колѣ. Знаменитый московскій посадъ, отличающійся такой кипучей дѣятельностью, имѣющій 101 лавку, 6 трактировъ и харчевень, 14 постоянныхъ дворовъ и 10 съѣстныхъ лавочекъ, наконецъ принимающій въ годъ до 1 м. богомольцевъ, съ которыхъ если онъ пользуется только полтинникомъ съ человѣка, то это составитъ 500,000 р., не обнаруживаетъ болѣе высокихъ стремленій противъ печальной Колы, имѣющей всего 2 лавки, незнающей ни армарокъ, ни какихъ торговыхъ заведеній и существующей исключительно рыбными и звѣринными промыслами. Очевидно, что нравственныя потребности и умственное развитіе населеній этихъ двухъ, по видимому совершенно разнородныхъ, мѣстностей стоитъ на одномъ уровнѣ. Для полноты вывода возьмемъ еще нѣсколько губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Въ Астрахани городское управление стоитъ 28% (44 т. р.), издержки по военной части 36% (57 т.), благоустройство города 19% (30 т.), образование 4% (5,374 р.); кромѣ того въ Астрахани содержится торговымъ сословіемъ женская перворазрядная гимназія. Общіе расходы города составляютъ 160,298. Астрахань, по своему географическому положенію, представляетъ нѣкоторыя особенности, вызывающія и особые расходы. Противъ наводненія, угрожающаго ежегодно городу при весеннемъ разливѣ Волги, устроены были валы, длиной на 30 верстъ. Ежегодный ремонтъ валовъ стоитъ 3,500 р. Кромѣ того въ 1860 году начато укрѣпленіе подымаемаго Волгой берега, на которомъ стоитъ одинъ изъ лучшихъ кварталовъ Астрахани; на эти работы отпущены въ теченіи трехъ лѣтъ, изъ городскихъ доходовъ, 96,591 р. Не смотря на такіе большіе расходы, по устройству города, мостовыхъ въ немъ нѣтъ, и городъ, площадь въ 1004 десятины, освѣщается 500 фонарями. Вильно не располагаетъ такими огромными средствами; всѣ его расходы составляютъ 57,044 р., изъ нихъ тратится на городское управленіе до 66% (37 т.); на благоустройство 1 1/2% (5,945 р.) и на содержаніе учебныхъ и благотворительныхъ заведеній 1 1/5%.

Городъ освѣщается 584 фонарями, изъ нихъ въ 394 горитъ конопляное масло. Во Владимірѣ текущіе расходы составляютъ 15,635 р.; городское управленіе стоитъ 49% (7,675 р.), наружное благоустройство 17% (2,640 р.), образование 3 $\frac{1}{2}$ %; городъ освѣщается 123 фонарями, и главныя улицы вымощены камнемъ. Въ Вологдѣ расходы составляютъ 28,088 р.; изъ нихъ 58% идутъ на городское управленіе, 2% на благоустройство и на образование 5%, городъ освѣщается 220 фонарями. Въ Гродно: общій расходъ 11,650 р., изъ нихъ на управленіе 68 $\frac{3}{4}$ %, на благоустройство 8 $\frac{3}{4}$ %, на образование расходовъ не показано; въ городѣ зажигается 150 фонарей. Расходы Саратова составляютъ 102 т.; изъ нихъ на городское управленіе 42%, на благоустройство 22%, и на образование 7%. Четырнадцать улицъ вымощены камнемъ; но, какъ замѣчаетъ комиссія, эта часть благоустройства города требуетъ еще многого. Всѣхъ фонарей въ Саратовѣ 540, на площади въ 2,000 десятинъ, занимаемыхъ городомъ. Въ Симферополѣ, изъ общаго расхода въ 15,339 р. на городское управленіе выходитъ 70%, на наружное благоустройство 5%; о расходахъ на образование ничего не говорится. Особенность симферопольскаго благоустройства заключается въ томъ, что городъ освѣщается сальными свѣчами, для чего устроено 130 фонарей; кромѣ того принимаются весьма рѣшительныя мѣры противъ собакъ, по трехлѣтней сложности отпускается на истребленіе ихъ изъ городскихъ доходовъ по 80 руб. въ годъ и въ томъ, числѣ по особымъ требованіямъ командира арестантской роты 47 р. 65 к. За каждую убитую собаку выдается Думою по 5 коп..

Хотя по процентному отношенію всѣ эти расходы губернскихъ городовъ довольно близки, такъ что управленіе стоитъ обыкновенно около 60 до 80%, благоустройство чаще отъ 5 до 6% и рѣдко отъ 10 до 20; наконецъ образование не обходится никогда дороже 5%, но по отношенію къ числу жителей расходы эти представляются въ иномъ видѣ. Въ Нижнемъ при 38,000 населенія управленіе стоитъ 13,000; въ Астрахани при 44,000 жителей на управленіе тратится 44,000 р.; въ Вильно при 60,000 жителей — 37,000 р.; во Владимірѣ при 14,000 населенія—7,675 р.; въ Вологдѣ при 16,867 жителей—16,000 р.; въ Гродно при 20,000 жителей—7,994; въ Саратовѣ при 82,000 жителей—43,395 р. и въ Симферополѣ при 18,295 жителей управленіе стоитъ 10,834 р. Приводя расчетъ къ одной мѣрѣ т. е. принимая, что населеніе каждаго города 100,000; расходы по управленію будутъ представлять слѣдующія цифры: въ Нижнемъ 34,000 р.

въ Гродно 40,000 р. въ Саратовѣ 52,000, во Владимірѣ 54,000, въ Симферополѣ 55,000, въ Астрахани 100,000 р. и въ Вологдѣ тоже 100,000 р. Такимъ образомъ огромный Нижній Новгородъ, имѣющій населеніе въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ Вологда, тратитъ на свое управленіе ровно въ три раза меньше, чѣмъ эта послѣдняя. По какимъ причинамъ управленіе Вологды и Астрахани обходится тамошнимъ Думаемъ такъ дорого и почему Нижній оказывается такъ расчетливымъ—изъ описанія городовъ не видно. Но если Вологда не особенно расчетлива въ расходахъ по городскому управленію; за то она тратитъ болѣе Нижняго на образованіе. Дѣлая редуцировку по прежнему на 100,000 жителей, оказывается, что на образованіе расходуютъ: Владиміръ 3,714 р., Нижній 6,580 р., Вологда 8,476 р. Саратовъ 8,823 р., Вильно 9,690 р. и Астрахань 12,213 р. Минимумъ и максимумъ, какъ и въ предыдущемъ расчетѣ, относятся, какъ 1 : 3.

Наша статья можетъ показаться читателю слишкомъ испещренной цифрами, что совершенно справедливо и чего къ сожалѣнію, по характеру предмета, избѣгнуть было невозможно. Теперь мы стараемся сдѣлать общее заключеніе, избѣгая по возможности цифръ.

Составъ нашего городского населенія чрезвычайно разнообразенъ, но это сословное дѣленіе не опредѣляетъ нисколько характера городской экономической дѣятельности. Лица купеческаго сословія, представляющія въ каждомъ городѣ весьма значительную цифру, не служатъ нисколько представителями мѣстной коммерціи. Торговлей занимаются очень немногіе, а большинство записывается въ купцы 3-й гильдіи, чтобы избѣжать рекрутской повинности. Купцы такого рода въ сущности лишь болѣе состоятельные мѣщане, занимающіеся обыкновенно мелочной мѣщанской промышленностью и земледѣліемъ. Мѣщане, переименованные изъ крестьянъ, остаются большею частью при своихъ прежнихъ занятіяхъ и вмѣстѣ съ крестьянами, составляющими повсюду огромную массу городского населенія, занимаются хлѣбопашествомъ. Тѣ, кто не имѣетъ ни собственной земли, ни достаточныхъ средствъ, чтобы взять земельные участки подъ наемъ, уходятъ для промысла на сторону, нанимаются въ купеческіе привазики, идутъ въ судорабочіе, въ бурлаки, въ грузчины, занимаются плотничествомъ, каменной, печной работой и т. д. Самое незначительное число мѣстныхъ мѣщанъ занимаются городскими ремеслами или работаютъ на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ, которыхъ въ нашихъ городахъ вообще очень мало. Поэтому наши уѣздные города

въ сущности—земледѣльческія населенія, которымъ присвоено административное значеніе. Это значеніе не обнаруживало особеннаго вліянія на возвышеніе матеріальнаго благосостоянія мѣстныхъ жителей. Накопленіе недоимокъ, совершенно неоплатныхъ, которыя слгались со счетовъ казенныхъ палатъ только всемилостивѣйшими манифестами, лучше всего доказываетъ, что средства мѣщанъ были недостаточны для покрытія всѣхъ ихъ расходовъ. Эта же невозможность прокармливаться на своемъ мѣстѣ создала, несуществующую нигдѣ въ такомъ размѣрѣ, какъ у насъ, отходную промышленность. Крестьяне и мѣщане уходять нерѣдко далѣе, чѣмъ за 2,000 верстъ, напримѣръ нижегородцы—на золотые промыслы въ Восточную Сибирь; орловцы на Кавказъ и въ Грузію, владимірскіе офени или коробейники разносятъ мелочной товаръ по всей Россіи; точно такъ же, какъ владимірскихъ и костромскихъ каменьщиковъ, штукатуровъ и плотниковъ можно найти почти во всякомъ городѣ. Не пошелъ бы владимірскій штукатуръ или костромской плотникъ въ Петербургъ, если бы ему нашлось дѣло дома, и коробейникъ не сталъ бы мѣрить Россію вдоль и поперекъ, съ двухъ-пудовымъ грузомъ на спинѣ, если бы могъ болѣе легкимъ способомъ заработать тѣ же деньги въ своемъ городѣ. Но дома заработать ихъ нельзя, потому что то же самое село съ своей земледѣльческой дѣятельностью, дающее направленіе всему экономическому быту страны, не на столько еще развито и богато, чтобы могло прокормить каждаго своего члена. Русскій земледѣлецъ обходится еще безъ многихъ вещей, безъ которыхъ не можетъ жить земледѣлецъ западной Европы, и особенно Англій. Во многихъ мѣстностяхъ за всѣми расходами крестьянскаго быта у земледѣльцевъ остается такъ мало средствъ, что онъ считаетъ сапоги роскошью и праздничнымъ нарядомъ. Одно это обстоятельство объясняетъ уже вполне, какимъ бы образомъ могла распредѣлиться ремесленность, если бы быть земледѣльца былъ выше. При большемъ избыткѣ земледѣльческихъ продуктовъ крестьянинъ могъ бы обмѣнять излишекъ на сапоги, на хорошую рубашку, и на многія удобства жизни, которыхъ онъ теперь не имѣетъ. Какъ только явилась бы такая возможность у земледѣльца, тотъ же мѣщанинъ, который теперь арендуетъ у крестьянина землю подъ пашню, бросилъ бы это дѣло и сталъ бы шить сапоги, или ткать рубашечную матерію или готовить другіе предметы, на которые появлялся запросъ въ крестьянскомъ быту. Но какъ нѣтъ запроса на эти вещи, то очевидно, что и готовить ихъ не за чѣмъ. Между тѣмъ на размѣръ этого запроса основано и эко-

номическое благосостояніе городскихъ жителей, которое многіе приписываютъ ошибочно развитію торговой дѣятельности. Прежде чѣмъ развиться торговлѣ, нужно, чтобы было чѣмъ торговать. Замѣчаніе комиссія на счетъ Саратова, гдѣ «торгуетъ всякій, у кого только есть возможность заплатить на базарѣ за мѣсто, за лавочку, или у кого есть свободныя руки и нѣсколько рублей свободного капитала», нисколько не рекомендуетъ матеріальнаго благосостоянія саратовскихъ жителей, а напротивъ того доказываетъ, что ихъ руки еще лишніе для производства, что если бы къ тому числу предметовъ, которые постоянно обращаются въ Саратовѣ они присоединили еще какія нибудь и свои издѣлія—сапоги, шапки, горшки, тарелки и т. п., то на товары эти не нашлось бы покупателейъ. Вообще торговая дѣятельность, какъ ее обыкновенно понимаютъ у насъ, служить ошибочнымъ признакомъ матеріальнаго благосостоянія какого нибудь мѣста. Сошлемся на примѣръ Севастополя. «До восточной войны, говоритъ комиссія, Севастополь имѣлъ важное значеніе, какъ сильно укрѣпленный военный портъ, и производилъ довольно дѣятельную мѣстную торговлю, такъ какъ въ немъ періодически проживало большое число морскихъ чиновъ. Послѣ заключенія мира, городъ представлялъ одну грудю развалинъ; но надежды на восстановление его главнымъ торговымъ пунктомъ полуострова привлекли туда промышленное населеніе, весьма скоро возвысившееся до 10,000 человекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ: финансовый кризисъ, упадокъ черноморской торговли и выселеніе татаръ изъ Крыма также скоро остановили начинавшееся развитіе города, промышленное населеніе котораго, сократившись уже на половину, уменьшается нынѣ съ каждымъ годомъ, а торговля рѣшительно ничтожна. Но всѣ эти временныя невыгоды должны скоро и быстро уничтожиться, такъ какъ совершившееся на дняхъ утвержденіе желѣзной дороги въ Москву обезпечиваетъ Севастополю лучшую будущность.» Что же это значитъ, какъ не то, что мѣстность Севастополя сама по себѣ не заключаетъ данныхъ для производства. Тамъ держался народъ, пока можно было существовать разными спекуляціями, продажами и перепродажами, не производя лично ничего; но какъ исчезла эта возможность, и всѣ люди разбрелись. Если бы мѣстность представляла бы какіе либо выходы для производительной дѣятельности, то народъ бы въ ней остался, но этого нѣтъ, и Севастополь, какъ и весь южный берегъ Крыма, при всемъ своемъ очаровательномъ климатѣ, при богатой растительности и при живописныхъ видахъ, не вызываютъ еще

трудъ человѣка на полезную, производительную экономическую дѣятельность.

Кромѣ этихъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для развитія нашихъ городовъ, наша городская промышленность идетъ еще назадъ по мѣрѣ развитія въ западной Европѣ технологія и химія. Прежде русскія кожи славилась вездѣ, но теперь подъ именемъ русской продаютъ въ Европѣ туземное издѣліе и какъ у насъ англійскими шпалами называютъ высшій сортъ этихъ издѣлій русскаго приготовленія, такъ и тамъ русской кожей называютъ лучшій кожевенный товаръ. Владимірское садоводство начинаетъ упадать, потому что владимірцы, слѣдуя рутинѣ, не имѣли и не имѣютъ ровно никакихъ научныхъ познаній. Отъ этого достоинство деревъ упало, и разведеніе слабосильныхъ отводковъ повело къ уменьшенію сбора вишенъ и пониженію ихъ доброты. Относительно кievскихъ издѣлій комиссія замѣчаетъ, что «за рѣдкимъ исключеніемъ, большинство мастеровъ весьма посредственные ремесленники, и издѣлія ихъ отличаются небрежностію въ отдѣлкѣ и отсутствіемъ всякихъ улучшеній въ формахъ.» Мы могли бы привести много подобныхъ примѣровъ, но вѣроятно читателю извѣстно хорошо и самому, что наши ремесленники, заводчики и фабриканты не отличаются особенно широкими познаніями ни въ искусствахъ, ни въ технологіи, ни въ химіи.

Причины отсталости нашей народной ремесленности и не слишкомъ блестящаго положенія нашего городского быта и благоустройства городовъ нужно искать, разумѣется, въ условіяхъ нашей сельской жизни. Мы уже говорили, что только отъ ея развитія зависитъ и развитіе городовъ, и пока земледѣльческіе производители не дойдутъ до вѣсныхъ потребностей, несправедливо укорять наши города въ томъ, что они освѣщаются плохо, или обыкновенно совсѣмъ не освѣщаются, что въ нихъ нѣтъ мостовыхъ, что на образованіе тратятся самыя ничтожныя части городскихъ доходовъ и т. д. Все бы это было, если бы село давало городу больше средствъ; но село дать больше не можетъ, потому что и само имѣетъ мало; такъ что городъ по необходимости не приобретаетъ городской характеръ и самъ превращается въ земледѣльческую колонію. Сравненія съ Англійей, на которыя такъ щедры наши публицисты и экономисты, вовсе не рекомендуютъ ихъ экономическихъ познаній. Если подобными сравненіями думаютъ дѣйствовать на самолюбіе, то это совершенно бесполезное препровожденіе времени, на которое тратятъ только даромъ люди свои способности — лучше молчать, чѣмъ говорить пустое

Едва ли и сами публицисты вѣрятъ въ могущество своей тактики, а если вѣрятъ, такъ тѣмъ меньше чести ихъ сообразительности. Сколько ни укоряйте пруссаковъ въ томъ, что ихъ издѣлія хуже качествомъ англійскихъ и производятся въ значительно меньшемъ количествѣ, укоризны не прибавятъ ни на волосъ силъ пруссакамъ и не создадутъ у нихъ ни одной лишней мануфактуры. Вы можете доказать саксонцамъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что ихъ Дрезденъ хуже и меньше Парижа, но отъ этого Дрезденъ не сдѣлается ни красивѣе, ни больше. А между тѣмъ почти всѣ наши публицисты только и упражнялись до сихъ поръ въ томъ, что вѣчно надѣбдали своими сравненіями, или ироническими замѣчаніями, полагая вѣроятно, что достаточно подсмѣяться надъ малолѣтнимъ человѣкомъ, чтобы онъ превратился вдругъ въ богатыря и принялся немедленно ворочать тяжести, рыть золото, строить фабрики и нагружать корабли своими издѣліями, чтобы завалить ими всѣ иностранные рынки. Мы нисколько не отвергаемъ полезности сравненія, и намѣрены даже сейчасъ сдѣлать небольшую параллель Россіи съ Англійей, но только не съ иронической цѣлью и не для того, чтобы задѣвать чье либо самолюбіе.

Въ Европейской Россіи считается (безъ Финляндіи, Царства Польскаго, Кавказа и остзейскихъ провинцій) 600 городовъ, съ населеніемъ почти въ 5 милліоновъ; сельское же населеніе имѣетъ 50 м. Это значитъ, что городское населеніе составляетъ ровно десять процентовъ общей цифры жителей. Вся наша промышленность оцѣнивается въ 550 м. р., а чистый доходъ отъ нея въ 375 м. р. Предметы вывоза составляютъ: хлѣбъ, лѣсной товаръ, кожи выдѣланныя и невыдѣланныя, пенька, ленъ, сало, шерсть, желѣзо, поташъ, мѣдь, щетина, сѣмя льняное и конопляное. Ввозятся же — хлопчатая бумага, сахаръ, масло деревянное и др., кофе, чай, шелкъ, машины, вина, фрукты и издѣлія — шелковыя, шерстяныя, бумажныя и льняныя. Когда въ 1857 году тарифъ нашъ былъ значительно смягченъ противъ прежняго, то привозъ съ 1857 — 1859 г. увеличился на 58%, а между тѣмъ нашъ вывозъ возвысился только на 37%.

Въ Англійи всѣ эти вопросы представляются въ нѣсколько иномъ видѣ. Тамъ городовъ, какъ мы уже говорили, 815 съ 10 м. жителей, сельское населеніе имѣетъ тоже 10 м. (городское населеніе больше сельскаго на 150 т.) На каждую квадратную милю въ Великобританіи приходится 5 т. чел. Мануфактурныя издѣлія оцѣниваются 1,100 милліоновъ рублей, тогда какъ наши только въ

12,560,000 р. Англія вывозитъ товаровъ на 812 м. руб. и въ этой суммѣ сырые продукты — каменный уголь и желѣзо — мануфактурные и заводскіе товары и издѣлія.

Чтобы экономическія силы Россіи были совершенно равны силамъ англійскимъ, нужно численный размѣръ всего довести до слѣдующаго отношенія: общее народонаселеніе Евр. Россіи, составляющее 65 м., при густотѣ 634 ч. на кв. милю, чтобы дойти до густоты Англіи, должно бы простираться до 513,250,000; число нашихъ городовъ, вмѣсто 600, должно бы быть 17,108, считая, какъ въ Англіи, по одному городу на 6 кв. миль. Городское населеніе, вмѣсто 5 м. было бы при этомъ въ 257 м., а сельское въ 256 м. Наши мануфактурныя издѣлія, вмѣсто 12 м. р., составляли бы цѣнность въ 9,170 милліоновъ руб.; нашъ вывозъ, вмѣсто 160 м. руб., простирался бы на сумму въ 5,008 мил. руб.

По общепринятымъ понятіямъ экономическая дѣятельность Англіи считается чрезвычайно блистательной и для многихъ націй служить даже предметомъ зависти. И дѣйствительно, если судить о ней по цифрамъ оборотовъ, нельзя не согласиться, что Англія производитъ много. Но въ другомъ видѣ представится вопросъ, если посмотрѣть на характеръ оборотныхъ отношеній всѣхъ экономическихъ производителей. Еще при королевѣ Елизаветѣ Англія начала входить въ силу, и торговля создала въ ней довольно значительные капиталы. Но дѣла все еще были спосны для большинства, пока изобрѣтеніе машинъ не отвлекло людей отъ сельскихъ занятій. Выгодные заработки сманили сельскихъ ремесленниковъ и даже земледѣльцевъ оставить свои прежнія занятія и заставили ихъ потянуться въ города. Села опустѣли, а города переполнились, и такимъ образомъ отношеніе между городскимъ и сельскимъ населеніемъ приняло самый неправильный видъ. Если принимать городъ, какъ центръ ремесленной и фабричной дѣятельности, для удовлетворенія потребностей сельскаго населенія, то масса городскихъ жителей въ Англіи гораздо больше той, какая бы должна быть по нуждамъ земледѣльцевъ. Англійскіе города производятъ уже не для себя, а для другихъ народовъ, и англійское городское населеніе росло на счетъ городовъ другихъ странъ. Наплывъ бездомныхъ людей въ мануфактурные и торговые центры создалъ экономическое зло, которое заставило мыслителей и государственныхъ людей Англіи задуматься надъ этимъ ненормальнымъ порядкомъ экономическихъ отношеній. Вся причина между тѣмъ заключалась только въ нарушеніи гармоніи между сельскими и городскими производителями и въ томъ, что

земледѣлецъ не имѣлъ своей пашни. Блнстательные результаты англійской торговли и промышленности мѣшаютъ видѣть за ними въ истинномъ свѣтѣ городского и сельскаго пролетарія. Даже знаменитые экономисты Англии—Адамъ Смитъ, Рикардо, Мальтусъ—считали трехчленное распредѣленіе продукта нормальнымъ и обвиняли законы природы въ томъ, въ чемъ виноваты только ошибочныя экономическія отношенія. Россія въ этомъ случаѣ стоитъ совсѣмъ на иномъ пути; въ нашей экономической отсталости наше лучшее будущее; что у насъ только 600 городовъ, а не 17,000, и что въ городахъ живетъ 5 м., а не 257—и слава богу. Когда каждый земледѣлецъ имѣетъ свою пашню и свой домъ—его экономическое положеніе обезпечено и онъ не потянется въ городъ, чтобы превратиться въ пролетарія. По мѣрѣ развитія сельской производительности будетъ возвышаться и быть земледѣльца; увеличившіяся средства создадутъ большія потребности, для удовлетворенія ихъ явятся люди и капиталы изъ среды того же земледѣльческаго сословія, и создастся та экономическая круговая порука, при которой промышленный центръ станетъ работать на село, а село на промышленный центръ. Вотъ идеалъ экономической гармоніи, въ возможности котораго для Россіи нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться. Намъ не за чѣмъ хлопотать о вывозѣ за границу нашихъ сырыхъ продуктовъ; гораздо будетъ лучше, если мы станемъ перерабатывать ихъ у себя дома. Мы вывозимъ теперь шерсть, пеньку и ленъ, чтобы получить часть изъ нихъ обратно въ видѣ мануфактурныхъ издѣлій и часть весьма незначительную,—которая идетъ на удовлетвореніе потребностей совсѣмъ не тѣхъ лицъ, которыя создали это сырье,—остальная часть сырья перерабатывается въ издѣлія для потребностей другихъ странъ. По теперешнимъ нашимъ экономическимъ силамъ другой порядокъ и невозможенъ, но порядку этому суждено, разумѣется, измѣниться—и вывозимая шерсть, пенька, ленъ, кожа, сало будутъ наконецъ перерабатываться нами самими, для нашихъ собственныхъ нуждъ. Теперешнее положеніе нашихъ городскихъ населеній сравнительно менѣе выгодно, чѣмъ экономическое положеніе земледѣльческихъ сословія; если горожанинъ получитъ возможность фактической свободы перемѣщенія, переселенія и труда, то и городъ на пути экономическаго прогресса не отстанетъ отъ села и потеряетъ свой деревенскій характеръ, въ которомъ укоряютъ его въ настоящее время.

И. Шенгуневъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органической природѣ—Шестъ лекцій, читанныхъ рабочимъ въ Музеѣ практической геологіи въ Лондонѣ. Спб. 1864—Русская книжка И. Худякова. Изд. О. И. Бакста. Спб. 1863.—Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Т. 2. Спб. 1864. Прогулка молодыхъ боеровъ, соч. капитана Майнъ-Рида. Перев. подъ редакціею Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества Общественной пользы. Спб. 1864.

При оцѣнкѣ чисто мускульнаго труда, мы обыкновенно смотримъ на результаты его съ экономической точки зрѣнія; успѣхъ и энергію его измѣряемъ общимъ итогомъ тѣхъ пріобрѣтеній, которыя сдѣланы отдѣльнымъ лицомъ или цѣлымъ народомъ. При условіяхъ, благоприятныхъ развитію труда и при механическомъ его усовершенствованіи, сумма пріобрѣтеній увеличивается въ прямомъ отношеніи къ количеству и качеству самой дѣятельности. Народъ, работающій 280 дней въ году и обладающій меньшими средствами для ускоренія и улучшенія своей работы, разумѣется, будетъ бѣднѣе того народа, который употребитъ на свой трудъ 340 дней и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ единичная сила человѣка, замѣнитъ ее громадными силами пара и машины. Если каждый англійскій работникъ сравнительно съ континентальнымъ выработываетъ втрое больше, иначе говоря, равняется тремъ французскимъ или нѣмецкимъ рабочимъ, то при одинаковомъ народонаселеніи Англія произведетъ во столько же больше, и слѣдовательно народное богатство ея увеличится также втрое про-

тивъ Франціи или Германіи. Это относительно чисто мускульнаго труда. Но въ Англіи кромѣ того механическія изобрѣтенія даютъ человѣческому труду необыкновенную энергію; тамъ 12,000,000 силъ работаютъ одними машинами, что увеличиваетъ общую производительность страны до колоссальныхъ размѣровъ. Нельзя однакожь опредѣлять народное богатство только однимъ итогомъ производительности.

Народъ можетъ производить много, и между тѣмъ быть бѣднымъ, какъ это мы видимъ въ той же самой Англіи. Правильное распределение труда и добытаго имъ богатства составляетъ главное и непремѣнное условіе общаго довольства. Если десять тысячъ паразитовъ будутъ поѣдать то, что производятъ десять милліоновъ дѣятельныхъ силъ, то подобная страна будетъ состоять изъ голодныхъ и сытыхъ нищихъ. Разъ нарушенное экономическое равновѣсіе ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ, и рано или поздно оканчивается кризисомъ.

Въ умственной дѣятельности тотъ же законъ остается въ полной своей силѣ. И здѣсь итогъ производительности зависитъ отъ двухъ главнѣйшихъ условій — отъ количества и качества ума, создающаго то, что мы называемъ образованіемъ и развитіемъ народа. Равномѣрное распределение умственныхъ богатствъ между членами общества такъ же важно и тутъ, какъ и въ матеріальномъ мірѣ. Два гениальныхъ человѣка на нѣсколько милліоновъ невѣждъ еще не дѣлаютъ общество образованнымъ, точно такъ же, какъ рубиновое ожерелье, повѣшенное на свинью, не особенно украситъ ее. Но вопросъ въ томъ, какую мѣрку намъ выбрать для опредѣленія степени народнаго развитія? Иначе сказать, какими данными мы можемъ отвѣчать на слѣдующіе вопросы: что производить, напримѣръ, русскій умъ и въ какихъ размѣрахъ производить? Если мы примемъ за масштабъ этого измѣренія грамотность, то выведемъ только приблизительное заключеніе о народной образованности, какъ это сдѣлалъ Кольбъ въ своей статистикѣ. Онъ полагаетъ, что у насъ одинъ грамотный приходится на 150 безграмотныхъ, т. е. сравнительно съ Англіей и Германіей (въ первый 1 на 9, а во второй 1 на 6) наша безграмотность даетъ такой утѣшительный для славянофиловъ результатъ, что они совершенно попусту беспокоятся о вліяніи гнилаго Запада на наши цѣломудренныя мозги. Чтобы догнать Германію на пути ея элементарнаго образованія, намъ, по меньшей мѣрѣ, надо

употребить 250 лѣтъ, т. е. гораздо больше, чѣмъ сколько нужно любому славянофилу для того, чтобы обратиться въ ископаемаго монстра. Судя по той пропорціи, которую представляетъ Кольбъ, мы могли бы резюмировать вопросъ въ слѣдующемъ видѣ: Англія образованнѣе Россіи въ 141, а Германія въ 144 раза. Но по числу грамотныхъ людей еще нельзя судить объ умственномъ развитіи народа, потому что грамотность служитъ только ближайшимъ средствомъ къ образованію, а самаго образованія не составляетъ. Можно населить всю страну грамотными, и не имѣть ни одного истинно образованнаго человѣка. Распространеніе грамотности указываетъ только на то обстоятельство, что народъ пользуется хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, имѣетъ время и возможность учиться. Гораздо точнѣе было бы судить о степени умственного развитія по количеству тѣхъ идей, которыя обращаются въ обществѣ и прилагаются къ его дѣйствительной жизни; но сосчитать идеи нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе опредѣлять ихъ практическое примѣненіе. Такъ какъ весь умственный капиталъ народа заключается въ его литературу, а литература часто живетъ паразитною жизнію, т. е. питается на счетъ чужихъ идей и не имѣетъ никакой органической связи съ поступками и интересами общества, то было бы крайне ошибочно сказать, что вотъ этотъ народъ очень развитъ, потому что литература его очень богата. Иногда это богатство только обременяетъ собою общество. Мы часто слышимъ и въ нашей журналистикѣ великія упованія на то, что расширяющійся кругъ періодическихъ изданій доказываетъ несомнѣнное желаніе идти впередъ, что если двадцать газетокъ и журнальчиковъ разводять на седьмой водѣ то, что прежде предлагалось однимъ органомъ, то это значитъ, что мы запросили дѣйствительнаго умственного развитія. Но количество тутъ ровно ничего не доказываетъ. Если г. Краевскій вмѣсто однихъ «Отечественныхъ Записокъ» будетъ издавать цѣлую дюжину такихъ же журналовъ, то отъ этого произойдетъ единственное удовольствіе для его читателей—получать вмѣсто одного двѣнадцать экземпляровъ и, ни разбѣрѣвая ни одного, спокойно класть ихъ на полки. Да и самое количество, вмѣняемое въ заслугу нашей литературѣ, еще можетъ быть предметомъ спора. Помнится, г. Межовъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» показалъ, что изъ 187 періодическихъ изданій за 1863—1864 годъ прекратилось не менѣе 65-ти; слѣдовательно третья часть нашего журнальнаго производства оказалась выше общественнаго за

проса. И это совершенно понятно. Если на 150 безграмотныхъ считается одинъ грамотный, если нѣсколько милліоновъ раскольниковъ боятся гражданской печати, если шестьдесятъ милліоновъ сельскаго населенія пребываютъ въ томъ патріархальномъ состояннн, въ которомъ журналъ или книга составляютъ рѣшительно ненужную вещь, то сколько же остается читателей для нашей періодической прессы? Если мы положимъ 200,000, то эта цифра будетъ заключать въ себѣ и тѣхъ, кто читаетъ только ex officio. А 200,000 читающей публики на 60,000,000 народонаселенія то же, что капля въ морѣ. Конечно, всякая литература, участвующая въ движеніи общечеловѣческой мысли, возбуждаетъ любопытство и внѣ предѣловъ своего народа, пользуется правомъ гостепрнмства во всѣхъ образованныхъ странахъ, читается какъ въ Индіи, такъ и въ Америкѣ, но мы еще далеки отъ такого гостепрнмства. Русская газета или журналъ вовсе ненужны французу и англичанину, потому что наша умственная производительность на всемірной выставкѣ была бы совершенно лишнимъ грузомъ. Чтобы заставить читать послѣ Мишле г. Устрялова, или послѣ Дарвина г. Бекетова, для этого едва ли кто предприметь изученіе русскаго языка, а если бы и изучилъ его съ цѣлю расширить кругъ своихъ понятій и обогатить себя новыми знаніями, то раскаялся бы въ напрасно потерянномъ времени. Когда мы внесемъ въ общечеловѣческое достояніе свою долю умственнаго труда, когда создадимъ что нибудь достойное вниманія другихъ цивилизованныхъ народовъ, тогда къ намъ обратятся съ запросомъ нашей собственной мысли, и нашимъ почвенникамъ не будетъ надобности лгать, что иностранцы не понимаютъ насъ, что они боятся трудности русскаго языка и только по незнанію его не интересуются такими сокровищами, какія выкладываютъ г. Аксаковъ въ своемъ «Днѣ» или г. Косица съ братіею въ «Эпохѣ». Да что у васъ понимать-то? Кому вы нужны, кромѣ вашей бѣдной почвы? Когда ваши внуки или правнуки забудутъ все, чѣмъ вы удобряли свою почву, и создадутъ что нибудь дѣйствительно хорошее, тогда васъ не только поймутъ, но и будутъ интересоваться вами, а пока будемъ довольствоваться и тѣмъ, что нами не брезгаютъ дома... Такимъ образомъ количествомъ печатной бумаги еще нельзя похвально, равно нельзя и доказывать имъ, что мы ужъ слишкомъ преуспѣваемъ. Еще недавно одинъ публицистъ, довольный тѣмъ, что въ его сѣрыхъ водахъ счастливо ловится рыбка, разсудилъ,

что на этихъ водахъ намъ и слѣдуетъ остановиться, что мы не въ примѣръ другимъ ускакали впередъ. Когда писалъ это публицистъ, его мрежи, набитыя разной треской и корюшкой, улыбались ему такимъ счастьемъ, что онъ почувствовалъ въ себѣ страстное влеченіе остаться навсегда на своемъ уловѣ. Это по крайней мѣрѣ выгодно; но другіе-то чего испугались въ нашемъ преуспѣяніи? Развѣ 200,000 читателей на 60,000,000 ничего нечитающихъ, или 187 періодическихкихъ изданій, изъ которыхъ треть ежегодно умираетъ отъ истощенія соковъ, а двѣ трети, по мнѣнію г. Зайцева, живутъ въ такомъ добромъ согласіи, что если одно скажетъ *да*, то всѣ другія непременно повторятъ, только на разные манеры, то же *да*. *Ау!* произнесутъ «Московскія Вѣдомости», и во всемъ лѣсу нашей періодической прессы раздастся также: *Ау!* Михаилъ Никифоровичъ! Ну и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Это миролюбивое настроеніе и готовность типографій печатать все, что ни взбредетъ на умъ тароватому производителю литературнаго товара, породили въ нашей журналистикѣ явленіе, небывалое даже во времена Булгарина. Мы обыкновенно любимъ строго относиться къ этому старому доброму времени, когда одни упражнялись въ изслѣдованіи вопроса: на сколько можетъ быть безвредно для пищеваренія русской публики «искусство писать для искусства», а другіе соображали, что это невинное занятіе можно обратить въ небезвыгодное занятіе. Но доброе старое время все это дѣлало съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приличій, болѣе келейно, чѣмъ въ огласку, а теперь гг. Писемскіе, Блужниковы и Стебницкіе дѣлаютъ то же самое съ полнымъ самоудовольствіемъ и на распахку. Они открыли въ своихъ твореніяхъ какое-то полицейское бюро, съ строжайшимъ наблюденіемъ не только за общественной дѣятельностію своихъ мнимыхъ противниковъ, но и за домашней ихъ жизнию. Въмѣсто того, чтобы обращаться въ кварталы за справками о поведеніи нашихъ сосѣдей, теперь можно получать эти справки прямо изъ романовъ: «Взбаламученное Море, Марево и Некуда».—Слѣдовательно преуспѣваемъ! Поэтому, оцѣнивая журнальную производительность съ одной количественной стороны и не принимая во вниманіе внутреннее ея качество, мы приходимъ къ отрицательнымъ результатамъ на счетъ ея достоинства и вліянія на наше развитіе.

Нельзя сказать, чтобы мы были равнодушны къ честной и плодотворной мысли, пробивавшейся *malgré tout* въ нашей періодиче-

ской литературѣ. Благодаря Бѣлинскому, мы стали понимать различіе между идеей и поддѣлкой подъ нее, между Булгаринными и антагонистами ихъ; Бѣлинскій первый растолковалъ намъ, что между обществомъ и литературой можетъ быть живая связь только тогда, когда литература выражаетъ лучшія стремленія общественной мысли; онъ ошибался въ масштабъ своего критическаго анализа, но никогда не ошибался въ распознаваніи гаденькихъ поползновеній; въ борьбу съ ними онъ вносилъ всю страстность и раздражительность своей души, и также смѣло разрывалъ самыя теплыя симпатіи къ людямъ, начинавшимъ вляпть хвостомъ, какъ добросовѣстно шелъ къ своей цѣли. Онъ былъ одинокъ у своего дѣла; онъ былъ чужой среди того общества, которое платило ему каплей сочувствія на цѣлое болото грязныхъ оскорбленій и даже ненависти. Но и въ самой ненависти было столько тупости, что она скорѣе охлаждала энергію этого дѣателя, чѣмъ возбуждала его силы. Не упасть духомъ и не сложить руки среди такой обстановки есть уже великій подвигъ. Только цѣной этихъ усилій Бѣлинскій и заставилъ насъ уважать литературу и смотрѣть на нее, не какъ на барское шутовство, а какъ на дѣло, имѣющее интересъ общественный. Послѣ Бѣлинскаго всѣ заговорили о *направленіи*, всѣ стали выставлять на показъ свои убѣжденія, и даже тѣ, у кого ихъ нельзя было выбить и дубиной, являлись въ публику съ либеральными ярлычками; только отъявленные не совѣстливыя показаться людьми ретроградными. Это былъ шагъ впередъ; начинался день, когда козламъ понадобились овечья шкуры, въ которые они и наряжались. Только самый небольшой кружокъ людей могъ отличить по рогамъ этихъ поддѣланныхъ овецъ, а большинство судило о нихъ по одной наружности. И такъ какъ многіе видѣли, что маскарадъ удастся не дурно, то прикидывались очень охотно. Ошибка критики, дѣйствовавшей послѣ Бѣлинскаго, состояла въ томъ, что она приняла свѣтъ зари за ясный полдень, увѣровала въ пскрепность переодѣтыхъ Хлестаковыхъ и Чичиковыхъ, и отнеслась къ нимъ съ полнѣйшимъ оптимизмомъ; она съ высоты взглянула на свои собственныя заслуги и порѣшивъ, что дѣло ея съ козлами кончено, начала игнорировать и пренебрегать ими. На дѣлѣ оказалось, что думать такъ было рано, и не забывая своего главнаго стремленія, надо было въ то же время поддержать и дѣло Бѣлинскаго. Изъ всего этого произошло то, что свои своихъ не узнали, и козламъ опять сдѣлалось не совѣстно показаться въ сво-

ихъ собственныхъ костюмахъ. За тѣмъ оставалось выдумать ретроградно-либеральное направленіе и подъ прикрытіемъ этого дурацкаго колпака представить въ литературѣ кукольную комедію изъ арлекиновъ. Нашимъ дальновиднымъ критикамъ казалось, что общество огорчится и будетъ хохотать, когда увидитъ эту комедію, но оно преспокойно усѣлось въ театрѣ и, не разобравъ, въ чемъ сущность дѣла, ослабилось и зарукоплексало отъ удовольствія. Теперь мы опять начинаемъ убѣждаться, что Бѣлинскій былъ правъ, что его строгій скептицизмъ въ убѣжденіяхъ современнаго ему поколѣнія волюнті оправдался и на нашемъ, что отъ Рудныхъ до Русановыхъ переходъ вовсе не великъ, или лучше Русановъ ничто иное, какъ Рудинъ, переодѣтый въ новый вице-мундиръ.

Мало того, что мы не краснѣемъ, но даже восторгаемся тѣмъ, за что прежде краснѣли. Но что же дѣлать! На что употребить этотъ суровый трудъ, который ждетъ насъ и отъ котораго мы должны ожидать своего спасенія? Кажется, ясно, что отъ Рудиныхъ печего ждать, что Русановыхъ хватить только для многотрудныхъ обязанностей брандмейстеровъ, что видимое обиліе жатвы въ нашемъ духовномъ вертоградѣ даетъ гораздо болѣе трухи, чѣмъ чистаго зерна, что вчерашніа наши убѣжденія вовсе не похожи на нынѣшніа, и слѣдовательно полагаться на нихъ было бы крайне не осторожно. А между тѣмъ мы инстинктивно сознаемъ, что намъ и взаправду предстоитъ суровый трудъ, да силъ для него мало. Но откуда же взять эти силы? Почвенники увѣряютъ, что надо искать ихъ въ самихъ себѣ, какъ будто кто нибудь могъ думать, что за насъ и про насъ будутъ распинаться французы или англичане; но почвенники, говоря это, имѣютъ другой умыслъ, — имъ хочется польстять самолюбію тѣхъ богатырей, которыа, лежа на боку, только и думаютъ о томъ, какъ-де мы страшны и могучи. Чтобы поднадуть насъ на счетъ нашей простоватости они придумали разныа кабаллистическіа заклинанія, въ родѣ *почвы, самобытнаго ума, саморазвитія* и тому подобнаго самодурства. Но опытъ убѣдилъ насъ, что пока мы жили для самихъ себя и все творили изъ самихъ себя, творчество наше не пошло дальше «Домостроя», что самъ М-г de Gérebzoff свидѣтельствуетъ въ «Исторіи русекой цивилизаціи» о нашемъ пристрастіи полагать свою силу только въ длинной бородѣ. По видимому, что можетъ быть очевиднѣе того факта, что весь допетровскій застой нашей жизни былъ слѣдствіемъ замкнуто-

сти; находясь въ сопрякосновеніи съ дилимъ Востокомъ и чуждавшіеся Запада, мы были предоставлены самимъ себѣ, но что же мы выработали такого великаго, чѣмъ бы можно было похвастаться печенникамъ? На какое открытіе въ области науки или практической жизни они укажутъ, съ прибавленіемъ слова: *самодѣланное*. Открытія за нами нѣтъ никакихъ; участія въ общеловѣческомъ трудѣ мы пока не предъявляли, великихъ идей не изобрѣтали,—такъ къ чему же послужили намъ восемь вѣковъ нашей самобытности? И что это такое за сокровище, которое надо хранить за тридесять земель отъ растлѣннаго Запада. Да и кому нужно покушаться отнять у насъ самобытность, изъ которой мы сами не Богъ знаетъ что сдумали сдѣлать. Съ другой стороны, лучшіе представители нашей мысли и вся образованная часть общества понимали, что умственному развитію Россіи всегда помогала Европа; только мы не всегда умѣли пользоваться ея готовой работой и претворять ее въ свое добро. Противодействовать этому направленію—значить не только тащить общество назадъ, но и отнимать у него возможность идти, куда бы то ни было. Суровый нашъ трудъ пока въ томъ и состоитъ, чтобы перенести къ себѣ изъ Западной Европы, какъ можно больше матеріаловъ для своего развитія и при удобномъ случаѣ ввести ихъ, какъ активную силу, въ дѣйствительную жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ этихъ богатыхъ матеріаловъ долженъ быть самый строгій, потому что отъ нихъ будетъ зависѣть прочность и удобство самой постройки. А потому внутреннее достоинство всякой вновь приобретаемой идеи есть дѣло величайшей для насъ важности.

Въ какой степени наше самовоздѣланное развитіе оказывается плохо по сравненію съ привознымъ, — это мы чувствуемъ каждый мѣсяць, въ который приходится наполнять Библиографическій листокъ, за немѣнимъ хорошихъ переводныхъ книгъ, своими собственными издѣліями. Хоть тресни, а ничего изъ нихъ не выжмешь. На этотъ разъ, еслибъ не выручилъ меня Гексли, о которомъ можно сказать нѣсколько умныхъ словъ, то я очутился бы въ безвыходномъ положеніи. Представьте, что за цѣлый мѣсяць ни одной интересной книги, и въ нѣсколькихъ книгахъ ни одной интересной мысли. Вообще лѣтнія засухи оказываютъ самое неблагоприятное вліяніе на нашъ духовный вертоградъ, но нынѣшняя засуха не въ примѣръ другимъ пагубна. Такъ, во всемъ цвѣтницѣ нашей самобытной поэзіи только и распустился одинъ букетъ величайшей безмы-

слицы, и то перемѣшанный съ прозой, подъ названіемъ: *Мои досуги и восторги мои безпредѣльны ко всему прекрасному!* Будетъ этотъ принадлежить князю Николаю Оболенскому, а кому онъ подносится—объ этомъ въ безпредѣльныхъ восторгахъ автора ничего не говорится. Но не трудно догадаться, что онъ поднесенъ ради удовольствія той типографіи, которая его печатала.

Небольшая книжка Т. Гексли «*О причинахъ явленій въ органической природѣ*» состоитъ изъ шести лекцій, читанныхъ лондонскимъ рабочимъ. Въ этихъ шести лекціяхъ, представлено популярное изложеніе книги Дарвина «*О происхожденіи видовъ*», дополненное геологическими изслѣдованіями Лайелля и собственными соображеніями Гексли; такъ что на нѣсколькихъ страницахъ здѣсь заключается краткій обзоръ всѣхъ нынѣшнихъ открытій, сдѣланныхъ въ области естествознанія тремя знаменитыми натуралистами Англіи. Мысль сдѣлать Дарвина доступнымъ пониманію ремесленного сословія заслуживаетъ полной похвалы,—во-первыхъ потому, что практическое приложеніе знанія природы и великихъ идей, открываемыхъ современными натуралистами, имѣетъ непосредственную связь съ образомъ жизни и занятій рабочаго класса. Чиновникъ, офицеръ, купецъ и дилеттантъ могутъ читать Дарвина для собственнаго удовольствія и, закрывъ его книгу, не измѣнить ни одной іоты въ своемъ міросозерцаніи и дѣятельности. Другое дѣло—ремесленникъ; его мысль ежеминутно приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣми вопросами, которые занимаютъ самого Дарвина, ежеминутно нуждается въ тѣхъ реальныхъ знаніяхъ, надъ успѣхомъ которыхъ работаетъ натуралистъ. Не нынѣ, такъ завтра смышленный рабочій можетъ примѣнить къ своимъ занятіямъ ту или другую идею Дарвина и остановиться надъ изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ какаго нибудь новаго открытія. Исторія всѣхъ замѣчательныхъ изобрѣтеній начиналась въ мастерской или на фабрикѣ, а не въ кабинетѣ дилеттанта или дипломата. Конечно, нужно имѣть не малое развитіе тому слушателю, которому предлагаются популярныя лекціи по Дарвину и Лайеллю; но еслибъ этого развитія не было у лондон-

скихъ рабочихъ, то Гексли и не сталъ бы продолжать своихъ чтеній, да навѣрное никто бы и не явился на нихъ. Во вторыхъ распространіе истинныхъ знаній о природѣ и положеніи человѣка въ ряду окружающаго его существъ между самыми бѣдными и необразованными слоями общества имѣеть еще другое значеніе. Лекціи, подобныя тѣмъ, какія читаетъ Гексли въ Лондонѣ, разливаютъ свѣтъ въ тѣхъ общественныхъ сферахъ, гдѣ невѣжество постоянно держитъ человѣка подъ страхомъ и недоувѣріемъ къ самому себѣ, и ведетъ его или къ преступленію или къ глубокому разврату.

Какъ ни интересны лекціи Гексли, я однакожь не стану разбирать ихъ подробно, потому что изъ превосходныхъ статей г. Писарева читатели «Рус. Слова» могли близко познакомиться съ сочиненіемъ Дарвина; что же касается до Ляйелля, то о немъ также будетъ говорить обстоятельно. Мнѣ же приходится ограничиться только общимъ обзоромъ популярныхъ лекцій Гексли.

Въ первой лекціи разсматривается «настоящее состояніе органической природы», гдѣ Гексли опредѣляетъ неразрывную связь между двумя огромными мірами—органическимъ и неорганическимъ.

„Растеніе, говоритъ Гексли, собираетъ неорганическія вещества, превращая ихъ въ собственное существо. Животное вѣтъ растеніе усваиваетъ себѣ питательныя вещества, заключающіяся въ немъ, выдѣляя и выбрасывая безполезныя вещи; наконецъ животное умираетъ, все тѣло его разлагается и возвращается въ неорганическій міръ. Такимъ образомъ существуетъ постоянное круговращеніе матеріи, постоянное образованіе органической матеріи изъ неорганическихъ веществъ и постоянное возвращеніе всего живаго въ неорганическій міръ: такъ что матеріалъ, изъ котораго состоятъ тѣла теперешнихъ животныхъ, по всей вѣроятности, есть большею частію тотъ же, изъ котораго состояли давно уже уничтожившіяся созданія и который извѣстное время составлялъ неорганическій міръ“.

Точно то же надо сказать и относительно физическихъ силъ. Для всего, существующаго въ природѣ, онѣ одинаковы,—и для желудка, и для человѣка, но дѣятельность ихъ видоизмѣняется по различію соотношеній въ разныхъ жизненныхъ явленіяхъ. Между электричествомъ громоваго облака и электричествомъ моего мозга нѣтъ никакой разницы, но въ первомъ случаѣ оно дѣйствуетъ иначе, чѣмъ во второмъ, потому что пропорція и сочетанія его различны.

За тѣмъ Гексли разсматриваетъ органическій міръ со стороны формы строенія и приходитъ къ тому выводу, что въ основаніи всего животнаго царства скрывается одна первоначальная форма—яйцо или клѣточка, изъ которой развиваются эти безчисленные виды животныхъ, покрывающихъ поверхность земли. Но нѣтъ ли возможности, спрашиваетъ онъ, подвести весь органическій міръ къ одной первичной формѣ?

„Отвѣтъ на этотъ вопросъ, продолжаетъ Гексли, не можетъ быть уже сомнительнымъ или нерѣшительнымъ, такъ какъ теперь доказано, что все живое начинаетъ свое существованіе подъ одною и тою же формою, т. е. подъ видомъ клѣточки, формы, свойственной всему органическому міру, такъ что если мы прослѣдимъ дубъ до его перваго зародыша, или человѣка, или лошадь, или рака, или устрицу, или какое нибудь другое животное, то найдемъ, что всѣ они начинаютъ свое существованіе подъ однимъ и тѣмъ же, общимъ имъ, видомъ, и что даже первые процессы ихъ роста и многія дальнѣйшія измѣненія въ сущности одни и тѣ же для большей части ихъ.“

Такимъ образомъ въ природѣ совершается безконечное круговращеніе, въ которомъ все соединяется въ одну стройную, логическую и неразрывную картину. Растеніе развивается изъ неорганическихъ веществъ, животное, питаясь растеніемъ, существуетъ имъ и послѣ смерти опять возвращается въ неорганическій міръ, такъ что одна матерія и однѣ и тѣ же физическія силы дѣйствуютъ по всей этой длинной цѣпи разнообразнѣйшихъ существъ.

Представивъ очеркъ настоящаго состоянія органической природы, Гексли обращается къ ея прошедшему, передъ которымъ исторія человѣческой жизни есть не болѣе, какъ кратковременный мигъ. Періоды постепеннаго образованія нашей планеты и мало по малу возникавшей на ней жизни измѣряются такимъ громаднымъ машгабомъ, для котораго сотни тысячъ лѣтъ составляютъ ничтожную величину. Геологъ опредѣляетъ эту лѣтопись земли на основаніи слѣдующихъ данныхъ: такъ какъ земная кора, пробуравленная на извѣстную глубину въ вертикальномъ направленіи, состоитъ изъ разнообразныхъ слоевъ, въ которыхъ открываютъ растенія и животныхъ, теперь болѣе несуществующихъ на поверхности нашей планеты, то геологи попытались вычислить, во сколько времени могъ образоваться извѣстный слой или формація, и по этому вычисленію составили цѣлую геологическую хронологію. Изъ наблюденій, произведенныхъ въ раз-

личныхъ мѣстностяхъ и разными учеными, оказывается, что земная поверхность испытываетъ постоянныя измѣненія, въ одномъ мѣстѣ повышается, а въ другомъ опускается. Нѣтъ сомнѣнія, что эти движенія происходятъ очень медленно и для жизни одного человѣка едва замѣтно, но различныя опыты ясно доказали, что тамъ, гдѣ возвышаются теперь великолѣпные города съ ихъ многочисленными населеніями, за нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ разливался океанъ и плавали ледяныя глыбы. Такъ нынѣшняя огромная пустыня Сахары была нѣкогда морскимъ бассейномъ, въ который была погружена вся юговосточная часть Африки, а сѣверо-западная часть ея, Азорскіе острова и Португалія сливались съ сѣвѣрною Америкою въ одну сплошную материкъ; точно также географія теперешней Европы совсѣмъ не то, что была прежде: вся сѣверная часть Финляндіи, Остзейскія провинціи, сѣверная Германія и Великобританія были залиты моремъ, изъ котораго постепенно выдвигались эти материки, какъ въ настоящую минуту выдвигаются изъ океана обширные острова и рифы. Какъ медленно происходили эти измѣненія, — можно судить по слѣдующему примѣру: окрестности Стокгольма измѣняютъ уровень своего берега на 1 футъ въ цѣлое столѣтіе; слѣдовательно для поднятія этого уровня на 600 футовъ потребовалось бы 60,000 лѣтъ. Точность всѣхъ этихъ вычисленій конечно многими оспаривается, потому что наблюденія современнаго геолога далеко не такъ полны, какъ это будетъ впоследствии. Земная поверхность едва тронута буравомъ ученаго изслѣдователя и, по всей вѣроятности, тысячи явленій, способныхъ разсказать интереснѣйшіе эпизоды изъ исторіи образованія нашей планеты, до сихъ поръ хранятся въ таинственныхъ нѣдрахъ земли. До сихъ поръ большая часть открытій происходила случайно и отрывочно, такъ что на одну писанную страницу этой многотомной лѣтописи надо считать сотни страницъ бѣлыхъ. Только новѣйшая формація нѣсколько подробно изслѣдована, но и тутъ открывается множество любопытнѣйшихъ фактовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1853—1854 года зимою открыли въ цюрихскомъ озерѣ у Мелейна, — а потомъ повторились эти открытія и въ другихъ швейцарскихъ озерахъ, — открыли остатки строеній на сваяхъ, слѣдовательно строенія стояли на водѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ грязи швейцарскихъ озеръ отыскали множество костей, каменнаго, бронзоваго оружія, глиняной посуды и т. п. Всѣ эти розысканія, сдѣланныя общими усиліями археоло-

говъ, этнографовъ и геологовъ, привели къ тому выводу, что обитатели этихъ строеній жили здѣсь болѣе, чѣмъ за 10,000 лѣтъ. Точно къ такому же заключенію привели и торфяныя болота датскихъ острововъ, на восточныхъ берегахъ которыхъ уцѣлѣли кучи устрицъ и другихъ раковинъ, остатки костей, каменнаго оружія, вучи, часто обнимающія 2 милліона кубическихъ футовъ. Слѣдовательно здѣсь жи и люди, еще незнавшіе употребленія желѣза, и жили они среди такихъ сосновыхъ лѣсовъ, которыхъ теперь совершенно нѣтъ въ Скандинавіи и которые сохранились только въ до-историческихъ формаціяхъ. Все это заставило изслѣдователей этой мѣстности полагать, что эта дикая жизнь людей происходила по крайней мѣрѣ за 10,000 лѣтъ до нашего времени. Наконецъ буреніе нильской долины, сдѣланное недавно по предложенію Горнера, одного изъ англійскихъ геологовъ, представило довольно интересный фактъ. На глубинѣ 60 и 72 футовъ были открыты осколки глиняной посуды, которую употребляли тогдашніе египтяне. Основываясь на томъ, что ежегодное возвышеніе земли по берегамъ Нила совершается на $5\frac{1}{2}$ дюймовъ въ столѣтіе, вычислили, что для поднятія этой мѣстности на 60 и 72 фута требовалось не менѣе 24,000 лѣтъ. Такимъ образомъ, какъ глубоко ни проникалъ глазъ человѣка въ нѣдра обитаемой нами земли, онъ повсюду находилъ слѣды человѣческой жизни, которой исторія теряется въ отдаленномъ прошедшемъ. Но вмѣстѣ съ слѣдами этой жизни встрѣчаются остатки такихъ растительныхъ и животныхъ видовъ, которыхъ болѣе не находятъ на земномъ шарѣ. Въ этомъ угаснемъ мѣрѣ есть своя строгая постепенность, о которой Гексли думаетъ такъ:

«Предположивъ вертикальное стверстіе въ землѣ или разрѣзъ ея по этому направленію, мы встрѣтимъ въ каждомъ слое остаткі живогныхъ, свойственныхъ только ему и не находящихся въ другихъ слояхъ. Прежде всего мы нападѣмъ на слой песка или наноса, содержащій кости большихъ животныхъ, какъ-то слона, носорога и тигра пещерь; углубляясь далѣе, мы встрѣтимся съ слоемъ, называемымъ лондонской глиной, и въ ней найдемъ странные остаткі большихъ рогатыхъ животныхъ черепахъ, пальмъ и тропическихъ растений огромнаго размѣра, вмѣстѣ съ раковинами, встрѣчающимися теперь только подъ тропиками. Еще глубже,—мы найдемъ слой извести и въ ней совершенно оригинальныхъ животныхъ, ихтіосавровъ, птеродактылей, аммонитовъ и т. д.

Теперь еще неизвѣстно, гдѣ остановится эта подземная лѣтопись,

съ ея ископаемымъ міромъ, и какіе факты откроетъ она для изученія вымершихъ оловъ и фауны, но и по тѣмъ даннымъ, какія имѣются, можно навѣрное сказать, что настоящее состояніе органической природы составляетъ только одну ничтожную страничку въ этой колоссальной лѣтописи. Одно ясно, что цѣль міроваго творенія не прерывается, но чѣмъ глубже мы заходимъ въ земныя нѣдра, и чѣмъ дальше удаляемся отъ настоящаго времени, тѣмъ болѣе разницы оказывается въ формахъ тогдашняго и нынѣшняго органическаго міра. Здѣсь мы лицомъ въ лицу встрѣчаемся съ теоріей Дарвина, которая объясняетъ самое развитіе и совершенствованіе органическихъ существъ.

Послѣ популярнаго сочиненія англійскаго писателя я могу, ради сравненія, перейти къ популярной книжкѣ русскаго сочинителя. Эта *русская книжка* издана г. Бакстомъ, а составлена г. И. Худяковымъ. Переходъ этотъ во-истину громаднй; потому что между г. И. Худяковымъ и мистеромъ Гексли различіе по меньшей мѣрѣ такое же, какое между ихтиосавромъ и его отдаленнѣйшимъ потомкомъ. И почему это пришло въ голову г. Баксту издать эту странную книжицу, а г. И. Худякову сочинить ее? А книжица дѣйствительно странная. Начинается она сказками такого рода, что только одному славянофилу подѣ силу отыскать въ нихъ какой нибудь человѣческій смыслъ; потомъ слѣдуютъ пословицы, загадки, пѣсни и былины. Всѣ эти сокровища народной мудрости собраны, по видимому, для удовольствія простаго читателя, котораго понятія стоять не выше сказки и пословицы. Иначе съ какой стати было г. Худякову помѣщать въ «русской книжкѣ» семь быльнъ (Вольга Святославовичъ, Илья Муромецъ, Соловей Будимировичъ и проч.), которыя могутъ интересовать собирателя разнаго стараго хлама, но никому ненужны изъ мало мальски образованныхъ читателей. Но судя по второму отдѣлу этой книжицы, мы убѣждаемся, что г. Худяковъ вовсе не имѣлъ въ виду своихъ низшихъ братій, питаемыхъ сказками и былинами; потому что въ этомъ отдѣлѣ между прочимъ помѣщены «Стихотворенія» Некрасова, «Ночь подѣ свѣтлый день» Успенскаго и «Плотничья артель» Писемскаго—произведенія, какъ извѣ-

стно, искусственнаго характера и превышающія какъ требованія, такъ и развитіе крестьянскаго ума. Тутъ уже дѣло идетъ о читателѣ нѣсколько образованномъ, которому знакома наша новѣйшая литература. Изъ этого выходитъ, что г. Худяковъ восхотѣлъ соединить, въ своей книжицѣ два сорта литературы—чисто почвенную для серьезной публики, и искусственную, порожденную гнилымъ Западомъ, для читателей шелковаго разбора. Разсчетъ былъ, какъ видно, коммерческій, а на дѣлѣ оказалось, что книжица негодна ни для простонародья, ни для образованнаго читателя; слѣдовательно, спекуляція г. Бакста вышла самая злосчастная.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы возлюбили нашей почвенной любовью свою низшую братію, и вознамѣрились просвѣщать ее трехкопѣчными изданіями, задніе дворы русской литературы стали наполняться всевозможными сборниками, бесѣдами, наставленіями, патріотическими пѣснями и тому подобными издѣліями. Для этого производства образовался особенный классъ писателей, которыхъ имена развозятся по ярмаркамъ вмѣстѣ съ бакалейными товарами и съ брошюрами г. Мельникова, завернутыми въ древніе погодинскіе порты. Народъ неизмѣримо умнѣе этихъ брошюръ и писателей, и потому не покупаетъ ихъ, смекая очень правильно, что какъ ни малы три копѣйки сер., а все же можно употребить ихъ съ большею пользою, чѣмъ на приобрѣтеніе, на примѣръ, «Трубнои славы россиянь», изображенной въ лицахъ. Но это невинное упражненіе иногда дѣлается отвратительной спекуляціей нашихъ апраксинскихъ книгопродавцевъ. Недавно мнѣ случилось видѣть брошюру, составленную изъ разныхъ стихотвореній и мелкихъ статей, понадерганныхъ изъ разныхъ журналовъ, разныхъ годовъ; тутъ есть и стишки Бенедиктова, Бернета, Подолнскаго и рассказы всевозможныхъ авторовъ. Все это переплетено въ одну книжку и покрыто сѣренькой обложкой, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *сочиненія Лермонтова*, для народа, цѣна 20 к. Вотъ это значить просвѣщать низшую братію и дешево и не убыточно!

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ М. Стасюлевича вышла вторымъ томомъ, об-

нимающимъ періодъ времени отъ 771 — 1096 года. Въ прошломъ году, по поводу перваго тома, мы высказали наше мнѣніе о трудѣ г. Стасюлевича и оговорились поговоркой: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки». Положимъ, что г. Стасюлевичъ не обѣщаль намъ журавлей и далъ болѣе, чѣмъ синицу, но все-таки онъ не сдержалъ своего обѣщанія во второмъ томѣ. Онъ хотѣлъ включить сюда исторію Византіи и Востока, которые имѣли огромное вліяніе на судьбы западной Европы и вообще на средневѣковую эпоху. Мы въ правѣ были думать, что, коснувшись исторіи Византіи и Востока, г. Стасюлевичъ познакомитъ насъ съ лучшими источниками, чѣмъ какими мы пользуемся до сихъ поръ. Конечно, для выполненія такой задачи необходимы и соответственные силы: едва ли безъ знанія восточныхъ языковъ можно браться за исторію Востока въ ея писателяхъ, а такимъ знаемъ г. Стасюлевичъ, сколько мнѣ извѣстно, не обладаетъ. Едва ли онъ обладаетъ даже тѣми богатыми европейскими источниками, которые нужны современному историку. Это мы говоримъ на томъ основаніи, что г. Стасюлевичъ даже относительно западной Европы не пользуется множествомъ писателей и такихъ сочиненій, о которыхъ умолчивать историку рѣшительно не прилично. Такъ, для исторіи Англіи въ X вѣкѣ, онъ рекомендуетъ намъ такую посредственность, какъ Боншозъ, какъ будто не зная, что эта эпоха превосходно разработана многими англійскими историками, у которыхъ можно найти неистощимое богатство по этому предмету. Указывая по исторіи Испаніи на Дози, онъ ни словечка не промолвилъ о Тикнорѣ, а, кажется, слѣдовало бы упомянуть о немъ. Ссылаясь постоянно на Гизо предлагая пустозвонныя характеристики Ланоре, можно было, по крайней мѣрѣ, не такъ скромно воспользоваться Гиббономъ. Я не имѣю возможности въ этомъ бѣгломъ листкѣ указать г. Стасюлевичу относительно каждаго отдѣльнаго событія и лица на писателей, достойныхъ большаго вниманія, чѣмъ какихъ рекомендуетъ онъ, но не могу не замѣтить, что не воспользоваться англійскими, американскими, испанскими и итальянскими источниками для «Исторіи среднихъ вѣковъ» — значитъ обѣщать журавля въ небѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя же требовать отъ г. Стасюлевича знанія пяти или шести новѣйшихъ языковъ, но тогда нечего было и приниматься за такой трудъ, какой задалъ себѣ г. Стасюлевичъ. Мы были бы благодарны ему, еслибъ онъ ограничился одной какой нибудь эпо-

хой изъ среднихъ вѣковъ, но оставилъ ее болѣе компетентными писателями и болѣе разнообразными источниками. Здѣсь все зависитъ отъ выбора и разнообразія. По книгѣ г. Стасюлевича можно отлично познакомиться съ средневѣковой исторіей и можно узнать ее не лучше, чѣмъ изъ негодныхъ руководствъ Кайданова и Смагдадова—все зависитъ отъ того, на какія сочиненія и на что именно въ этихъ сочиненіяхъ укажетъ г. Стасюлевичъ. Поэтому я позволяю себѣ утверждать, что если г. Стасюлевичъ и исполнитъ свое обѣщаніе относительно исторіи Востока, но напередъ можно сказать, что онъ дастъ намъ только хвостикъ отъ синицы.

Не понимаю я также, почему г. Стасюлевичъ называетъ предлагаемый имъ способъ изученія исторіи *реальнымъ*, и чѣмъ этотъ реальный способъ отличается въ сущности отъ *формального*, принятаго въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ. Въ чемъ тутъ особенный реализмъ? Положимъ, что Кайдановъ можетъ лгать и окрашивать своимъ цвѣтомъ событія, а воспитанникъ, читая его книгу, можетъ извратить свой взглядъ, не добравшись до сущности дѣла. Но развѣ реальный способъ г. Стасюлевича не рискуетъ раздѣлить ту же участь? Стоитъ только скрыть лучшіе источники и выставить длинную фалангу разныхъ наемныхъ писаекъ, подобныхъ исторіографамъ Людовика XIV, чтобы представить исторію въ ея писателяхъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Само собою разумѣется, что г. Стасюлевичъ, на сколько позволили ему умственные силы, добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу; но та же реальность въ другихъ рукахъ можетъ обратиться въ такую же формальность, какъ у Кайданова, или еще почише. Такимъ образомъ я не вижу никакой разницы между реальнымъ и формальнымъ преподаваніемъ исторіи, кромѣ того нравственнаго достоинства, съ которымъ историкъ обращается съ своею наукой. Преподаватель, перечитавъ источники въ ихъ сыромъ видѣ, можетъ предложить своимъ ученикамъ коротенькое извлеченіе изъ запаса добытыхъ имъ свѣденій, и это извлеченіе можетъ быть лучше и попятнѣе, чѣмъ если бы ученикъ обратился прямо къ плохимъ источникамъ, указаннымъ ему преподавателемъ или взятымъ на-угадъ. Тутъ преимущество на сторонѣ формальнаго преподаванія; а реальное никуда не годится. Но главное то, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого различія; оба они могутъ быть и реальными, и формальными, т. е. и плохими, и хорошими, честными и безчестными, смотря по личнымъ убѣжденіямъ историка.

Первый способ может скрывать источники и критическую оцѣнку ихъ, а второй может прятать истинные факты и представлять ихъ въ ложномъ свѣтѣ; слѣдовательно одно другому совершенно равно.

Мнѣ кажется, что надо взглянуть на дѣло съ иной точки зрѣнія. Вмѣсто исторической хрестомати, какую предлагаетъ г. Стасюлевичъ, было бы гораздо лучше для исторической науки, еслибъ литература наша предприняла и выполнила слѣдующій трудъ. Отобравъ съ строгимъ критическимъ тактомъ лучшихъ историковъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, которыхъ необходимо читать для того, чтобы познаться съ всемірной исторіей, перевести ихъ вполнѣ на русскій языкъ. У насъ, напримѣръ, нѣтъ хорошаго или вовсе никакого перевода Фукидида, Тацита, Тита Ливія, Гиббона и др.; у насъ ни одинъ изъ средневѣковыхъ европейскихъ лѣтописцевъ, неизвѣстенъ даже хорошенько по имени, а между тѣмъ и публика и учащееся юношество читали бы ихъ, съ большей охотой и несравненно съ большей пользой, чѣмъ такихъ господъ, какъ Устряловъ и Соловьевъ. Конечно, такое предпріятіе, какъ переводъ и изданіе 200 или 300 томовъ по исторической наукѣ невозможно выполнить одному человѣку. Тутъ должно работать цѣлое общество и употребить огромныя средства. Но тогда мы могли бы дѣйствительно сказать, что есть, средства изучать исторію, безъ руководства, потому что къ этой великолѣпной галлерей историковъ всегда могъ бы обратиться всякій, кто желаетъ узнать прошедшее человѣческой жизни въ его настоящемъ свѣтѣ. Я рекомендую г. Стасюлевичу дать инициативу этому предпріятію, т. е. составить историко-издательское общество, собрать тысячь сто денегъ и если не выполнить, то начать дѣло. У господина Стасюлевича есть любовь къ труду и уваженіе къ своей наукѣ, убѣжденія его симпатичны для честнаго юношества, и слѣдов. онъ могъ бы стать во главѣ такого предпріятія. А пока это осуществится, — въ чемъ мы впрочемъ крайне сомнѣваемся, — книга г. Стасюлевича, хоть и не безъ журавлей въ небѣ, но будетъ не безполезна нашимъ гимназистамъ и преподавателямъ ихъ.

Нельзя сказать, чтобы «Товарищество общественной пользы», опочивало на лаврахъ. Что оно не спитъ и даже не дремлетъ — это можно

видѣть по тому длинному каталогу книжекъ, которыя въ два или три года изданы подъ его руководствомъ. Но тотъ же каталогъ и одно наглядное знакомство съ его содержаніемъ убѣждаетъ насъ, что почтенное товарищество если не спитъ, то все дѣлаетъ въ просонкахъ. Выборъ заданій его показываетъ, что оно состоитъ изъ людей гораздо больше слѣдящихъ за полученіемъ своего дивидента, чѣмъ за качествомъ той духовной яствы, которую они раздають намъ изъ своего книжнаго магазина. Яствы эти до того невинны, что ихъ можно кушать не только дѣтямъ, но и беззубымъ младенцамъ, потому что обременять или засорить желудокъ рѣшительно не чѣмъ; пища самая легкая, удобоваримая, обращающаяся въ нѣдрахъ воспринимающаго ее подобно вѣтру. Развѣ иногда, на десять, какихъ нибудь изъ рукъ вонъ плохенькихъ книжонокъ, оно издастъ и порядочную, но это бываетъ рѣдко, и къ числу такихъ исключеній я отношу рассказы капитана Майнъ-Рида. *Прогулка молодыхъ боецовъ* или охотниковъ прочитается съ удовольствіемъ; въ этой умной книжкѣ не только наши дѣти, но и старики, читавшіе всю жизнь однихъ пиковыхъ тузовъ въ картахъ, могутъ многому поучиться. Кромѣ того, что Майнъ-Ридъ хорошій рассказчикъ, много видѣвшій и вездѣ побывавшій, онъ въ то же время очень умный писатель. Въмѣсто того, чтобы сочинять для своихъ рассказовъ какія нибудь таинственныя видѣнія, раздирающія сцены или небывалыя драмы, онъ уводитъ своего читателя въ пустыни и лѣса дѣйствительной и живой природы, и открываетъ ему чудеса, существующія на самомъ дѣлѣ. Мы присутствуемъ на великомъ, но страшномъ праздникѣ дикой природы, гдѣ колоссальныя животныя Африки, Индіи или Америки ведутъ между собою отчаянную борьбу и ежеминутно только и думаютъ о томъ, чтобы перехитрить другъ друга и съ большимъ удобствомъ проглотить свою обманутую или подкарауленную добычу. А человекъ, вооруженный своей необыкновенной силой ума, пользуется этой борьбой и поражаетъ то одного, то другого царя пустыни. Все это происходитъ среди величественныхъ сценъ тропической растительности и мѣстности, среди постоянныхъ опасностей и на каждомъ шагу встрѣчающихся любопытныхъ предметовъ. Читатель съ увлеченіемъ слѣдитъ за развязкой самого рассказа, и проходитъ рядъ картинъ, которыя возбуждаютъ его мысль и даютъ ему знаніе. Я нахожу, что такая манера романиста самая счастливая, и когда наши милыя маменьки и провинціальныя барышни будутъ менѣе глупы, то первыя не ста-

нужь предлагать своимъ дѣтямъ другихъ книгъ, какъ сообщающихъ въ легкой и привлекательной формѣ какія нибудь полезныя свѣденія, а вторыя не стануть упиваться такой дрянью, какъ романы Загоскина или г. Жандра. Да и авторамъ нашей дѣтской литературы (и такая литература существуетъ!) не мѣшаетъ намотать себѣ на усъ, что кто умевъ и образованъ, тотъ всегда можетъ говорить съ дѣтьми о серьезныхъ вещахъ ясно и увлекательно; а безъ ума и образованія не надо и браться за дѣтскія книжки, потому что кромѣ скуки и глупости изъ этого ничего не выходитъ. Жалко, что «Прогулка молодыхъ боеровъ» переведена г. Ушаковымъ дурно; но ужь это вѣрно эпидемическая болѣзнь нашихъ переводчиковъ и издателей, и мы натерли мозоль на языкѣ, умоляя въ каждомъ листкѣ переводить пограмотнѣе и получше.

Г. Б.

Апраксинцы. Сцены и очерки. Допожарная эпоха. *Н. А. Лейкина*. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1864.

Рассказы И. С. Генслера, просмотрѣнные и дополненные. Изданіе Папина. Гаваньскіе чиновники.—Куллербергъ. Спб. 1864.

Что беллетристика наша падаетъ, — это дѣло очевидное. За последнее время, по этой части, мы не встрѣчаемъ ничего такого, чѣмъ бы похвастать было можно, что бы пробуждало въ обществѣ новыя мысли и удовлетворяло его современнымъ потребностямъ. Въ журналахъ сплошь-да-рядомъ печатаются или пасквильные романы, наполненные разными мелочными сплетнями, унижающими литературу, или безцвѣтныя повѣсти, которыя самый терпѣливый читатель съ трудомъ одолѣть можетъ, — или наконецъ разныя «воспоминанія» и «очерки», въ которыхъ рѣдко есть даже содержаніе, а тагъ — только однѣ коротенькія строчки. И все это до-нельзя растянута, наводнено, пересыпано множествомъ лишнихъ уклоненій отъ предмета, показывающихъ въ авторѣ или совершенное отсутствіе логики, или не совсѣмъ честные коммерческіе расчеты. Само собою разумѣется, что бѣдная публика зѣваетъ отъ скуки, перелистывая эту массу страницъ съ короткими строками, но, не смотря на это, съ непонятнымъ упорствомъ, читаетъ въ журналахъ преимущественно одну бел-

летристику, надѣясь встрѣтить въ ней хоть что нибудь интересное. За то съ какою жадностью эта голодная публика бросается теперь на каждый рассказъ и очеркъ, въ которомъ проглядываетъ маломальски новая мысль, или разбирается нетронутая сторона жизни общественной: статья переходитъ изъ рукъ въ руки, къ имени писателя прибавляется эпитетъ «талантливый» или «подающій надежды» и проч., тогда какъ при лучшемъ состояніи литературы этотъ «талантъ» съ подобной статьей не смѣлъ бы и сунуться въ журналистику, ибо только на безрыбьи — ракъ рыба.

Отчего же происходитъ это печальное безплодіе нашихъ писателей? Прежде вѣдь не было слышно этихъ вопіющихъ жалобъ на жалкое состояніе беллетристики, и публика съ удовольствіемъ проглатывала все, что только подносили ей беллетристы? Или наши таланты засякли? Или нечего наконецъ описывать?... Нѣтъ: таланты у насъ есть, и въ жизни есть неисчерпаемое содержаніе для беллетристики, но дѣло въ томъ, что читающее общество, по своему развитію, какъ видно, опередило нашихъ беллетристовъ: старыхъ сказокъ читать оно видимо не хочетъ и ищетъ въ беллетристичѣ чего-то новаго, что слѣдуетъ уловить и разработать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ беллетриста требовалось только одно: чтобы онъ умѣлъ писать красиво и имѣлъ известную долю фантазіи, соединенной съ чувствомъ, для того чтобы красиво описывать нѣчто чувствительное; образовавъ или необразовавъ подобнаго рода писатель, объ этомъ любители легкаго чтенія и знать не хотѣли, потому что въ области фантазіи, какъ известно, можно жить и безъ образованія. Теперь не то; теперь любовью и романтизмомъ увлечешь немногихъ: общество, при-
нуждено задуматься надъ застарѣлымъ складомъ своей жизни и требуетъ отъ беллетриста прежде всего *знанія*, для того чтобы и онъ принималъ участіе въ разработкѣ общественныхъ вопросовъ, и имѣлъ по этимъ вопросамъ лѣткія *мысли*. А между тѣмъ этого *знанія*, этой *мысли*, положенной въ основу труда и не видно у нашихъ беллетристовъ, и въ этомъ-то ихъ главное несчастіе. Не имѣя основательныхъ, реальныхъ знаній, не выработавъ прочной идеи, на основаніи которой можно дѣлать оцѣнку разбираемой среды, не привыкнувъ къ анализу обыденныхъ фактовъ, — они поневолѣ должны заниматься самой мизерной работой, и ограничивая ее самыми узкими рамками. Еще когда была мода на обличительныя статейки разнаго рода, беллетристы наши работали усердно, потому что имѣли подъ

руками матеріалъ богатѣй и знали прочтѣвъ чего ратовать, — но когда кредитъ на обличеніи взятокъ и питейнаго откупа упалъ, они принуждены описывать свои семейныя воспоминанія, какъ предметъ болѣе знакомый и потому легкій, или сочиняли мелкія отрывочныя сцены изъ быта купцовъ, чиновниковъ, мѣщанъ и проч., собирая ходячіе анекдоты и ограничиваясь, конечно, однимъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣло жизни. Иногда они пробовали завлечь жизнь въ болѣе широкихъ размѣрахъ, пробовали, напр., описывать цѣлое поколѣніе, но до того залутились во множествѣ отговорокъ, до того ярво высказывали свою внутреннюю пустоту и невѣжество, что становилось стыдно за авторовъ, особенно когда они пускались въ разсужденія. И все-то верхки одни, одна мелочь и внѣшняя обстановка, а до самой сути, до самыхъ основъ, побуждающихъ общество къ тому или другому образу дѣйствій, почти что никто изъ нихъ не вснулся, и даже какъ будто умышленно обходить они все то, надъ чѣмъ слѣдуетъ остановиться и призадуматься. Можно бы въ доказательство этого представить примѣры, но это мы отложимъ до другого раза, а теперь обратимся къ трудамъ гг. Лейкина и Генслера, которые также принадлежатъ къ области новѣйшей бедности.

«Апраксины» г. Лейкина и разсказы г. Генслера имѣютъ нѣчто общее между собою. Оба автора принадлежатъ къ числу «подающихъ надежды», оба представляютъ намъ рядъ отрывочныхъ картинъ, одна изъ касты чиновнической, другой изъ касты купеческой, — обѣ книги имѣютъ известную долю занимательности, хотя въ нихъ нѣтъ ничего цѣльнаго, законченнаго; наконецъ обѣ онѣ были первоначально напечатаны въ «Библіотекѣ для чтенія». Однако трудъ г. Лейкина, по нашему мнѣнію, трудъ болѣе почтенный, нежели разсказы г. Генслера, и хотя г. Лейкинъ не имѣетъ тѣхъ мастерскихъ приемовъ писанія, какія мѣстами встрѣчаются у г. Генслера, но онъ мимоходомъ разсказываетъ факты серьезные, и трудъ его все-таки наводитъ на нѣкоторыя размышленія.

Г. Лейкинъ вводитъ читателей въ замкнутый кругъ средней руки купцовъ съ ихъ прикащиками и разныхъ мелкихъ торгашей, промышляющихъ торговлею на Апраксиномъ дворѣ. Сюда входитъ и лицевая линия лавокъ, гдѣ торгуетъ апраксинская аристократія, и Чернышевъ переулочекъ и наконецъ вся «толкучка». Предметъ для описанія, какъ видите, огромный, — есть гдѣ разгуляться: одна толкучка чего стоитъ;

между тѣмъ обо всемъ этомъ написана маленькая книжка въ 200 страницъ разгонистаго шрифта, да и то подъ конецъ книжки авторъ становится жидокъ до-нельзя и видимо растягиваетъ, какъ бы придумывая, «что бы еще тутъ описать?»: значить и этого матеріала для него не хватало. Конечно, можетъ быть, купцы апраксинские до того похожи одинъ на другого, что, описать нѣсколькихъ изъ нихъ, можно составить понятіе и о всѣхъ остальныхъ, что ихъ привычки и вообще внѣшній образъ жизни монотоненъ до безобразія и даетъ мало матеріалу для писателя, особенно послѣ картинъ Островскаго; можетъ быть, говорю, это и такъ (въ чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ усомниться), но развѣ можно обрисовать на нѣсколькихъ страничкахъ всю «толкучку», гдѣ сбирается все отребье петербургскаго человѣчества для разныхъ праведныхъ и неправедныхъ промысловъ? Объ этомъ одною торжищѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Апраксинцевъ», можно написать многіе томы, — а если не писать о немъ, какъ слѣдуетъ, то надо бы вѣрнѣе опредѣлить границы своего труда.

Увидѣвъ заглавіе «Апраксинцы», читатель въ правѣ надѣяться, что авторъ познакомитъ его съ самимъ процессомъ купли и продажи, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ на апраксинномъ дворѣ, — познакомитъ его съ приемами обвѣшиванья, обмѣриванья, сбереженія и поддѣлки товара, выдачи старатаго товара за новый, и тому подобныя надувательствъ, которыя долготѣней практикой выработываетъ себѣ большинство нашего купечества вообще, а апраксинскаго въ особенности. Читатель въ правѣ ожидать этого, тѣмъ болѣе, что, носѣщая Апраксинъ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду это свойство Апраксина. Между тѣмъ авторъ описываетъ преимущественно разные кутежи, свадьбы, гулянья и вообще частную жизнь апраксинцевъ, внѣ лавки и торговли. Такимъ образомъ апраксинцы теряютъ главное значеніе свое, потому что внѣ лавки они конечно живутъ такъ же, какъ и все остальное купечество, и типическихъ чертъ, принадлежащихъ исключительно апраксинцамъ, въ этомъ случаѣ можно стыскать очень не много. Авторъ, какъ видно, хорошо знакомъ съ бытомъ апраксинцевъ, и намъ жалко, что онъ упустилъ изъ виду главное, что должно было лечь въ основаніе его труда: онъ не выставилъ передъ нами, во всей подробности, той школы разныхъ коммерческихъ тонкостей или надувательствъ, которую проходятъ наши торгаши съ *малолѣтства*, чтобы потомъ приобрести лоскъ, необходимый для купца; не показалъ наконецъ, какъ эти дикіе приемы переходятъ

у нихъ въ привычку и отражаются на всей ихъ частной жизни и дѣятельности и т. п.; это важно въ томъ отношеніи, что мы наглядно видѣли бы тѣ принципы, которые лежатъ въ основаніи нашей народной торговли. Правда, есть въ книжкѣ кое-какіе намеки на то, какъ мальчики учатся у прикащиковъ обкрадывать хозяина, или какъ готовятъ умышленныя банкротства; но вѣдь этихъ намековъ слишкомъ мало: они только затрогиваютъ любопытствъ въ читателей, но не удовлетворяютъ его.

Изъ описанія частной жизни апраксинцевъ, въ книжкѣ г. Лейкина, мы узнаемъ новаго очень мало: тотъ же заплѣсневѣлый, замкнутый старорусскій бытъ, дикое самодурство и поразительное невѣжество, съвозъ которое не пробьется ни одна свѣжая мысль, а если и пробьется, то не въ состояніи будетъ она скоро разшатавъ этого, созданнаго вѣками, склада. То же преобладаніе внѣшней, обрядовой стороны жизни надъ внутренней, вѣчныя сплетни, чаепитіе и полная апатія ко всему, что происходитъ внѣ своего круга или не касается лично шкуры хозяйской. Къ чтенію, конечно, они не имѣютъ особаго позова, а если читаютъ, то очень немногіе, и то для того только, чтобы «побаловаться.» Хозяева держатъ въ ежовыхъ рукавицахъ своихъ прикащиковъ, тѣ въ свою очередь вымѣщаютъ свою злость на мальчикахъ; мальчики обворовываютъ прикащиковъ, тѣ хозяина, а хозяинъ—народъ, и такимъ образомъ съ одинаковымъ постоянствомъ вертится эта машина купеческой жизни, искажая въ нихъ остатки образа человѣческаго... Г. Лейкинъ въ одномъ мѣстѣ пробуетъ описать, какимъ путемъ обыкновенные крестьянскіе мальчики, которыхъ привозятъ изъ деревень и отдаютъ въ лавки «въ науку», постепенно выработываются въ личности чисто-русскаго купца, и какую трудную школу приходится имъ вынести, чтобы превратиться въ какого нибудь Кита Китыча или Карпа Карпыча.

Лѣтъ тринадцати, а иногда и раньше, научившись у мѣстнаго дьячка кой-какъ читать и писать, отрываются они отъ семействъ и везутся въ Петербургъ въ ученье; разумѣется, дѣло не обходится безъ слезъ со стороны родителей и дѣтей. Привезя мальчика въ Петербургъ, отецъ или родственникъ, чтобы не проѣдаться и не тратиться, старается какъ можно скорѣе отдать его въ ученье, часто даже не освѣдомившись о характерѣ, честности или положеніи хозяина, которому ввѣряетъ своего сына или родственника въ полное распоряженіе на четыре или на пять лѣтъ; дѣлаетъ ему наставленія, чтобы онъ уважалъ, во всемъ

слушался и любилъ хозяина — и убъжаетъ. И вотъ мальчикъ, брошенный въ чужое семейство, привыкшій къ ласкамъ матери, поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина. Хорошо, ежели его сразу допустить къ торговлѣ; но есть такіе хозяева, которые оставляютъ новичковъ на полгода, а иногда и болѣе дома, употребляя ихъ для домашнихъ работъ: нарубить дровъ, принести воды, сбѣгать въ лавочку, чистить посуду и сапоги, надѣлая ихъ за малѣйшую неисправность треухами, подзатыльниками, тасками, вывочками и прочими удовольствіями. Но не думайте, чтобы это дѣлалось хозяевами такъ: это они дѣлаютъ по убѣжденью; они сами начали свое торговое исприве съ треуховъ, и вотому думаютъ, что безъ побоевъ мальчикъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ тайнъ торговли... Наконецъ мальчика берутъ въ лавку; но и здѣсь далеко до торговли: вся обязанность его состоятъ въ томъ, чтобы стоять на порогѣ, выкрикивать названья товаровъ и даже подчасъ, по приказанію прикащиковъ, хватать за руки покупателей; а прійдетъ домой — опять то же чищенье сапоговъ и посуды и бѣготня въ кабакъ тайкомъ отъ хозяина, ежели молодцамъ (т. е. прикащикамъ) захотѣлось выпить. Почитать что нибудь, пописать, хоть бы письмо въ деревню, мальчику некогда; изъ этого и вытекаетъ ихъ безграмотность, когда они сдѣлаются прикащиками. Въ продолженіи пятилѣтняго нахожденья въ наукѣ, они иногда ни разу не брались ни за книгу, ни за перо; очень естественно, что въ продолженіи этого времени они забудутъ даже всѣ тѣ ограниченные познанія въ грамотности, которыя легъ пать тому назадъ вложилъ въ ихъ головы дьячекъ или какой нибудь учитель изъ отставныхъ семинаристовъ... (Стр. 43 — 46).

Такимъ-то образомъ мальчикъ нѣсколько лѣтъ готовится къ торговлѣ: его облоачиваютъ, отучаютъ отъ родныхъ, заставляютъ забыть грамоту. Мальчикъ живетъ съ прикащиками-кутилками; тайкомъ услуживаетъ имъ при кутежахъ, и понемногу узнаетъ цѣну денегамъ и сладость запрещенныхъ удовольствій. Чтобы добыть денегонокъ, онъ приучается воровать, чему видитъ примѣръ въ прикащикахъ, которые смотрятъ на воровство спокойно, какъ на вещь неизбѣжную въ прикащичьемъ чинѣ.

«Видя, что другіе крадутъ, начинаютъ и онъ утаивать забытые на прилавкѣ гривенники и двугривенные, отыскиваетъ гдѣ нибудь подъ половицей или подъ плинтусомъ щель и прячетъ ихъ туда, чтобы при первой возможности промотать. Но вотъ наконецъ заживаетъ онъ определенные года; хозяинъ призываетъ его къ себѣ, объявляетъ ему объ окончаніи курса и даруетъ степень прикащика. «Теперь я тебя жалованья не могу опредѣлять, говоритъ онъ ему: — посмотрю, чего стоять будешь, то и положу; я тебя не обижу.» По окончаніи года оказывается,

что онъ стоялъ рублей восемь въ мѣсяцъ. Но не такъ плохъ молодецъ: онъ уже посмотрѣлся, какъ то дѣлають болѣе опытные прикащики, оцѣнилъ себя гораздо дороже и крадь изъ хозяйской выручки рублей по десяти въ мѣсяцъ.» (Стр. 4).

Интересно было бы знать, какіе источники воровства имѣють эти прикащики, и какова ихъ отчетность предъ хозяиномъ? Дальше видно только то, что хозяева знаютъ про это воровство, но смотрять на него сквозь пальцы: «безъ этого, молъ, нельзя.» Какъ бы то ни было, будущій купецъ уже съ малолѣтства становится воровомъ. Въ прикащичьемъ чинѣ мальчику приходится быть отъ 10 до 20 лѣтъ, смотря по тому, какъ онъ свопять капиталы, и будетъ въ состояніи открыть собственную лавку. Эта должность самая тяжелая и часто губительная для молодца, потому что онъ лишень здѣсь всякой свободы: онъ не можетъ въ теченіи цѣлаго дня шагу отойти отъ лавки, а ночью отлучиться изъ дома безъ вѣдома хозяина. Только три дня въ году прикащики имѣють право распоряжаться собою, какъ хотятъ: въ пасху, троицу и рождество, за то ужъ въ эти дни они на веретывають свои лишенія, и въ попыкахъ учиняють такія дикія безобразія, что право отвратительно за нихъ дѣлается... (Эти безобразія подробно описаны въ книгѣ г. Лейкина.) Да оно и естественно, что послѣ долгаго заключенія свобода дѣйствуетъ на нихъ одуряющимъ образомъ, и торопятся они въ эти короткіе моменты воли испытать все, что только, по ихъ понятіямъ, есть сладкаго въ жизни; т. е. пьютъ, поютъ, пляшутъ, ломають мебель, дерутся, однимъ словомъ, тутъ уже «здраву нашему не препятствуй.» Остальное время они опять безвыходно проводятъ въ лавкахъ, ничего не дѣлая и только развлекаясь чаепитіемъ. Очевидно, что такая неподвижная жизнь, продолжающаяся съ невозмутимымъ однообразіемъ много лѣтъ, окончательно притупляетъ молодцовъ и превращаетъ ихъ въ какія-то искусственныя машины, которыя годятся только для извѣстнаго употребленія и ничего другаго дѣлагъ не могутъ. Очевидно, что эта неподвижность и однообразіе жизни, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ суживаетъ ихъ умственный кругозоръ, что послѣ 15—20 лѣтъ такой жизни для нихъ органически невозможно жить и торговать на иной манеръ, что и дѣтей своихъ они поведутъ тѣмъ же путемъ, потому что другаго пути не знаютъ. Прикащикъ сдѣлавшись и хозяиномъ будетъ также аккуратно ходить въ лавку, или свирѣпствовать дома надъ дѣтьми, чтобы они страхъ имѣли къ отцу, какъ и онъ

бывало страхъ нивѣ къ хозяйну, а тѣ, въ свою очередь, будутъ тоже внушать своимъ дѣтямъ, приготовляя ихъ къ коммерческой дѣятельности, и такъ будетъ продолжаться еще долго, — до тѣхъ поръ, пока благотворное вліяніе Запада не проникнетъ наконецъ и въ эти болѣзненные завалы нашего старорусскаго быта...

До этого впрочемъ апраксинцамъ еще такъ далеко, что и зари не видно. Посмотрите, напримѣръ, на сколько проникла туда наша доморощенная литература.

„Казалось бы, при такихъ условіяхъ домашней жизни у молодыхъ людей (дѣтей хозяйскихъ) должна бы развиваться охота къ чтенію, но напротивъ все свое свободное время они употребляютъ на сонъ, да на игру съ молодцами въ горку, и то послѣднее дѣлается секретнымъ образомъ. Если кому нибудь и вѣдуется почитать, достанетъ гдѣ нибудь какой ни на есть романичекъ, такъ тятенька и начнетъ косяться: „Пустяками, скажешь, голову набиваешь, къ дѣлу рачительности имѣть не будешь, брось!“ — ну и приходится бросить. Еще въ иныхъ семействахъ получаютъ «Полицейскія вѣдомости», да «Сынъ Отечества», откуда и почерпается вся премудрость. А въ семействахъ, придерживающихся старой вѣры, такъ чтеніе каждой свѣтской книги считается грѣхомъ и отпаденіемъ отъ религіи. Дѣвочки еще читаютъ кой-что изъ переводныхъ романовъ, пощадающихъ къ нимъ богъ вѣсть какимъ путемъ, переписываютъ въ тетрадки чувствительные стихи, однако дѣлая все это днемъ, когда тятенька ихъ пребываетъ въ лавкахъ. Если въ семействахъ этихъ и есть книги, такъ это пѣсенники, уличные листки, издаваемые съ спекулятивною цѣлью, и известная всѣмъ «Битва русскихъ съ кабардичами», къ стыду нашему выдержавшая двѣнадцать изданій». (Стр. 117—118).

Послѣ этого, какого же развитія можно ожидать отъ такихъ семей, гдѣ тятеньки запрещаютъ читать даже романы?..

Но довольно объ апраксинцахъ; пусть ихъ живутъ спокойно и деньги свои пересчитываютъ. Изъ приведенныхъ отрывковъ можно видѣть, что въ книгѣ г. Лейкина затрогивается кое-что и интересное, — но къ сожалѣнію это у него дѣлается какъ будто мимоходомъ, такъ что читателю приходится дополнять недосказанное собственнымъ воображеніемъ. На первомъ же планѣ у него разныя шутки, описаніе которыхъ наконецъ надоѣдаетъ по своему однообразію, и читатель невольно сожалѣетъ, что подобный матеріалъ не попался въ руки болѣе сильному и развитому таланту, который

съумѣлъ бы извлечь изъ него мастерскую и поучительную картину апраксинскаго быта...

Г. Генслеръ вводитъ читателей въ миръ чиновниковъ, животныхъ и насѣкомыхъ, проживающихъ въ галерной гавани, а также и въ миръ неодушевленныхъ предметовъ, существующихъ въ ней. Тутъ все, существующее въ гавани, связано вмѣстѣ въ какую-то крѣпкую коммуну, все зависитъ другъ отъ друга, сплетничаютъ другъ на друга; тутъ коровы, коты, тараканы, клопы, блохи, деревья, часы и пр. предметы, постоянно пускаются въ длинные разсужденія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и разсуждаютъ, по правдѣ сказать, гораздо дѣльнѣе, нежели чиновники съ своими семействами; а тараканы и клопы положительно умнѣе ихъ, потому что иногда выражаютъ рѣзкіе протесты противъ разныхъ притѣсненій и сознаютъ горечь жизни подобнаго рода, тогда какъ чиновники вовсе не сознаютъ этого, и живутъ изо дня въ день съ такимъ оуптѣніемъ, имѣютъ такіе мизерные интерессы, что читатель чувствуетъ больше симпатіи къ котамъ и тараканамъ, чѣмъ къ гаваньскому человѣчеству. Все это очень оригинально, остроумно, а нѣкоторые факты изъ обыденной жизни чиновничества до того вѣрно подмѣчены и описаны такъ мастерски, что «Гаваньскіе чиновники», при первомъ появленіи своемъ въ «Библиотекѣ для Чтенія», обратили на себя общее вниманіе. Правда, что г. Генслеръ часто увлекается и доходитъ до такихъ нелѣпостей, что уши вянутъ, напримѣръ описываетъ, какъ «на мягкой кочкѣ лежалъ и спалъ паша *дѣдушка-вѣтеръ, въ нанковомъ халатѣ, тиковыхъ шароварахъ и въ туфляхъ, надѣтыхъ на босу ногу*» и т. п. (стр. 176), но снисходительный читатель старается не замѣчать этихъ странностей, и снисходительно улыбается г. Генслеру. А такихъ странностей здѣсь многое множество.

Содержанія въ книгѣ Генслера нѣтъ никакого; просто описывается пезатѣйливая жизнь гаваньскаго уголка, описывается съ шутовымъ и подчасъ очень натянутымъ юморомъ, и съ единственною цѣлью позабавить читателей, такъ что г. Генслеръ очень удачно назвалъ свою статью «пейзажемъ и жанромъ». Сочинять эти жанры, по видимому, очень не трудно, стоить только имѣть маленькую долю наблюдательности и умѣть писать; стѣсняться содержаніемъ нечего, проводить какую нибудь мысль — дѣло лишнее, а главное удобство то, что можно писать такимъ манеромъ до безконечности: описалъ напримѣръ столъ, посадилъ на него муху, ну и пиши какъ разсу-

дасть муха со столомъ, а тутъ можетъ еще пролетѣть какая нибудь кавава, или подойдетъ чиновникъ и опять пойдутъ разговоры. Дѣйствительно самъ г. Генслеръ видимо недоумѣвалъ, какъ закончить свой литературный винигретъ; думалъ, думалъ, да и рѣшился перервать его сразу—и дѣлу конецъ. Въ разсказѣ дѣло шло объ обученіи одного мальчика грамотѣ; только въ самомъ разгарѣ обученія, авторъ поставилъ точку и нарисовалъ какую-то дико-фантастическую картину. гдѣ «трепетно мерцающія звѣзды разсыпаны по небу, какъ золотыя блески на одеждахъ древнихъ государей, и весь ярко-голубой покровъ, унизанный ими, представляется какою-то ризою, раскинутою надъ міромъ...»

«Иду лѣсомъ... Точно цари въ своихъ порфирахъ покинули елмы свои жилища и собрались для совѣщанія о грядущихъ судьбахъ людей,—стоятъ сосны и ели и, кажется, что-то *выщипать*, простирая перистыя вѣтви и таинственно шелестя игольстыми вершинками...

А тамъ дальше.. цѣлые народы, кажется, *воскресли изъ минувшихъ временъ*... Они какъ будто движутся... Окрестъ *прозрачная мила и гробовое молчаніе*... и проч. (стр. 228.)

Потомъ откуда-то появляется тройка съ ямщикомъ, который *«всею себя вперъ въ свои голубыя очи и съплъ глазами синюю даль»* (229). Эта тройка съ своимъ удивительнымъ ямщикомъ куда-то уѣзжаетъ, и авторъ очень ужъ беззапѣнчиво договариваетъ: «Однакожь мнѣ пора домой, господа... Прощайте, до свиданья, до будущей весны, до ландышей...» и дѣлу конецъ. Что хотѣлъ сказать авторъ этимъ бессмысленнымъ наборомъ трескучихъ фразъ? — неизвѣстно. Да и вообще приходится спросить: что толку изъ всей книжки г. Генслера и его безапѣльного юмора? Прочитается книжка (и то не заразъ, потому что сразу одолѣть ее утомительно)—и забудется. Оно конечно, можетъ быть читатели припомнятъ при случаѣ похождения кота Васиканчика или, ложась спать, посмѣются надъ размышленіями блохи и клопа, — но и только. Гофманъ, Фогтъ, и многіе другіе писатели, а у насъ Крыловъ, вводили въ беллетристику животныхъ и заставляли ихъ говорить и дѣйствовать, но они употребляли эти приемы съ глубокою, поучительною цѣлью, и подъ видомъ животныхъ у нихъ всегда разумѣлось нѣчто или нѣкто, а если г. Генслеръ написалъ свою мистификацію съ единственною цѣлью посмѣшить публику, какъ то дѣлалъ покойный Весельчагъ съ

ратію, то это мало говорить въ его пользу. Назначеніе балметристички гораздо важнѣе, чѣмъ думаетъ г. Генслеръ: она читается нашею публикою *преимущественно* и находитъ читателей даже въ самыхъ далекихъ отъ свѣта уголкахъ общества, а потому надо пользоваться этимъ вниманіемъ публики, чтобы, въ легкой формѣ разсказа, сообщать ей мѣтче посерьезнѣе, а не безцѣльные разсужденія потовъ и крысъ.

Гаванскіе «чиновники» заданы теперь со многими дополненіями и вставками, навѣкъ прежде не было, но только эти вставки въ большинствѣ случаевъ такъ нелѣпы и бессмысленны, что было бы лучше для г. Генслера, если бы онъ обошелся безъ нихъ; а то они слишкомъ не рекомендуютъ автора со стороны умственныхъ способностей. Напримѣръ, какъ вамъ нравится слѣдующая вставка о каземъ-то Левѣ Логиновичѣ:

«Левъ Логиновичъ на одномъ официальномъ обѣдѣ серьезно одному генералу разсказывалъ замѣчательную исторію свою о томъ, какъ ему Богъ пособилъ выучить дикую ворону влетать къ нему въ форточку..»

— Я, ваше превосходительство, началъ Левъ Логиновичъ, произнося съ бурятско-малайскимъ акцентомъ, я ваше превосходительство, такъ приучилъ нѣкоторую дикую ворону, что она влетала въ комнату и садилась на самомъ близкомъ отъ меня разстояніи: она, ваше превосходительство, любила меня, можно сказать, какъ родного своего сына и однажды даже денегъ мнѣ въ долгъ предлагала, не требуя, ваше превосходительство, отъ меня никакой росписки. Этого, ваше превосходительство, не сдѣлаетъ нынче даже искренній вашъ другъ.

Генералъ (съ улыбкою). Значитъ, она могла объясняться? ..

Л. Л. (не слушая). Ваше превосходительство, нынче найдешь больше чести и правды у простой вороны...

Генералъ (съ тою же улыбкою). Гдѣ же она могла достать де негъ?

Л. Л. Собственнымъ, ваше превосходительство, сбѣраженіемъ. Вамъ, ваше превосходительство, известно, что вороны, сороки и мыши любить таскать къ себѣ въ гнѣзда серебро и всякія другія металлическія вещи; иногда даже похищаютъ часы изъ кармана...

Генералъ (съ тою же улыбкою). Да вѣдь надо всякія вещи, хотя бы и серебряныя, сперва вымѣнять на деньги, — какъ же она это дѣлала?

Л. Л. Сама, ваше превосходительство, топиза и чеканила; ужъ я сколько ее ругалъ, что за это можно нажать большія неприятели...

Генералъ (хохочет). Значитъ, какъ я давеча спросилъ, она умѣла говорить?

Л. Л. Какъ же, ваше превосходительство, далеко даже лучше меня... и т. д. (стр. 19—20).

Дальше силъ нѣтъ выписывать эту чепуху, которая тянется на нѣсколькихъ страницахъ. Съ этой чепухой можетъ сравниться только другая вставка глн «дополненіе» о Сампсонѣ, появившемся въ гавани (стр. 30-32) Третья, длиннѣйшая вставка, занимающая почти что цѣлый листъ печатный (стр. 136—148), состоитъ изъ свучнѣйшаго разсказа о томъ, какъ блохи кусаютъ мужчинъ и женщинъ, разсказа, переполненнаго разными циничными подробностями. Навязность г. Генслера въ этихъ «дополненіяхъ» изумительная; напримеръ, вставивъ въ одною мѣстѣ фразу—«Verrfluchte Ketter! Kim keinerr nah!...—онъ дѣлаетъ выноску такого рода: «прознесите: Verrchfluchte Kcherrle! Kchim Kcheinerr nah... Маврикій Осиповичъ, который однажды сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ мой слогъ неровнымъ, можетъ и это прозношеніе нѣмецкихъ словъ признаетъ неловкимъ.» Но скажите, пожалуйста, какое дѣло читающей публикѣ до личныхъ объясненій автора съ Маврикіемъ Осиповичемъ? Да и кто это такой Маврикій Осиповичъ, о которомъ въ книгѣ г. Генслера даже куры разсуждаютъ (стр. 18)? Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно понять, что тутъ дѣло идетъ о книгопродавцѣ М. О. Вольфѣ, но опять-таки, кому какое дѣло до отношенія автора къ этому книгопродавцу?

Другой разсказъ, помѣщенный въ книгѣ г. Генслера, «Куллерберъ» — несравненно слабѣе перваго, хотя авторъ и смитсся описать въ немъ какое-то любовное похождение. Почти половина разсказа писана убійственно-ломанымъ русскимъ языкомъ, въ перемежку съ нѣмецкими фразами, потому что авторъ хотѣлъ посмѣяться надъ русскимъ прозношеніемъ петербургскихъ нѣмцевъ и тѣмъ конечно позабавить и читателей. Но, не знаю, какой читатель будетъ въ состояніи смѣяться надъ такими разговорами:

— Гдѣ мой тузъ?

— Какая тузъ? — спросялъ съ немолчимымъ хладнокровіемъ кузнечный мастеръ.

— Пубнова! — глухо отвѣчалъ Федерле

— Пубнова? вотъ она!..

Якобсонъ показалъ карту.

— Какъ она у васъ? Онъ булъ у миизъ?

- Ахъ, такъ она вѣрна сѣждала.
- Сапердогъ! теберча я пропааь. А я думаль...
- Думайтъ только старшина фъ ремеслена убрава... и проч.»

Или :

„— Аннь Иванна, Аташь Атамычь! самъчайтъ. Федерле играйтъ уфъ бубна; я съ этимъ трефъ будеть жигайтъ ево, какъ съ калѣна шельза. Тавай кóсиръ! Спаль ништево не качу!“ и т. п.

Лучше было бы, еслибъ г. Генслеръ писалъ свой Куллербергъ коли не на русскомъ, то ужь на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, а то такую беллеттуру читать не возможно.

Вообще г. Генслеръ представляетъ собою явленіе странное въ нашей литературѣ, и въ то же время явленіе очень понятное послѣ того, что мы говорили о нашихъ беллетристахъ въ началѣ статьи. Онъ выступилъ въ литературу очень удачно; доказалъ, что у него есть талантъ, который при послѣдующемъ развитіи могъ создать нѣчто капитальное,—и публика смотрѣла на г. Генслера съ надеждой. Но вотъ явился «Куллербергъ»,—и большинство читателей разочаровалось въ талантѣ г. Генслера, а его «Биографію кота Василья Ивановича» могли дочитать до конца уже очень немногіе, потому что въ этой біографіи столько скучныхъ разсужденій — съ жалкими претензіями на юморъ, столько путаницы, что читатель совершенно не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло и кто разсуждаетъ: авторъ или котъ? Послѣ того г. Генслеръ помѣстилъ небольшой и безцвѣтный разсказецъ, кажется, въ Иллюстраціи, и наконецъ въ послѣдней апрѣльской и майской книжкѣ Библіотеки для Чтенія, въ видѣ дополненія къ «гаваньскимъ чиновникамъ» онъ напечаталъ статейку подъ нелѣпнымъ названіемъ: «Здѣсь близко, или коротенькая шулка въ длинномъ разсказѣ». Въ этой статейкѣ на нѣсколькихъ страницахъ описывается разговоръ автора *съ своею нянькой*, въ которомъ нянька начала—было рассказывать ему, какъ она разстроила одну гаваньскую свадьбу,—но не договорила, потому что автора потребовалъ къ себѣ *полковой командиръ*. Теперь ужь, кажется, больше нечего ждать отъ г. Генслера; даже удивительно, какъ онъ рѣшился печатать свой послѣдній разсказъ, въ которомъ слишкомъ ярко просвѣчиваетъ его внутренняя пустота и невѣжество, доходящее до наивности.

И. Б.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

Въ іюньской книжкѣ, за вышній годъ, издаваемаго вами журнала авторъ статьи подъ заглавіемъ: «Дневникъ темнаго человѣка», обсуждая одинъ изъ фельетоновъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Голосъ», обратился лично ко мнѣ съ слѣдующими словами: «обо всемъ этомъ что скажете вы, г. Альбертини, — вы, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Голоса»? Безъ шутокъ очень интересно знать, какъ вы относитесь къ дѣяніямъ вашихъ со товарищей по газетѣ? Какъ дышите вы въ такомъ обществѣ?»

Въ той же книжкѣ «Русскаго Слова», въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Перлы и алмазы русской журналистики», авторъ, заговоривъ о «Голосѣ», даетъ совѣтъ г. редактору - издателю этой газеты, и за тѣмъ также обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «а вы, г. Альбертини, что думаете на счетъ этого совѣта?»

Вопросы, обращенные прямо и лично ко мнѣ въ подобной формѣ, я не могу оставить безъ отвѣта. Постараюсь, какъ могу, удовлетворить любопытству вашихъ сотрудниковъ, предоставляя вамъ сдѣлать изъ настоящаго письма употребленіе какое найдете нужнымъ. Вы можете ограничить предѣлы извѣстности этого письма двумя литераторами, которые интересуются моими мнѣніями; можете придать ему и большую извѣстность напечатаніемъ его въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, если найдете это почему нибудь нужнымъ и возможнымъ. Я конечно, думаю, что

читатели вашего журнала ничего не потеряют, если лишатся удовольствия узнать, какого я мнѣнія о дѣяніяхъ нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ «Голоса» Но вы, какъ хозяинъ своего журнала, лучше всѣхъ знающій потребности его читателей, можете быть противоположнаго мнѣнія. Поэтому, поручая судьбу настоящаго письма вашему благоусмотрѣнію, заявляю, что, какъ бы вы ни поступили съ нимъ, я претендовать не буду.

Вашъ сотрудникъ ошибся немного, назвавъ меня *однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ* «Голоса». Дѣйствительно, я сотрудникъ «Голоса», дѣйствительно, принимаю въ немъ постоянное участіе съ половины прошлаго 1863 года: но ничто не уполномочиваетъ меня считать себя *однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ* этой газеты: мое имя, какъ участника, никогда не было объявлено въ «Голосѣ»; моя подпись никогда не являлась ни подъ одною статьею этой газеты. Это обстоятельство само по себѣ вполне слагаетъ съ меня, въ глазахъ публики, *всякую* отвѣтственность за то, что печатается въ «Голосѣ», не освобождая меня, конечно, отъ нравственной отвѣтственности предъ самими собою за то единственно, что выходитъ отъ меня лично.

По всей вѣроятности, сотрудники ваши, предлагая мнѣ вышеприведенные вопросы, руководствовались предположеніемъ, будто бы я вполне солидаренъ съ «Голосомъ», и вслѣдствіе того несу на себѣ нѣкотораго рода отвѣтственность за все, что печатается въ этой газетѣ. Пользуюсь этимъ случаемъ для удостовѣренія вашего, милостивый государь, и вашихъ сотрудниковъ, что этой солидарности вовсе не существуетъ и что отвѣтственность и предъ закономъ, и предъ публикою, и предъ своею совѣстью за все, что печатается въ «Голосѣ», несетъ на себѣ исключительно и безраздѣльно г. редакторъ-издатель этой газеты. Что касается моего отношенія къ «Голосу», то чувство отвѣтственности за направленіе, тонъ и за здравый смыслъ статей, печатаемыхъ въ этой газетѣ и непринлежащихъ мнѣ лично или некасающихся моего отдѣла, чрезвычайно слабо во мнѣ, слабо до того, что я почти вовсе не интересуюсь тѣмъ, что печатается въ другихъ отдѣлахъ, и проглядываю ихъ весьма рѣдко, именно въ тѣхъ только случаяхъ, когда напечатанная статья почему-нибудь заинтересуетъ меня, какъ обыкновеннаго читателя. Иного интереса къ статьямъ другихъ сотрудниковъ, печатающихся въ «Голосѣ», вы согласитесь, имѣть мнѣ не къ чему: на мнѣ лично не лежить за нихъ никакой отвѣтственности, да кромя того и мнѣніе мое о нихъ до сихъ поръ никому не было нужно.

Отвѣтственность, но и то единственно предъ своею совѣстью, я могу брать на себя только за то, что выходить отъ меня лично. Моя дѣятельность въ «Голосѣ» сосредоточена исключительно на иностранной политикѣ, хотя и въ этой сферѣ я далеко не единственный участникъ. Такимъ образомъ, въ сущности я знаю только то, что отъ меня лично выходить, только за это могу принять на себя отвѣтственность, и если бы кто-нибудь, когда-нибудь, нашелъ въ томъ, что мною написано, что-нибудь скверное и доказалъ мнѣ, что это скверно, то только въ этомъ случаѣ я долженъ бы былъ сказать: «согрѣшилъ, виноватъ.» На все остальное я смотрю съ спокойною совѣстью, убѣжденный, что тамъ меня не требуется и что тамъ я ничего не могу.

Литераторъ, предложившій мнѣ вопросъ, обнаруживаетъ настойчивое желаніе знать, какого я мнѣнія о *дьяніяхъ*, какъ онъ выражается, одного изъ моихъ сотоварищей по «Голосу». Сказанное выше о моихъ отношеніяхъ къ «Голосу» показываетъ, что, какого бы я ни былъ мнѣнія о своихъ товарищахъ, это ни для кого неважно, ни для «Голоса», ни для его редактора, ни для его сотрудниковъ. На этомъ основаніи, не опасаясь подвергнуться какому-либо упреку, я могъ бы уклониться отъ отвѣта на весьма щекотливый вопросъ. Но соображая далѣе, что мое личное мнѣніе никого въ мірѣ, кромѣ самого меня, ни къ чему не обязываетъ, я готовъ продолжать бесѣду съ вашими, милостивый государь, сотрудниками и на счетъ этого пункта. Я, не колеблясь, утверждаю, что нѣкоторыя изъ вещей, вышедшихъ изъ пера одного изъ моихъ сотоварищей по «Голосу» и недавно напечатанныхъ въ этой газетѣ, я,—не смотря на все мое желаніе позабыть о нихъ,—хорошо помню до сихъ поръ, потому единственно, что онѣ возмутили меня своимъ грубымъ цинизмомъ. Считаю нужнымъ объяснить причину. Въ одной изъ этихъ статей, хорошо памятныхъ мнѣ и обратившихъ на себя вниманіе «Русскаго Слова», помѣщено было вѣдѣтельство надъ фамиліями нѣкоторыхъ литераторовъ. Этого до сихъ поръ я не могу переварить: я признаю это дѣломъ крайне непохвальною; вижу въ этомъ доказательство, что автору неизвестны нѣкоторыя добрые обычаи, сами собою утвердившіеся въ русской литературѣ и къ чести русскихъ литераторовъ до сихъ поръ не нарушавшіеся. Фамиліи еще не были у насъ осмѣиваемы. Границы своего смѣха, по правдѣ сказать, мы простирали довольно далеко; но — по крайней мѣрѣ въ такого мнѣнія—смѣхъ нашъ и наши обличенія имѣли смыслъ. Они обращались на такіа стороны человеческого существа,

которыя болѣе или менѣе зависятъ отъ нашей воли и вслѣдствіе этого болѣе или менѣе подлежатъ произвольному улучшенію. Но скажите, прошу васъ, какой смыслъ можетъ имѣть глумленіе, издѣвательство надъ фамиліею, которую получилъ человѣкъ въ ту минуту, когда выходилъ изъ утробы материнской. Глумленіе надъ фамиліею можетъ быть одобрено только людьми, или слишкомъ неразборчивыми на средства, когда задѣто ихъ лиллипутское самолюбіе, или — что, кажется, бываетъ чаще — людьми, привыкшими по первомъ словѣ поминать родню: въ печати это не дозволяется, а поглумиться надъ фамиліею — отчего же? можно.

Этихъ словъ, полагаю, достаточно для удостовѣренія литераторовъ, обратившихся ко мнѣ съ вопросомъ въ вашемъ журналѣ, что относительно одного пункта я схожусь съ ними во мнѣніи. Что же касается вопроса, о томъ какъ, я дышу, то могу отвѣтить имъ, что въ моей собственной области, въ моей собственной квартирѣ, я дышу совершенно здорово и весьма свободно. Мы всѣ находимся въ такомъ положеніи, что принуждены занимать квартиры въ чужихъ домахъ. Мало ли что можетъ происходить у васъ за стѣною или въ подвальномъ этажѣ того дома, гдѣ вы живете? Неужели же вы постоянно будете возмущаться тѣмъ, что тамъ дѣлается? Вамъ, конечно, можетъ быть непріятно, когда *о бохъ съ вами*, за стѣною, раздаются неприличные крики, бессмысленный гамъ, когда *внизу подъ вами* — заведеніе «навыносъ», гдѣ производятся всевозможныя безчинства; но вѣдь часто вы принуждены это терпѣть, хотя бы потому, что очень трудно теперь найти домъ, гдѣ бы не было *навыносъ*. Что касается вліянія сосѣдства на процессъ дышанія, то, по моему убѣжденію, отъ непріятнаго сосѣдства могутъ страдать только уши, не болѣе; атмосфера же, которою мы дышимъ въ своей собственной квартирѣ, зависитъ прежде всего и болѣе всего отъ нашей собственной любви къ чистотѣ и опрятности.

Въ заключеніе позволю себѣ обратиться съ пожеланіемъ къ литератору, заботящемуся о томъ, чтобъ я не задохнулся. Желаю отъ всей души, чтобъ въ теченіе всей своей писательской дѣятельности онъ жилъ въ здоровой и ароматной атмосферѣ; про себя же могу сказать, что лучший попечитель о благосостояніи своихъ легкихъ — а самъ, нижеподписавшійся.

Съ истиннымъ уваженіемъ и пр.

Н. Альбертина.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

АНГЛІЯ. Вліяніе дѣйствіе пораженій, испытанныхъ Англіею на политическомъ поприщѣ, на ея внѣшнюю политику и внутреннюю конституцію. — Появленіе партіи *будущности* въ нѣдрахъ англійскаго народа. — Банкетъ короля коро. — Движеніе торговли Великобританіи въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ 1864 года. — ГЕРМАНІЯ. Бонапартистская политика государственнаго переворота, передѣланная на прусскій ладъ. — Всеобщая мистификація. — Рендсбургское дѣло. — Протесты противъ Пруссіи. — ФРАНЦІЯ. Подѣтка января. — Видны на приобретеніе рейнскихъ земель. — Устройство Ашмюра. — Процессъ тринадцати. — ИТАЛІЯ. Судъ надъ господиномъ Бастоджи. — Предполагаемое нападеніе на Венецію. — Крестовый походъ въ Римъ противъ французскихъ вѣвѣсокъ. — БЕЛЬГІЯ. Избирательная борьба. — МЕКСИКА. Затруднительное положеніе новаго мексиканскаго императора. — СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Грабительскіе набѣги сепаратистскихъ войскъ на Мэрилендъ и Пенсильванію. — Опасность, угрожающая столицѣ южной конфедераціи. — Пораженіе сепаратистовъ при Атлантѣ. — Планъ ихъ лишить Линкольна популярности. — Сравненіе федеральныхъ штатовъ съ клячными въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Послѣ пораженія, нанесеннаго Англіи нѣмцами, такъ называемое европейское равновѣсіе кажется поколебавшимся. Корабль Альбіона, который прежде съ такою гордостью разсѣкалъ волны морскія, теперь вѣхалъ килемъ своимъ на песчаную мель. «Не безпокойтесь», говорятъ одни: — «это не бѣда; погодите, будетъ приливъ и чрезъ

нѣсколько часовъ самъ океанъ явится на помощь судну, которое снова поплыветъ горделивѣе, чѣмъ когда либо.» — «Нѣтъ, все кончено!» говорятъ другіе; «корабль погибъ; онъ ударился о подводный камень; уже въ немъ образовалась течь, онъ все болѣе и болѣе наполняется водою и вскорѣ пойдетъ ко дну!» Одни, преувеличивая важность послѣднихъ событій, думаютъ, что Великобританія, переставъ быть могущественнымъ государствомъ въ мірѣ, теперь едва можетъ стоять на ряду съ великими европейскими державами и вскорѣ сравнится съ второстепенными. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что неудача, испытанная нѣсколькими министрами, не составляетъ поражения для Англии. «Страна эта такъ богата, такъ промышленна», говорятъ они, «и въ особенности такъ либеральна и такъ строго-конституціонна, что не можетъ погибнуть, и что малые прусскіе или австрійскіе реакціонеры не въ состояніи нанести ей серьезнаго удара. Что за бѣда, что г. Бисмаркъ надѣлалъ непріятностей лорду Пальмерстону?! Англія все-таки остается владѣтельницею Индіи и повелительницею двухъ сотъ двадцати милліоновъ людей!»

Чтобы разъяснить этотъ чрезвычайно важный вопросъ, разберемъ его съ матеріальной и нравственной стороны и, рассмотрѣвъ англійскую политику, скажемъ нѣсколько словъ о знаменитой британской конституціи.

Англія была, есть и будетъ по преимуществу морская держава. Это—корабль, какъ всѣмъ извѣстно; это—пловучая фабрика, гдѣ рабочими служатъ матросы, которые, развернувъ свои бумажныя издѣлія, переходятъ отъ одного берега къ другому продавать свой товаръ. Этимъ путемъ величіе Англии возросло, возрастаетъ и будетъ возрастать наравнѣ съ мануфактурною и торговою промышленностью. Конечно, мы здѣсь говоримъ о величіи абсолютномъ, а не относительномъ: извѣстно, что еслибъ Англія была единственною промышленною страпою въ мірѣ, то она завладѣла бы всѣми тѣми выгодами, которыя теперь она принуждена раздѣлять съ конкурентами, все болѣе и болѣе увеличивающимися въ числѣ. Монополія столько же пагубна для самого эксплуататора, какъ и для его жертвы. Эту истину, обыкновенно находящуюся въ пренебреженіи у нашего гордаго и корыстолюбиваго поволенія, кажется, нѣтъ надобности объяснять читателямъ нашего обозрѣнія, которые, подобно намъ, принимаютъ принципъ всеобщей солидарности, и понимаютъ, что на-

родъ, такъ же, какъ и стѣбльное лице, только тогда можетъ быть счастливъ, когда вѣстѣ съ нимъ богатѣютъ и благоденствуютъ другіе. Вотъ что и сегодѣнь вужныиъ замѣтить относительно политико-экономической стороны этого вопроса.

Что касается до грубой матеріальной силы, этой *ultima ratio* всѣхъ злыхъ людей и — надо сказать правду— всѣхъ вообще государствъ, основанныхъ на завоеваніи, то Англія падаетъ и будетъ падать, по иѣрѣ паденія ея военнаго флота; судьба ея въ этомъ отношеніи подобна судьбѣ трехпалубнаго корабля.

Недавно еще интересы торговаго флота признавались маловажными въ сравненіи съ интересами военнаго. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, люди, считавшіеся компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, повторяли намъ, какъ политическую аксіому, что торговый флотъ необходимъ для того, чтобы служить расадникомъ для военнаго. Теперь, напротивъ, говорятъ, что военный флотъ нуженъ исключительно для болѣе дѣйствительной защиты торговаго. Сами пруссаки, заботящіеся о заведеніи военныхъ кораблей, увѣряютъ, что дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ единственно въ интересахъ своей торговли. Дѣйствительно, это — фактъ, неподлежащій сомнѣнію, что военный флотъ теперь далеко не имѣетъ того обаятельнаго значенія, какъ прежде. Въ былое время, когда флотъ былъ тѣмъ-то особеннымъ, единственною машиною, которую, какъ говорили тогда, невозможно импровизировать, — въ это благодатное время Англія навязала міру морской кодексъ, исключительно имѣвшій въ виду выгоду военныхъ кораблей и клонившійся ко вреду купеческихъ. Эту пагубную систему, которою она дорожила, какъ побѣдами при Трафальгарѣ и Абувирѣ, Великобританія съ неизмовѣрною ненавистью поддерживала противъ юной своей соперницы, республики Соединенныхъ Штатовъ. Она истребила ихъ торговлю корсарскими судами, построенными въ Ливерпулѣ и которыя она окрестила названіемъ корсарскихъ кораблей южной конфедераціи.

Съ тѣхъ поръ, какъ суда строятся изъ желѣза, или покрываются желѣзною броней, и въ своемъ ходу не зависятъ болѣе отъ вѣтровъ и парусовъ, но отъ маленькаго винта, спрятаннаго подъ кормою; съ тѣхъ поръ, какъ матросовъ замѣнили истопники, и какъ морское сраженіе превратилось въ поединокъ между двумя пушками огромнаго калибра, съ этихъ самыхъ поръ всякое государство, и даже частное лице можетъ, при помощи денегъ, въ продолженіи

трехъ мѣсяцевъ пріобрѣсти значеніе страшной морской державы. Нѣтъ даже надежности для этого имѣть какой нибудь портъ или хоть маленькую бухту. Ничто не помѣшало бы теперь Андоррской республикѣ, расположенной на высокой вершинѣ Пиренеевъ, объявить немедленно войну Пруссіи, все еще не остававшейся мечты сдѣлаться морскою державою. По англійской теоріи, весьма ниле развитой Тайлсомъ и знаменитыми юристами Великобританіи, андоррцамъ стоило бы только купить у господъ Армана, Денига, Робсона или Ландсея готовые корсарскія суда, или заказать таковыя, но своимъ усмотрѣніемъ, на законѣ нибудь большомъ заводѣ, и въ назначенный день къ ихъ услугамъ былъ бы корабль, совершенно вооруженный, съ пушками, бомбами, abordажными крыками, экипажемъ и искуснымъ капитаномъ. За десять милліоновъ франковъ можно купить четыре такихъ судна. Такова ихъ цѣна теперь на веряхъ Клайда и Марси. Какъ же! Развѣ г. Бравэ, кандидатъ французскаго правительства на выборахъ гардскаго департамента, не задумалъ купить два корсарскія судна, шестрострѣнныхъ въ Бордо господами Арманомъ и консортами? Кто бы могъ помѣшати англофабу, маркизу де-Бюасси, поступить такимъ же образомъ? Потому оба они, и немскій депутатъ, и господинъ сенаторъ, могли бы поднять: одинъ изъ нихъ — олагъ Апантовъ, а другою — олагъ Маорисовъ (благо, съ обоими этими народами Англія теперь находится въ столкновени). Подъ прикрытіемъ этихъ олаговъ, обоимъ этимъ господамъ весьма удобно было бы нападать на англійскія купеческія суда и, по блистательному примѣру Алабамы, грабить ихъ, жечь и топить среди моря! Одна Алабама разрушила шестьдесятъ пять кораблей, и шести стамъ пятидесяти или даже въ десятеро болѣе судамъ воспрепятствовала выѣхать изъ портовъ. Такимъ образомъ эти два господина въ состояніи заставить трепетать всѣхъ торговцевъ Великобританіи и возмутить противъ себя цѣлую націю, возбудивъ въ ней ярость и безсильный гнѣвъ.

Такія предположенія вовсе не преувеличены. Лордъ Джонъ Россель приводитъ ихъ въ послѣдней своей длинной рѣчи, произнесенной въ палатѣ перовъ, приводитъ, какъ неопровержимое доказательство того мнѣнія, что Англія не должна вмѣшиваться въ войну. Уже Пруссія, да, самая Пруссія, которая до сихъ поръ имѣетъ только нѣсколько лодокъ и нѣсколько жалкихъ шлюбокъ, хвасталась тѣмъ, что намѣрена заказать въ Соединенныхъ Штатахъ корсарскій флотъ, для того, чтобы имѣть возможность объявить войну не Великобри-

таніи, но съ торговлѣ, что политико-морально менѣе опасно и несравненно болѣе выгодно.

Дѣло въ томъ, что успѣхи, совершаемые въ наукахъ и искусствахъ, стремятся къ уничтоженію всякаго чисто случайнаго преобладанія однихъ людей надъ другими. Чѣмъ болѣе человѣкъ въ этомъ отношеніи идетъ впередъ, тѣмъ могущественнѣе онъ становится, въ качествѣ отдѣльнаго человѣка: матерія подчиняется ему все болѣе и болѣе и онъ все болѣе и болѣе дѣлается отъ нея независимымъ. Однимъ изъ послѣдствій этого явленія должно быть то, что вліяніе политическихъ обществъ со временемъ будетъ все болѣе и болѣе ссоразмѣряться съ числомъ ихъ жителей. Англія съ своими тридцатью милліонами жителей должна будетъ въ этомъ отношеніи уступить государству, имѣющему шестьдесятъ милліоновъ, подобно, Германіи. Но эти разсужденія относятся къ области отвлеченныхъ умозрѣній, и осуществленіе ихъ принадлежитъ будущности. Возвратимся къ современной дѣйствительности.

Мы показали, что военный флотъ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе въ сравненіи съ флотомъ торговымъ, что оружіе преклоняется передъ торговлею и что линейные корабли, доставлявшіе Англіи преобладаніе надъ другими государствами, теперь не обезпечиваютъ болѣе за нею всемірнаго господства. Такимъ образомъ знаменитый стихъ Дельера «Le trident de Neptune est le sceptre du monde» *)—перестаетъ быть истинной.

Чтобы замаскировать передъ свѣтомъ свое униженіе, временное или постоянное, Англія наружнымъ образомъ обратилась къ политикѣ манчестерской школы. Подобно тому, какъ, въ баснѣ, старая лисица, оставившая свой хвостъ въ западнѣ, увѣрила, что ей пріятно быть освобожденною отъ такого обременительнаго украшенія, наши сосѣди вдругъ стали изъвивать восторженную привязанность къ политикѣ невмѣшательства. Правда, они еще пока находятъ удовольствіе вмѣшиваться въ дѣла Китая, Японіи, Индіи, Бразиліи, Перу, Ашантовъ и Маорисовъ; но за то они признаютъ преступнымъ вмѣшиваться въ дѣла Пруссіи или Австріи въ пользу Италіи или Даніи.

Господинъ Кобденъ въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ болѣе послѣдователенъ. «Такъ какъ Англія, говоритъ онъ,—сознаетъ

*) Трезубецъ Нептуна—скипетръ міра.

свое безсиліе на совѣтахъ европейскихъ державъ; такъ какъ на ея протесты не обращаютъ вниманія, а на ея угрозы отвѣчаютъ насмѣшками и оскорбленіями, — то нашему отечеству для сохраненія своего достоинства, остается одно: отвѣтаться навсегда отъ жестокостей наступательной войны. Укрѣпляйте свои берега, на сколько вы сочтете это нужнымъ; но оставайтесь спокойно у себя дома. Не принимайте болѣе поведительнаго тона въ отношеніи къ другимъ народамъ. Такъ какъ вы боитесь оружія сильныхъ, то не угрожайте болѣе слабымъ своими пушками и бомбардами. Откажитесь отъ такъ называемой *внѣшней политики*. Пусть ваши посланники при иностранныхъ дворахъ на самомъ дѣлѣ будутъ не болѣе, какъ уполномоченными въ дѣлахъ, касающихся Великобританіи, какъ люди, обязанные поддерживать мирныя сношенія ея съ другими державами!»

Это предложеніе возбудило ропотъ; а между тѣмъ оно основано на теоріи логической, справедливой и даже исполненной великодушія, хотя и имѣетъ видъ пристрастія. Оно предполагаетъ абсолютную вѣру въ доктрину торжества праваго дѣла, по которой справедливость признается самою могущественнѣйшею изъ силъ.

И вотъ является Таймсъ, недавно поносившій и оклеветавшій Кобдена. Онъ принимаетъ идеи великаго агитатора, но по своему. Какъ обыкновенно, онъ и въ этомъ случаѣ мало заботится о мнѣніи людей деликатныхъ, а напротивъ обращается къ людямъ, составляющимъ толпу. Съ тономъ нахала, на сторонѣ котораго здравый смыслъ, и съ видомъ эгоизма, еще болѣе грубаго, чѣмъ тотъ, какимъ надѣлилъ его Юпитеръ, отецъ боговъ и людей, — журналъ этотъ читаетъ своимъ согражданамъ нѣчто въ родѣ *нравственнаго наставленія*, какъ говорится въ этой странѣ кровавыхъ бифтексовъ и ростбифовъ. «Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ онъ, какъ облако внезапно омрачило столь ясное чело представителя отважной политики (т. е. чело лорда Пальмерстона), съ этихъ самыхъ поръ мы вступили въ новую эру». — «Мы должны,» говоритъ онъ въ цѣломъ рядѣ статей, «мы должны безмолвствовать при видѣ подлостей, которыя совершаются виѣ нашихъ предѣловъ; мы должны спокойно смотрѣть на Данію, разбиваемую врагами, такъ какъ одинъ великій моралистъ сказалъ, что видѣ добродѣтели, находящейся въ борьбѣ со зломъ, есть зрѣлище, достойное безсмертныхъ боговъ. Мало того, мы должны оставить всякое попеченіе объ уничтоженіи невольни-

чества; мы должны съ спокойнымъ, яснымъ взоромъ слѣдить за всѣми ужасами торговли неграми, которую, впрочемъ, наши крейсера у береговъ Африки не только не въ состояніи остановить, но даже дѣлаютъ еще болѣе жестокою, чѣмъ она была прежде.»

Къ несчастію, Таймсъ, рекомендуя Англіи быть нейтральною на западѣ, въ то же время совѣтуетъ ей продолжать на востокѣ свою воинственную политику. «Въ этомъ поведеніи», замѣчаетъ Spectator, — «одно только кажущееся противорѣчіе. Та самая политика, которая безмолвствуетъ, когда требуется отъ нея самопожертвованіе, весьма естественно играетъ роль хвастливаго храбреца, какъ скоро вѣдетъ дѣло со слабыми китайцами или съ неопытными японцами». «Ужь если отказаться отъ своего девиза *Parcere subjectis et debellare superbos* *)), то намъ остается одно: быть смиренными въ отношеніи къ гордымъ и гордыми въ отношеніи къ смиреннымъ. И г. Кобденъ, благодаря своимъ новымъ союзникамъ, убѣдился, какъ удобно англійскому эгоизму въ трехъ частяхъ свѣта принимать видъ холоднаго равнодушія, а въ четвертой — видъ дерзкаго нахальства. Обѣ эти системы находятся въ совершенномъ согласіи одна съ другою. Послѣ того, какъ мы разрушили узы, соединявшія Европу съ Америкою, и послѣ того, какъ мы презрительно и жестоко обошлись съ несчастными дикарями Африки, весьма естественно, что мы хотимъ вознаградить себя за эти подвиги въ Азіи, и что «люди, обязанные поддерживать сношенія Англіи съ другими государствами, расширяютъ наши рынки то посредствомъ внушенія страха слабымъ народамъ, то посредствомъ изъявленія раболѣпной покорности къ сильнымъ. По мѣрѣ того, какъ мы будемъ высокомерны въ отношеніи къ дикарямъ и варварамъ; по мѣрѣ того, какъ мы станемъ терять уваженіе людей равныхъ намъ, мы будемъ важничать передъ низшими.»

Итакъ, чисто эгоистическая политика Англіи ослабляетъ и унижаетъ эту страну... Но развѣ политика другихъ европейскихъ державъ не соперничаетъ съ нею въ эгоизмѣ? Развѣ при настоящихъ обстоятельствахъ, какое-бы то ни было, государство можетъ не имѣть политики эгоистической? — Вотъ вопросы, которые мы не имѣемъ времени рѣшить и которые мы только предлагаемъ желающимъ на разрѣшеніе.

*) Щадить покорныхъ и разить гордыхъ.

Изолированное положение в море, составлявшее иногда счастье Англии, становится для нея въ стратегическомъ отношеніи почти затруднительнымъ. Получивъ въ даръ отъ природы не границы, имѣющія чисто политическое значеніе и требующія охраненія, но границы ея стѣнами изъ снадь, о которыя разбиваются волны морскія, эта страна могла бы презирать гнѣвъ своихъ враговъ, не имѣя надобности для этого содержать на огромныя суммы денегъ постоянныя войска. Всамый разъ, когда сонтъ-джемеий кабинетъ хотѣлъ непосредственно вмѣшаться въ дѣла континента, онъ долженъ былъ, для пополненія своей вооруженной силы, прибѣгнуть къ союзу съ какой нибудь иностранной державой. Какъ только Франція выказывала притязаніе на какое нибудь завоеваніе, она немедленно отталкивалась съ Германіею, въ обширной территоріи которой Англіи не трудно было найти для себя союзника и нанять солдатъ за деньги. Эдмондъ Шереръ, глубокой знатокъ Англіи, говоритъ: «Ничто такъ не содѣйствовало къ прикрытію недостатка англійскаго могущества, какъ борьба, которую эта страна вела съ Франціею времяя революціи и имперіи. Предоставленная самой себѣ, Англія не въ состояніи была бы не только поразить своей соперницы, но даже ея достигнуть. Только благодаря честолюбивому увлеченію всѣхъ государствъ континента, одно за другимъ бросившихся въ объятія ея, Великобританія приобрѣла армію, которую могла противопоставить своей непріятельницѣ. За тѣмъ, такъ какъ она въ продолженіе двадцати лѣтъ была душою всѣхъ коалицій, составившихся противъ Франціи, такъ какъ она на свои деньги содержала войска всѣхъ своихъ союзниковъ и такъ какъ судьбѣ угодно было доставить одному изъ ея генераловъ окончательную побѣду надъ общимъ врагомъ, то Англіи казалась рѣшительницею судебъ Европы, и всѣ забыли, что природа назначила ее для роли болѣе скромной.» Такъ какъ Франція наконецъ отказалась отъ роли завоевательницы и, что еще важнѣе, такъ какъ идеи новаго времени нѣсколько содѣйствовали ко взаимному сближенію народовъ, которые прежде другъ друга ненавидѣли и проваливали, то Англія сама сдѣлалась болѣе либеральною и уже не можетъ вступить въ союзъ съ какою бы то ни было державою континента. Вступить въ союзъ съ Россіею? Но это ея соперница на востокъ, и это соперничество имѣетъ большое сходство съ непріязнью. — Вступить въ союзъ съ Австріею? Австрія дѣйствительно долгое время была на службѣ

Англія и теперь еще предостереженная союзница Торіевъ и возмолвилъ, а потому иудимскіи, союзница Риговъ, которыхъ симпатіи, впрочемъ, болѣе склоняются на сторону Пруссіи. Англія всегда имѣла слабость въ отношеніи къ Австріи и недавно еще, въ 1848—51 годахъ, она со всею злобою преслѣдовала Италію и Венгрію. Однакожъ, мало по малу, не смотря на Риговъ и Торіевъ, занятіе Венгріи и Венеціи сдѣлалось непопулярнымъ въ Англіи, и дружественное согласіе съ абсолютною Австріею было бы теперь дѣломъ почти невозможнымъ въ Великобританіи, этой классической странѣ парламентаризма.

Пруссія, это страна протестантская и въ то же время парламентская—по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько это допустить г. Бисмаркъ, — Пруссія, вотъ была бы постоянная союзница для Англіи. Но, не извѣстно почему, симпатіи между этими двумя государствами не слишкомъ велика. Быть можетъ, это происходитъ отъ ихъ взаимнаго антагонизма, вызваннаго ихъ врожденными недостатками. Дѣло въ томъ, что англичанинъ гордъ до щепетильности, а пруссакъ невыпосно-тщеславенъ; а извѣстно, что въ мѣрѣ нравственномъ, такъ же, какъ и въ физическомъ, два электричества одного и того же направленія взаимно другъ друга отталкиваютъ. Что еще болѣе содѣйствовало къ увеличенію этого несогласія, такъ это, по всей вѣроятности, знаменитое Ватерлооское сраженіе, выигранное, по мнѣнію каждой изъ этихъ двухъ націй, ея собственными воителями, безъ всякой посторонней помощи. Дѣйствительно, всѣмъ англичанамъ, отъ Фальмута до Инвернесса, извѣстно, что Наполеона побѣдилъ Веллингтонъ, одинъ, безъ содѣйствія пруссаковъ; съ другой стороны, въ арміи фельдмаршала Врангеля не найдется ни одного солдата, который бы не зналъ, что Наполеона побѣдилъ великій Блюхеръ, одинъ, безъ помощи англичанъ. Споръ объ этомъ важномъ историческомъ вопросѣ до сихъ поръ не конченъ. Во всякомъ случаѣ неоспоримо, что это большое сраженіе было проиграно Наполеономъ I. Эту истину Эдгаръ Кинне въ своей исторіи 1815 года доказалъ французамъ, сваливавшимъ вину попенсинаго ими пораженія на нѣкоего Нея и на нѣкоего Груша.

Въ виду бури, медленно собирающейся на сѣверѣ, все, казалось бы, должно было склонить Англію и Францію къ болѣе тѣсному взаимному союзу и къ устраненію тѣхъ взаимныхъ неудовольствій, которыя накопились вслѣдствіе вѣковой вражды. Но ненависть, господ-

ствующая между этими двумя націями, все еще весьма сильна. Слова Ватерлоо, Абукиръ и Трафальгаръ вызываютъ непріятное чувство въ сердцахъ французъ, который при этомъ немедленно начинаетъ насвистывать припѣвъ изъ оперы Карлъ VII:

«Guerre aux tyrans! jamais en France
Jamais l'Anglais ne régnera!» *)

Въ Англии, самыя забавныя мнѣнія постоянно въ ходу у святошъ обоихъ половъ и всѣхъ сословій. Въ глазахъ этихъ ханжей французы—родъ сухопарыхъ, косматыхъ обезьянъ, пожиратели жабъ, улитокъ и пауковъ, люди, исполненные цинизма, грязные, безнравственные и распутные и, къ довершенію всѣхъ ужасовъ, паписты и безбожники. «They are all atheists, sir!»

Самые знатные люди изъ Торіевъ и самые низшіе изъ черни считали ненависть къ французамъ самымъ завѣтнымъ для себя чувствомъ. Что касается Виговъ, то они несравненно менѣ ненавидятъ французскую націю. Нѣкоторые изъ ихъ министровъ, напримѣръ Фоксъ, даже покровительствовали французамъ. Еще недавно передъ самой Крымской войною, Виги устроили англо-французскій союзъ. Это однакожъ не мѣшаетъ имъ, въ качествѣ либераловъ, душевно ненавидѣть французскія идеи, называемыя по ту сторону канала революціонными и социалистическими. Поэтому они съ радостію привѣтствовали человека, который произвелъ государственный переворотъ 2-го декабря и обѣщался уничтожить социализмъ. Но они немедленно подставили ему ногу, какъ только онъ затѣялъ войну за національность и въ особенности какъ только онъ присвоилъ себѣ Савойю посредствомъ покупки... Съ этой минуты возникъ раздоръ между королемъ Пальмерстономъ и императоромъ Бонапартомъ. Пальмерстонъ тогда возобновилъ комедію 1840 года. Онъ прекратилъ связь съ французскимъ правительствомъ, и старался сдѣлать его безсильнымъ и смѣшнымъ. Въ этомъ онъ имѣлъ успѣхъ, но вдругъ онъ замѣтилъ, что его собственные маневры обращаются противъ него-же самого. Старый дипломатъ запутался въ сѣти, имъ же самимъ раскинутой сопернику его и бывшему протезе. Послѣ того онъ старался поправить свою ошибку. Исполненный гордости и самодовольствія вслѣдствіе тридцатилѣтнихъ неслыханныхъ успѣховъ, онъ всегда говорилъ громко и

*) Война тиранамъ! Никогда во Франціи англичанинъ не будетъ господствовать!

рѣшительно, предписывать, новеллировать, грозить — и вдругъ, въ одинъ прекрасный день увидѣлъ себя пораженнымъ, разбитымъ, уничтоженнымъ людьми, которыхъ онъ, быть можетъ справедливо, презиралъ отъ всей души, и противъ которыхъ однакожь онъ не смѣлъ и не могъ бороться. Наученная этимъ печальнымъ опытомъ, Англія почти униженно снова обратилась къ императору Бонапарту. Большой министерскій кризисъ въ парламентѣ имѣлъ одну только цѣль: смягчить гнѣвъ могущественнаго сосѣда. Дерби, Д'Израэли и ихъ приверженцы собственно упрекали министерство только въ томъ, что оно возбудило негодованіе великодушнаго союзника англичанъ. — «Пусть только намъ дадутъ говорить во имя Англіи,» почти такъ выражались предводители аристократической оппозиціи, — «пусть только намъ позволять быть официальными представителями нашей страны, и вы увидите, какъ мы съумѣемъ унижать себя у ногъ иностраннаго государя!» — «Нѣтъ! гордо и высокоумно отвѣчалъ главный министръ, — предоставьте это дѣло мнѣ, я его исполню еще лучше!» И Англія повѣрила ему на-слово.

Такъ какъ лезть всего вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, когда обращается къ человѣческой слабости, то министерство поспѣшило прежде всего увѣрить императора Бонапарта, что оно воспользуется первымъ случаемъ для признанія новаго владѣтеля Мексики, а потомъ согласится на предложеніе посредничества по дѣлу рабовладѣльцевъ Мариланда, какъ на первый шагъ къ вторженію англійскихъ и французскихъ войскъ въ Сѣверные Американскіе Штаты.

Такое поведеніе не вполне согласно съ честью и интересами Англіи. До чего доведетъ оно эту страну и долго-ли оно будетъ продолжаться? Этого вопроса мы не въ состояніи рѣшить. Довольно трудно уже указать на дѣйствительность какого нибудь факта, а что касается до его послѣдствій, то предвидѣть ихъ — дѣло государственныхъ людей.

Англія, быть можетъ, не поняла своего критическаго положенія и справедливаго наказанія, какое она получила за свой эгоизмъ. Подобныя истины непріятно слышать и еще непріятнѣе сознавать. Но легче было замѣтить англичанамъ, что у нихъ не достаетъ арміи. Во всякомъ случаѣ, они чувствуютъ, что имъ грозитъ опасность, вслѣдствіе паденія ихъ собственнаго преобладанія на морѣ. Поэтому англичане занимаются устройствомъ у себя оборонительной системы и, между прочимъ, обучаютъ военной службѣ

своихъ волонтеровъ, число которыхъ превышаетъ до трехъ сотъ тысячъ. — «Въ виду повеленія вознмъ союзомъ, напоминаятъ союзъ свещенный,» послужають Morning Advertiser, — «въ виду уничтоженія враждебнаго европейскаго равновѣсія и въ виду этого вліянія, даже со дня на день все болѣе и болѣе приобретаютъ сѣверныя державы, необходимо, чтобы наша нація управлялась въ военномъ дѣлѣ. Моря, всегда намъ непроходимыя, теперь не доставляютъ болѣе нашимъ берегамъ той безопасности, на которую они пользовались прежде, когда мореплаваніе зависѣло отъ вѣтра и теченія водъ. Поэтому необходимо, чтобы неприятель, который, благодаря пару, безпримѣтно можетъ высадиться на эти берега, засталъ на нихъ подвижную стѣну изъ штыковъ и встрѣчанъ былъ выстрѣлами изъ-за овалъ. Въ минуту опасности мы обратимся къ нашимъ волонтерамъ. Вимблдонское желе приготовляетъ защитниковъ для Англіи. Национальному обществу карабинеровъ мы обязаны великимъ благодѣаніемъ, котораго всю важность отечество наше постигнетъ только въ тотъ день, когда оно услышитъ ружейные выстрѣлы на нашихъ дюнахъ и когда наши волонтеры, пронаводя опустошеніе въ рядахъ неприятелей, оставятъ ихъ ходъ непобѣдимымъ оялотомъ смерти!»

Все это прекрасно, и мы готовы признать благородный патриотизмъ волонтеровъ, которые готовятся съ опасностью жизни стать между своимъ отечествомъ и неприятелемъ. Но мы должны замѣтить, конечно не къ уменьшенію ихъ достоинства, что ихъ организація, правосходная для обороны, совершенно бесполезна для наступательной войны.

Итакъ Англіи теперь запрещено дѣйствовать наступательно. Это дѣйствительно положеніе тяжкое, которое въ состояніи отравить жизнь... Какъ! но нѣтъ возможности дѣлать зло? Какъ, въ качествѣ націи быть принужденнымъ руководствоваться теоріею, по которой правая рука должна была быть связана, чтобы воспрепятствовать дѣлать зло, а лѣвая—свободна, чтобы могла творить добро... Это невыносимо, не правда-ли?

Что касается насъ, то мы не слишкомъ соболѣзнуемъ объ этой печали Англіи. Мы бы напротивъ весьма желали, чтобы всѣ государства въ этомъ отношеніи находились въ подобномъ же положеніи и по необходимости должны были жить въ мирѣ и добромъ согласіи со всѣми своими сосѣдями. Этотъ идеалъ осуществится въ какомъ нибудь изъ будущихъ поколѣній. Тогда, если какое нибудь государ-

ство идуность впасть на другое (вооруженно) ружье и таким образом нарушить всеобщий мир, то оно неизбежно усмирено будет федеральною милицією въсѣхъ союзенныхъ государствъ, на обязанности которой возможно будетъ преследовать подобныя преступленія или называть виновниковъ шельма и освобождать честныхъ людей отъ необходимости защищаться отъ нихъ.

Какъ бы то ни было, невозможность, въ какому нестанишна Англіи, действовата въ Европѣ крупной силой оружія, какъ може не кажется несчастіемъ для этой страны. Напротивъ, мы смертъ готовы смирить на эту великую злобость, какъ не доказательство истиннаго величія Великобританіи. Близость войны, гдѣ невозможность дѣлать все намъ представляется препятствіемъ въ враніи сальваро, которое теперь австрійское министерство весьма кавалерстаннымъ образомъ признаеть единственными дипломатическимъ правомъ.

Изъ всѣхъ этихъ сужденій видно, что Англія необходимо должна принять новую политикку, которая озаряетъ шла бы къ будущности по новой дорогѣ, а не влчались бы по старой, избитой желѣ. Мы сознаемъ эту необходимость и понимаемъ ея причины, но не видимъ, чтобы Англія рѣшилась образовать съ нею свои дѣйствія. Мы не стоимъ на томъ, чтобы полагаемъ, что она охотно посябитъ вступить на новую дорогу. Благоразуміе всегда приобретаеь народами дорого и весьма дорогою цѣлюю!

Англія потерпѣла поражение въ своей внѣшней политикѣ, и этотъ жестокий ударъ долженъ отразиться на ея внутренней конституціи.

Съ давнихъ поръ исторія Великобританіи представляла зрѣлище качель, на которыхъ потѣшались Виги и Торп. Да позволено намъ будетъ прибѣгнуть здѣсь къ извѣстному сравненію, которое, однакожь, идетъ къ дѣлу, какъ нельзя болѣе. Въ пустой бочкѣ, называемой *конституціею*, заключенъ англійскій народъ, или *Милліонъ*, какъ его называютъ. Эта бочка сдѣлана изъ крѣпкихъ досокъ, охваченныхъ надежными обручами, и несчастному малому, находящемуся въ ней, не представляется ни малѣйшей возможности выйдти изъ своей сырой и мрачной темницы. Бочку поворачиваютъ и катаютъ, и

несчастный упицъ встаетъ и вертится жибатъ съ мясо; онеъ уда-
ряется о стѣны то головой, то жибатомъ, то плечами, но не въ со-
стояннн ценить настроенннво своего положеннн. Поверхъ бочки поло-
жена доска, называемая *карнаментаризмакъ*. На эту доску садятся
верхомъ двѣ великнн партнн семейства «Upper Ten Thousand,»
Десяти Тысячь, какъ называютъ людей богатыхъ и жирныхъ, ко-
торые оммн пользуются свободомъ. Это эксплуататорнн прочнхъ, пред-
ставляющнхъ собою жертву эксплуатацнн. Эти счастливые десять ты-
сячь суть Внги и Торн...

— А, понимаемъ, воспламенете вы, — понимаемъ, что вы хотите
сказать: Внги находятся на одномъ концѣ качель, а Торн на дру-
гомъ, и, благодаря движеннямъ доски, положенной на бочку, Внги
поднимаются, когда опускаются Торн, и на оборотъ, Торн возвы-
шаются, когда Внги опускаются. И Внги, и Торн потъшаваются въ сласть
себѣ.

— Такъ точно. Не замѣтите, что *Миллионъ* при этомъ не потъ-
шается нисколько. И если вы позволите привести здѣсь дѣтскую
пѣсню, казущуюся весьма глупою, и которую, посреди *Миллиона*,
мамаши, сами не понимая, напѣваютъ своимъ дѣтямъ, слушающимъ
и также непонимающимъ, и если вы промѣ того позволите мнѣ
объяснить глубокой смыслъ, заключающнйся въ этой пѣснѣ, — то вы
вполнѣ постигните науку конституціонализма. Эта пѣсня — но мнѣ,
право, нѣсколько совѣстно ее читать: до того она наивна, — эта
пѣсня, вотъ она:

„Jack Sprat would eat no fat,
Bob, he would eat no lean.—
Now, was not this a pretty trick
To make the platter clean?“ *)

Эта пѣсенка, изобрѣтенная безсознательною мудростью несчаст-
наго *Миллиона*, сама по себѣ тривіальна, но въ ней заключается
трагическій смыслъ. Кто же доставляетъ куски мяса, жирные и су-
хнє, какъ не народный бытъ, толстый, тяжеловѣсный Джонъ Буль?
Блюдо, на которомъ они подаются, — это, само собою разумѣется,
конституцнн. Его ставятъ на столъ въ Вестминстерскомъ замкѣ
или на банкетѣ лорда мера. Джэкъ, не любящнй жира, — это партнн

*) Джэкъ Спретъ не хочетъ ѣсть жирный кусокъ, Бобъ не хочетъ ѣсть
сухой. Не малая ли это шутка, чтобы опорожнить блюдо?

Тери, а Бобъ, не любящій сушнякъ кусковъ,—это Жартия Виговъ. И такимъ образомъ конституція, представляемая здѣсь блюдеце, месокъ каждой ширинки остается широкъ; такимъ образомъ толстый Джебъ Буллъ пожирается въ одно и то же время и Торинни, которые яляются десятью вѣями своихъ генеалогій, что не могутъ ѣсть жиръ, и Вигами, которые уверяють честью, что не любятъ сухаго мяса... Не являи вы это сравненіе? Теперь скажу вамъ, что вы знаете объ англійской конституціи, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько профессоръ конституціоннаго права, который въ продолженіе двухъ или трехъ длинныхъ семестровъ читаетъ своимъ слушателямъ теорію своего предмета, а въ продолженіе трехъ другихъ семестровъ его практику.

Люди наивные думаютъ, что англійская конституція есть нечто дѣйствительно существующее. Отъ времени до времени въ нашихъ библіотекахъ являются посетители, требующіе отъ библіотекаря экземпляръ этой конституціи и законовъ *Минуса*. Они полагають, что эта конституція существуетъ на бумагѣ, и увѣрены, что оригиналъ ея хранится въ Вестминстерскомъ дворцѣ. У нихъ смутная идея, что это долженъ быть огромный фолиантъ, весь запыленный и почернѣвшій отъ времени, и въ которомъ находятся въ рукописи, на пергаментѣ: во-первыхъ, знаменитая *Magna Charta* съ печатями короля Иоанна и его бароновъ, потомъ органическій законъ *Nabean Corpus*, за тѣмъ *Navigations Act*, дагѣе всеобщій административный кодексъ королевства, потомъ уставъ лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ, вмѣстѣ съ уставомъ провинціального джентри, а въ заключеніе, на самомъ концѣ,—пѣсни: «*Rule Britannia*» и «*God save the King*»!

Тѣ, которые разсуждаютъ наиболѣе здраво, люди, признаваемые компетентными въ этомъ дѣлѣ, говорятъ, что конституція Великобританіи основана на двухъ главныхъ принципахъ:

1) Что никто не можетъ быть подвергнутъ подати, безъ согласія того лица, которое его представляетъ въ парламентъ.

2) Что всякій имѣеть право путемъ представительства участвовать въ составленіи законовъ, которымъ онъ долженъ повиноваться.

На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго нѣтъ. Когда дѣло идетъ о податяхъ, то все, что требуется отъ девяносто-деяти сотыхъ нація, такъ это—уплата означенныхъ податей, а когда дѣло идетъ о законахъ, то отъ означенныхъ девяносто-деяти сотыхъ населенія требуется только повиновенія этимъ законамъ.

Дѣйствительно, англійская конституція — вещь совершенно отвле-

тщана. Она много имела, какъ бессознанный договоръ, заключенный между дворянствомъ и вышедшою буржуазіею, которые тайно образумъ условились поочередно ассимилировать престолъ народа. И окончательно, что эта политическая формула далека отъ английская по происхожденію, а привнесена изъ-за границы. Англичанинъ, столь щадящій отъ природы, не смотря на свое наружное хладнокровіе; англичанинъ, столь легко увлекающійся, не смотря на своей немалый видъ; англичанинъ, находящійся шодъ вліяніемъ движущей крови и жести, подъ вліяніемъ гнива и вонюхи, которые отъ самъ называють своими animal spirits, демонами своей животной природы; англичанинъ, самъ никогда не избралъ бы этой теоріи воздержанности въ лицѣ, этой системы предоставленія жарнаго куска Бобу, а сухаго—Джону. Отъ никогда не дошелъ бы самъ до такой идеи, но онъ имѣлъ счастье или несчастье—ны не беремъ рыцаря этотъ вопросъ—получить ее готовомъ отъ Вильгельма Оранскаго, который вынужилъ ее англичанамъ, благодаря своему непоколебимому голландскому упорству. Этотъ Вильгельмъ, происшедшій отъ Вильгельма Молчаливаго, долго въ своихъ генеральныхъ штабахъ, раздвоенныхъ партіями республиканскою и аристократическою, думалъ о бюджетахъ, которые во времена гражданскихъ смутъ сопровождаютъ всякую реакцію. Одно преступленіе порождаетъ другое, одна мечь вызываетъ другую, и народъ, переходя отъ одного убійства къ другому, самъ себя истребляетъ окончательно; остается въ живыхъ одинъ только гражданинъ, и этотъ гражданинъ не есть даже палачъ, а только послѣдній изъ убійцъ. Одни говорятъ, что этотъ Вильгельмъ былъ самый дурачавый изъ честныхъ людей, а другіе, что онъ былъ самый искусный изъ лицемеровъ; наѣрное никогда этого не знали. Несомнѣнно то, что, отлучаясь злославіемъ болѣе, чѣмъ кто либо, онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ воздержанность, подобно другому голландцу, сыну адмирала Феръ-Гюлла, который говорилъ, что міръ принадлежитъ олегиматикамъ.

Мы всё читали Маколея. Мы видѣли, что нужна была глупость и даже болѣе, чѣмъ глупость, нужно было безуміе Іакова II, нужна была жестокость этого короля, послѣдовавшая за легкомысліемъ, и что нуженъ былъ непостижимый эгоизмъ распутнаго Карла II, который, въ свою очередь, явился послѣ Кромвеля, этого страшнаго палача Карла I,—мы видѣли, что все это нужно было для того, чтобы нравственно погубить Торіевъ. Доведенная до крайности, буржуазія, при содѣйствіи нашего

духобецтва, призвала къ себѣ на помощь иностранцевъ: Вильгельмъ, этотъ ловкій узурпаторъ, — вѣдь, какъ бы то ни было, онъ измѣнилъ дѣлу своихъ предковъ, — Вильгельмъ низвергнулъ съ престола своего собственнаго тестя. Потомъ онъ съ необыкновенною ловкостью и необыкновеннымъ тактомъ сталъ дѣйствовать противъ своихъ партизановъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и противъ своихъ враговъ. Онъ умѣлъ побѣждать и не слишкомъ побѣждать, а это великое искусство. Онъ восторжествовалъ надъ якобитами, соединившимися на Бойскомъ полѣ, и надъ оранжитами, собиравшимися въ совѣтахъ. Одни не могли его разбить, другіе не могли его увлечь за собою. Онъ дѣйствовалъ такъ ловко, что, якобиты, сдѣлавшись Ториями, должны были раздѣлить большое бѣдоу, называемое конституцією, съ оранжитами, которые превратились въ Виговъ; а тогда какойнибудь любитель до лапныхъ кусковъ хотѣлъ брать болѣе значенной ему доли, тогда Вильгельмъ ударялъ его по рукѣ. Наконецъ, благодаря непоколебимому терпѣнію этого короля, обѣ партіи, непріязненные одна другой, поняли, что, оставаясь врагами другъ друга по формѣ и продолжая взаимную свою борьбу за важныя должности и за портфели, они могутъ сойтись въ главномъ пунктѣ. Они воспользовались своимъ положеніемъ и стали ловко эксплуатировать низшіе слои общества и грабить несчастнаго пролетарія и крестьянина, который подъ ихъ господствомъ сдѣлался, и до настоящаго времени остался, самымъ бѣднымъ жителемъ въ мірѣ, послѣ того, какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

Послѣ Вильгельма Оранскаго Англія превратилась въ самую могущественную олигархію, какая когда-либо существовала. Во время царствованія королей изъ дома Ганноверскаго, которые всё какъ будто старались превзойти одинъ другаго въ странностяхъ и сумасбродствахъ, аристократія родовая и аристократія денежная захватили въ свои руки дѣла правленія. Такимъ образомъ, такъ называемая англійская конституція есть ничто иное, какъ господство извѣстнаго класса людей надъ всею остальною націею и даже надъ короною. Такъ называемое взаимное равновѣсіе властей заключается въ конкакаціи всей власти въ пользу одной партіи; а мнимое равновѣсіе короны, основанное на противопоставленіи палаты общинъ палатѣ лордовъ, состоитъ въ эксплуатациіи народа во имя короля или королевы и въ пользу двухъ парламентскихъ партій, при которыхъ одна представляетъ собственность недвижимую, а другая — собственность

дешевому. Этотъ союзъ посемельныхъ владѣній съ лавками никогда не былъ и не могъ быть принципомъ. Это была не болѣе, какъ весьма ловкая сдѣлка, обманувшая миллионы наивныхъ людей какъ въ Англии, такъ и на континентѣ. Подобныя сдѣлки возможны въ торговлѣ, но не въ дѣлѣ принциповъ. Торговецъ, или другой какойнибудь промышленникъ, можетъ вступать въ соглашенія съ своимъ покупателемъ или съ своимъ компаньономъ, но человекъ принциповъ не въ состояніи дѣлать уступки въ своихъ доктринахъ или вѣраваніяхъ. Негоціантъ рассчитываетъ шансы на успѣхъ своего предпріятія; онъ сравниваетъ свой долгъ съ имѣющимся у него на лицѣ капиталомъ, считаетъ свои барыши съ убытками и, какъ говорится въ торговыхъ бумагахъ, покупаетъ и продаетъ товаръ, пишетъ векселя, индоссуруетъ ихъ, или уплачиваетъ по нимъ деньги и требуетъ наложенія запрещенія на имущество своего несостоятельнаго кредитора, или соглашается на снятіе такого запрещенія, словомъ, онъ вступаетъ въ сдѣлки, заключаетъ договоры и, въ случаѣ надобности, обращается въ судъ для защиты своихъ интересовъ... На все это рѣшительно неспособенъ человекъ принциповъ. Отличаясь совершенною простотою въ своихъ сужденіяхъ и страстно привязанный къ своей идеѣ, онъ готовъ былъ бы воскликнуть: пусть лучше погибнутъ всѣ колоніи, чѣмъ одинъ принципъ!

Такъ какъ принципы абсолютны по своей натурѣ и не допускаютъ никакого компромисса, то англійская конституція, еслибъ она дѣйствительно состояла въ равновѣсіи между двумя или нѣсколькими такими принципами, давнымъ-давно перестала бы существовать. Она, напротивъ, не болѣе, какъ соглашеніе между интересами отдѣльныхъ лицъ, но этимъ интересамъ дано было названіе *принциповъ* англичанами, которые покупаютъ *инструменты философіи* и которые дѣлателей очковъ называютъ фабрикантами философскихъ инструментовъ. Эти *философы* хвалили свои *принципы* честнымъ людямъ континента, а эти честные люди повѣрили имъ на слово.

Нѣсколько разъ англійскій конституціонализмъ пытались ввести во Францію, но всегда такое предпріятіе имѣло весьма малый успѣхъ. Нѣкоторые почтенные буржуа считали эту систему превосходною, потому что она была вывезена изъ Англии и что ее хвалили, какъ социальную панацею. — Палата перовъ, контролирующая палату депутатовъ; король, дѣлающій все и въ то же время недѣлающій ничего, король царствующій, но не управляющій, и который непогрѣ-

нимъ въ своихъ мнѣнiяхъ; министръ, освобождающій королю отъ всякой отвѣтственности; податной народъ, исключительно пользующійся чрезъ своихъ представителей законодательною властью; право гражданства, опредѣляемое ценою, — всѣ эти пустованныя изрѣченiя, которыя доктора конституцiоннаго права серьезно называли конституціональными функциями и которыя они въ то же время выдавали за необъяснимыя, но тѣмъ не менѣе неопровержимыя аксиомы, всѣ эти истертые соизмы и истасканные пародовсы перешли во Францію изъ Англiи, гдѣ они, впрочемъ, до сихъ поръ въ ходу и притомъ въ самомъ лучшемъ обществѣ. Никогда французъ, незащищенный доктринаризмомъ и свободный отъ чиновничьскаго духа, не въ состоянiи былъ понять, что, какава бы то ни было, свобода могла возникнуть отъ тройственнаго соединенiя трехъ политическихъ факторовъ. Тройственное развитiе трехъ властей казалось ему всегда тройственною негѣпостью или триединствомъ тройнаго заблужденiя, т. е. предметомъ для него непостижимымъ. Умъ французскiй не въ состоянiи постигнуть, что государство, для достиженiя равновѣсiя между тремя властями, должно принять на себя тройное бремя, одно на голову, другое на правое плечо, а третье на лѣвое, или надѣть на себя три цѣпи, одну на шею, другую на руки, а третью на ноги, и все это допуская раздѣленiе труда, согласно назначенiю различныхъ членовъ и органовъ социальнаго тѣла. Онъ всегда полагалъ, что эти члены и органы не могутъ быть слишкомъ свободными. Изъ этого заключили, что онъ неспособенъ для политической жизни и что онъ не въ состоянiи сообразоваться съ требованiями современнаго парламентаризма. Правда, онъ никогда не могъ освободиться отъ такого рода сужденiя, которое вполне достойно его предка, господина де-ла-Пались: «Что мнѣ за дѣло до конституціональныхъ функцiй! Что не истинно, то ложно, а что ложно, то и скверно!»

Въ дѣлѣ механики, люди неловкiе, для полученiя равновѣсiя въ колесахъ своего механизма, усложняютъ его придѣлкою новыхъ колесъ или прибавленiемъ разныхъ тяжестей. То же самое явленiе мы видимъ въ политикѣ: люди невѣжественные своими дѣйствiями только обременяютъ социальный механизмъ, а люди ловкiе умѣютъ сбегать живую силу, освобождаясь отъ всякаго мертваго бременя.

Конечно, англiйскiй народъ далекъ отъ принятiя простыхъ взглядовъ французскихъ теоретиковъ въ дѣлѣ социальной конституцiи; конечно, ему и на умъ не приходитъ предаваться такимъ сужденiямъ,

всѣмъ / принадлежать / равно / право. Быть ограниченнымъ значитъ имѣть, что Выте не лучше Горіона, а Горіонъ не лучше Выголь, и что нужно освобождаться отъ тѣхъ и другихъ. Въ сущности, такое сужденіе очень законно. Оно доказываетъ, что англійскій конституціонализмъ глубоко неграбескъ и что онъ вскорѣ долженъ подвергнуться радикальному преобразованію, что обнаруживается также стремленіемъ къ введенію всеобщей подачи голосовъ и закрытыхъ выборовъ. Само собою разумѣется, что публична, долженствующая руководить будущимъ положеніемъ страны, состоитъ не изъ массы сельскаго населенія, овлаждающаго невежествомъ, ни изъ грубыхъ обрывковъ работниковъ, но изъ тѣхъ нравственныхъ, предпринимательскихъ, слѣдующихъ и бережливыхъ мастеровъ, которые соединяются въ общества, именованные Trades Unions, Saving Banks, Friendly Societies и въ особенности Co-operative Stores, и которые дѣйствуютъ заодно съ образованною частью буржуазіи. Какъ бы то ни было, буржуазія, не смотря на то, что она, взятая въ массѣ, не безупречна въ своихъ дѣйствіяхъ, все-таки обыкновенно, если не всегда, находится въ главѣ движеній прогресса и реформы. Всякая партія создаетъ свою политику, подобно тому, какъ сляпное дерево принести сляпымъ; старая партія могутъ придерживаться только старой политики, а для созданія новой требуются новые интересы. Всякое преобразование политики предполагаетъ внутренній переворотъ, и одно нельзя желать безъ другаго. Новый же классъ народа, который долженъ составить новую политику, еще очень молодъ, хотя онъ уже замѣтно развивается. На эту-то возрастающую часть англійской націи, на эту-то партію будущности наметалъ Гладстонъ въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной 11-го мая. Не смотря на проглядывающую мѣстами нерѣшительность автора высказывать свои мысли, впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, не только не изглаживается, а напротивъ со дня на день увеличивается. Гладстонъ весьма хорошо сознаетъ, что этотъ новый народъ, долженствующій внушить новую политику, такъ сказать, еще только зарождается, и въ отношеніи своей численности и своихъ правъ незначителенъ. Для того, чтобы ускорить судьбу этихъ людей, чтобы содѣйствовать ихъ мирному и стройному развитію наравнѣ съ остальною націею и чтобы великодушно доставить имъ то, что они, въ противномъ случаѣ, сначала потребуютъ во имя справедливости, а потомъ во имя силы, англійскій министръ финансовъ предложилъ распространить право подачи голосовъ

и на этот классъ. При этомъ-сѣтъ, однакожъ, замѣтить, что изъ пятидесяти рабочихъ едва одинъ можетъ быть допущенъ въ участіе въ выборахъ. До того, въ томъ же засѣданіи, г. Бейнсъ, говоря о трехъ четвертяхъ населенія Англіи, воскликнулъ: «англійскія общины не имѣютъ никакого вліянія на дѣйствіи палаты общинъ!»

Еслибъ ждуть, пока привилегированные классы народа, участвующіе въ выборахъ, добровольно согласятся раздѣлить право подачи голосовъ съ прочими своими согражданами, то много прошло бы времени даромъ. Весьма естественно, эти привилегированные классы стали бы утверждать, что новые совсѣтани этого права неспособны принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ своей страны. Однакожъ, г. Бейнсъ въ своей рѣчи, подавшей поводъ къ смѣлой выкладкѣ господина Гладстона, доказалъ, что съ 1831-го до 1861 года народонаселеніе возросло на 40%, а число дѣтей, воспитывающихся какъ въ частныхъ, такъ и публичныхъ школахъ, на 147%, т. е. болѣе, чѣмъ втрое. Любовь къ чтенію до того распространилась въ народѣ, и интересъ, признаваемый въ общественныхъ дѣлахъ, до того усилится въ массѣ жителей Англіи, что число экземпляровъ ежедневно читаемыхъ газетъ, вростиравшееся въ 1831 году до 38,648,314, теперь въ однужъ Лондонѣ доходить до 250 милліоновъ. Прибавьте къ этому почти баснословное количество ежедневныхъ или еженѣщичныхъ журналовъ и періодическихъ обзорѣній и сборниковъ разнаго формата, разнаой цѣны и разнаго рода, не говоря уже о безпрестанно возрастающемъ числѣ библиотекъ и залъ для чтенія, основанныхъ и посѣщаемыхъ народомъ. Однакожъ, весь интересъ рабочаго класса, въ послѣднее время въ особенности, по видимому, сосредоточивался на реформахъ чисто социальнаго характера. Эти люди воспользовались уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ и употребляютъ свободное отъ работъ время для своего умственнаго образованія. Стремленіе къ совмѣстному труду, на которое мы довольно подробно указали въ одной изъ предшествующихъ корреспонденцій, распространилось весьма быстро. Приняты были мѣры для успѣшнн общества, извѣстныхъ подъ названіемъ Trades Unions; основаны Working mens Clubs и другія народныя ассоціаціи. Между тѣмъ идея парламентской реформы дремала. Настоящее министерство, низвергнувшее Торіевъ, благодаря обѣщанію ввести эту реформу, могло, не возбуждая явнаго вниманія публики, измѣнить своему слову. Со стороны лорда Пальмерстона и въ особенности со стороны Джона

Росселя, который парламентской реформой обманъ своимъ политическимъ существованіемъ, такой поступокъ есть грубый промахъ. Такъ какъ народъ Великобританіи, послѣ нѣсколькихъ несовершенныхъ реформъ и послѣ частыхъ, но напрасныхъ просьбъ, объ осуществленіи своихъ справедливыхъ желаній, понялъ, что лучше поставить себя въ возможность требовать свое право, чѣмъ просить по прежнему, то министры, а вмѣстѣ съ ними и привилегированные классы людей думали, что можно безнаказанно отступить отъ своего обѣщанія. Между этими привилегированными классами, пользующимися правомъ выборовъ, и непривилегированными находится широкій ровъ, образуемый ценомъ. Министерство обѣщалось соединить оба берега его мостомъ или хотя простою доскою, но до сихъ поръ не исполнило даннаго слова. Наскучившись тщетнымъ ожиданіемъ, непривилегированные классы рѣшились, въ случаѣ надобности, перейти, и если возможно, перескочить черезъ этотъ ровъ. Поэтому они отступили, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность прыгнуть съ большою ловкостью. Министры обрадовались и, указывая на этихъ людей, которые все болѣе и болѣе удаляются, воскликнули: «вы видите, что они уходятъ. А еще говорили, что они намѣрены перейти черезъ ровъ, который отдѣляетъ ихъ отъ народнаго представительства!»— Таймсъ въ своихъ обширныхъ столбцахъ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, помѣщаетъ письма, будто бы полученныя имъ отъ работниковъ. «Насъ обвиняютъ», говорится въ этихъ письмахъ, «что мы хотимъ выйдти изъ своего положенія и приобрести политическое вліяніе посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, которую для насъ прежде требовали хартисты, а теперь канцлеръ казначейства. О, нѣтъ. Мы вовсе объ этомъ и не думаемъ. Мы лучше понимаемъ свои обязанности и то, что намъ прилично и согласно съ нашими интересами. Право избирать депутата не доставило бы намъ ни одного шиллинга въ годъ. Поэтому мы вовсе въ немъ и не нуждаемся. Но мы учимся геометріи, чтобъ имѣть возможность сдѣлаться помощниками каменщиковъ-мастеровъ, и беремъ уроки изъ ариметики, потому что каменщикъ, умѣющій считать, получаетъ хорошее жалованье. За симъ, господа, мы имѣемъ честь вамъ кланяться и остаемся вашими нижайшими и покорнѣйшими слугами.» И Таймсъ съ восторгомъ бьетъ въ ладоши. Въ этомъ слогѣ, въ этой прозѣ онъ выражается весь. «Какой превосходный умъ!» восклицаетъ онъ. «Вотъ человекъ практической и дѣйствительно разумный. У этого работника

сильному и честолюбивому Глэдстону не мѣшало бы поучиться и брать съ него приѣбрь!..» Положимъ! Но въ такомъ случаѣ, почему же господинъ Глэдстонъ, ученикъ, пользуется правомъ избирательства и правомъ быть избраннымъ въ представителя и дѣйствительно избранъ, тогда какъ учитель, этотъ работникъ, отъ котораго Таймсъ приходитъ въ восторгъ, не только не избранъ, но даже не имѣеть права быть избраннымъ, ни даже права участвовать въ выборахъ?

Мы на предыдущихъ страницахъ старались показать, что пораженія, недавно испытанныя Англіею на политическомъ поприщѣ, отразились въ ея внѣшней политикѣ и внутренней конституціи. Ударъ былъ направленъ мѣтко, въ самую грудь Англіи, и не было никакой возможности его отразить. И Виги, и Тори поражены были однимъ и тѣмъ же камнемъ. Въ прежнія времена всѣ политическія затрудненія устранялись смѣною министерства. Англія съ большимъ шумомъ переходила отъ Дерби къ Пальмерстону, отъ Бертрана къ Роберту Малеру, и англійская политика торжественно продолжала свой ходъ по пути традиціи, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ самомъ незначительномъ бургѣ Гентингдоншира, имѣющемъ несоразмѣрное своему населенію число представителей въ парламентѣ. Теперь, волею-неволею, Виги и Тори сдѣлались солидарными въ одномъ и томъ же пораженіи, понесенномъ англійской политикой. Слабые датчане подверглись насилію, но стыдъ за испытанную ими обиду падаетъ на могущественныхъ англичанъ. Это ихъ гнали отъ Эйдера въ Кенигс'ау, изъ Кенигс'ау въ Ютландію, изъ Ютландіи на островъ Альсенъ, съ острова Альсена въ Фіонію. На лондонскія конференціи Англія явилась еще великою, но она оттуда вышла незначительною и весьма незначительною. Отцы еще помнятъ, какъ герой Великобританіи, Нельсонъ, бомбардировалъ Копенгагенъ во время мира и какъ онъ захватилъ и сжегъ датскій флотъ, не предупредивъ датчанъ о своихъ непріязненныхъ замыслахъ; теперь ихъ дѣти увидѣли, что Англія, обязанная смыть свое преступленіе и вознаградить прежнюю жертву своего насилія, едва оправившуюся отъ своихъ ранъ, измѣнила довѣрію той страны, которая ей простила все, и которая обратилась къ ней съ словами: «Ты могущественна, а я слаба; спаси же меня отъ ударовъ этихъ людей, которые идутъ на меня съ дубинами въ рукахъ!..» «Положись на меня», отвѣчаетъ Англія, «ужь я съ ними поговорю по своему. Ты увидишь, какъ они обратятся въ бѣгство...» Тогда Альбіонъ приставилъ рупоръ ко рту и

замышлять: «Прочь! Не то вы будете иметь дѣло со мной!» Но когда пѣмцы все шли вперёдъ, тогда Альбионъ удалился, предоставивъ свою пролежу на жертву двухъ людей, вооруженныхъ дубинами. Бываютъ поворота дѣла, имѣющія трагическое значеніе; бываютъ преступленія, которыя влекутъ за собою смертную казнь, и Англія, быть можетъ, совершила одно изъ такихъ преступленій.

Однакожь классы богатые и вообще правительственные старались опровергнуть дѣйствительность фактовъ, заставить молчать свою совесть, и обмануть себя относительно своего униженія. Таймсъ, отъ 1-го августа, торжественно увѣряетъ своихъ читателей, что Великобританія, своею миролюбивою политикою приобрѣла болѣе вліянія, чѣмъ она могла бы приобрѣсти войною. Консерваторы въ этомъ униженіи Англіи, которое они сами громко провозгласили, кажется, видѣли только средство къ ниспроверженію кабинета. Какъ г. Д'Израэилъ, по видимому, легко готовъ былъ бы утѣшиться на счетъ потери англійской чести, лишь бы г. Гладстонъ уступилъ ему свое мѣсто, подобно тому и вся страна старалась успокоить свою печаль, и въ этомъ имѣла успѣхъ. Какъ битые собаки, тряхнувъ ушами, погружаютъ свою морду въ чашу, наполненную супомъ, и забываютъ свое горе, подобно тому и англичане усадились за столъ на банкетѣ лорда мера и воскликнули: «А какъ бы то ни было, мы богаты!» И они ошупали свои карманы, разложили на столѣ свои портфели, наполненные банковыми билетами, и забряцали деньгами.

На этомъ банкетѣ, знаменитомъ у всѣхъ гурмановъ, лордъ Наммерстонъ поздравилъ своихъ собесѣдниковъ великими побѣдами Англіи, какъ говорилъ онъ, побѣдами несравненными — мирными побѣдами торговли Великобританіи, заставляющими падать на міръ золотой дождь, и въ сравненіи съ которыми кажутся ничтожными побѣды, недавно одержанныя на поляхъ сраженія государями, живущими въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что только-что напечатанъ былъ отчетъ о торговой дѣятельности Англіи въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1864 года, и въ этомъ отчетѣ находились весьма краснорѣчивыя цифры, которыя въ состояніи заставить такой практическій народъ, какъ англичане, забыть всѣ испытанныя имъ неудачи. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, на какую сумму въ продолженіе этого семестра вывезено товаровъ изъ Англіи? На 1,928 милліоновъ франковъ, противъ 1863 года болѣе на 400 милліоновъ, а противъ 1862-го на 518 милліоновъ. А на сколько было привезе-

но товаровъ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ, съ 1-го января до конца мая? Также на сумму 1,928 милліоновъ франковъ, противъ 1863 года болѣе на 308 милліоновъ, а противъ 1862-го—на 553 милліона.

Лордъ Джонъ Россель еще превзошелъ своего сослуживца въ родомонтажахъ. Онъ специалистъ по части нравственной, поэтической и сентиментальной и окончилъ свою рѣчь удивительнымъ заключеніемъ такого рода: «Я съ великимъ удовольствіемъ вижу, что Англія никогда не находилась въ положеніи, болѣе достойномъ гордости, и что ея вліяніе на иностранныя державы никогда не было болѣе значительно, чѣмъ теперь!»—Дѣйствительно, Англія остается только почивать на лаврахъ и благодарить providѣніе за свое блаженствіе—to rest and be thankful!

Итакъ, миръ почти заключенъ между двумя великими державами Германіи съ одной стороны, и Даніею съ другой. Первымъ условіемъ, предложеннымъ побѣдителями, которые, какъ извѣстно, поднали мечъ только для того, чтобы поддержать трактатъ 1852 года, и сохранить цѣлость датской монархіи, — первымъ условіемъ было раздробленіе этого королевства и совершенная, неограниченная уступка, датчанами, Голштиніи, Лауенбурга и Шлезвига. Нельзя не удивляться, что нѣмецкіе монархи такъ круто поступили въ отношеніи къ одному изъ своихъ собратьевъ и кузеновъ, и что они обошлись съ этимъ бѣднымъ Христіаномъ, подобно революціонерамъ. Въ настоящее время, казалось бы, короли, наученные повѣйшею исторіею, должны были проникнуться великою истиною, что союзъ составляетъ силу и что если что нибудь можетъ замѣнить дружбу, такъ это союзъ. Какъ бы то ни было, Данія для нашихъ географій уже болѣе не существуетъ. Журналы наполнены разными конфиденціальными извѣстіями. Каждый изъ нихъ хочетъ знать, чего Пруссія намѣрена требовать для себя, чѣмъ она завладѣетъ и что сохранить. Что касается насъ, то

мы не посвящены въ тайну боговъ и предпочитаемъ спокойно ждать рѣшенія государей, управляющихъ міромъ, и излагать факты, а не дѣлать предположенія.

Поэтому мы продолжаемъ описывать побѣды господина Бисмарка. Онъ пошелъ быстро и далеко. Чтобы видѣть это, стоитъ только вспомнить его точку отправленія. Неукротимая борьба между прусскимъ министерствомъ и прусскою палатою усиливалась все болѣе и болѣе. Эта борьба, надо замѣтить, была заранѣе приготовлена и искусно ведена. Если вѣрить нѣкоторымъ документамъ, находящимся у насъ передъ глазами, то люди, принадлежащіе къ прусскому посольству въ Парижѣ, резюмировали планъ французской реакціи вообще, и бонапартистскую программу 1849, 1850 и 1851 годовъ въ частности, и передѣлали на прусскій ладъ политику государственнаго переворота. Данные, заключающіяся въ этой программѣ, говорятъ, служили руководствомъ для государственныхъ людей въ Берлинѣ. Однакожь, приведеніе этого плана въ исполненіе шло нѣсколько медленно. Ни та, ни другая изъ борющихся сторонъ не отваживалась приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наконецъ, благодаря Бога, г. Бисмаркъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Послѣ того, вмѣстѣ съ нимъ, и Пруссія, и прусское правительство, и палата, и Германія, и даже вся Европа замѣтно ускорили свои шаги. До появленія этого блистательнаго министра, можно было умереть со скуки. Въ отношеніи бюджета и въ отношеніи арміи, этихъ двухъ жизненныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла будущность конституцій, министерство говорило: «Я хочу!», а палата отвѣчала: «Я не хочу!»—Этотъ споръ усиливался съ каждымъ новымъ засѣданіемъ. Министерство повторяло: «Я приказываю!» а палата возражала своимъ вѣчнымъ: «Я не хочу!»—При такихъ обстоятельствахъ, не было надобности опасаться ни бунта, ни государственнаго переворота. Однакожь, оба эти способа рѣшенія вопроса до того казались согласными съ общимъ положеніемъ дѣлъ, что нѣсколько разъ распространился было слухъ объ осуществленіи того или другаго. Уже оппозиція готовила свой отказъ правительству относительно подати, а это послѣдній законный шагъ, за которымъ слѣдуютъ революціонныя мѣры. Бисмаркъ продолжалъ играть въ большую игру; онъ постоянно былъ гордъ, и насмѣшливъ въ обращеніи; но онъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ опасности своего положенія.

При такомъ состояніи дѣлъ возникло столкновеніе между Данією

и Германію. Бисмаркъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ; онъ вытѣснѣлся въ эту распрю и увлекъ за собою министерство, армию и прусскую націю, вопреки безсильнымъ протестамъ палаты, которая, чувствуя, что изъ рукъ ея вырывается конституція, не имѣла довольно смѣлости воспрепятствовать дѣйствіямъ министра. Депутатовъ недовольныхъ отправили по домамъ, уже когда бой прусскихъ барабановъ заглушалъ себою слабое эхо, распространявшееся отъ рѣчей либеральныхъ ораторовъ.

Либералы поклялись разорвать трактатъ 1852 года. Чтобы разодрать ихъ, министръ объявилъ войну подъ предлогомъ защиты этого трактата. Либералы требовали раздробленія Даніи. Чтобы насолить имъ, Бисмаркъ провозгласилъ цѣлость датской монархіи. За тѣмъ онъ, ко всеобщему удивленію, началъ громить Данію, завладѣлъ программой либераловъ. Потомъ, обратившись къ нимъ внезапно, спросилъ: «Что же вы сдѣлали съ своею программой?»

«Въ этомъ-то и состоитъ ловкость этого министра», увѣряютъ его поклонники. — «Либералы вскружили Германіи голову. Можно, было оскорбить эту страну, но не дѣйствовать противъ ея воли. Поэтому Бисмарку тѣмъ болѣе слѣдовало показать себя смѣлымъ, что онъ долженъ былъ явиться покорнымъ всеобщей волѣ. Еслибъ этотъ ловкій человекъ не далъ щелчка людямъ, которыхъ онъ раззорилъ, то парламентаристы, комитетъ Тридцати-Шести, и вся Германія подумала бы, что онъ министръ либераловъ, и тогда все было бы потеряно... Народъ германскій заговорилъ уже о народности, подобно тому, какъ это дѣлали итальянцы... Богъ знаетъ, до чего бы довело насъ это заблужденіе. Прусскіе депутаты толкали впередъ громадную машину Nationalverein'a, Reformverein'a и Fortschrittspartei. Эти люди устроили во Франкфуртѣ постоянный комитетъ Тридцати-Шести, который долженъ служить основаніемъ для будущаго парламента. Второстепенныя державы, чувствуя, что они не въ силахъ идти противъ всеобщаго движенія, пристали къ нему одна за другою. Кобургъ и Баденъ гордились тѣмъ, что шли впереди. Они слѣпили изъ всѣхъ силъ. Каждая изъ этихъ державъ желала первою присвоить себѣ столь завидную корону Святой Германской Имперіи. Саксонія, съ своимъ безпокойнымъ Бейстомъ, напала на глупую мысль учредить германскую триаду и хотѣла произвести на свѣтъ Божій третью нѣмецкую великую державу, которая должна была бы стать въ оппозицію къ остальнымъ двумъ. Словомъ, все населеніе Герма-

ни, возбужденное демократом, крикнуло жъ: демоксію. Давно сама Австрія пошла выхватывать другизъ, чтобы не отстать и не быть забытою... Что же сдѣлать нашимъ гудебѣйственнымъ министръ? Онъ сталъ во главѣ восте этого мнимо-либеральнаго и мнимо-феодальнаго дворянства, и ухватилъ за собою Австрію. Австрія ухватилъ перерожденныя державы; второстепенныя державы — жакъ называемую *Bentschrittspartei*, партію прогресса; партія прогресса — прусскій парламентъ; прусскій парламентъ — прусскую націю, и всѣ они устремились въ одну непослѣдательность, гдѣ теперь и вынужты самымъ жалкимъ образомъ. «Попробуйте-ка выйдти отсюда, господа!» говоритъ имъ Бисмаркъ, вѣдливо снимая передъ ними шляпу. И вотъ они въ большомъ затрудненіи; каждый изъ нихъ тянетъ въ свою сторону. Наиболее озадачены либералы; они компрометированы, поставлены въ смѣшное положеніе, замачаны, нѣсколько покрыты кровью датчанъ (на это, впрочемъ, не стоить обращать вниманія!); они пристыжены, но за то увѣнчаны лаврами Дюпелла, Альсена и Миссунде»...

Вотъ какинъ образомъ поступаютъ нѣмцы. Что касается насъ, французамъ, либераламъ то мы не удивляемся успѣху ихъ: мы сами постоянно играемъ въ ту же политическую игру, дѣлаясь консерваторами, когда либеральничаетъ правительство, и либеральными, когда консерваторствуетъ Наполеонъ III. Точно также поступали и наши мнимо сосѣди. Либералы присвоили себѣ программу господина Бисмарка, г. Бисмаркъ овладѣлъ программю либераловъ. Это была война, по всей формѣ. Такимъ образомъ, прусскій министръ принялъ сторону германской національности, а радикалы объявили себя поборниками феодальнаго права, до того прочнаго, что даже трактаты, подписанные королями и императорами, не могутъ его поколебать, и до того не подлежащаго отчужденію, что его владѣлецъ сохраняетъ свою собственность даже въ томъ случаѣ, когда взялъ за нее деньги, и это не смотря на библейскій примѣръ Исава, который лишился права первородства, продавъ его за блюдо чечевицы.

Въ этой всеобщей кутерьмѣ, гдѣ всякій является столько же мистификаторомъ, какъ и жертвою мистификаціи, германскій сеймъ играетъ не менѣе другихъ смѣшную роль. Онъ уничтожилъ трактатъ 1852 года подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ трактатъ, подписанный его членами индивидуально, не былъ подписанъ ими коллективно. Теперь сеймъ не допускается на вѣнскія конференціи для редакціи новаго трактата. Въ какую сторону ни обративься, вездѣ

извѣщеніемъ съиротливѣйшимъ и шайбосѣвнымъ: «Собла пріказомъ своему генералу Паппе изъясилъ Рендсбургъ во имя германскаго отечества. Но вдругъ г. Бисмаркъ объявляетъ, что Рендсбургъ — цѣлѣкъ германскій, и велитъ сказать солдатамъ германскаго отечества: «Убійтесь отсюда немедленно!» и возмстительныя патроны уложить, протестуютъ, и протестуютъ, уводя. Этотъ случай заслуживаетъ быть описаннымъ подробно.

Въ одной гостинницѣ произошла драка между пруссаками съ одной стороны, и ганноверцами и саксонцами съ другой. Дѣти одного и того-же великаго тевтонскаго отечества угостили другъ друга ругательствами и кулаками. Прусскій комендантъ придавъ этому видъ, будто войска германской конфедераціи хотятъ умертвить больныхъ, находящихся въ военныхъ госпиталяхъ. Онъ, изволите видѣть, въ сердечной простотѣ полагалъ, что саксонцы наѣремы зарѣзать своихъ братьевъ-пруссаконъ, лежащихъ въ больницахъ, — злодѣйство, непонятное даже между турками и жаврами. Какъ-бы то ни было, въ Рендсбургъ прибыли двѣ прусскія роты и до утра простояли, съ зажженными фитилями, на рендсбургской площади, фазылая по городу сильныя патрули. Эти патрули оскорбляли нѣмецкихъ офицеровъ (своихъ братьевъ!), попадавшихъ имъ на улицѣ. Саксонскіе солдаты (ихъ братья!) бросили въ нихъ изъ каваризъ цѣскоюю камней въ отвѣтъ и угостили пруссаконъ цѣлымъ градомъ ругательствъ. Днемъ одна за другою прибывали новыя прусскія роты, и дѣти одного и того-же великаго отечества стояли другъ къ другу лицомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ телеграфъ дѣятельно работалъ между Рендсбургомъ и Берлиномъ, и между Рендсбургомъ, Ганноверомъ и Дрезденомъ. Наконецъ, принцъ Фридрихъ Карлъ, главнокомандующій прусскою арміею, написалъ генералъ-лейтенанту Гакке, командиру войсками германской конфедераціи въ Рендсбургѣ.

«Я увѣдомлю ваше превосходительство, что обиды, нанесенныя федеральными солдатами пруссаконъ, находящимся на постахъ и въ госпиталяхъ, требуютъ, чтобы невозможность повторенія подобныхъ поступковъ была немедленно гарантирована... Вслѣдствіе этого, его величество, государь мой и король, изволилъ приказать мнѣ занять Рендсбургъ. Отъ умѣренности, исполненной такта, и отъ энергіи (sic), которыя ваше превосходительство такъ часто высказывали на дѣлѣ, зависть будетъ мирное осуществленіе этой мѣры, необходи-

ной для чести прусской армии, и пр.» На это Гакке отвѣчалъ: «Я не могу согласиться на такую иѣру; но я уступаю силѣ и ухому». Это было все, что отъ него требовалось.

Господинъ Бюнаричъ воспользовался мирнымъ удавленіемъ четырехъ нѣмецкихъ ротъ, которыя не хотѣли дать себя истребить шестью тысячами пруссаковъ. Всегда насмѣшливый, онъ увѣрялъ, что федеральныя войска оставили Рендсбургъ добровольно, такъ какъ не приходилось изгнать ихъ силою. Ему замѣтили, что эти войска занимали Рендсбургъ въ силу рѣшенія и по приказанію германскаго сейма, который одинъ въ правѣ распоряжаться этою крѣпостью. «Зачѣмъ-же они не остались, въ такомъ случаѣ?» шутиливо спросилъ государственныи чловѣкъ.

За чѣмъ федеральныя войска не остались?—Но еслибъ они остались, то это было бы междоусобная война въ Германіи. Это была бы война между Пруссією, Австрією и Германскимъ союзомъ, и Богъ знаетъ, въ какой омутъ мы бы тогда попали! Но можно-ли будетъ набѣгнуть этого омута, пока Пруссія будетъ вѣшиваться въ германскія дѣла? Никто этого не знаетъ.

Эта выходка прусскаго правительства возбудила сильное негодованіе въ Дрезденѣ, въ Штуттгардѣ, въ Мюнхенѣ, въ Ганноверѣ. Вюртембергская палата прибавила свой торжественный протестъ (г-мъ!) къ протесту генераль-лейтенанта Гакке. Она предложила своему правительству противодѣйствовать этому вопіющему злоупотребленію силы въ союзѣ съ другими державами конфедерации и просила поставить швабскія войска на военную ногу. Съ своей стороны, Ганноверъ предлагалъ сейму «силою» заставить Пруссію очистить федеральную крѣпость.

Увлекаемый краспорѣіемъ господина Бейста, сеймъ присоединился ко всѣмъ этимъ торжественнымъ протестамъ и приказалъ... да, приказалъ... впрочемъ, не трепещите... онъ приказалъ произвести слѣдствіе!

Еще разъ замѣтить, что въ этомъ омутѣ противорѣчій, мистификацій, вопросовъ, дурно поставленныхъ, дурно понятыхъ и дурно рѣшенныхъ, нѣтъ никакой возможности что-либо предвидѣть. Нѣмцы запутываютъ все, къ чему ни прикоснутся, чтобы имѣть случай примѣнить свои трансцендентальныя способности къ рѣшенію какаго бы то ни было вопроса. Они начинаютъ съ того, что затемняютъ этотъ

вопросъ, такъ что въ немъ ничего нельзя разобрать. Въ этомъ отношеніи они подражаютъ верблюду, который, подходя къ источнику свѣтлому и чистому, говоритъ, мутитъ воду своею ногою до тѣхъ поръ, пока она не превратится въ грязную тинистую массу, и тогда уже онъ начинаетъ ее пить.

Эта война, если обратиться къ ея началу, должна была бы имѣть двойной характеръ: это было коллективнымъ дѣйствіемъ германскаго отечества и требованіемъ возвращенія права народностей. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили разумные патриоты.

Нѣмцы хотѣли освободить отъ датскаго ига нѣмецкое населеніе герцогствъ, а кончили тѣмъ, что подчинили датскихъ жителей нѣмецкому игу. Они сдѣлались виновными въ томъ-же, въ чемъ сами обвиняли копенгагенское правительство, и притомъ въ-десятеро болѣе виновными (закрытіе школъ и датскихъ церквей, арестованіе должностныхъ лицъ, изгнаніе патриотовъ и пр. и пр.) Уваженіе къ принципу, который противопоставлялся трактату 1852 года, требовало бы, чтобы побѣдители послѣ побѣды обратились, по крайней мѣрѣ, къ мнѣнію жителей земель, бывшихъ предметомъ спора. Но нито этого не дѣлалъ. Послѣ вмѣшательства Пруссіи въ это дѣло, запутанность его становится еще болѣе значительною. Чѣмъ тутъ руководствовались? Если держаться стараго дипломатическаго права, то слѣдовало бы уважать цѣлость Даниіи до Эйдера, взять Голштинію, отъ которой копенгагенское правительство не прочь было бы освободиться, и вступить въ соглашеніе относительно Лауенбурга;— если же держаться новаго права національностей, въ такомъ случаѣ слѣдовало было обратиться къ всеобщей подачѣ голосовъ.

Если Пруссія и Австрія забыли первоначальную цѣль войны, то не менѣе того онѣ забыли, отъ кого получили полномочіе воевать. Война, назначавшаяся для освобожденія Голштиніи и Шлезвига, должна была бы быть дѣломъ *des grossen deutschen Vaterlands* великаго германскаго отечества. Въмѣсто этого, нѣмецкую войну превратили въ австро-прусскую экспедицію, а потомъ въ прусскую побѣду.

Что же изъ этого вышло? А то, что за датскимъ вопросомъ теперь наступаетъ вопросъ германскій. Второстепенныя нѣмецкія государства изъясляютъ недовѣріе и ненависть къ державамъ, которыя въ интересахъ германскихъ искали только предлога для осуществленія своихъ частныхъ видовъ. Либералы великой готской партіи какъ будто

напизнь до пьяна сладко-горькаго декокта, Valcamata. Они съ одной стороны улыбаются, а съ другой морщутся, и не знают торжествовать-ли имъ, или прятаться со стыда отъ вздоровъ людей.

Стараясь разобрать эту путаницу, приходишь въ тому заключенію, что она рѣшается,—смотря по отвѣту, какой дѣлается на вопросъ: Хотите-ли вы увеличенія Пруссіи во что бы то ни стало, и правдою и неправдою, per fas et nefas? Въ такомъ случаѣ, идите направо. Если же вы хотите, чтобъ это увеличеніе совершилось только per fas, одною только правдою, въ такомъ случаѣ, идите на лѣво!

Партія увеличенія Пруссіи, во что-бы то ни стало, состоитъ не только изъ партізановъ господина Бисмарка, но также изъ всѣхъ шовеновъ Боруссіи, и изъ двухъ третей Nationalverein'a и вообще изъ такъ называемой партіи малой Германіи.

«Господинъ Бисмаркъ», пишетъ одинъ изъ предводителей этой партіи, — «доставилъ яичной власти короля огромную силу и твердую точку опоры, ставъ въ главѣ унитарнаго движенія, которымъ увлекается Германія. Только благодаря тому, что онъ льстилъ главныя тенденціи общественнаго мнѣнія, онъ могъ управлять страной безъ палатъ и противъ ихъ воли. То, чего желаетъ Национальсрейхъ, есть въ сущности то же, чего желаетъ и Пруссія, только въ другой формѣ. И та, и другая сторона мечтаютъ о единствѣ германскаго отечества, объ учрежденіи великаго унитарнаго государства въ центрѣ Европы. Мы германцы готовы передать великую Германію Пруссіи, еслибъ Пруссія отважилась подавить второстепенныя государства. Огромное большинство нѣмцевъ охотно признало бы господство этой державы, еслибъ она въ состояніи была взять въ свои руки власть и возстановить въ свою пользу Святую Имперію.»

На это противная партія отвѣчаетъ только. «Мы ненавидимъ гордость и честолюбивые замыслы Пруссіи»...

Куда все это можетъ насъ повести?

Предположеній дѣлается много, въ особенности въ смыслѣ пессимистовъ. Но мы думаемъ, что при этой путаницѣ, всего разумнѣе принимать трагическія извѣстія, съ какою бы стороны онѣ не приходили,—отъ сейма-ли, или изъ Пруссіи, или изъ Австріи, или отъ либераловъ,—не иначе, какъ cum grano salis, т. е. съ прихвощемъ

соли. Когда этот несчастный вопрос о Шлезвигъ и Голштиніи перенесенъ былъ изъ книгъ и журналовъ на поле сраженія, тогда мы говорили: вотъ комическое дѣло, которое хотятъ превратить въ трагическое и изъ случайнаго сдѣлать кровавымъ. Теперь, напротивъ, мы, по видимому, переходимъ отъ дѣла трагическаго къ смѣшному и отъ кроваваго къ шутовскому. Не въ обиду будь сказано храбрымъ канонирамъ, отличившимся при Миссунде, разбившимъ слабую Дачію и унижившимъ могущественную Англію, — надо быть весьма наивнымъ, чтобы видѣть только серіозную и торжественную сторону въ этой сарабандѣ, которую на нашихъ глазахъ разыгрывали главныя дѣйствующія лица германской сцены: Бисмаркъ, Бейстъ, маршалъ Врангель, Аугустенбургъ, Фанъ Пфортенъ и господа принадлежашіе къ Fortschrittspartei и къ комитету Тридцати-Шести!

Сказать правду, французы не слишкомъ недовольны тѣмъ, что избѣгли войны. Они жалѣютъ о несчастной Даніи, радуются неудачѣ Англіи и далеко не удивляются подвигамъ австро-прусскихъ войскъ. Вотъ и все, что они знаютъ. Дѣйствительно, при настоящемъ положеніи дѣлъ, французская публика весьма мало занимается политическими событіями, и то лишь за десертомъ, во время пищеваренія, или за чашкою кофе, сидя съ журналомъ въ рукахъ. Обыкновенно она отличается почти преступнымъ равнодушіемъ къ государственнымъ дѣламъ, которыя, какъ бы то ни было, касаются и ея самой. Иногда только она приходитъ въ волненіе, и рѣдко, очень рѣдко къ ушамъ ея приливаетъ кровь, но тогда...

Вотъ все, что мы имѣемъ сказать о французахъ, въ настоящую минуту. Что касается ихъ правительства, то и оно предается покою. На водахъ въ Виши время проводили очень пріятно. Теперь готовятъ праздновать 15-ое августа, день Мадонны и св. Наполеона, а потомъ поѣдутъ на воды въ Біаррицъ. Indépendance Belge рассказываетъ, что Наполеонъ III, провозжая своего министра Друэнъ де-Люиса на желѣзную дорогу, сообщилъ ему какъ послѣднее правило: inertia — sapientia. Итакъ, наша мудрость заключается въ бездѣтельности. Это политика наука, который, съѣжившись, расположился въ центрѣ своей паутины.

Однакожъ двѣ странички въ Revue des Deux Mondes, продиктованныя, какъ говорятъ, однимъ весьма важнымъ лицомъ, и одна оффиціозно-оффиціальная статья Constitutionnel, я обратили на себя въ некоторое вниманіе публики. Сила въ томъ, что ходили слухи о ка-

комъ-то вознагражденіи Франціи за земли, отнимаемыя Пруссіею у несчастной Даніи. Это могло бы устроиться уступкою нѣкоторыхъ маленькихъ территорій на Рейнѣ. Это было-бы дѣломъ фамильнымъ.

Безъ этихъ двухъ статей и безъ нескромныхъ замѣчаній, съ намѣреніемъ высказанныхъ лордомъ Джономъ Росселемъ въ его рѣчи отъ 27 іюня, всякій бы догадался, что Людовикъ Наполеонъ домогается какого нибудь клочка земли по сю сторону Рейна для округленія своихъ владѣній. Поэтому съ самаго начала императоръ Бонапартъ остерегался компрометировать себя съ той или другой стороны. Приглашенный англійскимъ кабинетомъ, онъ рѣшился бы вступить за Данію, еслибъ ему дозволили, въ вознагражденіе за военныя издержки, присвоить себѣ нѣчто въ родѣ Саррелюи, Ландау и Кайзерлантернъ. Таймсъ подстрекалъ его къ этому каждое утро, но министерство Пальмерстонъ-Россель, отъ котораго старались что нибудь вывѣдать объ этомъ предметѣ, притворилось непонимающимъ вопроса. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ Тюльери воображали, что Англія принуждена будетъ вступить въ войну, то Друэнъ де-Люисъ охотно рѣшился ждать. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Впрочемъ, при инерціи не теряется смѣлость. Чего нельзя было достигнуть войною въ пользу Даніи, то, быть можетъ, удастся пріобрѣсти миромъ, заключеннымъ въ ущербъ этой страны. Пруссія, жадно домогающаяся герцогствъ, безъ сомнѣнія, охотно удержала бы за собою то, что съ такимъ удовольствіемъ она захватила въ свои руки. Такъ какъ это присвоеніе нарушило бы равновѣсіе великихъ державъ, то Франція могла бы согласиться на такую мѣру не иначе, какъ съ условіемъ получить вознагражденіе. Такимъ образомъ, императоръ Бонапартъ, съ своей стороны, также попользовался бы на счетъ Даніи... Болѣе мы объ этомъ ничего не знаемъ.

Замѣчательно, что, между тѣмъ, какъ французское правительство, по видимому, занято только пріятною перспективою увеличить свои владѣнія со стороны Рейна, число тѣхъ, которые упорно продолжаютъ опасаться замысловъ священнаго союза, дѣйствительнаго или мнимаго, на Францію и Италію, увеличивается все болѣе и болѣе. Ничѣмъ не выбьешь у нихъ изъ головы той идеи, что господа Бисмаркъ и Рехбергъ въ борьбѣ съ Даніею хотѣли измѣрить свои силы, съ тѣмъ, чтобы знать, что могутъ они предпринять противъ Франціи.

Что касается внутреннихъ дѣлъ, то надо замѣтить, что Алжирія осуждена декретомъ на военное положеніе. Общее управленіе граж-

данскими дѣлами этой страны отиѣнено. Высшая администрація каждой провинціи поручена генералу, которому съ этихъ поръ предоставляется неограниченный контроль надъ всѣми гражданскими чинами. Онъ издаетъ постановления по дѣламъ, касающимся провинціи, завѣдуетъ полиціею и прессою (sic), дѣлаетъ предостереженіе журналамъ и налагаетъ на нихъ запрещеніе, если сочтетъ это нужнымъ. Префектъ, бывший до сихъ поръ самымъ высшимъ представителемъ правительства, теперь не болѣе, какъ подчиненный генерала. Причина такой значительной перемѣны, согласно рапорту маршала Рандона, заключается въ необходимости возвысить принципъ авторитета, пострадавшій отъ двойственности властей. — Если этотъ аргументъ имѣть силу относительно Алжиріи, то почему-бы, спрашивается, не имѣть ему силы также относительно Франціи? — Его превосходительство приводитъ и другой предлогъ — фанатизмъ арабскихъ племенъ, будто-бы возбужденный «неразумными слухами, распространяемыми безпокойною прессою, которая, тревожа общественное мнѣніе, заставила туземцевъ опасаться будущности, исполненной жестокости относительно ихъ лицъ и опасности относительно ихъ имуществъ.»

До сихъ поръ никому не было извѣстно, что журналы читаются бедуннами, которые не умѣютъ читать и даже не знаютъ французскаго языка. Какъ бы то ни было, по дѣломъ вамъ, проклятые журналы!

Чтобы понять положеніе дѣлъ въ Алжиріи, надо замѣтить, что, вслѣдствіе покоренія этой страны, въ ней находятся двѣ расы: туземная и европейская.

Туземная раса организована въ одно и то же время феодальнымъ и коммунистическимъ образомъ. Земля, принадлежащая племени, каждый годъ распределяется между жителями по усмотрѣнію кайдовъ и ихъ фаворитовъ, которые жестоко грабятъ народъ. Кайдовъ, въ свою очередь, грабятъ французское военное начальство неправильнымъ и насильственнымъ образомъ посредствомъ такъ называемыхъ *радзіа*, или нападений, поводомъ къ которымъ служитъ война, и посредствомъ изъявленія немилости или тенденціи къ немилости. Оно ихъ грабятъ правильнымъ и кроткимъ образомъ посредствомъ арабскихъ бюро, чиновники которыхъ богатѣютъ, очищая карманы арабскихъ вельможъ.

Результатъ этой системы любопытенъ. Она имѣетъ двойное дѣйствіе и, по видимому, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, но въ сущно-

сти весьма логична: она заставляет все народонаселение ненавидѣть французовъ, по въ то-же время даетъ похитителямъ земли точку опоры у всѣхъ ага и кайдовъ, этихъ отъявленныхъ плутовъ. Это ассоціація грабежа между ворами, ненавидящими другъ друга, противъ народа, ихъ жертвы, который не знаетъ, кого болѣе онъ долженъ ненавидѣть, грабителей-ли иностранныхъ, или грабителей туземныхъ. Любопытно, что эти французскіе офицеры африканской арміи, «олицетворяющіе собою честь и храбрость,» какъ говорится въ военномъ слогѣ, выдаютъ себя за защитниковъ этой интересной расы туземцевъ, которую поселенцы, по ихъ словамъ, готовы были бы подчинить себѣ и преобразовать на европейскій ладъ, уничтожая такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ типовъ коммунистической и феодальной патріархальности, сохраненныхъ исторіею. Эти хищные поселенцы, эти штафиры, эти Roumi, изволите видѣть, не имѣютъ того сочувствія къ исторіи, той любви къ мѣстному колориту, какими отличаются господа военные; ихъ грубая натура неприступна для нѣжной поэзіи востока... Вотъ, представьте, себѣ этого толстаго Малахова, бывшаго капитана Пелисье, того самаго, который въ пещерахъ Дары заставилъ погубить толпу бѣглыхъ аравитянъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей и старцевъ, подобно тому, какъ заставляютъ барсуковъ гибнуть въ порахъ отъ дыма, представьте себѣ этого толстопузга господина, съ длинными усами, съ огромною саблею на боку и съ большою сигарою во рту, и послушайте, какія онъ отпускалъ сентиментальныя изрѣченія, приправляя ихъ крупною воинственною бранью: «Я, чертъ возьми, защитникъ арабовъ! да! Mille tonnerres!—Это раса первобытная—palsambleu!—народъ, живущій въ шалашахъ, —пом d'un chien! — народъ библейскій, bougre d'animal!—Пусть только тронуть ихъ штафиры, sacre pom d'un dieu! я имъ почищу зубной рядъ!»

Если французское правительство могло подчинить себѣ военный элементъ, при помощи котораго оно достигло власти, то одною изъ заботъ его, безъ всякаго сомнѣнія, было бы: слѣсть въ Алжирѣнъ обѣ расы, мобилизовать собственность и дать гражданскія учрежденія арабамъ, выказывающимъ къ нимъ нѣкоторую склонность. Безъ этого Алжирія никогда не будетъ французскою землею, а останется тѣмъ, чѣмъ она теперь, школою грабежа, насилія и убійствъ, школою новыхъ декабрьскихъ кровопролитій. Государственный переворотъ, совершившійся во Франціи, произвелъ чудеса, по онъ не могъ стать

выше своего происхожденія. Имперія французская, происходящая отъ имперіи арабской, въ свою очередь имѣла на нее вліяніе, развивъ ее чрезмѣрно и превративъ ее въ нѣчто болѣе скверное, чѣмъ всевозможныя сатрапіи. Для сохраненія поэзіи первобытныхъ временъ, она въ древней Казбѣ Алжира возвратилась къ варварству. Наши доблестные африканскіе воины смотрятъ на земледѣльца и работника, имѣющихъ въ рукѣ не саблю, а рукоятъ плуга, какъ на людей жалкихъ, которые не въ состояніи себя защищать, а поэтому подлежатъ эксплуатаціи. Въ глазахъ ихъ гражданское населеніе ничто иное, какъ стадо овецъ, которымъ они служатъ пастухами, конечно, для ихъ защиты и для того, чтобы снимать съ нихъ шерсть, какъ только она появится, пить ихъ молоко и наконецъ связывать ихъ по ногамъ и убивать, ѣсть ихъ мясо и дѣлать себѣ обувь изъ ихъ шкуръ.

Уничтожить патриархальную организацію и разорвать внутренніи племенные узы, — такова была бы единственная точка опоры для Франціи для распространенія между туземцами современной цивилизаціи. Вслѣдствіе учрежденія личной собственности, каждый арабъ получилъ бы возможность сдѣлаться богатымъ, а это великій и, быть можетъ, единственный секретъ нашихъ столь хваленыхъ гражданскихъ учрежденій. Коммунизмъ племени произвелъ у нашихъ туземцевъ только эксплуатацію всѣхъ въ пользу нѣкоторыхъ и страшную бѣдность массы населенія. Пора бы испытать теперь что можетъ сдѣлать для этихъ людей индивидуализированіе собственности. Во всякомъ случаѣ безумная склонность къ разрыву брачныхъ узъ, господствующая теперь въ арабскомъ обществѣ (расчитано, что, среднимъ числомъ бракъ тамъ продолжается не болѣе года), эта склонность уменьшилась бы сама собою, какъ скоро арабъ сдѣлался бы свободнымъ собственникомъ. Съ полученіемъ этой новой свободы, онъ возмислся бы въ нравственномъ отношеніи, и тогда грубая животная страсть перестала бы исключительно надъ нимъ господствовать. Привязанность къ какому нибудь предмету, къ своему полю, дереву, укротило бы этотъ беспокойный и дикій характеръ, ничего не любящій и ни къ чему не привязанный. Многоженство тогда перестало бы быть явленіемъ общимъ между арабами. Арабская женщина исправляетъ всѣ работы по хозяйству: она молотитъ хлѣбъ, занимается тканьемъ бурнусовъ, носитъ самыя большія тяжести и, въ случаѣ надобности, служатъ рабочимъ скотомъ. Изну-

ренная работой, измученная, и не будучи въ состояніи, не смотря на всѣ получаемые ею удары, удовлетворять всѣмъ нуждамъ хозяйства, она умоляетъ своего господина купить новую рабу, и рада-радехоньга, когда какая нибудь помощница облегчитъ ей трудъ, приходящійся не по силамъ одной.

Но организація личной собственности, назначеніе въ продажу земель, принадлежащихъ государству или племени, мобилизація недвижимыхъ имуществъ — вотъ чего ни въ какомъ случаѣ не желаютъ наши алжирскіе преторіанцы. Они во время іюньскихъ и декабрьскихъ кровопролитій разрушили республику 1848 года по той причинѣ, что она была социалистическая, а теперь они становятся поборниками арабскаго коммунизма. Они, по ихъ собственнымъ словамъ, спасли апостольскую католическую религію въ Римѣ и Парижѣ, а теперь дѣлаются воинами мнимаго пророка; они спасли святость семейныхъ узъ, а между тѣмъ, не будь ихъ, этихъ спасителей, теперь не существовало бы гнусное множество арабовъ, не существовали бы серали кухарогъ.

Итакъ, цѣною столькихъ сраженій, убійствъ, грабежей и пожаровъ, цѣною столькихъ несправедливостей и страданій, цѣною такого большаго количества французской и арабской крови, оросившей эту несчастную страну, и цѣною болѣе двухъ миллиардовъ франковъ денегъ Франція приобрѣла по ту сторону Средиземнаго Моря огромную военную школу, служащую какъ бы дополненіемъ къ Сенъ-Сирской, и въ которой семьдесятъ пять тысячъ молодыхъ солдатъ обучаются на практикѣ перестрѣливаться съ непріателемъ, убивать людей, отрѣзывать пальцы у женщинъ, для снятія золотыхъ колецъ, и ноги у живыхъ дѣвушекъ, для снятія серебряныхъ обручей, этого обыкновеннаго ихъ украшенія. Послѣ такихъ упражненій, французскіе рекруты вполне способны разбивать австрійцевъ въ Маджентѣ, или парижанъ въ Парижѣ. Этою системою созидаются и огромные удѣлы для бонапартистскихъ герцоговъ и перовъ, подобныхъ франкскимъ дворянамъ, которые въ продолженіи тысячи лѣтъ давили несчастныхъ галловъ.

Безъ сомнѣнія, преступленіе приносятъ свои плоды. Такъ какъ Франція покорила Алжірію, то она сама покорена была африканскою арміею. Она заговорила штыкомъ, и ей отвѣтили ударами приклада. Это единственное возмездіе, достойное несправедливой генерации.

Что касается знаменитаго процесса, названнаго процессомъ Тринадцати и который затѣянъ былъ исправительною полиціею въ отношеніи къ господамъ Гарнье-Пажесу и Карно, депутатамъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ, и къ господамъ Дрео, Герольду, Кламажерану, Флоке, Ферри, Дюррье, Корбону, Жокону, Герриссону, Мельсгейму и Бори, авторовъ *Избирательнаго Руководства*, которыхъ всѣхъ тринадцать обвиняли въ томъ, что они составляли собранія въ числѣ болѣе двадцати человекъ, недозволяемая закономъ, — то этотъ процессъ производился въ виду всей изумленной Франціи. — «Ихъ было всего тринадцать человекъ, а между тѣмъ ихъ обвиняли въ томъ, что они собирались въ числѣ болѣе двадцати».

— «Ужъ конечно ихъ оправдали?»

— «Напротивъ, ихъ осудили!»

Въ Италіи происходило дѣло господина Бастоджи. Оно возникло еще во времена черезъ-чуръ знаменитаго Ратацци, въ іюль 1862 года. Итальянское правительство заключило контрактъ съ господами Ротшильдами относительно постройки южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти господа вообще признаются людьми состоятельными, и они обязались выстроить дороги въ короткій срокъ. Но вотъ является Петеръ Бастоджи, финансовая знаменитость, одинъ изъ героевъ большинства, и представляетъ парламенту, что въ дѣлѣ промышленности, такъ же, какъ и въ дѣлѣ политики, Италія должна дѣйствовать независимо, *far da se*, и что неприлично давать работу и возможность добывать деньги иностранцамъ, тогда какъ для этого подъ рукою имѣются соотечественники. Эти итальянскіе *knownothings*, люди, ни въ чемъ не смыслящіе толку, добились таки, что контрактъ, заключенный съ господами Ротшильдами, былъ уничтоженъ, и работа, не смотря на значительный убытокъ для публики, передана Бастоджи, который королемъ Викторомъ-Эммануиломъ произведенъ былъ въ графы за заемъ трехъ сотъ милліоновъ, заключенный имъ, съ обязательствомъ, со стороны итальянскаго правительства, платить 65%. Однакожъ, постройка желѣзныхъ дорогъ не производилась, за недостаткомъ денегъ, такъ какъ господа Ротшильды, съ своей стороны, приняли мѣры, чтобъ этихъ денегъ нигдѣ нельзя было добыть. Тог-

да недовольные вспомнили, что, быть может, дѣла совершались не такъ, какъ слѣдуетъ; возникли разные толки, и т. Мордини, одинъ изъ ораторовъ лѣвой стороны, потребовалъ, чтобы по этому дѣлу произведено было слѣдствіе. Палата имѣла смѣлость согласиться на такое предложеніе. Изъ этого слѣдствія оказалось, что инженеръ, которому поручено было составить донесеніе о контрактѣ, заключенномъ съ Ротшильдами, былъ подкупленъ господиномъ Бастоджи. Соблазномъ послужилъ вексель въ 1,100,000 франковъ, за который одинъ англичанинъ, участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, отсчиталъ 675,000 франковъ.

Засѣданіе, происходившее по этому случаю, было ужасно. Графъ Бастоджи старался оправдать себя, но фавты говорили громче его извиненій. Загнанный въ свои послѣдніе ретраншаменты, онъ со слезами на глазахъ умолялъ своихъ сослуживцевъ и судей о пощадѣ. Они надъ нимъ нѣсколько сжалились и рѣшили, что въ этомъ дѣлѣ обмана не было, но что на будущее время ни одному депутату не можетъ быть присуждена работа отъ правительства. Бастоджи подалъ въ отставку, а подкупленный имъ инженеръ скрылся, и никто не думалъ его отыскивать.

Въ то время, какъ Гарибальди былъ на островѣ Исхія, гдѣ его застало избраніе въ великіе магистры всѣхъ итальянскихъ франкмасонскихъ ложъ, вдругъ распространился слухъ, что партія дѣйствія готовить экспедицію въ Геную и что адмиралъ Вака, въ ночь отъ 14-го на 15-ое число, внезапно оставилъ Неаполитанскій заливъ, съ тѣмъ, чтобы крейсировать у береговъ Исхія.

Объ этомъ таинственномъ происшествіи до сихъ поръ не имѣется положительныхъ извѣстій. Нѣкоторые лица, на основаніи будто бы вѣрныхъ свѣденій, говорятъ, что Гарибальди, по возвращеніи своемъ изъ Лондона, когда еще всѣ вѣрили въ войну Англіи противъ Пруссіи и Австріи, получилъ изъ Турина предложеніе идти въ Венгрію, и согласился. Между тѣмъ, какъ Англія устранилась отъ войны, Гарибальди, за отсутствіемъ отъ него даннаго ему приказанія, продолжалъ свои приготовленія къ экспедиціи, но вдругъ получилъ чрезъ одного адъютанта письмо собственноручно написанное королемъ, съ просьбою отнѣнать всѣ сдѣланныя до сихъ поръ распоряженія по этому предмету. Эта просьба тотчасъ же была исполнена, и Гарибальди чрезъ нѣсколько часовъ уѣхалъ на островъ Капреру. Это толкованіе теперь наиболѣе распространяется. Оно правдоподобно.

но и этимъ отличается отъ преувеличенныхъ 'рассказовъ' людей, принадлежащихъ къ двумъ противоположнымъ партіямъ, и изъ которыхъ одни представляютъ народнаго героя, какъ человѣка съумасшедшаго, а другіе выдаютъ господъ Мингетти и Перуцци за мелодраматическихъ измѣнниковъ.

Судя по одной корреспонденціи изъ Рима, отъ 27 іюля, народонаселеніе этого города занято исполненіемъ одной мѣры, предпринятой муниципалитетомъ, и до того странной, до того несогласной съ обычаями другихъ народовъ, что невольно спрашиваешь себя, точно ли эти люди находятся въ своемъ умѣ и не дѣйствуютъ ли они подъ вліяніемъ какого нибудь кошмара. Приведемъ здѣсь выписки изъ этой корреспонденціи:

«Дѣло идетъ объ истребленіи всѣхъ, безъ исключенія, французскихъ вывѣсокъ. Ихъ закрашивали, срывали, бросали; онѣ падали подобно бумажнымъ капуцинамъ. Hôtel des îles Britanniques, Hôtel de Russie, Hôtel de Londres, долой! Marchand d'estampes, Dentiste, Relieur de livres, Entreprise de voitures, долой! Spilmann frères, долой! потому что слово frères французское. Рядомъ съ этою послѣднею вывѣскою написано было: François Spilmann aîné! François не хотѣлъ называться Francesco, поэтому похерили на его вывѣскѣ первое и послѣднее слово.

«Одновременно, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, пощажены надписи на окнахъ и стевлянныхъ дверяхъ: Modes de Paris, Table d'hôte, Objets d'art, Vente de tableaux... Люди, увѣряющіе, что они посвящены въ тайны папскаго правительства, говорятъ, что это весьма тонкая политическая мѣра и что надписи на стеклахъ оставлены для того, чтобы показать непрочность господства французовъ.

«Были нѣкоторые комическіе эпизоды въ этомъ крестовомъ походѣ противъ французскихъ вывѣсокъ. Между прочимъ возникъ споръ по поводу одной вывѣски, на которой написано было слово mercerie, мелочной товаръ. Въ единственномъ числѣ это слово (mercerie) французское, во множественномъ (merceries) оно въ то же время и итальянское. Хозяинъ вывѣски увѣрялъ, что онъ продаетъ мелочныя товары (merceries), а начальство утверждало, что онъ продаетъ мелочной товаръ и потому долженъ писать по итальянски merceria. Не извѣстно, кто одержалъ верхъ въ этомъ спорѣ.

«Самымъ любопытнымъ, я сказалъ бы самымъ важнымъ приключеніемъ, еслибъ что нибудь важное могло быть въ Римѣ, было дѣ-

ло гостинницы Minerve. Эта гостинница служитъ мѣстомъ собранія легитимистовъ, реакціонеровъ, самыхъ ярыхъ приверженцевъ папы. Ея владѣлецъ былъ извѣщенъ, чтобъ онъ сообразовался съ отданнымъ по городу приказаніемъ, но онъ отказался отъ исполненія этого требованія, и тогда народъ сорвалъ у него вывѣску.

«...Публика въ этой мѣрѣ видитъ мысль о реакціи противъ Франціи. Ей дали случай обнаружить свое мнѣніе, и она воспользовалась имъ съ удовольствіемъ: это замѣчательный симптомъ.

«Одинъ господинъ, непремѣнно желавшій пропикнуть въ сущность дѣла и узнать причину такой необыкновенной мѣры, вызвавшей улыбку въ римскомъ народѣ и возбудившей неудовольствіе между французами, обратился въ высшихъ правительственныхъ сферахъ къ одному изъ руководителей папской политики.

«Вотъ слово въ слово, если только меня извѣстили вѣрно,—а я думаю, что такъ,—вотъ слово въ слово отвѣтъ, данный этому господину тономъ глубокомысленнымъ и съ улыбкою:

«Франція имѣетъ страсть вмѣшиваться во все; она принуждаетъ насъ или совѣтуетъ намъ измѣнять наши законы и нашу конституцію. Недавно еще она потребовала гласности судебныхъ преній. Мы ей уступили, но мы найдемъ средство дать ей въ этомъ отношеніи урокъ. Тогда обнаружится, какое значеніе имѣетъ эта мнимая побѣда, эта гарантія, дѣлаемая въ пользу обвиненныхъ. Франція желала, чтобъ указъ былъ примѣненъ къ городу, мы его и примѣнили, и теперь первое дѣйствіе города направлено именно противъ Франціи.

«Пойметъ ли она, наконецъ, что ей нечего вмѣшиваться въ нашу внутреннюю администрацію и что мы желаемъ быть хозяевами у себя дома?

«— Браво, monseigneur! Самъ Макиавель не поступилъ бы лучше, отвѣчалъ собесѣдникъ.

«— Но сдѣлалъ ли бы онъ столько же? возразилъ monseigneur, съ своей тонкой улыбкой.»

Вслѣдствіе интригъ клерикальной партіи, Бельгія въ настоящее время представляетъ зрѣлище самой горячей избирательной борьбы. Обѣ партіи, буржуазіи и духовенства, до сихъ поръ взаимно уравновѣшивались въ палатѣ; министерскіе буржуа имѣли нѣкоторый пере-

вѣсь надъ своими противниками и вотировали всѣ за одно. Пользуясь увеличеніемъ народонаселенія, они хотѣли устроить выборы, которые бы увеличили ихъ число двумя или тремя членами. Но католики устранили себя отъ подачи голосовъ, и такимъ образомъ лишили палату возможности имѣть такое число членовъ, какое по закону необходимо для принятія какихъ бы то ни было рѣшеній. Въслѣдствіе этого Бельгія, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, была вычеркнута изъ числа конституціонныхъ государствъ. Члены партіи буржуазіи были возмущены до крайности. Одинъ, смертельно больной, велѣлъ себя перевести въ Брюссель; другой нарочно возвратился изъ Тироля, гдѣ онъ пользовался водами противъ каменной болѣзни. Но ихъ усердіе было напрасно. Едва они прибыли, смертельно больной скончался, и палата все-таки осталась безъ необходимаго числа членовъ. Министерству оставалось одно: распустить палату и обратиться къ народу съ требованіемъ новыхъ выборовъ. Король Леопольдъ, видя, что дѣло выходитъ горячее, уѣхалъ на воды въ Виши, чтобы показать, что онъ не желаетъ имѣть вліянія на рѣшеніе этой борьбы. Бельгія нашла этотъ поступокъ весьма любезнымъ съ его стороны.

Между тѣмъ, какъ король Леопольдъ отдыхалъ отъ своихъ королевскихъ трудовъ, его зять Максимилианъ сѣлъ на престолъ Монтезумы. Если вѣрить Монитеру, то мексиканцы, при видѣ своего новаго императора и своей предестной императрицы, не знали предѣловъ своему энтузіазму. Это, по замѣчанію официального журнала, было болѣе, чѣмъ энтузіазмъ, это былъ неистовый восторгъ. Мало того, что на императорскую чету бросались цвѣты; ее осыпали золотою пылью. И императоръ, и императрица вошли во дворецъ совершенно желтыми. Конечно, можно сказать, что эта пыль была очень кстати, такъ какъ торжественный пріемъ императорскихъ особъ стоилъ много денегъ несчастному мексиканскому бюджету: нужно было для этого обратиться къ капиталисту Баррону, который и со-благоволить дать въ займы 400,000 піастровъ, съ условіемъ получить за нихъ 800,000. Не онъ бросалъ золотую пыль на Максимилиана, триумфатора.

Но въ чемъ заключается причина этого неистоваго восторга народа? Patrie благоволилъ объяснить ее намъ: «Индѣйцы Мексики, говоритъ журналъ, — видятъ въ появленіи императора Максимилиана осуществленіе одного древняго пророчества. По этому пророчеству,

переходившему со времени покорения этой страны отъ отца къ сыну, изъ одного поколѣнія въ другое, въ Мексикѣ въ одинъ прекрасный день явится молодой человѣкъ, съ бѣлокурой бородой и голубыми глазами, подъ управленіемъ котораго ихъ племя снова возвратится къ прежнему своему могуществу.»

Какъ бы то ни было, молодой человѣкъ, съ бѣлокурой бородой и голубыми глазами, по видимому, находится въ тревожномъ состояніи. Если вѣрить извѣстію, помѣщенному въ *Independance Belge*, то онъ въ одномъ письмѣ усердно просилъ своего тестя не оставить его совѣтамъ. Мало того, онъ писалъ къ своему врагу Хуаресу, умоляя его принять важную должность въ новой имперіи. Но Хуаресъ притворился непонимающимъ этого предложенія. Подобно своимъ лейтенантамъ Урапа и Добладо, онъ отказался поставить свое имя рядомъ съ именами «тѣхъ, которые измѣнили своей присягѣ, своему слову или своему обѣщанію, которые выдали свою партію и продали свои принципы, и которые такимъ образомъ отступились отъ всего, что дорого для честнаго человѣка.»

Что касается самоволія военныхъ людей, покорившихъ Мексику, то оно можетъ сравниться только съ деспотизмомъ духовенства, которому подчинена страна. Въ Мексикѣ монахи изгнали изъ церкви дамъ, пришедшихъ въ шляпкахъ. Въ Нуеблѣ генераль Бренкуръ включилъ въ иностранный легіонъ всѣхъ молодыхъ людей, носившихъ красный галстукъ. А «*Constitutionnel*» восхищается удивительнымъ тактомъ, который выказывается французскимъ сатрапомъ въ отношеніи къ мексиканцамъ.

Перейдемъ къ Америкѣ, которая, не смотря на войну, представляетъ намъ утѣшительное зрѣлище. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы увѣрены, что справедливость восторжествуетъ.

Въ Мариландѣ и Пенсильваніи люди боязливые были въ сильномъ безпокойствѣ. Въ одинъ прекрасный день распространился слухъ, что стрѣлки южной конфедераціи показались на берегахъ Потомака, а потомъ, что нѣсколько тысячъ людей перешли черезъ эту рѣку и проходятъ черезъ страну, отыскивая для себя добычу. Какъ велико число непріятелей? Утромъ фермеры, которые бѣжали, распространяя ужасъ, говорили о пяти тысячахъ солдатъ, а вечеромъ число это удесят�рилось. Сначала думали, что пришли только *гериллеры* Моз-

бая, потомъ говорили о появленіи всего корпуса Эвеля, за тѣмъ о вторженіи корпуса Бреккенриджа; наконецъ увѣрили, что явился самъ генераль Ли со всею своею арміею и намѣренъ напасть на Вашингтонъ, очищенный отъ войскъ. Уже официальный Мониторъ Французской Имперіи съ крикомъ торжества объявлялъ, что паденіе федеральной столицы неизбежно. Стоустая молва увѣрила, что войска рабовладѣльцевъ обладаютъ способностью въ одно и то же время быть повсюду; и въ Гарперсферри, и въ Гаджерстоунъ, и въ Фредерикъ, и предъ Балтиморомъ, и въ виду Гарршбурга, и подъ укрѣпленіями Вашингтона. Одинъ журналистъ напалъ на счастливую мысль сложить всѣ числа, помѣщенные въ телеграфическихъ депешахъ, опредѣлявшихъ количество непріятельскихъ войскъ въ разныхъ пунктахъ Мариланда и Пенсильваніи. Судя по этимъ числамъ, которыя продиктованы были ужасомъ, непріятельская армія, вторгнувшаяся въ эту страну, простиралась до 350,000 человекъ.

Дѣло въ томъ, что отъ 6,500 до 7,000 человекъ, принадлежащихъ къ арміи рабовладѣльцевъ, перешли черезъ Потомакъ. Число это не велико, но ужасъ однихъ и злонамѣренность другихъ содѣйствовали къ его преувеличенію. Генераль Зигель, черезъ-чуръ слабый для того, чтобы сопротивляться, заперся въ неприступныхъ укрѣпленіяхъ Matiland Heights и предоставилъ непріятелямъ производить грабежи въ окрестностяхъ. Генераль Валдасъ, во главѣ нѣсколькихъ полковъ милиціи, послѣ сраженія, продолжавшагося восемь часовъ, опрокинутъ былъ на мосту, ведущемъ черезъ Монакаси, и въ продолженіе двухъ или трехъ дней, непріятельскія войска свободно похищали лошадей и разныи другой скотъ, грабили фермы и сожигали сельскіе дома. Наконецъ, чтобы отвлечь всеобщее вниманіе федералстовъ отъ корпуса, которому поручено было опустошеніе страны, около 1,500 стрѣлковъ подошли къ Вашингтону и дѣлали видъ, будто намѣрены атаковать фортъ Стевенсъ. Между тѣмъ сецессионистскіе журналы сѣвера забили тревогу, а ихъ новѣренныя въ Балтиморъ и Филадельфіи разрѣзали телеграфическія нити. Потомъ, когда весь этотъ фарсъ былъ разыгранъ, т. е. когда фургоны и добыча, взятые на фермахъ, были переправлены на другую сторону Потомака, грабители, вступившіе въ Мариландъ пѣхотинцами, вышли оттуда кавалеристами и исчезли въ долину Шенандоа. Генерль, пріѣхавшій по желѣзной дорогѣ съ однимъ корпусомъ арміи, преслѣдовалъ ихъ по пятамъ; онъ у нихъ въ одномъ мѣстѣ отнял 300 телѣгъ,

а въ другомъ 500 пѣнныхъ; но главная часть непріятельскихъ войскъ безпрепятственно достигла Ричмонда, принося съ собою свѣжіе припасы для голоднаго гарнизона этого города.

Это вторженіе до того удалось войскамъ рабовладѣльцевъ, что недавно другая ихъ шайка проникла въ долину Кумберланда чрезъ плохо защищенный проходъ и начала грабить страну. Быть можетъ, они не будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ ихъ предшественники. Какъ бы то ни было, эти вторженія въ Мариландъ въ отношеніи военнаго значенія и стратегическаго *достоинства* весьма мало похожи на два великія вторженія, предпринятые въ 1862 — 1863 годахъ. Одно этого достаточно, чтобъ доказать, что спинный хребетъ конфедерации дѣйствительно сломанъ. Когда генералъ Ли, при содѣйствіи Стонвеля Джэксона, въ первый разъ проникъ въ Мариландъ, тогда армія Макъ Клееллана, разбитая въ нѣсколькихъ стычкахъ, поспѣшно отозвана была для защиты Вашингтона; силы хвастливаго Попе обращены были въ бѣгство при Центрвиллѣ и на Буль-Реннскомъ полѣ сраженія; народонаселеніе Мариланда отличалось сомнительною вѣрностью и войска рабовладѣльцевъ принимали видъ освободителей страны. При второмъ вторженіи, Ли явился уже не добрымъ спасителемъ, но юпитеремъ-громовержцемъ. Его армія, состоявшая изъ 120,000 человекъ, одержавшая побѣду при Чанселлорсвиллѣ, должна была уничтожить войска, столь часто униженные, начальство надъ которыми принялъ Мидъ, человекъ неизвѣстный. Въ то же время во всѣхъ значительныхъ городахъ сѣвера, въ Балтиморѣ, въ Вашингтонѣ, такъ же, какъ и въ Нью-Йоркѣ, должны были вспыхнуть мятежи. Полагали даже, что самъ Линкольнъ обратится въ бѣгство и что молчаливый господинъ, обитающій въ Тюльери, прекратитъ свое молчаніе съ тѣмъ, чтобы поздравить рабовладѣльцевъ съ побѣдою и обѣщать имъ въ помощь броненосныя суда. Но всѣ эти мечты исчезли, и третье вторженіе въ Мариландъ не болѣе, какъ жалкій грабительскій набѣгъ, предпринятый главнѣйшимъ образомъ съ цѣлью доставить жизненныя припасы для проголодавшейся арміи.

Если г. Джефферсонъ Девисъ, отдавая приказаніе произвести грабежъ въ Мариландѣ, надѣялся этимъ способомъ заставить генерала Грента снять осаду Питерсбурга, то видно онъ весьма плохо знаетъ своего непріятеля. Этого суроваго воина не такъ легко отвлечь отъ его плановъ. Онъ спокойно продолжалъ свои осадныя работы, какъ

будто ничего не зная о томъ, что происходитъ въ Мариландѣ, и трогаясь съ мѣста только для того, чтобы приблизиться къ осажденному городу. Благодаря сильнымъ укрѣпленіямъ, защищающимъ теперь его позицію, одна часть его арміи сдѣлалась свободною, и онъ ею немедленно воспользовался для того, чтобы изгнать войска генерала Ли изъ цѣлаго ряда ретраншаментовъ, которые они занимали на сѣверномъ берегу рѣчки Джэмсъ. Впрочемъ, еслибъ генераль Грентъ долженъ былъ ограничиться сохраненіемъ своей позиціи въ Bermuda Hundred, то онъ этимъ самымъ мало по малу сдѣлалъ бы для рабовладѣльцевъ невозможнымъ сохраненіе ихъ столицы. Постепенно отдѣляемый отъ прочаго рабовладѣльческаго міра и отрѣзанный отъ сообщеній съ югомъ, городъ Ричмондъ все болѣе и болѣе входитъ въ составъ владѣній, принадлежащихъ Уніи. Уже многіе европейскіе рабовладѣльцы, разсуждая о будущности, замѣчаютъ съ видомъ знатоковъ, что Ричмондъ весьма плохой пунктъ для отчаянной защиты и что еслибъ мятежное правительство послѣдовало ихъ совѣтамъ, то оно успѣшило бы выйти оттуда и предоставить этотъ городъ Гренту, чтобы прихлопнуть его тамъ, какъ въ западнѣ.

Въ Георгіи, другомъ фокусѣ этого огромнаго эллипсиса, образуемаго территорію конфедерации, также, по замѣчанію нѣкоторыхъ тонкихъ людей, принадлежащихъ къ мятежной сторонѣ, дѣло шло о томъ, чтобы завлечь Шермана въ западню и однимъ ударомъ покорить всю его армію. Если такова была цѣль сепаратистскаго генерала Джонстона, то надо сознаться, онъ не имѣлъ достаточно таланта для приведенія ея въ исполненіе. Шерманъ все болѣе и болѣе приближался къ западнѣ, но онъ не только не далъ себя поймать, а напротивъ самъ поймалъ непріятельскіе отряды, разрушилъ желѣзные дороги и овладѣлъ городами и заводами сепаратистовъ. Полагали, что онъ обратится вспять послѣ минутной неудачи, испытанной имъ при укрѣпленіяхъ Кенисо-Моунтенъ; но ничуть не бывало. Однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ и увертливыхъ движеній, которыя доставили этому генералу названіе *ужа*, подобно тому, какъ косвенные маршы заставили прозвать Грента *ракомъ*, — однимъ изъ этихъ быстрыхъ движеній федеральная армія Георгіи внезапно обошла крѣпкія позиціи Джонстона и принудила его удалиться. Тогда Джонстонъ укрѣнился

за рѣкою Чаттагучи, въ которой примыкали еяныя окопы на протяженіи двѣнадцати километровъ. Но Шерманъ быстро обратился назадъ, перешелъ черезъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она нигдѣ не защищена, и внезапно явился въ тылу Джонстона, который послѣдно удалился въ городъ Атланту.

Этотъ городъ, находящійся въ прелестной и очень благородной долинѣ, — одинъ изъ самыхъ значительныхъ на югѣ. Онъ возникъ не далѣе какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ, а между тѣмъ его народонаселеніе недавно простиралось почти до двадцати тысячъ жителей. Въ немъ сходятся четыре желѣзныя дороги, соединяющія его съ Мобилемъ, Саванною, Чарльстономъ и Ричмондомъ. Изъ всѣхъ городовъ конфедерации, казалось, ни одинъ не былъ такъ безопасенъ отъ нападенія со стороны федераловъ, какъ городъ Атланта. Поэтому ричмондское правительство устроило въ немъ огромные заводы для своихъ армій: оружейныя, литейныя и плуцильныя. Здѣсь-то изготовлены были желѣзныя доски *Мерримака Альбемарли* и всѣхъ другихъ броненосныхъ судовъ юга. Непрерывная ограда въ пятнадцать километровъ длиною окружаетъ Атланту; кромѣ того, отдѣльныя укрѣпленія возвышаются на полѣ, на одинаковомъ разстояніи одно отъ другаго.

Перешедши рѣку Чаттагучи, генераль Шерманъ немедленно устремился на желѣзныя дороги Аугусты и Масона, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать Джонстону отступленіе на востокъ, и отправилъ генерала Руссо на юго-западъ, съ порученіемъ разрушить желѣзную дорогу, ведущую въ Монгоммери и Мобиль. Когда это дѣло окончено было самымъ благополучнымъ образомъ, Шерманъ медленно направился въ Атлантѣ, приказывая изслѣдовать мѣстность, находящуюся впереди. Онъ поступилъ очень хорошо; генераль Джонстонъ лишился должности, какъ человѣкъъ неспособный, и его замѣнилъ генераль Гудъ. Послѣдній, едва занявъ свое мѣсто, немедленно выстроилъ свои войска въ колонны для атаки и съ яростью напалъ на федераловъ, которые только что успѣли укрѣпиться для отбоя непріятели. Но армія рабовладѣльцевъ, разбитая на голову, оставила своихъ двѣ тысячи человѣкъ на полѣ сраженія и преслѣдовалась до самой ограды, окружающей городъ. На другой день войска южной конфедерации возобновили атаку еще съ большею яростью, чѣмъ въ первый. Молодой генераль Макъ Персонъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ военныхъ людей уніи, упалъ, пораженный пулею; но его солдаты пошли въ бой, повторяя другъ другу: «*Mememder Mac Pherson*», помни Макъ Персона! Они

произвели страшное опустошеніе въ рядахъ непріятеля, заставили его обратиться въ бѣгство и проникли въ одно изъ предмѣстій города. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, Шерманъ очень близокъ къ занятію Атланты, этого южнаго Ричмонда. Попавъ однажды въ эту западню, онъ, по всей вѣроятности, превратитъ ее въ такой же обширный плацъ-дармъ, каковымъ служитъ Чаттаногоа по другой сторонѣ Аппалахскихъ горъ, и оттуда въ состояніи будетъ угрожать, по своему усмотрѣнію, любому изъ значительныхъ городовъ юга, Мобилію, Саваннѣ, Чарльстону. Кромѣ того, область, въ которую онъ проникъ, еще не была опустошена подобно Теннесси, Арканзасу, Виргиніи. Онъ поэтому въ состояніи будетъ въ ней существовать безъ труда.

Какова бы ни была въ настоящее время участь Атланты и ея окрестностей, можно почти съ достовѣрностью сказать, что армія Шермана не будетъ компрометирована. Его линіи сообщенія съ Чаттаногою и Нашвилемъ остались неприкосновенными, и генераль Форрестъ, долженствовавшій атаковать федеральнаго генерала съ тыла, самъ напротивъ подвергся цѣлому ряду пораженій, которыя дѣлаютъ его въ настоящую минуту не слишкомъ страшнымъ. Убійства, произведенныя въ укрѣпленіи Пилло, приносятъ несчаствіе этому жестокому человѣку, который пересталъ быть продавцемъ негровъ только для того, чтобы сдѣлаться въ отношеніи къ нимъ живодеромъ. Принявъ имя «мстителей форта Пилло», негры федеральной арміи образовали изъ себя роты, никогда не просящія и никому не дающія пощады. Они, эти несчастные африканцы, находившіеся въ презрѣніи у своихъ господъ, теперь сдѣлались самыми страшными солдатами Уніи, на которыхъ плантаторы, все еще вооруженные кнутомъ и бичемъ, смотрятъ съ наибольшимъ ужасомъ. Благодаря рѣшенію конгресса, которымъ дозволяется каждому штату вербовать солдатъ, бѣлыхъ и черныхъ, въ мятежныхъ штатахъ юга, можно полагать, что въ федеральной арміи вскорѣ значительно увеличится число солдатъ африканскаго происхожденія. Имъ-то, быть можетъ, предоставлена слава въ одинъ прекрасный день нанести послѣдній ударъ рабовладѣтельской имперіи плантаторовъ.

Предвидя близкій конецъ конфедераціи, нѣсколько людей юга робко сдѣлали нѣкоторыя предложенія мира. Въ числѣ этихъ дипломатовъ находится одинъ интригантъ, по имени Соундерсъ, который долгое время старался играть въ отношеніи къ европейскимъ республикамъ такую же роль, какую играли Слайделль и Мэзонъ въ

отношеніи къ государямъ. Онъ, не живя уснѣха въ своемъ посланіи, теперь пускается въ отчаянное предпріятіе и нахвренъ перелхитрить хитрыхъ янки. Но президентъ Линкольнъ не далъ себя одурачить во время продолжительныхъ таинственныхъ преній съ этими господиномъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что въ печатанной депешѣ объявлялъ для свѣденія всѣхъ, кого интересуеть это дѣло, «что онъ вступитъ въ открытыя переговоры о мирѣ, когда всѣ мятежники войдутъ въ составъ Уніи и когда вездѣ осуществлена будетъ эмансипація невольниковъ». Таковъ былъ конецъ этой забавной интриги. Если рабовладѣльцы думали этимъ маневромъ сдѣлать президента Линкольна непопулярнымъ, распространяя мнѣніе, что его упорный аболіціонизмъ служить единственнымъ препятствіемъ къ заключенію мира, то они крайне ошиблись. Общественное мнѣніе одобрило выраженія президентскаго письма и скрѣпило клятву, недавно данную «старымъ Авраамомъ» въ отношеніи къ защиты черной расы.

Впрочемъ, одинъ фактъ становится теперь весьма очевиднымъ, а именно близкое истощеніе сепаратистовъ отъ недостатка людей, провізій и денегъ. Приведемъ для подтвержденія этого нѣкоторыя неопровержимыя числовыя данныя:

Народонаселеніе отдѣльшихся штатовъ простирается приблизительно до 7 милліоновъ людей, изъ которыхъ 4 милліона бѣлыхъ жителей и 3 милліона черныхъ невольниковъ. Если исключить изъ этого числа женщинъ, старцевъ, дѣтей, несовершеннолѣтнихъ юношей, больныхъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые негодны для военной службы, то мы найдемъ, что не болѣе десятой части всего населенія въ состояніи вступить въ ряды арміи. Положимъ вмѣсто 10 процентовъ 12, т. е. на 4 м. бѣлыхъ жит. 480,000 челов.

Прибавимъ къ этой арміи весьма щедро 4 процента изъ 4 милліоновъ бѣлыхъ, живущихъ въ штатахъ, которые остались вѣрными Уніи или которые покорены ею вновь съ самаго начала войны, всего 160,000 »

Причислимъ сюда также молодыхъ людей, достигшихъ совершеннолѣтія въ продолженіи трехлѣтней войны 90,000 »

Итого получимъ людей, которые могли бы вступить въ ряды арміи рабовладѣльцевъ, . 730,000 »

Но изъ этого числа сколько убитыхъ, сколько искалѣченныхъ, сколько взятыхъ въ плѣнъ со времени атаки форта Семтера?

Возьмемъ напередъ плѣнныхъ, находящихся въ настоящее время во власти федераловъ, 90,000 челов.

Что касается до потери сепаратистовъ убитыми и ранеными, то можно смѣло полагать, что она ежегодно простирается до 100,000 ч. и того въ продолженіи трехлѣтней войны, 300,000 »

Настоящій походъ, въ продолженіе котораго происходило столько страшныхъ сраженій, начиная отъ Вильдернесса до Питерсбурга и отъ Чаттаногги до Атланты, стоилъ рабовладѣльческимъ штатамъ, безъ всякаго сомнѣнія, 100,000 »

Число надсмотрщиковъ за неграми, рабочихъ на правительственныхъ заводахъ и разныхъ должностныхъ лицъ составляетъ не менѣе 60,000 »

Итого 550,000 »

Такимъ образомъ въ арміи и госпиталяхъ рабовладѣльцевъ остаются всего 180,000 челов.

Кѣмъ замѣнить каждого изъ этихъ солдатъ, когда онъ падаетъ, пораженный пулею, или умираетъ отравленный миазмами въ походномъ госпиталѣ или на берегу какого нибудь болота? Когда 7,000 изъ нихъ падаютъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, какъ это недавно случилось при Атлантѣ, какъ воскресить ихъ съ тѣмъ, чтобы дать отпоръ безпрестанно возростающей федеральной арміи? Вотъ простой арифметической вопросъ. На югѣ число людей, способныхъ носить оружіе, безпрестанно уменьшается; на сѣверѣ оно безпрестанно увеличивается вслѣдствіе прибытія новыхъ переселенцевъ и вслѣдствіе перевѣса числа рождающихся надъ числомъ умирающихъ. Ежедневно отъ 300 до 400,000 человекъ, годныхъ къ войнѣ, присоединяется къ народонаселенію свободныхъ штатовъ.

Что касается финансовъ, то относительное положеніе обѣихъ партій американской республики, непріязненныхъ одна другой, представляетъ почти такой же контрастъ. Правда, министру финансовъ Фессендену, преемнику господина Чеза, приходится таки много работать: онъ долженъ каждый день находить въ своей кассѣ отъ 12 до 15 милліоновъ франковъ для продолженія войны. Но эту огромную массу денегъ онъ всегда находитъ, и когда банкиры предлагаютъ ему

невыгодныя условія, то онъ обращается прямо къ народу. Въ настоящее время онъ требуетъ отъ націи не менѣе одного миллиарда, предлагая заемные билеты, цѣною отъ 250 до 25,000 франковъ каждый, и подписка на этотъ народный заемъ идетъ быстро. Впрочемъ, государственные доходы отъ налоговъ увеличиваются съ каждымъ годомъ въ весьма сильной пропорціи и служатъ гарантіею въ уплатѣ займовъ. До войны эти доходы простирались всего до 300 милліоновъ, потому они постепенно возвысились сперва до 600, а потомъ до 800 милліоновъ: въ этомъ году они, по всей вѣроятности, достигнуть 1,800 милліоновъ.

Налоги такого же свойства, вотилованные въ сепаратистскихъ штатахъ, дали въ прошломъ году всего 15 милліоновъ, а въ этомъ они, безъ всякаго сомнѣнія, дадутъ еще менѣе, такъ какъ страна все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Не смотря на просьбы господина Меммингера, секретаря финансовъ, ричмондскій конгрессъ разошелся, не вотиловавъ финансовыхъ мѣръ, которыя заранѣе были признаны безполезными. Съ давнихъ поръ солдаты и гражданскія должностныя лица не получаютъ никакого жалованья, но надо замѣтить, что, по увѣренію господина Меммингера, уплата не производится единственно потому, что конторщики, необходимые для распределенія и отправленія ассигнацій, поступили въ армію.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ достовѣрностью повторить, что конецъ войны приближается и что миръ доставитъ намъ уничтоженіе невольничества, упроченіе республиканскихъ льготъ Америки и множество другихъ благъ. Замѣчательно, что въ дѣлѣ прогресса всѣ являлись солидарными между собою. Эта война, которая, какъ увѣряли насъ, должна была придать націи военный характеръ и превратить народъ, состоящій изъ работниковъ, въ толпу солдатъ, произвела, напротивъ, несомнѣнный переворотъ въ пользу рабочаго класса. Въмѣсто того, чтобы избрать въ президенты какого нибудь воина побѣдителя, увѣнчаннаго славой, американскіе избиратели намѣрены въ будущемъ сентябрѣ подать свои голоса въ пользу Линкольна, «старога лѣсопилика», и въ пользу портнаго Андрю Джонстона. Ужь не гораздо ли согласнѣе съ достоинствомъ ихъ было бы вручить первую государственную должность какому нибудь старцу, украшенному золотыми галунами на всѣхъ швахъ, какому нибудь плантатору, который часто имѣлъ случай примѣнять командорскій кнутъ къ спинѣ негра?!

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Окончаніе двадцатилѣтней привилегіи Россійско-американской компаніи.—Обзоръ шестидесятилѣтней дѣятельности ея.—Занятіе алеутскихъ острововъ.—подвиги Шелехова.—Привилегіи и монополіа компаніи.—Управленіе ея надъ туземцами.—Вліяніе компанейской администраціи на характеръ и образъ жизни алеутовъ.—Чѣмъ были они прежде и что такое теперь.—Общинное владѣніе алеутовъ, въ экономическомъ и въ семейномъ быту.—Уставъ компаніи.—Положеніе алеутовъ въ административномъ и торгогомъ отношеніи.—Служеніе алеутовъ необходимыми предметами продовольствія, и цѣны этихъ предметовъ.—Хлѣбъ по уставу компаніи отнесенъ къ предметамъ роскоши.—Уменьшеніе населенія и пушныхъ звѣрей.—Вѣроятность будущей судьбы этого края.

Перваго января 1862 года окончился послѣдній двадцатилѣтній срокъ привилегій Россійско-Американской компаніи. Обстоятельство это побудило къ изысканію новыхъ мѣръ для лучшаго устройства сѣверо-американскихъ колоній. Составленъ былъ «комитетъ объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній», комитетъ отправилъ въ колоніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Костливцова и капитана 2-го ранга Головина для собранія на самомъ мѣстѣ нужныхъ свѣденій; компанія съ своей стороны представила комитету нѣкоторыя данныя, «изъ всѣхъ этихъ свѣденій составилось два огромныхъ печатныхъ тома подъ заглавіемъ: «Докладъ комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній. Спб. 1864 г. «Нѣкоторая неполнота свѣденій,

заключающихся въ этомъ отчетѣ, односторонность выводовъ и мнѣній, обуславливались главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ собиратели свѣденій старались выяснитъ только ту мысль, какъ сѣверо-американская компанія воспользовалась привилегіями, данными ей правительствомъ, и въ какой мѣрѣ выполнила обязательства свои въ отношеніи къ правительству. Но очевидно, что существенная сторона вопроса заключается вовсе не въ томъ, на сколько компанія выполнила свои обязательства въ отношеніи къ правительству, обязательства, опредѣленные чрезвычайно неточно старымъ уставомъ и дающія полную свободу компаніи руководствоваться однимъ собственнымъ, безконтрольнымъ произволомъ; но главное дѣло въ томъ, на сколько дѣйствія компаніи были благоразумны и честны въ отношеніи къ самимъ колоніямъ и туземнымъ жителямъ и на сколько подобная дѣятельность необходима въ цѣляхъ и выгодахъ русскаго общества. Вотъ почему, имѣя въ виду сказанную цѣль, мы находимъ совершенно своевременнымъ представить обзоръ слишкомъ шестидесятилѣтней дѣятельности сѣверо-американской компаніи и тѣхъ результатовъ, какими сопровождалась эта дѣятельность. (См. «Историческое обозрѣніе Россійско-Американской компаніи» Тихменева 2 т. 1863—64 г. «Докладъ комитета объ устройствѣ русскихъ американскихъ колоній» 2 т. 1863—64 г., «Отчеты» Костлявцова и Головина, «Записки объ островахъ уналашкинскаго отдѣла» Веніаминаова, «Путевыя письма» Н. Головина Морск. Сбор. 1863 г. кн. 5 и 6. «Очерки» 1863 г. № № 58 и 59 и др)

Первыя положительныя свѣденія о плаваніи русскихъ въ полярной части Тихаго океана, собственно для пушнаго промысла, относятся къ половинѣ прошедшаго столѣтія. Предпринимались эти экспедиціи преимущественно сибирскими купцами, которые дѣйствовали то отдѣльно, то складочными компаніями, и набирали людей изъ смѣлыхъ и часто далеко не безукоризненнаго поведенія промышленниковъ, которые брались служить не за опредѣленное жалованье, а изъ половинной доли промысла, т. е. одна половина всей добычи обращалась въ пользу хозяина, а другую дѣлили между собою промышленники. Такихъ промысловыхъ партій или ватагъ извѣстно болѣе сорока. Имѣются также приблизительныя свѣденія о родѣ и количествѣ пушныхъ промысловъ, вывезенныхъ различными частными

промышленниками изъ Сѣверо-Восточной Америки: цѣнность ихъ съ 1745 до 1798 г. составляла сумму, превышающую 7,000,000 р. сер. (Хронол. Ист. открытія Алеутскихъ острововъ, Берга).

Предпріятія эти первоначально имѣли характеръ исключительно временныхъ экспедицій. Промысловыя партіи высаживались на берега острововъ или материка: устроивши тамъ на-скоро жилища и укрѣпленія, они частію сами промышляли звѣрой, частію же вымѣнивали, а иногда и силою отнимали пушной товаръ у туземныхъ жителей. Собравъ такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ достаточную добычу, промышленники бросали свои заведенія и возвращались въ Охотскъ. Эти промышленныя партіи занимали берега и воды, и дѣйствовали всегда во имя русскаго правительства, ставили вездѣ доски или знаки съ изображеніемъ креста и съ словами: «земля русскаго владѣнія». Главнымъ мѣстомъ дѣйствія промышленныхъ компаній были Алеутскіе острова. Жители этихъ острововъ первоначально жили мирно съ русскими промышленниками, пока тѣ не стали притѣснять ихъ и истреблять безъ всякаго сожалѣнія. Выведенныя изъ терпѣнія насиліями русскихъ, уналашкинскіе и умнакскіе алеуты въ одну зиму истребили три промышленныхъ судна и стали уже непріязненно встрѣчать приплывавшихъ на ихъ острова промышленниковъ. Послѣдніе же, подъ предлогомъ покоренія алеутовъ русскому владычеству и отмщенія за смерть своихъ товарищей, начали истреблять ихъ безъ всякаго милосердія. Вепяиновъ, въ запискахъ своихъ объ уналашкинскомъ отдѣлѣ (Часть 2, стр. 187—194), рассказываетъ о неистовствахъ русскихъ множество самыхъ возмутительныхъ фактовъ: «Глотовъ, пришедъ изъ Кадьяка на прежде открытый имъ островъ Умнакъ, вмѣсто дружбы и пріязни, съ какими онъ разстался съ умнаками, принесъ имъ мечъ и огонь. Онъ, сколько подъ предлогомъ отмщенія за смерть соотечественниковъ своихъ, столько и за непокорность *истребилъ почти безъ остатка всю селенія*, бывшія на южной сторонѣ Умнака и жителей острововъ Самалги и Четырехсоточныхъ. Соловьевъ, прибывшій изъ Камчатки на Уналашку и остановившійся на якорѣ въ Котичинскомъ заливѣ, особенно жестоко поступалъ съ бѣдными алеутами, тоже подъ предлогомъ отмщенія за смерть дружинникаго судна. Натрубигъ, товарищъ Соловьева и достойный клеветъ его, губилъ алеутовъ на Аватанакѣ *безоружныхъ и часто совершенно без-*

винныхъ. Вновь приходящіе русскіе съ 1770—1790 г., видя примѣры, какъ ихъ предшественники поступали съ островитянами, также позволяли себѣ иногда крайнія жестокости, особенно промышленные Очерединской и Полутовской компаніи.»

Особеннымъ геройствомъ въ этомъ случаѣ отличался промышленникъ Соловьевъ, который истребилъ болѣе 5,000 алеутовъ и убивалъ ихъ часто изъ одной только потѣхи. Однажды, напримѣръ, ему пришло въ голову испытать: *въ которомъ изъ поставленныхъ въ линію двѣнадцати человекъ остановится пуля?* Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать алеутовъ и выстрѣлилъ въ нихъ: *пуля остановилась въ девятомъ.* Въ другой разъ, желая чѣмъ нибудь развлечься, Соловьевъ согналъ въ одно укрѣпленное жилище 200 алеутовъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. Товарищъ и другъ Соловьева, Натрубинъ губилъ алеутовъ безъ милости, ни въ чемъ не виноватыхъ и совершенно безоружныхъ. Другіе промышленники поступали не лучше, они были туземцевъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ бобръ въ Илья Лазаревъ кидалъ туземцевъ съ утеса, рѣзалъ ножомъ, убивалъ обухомъ топора за то только, что кто нибудь изъ нихъ посмотрѣлъ на его любовницу. Случалось, что промышленникъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-алеуткѣ, *если та безъ его позволенія съгла кусокъ китовины.* Иногда промышленники выкапывали яму, ставили надъ нею алеутовъ и ударами толстыхъ палокъ сваливали ихъ за смертью одного за другимъ въ эту яму. Много гибло алеутовъ отъ подобнаго варварства промышленниковъ, но еще болѣе гибло ихъ, когда русскіе ходили «смирять туземцевъ.» Такъ одна изъ такихъ партій съ подобною цѣлью отправилась на островъ Умнакъ. Подойдя тайкомъ къ первому селенію, русскіе напали на него врасплохъ и перебили всѣхъ жителей, безоружныхъ и не ждавшихъ нападенія; та же участь постигла два слѣдующія селенія. Подходя къ четвертому селенію русскіе, промокли отъ дождя и продрогли. Алеуты, еще ничего не знавшіе объ истребленіи ихъ сродниковъ, радушно приняли русскихъ, обогрѣли ихъ и угостили. Но обсушившись и подкрѣпивши свои силы, промышленники напали на хозяевъ и перебили всѣхъ жителей безъ остатка.

Правительство, не знавшее о злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ промышленниками, награждало ихъ различными льготами и привилегіями:

Награды сыпались на промышленниковъ «за всѣ ихъ къ добру общества подвиги и благонамѣренныя дѣянія». Такъ между прочимъ 2 марта 1766 года послѣдовалъ слѣдующаго рода указъ Екатерины II на имя сибирскаго губернатора Чиренина: «Денисъ Ивановичъ, реляцію вашу о сысканіи и приведеніи шѣ въ подданство неизвѣстныхъ до-нынѣ шести алеутскихъ острововъ, такъ какъ и копію съ рапорта отъ казака Васютинскаго читала я съ удовольствіемъ, и сіе пріобрѣтеніе шѣ весьма пріятно; жаль только, что обстоятельное всему описаніе и жителямъ переписныя книги пропали. Что вы купцу Толстымъ обѣщали пожалованныя отъ меня преждевышедшимъ изъ такого морскаго вояжа компаніямъ привилегіи и выдѣленную у него изъ собраннаго съ оныхъ острововъ ясака десятую часть ему возвратитъ, оное я опробую, и прикажите то самымъ дѣломъ исполнить, также казаковъ Васютинскаго и Лазарева для поощренія ихъ произвести въ тамошнія дворяне. Дай Богъ, чтобы они и предприемлемый ими нынѣшнею весною вояжъ окончили благополучно и съ добрыми успѣхами»...

Къ этому времени относится дѣятельность рыльскаго почетнаго гражданина Шелехова, который составилъ компанію съ двумя Голиковыми съ капиталомъ въ 70,000 руб., съ цѣлью построить два или три судна и отправить ихъ на «Аляксинскую землю, называемую Американскою, на знаемые и незнаемые острова, для производства пушнаго промысла и всякихъ поисковъ и заведенія добровольнаго торгоу съ туземцами.» Это желаніе завести съ туземцами добровольный торгъ Шелеховъ надѣялся осуществить при помощи 130 человекъ команды и пяти пушекъ, съ которыми онъ высадился на островъ Кадьякъ и немедленно разбилъ 400 человекъ туземныхъ жителей. Основавши на Кадьякѣ поселенія и сдѣлавши кой-какія географическія изслѣдованія, Шелеховъ возвратился въ Иркутскъ и представилъ генералъ-губернатору Якоби краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ. Подвиги свои онъ преувеличилъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти: такъ, напримѣръ, въ первой стычкѣ онъ разбилъ четыреста человекъ, въ числѣ которыхъ были и женщины, а въ рапортѣ онъ увѣрялъ, что имъ разбито 4,000 человекъ, а 1,000 взято въ плѣнъ (Тих. стр. 8). Въстѣ съ тѣмъ онъ доносилъ, что въ одну зиму обратилъ множество туземцевъ къ христіанству и до того убѣдилъ ихъ въ благодати и мудрости государыни, что они «страхъ, какъ Ея

Величество помобилим. Въ заключеніе Шелеховъ ухитрился ввернуть такого рода ловкую фразу, что «безъ монаршаго благоволенія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой, поелику и по дѣлу сему припалъ и приступлю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ земляхъ и островахъ сдѣлать собою обоврѣніе и угодымъ оныхъ учинить замѣчанія, а въ пристойныхъ мѣстахъ въ отвращеніе другихъ державъ расположить надежнѣйшія наши, служащія къ славіи премудрой нашей государыни, въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, занятія». (Тихм. 15).

Губернаторъ Якоби, въ донесеніи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ II о геройскихъ подвигахъ Шелехова и усердіи его «ради Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса», высказалъ мысль о необходимости наградить эти подвиги и усердіе правомъ на *исключительное* производство пушнаго промысла, чрезъ что «вѣрноподданническое усердіе его, одобренное милостію Ея Величества, заставитъ усугубить стараніе къ образованію сихъ народовъ». Коммерцъ-Коллегія въ свою очередь представила свое мнѣніе о необходимости поддерживать предпріятіе, «объщающее въ будущемъ столь значительную пользу, ссудою отъ казны двухъ сотъ тысячъ рублей на 20 лѣтъ безъ процентовъ, съ возвращеніемъ капитала по частямъ». Но Екатерина не согласилась ни на одно изъ этихъ предложеній, а наградила только Шелехова и Голыкова золотыми медалями и похвальными листами «*съ изображеніемъ встѣхъ ихъ къ добру общества подвиговъ и благонамѣренныхъ дѣланій*».

По смерти Шелехова купецъ Мыльниковъ соединился съ его компаніей, и составилъ особенное товарищество для производства промысла: капиталъ компаніи былъ увеличенъ до 724,000 руб. и раздѣленъ на 724 акціи, по 1,000 руб. каждая. Дѣятельность этой новой, соединенной компаніи, была такъ же неудовлетворительна, какъ и дѣятельность прежнихъ промысловыхъ партій. Главное зло заключалось въ крайне небрежномъ составѣ дѣателей, которыхъ выбрали изъ людей самаго предосудительнаго поведенія и разнаго рода преступниковъ. «Ни во что не ставя собственную жизнь», говорятъ Головинъ, «они тоже думали и о жизни другихъ, а бѣдныхъ алеутовъ считали едва ли лучше скотовъ, слѣдовательно страхъ наказанія въ будущей жизни, дѣйствующій иногда и надъ злодѣями, менѣе закоренѣлыми, не могъ производить надъ ними никакого впечатлѣнія».

тѣнія, а гражданской расправы они не имѣли причины бояться; и потому-то, кромѣ грабежа, они часто дѣлали убійства, отнимали женъ и дочерей и производили всякаго рода немщовства надъ бѣдными жителями. Кромѣ того нерѣдко случалось, что два отдѣленія промышленныхъ, принадлежа разныхъ компаніямъ, встрѣтившись на какомъ либо островѣ, гдѣ выгодные промыслы, начинали свиданіе свое скорою, а оканчивали настоящимъ боемъ, при которомъ бывали убитые и раненые, и такіе законопротивные поступки оставались не только безъ наказанія, но даже изслѣдованія.» (См. Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній. Вып. I-й стр. 51 и 75). Кромѣ того, такъ какъ промышленники поступали на службу въ еединенную компанію на томъ же основаніи, какъ и къ прежнимъ хозяевамъ, т. е. не изъ опредѣленнаго жалованья, а изъ половинной доли въ добычѣ, то они главнымъ образомъ заботились только объ увеличеніи этой доли и самымъ безразсуднымъ образомъ истребляли цѣлыя породы звѣрей.

Императоръ Павелъ I ѣ какъ-то узналъ о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ. «Такия жестокости», говоритъ Головинъ, «возбудили гнѣвъ монарха, и онъ совѣтъ хотѣлъ уничтожить *промышленность, для имперіи и народа ничего не значущую.*» Но друзья и пріятели компаніи дали дѣлу совершенно иной ходъ, и Высочайшимъ манифестомъ отъ 8 го іюля 1799 года компаніи «позволялось пользоваться всѣми промыслами и заведеніями по берегу Америки, тако жъ на островахъ Курильскихъ, Алеутскихъ и другихъ, по сѣверо-восточному океану лежащихъ.» Въ пользу компаніи поступало все, «что на поверхности земли и въ недрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется.» Она получала право дѣлать открытія новыхъ земель и занимать ихъ, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможеніе отъ правительства и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ запрещено пользоваться этими выгодами и преимуществами, «не токмо тѣмъ, кои бы сами собою мореплаваніе туда предпринять похотѣли, но и всѣмъ прежнимъ промышленникамъ.» Въ 1800 г. главное правленіе компаніи переведено въ Петербургъ, за десятки тысячъ верстъ отъ своихъ колоній, чтобы удобнѣе управлять ими! Между тѣмъ правительство продолжало покровительствовать компаніи: въ 1801 году императоръ Александръ I-й внесъ въ ея

капиталь 10,000 р., его примѣру послѣдовали императрица и наследникъ; въ 1802 г. велѣно выдать компаніи на восемь лѣтъ 250 т. р.; въ 1803 году—100 тысячъ; въ 1806 г. отложено на всегдашнее пособіе компаніи, по ея востребованію, 200,000 руб. По истеченіи двадцатилѣтнихъ привиллегій компаніи, они снова были возобновляемы и увеличиваемы новыми льготами: туземные жители были отданы въ полное и безконтрольное распоряженіе компаніи. Каждый туземецъ отъ 18 до 55 лѣтъ обязанъ былъ являться по первому востребованію на всякую работу, какую назначить ему компанія, онъ не имѣлъ права не только продавать, но даже *дарить* ничего изъ пушнаго продукта никому, кромѣ компаніи, не имѣлъ права покупать ничего въ другомъ мѣстѣ, кромѣ компанейскихъ складовъ. Даже изъ пищи туземецъ можетъ употреблять только ту, которую сообразованіемъ назначить ему компанія. Правительство перестало даже смотрѣть на компанію, какъ на чисто коммерческое предпріятіе, а какъ на учрежденіе правительственное. Въ мнѣніи государственнаго совѣта 1841 г. сказано: «такъ какъ правительство, сверхъ торговой и промышленной монополіи, удѣлило компаніи часть своей власти по управленію отдаленнымъ и пустыннымъ краемъ, гдѣ лежитъ теперь на ней и на собственныхъ ея средствахъ вся мѣстная администрація; то компанія не есть уже одно коммерческое сословіе, но нѣкоторымъ образомъ и власть правительственная.»

Такимъ образомъ, привиллегіи, дарованныя правительствомъ Американской компаніи такъ громадны, что мы имѣемъ полное право требовать самыхъ счастливыхъ результатовъ отъ дѣятельности компаніи въ отношеніи къ туземцамъ, отданнымъ въ ихъ полное распоряженіе. Къ какимъ дѣйствительно результатамъ привела дѣятельность компаніи, въ какой мѣрѣ она выполнила свои обязательства въ отношеніи къ туземцамъ,—рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе необходимо, что компанію очень часто упрекаютъ въ насиліи и крайнихъ злоупотребленіяхъ по управленію туземцами, такъ что племя алеутовъ начинаетъ исчезать, и островамъ угрожаетъ опасность остаться совершенно безлюдными. И дѣйствительно, изъ историческаго обозрѣнія образованія русско-американскихъ колоній, составленнаго Тихменевымъ видно, что по переписи, произведенной въ теченіи зимы 1795 — 1796 года лично самимъ Барановымъ,

первымъ главнымъ правителемъ колоній, оказалось жителей на островѣ Кадьякъ 6,206 душъ обоого пола; по колоніальнымъ же отчетамъ 4-го января 1849 года считалось уже тамъ всего 3,252 души, а по свѣденіямъ, полученнымъ въ колоніяхъ Костливымъ въ 1861 г., во всемъ Кадьяскомъ отдѣлѣ считается 2,148 душъ алеутовъ и 874 креоловъ, а всего 3,019 душъ обоого пола. Слѣдовательно, въ продолженіи 63 лѣтъ въ Кадьяскомъ отдѣлѣ народонасеніе сократилось болѣе, чѣмъ на половину. Цифра эта краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ говоритъ противъ компанейскаго управленія колоніями. Что виною такой ненормальной убыли колоніальнаго народонасенія служила произвольная компанейская администрація, въ этомъ легко убѣдиться при первомъ знакомствѣ съ тѣми тяжелыми условіями жизни, въ какія поставила компанейская администрація алеутовъ.

До покоренія алеутовъ русскими, они были народомъ воинственнымъ, часто съ ожесточеніемъ воевали между собою, повлонулись и долашъ и обрѣтались, какъ выражаются официально, *въ шаманскомъ заблужденіи*. Послѣ пораженія алеутовъ русскими и всѣхъ тѣхъ ужасовъ, каковымъ подверглись покоренные, въ нихъ не осталось и слѣда прѣжняго воинственнаго духа. По наружности они малорослы и неуклюжи: привычка съ юныхъ лѣтъ проводить большую часть времени на *байдаркѣ* (лодка особеннаго устройства), гдѣ при греблѣ работаютъ только руки и все движеніе сосредоточивается въ верхней части туловища, тогда какъ ноги, поджатые калачомъ, остаются покойны, сдѣлала то, что у нихъ развито туловище, а ноги короткія и кривыя. По характеру своему алеуты чрезвычайно смиренны, покорны, добры, терпѣливы въ перенесеніи всякаго рода лишеній. Эти два послѣднія качества: безконечная кротость и терпѣніе алеутовъ явились въ нихъ и воспитались тѣми тяжелыми насиліями, какія имъ постоянно приходится переносить отъ русскихъ. «Дѣйствія русскихъ промышленниковъ», говоритъ въ своемъ отчетѣ Головинъ, «довели алеутовъ до безконечной покорности, и ни одному изъ нихъ и въ голову не придетъ ослушаться кого либо изъ русскихъ.» (Отчетъ стр. 299). Въ примѣрѣ изумительной выносливости алеута, кромѣ другихъ случаевъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, укажемъ на его терпѣніе къ перенесенію самыхъ тяжелыхъ физическихъ лишеній. Алеутъ терпѣливо голодаетъ по нѣскольку дней, удовлетво-

рется обыкновенно кускомъ отвратительной китовины или ракушками, которыхъ собираетъ на берегу моря, а зимой и осенью, когда и этого нельзя достать, онъ со всей семьей питается ремнями изъ моржовой или свинчей шкуры, которые мелко рѣжетъ и варитъ въ морской водѣ. Только тогда, когда этотъ запасъ истощается, проголодавшійся алеутъ рѣшается просить милостыню, ходить и объявляеть всѣмъ, что у него *брюхо есть* т. е. что онъ голоденъ. Алеуты живутъ чрезвычайно мирно другъ съ другомъ, дракъ и ссоръ между ними никогда почти не бываетъ; «а если и случаются какія либо домашнія несогласія у одного семейства съ другимъ», говоритъ Н. Алексѣевъ, «то они продолжаются не болѣе, какъ до раздѣла перваго подстрѣленного кита и тогда противники опять дѣлаются друзьями.» При раздѣлѣ добычи на пай обыкновенно принимаются въ расчетъ и тѣ, которые по какимъ либо обстоятельствамъ не могли пріѣхать на дѣлежъ. Алеутъ тогда только хозяинъ пріобрѣтеннымъ имъ запасамъ продовольствія, когда онъ везетъ ихъ въ своей байдаркѣ. Лишь только онъ приткнулся къ берегу, то дѣлается какъ будто постороннимъ въ своемъ собственномъ добрѣ, въ особенности въ промыслѣ рыбы, въ мясѣ морскихъ звѣрей, китовинѣ и проч. Каждый изъ земляковъ его беретъ, что хочетъ, а нѣтъ, такъ онъ самъ раздаетъ часть пріобрѣтеннаго по другимъ землякамъ. Трудно увѣрить алеута, что онъ долженъ сберегать кое-что для себя на черный день; «да,—скажетъ онъ въ отвѣтъ,— *вамъ ваша земля, а намъ Богъ далъ день и море*». Эту же самую черту указываетъ въ алеутахъ Головинъ: «пріѣзжая съ промысла, алеутъ раскладываетъ пойманную рыбу на берегу и самъ уходитъ домой; за тѣмъ каждый, кому нужна рыба, можетъ приходить и брать, что ему угодно, хозяинъ же рыбы довольствуется остатками.»

Въ домашнемъ быту алеутъ заключаетъ въ себѣ многія условія, дѣлающія его хорошимъ семьяниномъ, такъ какъ миролюбіе составляетъ основную черту его характера. Впрочемъ женщины-алеутки вовсе не отлучаются цѣломудріемъ, и въ этомъ опять-таки виновата пришлая сволочь, тѣ разбойники, которые, при своемъ появлении, начали внушать дикарямъ особыя правила, такъ что они, и безъ того не понимавшіе, что такое скромность, легко поддались убѣжденію русскихъ промышленниковъ и очень наивно говорятъ, что не слѣдуетъ отказывать человѣку и огорчать его, когда такъ просто и легко исполнить его прось-

бу. Сами алеуты уже привыкли къ этому порядку вещей и нисколько не претендуютъ на своихъ женъ за невѣрность, лишь бы дома хозяйство шло, какъ слѣдуетъ, и за дѣтьми былъ надлежащій уходъ, а тамъ пожалуй утѣшай, кого хочешь. Кроме того, частое голоданье въ зимніе мѣсяцы ослабляетъ алеутовъ, а когда желудокъ пустъ и силы слабы, такъ едва ли придетъ въ голову охота амуриться съ женой. Поэтому алеутъ вовсе не въ претензіи, если у него найдется *половинщикъ*, который заботится, чтобы женѣ не было скучно и поддерживаетъ своими приношеніями семью, въ которой нѣкоторые, а можетъ быть и всѣ дѣти — его собственныя. Начальство не находитъ нужнымъ вмѣшиваться въ такія дѣла, тѣмъ болѣе, что половинщики умножаютъ населеніе, а это полезно для края. Необходимымъ результатомъ подобнаго порядка и слишкомъ частыхъ утѣшеній русскихъ алеутками и колошенками было — сильное распространеніе въ колоніяхъ сифилиса. Сифилисъ въ громаднѣхъ размѣрахъ распространялся между колошами, которые считаютъ его необходимымъ зломъ и мѣръ не предпринимаютъ никакихъ. Компания также бездѣйствуетъ и только недавно, нынѣшній правитель колоній, Фуругельмъ велѣлъ разрушить всѣ шалаши около порта, въ которыхъ русскіе сходятся съ колошенками, и построилъ особое помѣщеніе, гдѣ наслаждающіеся подвергнуты строгому осмотру и надзору. Но очевидно, что одною этою мѣрою зло не можетъ быть прекращено, и дѣйствительно сифилисъ сильно свирѣпствуетъ въ мѣстномъ населеніи. «Въ числѣ солдатъ и рабочихъ, служащихъ компанія» говорить въ своемъ отчетѣ Головинъ, «есть и такіе, которые нарочно отыскиваютъ случая заболѣть, чтобы, лежа въ больницѣ, избавиться отъ работы.» Хороша, должно быть, жизнь колониальныхъ рабочихъ и легка ихъ работа, если они соглашаются перенести заразительную болѣзнь, чтобы хоть на время отдохнуть отъ этой работы.

О дѣятельности тамошнихъ миссіонеровъ Головинъ говорить въ своемъ отчетѣ: «Если назначеніе миссіонеровъ заключается только въ томъ, чтобы, такъ или иначе, окрестить въ годъ нѣсколько инновѣрцевъ и показать въ отчетахъ, что число обращенныхъ увеличивается, то колониальные миссіонеры усердно исполняютъ свою обязанность; если же назначеніе миссіонера, при помощи евангельскаго ученія, дѣйствовать на смягченіе нравовъ ди-

карей, помогать ихъ нуждамъ, вліять на воспитаніе дѣтей,—въ такомъ случаѣ ни одинъ изъ настоящихъ и прошедшихъ нашихъ миссіонеровъ не выполнилъ своего дѣла. (Отч. стр. 365). На самомъ дѣлѣ всѣ алеуты до сихъ поръ полнѣйшіе язычники, хотя по компанейскимъ отчетамъ большая часть изъ нихъ записана христіанами; но если завтра этимъ записаннымъ христіанамъ скажутъ, что надо имъ сдѣлаться магометанами, то они безъ разсужденія будутъ ходить въ мечеть и совершать намазъ, какъ теперь ходятъ въ церковь и ставятъ къ образу свѣчи. Вообще до церкви они неохотники. Побуждаются они къ крещенію единственнымъ желаніемъ получить какія нибудь выгоды, подарки, угощеніе и возможность время отъ времени обращаться съ просьбою о вспоможеніи къ крестнымъ оцу и матери, которыхъ они стараются выбирать изъ лицъ достаточныхъ или почетныхъ. Такой полный неуспѣхъ дѣятельности миссіонеровъ, по мнѣнію Костявцова, происходитъ между прочимъ потому, что ни одинъ изъ находящихся въ колоніяхъ миссіонеровъ не знаетъ вовсе туземнаго языка, слѣдовательно не можетъ говорить съ туземцами, такъ что даже исповѣдь совершается при помощи толмачей, которые если и знаютъ туземное нарѣчіе, то плохо знакомы съ русскимъ языкомъ. Кромѣ того большинство миссіонеровъ совершеннѣйшіе невѣжды, а нѣкоторые отличаются самымъ развратнымъ поведеніемъ. «Монахи миссіонеры» писалъ Головинъ, отнимали у туземцевъ женщинъ, жиливали съ ними дѣтей, пьянствовали постоянно, грабили алеутовъ и т. п., такому развратному житію ихъ много содѣйствовалъ самъ главный правитель колоній Барановъ». Миссіонеры эти до того вооружили противъ себя туземцевъ, что они гораздо послѣ просили русскихъ не присылать къ нимъ миссіонеровъ, говоря, что убьютъ перваго пріѣхавшаго къ нимъ.

Для полной характеристики алеутовъ, надо указать еще одну, весьма почтенную черту ихъ характера,—это любовь къ независимости и глубокое отвращеніе ко всякаго рода посягательствамъ на ихъ свободу, въ какихъ бы мягкихъ формахъ ни сказывалось это посягательство и какими бы мошенническими уловками притѣснителей оно ни прикрывалось. Алеутъ охотнѣе готовъ обитать въ своей холодной, вонючей землянкѣ, «имѣть брюхо» т. е. голодать или питаться незатѣйливымъ супомъ изъ моржовыхъ ремней, сварен-

выхъ въ морской водѣ, чѣмъ пользоваться нѣкоторымъ довольствомъ, купленнымъ цѣною стѣсненія своей независимости. Алеутъ готовъ трудиться, если его попросятъ; но онъ ненавидитъ всякаго рода занятія по приказанію начальства, ослушаться которому онъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности. Эту черту алеута указываютъ всѣ, посѣщавшіе наши американскія колоніи. Алеутъ чрезвычайно впечатлителенъ ко всякаго рода оскорбленіямъ, брань сильно обижаетъ его, а тѣлесное наказаніе считается такимъ позоромъ, что наказать алеута — значить подвинуть его на самоубійство. «*Высѣченный алеутъ жить не будетъ: онъ и тѣ заданится, или бросится въ море,*» говоритъ Головинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ.

Замѣтимъ при этомъ, что мы отдаемъ преимущество тѣмъ свѣдѣніямъ о кампанейской администраціи, которыя сообщаетъ г. Головинъ въ своихъ путевыхъ письмахъ, предъ тѣми, которыя собраны въ его оффиціальномъ отчетѣ. Послѣднія отличаются неполнотою, односторонностію, переполнены соображеніями, ни на чемъ не основанными, и выводами, ни изъ чего невытекающими. Авторъ видимо старался только наполнить рубрики программы, которою онъ заручился въ Петербургѣ и наполнить ихъ притомъ такими свѣдѣніями, которыя доказывали бы только то, что *слѣдуетъ доказать*. Въ концѣ концовъ онъ утверждаетъ, что для блага колоній необходимо предоставить компаніи всѣ тѣ привиллегіи, которыми она до сихъ поръ пользовалась и что вся реформа въ колоніальномъ управленіи должна заключаться только въ измѣненіи титула главнаго правителя колоній, какъ будто отъ такого измѣненія можетъ что нибудь *вослѣдовать*. «Было бы полезно», говоритъ онъ, «измѣнить титулъ главнаго правителя колоній, наименовавъ его губернаторомъ». (Отчетъ стр. 318.)

Въ уставѣ компаніи слѣдующимъ образомъ опредѣлены ея отношенія къ алеутамъ:

1) Алеутамъ воспрещается отлучаться, куда бы то ни было, безъ особаго на то дозволенія начальства, а въ свободное отъ компанейской службы время *дозволяется заниматься рыбною ловлею по берегамъ, ими самими обитаемымъ, и то лишь для собственнаго и семейства ихъ пропитанія.* § 264.

- 2) Алеуты, начиная от 18 до 50 лѣтняго возраста, обязаны служить компаніи для ловли звѣрей. § 265.
- 3) Алеутамъ воспрещается какъ продажа, такъ в дареніе (?) мягкой рухляди помимо компаніи. §§ 264 и 275.
- 4) Алеуты обязаны продавать компаніи упромышляемыхъ ими звѣрей, *по утвержденной главнымъ правленіемъ таксъ.*
- 5) Въмѣсто наличныхъ денегъ, они обязаны принимать отъ компаніи или товаръ, *по компанейской также таксъ*, или марки т. е. компанейскія ассигнаціи, сдѣланныя изъ кожи
- 6) Воспрещается алеутамъ входить въ расторгки или торговыя сношенія, съ кѣмъ бы то ни было, помимо компаніи, *хотя бы тѣ сношенія и не имѣли предметомъ торговлю пушныхъ промысловъ*
- 7) Колоніальное управленіе распоряжается алеутами для заготовленія продовольствія рыбою и птицею, какъ на время промысловъ, такъ и на прочее время года, *не выдавая имъ за это никакой особой платы.*
- 8) Компанія имѣть право или обязанность препятствовать развитію между алеутами роскоши, то есть, *употребленію хлѣба (?!) чайя и другихъ подобныхъ (?) предметовъ.* § 176.

Таковы главныя черты привиллегій, предоставленныхъ Россійско-американской компаніи въ отношеніи алеутовъ. Сумма всѣхъ этихъ привиллегій предоставляетъ компаніи въ безграничную монополію не только всѣ произведенія края, но и самую личность алеута. Онъ рабъ компаніи въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ больше рабъ, чѣмъ нашъ бывшій крѣпостной крестьянинъ. Свободная воля алеута совершенно связана ограниченіями устава, вся его дѣятельность является результатомъ самой тяжелой обязанности, въ замѣнъ которой ему буквально не дано никакого права. Алеутъ не имѣть права даже на выборъ пищи, компанія имѣть власть приказывать ему ѣсть только то, что хочетъ, чтобы онъ ѣлъ, компанія, а не самъ алеутъ; на компанію даже возложена *обязанность* противодѣйствовать употребленію алеутами *хлѣба*, который по устуву отнесенъ къ предметамъ роскоши. Достаточно знать одни эти тяжелыя обязательства, возлагаемыя на туземцевъ уставомъ, чтобы не удивляться громадной смертности, существующей въ колоніяхъ, вслѣдствіе которой народонаселеніе мѣстное уменьшилось болѣе, чѣмъ на поло-

вину, и русскими колоніямъ угрожаетъ опасность остаться совершенно безлюдными.

Что подобное предположеніе вовсе не принадлежитъ къ области фантазіи, что наши колоніи дѣйствительно могутъ остаться совершенно безлюдными, если будетъ продолжаться подобный порядокъ дѣлъ, для убѣжденія въ этомъ достаточно только прослѣдить этотъ порядокъ, или точнѣе, неурядицу, и взглянуть на условія домашняго быта туземныхъ жителей.

Первое условіе жизни поселенина есть, безъ сомнѣнія, удобное помѣщеніе, какъ для него съ семействомъ, такъ и для всего его хозяйства. «Этого удобства»; говорить въ своемъ отчетѣ Костливцовъ, алеуты *не знали прежде, не знаютъ и нынѣ*. Домостроительство у нихъ стоитъ на той же низкой степени, какъ оно было въ первое время занятія острововъ русскими». (Отч. стр. 141.) А каковы были въ прежнее время жилища алеутовъ, мы знаемъ изъ словъ Лазарева, который описываетъ ихъ такимъ образомъ: «*кажимы*, въ коняхъ живутъ алеуты, состоятъ изъ двухъ сараевъ съ разными отдѣленіями, подобными стойламъ въ конюшняхъ. Сирадь и нечистота жилища, гдѣ помѣщается 150 алеутовъ съ ихъ женами и дѣтьми (въ лѣтнее время по случаю промысла число сіе увеличивается до 500), ужасаютъ и не позволяютъ путешественнику имѣть подробнѣйшаго познанія о ихъ домашней жизни.» И теперь эти жилища нисколько не ушли отъ прежнихъ. Въ сырыхъ и темныхъ кажимахъ биткомъ набитые, алеуты выдѣлываютъ шкуры и лавтаки для байдарокъ, чистятъ кишки и т. п., все это прѣтеть, гніеть и производитъ самую нестерпимую вонь. «Мы вошли въ одну подобную избу», говоритъ Головинъ, «и выскочили оттуда, какъ угорѣлые, такъ неприятно поразила насъ царствовавшій тамъ запахъ; еще минута, и мнѣ въ буквальный смыслъ сдѣлалось дурно.» Кажимы эти въ настоящее время строятся такъ же, какъ и прежде: до половины она находится въ землѣ, вмѣсто крыши настилаются толстыя травяныя рогожки, *нѣчейнытъ ни у кого*, вмѣсто стеколъ употребляются обыкновенно сивучьи или китовыя кишки. Заботясь объ улучшеніи жилищъ алеутовъ, компанія только ухудшила ихъ: прежде для выхода дыма и для свѣта дѣлалось нѣсколько отверстій на верху крыши кажимы, между стропилами; компанія приказала ихъ дѣлать въ боковыхъ стѣнахъ. Алеуты говорятъ, что эти новыя жилища неудобнѣе и гораздо недо-

ровѣ прежнихъ: низкія двери и маленькія окна не очищаютъ отъ этого воздуха, а это, по мнѣнію алеутовъ, не только вредитъ здоровью, но и препятствуетъ плодородію женщинъ. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что въ колоніяхъ такая громадная цифра больныхъ, преимущественно цынгою и простудными болѣзнями. Въ одномъ Ново-Архангельскѣ, на 10,144 народонаселенія въ 1860 году во всѣхъ колоніяхъ: лечилось въ тамошней больницѣ 1,400 человекъ. А между тѣмъ компанія въ своихъ отчетахъ постоянно говоритъ, что алеуты живутъ въ о прятныхъ, свѣтлыхъ и просторныхъ домахъ!..

Такая небрежность компаніи тѣмъ неизвинительнѣе, что лѣсъ растетъ обильно по всему американскому берегу, на прилежащихъ къ этому берегу островахъ, на островѣ Кадьякъ и др. Внутри сѣверной части материка онъ занимаетъ громадныя пространства. Лѣсъ большею частью еловый, но хорошаго качества, есть лиственница, дикій липарисъ, береза и дубъ. Компанія отправляетъ даже для продажи за границу доски и рангоутныя деревья, а между тѣмъ алеуты заблуждъ и умираютъ въ холодныхъ землянкахъ, покрытыхъ травяными рогами!..

Въ § 100 устава Россійско-Американской компаніи сказано, что «обеспеченіе колоній *всѣми потребностями* принадлежитъ къ числу главныхъ и существенныхъ обязанностей главнаго правленія».

Выраженіе: «*обеспеченіе всѣми потребностями*» слишкомъ удобопротяжимо, и мы уже имѣли случай видѣть, какъ главное правленіе исключило изъ предметовъ первой потребности хлѣбъ, отнесло его къ предметамъ роскоши и рѣшилось противодействовать распространенію между алеутами этого предмета роскоши. Такъ какъ компанія предоставлена исключительная монополія торговли въ колоніяхъ, и никто кромѣ нея не имѣетъ тамъ права торговать; то и обязательство компаніи относительно снабженія колоній всѣми потребностями простирается не только на алеутовъ, но и на всѣхъ вообще жителей колоній. О продовольствіи алеутовъ компанія, какъ мы увидимъ ниже, совершенно не заботится и обеспечиваетъ ихъ только срудіями, необходимыми для производства пушнаго промысла, т. е. обеспечиваетъ ихъ только тѣмъ, что необходимо для выгодъ и барышей самой компаніи. Такимъ образомъ все, что мы будемъ говорить о продовольствіи колоній, собственно до алеутовъ не относится: имъ

пользуются только русскіе и иностранцы, обитающіе въ колоніяхъ, главнымъ образомъ на островѣ Ситхѣ, отчасти также нижніе чины и рабочіе. Но и относительно этой части колониальнаго населенія дѣятельность компаніи до крайности неудовлетворительна. Заведя однажды навсегда извѣстный порядокъ, компанія вовсе не заботится объ отысканіи новыхъ средствъ для снабженія края всѣмъ нужнымъ, нрѣдко даже въ такихъ случаяхъ, когда средства эти, составляя благодѣяніе для края, доставили бы выгоду и самой компаніи. «*Россійско-Американская компанія не есть товарищество корыстолюбивыхъ купцовъ, но общество либеральное и просвѣщенное!*» — самоувѣренно заявляетъ о себѣ главное правленіе. (Докл. 579); и вотъ это либеральное и просвѣщенное общество дѣйствуетъ безтолковѣе и неразсчитливѣе самыхъ корыстолюбивыхъ купцовъ. Корыстолюбивый купецъ, безъ всякаго просвѣщеннаго либеральничанья въ пріятной компаніи, изъ одного чистаго расчета позаботится по возможности хорошо обставить жизнь алеута. Въ этомъ его прямая выгода: алеуть—главное богатство края, имъ добывается и поддерживается богатство, безъ алеута всѣ наши американскія колоніи не имѣютъ никакой цѣны. Американская компанія, «общество просвѣщенное и либеральное», и этой простой истинѣ понять не хочетъ: она просвѣщенно либеральничаетъ въ пріятной компаніи, сложа руки и—только.

Хлѣбопашества и огородничества въ колоніяхъ не существуетъ. Компанія дѣлала нѣсколько опытовъ къ разведенію хлѣбопашества, но такъ какъ опыты эти были неудачны, то компанія пришла къ убѣжденію, что хлѣбопашество въ колоніяхъ существовать не можетъ. Но живнiю лицъ, хорошо знаемыхъ съ краемъ, компанейское убѣжденіе о невозможности хлѣбопашества совершенно неосновательно. Кенайскій, наприимѣръ, край представляетъ для этого всѣ удобства: хорошій климатъ, плодородная почва, богатая растительность—все это указываетъ на возможность разведенія тамъ зерновыхъ хлѣбовъ. Вообще компанія знаетъ очень мало о жѣстностяхъ принадлежащаго ей края и никакихъ изслѣдованій не дѣлаетъ. Такимъ образомъ, наприимѣръ, на островѣ Ситхѣ извѣстенъ только небольшой клочекъ земли, гдѣ построенъ Ново-Архангельскъ; во внутри острова никто никогда не проникалъ. «Одинъ изъ вольныхъ штурмановъ», рассказываетъ Голвинъ, «изъ любопытства проѣхалъ на

байдарѣ черезъ озеро, въ озерскомъ редутѣ на островѣ Ситхѣ, въ небольшую рѣчку, вытекающую изъ другаго озера, находящагося близъ Серебрянниковой бухты, и видѣлъ тамъ прекрасныя мѣста для пастбищъ. Это внутреннее сообщеніе неизвѣстно никому изъ ситхинскихъ жителей.» Не смотря на существованіе въ колоніяхъ богатыхъ пастбищъ, скотоводство тамъ также не существуетъ, и компанія извиняетъ себя въ этомъ недостаткѣ сѣна и невозможностію приготовить его по неостоянству климата. Но оговорка эта совершенно несправедлива: не въ недостаткѣ сѣна должно искать причинъ неудовлетворительнаго состоянія скотоводства. Причины эти слѣдующія: 1) неудовлетворительный уходъ за скотомъ, который доказывается тѣмъ, что, напримѣръ, въ Николаевскомъ редутѣ изъ 200 головъ осталось, по невниманію управляющаго редутомъ, только *три*; 2) компанія находитъ для себя болѣе выгоднымъ заниматься другимъ промысломъ и занимать рабочія руки тѣмъ, что приносить прямо денежныя пользы, нежели обращать трудъ людей на такой предметъ, который составляетъ необходимое удобство жизни. Такой расчетъ компаніи даже съ коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія «корыстолюбивыхъ купцовъ», оказывается совершенно несостоятельнымъ. Такъ какъ продовольствіе колоній все-таки лежитъ на компаніи, то она поставлена въ необходимость привозить всѣ продовольственные продукты изъ другихъ странъ, платить громадныя деньги за фрахтъ, и за все это имѣть продукты несвѣжіе и неудовлетворительныя, по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Конечно вся тяжесть этой неурядицы падаетъ исключительно на потребителей, жителей колоній; но компанія не слѣдовало бы забывать, что ея интересы и благосостояніе тѣсно связаны съ интересами и благосостояніемъ колоніальныхъ туземцевъ.

Хлѣбъ до настоящаго времени привозился кругосвѣтнымъ путемъ изъ Россіи и только небольшое количество его привозилось изъ Калифорніи. Доставляемая изъ Россіи ржаная мука обходилась въ колоніяхъ съ доставкой:

Въ 1856 г.	за пудъ	9 р.	42 к.	асс.
» 1857 »	» »	7 »	5 »	»
» 1858 »	» »	6 »	47 »	»
» 1859 »	» »	4 »	51 »	»

Сплавл. по Амуру:

въ 1857	»	»	»	3	»	48	»	»
» 1858	»	»	»	4	»	13	»	»

Продавалась же мука въ колоніяхъ постоянно по одной цѣнѣ: ржаная мука 5 руб. асс. за пудъ, а крупчатая 10 руб. Цѣна эта существуетъ и теперь. Но какъ по расчету мука иногда продавалась дешевле той цѣны, по какой она обходилась компаніи (исключая послѣднихъ лѣтъ, когда и на мукѣ *общество либеральное и просвѣщенное* зашибло порядочный процентъ), то компанія и положила за правило отпускать въ колоніи муки небольшое количество, избѣгая продавать ее по возможности алеутамъ и вообще не служащимъ компаніи. Отсюда-то и появился въ уставѣ странный параграфъ, которымъ вмѣнялось компаніи въ обязанность «препятствовать распространенію между алеутами роскоши, какъ то, употребленію хлѣба и т. п.»

Но даже и то обстоятельство, что компанія иногда продавала въ колоніяхъ муку дешевле той цѣны, по которой она обходилась ей самой, даже и это обстоятельство нельзя ставить въ заслугу компаніи. Компанія и въ этомъ случаѣ не несла никакого убытка, вся тяжесть котораго падала исключительно на бѣдныхъ потребителей, а компанія съ лихою наверстывала незначительный недочетъ тѣмъ, что, по заведенному опять таки съ незапамятныхъ временъ обычаю, присчитывала 77 процентовъ къ дѣйствительной стоимости другихъ товаровъ, получаемыхъ ее изъ Гамбурга. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ компанія распорядилась въ высшей степени несправедливо, обложивши сравнительно большимъ процентомъ предметы неизбѣжной необходимости передъ предметами роскоши и прихоти. Очевидно, что было бы гораздо справедливѣе возвысить проценты на предметъ роскоши, а на предметы необходимые значительно понизить, потому что первые падутъ на людей достаточныхъ, которымъ это будетъ не такъ чувствительно. А между тѣмъ «просвѣщенное и либеральное общество» продаетъ, напр., въ своихъ магазинахъ банку англійскихъ пикольсовъ за 43 к. сер., а масло скоромное продаетъ за 11 руб. 43 к. сер. за пудъ.

Изъ овощей наиболѣе употребляется въ колоніяхъ: картофель, рѣпа, брюква и отчасти горохъ. Огородничествомъ, какъ мы замѣтили выше, компанія не занимается; овощи разводятъ и доставляютъ ко-

лоши, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ совершенно зависятъ потребители: захотятъ колоши, и мѣстное населеніе имѣетъ овощи, не захотятъ—перевиваются и такъ. Компания же продаетъ жителямъ брюкву привозную по 8 руб. за боченокъ въ 8 ведеръ, а горохъ, привозимый изъ Россіи, по 12 коп. за фунтъ. Продукты эти существуютъ только въ продажѣ; но въ бесплатную пищу или въ котель, общій для всѣхъ нижнихъ чиновъ и рабочихъ, не даются, за исключеніемъ гороха, который варится въ котлѣ одинъ разъ въ недѣлю.

Особенно ощутителенъ въ колоніяхъ недостатокъ въ свѣжемъ мясѣ: свѣжаго мяса, т. е. говядины, тамъ совершенно не существуетъ, такъ что даже въ больницахъ употребляется солонина. Если же и убьютъ въ годъ двѣ, три головы рогатаго скота, то отъ убитаго едва достается по куску самымъ почетнѣйшимъ лицамъ. Недостатокъ свѣжаго мяса замѣняется солониною, по преимуществу соленою рыбою, потому что и солонина кладется въ котель только одинъ разъ въ недѣлю, по праздникамъ.

Солонина доставляется въ колоніи отъ полуторы до 2,000 пудъ въ годъ, привозится она изъ Аяна, съ Амура и изъ Калифорніи. Аянская солонина въ особенности самая плохая, да и не можетъ быть хорошею, потому что скотъ, назначенный для этой солонины, закупается въ Якутскѣ, откуда выгоняютъ его раннею весною, еще до снѣгу, когда нѣтъ подножнаго корма и гонятъ такимъ образомъ отъ 3 до 4 мѣсяцевъ; по пригонѣ въ Аянъ скотъ не имѣетъ времени поправиться, потому что надо спѣшить заготовить солонину. Вслѣдствіе этого солонина плоха, жестка и тѣмъ не менѣе слишкомъ дорога: продается она по 25 и 50 коп. за фунтъ. Такимъ образомъ даже солонина доступна немногимъ, и большинство остается на соленой рыбѣ, которая составляетъ пищу невкусную и мало питательную. «Должно сознаться», говоритъ Головинъ, «что я рѣдко пробовалъ щи или похлебку такого отвратительнаго вкуса». Свинина составляетъ нѣкоторое подспорье; но такъ какъ и свиньи въ колоніяхъ большею частію питаются рыбою и ракушками, то мясо ихъ отвратительно. Что касается до домашней птицы, то въ колоніяхъ разводятъ только куръ, но и тѣ часто питаются рыбой и приобретаютъ непріятный запахъ. Не смотря на то, курица продается отъ 5 до 7 руб., десятокъ яицъ стоятъ 5 и 6 руб.

Ромъ и крѣпкія вина употребляютъ въ колоніяхъ въ значительномъ количествѣ, и эта склонность къ употребленію рома, въ числѣ прочихъ причинъ, поддерживается главнымъ образомъ постоянно широко и холодною погодою. Жители колоній могутъ покупать ромъ только изъ кампанейскихъ магазиновъ, въ опредѣленномъ количествѣ и за опредѣленную цѣну: покупается онъ компанією по 15 руб., а продается по 50 руб., за ведро, т. е. компанія получаетъ на каждомъ ведрѣ рома чистаго барыша 325⁰/₀,—на такой процентъ, какой беретъ «просвѣщенное и либеральное общество» не посягъ ни одинъ изъ откупщиковъ. Служащимъ въ колоніяхъ, лицамъ простаго званія, ромъ выдается съ большими затрудненіями и не иначе, какъ по запискамъ ихъ ближайшихъ начальниковъ. Дикарямъ же ромъ не выдается вовсе съ цѣлію удержать ихъ отъ пьянства. Но мѣра эта нисколько не достигаетъ своей цѣли. Иностранцы снабжаютъ дикарей ромомъ за ихъ промыслы, которые такимъ образомъ ускользаютъ изъ рукъ компаній. Каждый изъ жителей старается имѣть въ своемъ распоряженіи какъ можно больше рома, потому что онъ составляетъ единственное средство вѣрнѣе найти работника и дешевле приобрести вещь. Если кому либо нужно нанять мастераго или рабочаго, то онъ долженъ заплатить за работу эту или деньгами, но невѣроятно дорогою цѣнѣ, или же ромомъ, что обойдется въ 10 разъ дешевле. Напримѣръ, мастеровой за шитье одной пары сапоговъ проситъ 30—35 руб., или бутылку рома, которая въ компанейской лавкѣ продается по 3 р. 50 коп. Сблазны слишкомъ велики, и при ограниченномъ содержаніи легче заплатить бутылку рома, чѣмъ отдать за ту же работу 35 руб. Есть такія работы, которыхъ никто не сдѣлаетъ иначе, какъ за вино, и потому тайная продажа рома развита въ самой сильной степени. Не смотря на строгость предпринимаемыхъ противъ этого мѣръ, всѣ почти безъ исключенія, начиная отъ высшихъ лицъ до низшихъ, платятъ за работы и мѣстные произведенія вмѣсто денегъ ромомъ. Къ этой тайной продажѣ рома прибѣгаютъ тѣмъ болѣе, что *только* у воюша и *только* за ромъ можно вымѣнять кусокъ свѣжаго мяса—ямака, или куропатку, тетерева и овощи; потому что, какъ мы замѣтили выше, огородничествомъ занимаются только колоши, охотою занимаются также одни только колоши. Такимъ образомъ всѣмъ этимъ компанія пользуется, благодаря милости колошей. «Если неравно имъ

вздумается разсердиться и покапризничать», говорит Головинъ, «что и бывало въ продолженіи года, то они перестаютъ приносить на рынокъ живность и овощи, и вся колонія свищетъ въ ноготокъ, и садится на аянскую солонину и соленую рыбу.» (Мор. Сб. 282). Чтобы мясо и овощи, доставляемые колошами, не попадали въ одни руки, а по возможности были доступны для всѣхъ, компанія придумала мѣру, которая, какъ и всѣ компанейскія мѣры, оказалась нелѣпностью и привела къ совершенно противоположному результату. Мы говоримъ прямо и можемъ доказать фактами, что *всѣ мѣры* компанія оказываются нелѣпностью: до какой стороны компанейской администраціи и торговой дѣятельности вы ни коснетесь, въ концѣ концовъ непременно окажется неурядица и безтолковщина.

Придуманная компаніею мѣра состояла въ слѣдующемъ: такъ какъ колошей въ селеніе не пускаютъ, то подлѣ батареи построили домъ, въ которомъ помѣстили всѣ товары, нужные обыкновенно колошамъ, сзади дома небольшое пространство обнесли высокимъ частоколомъ, и все это назвали рынокъ. Колошей впускаютъ въ этотъ рынокъ черезъ подъемную калитку, которая въ случаѣ надобности можетъ быть мгновенно опущена. Въ стѣнѣ дома или магазина устроено окно, закрывающееся изнутри толстою ставней. Когда колоши утромъ явятся на рынокъ и принесутъ туда припасы, состоящіе изъ дички козь (ямановъ), дичи, рыбы, картофелю, окно въ лавочкѣ отворится и компанейскій прикащикъ принимаетъ отъ каждаго колоша припасы по установленной таксѣ и взаменъ выдаетъ имъ вещи, также по установленной таксѣ. Когда торгъ конченъ, жители Ново-Архангельска явятся въ лавку, и получаютъ нужное количество яманины, картофелю и рыбы, также по таксѣ. Самимъ же жителямъ строго запрещено покупать, что бы то ни было, непосредственно у самихъ колошей. Этою мѣрою компанія достигла результата, совершенно противоположнаго тому, какова она надѣялась достигнуть. Благодаря этой мѣрѣ, яманиной съ базара и всѣми овощами прежде всего удовлетворяются почетныя лица; лицамъ же менѣ почетнымъ достается самая ничтожная часть или и совсѣмъ ничего не перепадаетъ. Но такъ какъ желаніе имѣть хоть извѣдка кусокъ свѣжаго мяса одинаково, какъ въ человѣкѣ почетномъ, такъ и простомъ, то отсюда являются у жителей тайныя сношенія съ колошами, за которыя компанія строго преслѣдуетъ и наказываетъ виновныхъ. А такимъ образомъ и выхо-

дятъ, что компанія наказываетъ преступниковъ, виновныхъ только тѣмъ, что они купили кусокъ свѣжаго мяса.

Колошей въ селеніе не пускаютъ и не пускаютъ потому, что компанія боится колошей, которые держатъ ее въ постоянномъ страхѣ, не признаютъ надъ собою никакой зависимости, разоряютъ компанейскія поселенія, нѣсколько разъ разоряли самый Ново-Архангельскъ, который, по словамъ Головина, «*постоянно находится въ осажденномъ положеніи.*» А между тѣмъ компанія при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ о своемъ покореніи туземцевъ, и еще во время Еватерины доносила ей «*о покореніи туземцевъ подъ высокую руку Государыни, ради Высочайшаго, Ея императорскаго величества интереса.*» Компанія въ своихъ отчетахъ называетъ колошей «*полузависимыми*», выраженіе, неимѣющее никакого смысла. Можно быть или независимымъ и зависимымъ. Выраженіе же «*полузависимый*» можетъ быть развѣ съ нѣкоторою натяжкою применено къ самой компаніи въ отношеніи колошей.

Колоши народъ совершенно дикій, храбрый, терпѣливый, способный геройски переносить всякія лишенія и физическую боль, хитрый, безприветливый и мстительный. Воровство считается у нихъ даже добродѣтелью, въ особенности если оно сдѣлано въ ущербъ чуждому роду или племени. По ихъ понятіямъ, кровь требуетъ крови, и потому мечь переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обвиняя собою цѣлыя племена: отсюда частыя и продолжительныя войны между отдѣльными племенами колошей, и эта-то вражда много содѣйствуетъ безопасности нашихъ колоній, иначе, соединившись подъ предводительствомъ смѣлаго начальника, колоши легко завладѣли бы нашими поселеніями и перерѣзали бы всѣхъ русскихъ. Всѣ они хорошіе стрѣлки и, благодаря иностранцамъ, вооружены весьма хорошими ружьями, пистолетами, револьверами и ручнымъ холоднымъ оружіемъ. Съ ножомъ колошъ никогда не расстается и, при первой ссорѣ, поражаетъ имъ своего противника. Животныя потребности у нихъ крайне ограничены: юкола, нѣсколько жиру и ракушки составляютъ обыкновенную ихъ пищу. Пьянство у нихъ сильно развито, и за бутылку рому колошъ готовъ рѣшиться на все. Вотъ эти-то колоши были постоянными противниками водворенія между ними русскихъ, и давали имъ слишкомъ тяжело это чувствовать. Такъ крѣпость св. Архистратига Михаила на островѣ Ситхѣ и селе-

не Слава-Россія въ Якутѣхъ были взяты и разорены колошани, а жители и гарнизонъ перерѣзаны. Въ 1835 году колоши напали на Ново-Архангельскъ, да и теперь ни одинъ русскій не смѣетъ безъ оружія удалиться на 50 шаговъ отъ крѣпости, а всѣ торговыя сношенія происходятъ только съ ситхинскими колошами, живущими въ 10 шагахъ отъ Ново-Архангельска. Стоитъ только колошамъ, какъ выражаются въ колоніяхъ, «зашумѣть», чтобы лишитъ все населеніе Ново-Архангельска возможности показаться даже за нѣсколько сажень за укрѣпленія. Мнѣніе это вполнѣ подтверждается двумя бывшими главными правителями колоній, Тебеньковымъ и Боеводскимъ. Оба они, въ отчетахъ компаніи о своихъ дѣйствіяхъ, говорятъ: «одно только разъединеніе или безначаліе колошъ спасетъ насъ отъ ихъ посягательства; имѣи весьма много причинъ енисходитъ имъ, или давать другой оборотъ ихъ дѣйствіямъ поступать, мы не можемъ быть увѣренными, *чтобъ Ситха, рано или поздно, при такомъ направленіи дѣлъ избыла кровавой развязки*»

Кстати, по поводу этого 280 § устава расскажем случай, бывший недавно. Ситхинскіе колоши, питая издавна вражду къ стахинскимъ, вздумали отмстить имъ; но такъ какъ они слабѣ послѣднихъ и мстить открыто не осмѣлились, то и положили сдѣлать это предательски. Съ этою цѣлью ситхинцы отправились для изъясненія притворной дружбы стахинцамъ и, наружно примирившись съ ними, пригласили ихъ къ себѣ въ гости. Но когда послѣдніе явились въ числѣ 40 человекъ, съ женами и дѣтьми, то хозяева среди самаго пира, перерѣзали всѣхъ гостей. Все это совершилось подъ стѣнами нашего укрѣпленія, и главный правитель не могъ ничего предпринять, потому что по силѣ того же 280 § онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла инородцевъ, *пока они сами не обратятся къ нему съ просьбою о покровительствѣ.*

За этой погнѣдной фразой покойно прячется компанія съ своимъ бездѣйствіемъ и смотритъ равнодушно на такія возмутительныя явленія, противъ которыхъ она должна употребить все свое вліяніе уже въ силу той правительственной власти, которая предоставлена ей въ колоніяхъ. Племя колошей раздѣляется на два сословія: на тоеновъ (дворянъ) и калговъ (рабовъ). *Ками* — рабъ тоена въ подлунномъ смыслѣ этого слова: жизнь, способности, сила омычская, трудъ — все

принадлежить его хозяину. У колошей существуетъ обыкновеніе, по смерти каждаго тоена, убивать нѣсколько чедовѣкъ изъ калговъ, чтобы умерщій имѣлъ прислугу въ будущей жизни. Обрядъ убійства калговъ обыкновенно производится такъ: люди, приговоренные на жертву, кладутся рядомъ на землю, на горло имъ накладывается шесть, на концы котораго садятся съ обѣихъ сторонъ родственники умершаго и такимъ образомъ душатъ несчастныхъ.

Компанія поговаривала было что-то объ уничтоженіи этого варварскаго обычая, но требовала значительнаго увеличенія гарнизона, и прибавки нѣсколько пушекъ, е. т. разсчитывала посредствомъ пушекъ смягчить нравъ дикарей и познакомить ихъ съ началами просвѣщенной цивилизаціи. Мѣра конечно очень незамысловатая, но едва ли посредствомъ этой мѣры можно достигнуть иныхъ результатовъ, кромѣ повальнаго истребленія колошей, такъ же, какъ это случилось и съ алеутами. Есть болѣе вѣрный и болѣе гуманный путь смягчить нравы дикарей, это — познакомить ихъ съ иными потребностями и иными интересами, что очевидно возможно только при сближеніи колошей съ русскими, возможно только тогда, когда русскіе перестанутъ переговаривать съ колошами въ окошечко и поддерживать свои слова пушечными выстрѣлами, какъ на дѣйствительную мѣру. мы можемъ указать компаніи очень простое средство: объявить свободными и дать работу всѣмъ рабамъ, которые обратятся къ русскимъ подъ покровительство. Но едва ли компанія захочетъ обратить вниманіе на эти соображенія.

Мы нѣсколько удалились отъ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ компанія продовольствуетъ колонію? Но все, что было выше сказано, такъ характерно обрисовываетъ компанейскую администрацію, что мы считаемъ такое отступленіе совершенно законнымъ.

Мы прежде оговорились, что все сказанное нами о продовольствіи компаніею колоній относится преимущественно къ тому населенію, которое составилось изъ пріѣхавшихъ русскихъ и иностранцевъ, объ алеутахъ же компанія не заботится, и продовольствіе ихъ лежитъ на ихъ собственномъ попеченіи. Обыкновенную пищу алеута, этого главнаго и единственнаго кормильца компаніи, награждающаго ежегодно многочисленныхъ акціонеровъ приличными дивидендами, составляютъ: сушеная рыба (юкола), мясо кятовое, сивучье, нерпячье и другихъ морскихъ звѣрей, лайденныя произведенія и разнаго рода выкидывае-

мыя моремъ ракушки. Всѣмъ этимъ питаются алеуты лѣтомъ; зимою же, особенно при продолжительныхъ вѣтрахъ, они буквально голодаютъ или питаются, по разсказу Головина, *моржевыми ремнями, сваренными въ морской водѣ*. Сдѣлать лѣтомъ запасъ на зиму алеуты не имѣютъ возможности, потому что лѣтомъ всѣхъ алеутовъ отъ 18 до 50 лѣтнаго возраста компанія отправляетъ для производства бобрового промысла, который доставляетъ громадный доходъ компаніи и даетъ ей возможность глотать сторублевые завтраки... Очевидно, что какъ бы ни былъ снисходителенъ желудокъ алеута, но едва ли онъ способенъ переваривать супъ, сваренный изъ ремней, и получать изъ этого жалкаго кушанья достаточное количество питательныхъ частей для организма.

Тотъ § устава, которымъ вмѣняется компаніи въ обязанность препятствовать распространенію между алеутами роскоши т. е. *употребленію хлѣба* и т. п. буквально выполняется компаніею. Хлѣба алеутамъ не даютъ: они могутъ покупать этотъ хлѣбъ на деньги въ компанейскихъ магазинахъ, да и тамъ имъ продаютъ его только въ самомъ ничтожномъ количествѣ. По свѣденіямъ, собраннымъ въ колоніяхъ Костливицовымъ, оказывается, что на всѣхъ жителей колоній доставляется ежегодно въ отдѣлы, не считая Ново-Архангельска, ржаной муки: 12,400 пуд., пшеничной муки: 585 пуд., разныхъ крупъ 885 пуд. Такимъ образомъ, принимая въ расчетъ 9,114 душъ обоего пола, проживающихъ въ колоніяхъ и находящихся въ соотношеніи съ компаніею, приходится на душу ржаной муки въ годъ: 1 пуд. 14 $\frac{1}{3}$ ф. или около фунта въ недѣлю; пшеничной муки въ годъ: 2 $\frac{1}{2}$ ф. или $\frac{1}{4}$ фунта въ недѣлю; крупъ въ годъ 3 $\frac{5}{8}$ фун. или $\frac{1}{16}$ фун. въ недѣлю. Цифра, какъ видите, слишкомъ ничтожная, да и этого количества муки алеуты не употребляютъ по той причинѣ, что муку надо купить на деньги, а денегъ алеуты не имѣютъ да и не могутъ имѣть.

Всѣ алеуты отъ 15 до 50 лѣтъ обязаны служить компаніи и на нихъ лежатъ исключительно всѣ компанейскія работы: для этого ихъ перевозятъ съ острова на островъ, отрываютъ часто навсегда отъ семейства, увозятъ отъ родины за тысячи верстъ. Главное ихъ занятіе—промыселъ бобровъ; но кромѣ этого алеуты употребляются на разныя другія работы, на постройки, рубку лѣса,

рыбную ловлю и т. п. Женщины и старики также обязаны работать на компанію: первыя собираютъ ягоды, заготовляютъ рыбу, шьютъ платье изъ собственныхъ матеріаловъ: это платье сдается въ компанейскія лавки, изъ которыхъ продается тѣмъ же алеутамъ. Плата женщинамъ самая ничтожная: такъ за нѣсколько парокъ, сшитыхъ изъ собственныхъ еврашечьихъ шкуръ, компанія даетъ алеуткамъ иголки для шитья или что нибудь въ родѣ драиной холщевой рубахи. Старики обязаны отыскивать птичья яйца, обыкновенно находящіяся въ гнѣздахъ на уступахъ скалъ. Для этого надо спускаться съ вершины скалы по ремняхъ, которые часто перетираются объ острые камни и охотникъ летитъ стремглавъ въ пропасть.

Всѣ эти работы производятся въ разныхъ мѣстахъ колоній, и алеуты развозятся по этимъ мѣстностямъ, отрываемые отъ семьи и отъ родины. Жены, дѣти и престарѣлые родители ихъ, лишившись лучшихъ работниковъ своей семьи, принуждены бѣдствовать, питаться отваромъ ремней, ракушками, морской падалью, выбрасываемою на берегъ, умирать съ голоду иногда цѣлыми поселеніями. Кромѣ того это отрываніе мужей отъ женъ препятствуетъ дѣтороженію и деморализируетъ алеутовъ, сильно привязанныхъ къ своей семьѣ, къ родному очагу.

Плату за всѣ эти работы алеуты получаютъ самую ничтожную, такъ же точно, какъ и за пушные промыслы—единственное средство къ жизни алеута. Компанія еще издревле установила однажды навсегда таксу, по которой алеуты должны продавать ей упромышленныхъ звѣрей; а какъ алеуты, по силѣ устава, не имѣютъ права не только продавать пушные промыслы, но даже и дарить ихъ никому другому, кромѣ компаніи, то, очевидно, никто не могъ попрепятствовать ей составить самую низкую таксу. Такимъ образомъ за шкуру морскаго бобра компанія платитъ алеуту 30 руб.; а по свѣденіямъ, собраннымъ Костливецевымъ у колошъ, послѣдніе получаютъ отъ иностранныхъ торговцевъ за такую же шкуру морскаго бобра:

9 одѣялъ на сумму	.	.	140 руб.
1 кружку пороха 4 ф.	.	.	6 «
1 кружку картечи 5 ф.	.	.	3 «

5 папушъ табаку виргинскаго	2	«	
1 ножъ поварской.	1	«	
1 гребень роговой.	»	«	50 к.
1 напилокъ	1	«	50 «
2 миски жестяныя	4	«	
5 бумажекъ краски	3	«	75 «
10 штукъ кремней	»	«	20 «

и водки въ подарокъ отъ 2 до 5 бут.

Итого 161 руб. 95 к.

Слѣдовательно за морскаго бобра, проданнаго иностранцамъ, колошъ получаетъ больше выгоды, чѣмъ алеутъ, слишкомъ 450⁰%. За рѣчнаго бобра алеутъ получаетъ 4 р., колошъ—20 р. За черную лисицу алеутъ—9 руб., колошъ—20. За сиводушку алеутъ 4 руб., колошъ—20. За красную лисицу алеутъ—2 р., колошъ—20 р. Такую же ничтожную плату алеутъ получаетъ и за всѣ остальные пушные промыслы, за лучшаго, напримѣръ, соболя компанія расщедрилась назначить ему 50 коп. ассиг. А между тѣмъ пушной промыселъ единственное богатство алеута, его единственное средство къ жизни!..

«Сравнивая количество уловленныхъ бобровъ съ числомъ взрослыхъ алеутовъ», говоритъ Головинъ, «окажется, что на каждого промышленника не придется въ годъ и одного бобра, слѣдовательно менѣе 30 руб. асс., такъ что этой суммы, выѣсть съ платою, полученною за шкуры земляныхъ звѣрей, едва достаточно алеуту на одежду и уже ничего не остается для устройства своего быта». Кроме того, компанія своими неосновательными распоряженіями относительно пушнаго промысла сдѣлала то, что промыселъ этотъ съ каждымъ годомъ дѣлается меньше и меньше. Особенно замѣтно въ послѣдніе года начинаютъ исчезать морскіе бобры, потому что компанія старается только упромыслить бобровъ, какъ можно больше, не заботясь ни о способахъ добыванія ихъ, часто весьма вредныхъ для промысла, ни о сохраненіи этой дорогой породы звѣря на будущее время. Послѣдствіемъ такой нераспорядительности и небрежности было сокращеніе звѣря въ однихъ мѣстахъ и совершенное уничтоженіе его въ другихъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Веніаминовъ: «чтобы ко-

личество бобровъ никогда не уменьшалось, не нужно и не должно употреблять всѣ средства для промысла бобровъ, то есть, надо принять за постоянное правило не промышленяты бобровъ во всякомъ известномъ мѣстѣ каждый годъ, но посѣщать бобровыя мѣста черезъ два года, или по крайней мѣрѣ черезъ годъ. Алеуты ежегодно ходятъ на бобровыя мѣста главное *пухатъ зѣвря* и отчасти промышленяты. Но если на это не будетъ обращено должнаго вниманія и промыселъ будетъ производиться однимъ вынѣшнимъ порядкомъ, то и на Уналашкинскихъ островахъ можетъ быть то же, что случилось на островахъ Прибылова, гдѣ въ первое время были тысячи бобровъ, но съ 1811 г. и понынѣ не стало видно ни одного». Все это было писано въ 1840 г., а безхозяйственность въ промыслѣ бобровъ продолжается и теперь. Отсюда почти повсемѣстно звѣрь начинаетъ исчезать. Такъ, напримѣръ, на островѣ Шумшу было упромышлено морскихъ бобровъ въ 1845 г. 376 штукъ, а въ 1856 году: 2, въ 1857 г. 3. На островѣ Ахтѣ было упромышлено морскихъ бобровъ въ 1844 г. 387, а въ 1853 г. — 4, въ 1854 г. — 9, въ 1857 г. — 5.

Сравнивая общію цифру пушныхъ промысловъ, добытыхъ компаніею въ первый и послѣдній періодъ существованія ея привилегій, т. е. съ 1797 по 1821 г. и съ 1842 по 1861 годъ, оказывается, что въ первый періодъ добыто морскихъ бобровъ всего 72,894, а во второй періодъ добыто всего 25,602, слѣдовательно противъ перваго періода меньше на 47,292. *Нороль* въ первый періодъ добыто всего: 4,802, а во второй — 2,536, слѣдовательно меньше на 2,266. Морскихъ котовъ добыто въ первый періодъ: 1,232,374, а во второй: 338,604, слѣдовательно добыто противъ перваго періода меньше на 893,770. Изъ этого сравненія оказывается, что пушной промыселъ въ колоніяхъ съ каждымъ годомъ падаетъ все болѣе и болѣе, что число морскихъ бобровъ, добытыхъ въ послѣдній періодъ, сравнительно съ первымъ, уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину, т. е. *ровно на столько, на сколько уменьшилась цифра алеутовъ сравнительно съ первымъ періодомъ*. Сличеніе очень любопытное, и мы представляемъ самой компаніи, за немѣнимъ случаемъ, рѣшить хоть такой вопросъ: уменьшеніе количества добытыхъ бобровъ не имѣло ли вліяніе на уменьшеніе цифры *самакъ* алеутовъ, или упадокъ боброваго промысла обуславливался громаднымъ

уменьшеніемъ цифры алеутскаго племени? Рѣшеніе этого вопроса можетъ привести компанію къ весьма назидательнымъ сближеніямъ.

Такимъ образомъ въ производствѣ пушнаго промысла компанія поступала такъ нерасчетливо, такъ близоруко понимала свои выгоды, какъ не поступилъ бы ни одинъ изъ корыстолюбивыхъ купцовъ. Безхозяйственность, небрежность и желаніе вдругъ захватить какъ можно больше барышей, произвели то, что пушной промыселъ уменьшился болѣе чѣмъ на половину. Эта небрежность тѣмъ виновниже, что пушной промыселъ — единственное богатство алеута, его единственнаго средство къ жизни, хотя средство очень ничтожное, благодаря компанейскому самоуправству и безцеромонной эксплуатаціи труда алеута. Не говоря уже о томъ, что такса за мѣха, покупаемые компаніею у алеутовъ, назначена самая ничтожная, такъ что колонія, вымѣнивая тѣже мѣха иностранцамъ получаютъ до 1,000% болѣе, чѣмъ получаютъ алеуты, существенное неудобство заключается между прочимъ въ томъ, что алеуты не имѣютъ права покупать ничего въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ компанейскихъ магазиновъ. Изъ этихъ-то магазиновъ выдается алеуту за добытый мѣхъ известное число товара. *«Отъ этого часто случается»* пишетъ Головинъ, *«что алеутъ проситъ чаю, а ему даютъ одьяло; проситъ красного миткалаю, а ему даютъ синяго; проситъ муки, а ему предлагаютъ сапожный товаръ.»* Охотнѣе всего алеуты готовы вымѣнивать мѣха на хлѣбъ, но хлѣба имъ не даютъ. Сами алеуты рассказывали ревизовавшимъ чиновникамъ: «просимъ, просимъ хлѣба — не даютъ, говорятъ, что нѣтъ; заплачемъ иногда, да и уйдемъ домой...»

Компанія не выдаетъ алеутамъ хлѣба за мѣха подъ тѣмъ предлогомъ, что по уставу ей вменяется въ обязанность *«противодѣйствовать распространенію между алеутами роскоши, т. е. употребленію хлѣба»*; на самомъ же дѣлѣ она руководствуется простымъ желаніемъ получить съ несчастнаго алеута возможно большій барышъ. Мы видѣли, что на мукъ компанія получаетъ небольшой барышъ, тогда какъ къ дѣйствительной стоимости всѣхъ остальныхъ товаровъ она офиціально прибавляетъ 77%. Отсюда получаютъ слѣдующіе любопытные выводы: за лучшаго соболя по таксѣ алеутъ можетъ получить изъ компанейскаго магазина товару на 50 в. ассени на 14 $\frac{1}{2}$ коп. сер. Но такъ какъ компанія присчитываетъ 77%

къ дѣйствительной стоимости товара, то и выходитъ, что за *лучшаго соболя алеутъ получаетъ товару на четыре съ половиною коп. сер.* За *мѣхъ чернобурой лисицы* алеутъ можетъ получить товару изъ компанейскихъ магазиновъ на 9 руб. асс. т. е. не можетъ получить даже пары сапогъ, которые продаются въ компанейскихъ магазинахъ по 10 руб. за пару...

Какъ слишкомъ дешево платитъ компанія алеутамъ за ихъ мѣха, такъ слишкомъ высоко цѣнить свои собственные товары, продаваемые въ магазинахъ. Вотъ цѣны на продукты, которые наиболѣе покупаются туземцами: *миткаль* 1 арш.—90 к. *платки бумажные*—24 руб. *дюжина, ситець* арш.—1 руб; *сукно* арш. отъ 12 до 20 руб; *драдедамъ алый аршинъ*—9 руб. *флинель*— 4 руб. *шолки тысяча*— 20 руб. *чай простой* 1 фун. — 5 руб; *Сахаръ* за пудъ — 30 руб., *патока* пудъ — 12 руб., *топоръ* — 5 руб. и т. д.

По единодушному отзыву Костливцова и Головина, всѣ товары, продаваемые въ компанейскихъ магазинахъ, кромѣ страшной дороговизны, отличаются самымъ дурнымъ качествомъ. Бумажная, никуда не годная рубаха, стоящая въ Россіи не болѣе 60 коп., въ компанейскихъ магазинахъ продается по 6 руб. Сапоги, которые действительно никуда не годятся и едва могутъ прослужить нѣсколько дней, продаются по 10 руб. за пару. «Готовое платье и обувь для простаго народа» говоритъ въ своемъ отчетѣ Костливцовъ, «дурнымъ качествомъ своимъ превышаютъ всякое вѣроятіе такъ, что *сапоговъ достаетъ лишь на нѣсколько дней*, а суконнаго платья не болѣе какъ по два мѣсяца. Шить новое суконное платье изъ матеріаловъ, купленныхъ въ компанейскихъ магазинахъ, рабочій не въ состояніи, потому что по дороговизнѣ сукна и работы платье обойдется вдвое дороже привезеннаго.

Вотъ тутъ то, т. е. въ дурномъ качествѣ товаровъ, отпускаемыхъ изъ компанейскихъ магазиновъ, заключается главная причина, почему колоніи совершенно перестали мѣнять на компанейскіе товары добываемыхъ ими бобровъ, такъ что въ послѣдніе десять лѣтъ у колошей не было вымѣнено ни одного бобра. Компанія въ своихъ отчетахъ горько жалуется на такое печальное для ея кармана положеніе дѣлъ и краснорѣчиво доказываетъ необходимость содѣйствія правительства ея видамъ. Въ концѣ концовъ она доказываетъ, что

правительство должно выслать **цѣлый флотъ** въ колоніи для пресерства, что бы лишить колошей возможности **вытѣнчивать** свои товары тѣмъ, кто съ ними честно расплачивается. Но очевидно, что колоши не могутъ питать особенно **нѣжныхъ чувствъ** къ иностранцамъ, собственно въ нину русскимъ и что если они пренебрали съ послѣдними всякія торговыя сношенія, то сдѣлали это потому, что компанія расплачивается съ ними за дорогіе **иѣха** всякою дрянью, которая ей самой ни къ чему не пригодна.

Надо отдать справедливость, что подобный **недобросовѣстный** пріемъ, вообще говоря, совершенно въ характерѣ русской промышленности: съ большими или меньшими вариациями онъ повторяется у насъ на каждомъ шагу. Также точно какъ американская компанія поступала въ отношеніи колошей, поступаютъ сибиряки въ отношеніи тунгусовъ. Приноситъ напр. тунгусъ сибиряку **звѣриную шкуру** и проситъ за нее 25 руб., тогда какъ шкура стоитъ не болѣе 10 рублей. Сибирякъ не торгуется, беретъ шкуру и выдаетъ тунгусу товаръ, который тотъ жаждетъ получить, но при этомъ **иѣнить** свой товаръ такъ, что покрываетъ съ лихвою переданное за шкуру, да еще и обмѣривъ на сколько возможно. Все дѣло такимъ образомъ состоитъ только въ **веселой игрѣ словъ**...

На этомъ мы можемъ покончить нашъ обзоръ **шестидесятилѣтней** дѣятельности Американской компаніи. При удобномъ случаѣ мы оставляемъ себѣ право поговорить съ читателемъ о многихъ другихъ сторонахъ административной и промышленной дѣятельности компаніи, разобратъ тѣ упреки, которые слышатся противъ компаніи со всѣхъ сторонъ, какъ напр., весьма серьезные упреки въ томъ, что компанія заманиваетъ **пріятными общаніями** къ себѣ на службу въ колоніи русскихъ, а потомъ всякаго рода притѣсненіями и начетами старается запутать дѣла каждаго до того, что подъ предлогомъ долговъ, задерживаетъ ихъ въ колоніяхъ навсегда и бѣдняги умираютъ одиноко вдали отъ «**родины святой**»...

Мы имѣли въ виду главнымъ образомъ указать только: какъ выполнила компанія свои обязательства въ отношеніи **колоніальныхъ туземцевъ**, которые своимъ тяжкимъ трудомъ обогащаютъ компанію, даютъ ей возможность благоденствовать и пользоваться на трудовые копѣйки алеутовъ самыми веселыми, самыми шаловливыми **плодами** современной цивилизаціи. Послѣ всего сказаннаго читателю должно

быть понятно ненормальное уменьшеніе алеутскаго племени и опасеніе, что русскія колоніи останутся наконецъ совершенно безлюдными. Самое полное, самое тяжкое рабство, деморализація семейной жизни, холодныя, сырыя, вонючія жилища, голодъ, пища состоящая изъ ракушекъ и разной морской падали, сушь изъ моржевыхъ ремней, сваренныхъ въ морской водѣ — всё эти условія и множество другихъ имъ подобныхъ, очевидно не могутъ благопріятствовать размноженію алеутскаго племени. Но за то эти же условія дали возможность компаніи ежегодно награждать своихъ акціонеровъ сравнительно большими дивидендами и въ свою очередь получать отъ послѣднихъ благодарность за просвѣщенную и полезную дѣятельность.

Дивидендъ дѣйствительно былъ выданъ акціонерамъ весьма значительный: въ двадцатилѣтней сложности выдано всего на каждую акцію, стоющую 150 руб. сер. по 337 руб. сер. Представляемъ только при этомъ слѣдующее соображеніе: не смотря на то, что основной капиталъ компаніи увеличился до 660,544 руб., а экстренный капиталъ до 737,745 р. с. и что слѣдовательно на каждую акцію приходится по 336 руб.,—не смотря на все это акціи американской компаніи стоятъ въ очень низкой цѣнѣ такъ, что покупатели даютъ за акціи дешевле ихъ первоначальной стоимости т. е. дешевле 150 руб. сер.

Оптимистъ пожалуй на основаніи этого начнетъ предаваться наименѣе пріятнѣйшимъ соображеніямъ о томъ, что наконецъ русское общество развилось до того, что начинаетъ относиться съ неудовольствіемъ къ такой дѣятельности, не хочетъ имѣть никакой солидарности съ подобною компаніею и т. д. и т. д. Но оптимистъ очень горько ошибается. Причина, почему акціи американской компаніи стоятъ такъ низко, заключается главнымъ образомъ въ неурядицѣ и безтолковщинѣ, которыя характеризуютъ торговые обороты компаніи и о которыхъ мы поговоримъ когда нибудь подробнѣе.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 7-му.

- Въ *Укр. Псебайсков. Въ библиотеку 75 пълотнаго Севастопольскаго полка.* На письмо отъ 1-го юля за № 13, Редакція имѣетъ честь увѣдомить, что подписки на имя означенной библиотеки вовсе не поступало, — и только послѣ двукратной просьбы книжный магазинъ Битепажа и Калугина доставилъ подписку на 2 экз. Р. С. для вышеозначенной библиотеки *въ перыхъ числахъ юля.* Послѣ чего книжки немедленно отправлены въ Газет. Эксп.
- *г. Ростовъ, Вл. Вик. Хомутову.* На письмо ваше отъ 27 юля, Редакція честь имѣетъ отвѣчать, что подписка на имя ваше изъ книжнаго магазина г. Черевина доставлена была въ Редакцію только *въ концѣ прошлаго юля.* Послѣ того книжки „Рус. Слова“ немедленно сданы въ Газетя. Экспедицію.
- — *Зміевъ, г. Ши. Смотр. Уѣзднаго училища.* Отвѣтъ на вашу жалобу былъ уже сдѣланъ въ отвѣтномъ листкѣ при 6-мъ № Рус. Слова. Теперь остается повторить то же самое: по жалобѣ вашей сдѣлано немедленно сношеніе съ Газет. Экспедиціею, въ которой получено увѣдомленіе, что въ библиотеку зміевского училища посланы №№ 1 и 2 — апрѣля 12-го, а № 5-й — юля 2-го. Но почему не доставлены книжки по своему назначенію, объ этомъ вторично сообщено Почтовому вѣдомству.
- *кр. Новогоріевскую, г. Гилденеру.* Жалоба ваша о неполученіи книжки за май мѣсяць сообщена была въ Газетную Экспедицію, и получена отвѣтъ, что № 5-й посланъ вамъ 2-го юля при описи на Варшаву за № 1-мъ.
- *Иркутскъ, г. Помомареву.* Жалоба ваша о неполученіи № 2 и 4, сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила что № 2 посланъ вамъ марта 25, за № 74, а № 4 — юня 1-го, за № 77.
- *Ярославль, Г-жѣ Новицкой.* Жалоба ваша о неполученіи январской, февральской, мартовской и апрѣльской кн. сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что №№ 1—4 посланы вамъ 6 юня.
- *Саратовъ, г. Прозорову.* Газетная Экспедиція, по сообщенной ей жалобѣ о неполученіи Вами «Русскаго Слова» съ марта мѣсяца, увѣдомила Редакцію, что № 3-й посланъ Вамъ апрѣля 23, за № 55, № 4-й —

іюня 4-го, за № 56, № 6-й — іюля 2-го, за № 57, и № 6-й—іюля 31, за № 57.

- *Шарлацкую ст.*, г. *Высоцкому*. Жалоба ваша о неполученіи апрѣльской книжки сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 4-й посланъ вамъ 4-го іюня, въ тѣжъ за № 65.
- *Москву*, г-жѣ *Мироновой*. На жалобу вашу о неполученіи майской кн. Газетная Экспедиція уведомила, что № 5 посланъ вамъ іюня 30.
- *Онегу*, г. Штат. Смотрителю Онежскаго уѣзднаго училища. № 3-й былъ сданъ своевременно въ Газетную Экспедицію, но вѣроятно затерянъ, и посылается вамъ *вторично*.
- *Смоленскъ*, г-жѣ *Шоловой*. По отзыву Газетной Экспедиціи книжки «Рус. Слова» за прошлый годъ (1 — 10 №.) 1863 г. посланы Вамъ ноября 27.

О получении денегъ въ главной конторѣ «Русскаго Слова» отъ гг. подписчиковъ, просившихъ уведомленія.

Отъ Симбирскаго Собранія Соединеннаго Общества 14 р. за 1 экземпляръ.
Изъ Управленія Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора 65 р. за майскую треть.

Отъ Штат. Смотрителя Каневскаго Уѣзднаго училища 14 р за 1 экзем.

— *Г. Юкельзонъ*, изъ Радомысля, 7 р. за 2-е полугодіе.

— *Г. Аристова*, изъ г. Остроленко, 10 р., изъ коихъ 7 р. за 2-е полугодіе, 2 р. 50 к. за посланныя вторично №№ 8 и 9 1863 г., а 50 к. къ подпискѣ на будущій годъ.

Въ г. *Одессу*. Получено письмо, въ которомъ по случаю отъѣзда г. подписчика за границу, просятъ высылать книжки въ Кишеневъ, на имя полковника Пиленки; но имя прежняго подписчика такъ подписано, что нѣтъ никакой возможности разобрать его. По этому Главная контора не знаетъ, отъ кого получена просьба высылать книжки на имя Полковника Пиленки, и до разъясненія этого, не можетъ распорядиться высылкой книжекъ „Русскаго Слова“. Просятъ уведомить пояснѣе.

— *Ригу*, г. *Шиллинъ*. По жалобѣ вашей о неполученіи № 5 Газетная, Эксп. уведомила, что № 5-й посланъ Вамъ іюня 30-го.

— *Александрополь*. Въ бібліотеку Кавказскаго Линейнаго 24 бат. Газетная Экспедиція уведомила, что № 4-й посланъ былъ въ бібліотеку 28 мая, а № 5-й—іюля 2-го.

— *Нерчинскій заводъ*, г. *Заблоцкому*. Жалоба ваша о неполученіи № 2-го «Русскаго Слова» сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 2-й посланъ вамъ 25 марта, на Иркутскъ, з № 74.

- *Въ Балазукскую ст., г. Гирсееу.* Жалоба ваша о неполученіи №№ 11 и 12 1863 г., а равно № 5-го сего года, г-жею Башеновою сообщена въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ; по полученіи вы будете немедленно удовлетворены.
 - *Ольгомоль, г. Московскѣ.* О неполученіи вами № 4 „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію и полученъ отвѣтъ, что № 4-й посланъ вамъ 1-го іюня, въ томъ на Житомиръ, за № 29.
 - *Росевъ, г-жа Намилова.* Жалоба Ваша о неполученіи № 1-го сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что означенный № журнала «Русскаго Слова» слѣдовалъ съ почтою, разграбленною 29 февраля, почему № 1-й посланъ Редакцію Вамъ *сторично*, 28-го іюля.
-

СОДЕРЖАНІЕ ПОЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- ПРОГРЕССЪ ВЪ МИРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕ-
НИЙ. (Статья четвертая) Д. И. Писаревъ.
- ВПНОВАТА-ЛИ ОНА? (Романъ Ант. Троллопа).
- ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ
БРАТСТВАХЪ Л. Бранди.
- О СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКѢ ВЪ РОССИИ . . . М. А. Филипповъ.
- ГОСПОЖА РОМАНЪ П. И. Вейнбергъ.
- ВЪ ГОСТЯХЪ У БАБУШКИ. (Повѣсть) . . . Волосовъ.
- БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНІЕ (Губерскія леген-
ды) Н. Федоровичъ.
- ДЕНЬСЯ ДЮВАЛЬ. (Романъ Тэжера. Оконча-
ше).
- СЛЕЗЫ МАТЕРИ. (Стихотвореніе) В. Щиглевъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НАШИХЪ ГОРО-
ДОВЪ. (Экономическое состояніе город-
скихъ поселеній Европейской Россіи въ
1861—62 г. Спб. 1863 г. въ 2 то-
махъ.) Н. В. Шенгуновъ.

- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Г. Б.

Т. Гексли. О причинахъ явленій въ органической природѣ. Шесть лекцій, читанныхъ рабочимъ въ Музеѣ практической геологіи въ Лондонѣ. Спб. 1864. Русская книжка И. Худякова. Изд. Ф. И. Вакста Спб. 1863 г. Исторія среднихъ вѣковъ въ ся писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Т. 2. Спб. 1864 г. Прогулка молодыхъ боеровъ. Сочинъ капитана Майнъ-Рида. Перев. подъ редакцію Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества общественной пользы. Спб. 1864 г.

Апраксинцы. Сцены и очерки. Допожарная эпоха Л. А. Лейкина. Изданіе исправленное и дополненное. Спб. 1864. Разсказы И. С. Гейслера, просмотрѣнные и допол-

ненные. Изд. Пашпа. Гаванскіе чинов-
ники. — Куллербергъ. Спб. 1865 Н. Б.
Письмо въ редакцію Н. Альбертини.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА Жакъ Лефрежъ.
АНГЛІЯ. Вліяніе пораженій, испытанныхъ Англіею на политическомъ по-
прищѣ, на ея виѣшнюю политику и внутреннюю конституцію. — Появ-
ніе партій будущности въ нѣдрахъ англійскаго народа. — Банкетъ лорда мѣра. —
Движеніе торговли Великобританіи въ продолженіи первыхъ шести мѣсяцевъ
1864 года. — **ГЕРМАНИЯ.** Бонапартистская политика государственнаго пере-
ворота, передѣланная на прусскій ладъ. — Всеобщая инстинктивная. — Рейд-
сбургское дѣло. — Протесты противъ Пруссіи. — **ФРАНЦІЯ.** Политика инер-
ции. — Выдѣлы на приобрѣтеніе рейнскихъ земель. — Устройство Алжиріи. — Про-
цессъ тринадцати. — **ИТАЛІЯ.** Судъ надъ господиномъ Бастоджи. — Пред-
полагаемое нападеніе на Венецію. — Брестовый походъ въ Римѣ противъ
французскихъ выѣсковъ. — **БЕЛЬГІЯ.** Избирательная борьба. — **МЕКСИКА.**
Затруднительное положеніе новаго мексиканскаго императора. — **СОЕДИНЕН-
НЫЕ ШТАТЫ.** Гравительскіе набѣги сепаратистскихъ войскъ на Мериландъ
и Пенсильванію. — Опасность, угрожающая столицѣ южной конфедераціи. —
Пораженіе сепаратистовъ при Атлантѣ. — Планъ ихъ лишить Линкольна по-
пулярности. — Сравненіе федеральныхъ штатовъ съ матежными въ военномъ
и финансовомъ отношеніяхъ.

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

Окончаніе двадцатилѣтней привилегіи Россійско американской компаніи. — Об-
зоръ шестидесятилѣтней дѣятельности ея. — Занятіе алеутскихъ острововъ. —
Подвиги Шелехова. — Привилегіи и монополіи компаніи. — Управление ея
надъ туземцами. — Вліяніе компанейской администраціи на характеръ и образъ
жизни алеутовъ. — Чѣмъ были они прежде и что такое теперь? — Общія
владѣнія алеутовъ въ экономическомъ и въ семейномъ быту. — Уставъ ко-
паніи. — Положеніе алеутовъ въ административномъ и торговомъ отноше-
ніяхъ. — Сваженіе алеутовъ необходимыми предметами продовольствія, и
цѣны этихъ предметовъ. — Хлѣбъ по уставу компаніи отнесетъ къ предметамъ
роскоши. — Истребленіе населенія и пушныхъ звѣрей. — Вѣроятность будущей
судьбы этого края.